

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII,

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1895.

Дозволено цензурою. Киевъ, 2 Января 1895 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ XLVIII, 1895 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КИСТЬКОВСКІЙ. (Біографіческий очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографії его). В. Науменка.	1—43
II. ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЬКОВСКАГО. 44—63	218—233
III. ТРУДЫ А. Ф. КИСТЬКОВСКАГО ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ И ОБЫЧНАГО ПРАВА. И. Лучицкаго	64—87
IV. А. Ф. КИСТЬКОВСКІЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ. И. Фойницкаго.	88—102
V. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Бытовой очеркъ). С. П.	103—119
VI. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ. (Продолженіе) 120—138	371—384
VII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА	139—141
VIII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Г. ЧЕСТАХОВСКАГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ	142—144
IX. УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРДА. Д. И. Багалъя. 145—169	265—294
X. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРОУССКОЙ СТАРИНЫ. (А. И. Мартосъ). Ал. Лазаревскаго. (Продолженіе).	170—194
XI. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. Н. Ф. Сумцова.	195—206
XII. КОЛЯДКИ РЕЛИГІОЗНО-АПОКРІФІЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ. Хр. Ящуржинскаго.	207—217

II

стр.

XIV КЪ ЮЖНОРУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ. (Материалы по этнографии южноруссовъ). Б. Быстрова.	234—256
XV. ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ КОНИССКАГО. (Съ портретомъ). П. Житецкаго.	257—264
XVI. СТАРИННЫЙ ПРОЕКТЪ ЗАСЕЛЕНІЯ УКРАИНЫ (1590 г.). Переводъ съ польского, съ предисловиемъ А. С.	295—341
XVII. СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ.	342—370
XVIII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФІИ ГРАФА П. А. РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.	384—404
XIX. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНИЯ ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ. (Изъ яготинского архива князя Н. В. Репнина). Сообщ. Н. С.	405—417

ОГДѢЛЪ II-й.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Отчетъ гласного отъ крестьянъ о первомъ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, 1865 г. Сообщ. А. Лотоцкій. б) Нѣчто о древніихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Василевки, Полтавской губерніи, Хорольского уѣзда. в) Случай изъ губернской жизни. Д. Н. В—скаго. г) Рождественская вирша въ рукописи XVII вѣка. Сообщалъ О. Л. д) Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII в. е) Отъ правлевія Кіевскаго Общества Грамотности. ж) Два неизданыя письма Т. Г. Шевченка. з) Письмо Т. Г. Шевченка. и) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Сообщ. Левъ Мацѣевичъ. і) Письмо въ редакцію Ал. Маркевича. к) Для чего и въ какой обставокѣ прѣбажаль кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году. А. Л. л) «Листъ» печерскаго архимандрита Ианокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ ильиника. Сообщ. А. Л. м) Свидѣтельство современника о Наливайкѣ. Сообщ. Е. К. н) Святочнай народной драма «Троицъ». В. Ястrebова. о) Сказка о котофеѣ. Ф. Нудринскаго. п) Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ. А. Л. р) Молитва въ память уманской рѣзни и письмо, касающееся того-же события. И. Галантъ. с) Угроза генерала-губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовскаго жителямъ м. Смѣлого (роменск. у.) за ослушаніе 1811 г. Сообщ. Н. С. т) Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ полтавской и черниговской въ 1835 году. Сообщ. Н. С. у) Гдѣ изготавлялись для малороссийскихъ казаковъ

III

стр.

ружья въ подсв. XVIII в. ф) По поводу стихотворения «Хома та Ярема» М. Комарова. х) Труды студентовъ Киевской духовной академіи по южно-русской исторіи за 1893--94 г.
ц) Поправка къ ст. Н. Ф. Сумцова «Соврем. этнографія».
1—19 43—66

91—102

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Матеріали по археології Россії, издав. Импер. Археол. Комиссією № 18. Древности Южной Россіи — курганъ Карагодеуашъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Дави-левскаго и В. Мальберга. В. Ястrebова. б) Отчетъ Импер. Археологической Комміссіи за 1892 годъ. В. Ястrebова.
в) Старинна исторія Галичини. Написавъ Омелянъ Партицкій Томъ першій. (Відъ VII-го віку перед Христом до року 110 по Христу). У Львові Фра Моріель. г) Труды съезда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ. Н. М.
д) Труды первого съезда врачей Киевской губерніи, происходившаго съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ въ г. Киевѣ въ 1893 г. Н. М. е) Очерки исторіи литовско-русского права. Образованіе территоріи литовскаго государства. Ф. И. Леоновича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Н. В. ж) М. К. Любавскій. Жъ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управлениі въ Литовско-русскомъ государствѣ (Жур. М.-ва Нар. Просв. 1894) Н. В. з) В. Сергеевичъ. Русскія юридическія древности. т. I. Территорія и населеніе. Н. В. и) Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комміссіи. і) Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Приложеніе къ біографії князя А. К. Разумовскаго. к) Киево-Братскій уничижный монастырь. Исторический очеркъ. Н. Мухина. Ф. Титова. л) Археологическая Извѣстія и Замѣтки, издаваемыя Импер. Московскимъ Археологич. Обществомъ подъ ред. дѣйств. чл. А. В. Орѣшникова. В. Ястrebова. м) О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Україну отъ польской неволи. И. Слѣпушкина. И. Каманина. н) Dr. G. Radde und E. König. Das Ostufer des Pontus und seine culturelle Entwicklung im Verlaufe der letzten dreissig Jahre. В. Ц. о) Живописная Україна. Н. Ш. п) Журнальное обозрѣніе. р) I) Архивъ Юго-Западной Россія часть 8. т. I. Матеріали для исторіи мѣстного управлениі въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барскаго староства XV—XVI в. 2) — Часть 8, т. II. Акты Барскаго староства

IV

ОРТ.

XVII—XVIII в. 3) М. Грушевский Барское старство. Исторические очерки. Н. М. р) Н. А. Карышевъ. Русская фабрично-заводская промышленность. С. Ч—го. с) Этнографическое Обозрѣніе. Изд. этнogr. отд. Импер. общ. любит. естеств. антроп. и этнографіп подъ ред., Н. А. Янчука. В. Ястrebова. т) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. VIII. А. Л. у) Какъ высохла наша степь А. А. Измаильского. А. Л. ф) Чтенія въ историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга VIII. Изд. подъ ред. И. В. Владимирова. Е. К. 20—42 67—88	103—136
Ш. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья (33—48 49—64 65—80).	
2) Любецкій Архивъ. (1—16, 17—32).	
3) Портретъ А. Ф. Кистяковскаго.	
4) Портретъ Г. С. Сквороды.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ. 1—42 1—34	1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КИСТЬКОВСКІЙ. (Біографіческій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографії его). В. Науменко.	СТР.
	1—43
II. ВОСНОВАННЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЬКОВСКАГО.	44—63
III. ТРУДЫ А. Ф. КИСТЬКОВСКАГО ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ И ОБЫЧНАГО ПРАВА. И. Лучицкаго	64—87
IV. А. Ф. КИСТЬКОВСКИЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ. И. Фойницкаго.	88—102
V. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Бытовой очеркъ). С. П.	103—119
VI. ДѢТСКІЙ ЭДЕНЬ ДО ВЖУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенского мальчика). М. Щ. (Продолжение)	120—138

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) «Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ» о первомъ Черниговскомъ губернскомъ земскоіи собраниі, 1865 г. Сообщ. А. Лотоцкій. б) Нѣчто о древніхъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Василевки, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда. в) Случай изъ губернскай жизни. Д. К. В—скаго. г) Рождественская вирша въ рукописи XVII вѣка. Сообщилъ О. Л. д) Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII в. е) Отъ правленія Кіевскаго Общества Грамотности.	1—19
II. БІБЛІОГРАФІЯ. а) Материалы по археології Россіи, издав. Импер. Археолог. Комиссіею № 18. Древности Южной Россіи—курганъ Карагодеушашъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальберга. В. Ястребова. б) Отчетъ Импер. Археологической Комиссіи за 1892 годъ. В. Ястребова. в) Старина исторія Галичини. Написавъ Омелянъ Партицкій Томъ першій. (Відъ VII-го віку перед Христом до року 110 по Христу). У Львови. Фра Моріель. г) Труды съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ. Н. М. д) Труды первого съѣзда врачей Кіевской губерніи, проходившаго съ разрѣшеніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ въ г. Кіевѣ въ 1893 г. Н. М. е) Очерки исторіи літовско-русскаго права. Образованіе территоріи літовскаго государства. Ф. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Н. В. ж) М. К. Любавскій. Жъ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управлениіи въ Літовско-руssкомъ государствѣ (Жур. М.-ва Нар. Просв. 1894) Н. В.	20—42
III. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (33—48).	
2) Портретъ А. Ф. Кистяковскаго.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—42

ПАМЯТИ
Александра Федоровича
НИСТЬКОВСКАГО.

(Род. 14 марта 1833 г., ум. 13 янв. 1885 г.).

ОТДѢЛЪ I.

A. Кібальчич

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КИСТЯКОВСКІЙ.

(Біографіческий очеркъ, съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его).

Приступая къ изложению фактовъ изъ біографіи *Александра Федоровича Кистяковского*, мы считаемъ самымъ умѣстнымъ начать съ его автобіографической записки, любезно предоставленной въ наше распоряженіе вдовой покойнаго. Эта записка была приготовлена Александромъ Федоровичемъ въ 1884 году для Біографического словаря, вышедшаго въ свѣтъ ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Университета св. Владимира. Но начавъ свою автобіографію въ довольно пространномъ изложеніи, А. Ф—чъ измѣнилъ потомъ свое намѣреніе и ограничился только краткой біографической справкой, которая и напечатана въ этомъ словарѣ; начатая же рукопись, къ сожалѣнію, такъ и осталась незаконченна. Этюю цѣлью составленія автобіографіи объясняется и форма ея: идетъ рѣчь вездѣ не отъ первого лица, а говорится объ А. Ф. Кистяковскомъ, какъ о третьемъ лицѣ, составляющемъ только предметъ изложения. Помимо того интереса, который можетъ представить этотъ автобіографіческий отрывокъ со стороны своего содержанія, затрагивающаго особенно подробно семинарскій periodъ въ жизни А. Ф—ча, мы печатаемъ его еще и потому, что считаемъ невидавшее печати слово незабвенного Александра Федоровича Кистяковского укращеніемъ страницъ той книги, которая посвящается его памяти.

I отд.

Автобіографіческій отрывокъ.

Кистяковскій Александръ Федоровичъ, докторъ уголовнаго права, ординарный профессоръ по каѳедрѣ уголовнаго права, родился 14 марта 1833 г. Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, въ селѣ Городищѣ. Отецъ его былъ священникомъ въ этой деревнѣ, а съ 1843 по 1868 г. и благочиннымъ одного изъ округовъ Сосницкаго уѣзда. Образованіе получиль: низшее въ Черниговскомъ духовномъ училищѣ; среднее въ Черниговской духовной семинаріи, въ которую онъ поступилъ въ 1847 г. Въ семинаріи съ шестого класса онъ получалъ средства содержаніемъ ученической квартиры и обученіемъ учениковъ низшихъ классовъ. Въ Черниговской семинаріи, старѣйшей изъ всѣхъ семинарій Россіи послѣ духовныхъ академій, основанной въ 1702 г. архіепископомъ Ioannomъ Maximовичемъ, изстари повелся обычай, въ силу котораго ученики духовнаго училища ввѣрялись надзору и обученію учениковъ старшихъ классовъ семинаріи—шестого класса или философіи, и седьмого класса или богословія, выражаясь семинарскою терминологією. Лучшіе и благонадежнѣйшіе ученики этихъ двухъ классовъ, получивъ разрѣшеніе отъ смотрителя духовныхъ училищъ на право обученія учениковъ, нанимали квартиру въ частномъ домѣ для помѣщенія, содержанія и обученія учениковъ. Такіе содержатели и репетиторы учениковъ носили званіе инспекторовъ. Ежегодно въ концѣ августа и началѣ сентября, когда съѣзжались ученики, родители ихъ являлись къ такимъ инспекторамъ, осматривали квартиру, договаривались на счетъ денежнаго и натурального довольствія и платы за інспекцію и обученіе. Ходячія условія такого содержанія и довольствія были въ тѣ времена таковы: доставлялось натурою 12 пуд. муки ржаной, пудъ муки гречневой, пудъ гречневыхъ крупъ или пшена, 20 или 25 фунтовъ сала, 5 фун. масла, 5 фун. свѣчей, нѣсколько квартъ коноплянаго масла. Деньгами платилось въ годъ: отъ 5 до 7 руб. за квартиру, отъ 5 до 7 руб. на приварокъ, какъ то: говядину, картофель, капусту и прочее, и отъ 5 до 7 руб. за інспекцію и обученіе. Такой инспекторъ былъ хозяиномъ квартиры, рас-

порядителемъ хозяйственной части, надзирателемъ за поведеніемъ учениковъ и репетиторомъ ихъ. Съ вечера онъ дѣлалъ съ ними переводы съ латинскаго и греческаго, передѣлывалъ ариѳметическія задачи. Утромъ очень рано отправлялся съ корзиною на рынокъ за покупкою продуктовъ. Возвратившись съ рынка, выслушивалъ и повѣрялъ уроки учениковъ. Выправивши ихъ въ классы, онъ отправлялся въ амбаръ, бывшій подъ его замкомъ, выдавалъ провизію, какъ купленную, такъ и доставленную въ запасъ родителями учениковъ. Послѣ сего самъ отправлялся въ классъ. Послѣ обѣда ученикамъ самыхъ низшихъ классовъ разлинеивалъ тетради и чинилъ перья, такъ какъ послѣ обѣденные классы въ уѣздномъ училищѣ посвящались исключительно урокамъ чистописанія и диктовкѣ. Услуженіе во время обѣда и ужина лежало на ученикахъ, которые исполняли эту обязанность по очереди: на каждый день былъ свой дежурный. За такой трудъ инспекторъ воспользовался бесплатно квартирой, даровыемъ содержаніемъ и получалъ за каждого ученика отъ 5 до 7 руб. въ годъ. Пріобрѣтши хорошую репутацію инспектора имѣли на свое попеченіе отъ 12 до 18 учениковъ; родители охотно, на перебой, поручали ихъ надзору своихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобы подобныя занятія были особенно благопріятны для собственныхъ занятій такихъ инспекторовъ. Но нужда и обычай заставляли молодыхъ семинаристовъ браться за эти занятія. Выходило, однакожъ, на дѣлѣ, что эти инспектора большою частію были и лучшими, и даровитѣшими воспитанниками въ семинаріи. Кистяковскій въ теченіе четырехъ лѣтъ занимался такимъ инспекторствомъ.

Въ 1845 г. послѣ архимандрита Адріана, крайне слабаго и малоспособнаго педагога и учителя, ректоромъ Черниговской семинаріи былъ назначенъ архимандритъ Аѳанасій Борисовичъ, одинъ изъ выдающихся воспитанниковъ Киевской Академіи, товарищъ по курсу Дмитрія Муретова, бывшій баккалавромъ и потомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Киевской академіи. Онъ оживилъ и усилилъ занятія учениковъ, улучшилъ дисциплину, открылъ доступъ ученикамъ въ семинарскую библіотеку, установивши регулярную выдачу книгъ для чтенія. Этому по-

ченному педагогу не долго суждено было занимать постъ ректора Черниговской семинарии. Въ 1847 г. онъ умеръ отъ холеры, унесшей много жертвъ. Преемникъ его, архимандритъ Симеонъ, слывшій за свѣтскаго человѣка и вращавшійся среди свѣтскаго общества, не долго оставался на этомъ посту, будучи переведенъ настоятелемъ Донского монастыря въ Москвѣ. Назначенъ былъ ректоромъ въ Черниговской семинарии ректоръ Казанской семинарии Климентъ⁷ Можаровъ, изъ воспитанниковъ С.-Петербургской академіи, бывшій баккалавръ ея и игравшій нѣкоторую роль въ той академіи. Пріѣзду его въ Черниговъ предшествовала слава замѣчательнаго проповѣдника и христіанскаго апостола среди татаръ. Дѣйствительность скоро оправдала молву. Служеніе Клиmenta отличалось торжественностью; каждую обѣдню онъ говорилъ проповѣди, нѣкоторыя изъ нихъ не лишены были жизненности и оригинальности. Въ Черниговѣ онъ посвятилъ свою дѣятельность на обращеніе евреевъ въ христіанство. Онъ повелъ это дѣло довольно рѣшительно. Скоро число обращенныхъ стали считать десятками. Въ этомъ дѣлѣ помогала ему одна дама, которая, какъ гласила молва, изъ Казани послѣдовала за нимъ съ своимъ мужемъ въ Черниговъ изъ уваженія къ его проповѣдническому таланту, величественному от правленію богослуженія и апостольской дѣятельности.

Архимандритъ Климентъ, кромѣ ректорской обязанности, былъ преподавателемъ догматического богословія. Послѣ вакаціи, молодые богословы, только что перешедшіе въ высшій классъ, въ числѣ коихъ былъ и Кистяковскій, ждали ректора на первую лекцію догматического богословія. Величественный и важный, пріѣхавшій въ каретѣ, запряженной четверкою цугомъ памятныхъ для семинаристовъ лошадей, архимандритъ явился въ классъ въ сопровожденіи молодого человѣка, лѣтъ 14—15, еврейскаго происхожденія. Усѣвшісь на каѳедру, онъ началъ рѣчь свою обѣ обязанности каждого посвятившаго себя служенію церкви православной стремиться къ распространенію вѣры христіанской православной среди иновѣровъ, и въ особенности ино родцевъ. Рѣчь свою онъ заключилъ формулою: тотъ у меня не будетъ считаться богословомъ, кто не обратить мнѣ въ право-

славную вѣру по крайней мѣрѣ одного еврея. Обращаясь затѣмъ къ первому ученику, онъ сказалъ: „этого молодого еврея (онъ называлъ его по имени), котораго коснулся лучъ христіанской вѣры, я поручаю твоему попеченію и обученію. Онъ нынѣ еще оглашенній, доведи его до состоянія вѣрующаго“. Дѣятельность нашихъ молодыхъ богослововъ по части обращенія ничѣмъ не обнаружилась. Самъ архимандритъ Климентъ потерпѣлъ на этомъ пути крушеніе. Скоро пошли на него жалобы: его упрекали въ томъ, что онъ употреблялъ для обращенія, особенно малолѣтковъ, неодобрительные способы, при помощи своихъ подручниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность его небыла открытою проповѣдью среди евреевъ, которая, будучи теоретически дозволительна, практически, конечно, была невозможна, а была рядомъ частныхъ темныхъ усилій, которыя во всякомъ случаѣ недозволительны. Архимандритъ Климентъ, вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ, былъ переведенъ ректоромъ Тверской семинаріи и настоятелемъ Отroча монастыря второго класса. Это считалось для него пониженіемъ, такъ какъ онъ до тѣхъ поръ состоялъ настоятелемъ Черниговскаго Елецкаго монастыря первого класса. Съ огорченіемъ сердцемъ онъ оставилъ Черниговъ, хотя по-своему онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что наканунѣ его отѣзда быль привезенъ ему похищенный изъ новообращенныхъ, долго считавшійся погибшимъ. Прощаясь послѣ богослуженія съ паствою, онъ вывелъ этого очень милаго и изящнаго мальчика, покрытаго эпітрахилью, предъ народъ, указывая на его внезапное возвращеніе, какъ на указаніе перста Божія, оправдывающаго его дѣятельность въ сторону обращенія ино-вѣрцевъ.

Подъ вліяніемъ богословскаго курса, Кистаковскій въ первый годъ пребыванія въ богословскомъ классѣ быль въ особено религіозномъ настроеніи. Кроме установленныхъ постовъ, онъ въ одинъ изъ дней недѣли совершенно воздерживался отъ пищи. Въ Черниговѣ существуетъ древнійшій соборъ, постройки XI столѣтія, гдѣ лежать мощи Феодосія Углицкаго. Въ четыре часа ночи совершалась тамъ заутреня, среди обширнаго собора, въ которомъ присутствовали одиночные богоомольцы. Ту-

да-то, подъ живымъ религіознымъ настроеніемъ, приходилъ онъ слушать заутреню и поклониться гробу Феодосія Углицкаго. Это было не формальное исполненіе религіозныхъ обязанностей, а проявленіе религіознаго экстаза, полнаго религіозныхъ грезъ, слезъ умиленія и молитвы. Въ это время онъ проникнуть былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію. Въ концѣ первого года исполнявшій должностіе ректора предложилъ отправить его на казенныи счетъ въ Московскую академію, къ округу которой Черниговская семинарія не принадлежитъ. Это предложеніе не осуществилось, такъ какъ изъ той академіи не послѣдовало требованіе, которое повторялось не каждый курсъ, а изрѣдка. Во второй годъ богословскаго класса Кистяковскій посвященъ былъ въ стихарь, дававшій право занимать низшую церковную должностіе. Въ этотъ же годъ онъ, по назначенію семинарскаго начальства, произнесъ въ Черниговскомъ соборѣ двѣ проповѣди, написанныя на заданныя темы и процензированные профессоромъ богословія.

Въ 1853 г. весной обнаружилась въ Черниговѣ холера. Ученики духовной семинаріи отпущены были по домамъ очень рано, до экзаменовъ. Предположено было произвестіе экзамены послѣ вакацій. Это было въ особенности неблагопріятно для тѣхъ, которые предполагали поступать въ высшія учебныя заведенія—въ духовную академію и университетъ. Эти ждали особаго распоряженія. Около двадцатаго августа послѣдовалъ вызовъ двухъ учениковъ на экзаменъ, чтобы послать ихъ въ Киевскую духовную академію, но въ числѣ ихъ не значился Кистяковскій. Тѣмъ не менѣе онъ пріѣхалъ въ Черниговъ и просилъ семинарское начальство допустить его къ экзамену съ тѣмъ, чтобы поступить въ Киевскую академію по своему желанію. Въ этомъ ему было отказано по причинамъ, которыхъ пока не время разъяснять. Тогда онъ просилъ допустить его къ экзамену для поступленія въ университетъ наравнѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, который уже былъ допущенъ. Отказать въ этомъ было безъ лицепріятія не возможно. Экзаменъ выдержанъ. Черезъ день Кистяковскій вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ отправился на долгихъ въ Киевъ и прибылъ туда 26 августа 1853 года.

При обыкновенномъ течениі университетской жизни такое позднее прибытие въ Киевъ было бы полнымъ пропущеніемъ срока, назначенного для приема въ студенты. Поздній прїездъ былъ и пропущеніемъ времени повѣрочныхъ экзаменовъ, обязательныхъ для каждого поступающаго. Но тутъ помогло одно исключительное обстоятельство: въ Киевъ ждали императора Николая. Университетъ мылся, чистился и красился: вся учебная дѣятельность была пріостановлена. Поздно прїхавшимъ дозволено было подавать прошенія о поступлениі. Въ чи-сло немногихъ попалъ и Кистяковскій. Патріархальное было еще то время. Кистяковскій прїхалъ въ Киевъ, не имѣя ни одного документа. Аттестатъ не могъ быть еще изготовленъ, вслѣдствіе спѣшности отъѣзда послѣ экзамена. Объ увольненіи изъ духовнаго званія не могло быть и рѣчи, такъ какъ о свѣтскомъ званіи до 20 августа не было и мысли. О званіи Кистяковскаго было упомянуто только въ бумагѣ, выданной его товарищу отъ полиціи на проѣздъ. Онъ явился безъ документовъ въ канцелярію попечителя, который тогда завѣдывалъ приемомъ въ студенты. Правитель канцеляріи Лазовъ сказалъ, что въ допущеніи къ экзамену препятствія не будетъ, но окончательное принятие въ студенты послѣдуетъ по представлениі документовъ.

Время съ 27 августа по 11-е сентября было употреблено на скорую руку на приготовленіе къ экзамену. Поступленіе въ университетъ не имѣлось въ виду. Необходимо было пополнить нѣкоторые пробѣлы. Въ семинаріи преподавалась риторика и пінтика, логика и психологія, но словесность не входила въ курсъ преподаванія. Этотъ пробѣлъ былъ нѣсколько восполненъ чтеніемъ, но отрывочныя знанія необходимо было привести въ систему. 11-го, 12-го и 13-го сентября произведены были экзамены запоздавшимъ. Экзаменационная комиссія состояла подъ предсѣдательствомъ ректора Р. Э. Траутфетера. Въ отсутствіе его замѣнялъ его покойный А. И. Селинъ, экзаменовавшій по русскому языку и словесности, по исторіи экзаменовалъ В. Я. Шульгинъ, по географіи Н. Х. Бунге, по математикѣ И. И. Рахманиновъ, по физикѣ профессоръ Кнорръ, по латинскому языку С. С. Гогоцкій, по греческому покойный доцентъ Страш-

кевичъ, по богословію протоіерей Н. М. Скворцевъ, по французскому языку лекторъ. Экзаменъ для Кистяковскаго оказался вполнѣ удовлетворительнымъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ студенгы, Кистяковскій принялъ быть въ квартиру недостаточныхъ студентовъ, или въ такъ называемый *штрафгаузъ*, который помѣщался въ домѣ Березовскаго, гдѣ нынѣ управлениe Лыбедской части. Квартиры недостаточныхъ студентовъ были учреждены Генераль-Губернаторомъ Бибиковымъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Штрафгаузомъ они назывались потому, что генераль Бибиковъ принудительно помѣщалъ туда провинившихся студентовъ изъ богатыхъ фамилій, преимущественно польского происхожденія. Отсюда проистекало то, что они не пользовались въ свое время расположениемъ студентовъ. Дурная репутациа сохранилась за ними и въ 1853 г., когда уже настало управлениe кроткаго и благорасположеннаго въ человѣчеству Генераль-Губернатора князя И. И. Васильчикова, который также, по примѣру своего предшественника, былъ до 1856 г. и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Товарищи Кистяковскаго не совѣтовали ему поступать въ штрафгаузъ. Дешевизна содержанія, удобства помѣщенія и близость университета склонили его послѣдовать своей рѣшимости. Въ то время, подъ вліяніемъ накопившагося предубѣжденія, эти квартиры были заняты менѣе, чѣмъ на половину: было всего 16 человѣкъ. Къ концу года они переполнились; число студентовъ, въ нихъ живущихъ, достигло 45, и желающіе поступить уже стали ожидать очереди. Не смотря на бывшую тогда дешевизну вообще въ сравненіи съ нынѣшнимъ, не смотря на то, что студенты за 3 руб. имѣли хороший обѣдъ у хозяекъ, содержаніе въ квартирѣ недостаточныхъ студентовъ, очень хорошее и очень удобное, было дешевле содержанія на самой бѣдной квартирѣ. За 6 руб. студентъ имѣлъ отличное помѣщеніе, чай утромъ и вечеромъ, очень хороший обѣдъ, прислугу, мойку бѣлья и баню. Жители штрафгауза имѣли чай въ самомъ помѣщеніи, а обѣдъ вмѣстѣ съ казеннокоштными студентами въ главномъ зданіи университета. При штрафгаузѣ состояли: особый буфетчикъ, гарде-

робщикъ и нѣсколько служителей. Комнаты для занятій, за исключениемъ маленькой, гдѣ помѣщались слабогрудые, находились наверху, дортуары, или спальни внизу. Въ этомъ-же зданіи жилъ инспекторъ студентовъ, который имѣлъ пріемный кабинетъ для студентовъ наверху.

Въ концѣ первого года Кистяковскій выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ, каковымъ оставался до окончанія курса, въ послѣднее время съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ раздѣлялся на двѣ половины: медицинскую, занимавшую лѣвую сторону или южную четвертаго этажа, и историко-юридическую, помѣщавшуюся на правой сторонѣ или сѣверной четвертаго этажа главнаго корпуса. Слабогрудые жили на второмъ этажѣ, гдѣ теперь помѣщается казначайская и канцелярія медицинскаго факультета. Комнаты для занятій отданы были отъ общихъ дортуаровъ или спаленъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, равно какъ и квартиры недостаточныхъ студентовъ, были въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ. Они доставляли возможность бѣднѣйшимъ студентамъ получать въ организованномъ и благородномъ видѣ общественное содержаніе и предупреждали развитіе нищеты и нищенства. Они давали возможность и правильнаго надзора за жизнью студентовъ. Многія поколѣнія прошли чрезъ этотъ институтъ. Кіевскій университетъ считается многихъ лучшихъ изъ своихъ воспитанниковъ въ числѣ получавшихъ содержаніе въ этомъ институтѣ. Казеннокоштный студентъ былъ вполнѣ обеспеченъ; ему нечего было думать о завтрашнемъ днѣ; онъ могъ весь предаться занятіямъ наукою. Такъ зачастую и было. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ возникло предубѣженіе противъ этого института,—и онъ былъ упраздненъ въ 1858 г. Въ наше время опять возникла мысль о студенческихъ общежитіяхъ. Для студента время пребыванія въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ было лучшимъ временемъ жизни вообще и студенческой въ частности.

Время поступленія и пребыванія въ университетѣ Кистяковскаго непосредственно слѣдовало за временемъ управлениія генерала Бибикова Кіевскимъ учебнымъ округомъ. О строго-

стахъ этого управлениі ходили свѣжіе разсказы. Исключенія на-всегда изъ университета были рѣдки; чаще практиковались временные высылки студентовъ медицинскаго факультета на должностъ фельдшера, а студентовъ другихъ факультетовъ на должностъ приходскаго учителя. Заключеніе въ карцеръ было еже-дневнымъ явленіемъ: при каждой половинѣ института казенно-коштныхъ студентовъ, на четвертомъ этажѣ главнаго зданія университета, былъ свой карцеръ, состоящій изъ маленькой, свѣтлой и теплой комнаты съ лавкою, безъ постели. Студенты но-сили форменную одежду. Генералъ Бибиковъ былъ строгій блю-ститель формы и внѣшней дисциплины.

Въ 1856 г., по переходѣ на четвертый курсъ, осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Кистяковскій, за нарушеніе, выражавшееся въ словахъ, дисциплины по отношенію къ лицамъ университетской инспекції, былъ удаленъ на время изъ университета и назначенъ учителемъ сначала приходскаго, а затѣмъ, благодаря заступничеству товарищей, уѣзднаго училища въ г. Козелецѣ. Въ Козельцѣ онъ пробылъ до декабря мѣсяца, получая четырнадцать рублей ежемѣсячно жалованья. Изъ Козельца онъ переведенъ былъ въ Киевъ въ Киевское дворянское училище съ окладомъ 18 руб., которое въ то время помѣщалось на Нижне-Владимирской улицѣ въ домѣ бывшемъ Делатомбель. Въ обоихъ училищахъ онъ преподавалъ исторію и географію. Въ генварѣ 1857 г. онъ возвращенъ былъ въ число студентовъ, но не въ институтъ казенно-коштныхъ студентовъ, а съ выдачею ему денежнаго содержанія по 14 руб. въ мѣсяцъ. Эта почетная ссылка служитъ характеристично чертою того патріархальнаго до-браго стараго, хотя и не очень, времени, которое прошло без-возвратно: были другія настроенія, другіе нравы и обычаи. Эта ссылка въ данномъ случаѣ была подражаніемъ ссылкамъ временъ Бибикова: Кистяковскій засталъ въ Козельцѣ еще довольно свѣжія преданія о пребываніи въ близкомъ къ Козельцу Острѣ въ званіи приходскаго учителя М. А. Тулова, бывшаго потомъ по-мощникомъ попечителя Киевскаго учебнаго округа. Покойный Туловъ, будучи студентомъ, тоже былъ ссылаемъ, за двадцать примѣрно лѣтъ предъ 1856 г., въ видѣ взысканія приходскимъ

учителемъ. Кистяковскій былъ сосланъ въ Козелецъ по рѣшенню благороднаго А. Р. Ребиндера, первого, послѣ попечителей Генераль-Губернаторовъ, Киевскаго попечителя, бывшаго потомъ директоромъ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, умершаго въ званіи сенатора въ Москвѣ.

Весной 1857 г. въ апрѣль случилось крупное происшествіе въ Кіевѣ, и главнымъ образомъ въ средѣ студентовъ Киевскаго университета: студенты совершили въ театрѣ насилие надъ личностю полковника Б.¹⁾, нанесши ему жестокіе побои. За годъ предъ тѣмъ начались столкновенія между военными, которыхъ тогда въ Кіевѣ было очень много послѣ возвращенія ихъ съ театра войны, и студентами. Какой духъ вызывалъ эти столкновенія,—это вопросъ пока неразрѣшенный. Почему же частные столкновенія между нѣсколькими военными и нѣсколькими студентами волновали все кіевское студенчество, это слѣдуетъ приписать корпоративному духу, господствовавшему тогда между студентами: въ особенности тѣсно сплочены были студенты польского происхожденія; казенномоштные студенты были также близки другъ къ другу. Уже столкновеніе, бывшее за годъ предъ тѣмъ и кончившееся смертю студента, довело взволнованное состояніе до значительной степени: были приняты мѣры, чтобы смягчить враждебное настроеніе. Говорили, что самъ князь Васильчиковъ посыпалъ больного студента, лежавшаго въ клинике. Тѣмъ не менѣе настроеніе студентовъ было таково, что новое столкновеніе, и менѣшей важности, могло поднять бурю. Такъ оно и случилось. Казенномоштные студенты пятаго курса переселялись въ особо нанятую для нихъ на Печерскѣй квартиру съ тѣмъ, чтобы приблизить ихъ помѣщеніе къ госпиталю, который они должны были ежедневно посещать не одинъ разъ. Одинъ изъ этихъ студентовъ, по имени Яроцкій, шелъ по улицѣ. На встрѣчу ему бѣжала собака, которую онъ ударилъ, безъ вины или по винѣ ея—неизвѣстно. Шедшій вслѣдъ за нею полковникъ Б. набросился на студента Яроцкаго съ бранью, позвалъ недалеко стоявшихъ около его квартиры дворниковъ и служителей,

¹⁾ Бринкена.

которые его схватили, тащили и вообще учинили надъ нимъ на-
силие. Студенчество взволновалось. Утромъ явился одинъ изъ
студентовъ пятаго курса къ Кистяковскому, приглашая прійти
на Печерскъ, для совѣщанія. На совѣщаніи довольно немногого-
численнаго кружка студентовъ Кистяковскій настаивалъ на ле-
гальномъ способѣ веденія дѣла, на подачѣ жалобы своему на-
чальству о заступничествѣ и удовлетвореніи за обиды. Кружокъ
согласился и поручилъ ему написать жалобу, которая того же
дня была готова. Но въ ней не оказалось нужды: черезъ день
совершено было насилие—нанесены были полковнику Б. побои
въ театрѣ. Собралось около 300 студентовъ вокругъ театра; нѣ-
сколько человѣкъ изъ нихъ, почти исключительно студенты ме-
дики пятаго курса, ближайшиe товарищи оскорбленнаго, явились
исполнителями этого насилия. Это событіе было совершенно не-
ожиданно для Кистяковскаго. Въ ту же ночь очень поздно попе-
читель Ребиндеръ посыпалъ помѣщенія казеннокоштныхъ сту-
дентовъ, большинство которыхъ находилось уже въ спальняхъ.
На другой день пошли розыски и аресты: главные дѣятели были
всѣ арестованы. Скоро по Высочайшему повелѣнію присланъ
былъ специальный слѣдователь, молодой флигель-адъютантъ,
графъ Бобринскій. Замѣчательно, что общественное мнѣніе от-
неслось очень снисходительно, если не къ поступку студентовъ,
то къ нимъ самимъ: арестованнымъ былъ произведенъ оконча-
тельный экзаменъ въ казематахъ крѣпости. Это не могло бы про-
изойти при другой настроенности умовъ, какъ въ обществѣ, такъ
и въ правящихъ сферахъ. По приговору комиссіи исполнители
насилия были приговорены къ отдачѣ въ солдаты. Приговоръ
ожидалъ конфirmaціи государя. 7 октября приѣхалъ покойный
Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Императрицею въ Киевъ.
Чрезъ нѣсколько дней онъ посыпалъ университетъ. Студенты
собраны были въ торжественной залѣ. Покойный Государь, быв-
шій тогда во цвѣтѣ лѣтъ, по приходѣ въ залу обратился къ
студентамъ съ словомъ. Это было слово милостиваго монарха,
который, строго осудивъ поступокъ студентовъ, призывалъ ихъ
на честное и самоотверженное служеніе Россіи. Тогда же сдѣ-
лалось известно, что Государь простиль виновныхъ: повелѣно

было виновныхъ, которые уже имѣли званіе лекаря, послать на службу въ отдаленныя губерніи.

Перипетіи этой исторіи въ студенческомъ мірѣ не могли не отразиться на душевномъ состояніи Кистяковскаго. Къ осени того года состояніе его здоровья очень упало: нужень былъ отдыхъ, успокоеніе и даже удаленіе на нѣкоторое время изъ среды, намозолившей душу. Но тутъ наступило время приготовленія къ экзамену. Настала пора усидчивыхъ занятій. Двѣнадцатичасовая работа, однакожъ, оставалась долго безъ малѣйшихъ результатовъ: болѣй духъ, какъ и болѣйное тѣло, не въ состояніи переваривать пищи, первый—духовной, второе—вещественной. Только за мѣсяцъ предъ экзаменомъ нѣсколько оживились силы, занятія пошли живѣе и спорнѣе. Начались экзамены; шли они вообще удовлетворительно и даже очень.

На этомъ обрывается автобіографія Александра Федоровича. Не разсчитывая дать полнаго біографическаго очерка въ томъ видѣ и объемѣ, какихъ заслужила личность А. Ф—ча, мы постараемся, насколько позволяютъ намъ источники, дополнить тѣ страницы, которыя или совсѣмъ опущены, или только мелькомъ затронуты въ автобіографії.

Прежде всего интересно было-бы установить хоть какія-нибудь черты изъ дѣтскаго периода жизни А. Ф—ча, о чёмъ автобіографической отрывокъ совсѣмъ не говоритъ. Къ сожалѣнію, для выполненія этой задачи мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ немного, да и то не прямыхъ свидѣтельствъ, а только косвенныхъ, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Какъ въ приведенной выше автобіографіи А. Ф—ча, такъ и во всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ біографическихъ справкахъ о немъ мы находимъ указаніе, что онъ былъ сынъ сельскаго священника, т. е. принадлежалъ къ духовному званію; но собственно говоря исконный родъ его—крестьянскій, и при томъ очень недавно обратившійся въ духовный. У насъ имѣются въ распоряженіи рукописныя воспоминанія отца А. Ф. (которыя мы начинаемъ печатать въ этой-же книжкѣ нашего

журнала), где сказано, что дядь Александра Федоровича, Емельянъ Васильевичъ, былъ крестьяниномъ гр. Ильи Андреевича Безбородка и состоялъ управляющимъ имѣніемъ его въ м. Стольномъ (сосницк. у., черниг. губ.). Будучи близкимъ и любимымъ человѣкомъ, Емельянъ Васильевичъ Кистяковскій въ 1808 году со всѣмъ семействомъ получилъ вольную отъ графа и, состоя по прежнему управляющимъ у него, имѣлъ возможность теперь на правахъ свободнаго человѣка устраивать семью по своему усмотрѣнію. Случай помогъ одного изъ сыновей, Федору, пристроить совсѣмъ неожиданнымъ способомъ.

Дѣти Емельяна Васильевича, вмѣстѣ съ матерью, имѣли доступъ въ графскіе покои, и даже самъ графъ дарилъ имъ игрушки, давалъ конфеты и вообще обходился съ ними ласково, вслѣдствіе чего, когда однажды въ 1809 году въ м. Стольное съѣхалось много знатныхъ гостей и среди нихъ Преосвященнѣйшій Михаилъ, Архіепископъ Черниговскій, то потребована была въ комнаты жена Емельяна Васильевича съ совсѣмъ еще маленькимъ сыномъ Федоромъ (2-хъ лѣтъ отъ роду), и тутъ Преосв. Михаилъ благословилъ ихъ и объявилъ свое архипастырское благоволеніе, а именно—что мальчикъ Федоръ принимается въ духовное званіе и, кроме того, будетъ воспитываться въ духовномъ училищѣ на счетъ Владыки. Конечно, сдѣлано это было въ угоду графу Безбородку.

Когда въ 1810 году умеръ Емельянъ Васильевичъ, жизнь вдовы измѣнилась къ худшему, хотя все-таки оказывалось ей, какъ со стороны семьи графа, такъ и его служащихъ, всякое вниманіе и давалась материальная поддержка. Это дало возможность ей понемногу готовить сына Федора къ поступленію въ Черниговское духовное уѣздное училище, а затѣмъ въ Черниговскую семинарію. Здѣсь, въ семинаріи, по переходѣ его въ философскій классъ, едва не случилась съ нимъ крупная перемѣна въ ходѣ дальнѣйшаго ученія, а затѣмъ и всей жизни. Дѣло въ томъ, что, несмотря на обѣщаніе Преосвящ. Михаила, воспитывался Федоръ Кистяковскій и въ училищѣ, и въ семинаріи на свой счетъ, на томъ, будто-бы, основаніи, что никакого указа Преосв. Михаила семинарское

правлениe не нашло. Случилось-же такъ, что, кажется въ 1817 году, среди семинаристовъ разошелся слухъ, будто-бы въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учащихся, вслѣдствіе чего стали подавать прошенія о пріемѣ туда многіе воспитанники другихъ учебныхъ заведеній. Подали прошенія и нѣкоторые черниговские семинаристы, а въ томъ числѣ и Федоръ Кистяковскій. Вскорѣ въ семинаріи началъ ходить слухъ, будто прошенія эти, поданныя семинаристами безъ вѣдома начальства, возвращены назадъ и что виновные будутъ наказаны за самовольный поступокъ.

Дѣйствительно, слухъ этотъ оправдался, и семинаристы были наказаны, обреченные въ теченіе недѣли быть на хлѣбѣ и водѣ во время обѣда, а во время уроковъ—стоять у печки, не садясь на партіи; кромѣ того, съ нихъ взята была подписка о томъ, чтобы они не смѣли утруждать высшее начальство никакими просьбами.

Впрочемъ, вскорѣ пришло требование выслать въ медицинскую академію четырехъ учениковъ по назначенню самого начальства академіи; въ то число попалъ и Федоръ Кистяковскій. Но академическое начальство не желало его послыдать, а потому убѣдило мать Федора, что его не слѣдуетъ отправлять въ Петербургъ, такъ-какъ онъ слабъ здоровьемъ; кромѣ того, найденъ теперь указъ, причисляющій его къ духовному званію, вслѣдствіе чего его зачислять теперь впредь до окончанія курса на казенный счетъ, и черезъ три года онъ будетъ уже священникомъ. Все это было причиной того, что мать согласилась съ ихъ доводами, и „этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе“—такъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Федоръ.

Впрочемъ, окончивши семинарію въ 1827 г., онъ опять начинаетъ мечтать о свѣтскомъ званіи, и все о той-же медицинской академіи, разсчитывая еще годъ прожить въ Черниговѣ, занимаясь частнымъ преподаваніемъ, и этимъ путемъ заработать денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Но судьба опять распорядилась иначе: простудившись на охотѣ, Федоръ Емельяновичъ проболѣлъ довольно долго и отправился въ Стольное

въ матери для поправленія здоровья. Тутъ-то, по настоянію матери, онъ окончательно простился съ мыслю объ академіи медицинской, женившись на дочери священника с. Городища Федора Эсманского, Иринѣ. Послѣ этого онъ принялъ священническій санъ и занялъ място сельскаго священника въ с. Городищѣ, уступленное ему тестемъ о. Федоромъ, порѣшившимъ принять монашество и поступить въ Домницкій монастырь.

Остановились мы подробнѣе на этомъ фактѣ колебанія Федора Емельяновича Кистяковскаго между свѣтскимъ и духовнымъ званіемъ потому, что видимъ здѣсь нѣкоторое объясненіе тому явленію въ семье Кистяковскихъ, которое можетъ показаться на первый разъ страннымъ, а именно: изъ пяти сыновей о. Федора Кистяковскаго только одинъ избралъ себѣ дорогу духовнаго служенія, да и то по усиленнымъ настояніямъ отца, а всѣ остальные прошли черезъ университетскій курсъ. Явленіе это, рѣдкое въ семье сельскаго священника вообще, а въ тѣ годы тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, можно сопоставить съ только-что отмѣченнымъ фактомъ случайного поступленія Федора Кистяковскаго въ духовное званіе, а слѣдовательно—не существовало въ семье не только родовыхъ традицій въ этомъ направленіи, но даже—весыма правдоподобно—могли установиться иные вкусы, направившіе между прочимъ и Александра Федоровича по окончаніи семинаріи не въ Духовную Академію, а въ университетъ.

У этого-то, волею судебъ очутившагося въ священникахъ, о. Федора и жены его Ирины въ 1833 году 14 марта родился сынъ Александръ, третій ребенокъ въ семье, но ставшій сразу старшимъ сыномъ, т. к. прежде него родившійся сынъ Михаилъ не долго жилъ на свѣтѣ, а перворожденной была сестра его Меланія. Въ запискахъ отца такъ отмѣчено рожденіе сына Александра: „Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына, нареченаго Александромъ, благодатнымъ для насъ; съ самаго малолѣтства онъ насъ радовалъ своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ“. Многосемейный о. Федоръ, состоя сельскимъ священникомъ и, слѣдовательно, имѣя очень скучные средства, долженъ

быть добывать себѣ возможность сводить концы съ концами путемъ хозяйства, которымъ онъ и занимался усиленно, какъ самъ онъ говоритъ намъ въ своихъ запискахъ. Впрочемъ, эти хозяйственныя заботы не устранили его отъ необходимости лично обучать подроставшихъ старшихъ дѣтей (Маланію, Александра и Федора), при чёмъ въ запискахъ его мелькомъ сказано, что „благодаря Богу, Александръ съ самаго начала имѣлъ охоту къ наукѣ“. Какъ шелъ самый процессъ обучения, мы можемъ догадываться, прочитавъ въ запискахъ о. Феодора нѣсколько строкъ, знакомящихъ насъ съ господствовавшимъ у него методомъ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ женитьбы о. Феодоръ, для добыванія средствъ къ жизни, устроилъ у себя въ домѣ школку, какъ для пансіонеровъ, такъ и для приходящихъ; тутъ то намъ и указываетъ онъ, какъ велись занятія. Начало ученія въ школѣ по древнему обычаю приходилось на 1-е декабря, въ день Пророка Наума; начиналось ученіе „по церковной грамотѣ съ аза и продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока не выучить Граматки, Часловца и Исалтиря, читать на крилосѣ Часы, а посреди церкви Исалтирь, Каѳизмы; болѣе-же изучившіеся читали предъ Евангелиемъ Апостола, приспособляясь къ звуку и разстановкѣ словъ своего учителя, чтобъ уже радуетъ родителей, говорящихъ „уже и Апостола читає такъ, якъ и дѣячокъ“. Въ то время былъ обычай года два писать на деревянной табличкѣ, покрытой черной краской; сначала выводились на этой табличкѣ гусинымъ перомъ, обмакиваемымъ въ какія-то бѣлила изъ крейды, прописныя буквы, а затѣмъ уже писались „малыми складами“ фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Учитесь, дѣти, во младыя лѣты; когда придетъ старость, тогда будетъ радость“. Наконецъ, учитель объявлялъ родителямъ дѣтей, что „пора переводить писать на паперь“. Этотъ *переводъ на паперь* сопровождался приличнымъ угощеніемъ учителя въ собственномъ его домѣ, „большою попойкою и объяденіемъ, что доставлялось родителями дѣтей“.

Конечно, не по иному способу прошли первые шаги науки и для Александра Федоровича, когда, какъ было сказано, наступила пора ученія его вмѣстѣ съ братомъ и сестрою. Эта

домашняя наука прошла, очевидно, вполнѣ благополучно, т. е. въ запискахъ о. Феодораходимъ такое мѣсто: „всѣ сыновья росли благополучно и въ маломъ возрастѣ подавали надежды, что изъ нихъ выйдетъ что нибудь доброе, путное“.

Но вотъ наступила пора и школьнаго ученія, при иной обстановкѣ, или—какъ говорить о. Феодоръ—„нужно было уже подумать и о Черниговѣ, чтобы замѣстить старшаго сына Александра въ уѣздное училище“ (копечно—духовное). Объ этомъ періодѣ ученія мы знаемъ тоже немногого: автобіографической очеркѣ, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ; пробовали мы обращаться къ товарищамъ Александра Федоровича, и одинъ изъ нихъ, о. Іоаннъ Доброгаевъ, любезно подѣлился съ нами своими воспоминаніями, но и онъ объ этомъ времени помнить мало, написавъ намъ только слѣдующія слова: „Знакомство мое съ А. Ф. Кисляковскимъ началось съ низшаго отдѣленія Черниговскаго духовнаго училища. Знакомство это въ училищѣ мало мнѣ оставило воспоминаній. Какъ теперь представляю его: онъ былъ высокаго роста, русый, лицо нѣсколько сѣрое. Ничѣмъ не въдавался и влѣчѣмъ не отличался онъ отъ прочихъ товарищѣвъ“. Ноэтому, и тутъ единственнымъ источникомъ для насъ явлюется все тѣ же записи о. Феодора. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ началѣ учебнаго года (къ сожалѣнію—нельзя точно сказать какого) Александръ Федоровичъ отвезенъ былъ въ Черниговъ, где и помѣщенъ на квартирѣ цѣкоего Мелейши, неподалѣ у отъ зданія семинаріи, при чемъ надзоръ за нимъ порученъ былъ односельчанину, сыну дьячка, бывшему уже въ высшихъ классахъ семинаріи. „Ученіе шло хорошо; я радовался, и мать тоже не пропускала случая, чт бы не послать какихъ нибудь домашнихъ гос инцевъ, а я злота или двугривеннаго“. Черезъ годъ отвезенъ былъ туда же и младший братъ, Федоръ, и „благодаря Бога онъ въ наукахъ не отставали отъ прочихъ, а еще болѣе преуспѣвали, а равно въ поведеніи дурныхъ никакихъ привычекъ не имѣли“.

Варочемъ, хотя о. Феодоръ и сказалъ, что „ученіе шло хорошо“, однако нѣсколько дальше вотъ какъ характеризуетъ онъ тогдашнюю науку въ этой школѣ. „Ученіе въ уѣздномъ учи-

лишъ было устарѣлое. Монахъ Платонъ заправлялъ всѣмъ: назначалъ квартиры, репетиторовъ, посѣщалъ квартиры, а въ методѣ ученія мало было толку. Кто хотѣлъ прилежно учиться, тотъ понемногу понималъ, а другіе проходили классы или на серебряныхъ колесахъ, или по протекціи. Такъ иногда оканчивали и полные курсы семинаріи. За то хорошіе ученики нерѣдко за самые малые проступки были вовсе выгоняены по капризамъ смотрителя, инспектора, или кого-нибудь изъ учителей". Къ кѣ ни неприглядны эти картинки, однако мы видѣли, что Александръ Федоровичъ ни словомъ не заинтриговался въ своей автобіографической запискѣ о той тяготѣ, которая сопровождала его учебную колею и которая, впрочемъ, главнымъ образомъ пришлась на долю его семинарскаго ученія.

Семинарскій періодъ съ такою подробностью описанъ въ автобіографіи, что намъ нѣтъ надобности останавливаться на немъ; прибавимъ развѣ только то, что опущено о себѣ самимъ Александромъ Федоровичемъ по разнымъ причинамъ.

Прежде всего дополнимъ свѣдѣнія о немъ, какъ воспитанникъ семинаріи, со словъ товарища его о. Іоанна Доброгаева, очень мѣтко указывающаго на мѣсто, какіе вкусы научные начали у Александра Федоровича слагаться здѣсь, въ тѣтъ возрастъ. въ который, обыкновенно, послѣ ряда колебаний, юноша прочно останавливается на чемъ-нибудь одномъ, задатки для чего можно при внимательномъ наблюденіи замѣтить и раньше. Но приведемъ полностію свѣдѣтельство о немъ о. Іоанна Доброгаева.

„Съ класса словесности (семинарія раздѣлялась тогда на три класса: 1—словесность, 2—философія, 3—богословіе) Ал. Фед. стала замѣтнѣ болѣе, чѣмъ въ духовномъ училищѣ, и не по чему другому, а по своимъ трудамъ. Бывало всегда увидишь его, и въ квартирѣ, и въ классѣ, за книгою, или прочетною, или учебникомъ; но что особенно было замѣтно: у насъ читали гражданскую исторію по Ширенку (?), а онъ только одинъ училъ по Смарагдову. Послѣдній былъ гораздо пространнѣе и основательнѣе первого, потому и отвѣты его по исторіи были пространнѣе, основательнѣе и лучше всѣхъ учениковъ въ классѣ“.

„Въ філософскомъ классѣ семинаріи А. Ф. особено занятъ былъ логикою, психологіею и физикою. Очень хорошо и увлекательно читали ихъ преподаватели магистры Шкларевичъ и Бѣлоусовичъ. Слушалъ ихъ лекціи весь классъ съ величайшимъ вниманіемъ. Я недалеко около него сидѣлъ въ классѣ; когда бывало выходили преподаватели, окончивши лекціи, изъ класса, онъ часто говорилъ: „я бы слушалъ ихъ весь день не ъвши; при нихъ проходитъ два часа, какъ двѣ минуты,—какъ они словно читають свои предметы!“ Хотя онъ былъ не первый ученикъ (его по спискамъ ставили 3-мъ или 4-мъ), но по мнѣнію товарищѣй онъ долженъ быть первымъ. Про нашего *примуса* П—го, котораго преподаватели хвалили за его глубокомысленныя сочиненія, онъ откровенно говорилъ, что сочиненія его не філософскія, а богословскія; что всякая мысль, всякая истина у него основана на текстѣ Св. Писанія, а не на законахъ разума. Онъ часто говорилъ, что П—й хороший толкователь Бібліи, а не філософъ. Въ філософскомъ классѣ мы стали другъ другу очень близки, стали жить по-дружески; онъ все миѣ открывалъ, что было у него на душѣ“.

„Кромѣ братьевъ, у него были на квартирѣ другіе меньшіе ученики, которыхъ онъ репетировалъ. Какъ старшій и завѣдующій квартирой, онъ былъ въ уваженіи у своей хозяйки. У нея была сестра, девица лѣтъ 20, стройная, высокая и красивая. Однажды онъ, пришедши въ классъ, говорить: „я чуть не влюбился въ сестру хозяйскую; сведу глаза, чтобы заснуть—она будто стоитъ въ головахъ.“ Я, посмѣявши, совѣтовалъ все это бросить, не всматриваться въ нее, не бесѣдовати и не думать о ней, иначе разстроятся всѣ его планы. Дѣйствительно, вскорѣ все это миновало: молодая, воспріимчива, живая натура какъ скоро воспринимаетъ, такъ скоро все и забываетъ“.

„Въ богословскомъ классѣ намъ читали науки собственно богословскія. Обличительное богословіе читалъ помощникъ ректора, магистръ Озеровъ. Записки и объясненія его въ классѣ были очень занимательны. Бывало придешь на квартиру Ал. Фед., или онъ ко мнѣ,—обо всемъ приходилось толковать, и между прочимъ о

разныхъ религіяхъ. Онъ тутъ признавался, что ему магометанство нравится; эта религія была-бы единственная, но въ ней одно скверно: нѣтъ спасающей благодати, доказывающей ея божественность. Но Магометъ, по его мнѣнію, это гений своего времени: поставить себя выше невѣжественной толпы, завлечь ее, владѣть ея волею, дать ей свою вѣру и что хотѣть, то и сдѣлать изъ нея—нуженъ великий умъ, твердая воля, необыкновенная хитрость и самоотверженіе. Часто говорилъ онъ, какъ-бы хотѣлось ему прочитать Алкоранъ да и посудить о немъ. Въ семинарской библіотекѣ онъ былъ въ переводѣ, но ученикамъ не давали его читать. Впрочемъ, это не мѣшало ему быть искренно-религіознымъ человѣкомъ и молиться Богу. Человѣкъ онъ былъ скромный, внимательный къ товарищамъ, и чего, бывало, кто ни попросить, онъ никогда не отказывалъ. Изъ 45 душъ учениковъ всего класса это была выдающаяся, свѣтлая личность по добротѣ души, трудолюбію и откровенности“.

„Въ богословскомъ классѣ онъ, бывало, часто заговаривалъ въ послѣднее время, что въ академію не придется ему поступить, не умѣя кланяться, ласкаться около суроваго Никодима (тогдашняго ректора семинаріи), а между тѣмъ очень-бы хотѣлось. Ну, постараюсь—говорилъ онъ—поступить хотя въ университетъ. Отецъ мой не въ состояніи будетъ воспитывать меня въ университетѣ, но я непремѣнно поступлю, буду слугою, рабомъ у того, кто мнѣ въ Кіевѣ дастъ уголокъ и кусокъ хлѣба, пріютитъ меня и согрѣтъ“.

„Въ концѣ іюня мѣсяца въ семинаріи начались экзамены изъ словесности. Вдругъ внезапно появилась страшная, губительная холера, и насы безъ экзаменовъ распустили. Это было въ 1853 году, и мы передъ отѣзdomъ по домамъ разстались съ А. з. Фед., попрощались, поклялись одинъ другому не забывать, на какомъ-бы поприщѣ ни были, „но я—сказалъ онъ—все таки буду добиваться университетскаго образованія“. Послѣ этого мы переписывались съ нимъ, но, къ несчастью, ни разу не случилось видѣться. Сильно поразила меня вѣсть о его кончинѣ. Отправилъ я по немъ вселенскую панихиду, поплакалъ и те-

перъ считаю долгомъ молиться объ упокоеніи великой души его у Престола Божія, пока буду самъ жить. Вѣчная тебѣ память, труженикъ науки! Не случилось видѣться съ тобою въ послѣднее время, но за то недавно, бывши въ Кіевѣ, видѣлъ, другъ, твою могилу, твой памятникъ, твой бюстъ, и молился объ упокоеніи тебя въ селеніяхъ праведныхъ".

Такъ сердечно заканчиваетъ свои воспоминанія о. Іоаннъ Доброгаевъ, которому приносимъ искреннее спасибо за то, что отозвался онъ на нашу просьбу, давши нѣсколько новыхъ черточекъ изъ семинарскаго періода жизни Алекс. Фед-ча.

Какъ изъ автобіографическаго очерка, такъ и изъ только что приведенного воспоминанія о. Іоанна Доброгаева, прежде всего бросается въ глаза нѣсколько невыясненный вопросъ о томъ, какъ и почему не состоялось поступленіе Алекс. Фед-ча послѣ окончанія семинаріи въ духовную академію; зависѣло ли это отъ его личнаго желанія, или такъ сложились случайныя обстоятельства? Въ офіціальной біографії (Біограф. Слов. профессоровъ и препод. Импер. Унів. св. Владим. Кіевъ 1884 г.) сказано только, что онъ, *вопреки первоначальному намѣренію* продолжать образованіе въ духовной академіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ. Въ напечатанномъ выше автобіографическомъ очеркѣ указывается, что въ первый годъ пребыванія его въ богословскомъ классѣ онъ былъ въ особенно религіозномъ настроеніи и проникнутъ былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію, но въ первый годъ это не состоялось, т. к. Московская академія не прислала на этотъ разъ требованія, а въ концѣ 2-го года, не попавъ въ число двухъ воспитанниковъ, посылавшихся на казенный счетъ въ Кіевскую академію, (при чёмъ, какъ известно, это нисколько не зависѣло отъ причинъ учебнаго свойства, а отъ какихъ имѣнно-- мы не знаемъ), онъ изъявилъ желаніе держать экзаменъ для поступленія въ академію на свой счетъ, но, по тѣмъ-же нѣвѣдомымъ намъ причинамъ, и въ этомъ ему было отказано. Тогда онъ подаетъ заявленіе о желаніи держать экзаменъ для поступленія въ университетъ. Маленькое объясненіе этого находимъ въ памятѣ, даваемомъ о. Іоанномъ Доброгаевымъ, а

именно: въ богословскомъ классѣ онъ часто заговаривалъ съ сожалѣніемъ о томъ, что ему не придется инос упить въ академію, не умѣя кланяться, ласкаться около сурваго Никодима¹, и что ему по неволѣ надо поступать въ университетъ. Нужно думать, что прямая, честная натура Алекс. Федор., составлявшая до самой смерти отличительную черту его характера, породила недоразумѣнія съ семинарскимъ начальствомъ, что и было причиной несправедливой оцѣнки его со стороны ректора семинаріи; возрастъ-же его въ это время былъ тотъ (20 лѣтъ), въ который переломы нравственные могутъ совершиться быстро подъ вліяніемъ минутныхъ увлечений или раздраженій. И такъ, искренно религіозный юноша, какъ носится фамильное преданіе—мечтавшій даже о монашествѣ, подъ вліяніемъ минуты сначала порвалъ связи съ мечтами о духовной карьерѣ, а затѣмъ, очутившись въ иной обстановкѣ, постепенно сталъ формировать въ себѣ иные идеалы, иные научные вкусы и, наконецъ, иной складъ философскаго мышленія. При этомъ нельзя не отмѣтить того общаго явленія въ 50-хъ годахъ, которое обнаруживалось у юношесва семинарскаго въ колебаніяхъ между духовной и сѣтской дальнѣйшей карьерой, въ колебаніяхъ, иногда сопровождавшихся сильной душевной борьбой. Намъ лично извѣстенъ фактъ, какъ одинъ изъ современниковъ Александра Федоровича, будущій его сокашникъ по студентской камерѣ, тоже явился въ Киевъ пѣшкомъ, безъ всякихъ документовъ, съ намѣреніемъ принять монашество, и черезъ нѣсколько дней хожденія по городу очутился въ университетѣ съ прошеніемъ о допущеніи его къ экзамену. Прибавимъ ко всему сказанному отмѣченный нами выше фактъ отсутствія въ семье Кистяковскихъ родовыхъ традицій духовнаго званія; вспомнимъ, что и отецъ Александра Федоровича, будучи въ семинаріи, колебался, не поступить-ли ему въ медико-хирургическую академію,—и намъ станетъ болѣе или менѣе ясно, какъ и почему мы находимъ А. Ф. въ университетской средѣ съ начала сентября 1853 года.

Поступленіе въ университетъ Алекс. Федоровича было тѣмъ шагомъ въ семьѣ ихней, который открылъ дорогу и прочимъ

братьямъ идти по стопамъ старшаго; какъ было уже сказано, только одинъ изъ братьевъ остался въ духовномъ званіи, чтобы окончательно не огорчить отца, желавшаго свой приходъ, какъ это всегда водилось въ духовенствѣ, передать одному изъ сыновей. Огорченіе это было тѣмъ чувствительнѣе, что средство для содержанія дѣтей въ университетѣ не было, а слѣдовательно—имъ самимъ приходилось заботиться о себѣ.

Въ автобіографическомъ отрывкѣ подробнѣ разсказано о томъ, какъ устроилъ свой материальный бытъ Алекс. Федор-чъ, помѣстившись сначала въ такъ называемомъ штрафгаузѣ, а чрезъ годъ поступивши въ число казенокоштныхъ студентовъ; довольно подробнѣ разсказано и о томъ бытѣ, въ какомъ приходилось жить студентамъ на развалинахъ Бибиковскихъ традицій о вицѣнной дисциплинѣ; кратко, но мѣтко охарактеризованы героическая столкновенія студентовъ съ гражданами и разными лицами другихъ вѣдомствъ,—но ничего не сказано о томъ, какъ вырабатывался умственный и нравственный кругъ понятій у самого Алекс. Федор.; какъ слагались у него общественные уображенія и настроенія. Дополнить это мы можемъ со словъ родныхъ его, свидѣтельствующихъ, что въ первые годы своего пребыванія въ университетѣ онъ увлекался современной журналистикой и посыпалъ своимъ младшимъ братьямъ, находившимся еще въ семинаріи, новыя книжки „Современника“. Эта справка намъ совершенно опредѣляетъ то теченіе, которому сталъ слѣдовати Алекс. Федор. въ установлениі своихъ міровоззрѣній, никогда и впослѣдствіи не отличавшихся пылкостью и порывистостью, но за то всегда обозначавшихся стойкостью и твердостью уображеній. Товарищи его по университету передаютъ, что въ это время онъ отличался прямолинейностью во взглядахъ и большою неуступчивостью въ своихъ мнѣніяхъ; онъ шелъ всегда напроломъ, вслѣдствіе чего ему дана кличка, „клинообразный“ за его свойство клиномъ врѣзываться во всѣ вопросы.

Вѣроятно, эта „клинообразность“ была, какъ мы видѣли, поводомъ дурныхъ мнѣній о немъ семинарскаго начальства, а теперь несомнѣнно эта-же „клинообразность“ заставила его въ 1856 году прервать университетскій курсъ и отправиться въ

качествѣ учителя уѣзднаго училища въ Козелецѣ (Черниг. губ.). Объ этомъ происшествіи всѣ до сихъ поръ напечатанныя біографіи Алекс. Федор. молчатъ, называя его или *неизвѣстнымъ* или *мало выясненнымъ*; въ автобіографіи глухо сказано только, что онъ „за нарушеніе дисциплины, выразившееся въ словахъ по отношенію къ лицамъ университетской инспекції, былъ удаленъ на время изъ университета“. Мы имѣемъ возможность теперь, со словъ университетскаго товарища Алекс. Федор., очевидца этого происшествія, разсказать нѣсколько подробнѣе это дѣло, тѣмъ болѣе, что оно отошло уже давно въ область исторіи, т. к. обоихъ причастныхъ къ дѣлу лицъ уже нѣтъ въ живыхъ, да сверхъ того, и самое-то дѣло носить характеръ совсѣмъ не политического свойства.

Студента С. за какую-то провинность посадили въ карцеръ. Карцеръ въ 1856—57 гг. уже потерялъ силу строгаго заключенія: къ заключенному свободно входили товарищи, а онъ свободно выходилъ, куда ему было нужно. Благодаря такимъ порядкамъ, посаженный въ карцеръ С. вышелъ погулять. Въ это время, какъ нарочно, субъ-инспекторъ зашелъ въ карцеръ и, не заставши тамъ заключеннаго, отправился прямо въ камеру, громкимъ голосомъ закричавъ: гдѣ такой-то С? ушелъ?— Александръ Федоровичъ одѣвался въ это время и, пріостановившись съ одѣваньемъ, серьезнымъ тономъ возразилъ субъ-инспектору: „какъ Вы смѣете такъ выражаться? развѣ студентъ арестантъ или солдатъ?“ Смущенный такимъ выраженіемъ, субъ-инспекторъ ушелъ и доложилъ инспектору. Началось слѣдствіе. На другой или на третій день распространились всякие толки, крайне неблагопріятные для дерзкаго студента: говорили, будто-бы студентъ вскрикнулъ „вонъ отсюда“; будто-бы схватилъ полѣно и швырнуль имъ. Все это была клевета, но для провинившагося она имѣла громадное значеніе, т. к., сверхъ того, пущены были въ ходъ и другіе слухи, посерѣзнѣе нѣсколько, а именно: начали толковать о кощунствѣ и безбожіи Кистяковскаго, при томъ въ такихъ формахъ, что ровно никакой вѣры не слѣдовало придавать всей этой болтовнѣ. Товарищи сознавали всю гнусность такой клеветы и рѣшили отправить депутацію къ Попе-

чителю Округа. Попечителемъ былъ Ребиндеръ, человѣкъ открытый, правдивый и снисходительный къ ошибкамъ молодежи. Депутація изъ трехъ человѣкъ спокойно отправилась къ Попечителю. Имѣла-ли значеніе передъ Попечителемъ депутація— мы не знаемъ; извѣстно только, что наказаніе послѣдовало сравнительно легкое: послали Александра Федоровича въ Козелецкое уѣздное училище преподавать исторію и географію.

Хотя и непродолжительно было пребываніе тамъ, однако не легко оно пришлось для Александра Федоровича. Достаточно сказать, что въ Козельцѣ онъ засталъ смотрителя, человѣка недалекаго, находившагося подъ башмакомъ у какой-то особы женскаго пола, которая считала себя вправѣ распоряжаться всѣмъ. Такъ, однажды Алекс. Федоровичъ занялся смотрителю о необходимости имѣть карты для преподаванія; по отвѣтѣ онъ получилъ отъ этой самой особы женскаго пола: „и безъ цѣго можно обйтись“!

Выкрѣпивъ кое-какъ это положеніе, Алекс. Федоровичъ, какъ мы уже знаемъ изъ автобіографіи, черезъ полгода опять очутился въ Кіевѣ, сначала въ качествѣ учителя дворянскаго училища, а затѣмъ—въ качествѣ студента университета. Какъ закончились эти студентскіе годы, разсказала намъ автобіографія, на чёмъ, какъ мы видѣли, и обрывается эта записка.

Каковъ былъ душевный складъ Ал. Фед. въ этотъ періодъ, мы уже видѣли изъ его автобіографіи. Что-же касается собственно научныхъ запасовъ и взглядовъ по юриспруденціи и особенно по уголовному праву, съ которыми вышелъ Ал. Фед.-чъ изъ университета, то все добытое имъ получено было личнымъ трудомъ, т. е. руководителемъ его по уголовному праву былъ С. О. Богословскій, оставившій только одно печатное сочиненіе, да и то компилиативнаго характера. Самъ Ал. Фед., вообще очень сдержанній и мягкий въ своихъ отзывахъ о другихъ, давалъ такую оцѣнку университетскаго курса своего профессора: „онъ добровольно преподавалъ тонкости пѣмецкой науки, но его слушатели не могли получить отъ него отвѣта даже на такие вопросы: въ сколько необходимо удержать въ законахъ и жизни тѣлесныя наказанія, или какой смыслъ имѣютъ позорное клейменіе или пытка слѣд-

ственного процесса; его собственныя добавленія въ нѣмецкіиъ учебникамъ состояли въ томъ, что онъ не признавалъ полезными такія учрежденія, какъ гласность и публичность суда присяжныхъ, не признавалъ упорно и самобытно, даже и тогда, когда за нихъ стали ратовать его учители-нѣмцы ¹⁾».

Изъ этого видно, что вліяніе С. О. Богородскаго на складъ научныхъ воззрѣній Ал. Фед. могло быть только отрицательное, т. к. онъ со студентской скамы успѣлъ выработать въ себѣ совершенно противоположные принципы, опиравшіеся какъ на началахъ гуманно-философскихъ учений, легшихъ впослѣдствіи въ основу всѣхъ его выдающихся трудовъ, такъ и на томъ, новомъ въ концѣ 50-хъ годовъ, общественномъ движеніи у настѣ, которое служило зарей новой жизни и влекло къ созданію свободныхъ учрежденій, направлявшихся къ торжеству начальства права и справедливости.

Съ этимъ-то знаменемъ вступаетъ Ал. Федор. въ жизнь, какъ самостоятельный гражданинъ, по окончаніи университета въ 1857 году, въ декабрѣ мѣсяца, но далеко не удовлетворенный тѣмъ аттестатомъ, который у него былъ въ рукахъ и который только давалъ ему званіе дѣйствительнаго студента, а не кандидата, что для дальнѣйшей научной дороги имѣло большое значеніе.

Окончаніе университетскаго курса, не доставивъ Ал. Федору нравственного удовлетворенія, ничѣмъ не обеспечивало его сразу материально; и вотъ онъ, чтобы имѣть хоть какой-нибудь заработокъ, отправляется на полгода въ деревню Восковцы (прилуц. уѣзд.) въ качествѣ домашняго учителя въ домъ М. А. Маркевича. Объ этомъ кратковременномъ пребываніи его здѣсь у настѣ не имѣется, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что пробылъ онъ у Маркевича до августа мѣсяца 1858 года, послѣ чего отправился въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ питомцемъ, опредѣлившимся въ какое-то учебное заведеніе. Надо думать, что эти нѣсколько мѣсяцевъ обречены были имъ исключительно на пріобрѣтеніе средствъ для зарапѣе сложившагося плана о дальнѣйшей жизни въ столицѣ.

¹⁾ Журн. Мин. Юст. 1863 г., № 9. Стат. С. О. Богородскій и его ученики.

Не особенно красна была жизнь его издѣсь, въ Петербургѣ, особенно въ первые мѣсяцы до поступленія на службу, т. к. онъ не имѣлъ никакихъ средствъ изъ дома и не получалъ никакого жалованья; да и позже, послѣ получения первого мѣста младшаго помощника секретаря въ канцеляріи межевого департамента Правительствующаго Сената, материальный бытъ его не особенно улучшился, т. к., по разсказамъ родныхъ, онъ именно въ этотъ періодъ бѣдствовалъ, какъ никогда; одно время онъ даже принужденъ былъ жить „въ углу“, гдѣ и предпринялъ свою первую работу—переводъ сочиненія Блюнчли „Allgemeines Staatsrecht“, оставшійся ненапечатаннымъ; чтобы собрать деньги на покупку этого сочиненія, онъ въ теченіе шести недѣль не обѣдалъ, а питался хлѣбомъ и чаемъ, о чемъ онъ самъ рассказалъ мимоходомъ въ письмѣ къ отцу, когда въ 1871 году, во время заграничной поѣздки, ему пришлось быть въ Гейдельбергѣ на лекціи Блюнчли. Впрочемъ, „уголь“ его считался аристократическимъ, т. к. къ нему примыкало окно, на которомъ онъ могъ писать вмѣсто стола, а соквартирантами его были—какой-то отставной чиновникъ и ветеранъ-солдатъ, занимавшіе вполнѣ уже демократическіе углы.

При такой бѣдности, конечно, постепенно ослабѣвшій по мѣрѣ движенія по службѣ (въ юлѣ 1859 г. перешелъ въ канцелярію общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената—все еще въ роли младшаго помощника секретаря, а съ ноября 1860 года перемѣщенъ старшимъ помощникомъ столонаачальника въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), онъ не только не бросаетъ книжной жизни, отдавшись всецѣло практическимъ заботамъ, но все съ большимъ рвениемъ погружается въ научную работу. Въ свободные отъ службы часы, т. е. по вечерамъ, а сначала отъ 3 до 8 часовъ вечера, проводитъ онъ въ публичныхъ библіотекахъ, такъ-что вскорѣ результаты этихъ работъ стали появляться на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи, а также и Журнала Мин. Народ. Просв., гдѣ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Какими науками и какимъ направленіемъ въ нихъ больше всего интересовался Алекс. Федоровъ, видно изъ

этихъ-же работъ, а именно: гуманные философы прошлаго столѣтія во главѣ съ Беккаріа и Монтецкій, равно какъ и нѣмецкіе юристы, Миттермайеръ и Блюнчли, составляли теперь главное основаніе всѣхъ научныхъ пріемовъ и положеній молодого ученаго. Какъ было сказано, первый трудъ его (ненапечатанный, при чемъ и рукопись не сохранилась)—переводъ сочиненія Блюнчли „Общее государственное право“, а первая напечатанная работа составлена по сочиненію Миттермайера („Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса“, Журн. Мин. Юст. 1860 г., № 6). Да и всѣ послѣдующіе труды его и статьи въ разныхъ изданіяхъ всегда опирались на ученій этихъ и однородныхъ съ ними философовъ гуманистовъ 18-го вѣка.

Не только не въ разрѣзъ съ этимъ направленіемъ, но прямо согласуясь съ нимъ, обнаружилась у Ал. Фед. въ этотъ періодъ петербургской жизни фактически та вполнѣ сознательная любовь къ своей родинѣ и всему родному, которая осталась до конца дней его неизмѣнною и которая, конечно, стихійно выработалась въ періодъ дѣтства и юности, а стала укладываться въ опредѣленныя идеяпныя рамки въ годъ студенчества, подъ вліяніемъ начавшаго тогда оживляться національно-малорусскаго вопроса. Мы имѣемъ въ виду сотрудничество Алекс. Федоров. въ „Основѣ“, ежемѣсячномъ журналѣ, издававшемся въ Петербургѣ въ 1861—62 гг. В. М. Бѣлозерскимъ. Этотъ въ свое время очень известный журналъ, но составляющій теперь почти библіографическую рѣдкость, посвященъ былъ разработкѣ научныхъ и общественныхъ вопросовъ, касающихся Украины, а также развитію малорусской письменности, за все время существованія своего шедшей не ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, а принимавшей волнообразное теченіе, при чемъ конецъ 60-хъ годовъ и былъ однимъ изъ наиболѣе могучихъ приливовъ этихъ волнъ. Въ виду этого, журналъ „Основа“ велся, удовлетворяя потребностямъ эпохи, такъ, что долженъ былъ давать отвѣты на всѣ текущіе вопросы дня; между прочимъ нужно было отвѣтить и по вопросамъ юридического характера въ примѣненіи ихъ къ нуждамъ Юга Россіи. По свидѣтельству лицъ, стоявшихъ у этого журнала, Ал. Федор. вступилъ въ половинѣ 1861 г.

въ составѣ редакціи въ качествѣ помощника главнаго редактора, и съ этого времени начинается его литературная и редакторская работа, выразившаяся какъ въ писаніи статей (безъ подписи автора), какъ напр. статья его „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“ (Основа, 1862 г. № 1, стр. 1—27), статья, почему то не имеющая въ указателѣ статей его, помѣщенный въ „Біографическомъ словарѣ профес. и премод. Унів. Св. Влад.“,—такъ и въ теченіи отдѣла современной южнорусской лѣтописи, посвященнаго обозрѣнію фактовъ и явлений общественной жизни.

Ступивши разъ на дорогу научнаго и литературнаго труда, Алекс. Федоровъ, не могъ усе помириться съ положеніемъ канцелярскаго работника, а потому началъ мечтать объ опредѣленномъ положеніи научнаго дѣятеля, иначе говоря—объ университетской каѳедрѣ. Съ этой цѣлью онъ, когда произведена была реформа въ департаментѣ Минист. Народн. Просвѣщ., въ 1863 году устроилъ свои дѣла такъ, что оставленъ былъ за штатомъ, чтобы имѣть возможность, въ теченіе года получая содержаніе, готовиться къ кандидатскому экзамену, что и было имъ достигнуто въ декабрѣ 1863 года. Затѣмъ онъ приготовилъ сочиненіе *pro venia legendi* на тему „О прескѣченії обвиняемому способомъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, по дѣйствовавшему до судебнай реформы уголовному судопроизводству“. Диссертацио эту онъ защищаль въ сентябрѣ 1864 года, послѣ чего прошелъ двѣ пробныя лекціи и былъ допущенъ къ чтенію лекцій по уголовному праву въ качествѣ приват-доцента. Въ этомъ званіи онъ былъ три года, съ 1864—1867 г., получая вознагражденіе отъ 600 до 1200 руб. въ годъ. Въ этотъ періодъ Ал. Федор. женился, что однако, при сравнительно небольшихъ средствахъ къ жизни, не помѣшало ему продолжать ученую дорогу и готовиться къ магистерскому экзамену, который былъ закопченъ въ 1866 году, а диссертацио, доставившая ему положительную извѣстность въ ученомъ мірѣ, написана была и защищена въ 1867 году. Диссертацио эта—„Изслѣдованіе о смертной казни“. Чѣмъ-же таکъ обратила на себя вниманіе эта диссертацио? Вѣдь ранѣе его

этому вопросу посвящены были труды такихъ ученыхъ, какъ Беккария и Миттермайеръ; что можно было нового сказать послѣ нихъ? Новымъ явился тогтъ методъ изслѣдованія этого вопроса, который примѣненъ былъ Александромъ Федоровичемъ впервые среди не только русскихъ ученыхъ, но и европейскихъ; методъ этотъ философски-исторический, или какъ говорить самъ авторъ въ предисловіи: „взявшись за изслѣдованіе этого предмета, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка“. И дѣйствительно, онъ слѣдитъ развитіе вопроса о смертной казни, начиная съ низшихъ стадій жизни народовъ-дикарей и послѣдовательно переходя къ высшимъ, вслѣдствіе чего становится совершенно ясною основная идея автора, что изучать положенія въ прошломъ только и можно съ научно-исторической точки зренія, т. е. нельзя ограничиваться одними лишь писанными законами, но необходимо знать обычай и нравы первобытной культуры.

. Не будучи специалистомъ въ области юридической науки и не задаваясь въ данномъ случаѣ цѣлью производить опѣнку научнымъ трудамъ Александра Федоровича, мы указали толико на общую идею въ этой его работѣ, отмѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта-же идея легла въ основу и всѣхъ послѣдующихъ его работъ и навела на мысль о работахъ по обычному праву, чे�му посвящается въ этой-же книгѣ нѣсколько страницъ въ особой статьѣ. Не будемъ мы также перечислять и этихъ дальнѣйшихъ работъ Алекс. Федоровича, такъ какъ въ концѣ прилагаемъ подробный библиографический указатель всѣхъ ихъ, насколько намъ удалось ихъ установить. Скажемъ теперь еще коротко о томъ, какъ прошла дальпѣйшая ученая, служебная и общественная колея въ жизни Александра Федоровича, напередъ оговариваясь, что передавать подробности изъ этого периода жизни его еще не наступила пора: слишкомъ свѣжіи еще тѣ события, которыя переживались, слишкомъ еще остры тѣ вопросы, которыхъ касалась дѣятельность его, и слишкомъ болѣзненны тѣ раны, которыя приходилось переносить ему, а потому—оставимъ пока все это въ сто-

ронъ и ограничимся указаниемъ самыхъ главныхъ фактъ, беспристрастная оцѣнка которыхъ дана будетъ еще, можетъ быть, не такъ скоро.

И такъ, изслѣдованіе о смертной казни, доставившее Александру Федоровичу прочное положеніе въ науку, доставило вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе прочное положеніе служебное: съ іюня мѣсяца того же 1867 года онъ утверждается въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства, согласно избранію факультета и совѣта. Но лекцій читать въ теченіе слѣдующаго 1867—68 учебнаго года ему не пришлось, такъ какъ съ августа 1867 г. до конца апрѣля 1868 года онъ былъ въ ученой командировкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ тогда только что начали дѣйствовать преобразованные суды по уставу 1864 г. Во время этой командировкѣ Александръ Федоровичъ не только работалъ теоретически, но и практически, изучая примѣненіе судебныхъ уставовъ къ текущей жизни; но, конечно, это послѣднее занимало самое ничтожное мѣсто въ ряду его прочихъ трудовъ, чисто научнаго характера. Главнымъ результатомъ его командировкѣ была докторская диссертатія „Історико-догматическое изслѣдованіе по русскому праву о пресъченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“; диссертатію эту онъ защищалъ въ концѣ 1868 года, а въ началѣ слѣдующаго уже онъ былъ избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а еще черезъ годъ—и ординарнымъ, по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства.

Эта-же поїздка въ Москву и Петербургъ дала Александру Федоровичу, изучившему и въ теоріи, и на практикѣ новые судебные уставы, материалъ для актовой рѣчи въ университетѣ (9 ноября 1869 г.)—„О значеніи судебнай реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія“. Рѣчь эта, можно сказать, откры-
вала у Александра Федоровича ту общественную стезю, на ко-
торой онъ потомъ стоялъ почти до конца дней своихъ. Дѣло въ
томъ, что въ Кіевѣ въ то время только что ждали введенія но-
выхъ судовъ,—и вотъ, публичная актовая рѣчь профессора съ
ясностью и простотой указывала обществу основы новаго судебнаго строя и его преимущества предъ старымъ. Значеніе по-

добнаго рода рѣчей, безусловно, громадное, такъ какъ ими общество подготавляется къ сознательному принятію тѣхъ новыхъ формъ жизни, которая устанавливаются правительствомъ; ими—такъ сказать—съ высоты академической каѳедры освѣщается и освящается извѣстный жизненный вопросъ, находящій себѣ въ публикѣ болѣе довѣрія послѣ того, какъ онъ подкрепленъ науково. Александръ Федоровичъ этой рѣчью, повторяемъ, открылъ свое участіе въ общественной жизни Киева, сохраняя, впрочемъ, всегда и вездѣ свою безупречную чистоту и высоко держа знамя ученаго профессора. Интересы науки и профессорская каѳедра всегда были первыми его заботами, что прекрасно видно изъ одного того, какъ онъ, достигши уже званія ординарнаго профессора, не почилъ на лаврахъ, отдаваясь практическому кумиро служенію, но считалъ обязательнымъ для себя продолжать свое личное образованіе: съ сентября 1871 года до 15-го апрѣля 1873 года онъ находился въ ученой командировкѣ, слушая лекціи и посѣща практическія занятія профессоровъ Вѣнскаго, Гейдельбергскаго, Берлинскаго, Неаполитанскаго и Римскаго университетовъ; при чемъ особенно много работалъ онъ въ Гейдельбергѣ и Неаполѣ, съ цѣлью ближе и обстоятельнѣе познакомиться со способами и механизмомъ преподаванія и практическихъ занятій со студентами въ Германіи и Италии. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что Александръ Федоровичъ очень хорошо владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ. Такія поѣздки заграницу, только на короткій срокъ, повторены были имъ еще четыре раза: въ 1875, 1879, 1880 и 1882 гг., каждый разъ въ вакационный періодъ. Но тутъ нужно дать печальную справку, что эти послѣднія поѣздки вызывались не столько научными потребностями, сколько тѣмъ недугомъ, который сталъ обнаруживаться у него съ 1871 года, какъ результатъ тяжелой пережитой жизни, исполненной сначала лишеній, а затѣмъ заботъ, хлопотъ и особенно непріятностей, какъ служебнаго, такъ и общественнаго характера. Поѣздки заграницу очень оживляли его духъ и укрепляли тѣло, такъ что каждый разъ по возвращеніи изъ заграницы можно было видѣть его заново бодрымъ, исполненнымъ энергіи, не падав-

шимъ духомъ; но неустанная работа и всяческія душевныя потрясенія вскорѣ опять возвращали приступы этого недуга. Недугъ-же этотъ—желчные камни. Около 10 лѣтъ не обнаруживали они себя въ особо-рѣзкой формѣ, хотя уже съ 1875 года Александръ Федоровичъ началъѣздить въ Карлсбадъ, пользуясь водами; и только въ 1881 году, когда онъ, по совѣту врачей, предпринялъ поѣздку въ Одессу, гдѣ началъ лѣченіе морскими теплыми ваннами, показались у него сильные припадки желчной колики, закончившіеся выхожденіемъ камня. Съ тѣхъ поръ припадки эти повторялись ежегодно. Въ 1883 году, по совѣту С. П. Боткина, А. Ф.—чъ пользовался молочнымъ лѣченіемъ и, казалось, значительно поправился; но 1884-й годъ, особенно тяжелый для него по многимъ причинамъ общественнаго характера, грозившимъ отразиться и на его служебномъ положеніи, повлиялъ на его здоровье такъ дурно, что съ 7 января 1885 года онъ почувствовалъ себя опять очень нехорошо, 9-го уже слегъ въ постель, 10-го обнаружены были слѣды экссудата въ брюшной полости, 12-го вечеромъ уже было объявлено консилумомъ докторовъ-товарищѣй, что положеніе его безнадежно, а въ 1 часъ ночи съ 12-го на 13-е января его уже не стало, при чёмъ сознаніе онъ потерялъ только за 5 минутъ до смерти. Чтобы понять, какой это былъ высокій духъ, стоитъ припомнить свидѣтельство проф. В. Б. Антоновича, бывшаго при кончинѣ Александра Федоровича: „за часъ до смерти, въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей онъ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ о ходѣ дѣлъ въ текущей сессіи окружного суда и, услыхавъ характеристику иѣкоторыхъ дѣлъ и отношеніе къ нимъ суда присяжныхъ, онъ въ послѣдній разъ оживился, привсталъ на постели и громко произнесъ: я всегда утверждалъ, что институтъ присяжныхъ святое дѣло въ нашемъ отечествѣ!—Затѣмъ онъ тихо склонилъ голову на подушку, и голосъ его сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Послѣднее слово, слышанное нами отъ покойнаго, это признаніе святости человѣколюбиваго учрежденія,—послѣднее воспоминаніе о немъ будетъ сознаніе высокой, святой нравственности человѣка, который, переступая порогъ вѣчности, въ состояніи забыть и свои страданія, и свое положеніе.

женіе, и увлечься интересомъ общественной пользы и общественного блага". (Заря, 1885 г., прилож. къ № 11).

Закончивъ обзоръ жизни и дѣятельности Александра Федоровича Кистяковскаго, обзоръ, естественно все сокращавшійся, по мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ событиямъ, мы хотимъ теперь, минуя всѣ фактическія справки, хотя и могущія освѣтить личность Алекс. Федоров., но еще не имѣющія возможности быть обнародованными, сказать о немъ еще нѣсколько словъ, чтобы лучше обрисовался образъ этого безвременно покинувшаго насъ труженика науки и святого человѣка въ общественной своей роли.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о заслугахъ Ал. Федоров. предъ наукой, такъ-какъ это сдѣлано уже отчасти и, конечно, будетъ еще сдѣлано впереди специалистами въ этой области,—напомнимъ только, что заслуги эти, помимо всего прочаго, выразились въ фактѣ разновременного избранія его членомъ корреспондентомъ Русского Географического общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при московскомъ университетѣ, почетнымъ членомъ московскаго Юридического Общества, предсѣдателемъ кіевскаго, а также почетнымъ членомъ московскаго и петербургскаго университетовъ. Мы не будемъ также характеризовать личности его, какъ профессора, съ университетской каѳедры учившаго живымъ словомъ и руководившаго занятіями многихъ студентскихъ выпусксовъ, такъ-какъ обѣ этомъ, смѣемъ думать, со временемъ скажутъ свое правдивое и благодарное слово его ученики,—мы напомнимъ только что, не обладая краснорѣчіемъ, онъ умѣлъ, какъ профессоръ, вліять на своихъ слушателей, пробуждать въ нихъ любовь къ наукѣ и располагать ихъ въ свою пользу не мѣрами заигрыванія, но исключительно своимъ авторитетнымъ видомъ и словомъ. На себя мы теперь возьмемъ только исполненіе небольшой задачи—нарисовать образъ Александра Федоровича, какъ человѣка и гражданина, представителя общественной мысли, да и тутъ мы будемъ больше опираться на печатные отзывы о немъ, нежели на личныя впечатлѣнія, желая по возможности сохранить объективный тонъ.

„Немало людей получаетъ университетское образованіе, до-
стигаетъ высшихъ ученыхъ степеней, преподаетъ въ универ-
ситетѣ, печатаетъ ученыя сочиненія и даже дѣлается членами
ученыхъ обществъ,—но рѣдкіе между ними достигаютъ такого
высокаго значенія для общества, какимъ, безспорно обладалъ
покойный Кистяковскій“. Такъ писалъ о немъ вскорѣ послѣ
его смерти профессоръ В. И. Модестовъ (Новъ, 1885 г. № 8),
хотя и другъ Алекс. Федоровича, но далеко не принадлежавшій къ
одному съ нимъ лагерю, а по нѣкоторымъ вопросамъ даже и совсѣмъ
въ иную сторону направленный. Гдѣ-же ключъ къ этому высо-
кому значенію человѣческой личности въ обществѣ? Конечно,
ключъ этотъ—въ томъ нравственномъ обликѣ человѣка, какъ
гражданина, въ той возвышенной, правдивой и чуткой душѣ,
которыми надѣлена была натура Александра Федоровича. Кто
зналъ его, часто видѣлъ и имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ,
тотъ согласится съ нами, что какъ внѣшній видъ Алекс. Федор.,
всегда благодушно-величественный, такъ и внутренній міръ души
его, всегда производившій впечатлѣніе чего-то серьезнаго, вы-
сокаго, но въ тоже время исполненнаго самыхъ тонкихъ человѣ-
колюбивыхъ наклонностей,—однимъ словомъ, все его существо-
невольно притягивало васъ къ себѣ. Если, по словамъ проф.
Колоколова, физически-прекрасный образъ его могъ служить для
художника моделью святого, то мы думаемъ, что и нравствен-
ный обликъ его не уйдетъ далеко отъ этого оригинала.

Проф. В. И. Модестовъ, характеризуя этотъ нравственный
обликъ Алекс. Федор., на первый планъ ставитъ его серьезное
отношеніе ко всѣмъ вопросамъ жизни, какъ научнымъ, такъ
политическимъ, общественнымъ и даже частнымъ. У него серьез-
ность эта была не напускная, а неотъемлемое свойство души,
видѣвшей въ жизни нелегкую задачу; вслѣдствіе этого отъ
серьезности Алекс. Федор-ча не вѣяло холодомъ надутости, но
напротивъ—тѣмъ горячимъ духомъ правды, которая одна только
всегда была главной пружиной всѣхъ его поступковъ. Особенно
замѣтно это было въ тѣхъ случаяхъ университетской жизни,
которые наталкивали его на факты колебательного достоинства.
„Лицамъ, знаяшимъ его близко, либо дѣйствовавшимъ вмѣстѣ

съ нимъ — говоритъ проф. И. В. Лучицкій („Кіев. Стар. 1885 г. № 2“) — не разъ приходилось видѣть, какъ горячо отстаивалъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвенiemъ своихъ личныхъ интересовъ, заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся несправедливо-обиженнымъ или оскорблennымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобной и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о его друзьяхъ...“

Не менѣе замѣтна была эта черта въ Алекс. Федоровичѣ, когда шло дѣло о вопросахъ политики и общественности. Всякий, кто имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ, могъ замѣтить, что это былъ человѣкъ, глубоко и серьезно интересовавшійся всѣми дѣлами текущей общественной жизни и всегда дававшій свой отзывъ, спокойный, безпристрастный, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ этими дѣлами связывалась его личность. Намъ не разъ приходилось разговаривать съ нимъ въ моменты свѣжеполученныхъ имъ уковотъ по своему адресу, и наскъ поражало то самообладаніе, съ которымъ онъ оказывался способнымъ обсуждать фактъ ровнымъ, размѣреннымъ тономъ своей рѣчи, утѣшаая себя тѣмъ, что „съ этими интриганами, бездарностями и дѣльцами разсудить его исторія“ (Модестовъ, Новь 1885 г., № 8); но въ то-же время нельзя было не видѣть, какія тяжелыя нравственные страданія переносилъ онъ въ эти минуты. Въ одну изъ такихъ минутъ — говоритъ проф. В. И. Модестовъ — за два года до смерти онъ писалъ мнѣ: „Я съ твердостію переношу невзгоды моего положенія. Жизнь моя — трудъ, непріятности и болѣзнь. Но я привыкъ къ этому отъ юности моей. Съ спокойною совѣстю готовъ принять новые удары судьбы. Бѣда отовсюду. Такъ человѣку на роду написано. Эти мысли даютъ мнѣ мужество переносить непріятности жизни“. (Новь, 1885 г., № 8).

Будучи такимъ отзывчивымъ па всѣ вопросы общественности, Александръ Федоровичъ, былъ также горячимъ патріотомъ. Въ этомъ отношеніи онъ является такимъ-же честноубѣжденнымъ человѣкомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ своихъ

дѣлахъ; и тутъ онъ глубоко вѣрилъ, что отечество обязательно вызываетъ въ насъ, и по инстинкту, и по философскому размышленію, то чувство любви, въ силу котораго мы, какъ должники его обязаны удѣлять труды и заботы свои для поддержанія и развитія заслуживающихъ уваженія самобытныхъ чертъ своей народности. Съ этимъ убѣждениемъ онъ отошелъ въ иной міръ; это-же убѣженіе оставилъ онъ и намъ, какъ часть своего богатаго духовнаго наслѣдства.

В. Науменко.

Библіографический указатель трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

- 1) Переводъ сочиненія Блюнчли, «Allgemeines Staatsrecht», оставшійся ненапечатаннымъ, при чемъ и рукопись не сохранилась (1859—60 гг.).
- 2) Очеркъ англійского уголовнаго процесса по Миттермайеру (Журналъ Мин. Юстиц. 1860, № 6).
- 3) Конференція парижскихъ адвокатовъ (Ibid. 1861, № 2).
- 4) Степень достовѣрности телеграфическихъ дешевъ въ сношеніяхъ судебныхъ мѣсть между собою (Ibid. 1861, № 3).
- 5) Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи. (Основа, 1862 г., № 1—27, стр. 1—27). Статья эта имѣеть подпись —кій; она не помѣщена въ указателѣ ученыхъ трудовъ А. Ф. Кистяковскаго въ «Біографическомъ словарѣ» и пр., но достовѣрно известно, что она принадлежить ему.
- 6) Международное общество для развитія общественныхъ наукъ и первый его конгрессъ въ Брюссель. (Ibid. 1863, № 10).
- 7) Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи (Ibid. 1863, № 8).
- 8) С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность (Ibid. 1863, № 9).
- 9) Полицейские суды въ Лондонѣ. Псевдонимъ: *Городисский* (Ibid. 1864, № 9).
- 10) Вліяніе Беккарии на русское Уголовное право. Псевдонимъ: *A. Городисский* (Ibid. 1864, № 9).

- 11) Рецензія на «Учебникъ уголовнаго права» В. Спасовича (Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, № 7, перепечатано въ Журн. Мин. Юстиц., 1863, № 7).
- 12) Амвросій Рандю и французскій университетъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, № 5 и 6).
- 13) Рецензія на сочиненіе Валетта: «Guide pédagogique et manuel administratif à l'usage des instituteurs, des institutrices et principalement des élèves-maitres» 1862. (Ibid. 1863).
- 14) Чему и какъ учить народъ. 1863.
- 15) О пресъченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по дѣйствовавшему до судебнай реформы уголовному судопроизводству, въ особенности о предварительномъ тюремномъ заключеніи, диссертация pro *venia legendi* (Унив. Изв. 1864, № 5 и 6, и отдельно, Киевъ, 1864).
- 16) Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу Императрицы Екатерины II (Унив. Изв. 1864, № 10).
- 17) Изслѣдованіе о смертной казни, магистерская диссертациія (Унив. Изв. 1866, №№ 11 и 12, 1867, № 1—4, и отдельное изданіе Киевъ, 1867, стр. I—VI, 1—281).
- 18) О порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія, объявленному при предъявленіи духовнаго завѣщанія къ засвидѣтельствованію (Журн. Мин. Юстиц. 1867, № 9).
- 19) Историко-догматическое изслѣдованіе о пресъченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, докторская диссертациія (Журн. Мин. Юстиц. 1868, № 2, 3, 7, 8, 9, 10 и 11, и отдельное изданіе, СПБ. 1868, стр. 1—194).
- 20) О значеніи судебнай реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія. Рѣчъ, произнесенная на торжественномъ актѣ университета св. Владимира 9 ноября 1869 г. (Унив. Изв. 1870, № 5 и 6, и отдельное изданіе, Киевъ 1870).
- 21) О подсудности по закону 11 октября 1865 г.
- 22) Объ отношеніи судебнай реформы къ теоретическому образованію вообще и представителямъ его—профессорамъ юридическихъ наукъ. (Объ эти статьи напечатаны въ Судебн. Вѣстн. за 1866 и 1867 гг.).
- 23) Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и нынѣшнее ихъ положеніе (Труды этнogr. Статист. Экспедиції въ

Западно-Русский край, снаряжен. Имп. Геогр. Общ., Юго-Западн. Отдѣль, т. VI, 1872).

24) Уголовное право Италии. Профессоръ Чессина и современное движение итальянского права и науки. (Судебн. Журн. 1873, № 3 и 4).

25) Итальянские университеты (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874).

26) О преподавании юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи (Ibid. 1874).

27) Главнѣйшие моменты исторіи развитія науки уголовнаго права (Унив. Изв. 1873, № 12, 1874, № 1).

28) Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Часть общая. (Унив. Изв. 1874, № 1—3, 5, 7, 8 и 12, 1875 № 1—5, и отдѣльное изданіе, 1875, Кіевъ, стр. 1—413).

29) Разборъ сочиненія Сокольского: «Beiträge zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложение des Zsaren Alexei Michailowitsch.» (Унив. Изв. 1870, № 10).

30) Разборъ сочиненій Духовскаго: «Задача науки уголовнаго права», 1872; »Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ» 1873, (Ibid. 1873, № 12).

31) Труды Дю-Буа по исторіи уголовнаго права Франціи сравнительно съ уголовнымъ правомъ Италии, Германіи и Англіи. (Ibid. 1884, № 10).

32) Рецензія на сочиненіе проф. Самоквасова «Древніе города Россіи» (Судебн. Журн. 1874, № 1—2).

33) Разборъ сочиненія Сокольского: О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1873, кн. 6. ноябрь, Унив. Изв. 1873, № 11).

34) Отвѣтъ Сокольскому по поводу этого сочиненія (Ibid. 1874, № 2).

35) Разборъ сочиненія проф. Тарасова: «Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1875, кн. 5, сентябрь и октябрь).

36) О преступленіи: «недозволенное оставленіе отечества» (Судеб. Вѣстн. 1875, № 230).

37) Къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. (Ibid., № 231).

38) О наказуемости изъявленія умысла по русскому праву (Ibid., 1876).

39) Возможно-ли у нась отдвѣлить экзамены юристовъ отъ времени преподаванія и ввести государственные экзамены (*Ibid.*, 1876, № 40).

40) О трудахъ проф. Тонисена по исторіи уголовнаго права (Унив. Изв. 1876, № 4).

41) Собрание и разработка материаловъ по обычному праву (*Ibid.* 1876, № 6).

42) Обозрѣніе работъ по обычному праву въ послѣдніе 5 лѣтъ 1873—1878 (*Ihid.*, 1878, № 4).

43) Программа для собирания юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву. (*Ibid.*, 1874).

44) Второе исправленное и дополненное изданіе этой программы съ предисловіемъ о методѣ собирания материаловъ по обычному праву (*Ibid.* 1878, и отдельное изданіе, Киевъ 1878, стр. 1—51).

45) Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. VIII).

46) Воспоминаніе объ ученой дѣятельности покойнаго профессора А. П. Чебышева-Дмитріева (Унив. Изв. 1877, № 5).

47) Профессоръ Н. Д. Иванишевъ и его сочиненія (Юрид. Вѣст. 1877, № 7).

48) Судъ шефеновъ въ русской юридической литературѣ (Унив. Изв. 1877, № 11).

49) Разработка вопроса о предрѣшенніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ при производствѣ уголовнаго суда. (*Ibid.* 1877, № 12).

50) Разборъ сочиненія проф. Неклюдова: «Руководство къ особенной части русского уголовнаго права» (Сборн. Государств. знаній, т. VII).

51) Главные моменты исторіи смертной казни въ Россіи (Чтения въ Общ. Нѣстора Лѣтописца).

52) Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы (Журналъ Гражд. и Уголовн. Пр. 1879, № 2, 3).

53) Разборъ сочиненій: а) перевода Соболева сочиненія Беккарія «о преступлени и наказаніи» съ предисловіемъ переводчика (Критическое Обозрѣніе, 1879, № 10); б) Слонимскаго: «Умственное разстройство въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніи», с) Розенгейма: «Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учрежденій при Петрѣ Великомъ», д) проф. Таганцева: «Курсъ русскаго уголовнаго права», е) Заруднаго: «Беккарія о преступлениахъ и наказаніяхъ

въ сравненіи съ X главой Наказа Имп. Екатерины II и съ современными русскими (Журн. Гражд. и Уголовн. Права, 1880, кн. I, январь—февраль).

54) Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законѣ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. (Унів. Изв. 1878, № 11 и 12).

55) О незаконнорожденныхъ (Журн. Гр. и Угол. Права, 1880, кн. 1, январь—февраль, кн. 2, мартъ—апрѣль).

56) О задачахъ и цѣляхъ нашихъ юридическихъ обществъ и отношенииіи ихъ къ судебнай реформѣ (Ibid. 1881, кн. 1, январь—февраль).

57) Біографическая свѣдѣнія объ умершихъ нѣмецкихъ юристахъ: Геффтерѣ, Вальтерѣ и Вехтерѣ (Ibid. 1881).

58) Къ вопросу о вліяніи инородческаго права на русское (Юрид. Вѣст. 1880).

39) Постановленія русскаго уголовнаго права о молодомъ возрастѣ по отношенію къ вмѣненію (Ibid. 1880).

60) О самоубійствѣ по дѣйствующей системѣ уголовныхъ законовъ (Журн. Гр. и Угол. Права, 1882, кн. 3, мартъ).

61) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ съ приложеніемъ изслѣдованія о семъ сводѣ и о законахъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи (Унів. Изв. 1875, № 6, 7, 8, 9, 10, 11; 1876, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1877, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12; 1878, № 11 и 12, и отдельное изданіе, Кіевъ 1879: изслѣдованіе, стр. 1—114, текстъ, стр. 1—844, реестръ, стр. 1—73, оглавленіе, стр. 1—27).

62) Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія съ обозрѣніемъ русскихъ учрежденій (Унів. Изв. 1878, № 4, 5, 6, 7, и отдельное изд., Кіевъ, 1878, пред. I—III, 1—213, I—X).

63) Докладъ объ ученыхъ трудахъ профессора Тарасова (Журн. Гр. и Уг. Права 1882, № 5).

64) О преступленіяхъ противъ вѣры (Наблюдатель, 1882, октябрь).

65) Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кроме опредѣленныхъ по суду? (Сборн. Госуд. Знаній. подъ ред. Безобразова, 1887, т. IV).

66) Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства 2-е испр. и значительно дополнен. (Кіевъ, 1882. I—IV, 1—19, 1—930, 1—7, 1—8). Тоже. 3-е изданіе безъ измѣненій. Кіевъ, 1891 г.

- 67) Термины, выражавшие въ старину понятіе наказанія вообще и смертной казни въ особенности (Лѣтоп. Занятій Археол. комиссіи 1881. Кн. I, стр. 56—84).
- 68) Рецензія на соч. Л. Бѣлогрицъ-Котляревскаго «О воровствѣ-кражѣ по русскому праву». (Унів. Изв. 1881, № 2)
- 69) Программа чтеній по уголовному праву (Унів. Изв. 1883, № 1).
- 70) Новые ученія о преступленіи и наказаніи (по поводу соч. Д. Дриля «Малолѣтніе преступники») («Заря» 1885, №№ 10 и 12).

ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕНИКА О. ФЕОДОРА КИСТАКОВСКАГО.

(1807—185... г.)

Вдовой, братьями и детьми покойного Александра Федоровича Кистяковского намъ предоставлено было право разсмотрѣть воспоминанія отца его, писанныя по личной просьбѣ Александра Федоровича и имѣвшія первоначальное назначеніе только фамильное. Разсмотрѣвъ эти воспоминанія, мы пришли къ выводу, что они, кроме личнаго, имѣютъ и общественное значеніе, не только потому, что всякия замѣтки о картинахъ жизни прошедшей есть достояніе исторіи, но и потому, что въ нихъ затрагиваются вѣкоторыя стороны жизни окружающаго общества, иногда очень рельефно выступающія въ разсказахъ старика священника. Рѣшивъ въ виду этого ихъ напечатать, мы обратились за разрѣшеніемъ къ родственникамъ автора, которые и дали намъ на это свое согласіе, за что позволяемъ себѣ привести имъ нашу глубокую благодарность.

Удобнѣе всего, конечно, начать печатаніе этихъ воспоминаній въ той книжкѣ нашего журнала, которая посвящается памяти сына автора ихъ, при чёмъ самыя воспоминанія эти, какъ было сказано, появились на свѣтѣ, благодаря просьбѣ этого сына, думавшаго о возможности сдѣлать ихъ гласными, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная надпись Александра Федоровича на поляхъ рукописи. Вотъ эта надпись: „Воспоминанія отца моего, написанныя имъ по моей просьбѣ въ 1876—79 гг. Записки эти, къ сожалѣнію, не кончены. Воспоминанія доведены до посѣщенія отцемъ города Киева въ то время, когда братъ Федоръ по-

ступилъ въ университетъ. Отецъ еще живъ, но онъ такъ дряхль, что съ трудомъ въ состояніи написать письмо. Записки эти для меня лично представляютъ большой интересъ. Онъ не лишенъ также и общаго интереса. Современемъ онъ составятъ нѣкоторый материалъ для исторической характеристики жизни того со-словія, къ которому принадлежалъ мой отецъ и среди которого онъ жилъ. Жаль, что онъ слишкомъ кратки. Киевъ. 1879 г. 12 октября. А. Ф. Кистяковскій».

Такъ какъ записки эти въ большинствѣ представляютъ картинки бытового характера и, слѣдовательно, говорять сами за себя, то мы не считаемъ нужнымъ говорить что-нибудь еще и отъ себя въ разъясненіе ихъ въ видѣ предисловія. Единственно, что намъ кажется необходимымъ—это дать читателю справку о личности графа Ильи Андреевича Безбородка, о которомъ въ этихъ запискахъ (въ первой части ихъ) говорится довольно много.

Графъ И. А. Безбородко (1756—1816)—младшій братъ знаменитаго князя А. А. Безбородка, благодаря значенію послѣдняго, быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ сорока лѣтнемъ возрастѣ имѣлъ уже высшій гражданскій чинъ и титулъ графа римской имперіи. Смерть бездѣтнаго князя Безбородка доставила этому его единственному брату огромныя богатства. Найденная въ бумагахъ умершаго А. А. Б—ка записка послѣдняго съ выраженнымъ въ ней желаніемъ, чтобы наследникъ вносилъ въ первые пять лѣтъ послѣ смерти наследодателя, по 10 тысячъ рублей въ годъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ—по 20 тысячъ рублей, подала мысль И. А. Безбородку учредить въ Нѣжинѣ училище высшихъ наукъ (впослѣдствіи—лицей, а еще позже—институтъ), при чемъ благородный наследникъ прибавилъ еще отъ себя на содержаніе этого училища, кроме завѣщанныхъ братомъ, 210 тысячъ рублей ас., по 15 тысячъ руб. ас. ежегодно, на вѣчныя времена. Такимъ образомъ Нѣжинское училище своимъ учрежденіемъ обязано главнымъ образомъ гр. И. А. Безбородку, за что память о немъ въ Малороссіи должна быть сохранена на долгія времена.... Современники этого богача отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ и

доступномъ. По смерти гр. И. А. Б—ка богатства его унаследовали двѣ дочери¹⁾, бывшія замужемъ: одна—за адмираломъ Г. Т. Кушелевымъ, а другая—за кн. А. Я. Лобановыемъ-Ростовскимъ. Старшій сынъ Кушелева получилъ позволеніе присоединить къ своей фамиліи и фамилію дѣда—Безбородка.

Родился я въ 1807 году 20 дня апрѣля мѣсяца Черниговской губерніи Сосницкаго уѣзда въ мѣстечкѣ Стольномъ. Отецъ мой былъ крестьянинъ графа Ильи Андреевича Безбородка, Емеліанъ Васильевъ Кистяковскій. Мать моя Мареа Софронова дочь. Отецъ былъ средняго роста, довольно грамотный, отчего и занималъ мѣсто управляющаго. Мать, высокая, полная и красивая женщина, завѣдывала всѣми кладовыми, вмѣщавшими въ себѣ продовольственные вещи для графской кухни, десерта и всѣ лакомства. Помню, что, когда я уже подростъ, постоянно являлись къ моей матери за сливками, масломъ, сахаромъ, вареньемъ, изюмомъ, миндалемъ и прочими принадлежностями для закусокъ. Мы, дѣти, нерѣдко бѣгали въ кладовую за подачкою. Насъ было трое: я и еще двѣ сестры: Анастасія и Мавра; съ послѣднею я былъ въ большой дружбѣ и нерѣдко дрался. Рожденіе мое было ознаменовано: бабко была у меня попадья Дарья Василіева дочь Воронкевичева, славившаяся въ то время богатствомъ и почестями. Графъ подарилъ ей 50 руб., а матери на угощеніе гостей два ведра ренского вина съ дозволеніемъ брать все нужное изъ его кладовой. По сказанію матери, изъ вина варили вареную съ изюмомъ и другими ягодами и пряностями, бывшую тогда въ большомъ употребленіи. Нѣсколько дней гуляли, и бабка съ гостями являлась къ графу и получала подарки и изъ графскаго погреба вино бутылками, наливки и медъ.

Воспитаніе мое въ младенчествѣ было самое счастливое на рукахъ нянѣки, но мать кормила меня сама, хотя по желанію графа и была мамка. Въ полгода я сильно заболѣлъ; мать дала обѣтъ юхать въ Рыхлы поклониться Святителю Христову Ни-

¹⁾ Быть у гр. И. А. Б—ка и съыпь, но умеръ мозодымъ.

кояю и испросила крытый экипажъ у графа. Въ дорогѣ не бралъ я уже груди матери и мамки. По прибытии въ обитель Рыхловскую мать заказала заздравную литургию. Она сама говѣла, и меня пріобщили Св. Таинъ. Я видимо сталъ поправляться. Мать сдѣлала вкладъ денежный въ обитель. Строитель игуменъ Амвросій благословилъ меня образомъ Святителя Христова, спискомъ съ чудотворного образа, и предсказалъ моей матери, что она въ позднихъ лѣтахъ будетъ утѣшена моимъ благосостояніемъ¹⁾). Когда я сталъ подростать, меня нянька носила часто въ графскія комнаты, гдѣ я получалъ разныя дѣтскія игрушки. Отецъ мой Емеліанъ рѣдко проживалъ въ Стольномъ: ему дѣлались наряды по Малороссійскимъ графскимъ экономіямъ Черниговской и Полтавской губерній. По отзывамъ старожиловъ, отецъ мой былъ очень добрый и мягкий человѣкъ, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы пригонщики не обижали женщинъ и дѣтей; онъ самъ нерѣдко привозилъ мѣшками бублики изъ Березного и раздавалъ для кормленія дѣтей, приказывая устраивать имъ шалашки въ лѣтнее время и приставляя нѣсколько женщинъ для присмотра дѣтей. Сюда пригонялись люди изъ другихъ близкихъ экономій, Дримайловки, Куликовки и др. На огородахъ и въ садахъ работало болѣе ста душъ. Здѣсь, въ Стольномъ, кромѣ садовъ были огромныя оранжереи и теплицы близъ самого пруда, занимавшія болѣе четверти версты. Здѣсь, въ теплицахъ, росло множество аванасовъ и разнаго рода цвѣтовъ, не встрѣчающихся уже теперь, лимоновъ, апельсиновъ, цитроновъ, винныхъ ягодъ, миндалю, персиковъ, абрикосовъ и испанскихъ вишень рѣдкой величины и вкуса. А сколько было плодовъ лимона около оранжерей, росшихъ на воздухѣ и искусственно сохраняемыхъ! Они были необыкновенной величины, и я такихъ больше никогда не видѣлъ, даже въ Кіевѣ въ продажѣ. Употреблялись они на варенье и для стола. Нынѣ уже только нѣкоторые роды уцѣлѣли, и отъ оранжерей осталась едва десятая часть. Есть еще до полсотни лимонныхъ деревьевъ, нѣсколько апельсинъ, цитроновъ; абрикосовыхъ и персиковыхъ бо-

¹⁾ Она умерла въ 50-хъ годахъ въ нашемъ домѣ и погребена въ селѣ Городищѣ около храма Святителя Христова Николая.

лѣе, но не въ томъ уже видѣ и порядкѣ. Всѣ нѣжные цвѣты и лучшіе сорта исчезли, а теплицы вовсе нѣтъ. Вездѣ намъ дѣтамъ, т. е. мнѣ и сестрамъ, можно было ходить и пользоваться плодами, хотя тогда сторожей было безъ числа и строго воспрещалось входить кому-либо изъ постороннихъ, кромѣ гостей, коихъ сторожа на каждомъ шагу просили не ломать цвѣтовъ; сорванные же плоды садовникъ или ихъ помощники предлагали во время проходки.

Въ 1808-мъ году графъ далъ вольную отцу моему и матери со всѣмъ семействомъ, купилъ мѣсто въ Столѣтномъ на Зубрѣевской улицѣ и приказалъ экономіи построить домъ въ четыре комнаты, амбары, хлѣвы и клуню, развѣсть садъ. У матери моей довольно было собственнаго скота. По устроеніи она наняла надежнаго человѣка, козака Трофима Присѣвка, сдѣлала его полнымъ хозяиномъ; между тѣмъ онъ торговалъ рыбью, солью, чабаками. Въ *Дѣгушѣ* покупалось нѣсколько мажь чабаковъ, соли. Барышъ дѣлился пополамъ, скотъ лишній и овцы на весну продавались въ пользу одной матери. Лошадь онъ имѣлъ отъ себя для своихъ поѣздокъ и потребъ. Насъ лѣтомъ водили въ свой домъ, хотя очень рѣдко, а зимою по праздникамъ возили. Когда я началъ уже подростать и ходить, меня и сестру мою Мавру, бывшую на годъ старше меня, часто водили въ графскіе покои, вмѣщавшіе въ себѣ большое количество комнатъ, украшенныхъ дорогими въ золотыхъ рамкахъ картинами и дорогою мебелью, обитою штофомъ, водили насъ и въ его кабинетъ, гдѣ были золотые обои¹⁾); здѣсь находился портретъ Императора Павла во весь ростъ. Графъ давалъ намъ дѣтскія игрушки, послѣ чего насъ посыпали въ дѣтскія комнаты, гдѣ насъ кормили и давали конфекты и разныя сладости. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ насъ одѣвали прилично и водили въ домовую придворную церковь во имя св. Маріи Магдалины, находящуюся при комнатахъ. Служителемъ сей церкви сначала былъ протопопъ Лаврентій. Онъ былъ искусный рѣзчикъ по дереву. Кресты кириллические напрестольные его ра-

¹⁾ Кушелевъ вывезъ оные обои изъ Петербурга. Сказываютъ, что это подарокъ Ипп. Екатеринѣ (вѣтвѣшему Александру Аѳреевичу).

боты находятся въ Столининскихъ приходскихъ церквяхъ, опрѣвленные въ серебряные позолоченные оклады, какъ рѣдкость. По сказанію матери, онъ былъ умный и весьма отличный служитель, но заболѣлъ и выѣхалъ на родину, въ Стародубскій уѣздъ. Я его чуть помню. Послѣ него переведенъ придворнымъ священникомъ изъ Андреевской церкви свящ. Даніилъ Игнатовичъ, тоже глубокій старикъ, бѣлый, какъ лунь. Сего я очень помню: онъ былъ большой крикунъ, въ церкви постоянно кричалъ на дьячковъ и прѣвчихъ и до того накаживалъ въ церкви, что она была какъ будто вся въ облакахъ. Для графа и его семейства входъ въ церковь былъ сдѣланъ изъ комнатъ, для дворовыхъ же и прочихъ—снаружи, гдѣ при входѣ находилась платформа, на которой висѣли четыре колокола; самый большой изъ нихъ былъ пудовъ въ десять. Въ самой церкви было небольшое помѣщеніе, но при входѣ было сдѣлано что-то въ родѣ приదѣла, гдѣ помѣщались дворовые, а ихъ тамъ было болѣе ста душъ мужскаго пола; въ самой же церкви стояли благородные или близкіе къ графскому семейству его люди. И со стороны графскаго входа находилась также комната съ большими стеклянными дверями. Въ церкви былъ только одинъ клиросъ; надъ нимъ висѣла большая икона въ золотой рамѣ, академической работы, изображавшая Благовѣщеніе. Здѣсь же въ углу прибита была благословенная икона Святителя Христова Николая Рыхловскаго, предъ которою всегда теплилась лампада и горѣла восковая свѣча во время каждого богослуженія; это доставлялось моей матерью, строго исполнявшей сей обѣтъ. На другой сторонѣ, на стѣнѣ, висѣла икона Рождества Христова—поклоненіе царей рождшемуся Спасителю, тоже академической работы. Здѣсь всегда стоялъ графъ во время богослуженія. Помню, онъ пріобщался Св. Таинъ на первый день св. Христова Воскресенія, послѣ коего всѣ дворовые во входной предъ церковью комнатѣ подходили къ нему христосоваться по чину, и камердинеръ и нарочитые близкіе получали изъ рукъ его пару красныхъ яицъ, а послѣ прочимъ самъ камердинеръ раздавалъ яйца и христосовался. Наша же семья входила въ столовую и разговаривала съ графомъ и его близкими. Тогда же послѣ за-

куски получали мы денежную награду изъ рукъ графа, цѣлую его въ руку: намъ, дѣтямъ, онъ давалъ по пятирублевой ассигнаціи, отцу и матери—по 25 рублей. Графъ жилъ въ сіе время оттого самъ, что устраивалъ своимъ коштомъ Домницкій монастырь. Графское семейство жило въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1809 года графъ выѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ весеннему его пріѣзду со всѣмъ семействомъ. Мать рассказывала, что еще до его пріѣзда наѣхало изъ Петербурга и разныхъ экономій много людей, искусствныхъ въ разныхъ приготовленіяхъ закусокъ, и цѣлые облавы охотниковъ. Все время шло копченье, приливанье, соленье; работали медовары, пивовары и составители разныхъ ликеровъ и наливокъ. Постомъ прибыли цѣлые караваны съ винами и прочими принадлежностями къ столу. Распространилась молва, что скоро пріѣдетъ графъ со всѣмъ семействомъ. Много всѣмъ было дѣла. Наконецъ, въ началѣ мая прибыла часть его обоза. Вскорѣ засуетилась вся дворня: начали вывозить кареты, разные экипажи; изъ другихъ экономій выслали много лошадей, экипажныхъ и верховыхъ. Наконецъ, высланы лошади на нѣсколько станцій, поскакали гайдуки изъ Столънаго, вся дворня всполошилась. Съ полудня появились впереди кареты, штукъ до шести, послѣ разные экипажи. Когда кареты вѣзжали на парадный, дворъ, то послѣдніе экипажи были только въ началѣ вѣзда. Для насть, дѣтей, памятно, какъ гайдуки скакали предъ каретами, кучера и форейторы хлопали бичами, колокольчики звенѣли; все это съ послѣдней станціи одѣто въ ливреи, въ золотыхъ позументахъ и шляпахъ съ позументами. Изъ Петербурга и другой какой-то экономіи пріѣхало два оркестра музыки: одинъ духовой, а другой—инструментальный. Въ обѣдь играла инструментальная музыка, а по вечерамъ—духовая. Помню, что огромныя трубы лежали на подмосткахъ въ саду около большого крыльца.

На другой день рано являлись съ визитомъ: первый—генераль Бобиръ съ семействомъ, Даниловичи-Городинскіе, священникъ Василій Воронкевичъ съ матерью, моей бабкою, затѣмъ исправникъ и засѣдатель. Они всегда были оставляемы отобѣдывать. Матери моей и отцу ни днемъ, ни ночью не было покоя:

всѣ пріѣзжие являлись на поклонъ. Затѣмъ безпрерывныя требованія для кухни за провизіей, а тутъ постоянно прибѣгали за сливками, сливочнымъ масломъ, за вареньемъ и разными пряностями. Все питье находилось на рукахъ дворецкаго. Вина и ликеры печатные помѣщались въ погребѣ подъ комнатами, а пиво, медъ, кислощи и наливки—въ отдельномъ каменномъ погребѣ. У дворецкаго былъ помощникъ, выдававшій изъ другого погреба, и все выданное ими записывалось. Въ конторѣ было пять писарей съ главнымъ конторщикомъ. Можно судить, сколько расходилось. Всего было 25 коровъ, да къ пріѣзду графа пригнано было изъ степныхъ экономій столько же дойныхъ. 12 душъ коровницъ утромъ и вечеромъ надаивали шесть носатокъ, каждая ведерь въ 7. Каждая пара коровницъ несла такую носатку на жерди, лежащей на плечахъ, самая же носатка висѣла на срединѣ. Приходили къ ледовнѣ и здѣсь разливали въ гладыжки, коихъ было несмѣтное количество; здѣсь снимали сливки, молоко раздавали дворнѣ, потомъ снимали сметану и здѣсь же вливали въ колотушки для битья масла. Большое количество отсыпалось на кухню.

Нерѣдко мы ходили съ коровницами на большую леваду находящуюся надъ озеромъ, а это не близко. Тамъ былъ птичій дворъ; больше тысячи было тамъ домашней птицы—индюковъ, гусей, утокъ, куръ. Тутъ же былъ винокуренный заводъ, хлѣбные сараи и клуны, стояло большое количество скирдъ ржаного хлѣба и сѣна. Тамъ была построена пѣлая колонія хатъ для рабочаго народа.

Вскорѣ по пріѣздѣ графа съ семействомъ¹⁾ начали съезжаться гости изъ Чернигова. Шли приготовленія къ освященію Домницкой обители. Прибыли изъ Чернигова губернаторъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а затѣмъ за день или болѣе преосвященный Михаилъ, архіепископъ Черниговскій.

Здѣсь исполнилось неожиданное назначеніе всей моей будущей судьбы. Мать потребовали со мною въ графскія комнаты. Преосвященный благословилъ мать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня,

¹⁾ Ибо двѣ дочери уже были въ замужествѣ: первая, Клеопатра, за кнізьемъ Лобавовымъ-Ростовскимъ, а другая за Кушелевымъ, дѣдомъ вынѣшней Пушкиной.

стоявшаго съ матерью; затѣмъ онъ объявилъ свое архипастырское благоволеніе, что я принимаюсь въ духовное званіе, водилъ меня по парадной комнатѣ и говорилъ: „ты будешь получать содержаніе въ духовномъ училищѣ отъ меня“. Слѣдовательно, я долженъ быть носить другую еще фамилію Михайловъ, которую усваивали въ Черниговской семинаріи получающіе таковое пособіе. Но обѣ этомъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

За день большимъ обозомъ отправилась кухня въ Домвицкій монастырь. Данъ былъ приказъ ловить рыбу во всѣхъ возможныхъ озерахъ. Рано съ разсвѣтомъ тронулся весь кортежъ каретъ и прочихъ экипажей съ гостями и со всей ливрейной прислугой. Много каретъ и экипажей возвратилось вечеромъ, а другая часть—на слѣдующій день. Готовились опять къ балу, заготавливали плошки, разные фонари, фейерверки; нѣсколько фалконетовъ выставлено или, какъ именовали ихъ, мощирей, на площадкѣ въ саду. Опять прибыло много гостей. Для три это продолжалось. Отъ насъ позабрали всю, какая была лучшая, постель и отъ прочихъ дворовыхъ, кто имѣлъ таковую лучшую. По окончаніи баловъ стали разѣзжаться; вскорѣ уѣхали и петербургскіе гости и зятья. Говорятъ, они были на должностяхъ.

Остался графъ и графиня съ сыномъ, да докторъ Мисинадо, французъ; музыка почти вся была отправлена: остались одни турбанисты, танцующіе съ турбаномъ и пѣніемъ. Все вошло въ прежнюю колею. Мать говорила, что она до того была истомлена, что болѣе недѣли проболѣла. Молодой графъ часто приходилъ съ докторомъ Мисинадо къ намъ въ домъ; они удалялись въ угловую комнату еще съ какимъ-то господиномъ и моимъ отцомъ. Здѣсь они играли въ карты и шашки; дворецкій приносилъ имъ попойку, бутылки вина и наливки. Молодой графъ любилъ погулять; впрочемъ, онъ былъ больной и полудиоитъ. Онъ очень уважалъ мою мать и нерѣдко называлъ ее мамашей и боялся, если мать когда-либо останется чѣмъ-либо недовольна.

Въ сіе время я уже начиналъ ходить гулять, хотя и съ вианькой. Товарищемъ моимъ былъ Пётръ Дайнека, сынъ булочницы; она же пекла просфоры для домашней дворовой церкви

и для приходской Спасопреображенской. Дружба наша продолжалась и тогда, когда начали учить и посыпать въ школу къ пономарю, очень сердитому и любившему выпивку.

Графа-владѣтеля я никогда не видѣлъ въ нашемъ домѣ. Мать постоянно требовали въ комнаты. Иногда по вечерамъ и утрамъ сестру Мавру и меня туда водили, давали намъ пить чай съ разными булками, сухарями и прочими сладостями. Входилъ графъ, и мы подходили цѣловать его руку. Онъ приказывалъ принести намъ разныхъ конфектъ и сладостей, и мы выходили съ наполненными салфетками. По приходѣ мать отъ насъ отбирала принесенное и давала малую только часть, за что мы иногда ссорились до драки.

Сестра Анастасія не участвовала въ нашихъ гуляньяхъ: она уходила учиться къ какой-то графской швейной мастеріцѣ.

Особенно намъ нравилось, когда собирались у насъ гости—всѣ приближенные графскіе, мужья съ женами и дѣвушками. Угощеніе шло на славу: вареная малороссійская играла главную роль, наливка и вино лились въ изобилії, закуски были найлучшія. Здѣсь участвовалъ и главный поваръ Антонъ, пузатый мужчина, одѣвавшійся очень прилично; въ кухнѣ же во время приготовленія обѣда онъ былъ весь въ бѣломъ, какъ снѣгъ.

Эти угощенія бывали больше тогда, когда графы отѣзжали куда-либо въ гости. Приходившіе намъ всегда приносили много разныхъ гостинцевъ и подарковъ. Главный садовникъ, участвовавшій въ этихъ цирушкахъ, приносилъ разные оранжерейные плоды, какихъ нынѣ уже и видѣть не приходится. Призывали турбанистовъ; они одѣвались въ избранное имъ платье и плясали подъ напѣвъ и игру удивительнымъ и искусственнымъ образомъ, подобно паяцамъ.

Въ 1810-мъ году въ юнѣ мѣсяцѣ умеръ нашъ отецъ Емеліанъ, оплаканный всѣмъ семействомъ и дворовыми людьми: онъ былъ мягкий человѣкъ и любимый всѣми. Болѣзнь его была простудная— чахотка. Онъ болѣлъ всю зиму, и докторъ французъ Мисинадо поддерживалъ его, но сказалъ матери, что никакія лѣкарства не помогутъ и что весною или въ началѣ лѣта онъ умретъ.

Мать не жалѣла ничего для погребенія, сдѣлала склепъ просторный, чтобы когда-нибудь по смерти быть погребенной и ей¹⁾). Похороны были великолѣпныя: были священники съ причтами изъ трехъ церквей.

Его погребли близъ Андреевской церкви въ паперти. Здѣсь въ церкви погребена мать графовъ, Евдокія, на лѣвой сторонѣ, гдѣ въ стѣнѣ находится позлащенная таблица съ означеніемъ времени рожденія, службы и смерти. Она была статсь-дама, имѣла орденъ св. Екатерины и служила при дворѣ при трехъ монархахъ. Въ послѣднее время она и жила здѣсь при церкви, въ домѣ изъ нѣсколькихъ комнатъ для нея и для ея прислуги.

Она вела жизнь отшельническую, удаливъ отъ себя всякую роскошь и суету міра. Она не ъѣздила даже въ графскій дворецъ, а самъ графъ часто пріѣзжалъ къ ней; да она вообще никуда не выѣзжала, кромѣ Домницкаго монастыря къ своему духовнику, архимандриту и настоятелю Іерофею Малицкому. Благодаря ея ходатайству предъ сыномъ, свѣтлѣйшимъ, онъ хиротонисованъ въ архіереи, а послѣ въ митрополиты кіевскіе.

Мать устроила каменный памятникъ надъ могилой отца, который и нынѣ существуетъ. Въ 1849 году, въ бытность священника Аделфинскаго, я его подправилъ и отщекатурилъ. Въ то время я былъ благочиннымъ.

Здѣсь было много памятниковъ деревянныхъ, но они разрушились и не существуютъ, кромѣ одного, каменнаго, надъ могилой генераль-маіора Степана Бобира и другого, поставленнаго бывшимъ управляющимъ Петромъ Тузовымъ на могилѣ единственнаго сына. Послѣдній памятникъ былъ что-то въ родѣ малой церкви и стоилъ болѣе тысячи рублей. Этотъ мальчикъ подавалъ большія недежды. Въ памятникъ стоятъ его механическія мельницы и прочія модели, сдѣланныя имъ собственнымъ рукодѣліемъ на 13-мъ году жизни.

Въ 1811-мъ году графъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ въ Петербургъ. При отѣзданіи была призвана мать для проща-

¹⁾ Ей не суждено тамъ быть погребенной, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

нья; графъ предложилъ ей свою енотовую шубу, немногого только иошеннюю; мать отказалась, и онъ тутъ же подарилъ ее дворецкому Фомѣ Бойку, сказавъ при этомъ: „Марфа, Марфа! Придетъ тебѣ темная ночь!“ Слова его сбылись въ послѣдующей жизни моей матери.

Послѣ отъѣзда графа произошли большія перемѣны: управляющій Дмитрій Петровъ Рствовичъ переселилъ мать мою въ домъ за дворомъ, гдѣ проживали впослѣдствіи сахаровары нѣмцы, а нынѣ садовникъ Кохъ.

Правда, домъ былъ помѣстительный.

Меня стали учить: сначала пономарь дворовой церкви ходилъ къ намъ на домъ, а послѣ я и сестра Мавра сталиходить къ нему въ школу, дворовъ черезъ шесть, по большой улицѣ. Мы ходили больше съ Петромъ Дайнекою: онъ заходилъ за мною. Конечно, наше хожденіе было не безъ штукъ и шалостей: мы заходили на цвінтарь драть воробьевъ, а въ лѣтнєе и осенне время забирались въ графскій садъ, гдѣ лакомились ягодами, грушами, яблоками, сливами, нерѣдко зелеными. Насъ, какъ привилегированныхъ, не наказывали розгами, а ставили на колѣна и грозили подсыпать гречки. За то, когда нашъ учитель приходилъ жаловаться материамъ, не обходилось безъ потасовки. Прочихъ онъ дралъ, можетъ быть для внушенія намъ страха, и при отпускѣ въ субботу давалъ такъ называемыя „субботки“. Въ это время онъ всегда бывалъ пьянъ.

Діомедъ Афанасьевичъ Скриба (такъ звали нашего учителя) величался своимъ знаніемъ, силою и разгонялъ всю свою семью. Но лѣтомъ онъ заболѣлъ и умеръ на паперти дворовой церкви, подъ колоколами; онъ тамъ болѣе мѣсяца болѣлъ, не ходилъ въ домъ, хотя около церкви прогуливался съ трудомъ. Его занимали пчелы, которыхъ нѣсколько пней стояло тутъ-же въ саду; онъ за ними смотрѣлъ, потому что съ паперти былъ ходъ въ садъ.

Мы часто ему приносили по распоряженію матери лучшую, какая была, пищу. Мать моя была вообще человѣколюбивая женщина и никогда не отказывала бѣднымъ, въ чемъ могла, за что отъ дворовыхъ и знатныхъ ее прочихъ людей заслужила добрую память. Когда онъ умеръ, мать приняла въ

домъ въ качествѣ учителя какого-то странника Демьяна, который болѣе занимался молитвой, чѣмъ нашимъ обученіемъ: заберется на гору и тамъ на колѣнахъ съ плачемъ молится. Сестра Мавра не давала ему покоя, постоянно издѣвалась надъ нимъ, и онъ часто уходилъ въ графскій садъ въ какую-нибудь гущу, глушь, собственно для молитвы. Впрочемъ, онъ былъ строгъ, постоянно держалъ розги, часто наказывалъ по одеждѣ, легко нами одѣтой. За это сестра Мавра ломала часто его розги и ругала его самыми неприличными словами. Едва ли онъ насъ училъ больше года, послѣ чего удалился, не знаю куда.

Въ 1811 году мать моя получила по ея просьбѣ позволеніе поѣхать съ семействомъ въ Кіевъ на поклоненіе св. угодникамъ, а оттуда въ Переяславскій уѣздъ Полтавской губерніи, въ селеніе Богданы для свиданія съ родною сестрою Шелагіею, бывшею тамъ въ замужествѣ тоже за управляющимъ. Экономія дала матери новую крытую бричку, трейку конюшенныхъ лошадей и кучера Герасима, прежде ъездившаго съ графомъ, но по старости лѣтъ замѣненнаго для графскихъ выѣздовъ сыномъ его Емельяномъ. Насъ съ матерью было четверо, да пятой была воспитанница, дѣвка Ирина, выданная впослѣдствіи замужъ за садовника Марка Цыбу, съ приличнымъ вознагражденіемъ. Дорогою насъ ужасно удивляли, особенно подъ Кіевомъ, дремучie тогда, высокіе сосновые лѣса. Разсказы кучера о томъ, что въ этихъ лѣсахъ обитають разбойники, ужасно насъ страшили, но мы ночью, какъ помню, не ъхали и рано останавливались ночевать.

По прїїздѣ въ Кіевъ мы остановились въ графскомъ дворцѣ на Печерскѣ.

Здѣшній управляющій, а нынѣ дворецкій, принялъ насъ найлучше, помѣстилъ насъ въ домъ, занимаемомъ имъ и его семействомъ; домъ былъ довольно обширный. Намъ здѣсь было очень удобно и вполнѣ прилично: столъ мы имѣли совмѣстный съ семействомъ управляющаго, чай и прочее—тоже. При домѣ находился садъ съ ужасными байраками, гдѣ мы съ дѣтьми управляющаго постоянно бѣгали, гуляли и рвали плоды; помню,

виноградъ еще былъ зеленый и кислый, такъ какъ это было, вероятно, въ іюль мѣсяцѣ.

Дѣти управляющаго ходили въ классъ.

Иногда мальчики доводили меня до плача. Послѣ обѣда мы пускались въ запуски гулять, и это оканчивалось миромъ.

Помню, какъ насы возили въ церкви, особенно Киево-Черкесскую Лавру, гдѣ водили насы по всѣмъ пещерамъ для поклоненія и цѣлованія святыхъ угодниковъ. Особенно запечатлѣлись въ моей памяти мои Ioanna многострадальнаго въ землѣ, съ главы коего снимали шапочку и надѣвали мнѣ на голову, а также помазаніе елеемъ или муромъ съ муроточивыхъ главъ св. угодниковъ. По выходѣ изъ пещеръ давали намъ по большой просвирѣ и водили насы по всему монастырю.

Сильно запечатлѣлось въ моей памяти и то, какъ показывали намъ, когда водили по пещерамъ, въ желѣзные гратачки, гдѣ лежали 12 братьевъ, замурованныхъ по смерти и строившихъ Лаврскую колокольню. Помню, какъ намъ показывали и маленькая церкви пещерскія, гдѣ мать нанимала обѣднью, послѣ которой намъ давали красное вино и крохи просвиры. Я вынесъ оттуда впечатлѣніе, которое роилось долго у меня въ головѣ, а по приѣздѣ домой я передавалъ мальчикамъ все видѣнное на разные лады, какъ понималъ. Послѣ того возили насы и по другимъ церквамъ, напр.: въ Михайловскій соборъ, гдѣ почиваютъ мои св. Великомученицы Варвары.

Тамъ, помню, купили и Акафистникъ св. Варвары, изъ котораго сестра Анастасія рассказывала впослѣдствіи намъ изъ картинокъ, тамъ напечатанныхъ, ея, св. Варвары, великая мученія и страданія отъ отца ея Діоскора. Возили насы въ Софійскій монастырь, гдѣ почиваются мои св. Макарія, въ Андреевскій, Десятинную церковь и пр.

Проживъ въ полномъ довольствѣ въ Києвѣ¹⁾ около недѣли, мы простились съ семействомъ дворецкаго и поѣхали на Перея-

¹⁾ Помнится, что когда въ 1856 году, въ январѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Києвѣ при поступленіи въ університетъ сына Феодора, я просилъ старшаго сына Александра повезти меня на Печерскъ, не узная ли я места графскаго, гдѣ мы квартировали, и я указалъ. Сынъ Александръ сказалъ, что это место продаво Компанией дилижансовъ.

славъ, въ которомъ тоже останавливались у какой-то лѣкарки, вѣроятно акушерки. Сестра Анастасія заболѣла какими-то лишаеми на локтяхъ руки и изгибахъ колѣнъ.

Хозяйка наша, немолодая крупная женщина, была хорошо знакома нашей матери. У нея мы и квартировали. Помню, сестра Анастасія больно плакала, когда ее вытирали какими-то мазями, что дѣлалось въ отдѣльной комнатѣ. Мы здѣсь прожили дня три. Насъ тоже водили, не знаю, въ соборъ, или монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Макарія, но все это помнится мнѣ, какъ въ сновидѣнніи. Изъ Переяслава мы отправились уже въ Богданы, экономію графа. Прибыли мы туда днемъ. Насъ встрѣтили радушно. Родные отвели намъ домикъ посреди экономического двора, выстроенный для прїѣзда главноуправляющаго. Онъ былъ невеликъ, но красивъ и довольно помѣстителенъ. Здѣсь прожили мы въ полномъ довольствѣ. Помню, по утрамъ приходилъ кучерь и говорилъ: „ну, панюшка Марфа Софроновна, здѣсь лошади откорматся, овса никогда не поѣдаютъ, сѣно посѣвное, какого онъ не видали во всю дорогу.“ Оно косится для „шлюнскихъ“ овецъ, коихъ тутъ большой заводъ.

Пирушки и попойки были ежедневныя. Насъ водили и по прочимъ дворамъ лучшихъ людей и вездѣ насъ кормили сладостями. Во дворѣ было безчисленное множество всякой птицы, а голубей столько, что мы удивлялись ихъ множеству. Кромѣ помѣщений на кровляхъ, по срединѣ двора была устроена на четырехъ столбахъ огромная голубятня, гдѣ помѣщались сотни голубей.

Помню, что тамъ было безчисленное количество арбузовъ и дынь и какихъ-то тыквъ, какихъ я теперь не вижу. Садовъ въ селѣ не видно, кромѣ небольшого графскаго. Здѣсь было много рогатаго скота, много воловъ съ большими рогами, какихъ я послѣ мало гдѣ видѣлъ.

Отсюда, проживши съ недѣлю, мы поѣхали уже домой; по дорогѣ заѣзжали еще въ графскую экономію, Оржицу, гдѣ тоже почевали при всемъ довольствіи экономическомъ. Затѣмъ мы прїѣхали въ Нѣжинъ, гдѣ только отдыхали на Лицейскомъ

дворѣ. Мать ѿздила въ лавки и покупала то, что ей было нужно. На ночь мы отправились въ Веркіевку, главное управление. Здѣсь управлялъ помѣщикъ Богунъ, имѣвшій самъ душъ двѣстіи крестьянъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ. Когда ему было доложено о пріѣздѣ матери съ семействомъ, онъ распорядился, чтобы намъ отвели помѣщеніе въ отдѣльномъ флигелѣ, а мать скоро потребовали къ главноуправляющему. Насъ лакеи его угостили чаемъ, а когда пришла мать, то подали ужинъ. Мать была сильно встревожена объявлениемъ Богуна о большомъ наборѣ рекрутъ и о томъ, что графъ скоро пріѣдетъ изъ Петербурга, при чемъ онъ объявилъ, что молодой графъ отправился въ Польшу съ козачьимъ полкомъ, коего онъ назначенъ полковымъ командиромъ.

Поутру опять мать звали къ Богуну, который далъ ей разныи бумаги въ экономію и распоряженія относительно пріѣзда графа, который долженъ прибыть ненадолго и безъ семейства. Здѣсь намъ перемѣнили третью лошадь, которая оказалась закривѣвшою. Послѣ обѣда мы отправились и ночевали въ какой-то тоже богатой экономіи. Это было сдѣлано уже по желанію кучера Герасима, т. к. у него здѣсь были родичи. Здѣсь громадное винокуреніе, и, кажется, у тамошняго приказчика разгулы продолжались за полночь. На другой день мы рано выѣхали изъ этой экономіи и къ позднему обѣду прибыли въ Стольное.

Занятія матери пошли своимъ порядкомъ, а Демьянъ нашъ возвратился и опять сталъ насъ учить. Я уже выучилъ грамматику и часловецъ, началъ учить псалтырь и писать по деревянной длинной таблицѣ, разведенной крейдою, перомъ. Вскорѣ опять нашъ Демьянъ покинулъ насъ и удалился въ Домніцкій монастырь, гдѣ, говорятъ, онъ прожилъ болѣе года и удалился неизвѣстно куда.

Осенью прибылъ графъ безъ всякаго семейства, и безъ всегданней его петербургской прислуги, а съ однимъ только поваромъ, въ дорогѣ нужнымъ потому, что здѣсь лакеевъ, истопниковъ и прочей прислуги было довольно. Помню, стали сгонять изъ разныхъ экономій молодыхъ и лѣтныхъ молодцовъ

для отвозки въ рекрутъ. Мать уже не завѣдывала кладовыми. Ими завѣдывалъ кондиторъ и его жена, а на рукахъ матери была только молочная и ледовня, теперь еще существующія въ видѣ башенъ съ флюгерами на верхнихъ куполахъ, на которые мы съ удовольствіемъ смотрѣли, когда они во время вѣтра вертѣлись.

Во время своего пребыванія въ Стольномъ, графъ часто выѣзжалъ въ разныя экономіи, въ Черниговъ и Нѣжинъ.

Сюда прибылъ изъ Чернигова Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а также прїѣзжали болѣе известные помѣщики изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Музыки не было, кромѣ турбанистовъ и придворной пѣвчей. Въ церкви настоятелемъ по прежнему былъ тотъ же священникъ Даніїль Игнатовичъ.

Для болѣе скораго полученія писемъ изъ Чернигова была устроена постоянная домашняя почта до Чернигова.

По воскресеньямъ въ Стольномъ установился торгъ, на которомъ фигурировали большою частью березинскіе торгаші или, какъ ихъ называли тогда, крамари. Большая часть ихъ состояла изъ женщинъ, занимающихся мелкимъ крамомъ—продажей лентъ, мониста, серегъ, личмановъ и проч. мелочи. Были крамари съ платками, ситцами, демикотонами, разною пестрядью, пряниками, орѣхами, изюмомъ, сахаромъ и проч. бакалею. Все это было неизысканно, но болѣе всего удобно для продажи поселянамъ и дворянамъ, которые, за исключеніемъ графа, Бобыра и Даниловича, жили тоже неизысканно. На базаръ прїѣзжали также крамари съ сапогами и горшечники съ простою и поливаною посудой, бывшею тогда въ большомъ употребленіи. Графъ, дабы привлечь крамарей, нерѣдко покупалъ весь товаръ и въ присутствіи своихъ раздавалъ его своимъ дворовымъ людямъ, начиная отъ ситцовъ, платковъ, демикотоновъ и проч., а молодымъ дѣвкамъ, парнямъ и молодицамъ бросали очинки, мелкіе платки, дѣвкамъ—ленты, мониста, серьги, личманы и всякую мелочь, мальчикамъ и дѣвочкамъ—пряники, бублики, булки, сайки и прочую бакалейную мелочь. Здѣсь сидѣли графъ и прочіе гости, если таковые были, и съ интерес-

сомъ смотрѣли, съ какимъ удовольствиемъ народъ все схватывалъ. Писаря сначала записывали по здѣшней оцѣнкѣ товары, предназначенные для раздѣла, пользуясь при этомъ всѣмъ лучшимъ, хотя тутъ же управляющій Роговичъ повѣрялъ. Сапоги и башмаки также раздавались писарями, войтами и прикащиками.

Затѣмъ графъ приказывалъ отпустить нѣсколько ведеръ горѣлки и пива, которымъ присутствовавшіе угощались до поздней ночи, послѣ чего составлялись хороводы и пляски.

Все это дѣлалось для того, чтобы привлечь крамарей къ наибольшему торгу и заинтересовать людей оборотами. Всѣ продававшіе шли въ контору и получали расплатку или забирали въ счетъ изъ экономіи товаръ, толстые холсты, сыръ, ненужное масло, сало свиное, свѣчное, кожи и проч., благодаря чему многіе оставались до другого дня по своимъ выгодамъ, но торгъ уже не производился, и товары почти всѣ разобраны бывали экономіей или сельскими покупателями. По рассказамъ матери, по тогдашней дешевизнѣ, это не восходило выше полутораста рублей ассигнаціями: еще тогда имѣли цѣну денежки и полушки, а копѣйки мѣдныя—уже былъ счетъ болѣе значительный.

Въ концѣ 1811-го года начали выбирать ратниковъ для ополченія. Графъ все еще жилъ въ Стольномъ. Почти все время у него жилъ Милорадовичъ, а также очень часто изъ Березной пріѣзжалъ лѣкарь Самарскій, весьма известный въ то время. Онъ былъ графскимъ и экономическимъ врачомъ. Въ экономіи было два фельдшера, одинъ изъ которыхъ, наиболѣе славившійся, Шульцъ, снабжалъ еще меня лѣкарствами, когда я уже кончалъ курсъ науки и хворалъ въ домѣ.

Въ началѣ 1812-го года мать просила у графа увольненія отъ возложенныхъ на нее обязанностей, съ тѣмъ, чтобы поселиться въ домѣ и заняться по хозяйству. Графъ согласился и сдѣлалъ распоряженіе экономіи выдавать полную провизію ей и дѣтямъ, такую получали дворовые, занимавшіе близкія мѣста къ графу. Кромѣ того, онъ приказалъ выдавать по пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ случаѣ выхода замужъ, выдача провизіи

прекращается, а дѣти получаютъ до совершеннолѣтія, и деньги также передаются на дѣтей.

Затѣмъ графъ лично пожелалъ видѣть устройство дома матери. Все было приготовлено для встрѣчи и приема, все вычищено, выбѣлено. Графъ прїѣхалъ въ крытыхъ дрожжахъ, ходилъ вездѣ и все разсматривалъ. По предложенію матери онъ пилъ кофе. Онъ подарилъ на обзаведеніе сто рублей, а экономіи велѣлъ выдать изъ столярной всю нужную мебель; кроме того, онъ велѣлъ дать пару коровъ и всякаго мелкаго скота, овецъ, свиней, даже всякой птицы, чѣмъ завѣдывала мать.

Къ тому же онъ велѣлъ давать ежегодно двѣ прислуги—женщину и девку—для присмотра за дѣтьми. Все, что мать могла получить тогда же, было получено исправно, что же было предоставлено времени, вовсе намъ не досталось.

Графъ получалъ постоянно бумаги изъ Петербурга, и къ нему явился много чиновниковъ, т. к. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милицій малороссійскихъ губерній. Въ то время онъ уже имѣлъ мундиръ и все убранство милиційское, сдѣланное въ Петербургѣ. Бывши уже священникомъ, я видѣлъ этотъ мундиръ съ бѣлымъ воротникомъ, залитымъ шитьемъ. Тутъ же были орденскія ленты, красная и голубая, и прочія принадлежности. Мундиръ висѣлъ на верху, во второмъ этажѣ, на большомъ вольтеровскомъ креслѣ; здѣсь же находились орденскія ленты, ботфорты и проч. Впослѣдствіи все это было отправлено въ Петербургъ.

Графъ собирался выѣхать въ Петербургъ и вскорѣ выѣхалъ. Это было его послѣднее пребываніе въ Стольномъ.

Въ это время насть постоянно запугивали французами, увѣряя, что французы придутъ и сюда, будутъ мучить и рѣзать людей, а малыхъ дѣтей давить и прищемлять лавками. Этотъ разсказъ такъ подействовалъ на насть, что при упоминаніи о приближеніи французовъ мы не знали, гдѣ дѣваться. Каждый почти день весною и лѣтомъ мы видѣли проходящихъ москалей, какъ мы ихъ тогда называли, а также козаковъ на лошадяхъ съ пиками. Проходъ ихъ чрезъ Стольное всегда сопровождался пѣніемъ съ барабанами и дудками. Они иногда останавливались

на базарной площади, и солдаты были угождаемы водкой и съестными припасами, офицеровъ же управляющей Роговичъ приглашалъ въ одинъ изъ графскихъ флигелей, где имъ также предлагалось угоженіе. На площадь сгонялись подводы для подъема амуниціи и прочаго офицерскаго и солдатскаго имущества. На веснѣ или въ началѣ лѣта шли Костромцы, народъ довольно крупный. Мы, какъ дѣти, ихъ тоже боялись. Помню, все шли разсказы о томъ, что французы жгутъ села и города и добираются до Москвы. Безпрестанно шли ратники, выгонялись подводы съ сухарями, выдавался хлѣбъ изъ магазиновъ, который сушили, мололи и пекли сухари. По раскладкѣ наряжались изъ дворянъ защитники для сопровожденія и доставки сухарей въ Полышу и близъ лежащія мѣста. Плачъ въ семействахъ, по разсказамъ, былъ великій.

Прошло лѣто, не было уже видно солдатъ, а зимою стали говорить, что французы всѣ померзли и вездѣ ихъ бывть, что большая часть ихъ *повтекали* и самъ Бонапартъ утекъ. Послѣ народъ сталъ радоваться, когда въ церквяхъ стали читать манифести и реляціи о пораженіи враговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Труды А. Ф. Кистяковского въ области исторіи и обычнаго права.

Десять лѣтъ прошло со дня смерти А. Ф. Кистяковского, и теперь, думается намъ, наступило время спокойной, чуждой интересовъ и страстей минуты, оцѣнки по крайней мѣрѣ его ученої дѣятельности, наступило время опредѣлить то мѣсто, какое занималъ онъ въ общей научной работѣ, роль и значеніе его изслѣдованій въ сферѣ науки.

Само собою разумѣется, что здѣсь, на страницахъ журнала, посвященнаго вопросамъ исторіи, рѣчь можетъ идти далеко не о всей совокупности работъ и изслѣдованій А. Ф. Кистяковского: юристъ по занятіямъ и по профессіи, спеціалистъ по уголовному праву,—главнѣйшую и наибольшую долю своего вниманія онъ, естественно, долженъ былъ посвящать и посвящалъ вопросамъ уголовнаго права, его разработкѣ. Каковы значеніе и роль его трудовъ въ этой области,—рѣшить этотъ вопросъ дѣло юриста, и рѣшеніе такое можетъ найти свое мѣсто на страницахъ спеціального юридического журнала.

Но дѣло въ томъ, что А. Ф. не принадлежалъ по числу юристовъ-спеціалистовъ, замыкающихъ всепѣло и исключительно въ изученіе „свода“, въ его научное и практическое изученіе и объясненіе, да по складу своего ума, по своимъ наклонностямъ и не могъ принадлежать къ нимъ. Тѣмъ, кто, подобно пишущему настоящія строки, стоялъ близко къ нему,—хорошо известны и тотъ глубокій интересъ, съ какимъ онъ слѣдилъ всегда за всѣмъ, касающимся вопросовъ исторіи и исторической на-

уки, и то вниманіе, съ какимъ онъ изучалъ научные пріемы, вырабатываемые въ исторической наукѣ, съ какимъ старался онъ примѣнять ихъ къ явленіямъ исторической общественной жизни и Европы, и родной ему страны. Еще въ 1864 году, когда я впервые познакомился съ нимъ, затѣмъ вплоть до послѣднихъ почти минутъ его жизни, не разъ въ минуты увлеченія, въ бѣсѣдѣ то о новыхъ работахъ въ области исторіи, то о новыхъ путяхъ и методахъ, создаваемыхъ европейской исторической наукой, выражалъ онъ сожалѣніе, что не можетъ отдаться всецѣло историческимъ работамъ, изслѣдованіямъ по вопросамъ о развитіи общественного строя, общественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ видѣлъ главное основаніе научнаго настроенія исторіи, не можетъ сосредоточиться исключительно на разработкѣ и мѣстной исторіи, интересовавшей его по преимуществу. Излюбленной мечтой его, о которой нерѣдко онъ говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ, было составленіе такой работы, которая дала бы,—насколько то было возможно,—ясное *научное освѣщеніе* прошлому, и всѣ свои досуги, всѣ свободныя минуты онъ отдавалъ собиранію данныхъ для этой цѣли, собиранію материаловъ, на недостатокъ и необработанность которыхъ онъ нерѣдко указывалъ. Но обладая умомъ яснымъ и широкимъ, неспособнымъ въ метафизическимъ построеніямъ, но за то вполнѣ позитивнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ не могъ и не былъ склоненъ съузиться въ какой нибудь одной области, ограничиться изученіемъ только одного какого либо явленія, не довольствовался также и изученіемъ его, лишь самого по себѣ и въ самомъ себѣ, изученіемъ, ведущимъ только къ простому констатированію его... Знакомство,—и знакомство, долженъ я замѣтить, весьма глубокое и обширное,—и съ западно-европейской исторіей, и съ западно-европейской жизнью и общественными отношеніями, какъ они складывались въ прошломъ, и съ методами исторического изслѣдованія, методами, касавшимися и изученія материала, и,—главное,—обработки этого материала, давало ему въ руки одно изъ тѣхъ могущественныхъ и безусловно-необходимыхъ орудій, обладаніе которыми одно, главнымъ

образомъ, и можетъ привести къ плодотворнымъ изслѣдованіямъ, къ работамъ, оставляющимъ слѣдъ въ наукѣ.

Въ двухъ направленихъ старался онъ примѣнить выработанный имъ методъ и сложившіяся у него воззрѣнія: къ изученію какъ мѣстной исторической жизни, такъ и мѣстныхъ проявленій народной жизни въ сферѣ обычаевъ, нравовъ, воззрѣній, отношеній и т. п., т. е. въ сферѣ того, что у насъ принято называть обычнымъ правомъ. И въ обоихъ этихъ направленихъ на явленія, подлежащія изученію, онъ смотрѣлъ не только какъ на имѣющія значеніе сами по себѣ, но и какъ на такія, которые въ свою очередь могутъ служить материаломъ для пониманія и объясненія явленій подобного же рода у другихъ народовъ и затѣмъ сами выясняться помощью этихъ послѣднихъ. Этими то работами и ихъ значеніемъ мы и займемся въ настоящей небольшой замѣткѣ.

Начнемъ съ работъ А. Ф. Кистяковскаго въ области истории Малороссіи.

I.

Еще въ молодые годы, подъ вліяніемъ великаго акта 19 февраля, приступилъ А. Ф. Кистяковскій къ выполненію первого своего исторического труда. То была небольшая по объему, на половину публицистическая, на половину серьезно-научная статья, касавшаяся интересовавшаго тогда всѣхъ вопроса, вопроса о крѣпостномъ правѣ, его возникновеніи и развитіи. Написана она была въ маѣ 1861 г., и появилась въ генварьской книжкѣ журнала „Основа“ 1862 г. подъ заглавіемъ: „Характеристика русского и польского законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношению къ Малороссии“¹⁾.

То былъ не болѣе какъ общій очеркъ развитія крѣпостной зависимости въ Малороссіи, очеркъ, написанный еще моло-

¹⁾ Статья эта подписана: „—кій“ и не отмѣчена въ спискѣ работъ К.—аго, помѣщенныхъ имъ въ „біографическомъ словарѣ проф. кіевскаго университета“. О томъ, но она принадлежала К., я узналъ изъ его словъ: онъ говорилъ мнѣ о ней много лѣтъ назадъ.

дымъ ученымъ, едва начинавшимъ подготовляться къ научной работѣ. Въ исторической литературѣ вопросъ о томъ не былъ почти и затронутъ, да вдобавокъ и материалъ для изученія его былъ болѣе, чѣмъ скученъ. Кроме полнаго собранія законовъ и документовъ, изданныхъ Судіенкомъ (Матеріалы для отечественной исторіи) или помѣщенныхъ въ „Запискахъ о Южной Руси“ г. Кулиша, подъ руками у автора не было рѣшительно ничего, да и изданій иныхъ документовъ не было и они не были ему известны. Тѣмъ не менѣе, и теперь, когда прочитываешь эту статью, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ ея появленія, нельзя не удивляться остроумію и проницательности ея автора, способности его на основаніи небольшого количества данныхъ выяснить основные черты развитія крѣпостного права въ Малороссіи. Любопытная и въ публицистическомъ отношеніи (какъ таковая, она, безспорно, можетъ служить не лишенной интереса характеристикой настроенія умовъ и воззрѣній въ началѣ 60 годовъ), она въ смыслѣ научномъ является первою серьезною попыткою разъясненія процесса развитія крѣпостного права въ Малороссіи, попыткою, не потерявшею цѣны и значенія и въ настоящее время и представляющею собою крупный толчокъ, данный изслѣдователямъ... Вопреки господствовавшему мнѣнію, что крѣпостная зависимость въ Малороссіи создалась лишь въ концѣ XVIII в., А. Ф. К—ій пытался показать, что почва для закрѣпощенія была подготовлена гораздо раньше и создана слагавшимися уже издавна въ Малороссіи внутренними отношеніями. „Крѣпостное право въ Малороссіи, писалъ К—ій, косвенно признано русскимъ правительствомъ только во второй половинѣ XVIII в., но крѣпостная зависимость, *паны* и *подданные* существовали на дѣлѣ еще задолго до изданія тѣхъ указовъ, которыми ограничено и отнято у *посполитыхъ* право перехода“ (стр. 5—6). По мнѣнію К—аго эта зависимость устанавливалаась путемъ обычая, пережившаго политический переворотъ временъ Богдана Хмельницкаго, и являлась результатомъ „своекорыстнаго стремленія Малороссійскихъ старшинъ къ проѣбрѣтенію и неразборчивости ихъ въ среѣствахъ, которыя они употребляли при захватѣ войсковыхъ земель“ (7). И онъ показываетъ, какъ уста-

навливалась эта зависимость постепенно и последовательно въ странѣ; какъ, посредствомъ отдачи въ „послушенство безъ всякой противности“, устраялось, „по началамъ польского права“, право на землю послопитыхъ и какъ затѣмъ и определеніе по-винностей послопитыхъ поставлялось въ зависимость не отъ свободного договора ихъ съ владѣльцемъ земли, на которой они сидѣли, а отъ обычая и возможности произвольного нарушенія его со стороны сильныхъ. Отсюда, при такомъ стѣсненіи правъ послопитыхъ, и естественное, по мнѣнію К., стремленіе со стороны старшинъ XVIII в. отнять и право перехода, жалобы на существование котораго слышатся еще при Мазепѣ (въ стихотвореніяхъ Климентія). Мимоходомъ К—ій указываетъ и на въ высшей степени важное явленіе, оставляя его безъ объясненія, на поступленіе козаковъ въ *протекцію* къ сильному человѣку... Уже на подготавляемую, такимъ образомъ, почву и пали мѣры правительства, которое, по словамъ К., „рѣшенія свои по частнымъ дѣламъ, касавшимся всего края, основывало частію на постановленіяхъ Литовскаго Статута, частію на съборномъ уложеніи и новыхъ указахъ“ (стр. 21). Указомъ 1763 г. переходъ былъ ограниченъ въ видахъ „предохраненія народа отъ разоренія и нищенства“, указомъ 3 мая 1783 г.—окончательно воспрещенъ съ финансовыхъ цѣлями. Оба эти указа не касались прямо „существа юридическихъ отношеній между старшиной и послопитыми, но, не смотря на это, ими вполнѣ распространены на Малороссію великороссійскіе законы о крѣпостномъ правѣ, выраженные главнымъ образомъ въ жалованной дворянству грамотѣ 1785 г. и дополненные указами, которые содержали въ себѣ, какъ общіе законы для всей Имперіи, такъ и мѣстные“ (стр. 21—22).

Таковы были выводы, къ которымъ пришелъ К—ій въ первомъ своемъ историческомъ труде. Онъ далъ впервые общее описание процесса закреѣщенія, нарисовалъ общими штрихами его картину, но не коснулся коренныхъ *причин*, и экономическихъ, и общественныхъ, создавшихъ въ Малороссіи почву для крѣпостного права. Въ то время, при той суммѣ данныхъ, какими онъ располагалъ, сдѣлать этого было невозможно, какъ въ силу

все еще малого количества имеющихся данныхъ, такъ и слабой разработки ихъ, отсутствія разысканій въ иноземныхъ архивахъ, какъ данцигскій, бреславльскій и др., да врядъ ли можно *серьезно* думать о томъ еще и теперь.

Но насколько, тѣмъ не менѣе, вѣрно были схвачены общія черты процесса, видно изъ того, что два наиболѣе полныхъ изслѣдованія по тому же вопросу, принадлежащія одпо г. Лазаревскому, другое г. Мякотину, увеличившія, правда, и въ громадной степени сумму данныхъ, характеризующихъ процессъ закреѣпленія, не измѣнили въ существѣ картины процесса, какъ ее пытался нарисовать К—ій. Вопросъ, поднятый К—имъ о „протекціи“ остался, однако, также мало разыясненнымъ, какъ и вопросъ о праѣ собственности послолитыхъ, правѣ собственности, существовавшіе котораго, повидимому, отрицалось г. Лазаревскимъ въ его трудѣ о послолитыхъ и о каторомъ умалчиваѣтъ г. Мякотинъ, несмотря на то, что, какъ известно, право собственности сохранилось у малорусскихъ послолитыхъ, продолжало существовать еще и въ концѣ XVIII в. Даже болѣе: известно, вѣдь, что земли, принадлежавшія послолитымъ, были вписаны въ уставные грамоты.

Подготовленіе къ экзамену на степень кандидата, затѣмъ магистра, работы по пріобрѣтенію званія приватъ-доцента и потомъ магистра, подготовленіе лекцій и, наконецъ, командировка съ ученою цѣлью заграницу, все это отняло на долгое время возможность для К. продолжать работу надъ изученіемъ исторіи Малороссіи и отношеній, формировавшихся въ ней. Только въ 1874 г., онъ уже во всеоружії знаній, въ состояніи былъ возобновить изслѣдованія свои по исторіи Малороссіи и, какъ это всегда почти бываетъ съ лицами, занимающимися какимъ либо предметомъ, не входящимъ въ кругъ ихъ специальныхъ и постоянныхъ занятій, по чисто случайному поводу. Во времена археологического съѣзда въ Кіевѣ въ 1874 г. ему удалось встрѣтить и затѣмъ ознакомиться съ рукописью, въ высшей степени цѣнною и важною для историка Малороссіи оказавшеюся не инымъ чѣмъ, какъ обширнымъ сводомъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи XVII и XVIII вв. Что сводъ такой существовалъ,—

было известно и раньше, еще въ 1852 г. и затѣмъ вновь въ 1858 г., но и только: не только изданія его, но и какого либо изслѣдованія о немъ сдѣлано не было, и онъ по прежнему оставался въ полной неизвѣстности. Между тѣмъ уже хотя потому одному, что знакомство съ нимъ должно было пролить не малый свѣтъ на процессъ развитія крѣпостной зависимости, какъ онъ былъ обрисованъ и К., и вслѣдъ за нимъ г. Лазаревскимъ, не говоря о многомъ другомъ,—его изданіе и изслѣдованіе являлись дѣломъ первостепенной важности и значенія. Съ своею обыкновенною ревностью А. Ф. К—ій взялся за эту тяжелую и не легкую задачу, задачу *научнаго* изданія и *научнаго* объясненія кодекса, честь нового открытия котораго принадлежитъ ему всецѣло. Четыре года неустанныхъ розысканій и постоянного труда посвятилъ онъ этому дѣлу, и въ 1879 году выпустилъ, наконецъ, свою книгу и свое изданіе „*правъ, по которымъ судится Малороссійскій народъ*“.

Здѣсь не мѣсто касаться самого свода, его значенія и важности для исторіи Малороссіи. Что заслуга издателя въ данномъ случаѣ является весьма и весьма значительна,—не требуетъ, я думаю, и доказательствъ. Для насъ, для цѣлей настоящей замѣтки, гораздо интереснѣе обратиться къ изслѣдованію К—аго, составляющему введеніе къ изданію, введеніе, которое онъ обрабатывалъ съ особенной тщательностью, передѣльвалъ нѣсколько разъ, какъ о томъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ и его частные письма¹⁾.

Главною и существенно-важною частью изслѣдованія является установленіе на простыхъ и безспорныхъ основаніяхъ того положенія, что магдебургское право было не номинальнымъ только, но и дѣйствующимъ правомъ, что книги этого права служили ручными книгами въ судахъ и что въ тоже время постановленія этого права терпѣли видоизмѣненія отъ

¹⁾ „Только сю мінути, пишеть онъ, между протими, въ одновѣць письмѣ отъ 11 окт. 1878 г., оголосивъ въ типографію первую половину моей работы. Вопреки ожиданію, работа и затянулась, и растянулась. Думалъ вмѣстить въ два, три печатныхъ листа и отпечатать ее въ одной книжкѣ Унів. Извѣст. Вышло не такъ... Нача-ло работы, исполненное мною въ началѣ года, выїѣ виолѣ передѣлано”...

мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и возарѣній, которые нерѣдко дѣйствовали на ряду съ нимъ и замѣняли его. Эти положенія доказаны были К—мъ съ большой убѣдительностью для литовско-польского периода и въ полную противоположность мнѣніямъ гг. Антоновича и Владимірскаго Буданова, хотя авторъ ея все еще недостаточно удовлетворенъ былъ своей аргументацией въ пользу положенія о роли обычного права. Но онъ сдѣлалъ и болѣе того. Онъ указалъ, какъ традиціонно книги магдебургскаго права перешли въ Малороссію XVII и XVIII вв., послѣ отдѣленія ея отъ Польши, и какъ пользовались имъ, не только въ магистратскихъ судахъ, но и въ полковыхъ, для которыхъ постепенно создались и специально приспособленныя книги уже въ переводѣ или сокращеніи. То былъ процессъ послѣдовательной рецепціи этого права, рецепціи, исторія которой впервые была изложена и освѣщена К—мъ. Громадное значеніе такой рецепціи, ся вліяніе на формирование строя въ Малороссіи, естественно, должно было быть не менѣе значительнымъ, чѣмъ и таковая же рецепція въ Германіи XVI и послѣдующихъ римскаго права. Поэтому уже одно указаніе на нее составляетъ важный шагъ впередъ въ дѣлѣ разъясненія пути, предстоящаго изслѣдователямъ исторіи старой Малороссіи. Если К—кій не далъ въ своемъ изслѣдованіи данныхъ для опредѣленія степени размѣровъ этого вліянія, то за-то онъ облегчилъ работу будущихъ изслѣдователей подробнымъ обзоромъ тѣхъ измѣненій и трансформаций, которымъ подверглось и магдебургское право, и литовскій статутъ, пока они не получили окончательного выражения въ сводѣ, т. е. „правахъ, по которымъ судится малороссійской народъ“. Взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, равно и вліяніе на нихъ обычного права указаны здѣсь впервые, а рядомъ выясненъ строй и характеръ суда и судебнаго устройства въ Малороссіи и затѣмъ отмѣчено и такое существенное сравнительно съ прошлымъ, крупное и обильное послѣдствіями для общественныхъ отношеній въ Малороссіи и ихъ развитія измѣненіе, какъ смященіе и соединеніе власти судебной и административной, составлявшее особенность малороссійскаго строя XVII и XVIII в.

Если мы вспомнимъ, какъ мало известны, мало или почти вовсе не изслѣдованы были все эти явленія, то поймемъ, на сколько важнымъ является открытие и опубликованіе К—мъ доку-мента, давшаго ему возможность бросить новый свѣтъ на порядки и характеръ и закона, и орудій примѣненія его въ старой Малороссии. Можно смѣло сказать, что и здѣсь, какъ, въ вопросѣ о закрѣпощеніи, имъ подготовлена почва, на которой возможными становятся точные изслѣдованія, уже съ помошью актовъ и до-машнихъ сдѣлокъ, протоколовъ суда и т. п., на значеніе ко-торыхъ указалъ К—ій. Изученіе и изслѣдованіе этихъ послѣд-нихъ пополнить все то, на что было указано К—мъ, какъ въ смыслѣ роли и вліянія обычнаго права и уклоненій жизни отъ нормъ права, такъ и въ отношеніи размѣровъ и степени вліянія рецепціи магдебургскаго права и литовскаго статута.

Весьма важною является и вся та часть изслѣдованія, ко-торая посвящена, съ одной стороны, исторіи составленія свода, въ особенности же условіямъ и поводамъ его возникновенія, а съ другой, плачевной судьбѣ его, судьбѣ, могущей пролить не мало свѣта на исторію дѣятельности малороссійскихъ сослов-ныхъ группъ въ эпоху наказовъ. Особенно интересно въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія его замѣчаніе, которое по важности своей должно бы сдѣлаться предметомъ специального изслѣдованія, замѣчаніе относительно вліянія переворота на степень культуры и цивилизациіи въ Малороссіи въ XVII в. и затѣмъ относительно возрожденія ихъ въ періодѣ составленія свода, возрожденія, вы-разившагося въ появленіи „многочисленныхъ компьютеровъ ученыхъ и грамотныхъ чиновъ и персоптъ“. Въ связи съ фактамъ рецепціи магдебургскаго права и литовскаго статута, это указаніе К—аго могло бы, будучи тщательно обосновано, выяснить многое въ судьбахъ Малороссіи XVII и XVIII вв.

Я не говорю уже о томъ, какъ и съ какимъ научнымъ аппараторомъ сдѣлано самое изданіе, являющееся, безспорно, вы-дающимся въ научномъ отношеніи, проведеннымъ по всѣмъ правиламъ исторической критики, критики и текста, и внутрен-наго его содержанія. Въ ряду изданій по мѣстной исторіи оно

занимаетъ первое мѣсто и должно бы вообще служить образцомъ для серьезныхъ научныхъ изданій документовъ.

Къ сожалѣнію, двумя этими, указанными выше, работами и ограничивается то, что сдѣлано было К—мъ въ области исторіи старой Малороссіи. Большъ, сведшая его въ могилу, помѣшала окончанію задуманныхъ имъ работъ, о которыхъ онъ не разъ вель бѣсьдѣл, работъ по исторіи цеховъ въ Малороссіи, по вопросу о состояніи, положеніи и отношеніяхъ козачества и т. п. Но и того, что онъ успѣлъ сдѣлать, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отвести ему видное мѣсто въ ряду изслѣдователей исторіи Малороссіи и малороссійского строя въ XVII и XVIII вв., главнымъ образомъ какъ инициатору и возбудителю крупныхъ и серьезныхъ вопросовъ въ наукѣ.

Рядомъ съ этимъ необходимо указать и на другую заслугу К—аго, хотя уже совершенно иного рода и характера. Кто хоть однажды принимался за изученіе исторіи Малороссіи,—знаетъ, какъ скуденъ тотъ матеріалъ, который необходимъ для изученія какъ общественного, такъ и экономического строя старой Малороссіи, XVII и XVIII в., какъ и въ какомъ положеніи находится архивное дѣло, съ какимъ трудомъ удается,—да и то не всегда,—добыть или отыскать необходимыя данныя по тому или иному вопросу. То, что собрало въ архивы, нерѣдко разчленено, разорвано; одна часть документовъ оказывается въ одномъ пункте, остальная—въ трехъ или четырехъ, о сконцентрованіи матеріаловъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ архивѣ, какъ то существуетъ во Франціи, гдѣ данные одной мѣстности обязательно находятся въ мѣстномъ же архивѣ, нѣтъ и рѣчи. Значительная масса бумагъ все еще разбросана по архивамъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ эти бумаги, какъ и документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, нерѣдко погибаютъ безвозвратно. При такомъ положеніи дѣла возможность изученія данного или данныхъ вопросовъ зависитъ отъ возможности же для данного лица добыть ихъ, вѣрнѣе сказать спасти ихъ отъ гибели путемъ приобрѣтенія ихъ и сосредоточенія въ такихъ рукахъ, которые являются гарантіей ихъ сохраненія. Но здѣсь нужны знакомства, связи, энергія, упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли. А между

тѣмъ это—пока и единственный способъ сохраненія старинныхъ актовъ, и немалой является заслуга тѣхъ, кто собралъ и спасъ такимъ путемъ необходимые матеріалы для исторіи.

Постоянно интересуясь мѣстной исторіей, К—й употреблялъ энергической усилия, чтобы спасти отъ гибели массу самыхъ иногда драгоценныхъ документовъ, гибель которыхъ была бы невозвратной потерей для науки. Долгій и упорный трудъ его въ этомъ отношеніиувѣнчался значительнымъ успѣхомъ, и ему удалось составить одну изъ весьма цѣнныхъ и богатыхъ коллекцій документовъ¹⁾, пользованіе которыми—необходимо для научныхъ изслѣдованій. По нѣкоторымъ вопросамъ врядъ ли можно даже обойтись безъ обращенія къ этой коллекції. Таковы, напр., не говоря уже о собраніи документовъ, относящихся до исторіи „свода“, данные о цехахъ, начиная съ XVI в. и кончая началомъ XIX в., данные, касающіяся цеховъ въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, Полтава, Черниговъ и Житоміръ. Правда, они далеко не полны, нерѣдко являются единичными (какъ по отношенію къ Житоміру или Чернигову). Тѣмъ не менѣе, въ связи съ копіями документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, и съ актами, хранящимися въ харьковскомъ архивѣ, уже и теперь они даютъ нѣкоторыя и весьма солидныя основанія для изслѣдованія и изученія любопытнаго и совершенно неизвѣстнаго вопроса въ исторіи экономической жизни Малороссіи, вопроса объ организаціи и роли цеховъ. Укажу, напр., на одинъ лишь изъ документовъ, принадлежащихъ къ коллекціи, собранной К—мъ, именно—на цеховой актъ 1722 г. по городу Полтавѣ. Это—вѣдомость нѣкоего Карташева о сборѣ денегъ съ цеховъ по показаніямъ цехмейстеровъ. Тутъ мы находимъ указаніе и на число всѣхъ членовъ каждого цеха (кравецкій—60 чел., ковалській—25, рѣзницкій—20, гончарный—13, бондарскій—10, ткацкій—28, шевскій—13 и т. д.), и на платежи ихъ, платежи, о которыхъ, какъ и вообще о податяхъ и финансовоомъ строѣ того времени, мы имѣемъ болѣе чѣмъ скучныя свѣдѣнія. Такъ, цехи платили, во первыхъ, то по 2, то по 1,

¹⁾ Я могъ подробно ознакомиться съ этой коллекціей, благодаря любезному согласію на то А. И. Кистяковской, которой я приношу здѣсь мою благодарность.

а то и менѣе гравенъ съ двора; во вторыхъ, покупали провіантъ (отъ каждого двора) на такое или иное количество драгунъ и лошадей, затѣмъ уплачивали на содержаніе почты, кто по 3 р., кто менышею сумму въ годъ, на „смоленскій провіантъ“ по 8 р., $7\frac{1}{2}$ р. и менѣе, и только оставшіяся деньги употребляются на церковныя свѣчи и на мелкіе цеховые расходы. Не менѣе важенъ и рядъ данныхъ другихъ рукописныхъ материаловъ, заключающихъ въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ, относящихся до положенія козачества, до исторіи винокуренъ, пасекъ и т. д. (съ обозначеніемъ количества ихъ и количества казановъ и інѣй). Отмѣчу также и такие документы, какъ: списки шляхетства Переяславскаго повѣта съ указаніемъ числа принадлежавшихъ имъ крѣпостныхъ, рядъ купчихъ и запродажныхъ записей на крѣпостныхъ, великороссовъ и малороссовъ, которыхъ покупали-то всею семьею, то по одиночкѣ (начала XIX в.); росписи доходовъ и расходовъ по полтавскому полку 1726 г.; акты полковаго полтавскаго суда начала XVIII в.; рядъ бумагъ изъ семейныхъ архивовъ (Миклашевскихъ первой половины XVIII в., Максимовичей, Миничей и т. д.); наконедѣ, отдѣльные бумаги, въ родѣ любопытнаго мнѣнія помѣщика прилуцкаго уѣзда фонъ-Риттера: „отчего родилось вольнодумство, о послѣдствіяхъ отъ опаго и о мѣрахъ, коимъ сіе ужасное зло прекратить можно“ и т. д.

II.

Обращаясь къ работамъ К—аго въ области такъ называемаго обычнаго права, мы должны прежде всего отмѣтить тѣ двоякаго рода цѣли, къ выполненію которыхъ онъ стремился, когда съ 1873—74 гг. занялся собираниемъ материаловъ для этого права и ихъ изученіемъ. То была чисто практическая цѣль—съ одной стороны, чисто научная—съ другой. „И прежде, но въ особенности теперь, писалъ онъ въ предисловіи къ своей „программѣ для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“ (Кievъ 1878 г.), практическія потребности, запросы и вопросы государственного

суда и администрації выдвигали и выдвигаютъ необходимость изученія обычнаго права¹. Великая крестьянская реформа, по его мнѣнію, высказанному имъ тамъ-же, еще рѣшительнѣе и радикальнѣе требуетъ того же, какъ требуетъ его и начатый пересмотръ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, и цѣлый рядъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, напр., вопросъ о чиншевикахъ² и т. д. Изученіе обычнаго права, по его словамъ, можетъ „пріучить къ бережному обращенію съ жизнью народа, которую слѣдуетъ улучшать, а не ломать, и къ исканію въ нѣдрахъ народа того прогрессивнаго пачала, котораго мы иногда ходимъ искать за море“ (Протоколы засѣданій юрид. общества, 16 февр. 1879 г.).

Но, съ другой стороны, онъ писалъ, что теперь признано важное значеніе обычнаго права и для теоретическихъ цѣлей науки. Во первыхъ, „многіе институты дѣйствующаго писаннаго права, чрезъ ближайшее изученіе народнаго юридическаго быта въ его вѣрованіяхъ и въ его реальнай обстановкѣ, получаютъ самое лучшее объясненіе и оправданіе; во вторыхъ, нѣкоторые институты историческіе, будучи сами по себѣ темны или недостаточно ясны, могутъ быть возстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ по тѣмъ обломкамъ ихъ, которые сохранились среди народа“.

Разматривать то, что сдѣлалъ или что желалъ сдѣлать К—ій для первой изъ этихъ цѣлей, я говорить не буду: это завело бы меня далеко въ сторону, потребовало бы длинныхъ разсужденій и о „хожденіи за море“, и о роли и значеніи волостныхъ судовъ, какъ органовъ обычнаго права, органовъ, по поводу которыхъ К—мъ написана была цѣлая статья³), и т. п., и вышло бы изъ предѣловъ и цѣлей настоящей замѣтки. Ограничиваюсь здѣсь только тѣмъ, что касается работъ К., имѣвшихъ въ виду исключительно научныя цѣли, какъ онъ формулировалъ ихъ въ своей программѣ.

Строго говоря, какой либо общей работы или даже и общихъ работъ по вопросамъ, выдвинутымъ К—мъ, работъ, ко-

¹⁾ Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и наиѣшнее ихъ положеніе, 1872 г.

торых можно было бы поставить рядом съ изданнымъ имъ свободомъ и изслѣдованиемъ о немъ, К—ому, къ сожалѣнію, не удалось выполнить: болѣзнь прервала весьма рано (съ 1881 г.) начатыя имъ изслѣдованія, начатое изученіе скончавшагося у него материала. Изъ всей серіи задуманныхъ имъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ обычного права, по которымъ ему удалось собрать необходимый материалъ, онъ напечаталъ лишь одно, за которое получилъ отъ русскаго географическаго общества серебрянную медаль. Я разумѣю его брошюру: „къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“ (СПБ. 1878 г.). Но это—работа по преимущественно и почти исключительно описательная. Она касается обычаевъ только у одного народа и написана была, по мысли автора, главнымъ образомъ для того, чтобы послужить образцомъ изслѣдованія по программнымъ вопросамъ. За то съ этой стороны и какъ описание она представляетъ собою въ высокой степени цѣнныій вкладъ и въ науку сравнительного права, и въ этнографію. Изслѣдованіе произведено по обычному у автора строго научному методу, обставлено массой фактовъ, да кромѣ того является первой попыткой затронуть ту сторону обычаевъ, которой не касались до него изслѣдователи и притомъ въ такомъ именно видѣ, какъ сдѣлалъ это А. Ф. К—ій. Осторожный въ своихъ выводахъ, зная, какъ трудно и опасно приходить къ научнымъ обобщеніямъ лишь на основаніи данныхъ изъ жизни одного народа, А. Ф. К—кій ограничился лишь возбужденіемъ общаго вопроса, вопроса крупнаго въ исторіи развитія правовыхъ нормъ и отношеній, т. е. въ той области, которую называютъ эмбріологіей права. Я разумѣю формулрованный имъ темный и неразъясненный вопросъ о томъ, какимъ образомъ могъ совершиться процессъ обложенія тягчайшими карами, въ томъ числѣ и смертной казнью, преступленій противъ нравственности и какимъ образомъ, далѣе, могло развиться преслѣдованіе такихъ преступленій, какъ незаконное сожительство, прелюбодѣяніе и тому под. нарушенія нравственныхъ обязанностей. Данныя, собранныя и обслѣдованныя К—мъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти вопросы; они то и возбудили ихъ, и это же составляетъ наиболѣе важную въ данномъ случаѣ заслугу К—аго. Исключительно только такого рода труды, какъ трудъ

К—аго, составленные и обработанные съ такимъ же тщаніемъ и внимательностью, какъ у него, могутъ и объяснить строй и обликъ народа, по поводу которого они составлены, и лечь въ основаніе солидныхъ и научно-обставленныхъ обобщеній въ области сравнительного права. Что въ такого рода работахъ по разнымъ сторонамъ народной жизни чувствуется недостатокъ, что они настоятельно необходимы, незачѣмъ и говорить. Но то обстоятельство, что покойный К—кій съ усиленной энергией заботился о составленіи этихъ работъ, вызывалъ ихъ, достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи его дѣятельности въ этой сферѣ.

Но если, такимъ образомъ, намъ приходится ограничиться указаніемъ лишь на единственный въ рассматриваемой области трудъ К—аго, то это не значитъ, чтобы этимъ однимъ исчерпывалось значеніе того, что сдѣлано имъ здѣсь. Въ работахъ такого рода, какія задуманы были К—мъ, въ работахъ по собиранію данныхъ *переживанія* учрежденій, вѣрованій, обычаевъ и т. п. у извѣстнаго народа или извѣстныхъ народовъ, въ изслѣдованіяхъ, которыхъ должны опираться на нихъ, громадное значеніе имѣетъ и то, какъ и въ какой формѣ, подъ руководствомъ какого принципа, совершаются они, и то, какого рода собранъ материалъ, въ какомъ размѣрѣ и объемѣ.

Уже въ одной изъ самыхъ раннихъ работъ К—аго, въ изслѣдованіи „о смертной казни“, написанной имъ еще въ 1877 г. и, по справедливости, считающейся однимъ изъ выдающихся произведеній по этому вопросу, сознаніе необходимости при изученіи вопросовъ права слѣдовать новымъ научнымъ методамъ сказалось особенно ярко и рельефно. „Нѣть ничего безплоднѣе и въ научномъ отношеніи неумѣстнѣе, какъ отвлеченное—схоластическое, помимо *исторіи* и *дѣйствительной жизни* народовъ, рѣшеніе вопроса... Подобный способъ не можетъ повѣсть ни къ какимъ научнымъ результатамъ; онъ порождаетъ только бесполезныя словопрѣнія и игру въ слова“... Даный „вопросъ можно, продолжаетъ К—й, рѣшить только тогда, когда мы признаемъ верховнымъ судьею и рѣшителемъ совершившейся и совершающейся фактъ или, что одно и тоже,—прошедшую и

настоящую жизнь человѣчества, словомъ, если мы подчинимъ наши личные взгляды пелживому авторитету дѣйствительности". И это потому, что „человѣчество не есть организмъ неподвижный, неизмѣнно остающійся въ одномъ и томъ же положеніи, но вѣчно живой, развивающійся... Одно изъ видоизмѣненій его состоитъ въ исчезаніи однихъ потребностей и учрежденій и въ нарожденіи другихъ. Но такъ какъ и исчезаніе, и нарожденіе совершаются по извѣстнымъ, неизмѣннымъ законамъ, то, очевидно, что въ одно и тоже время, обѣ руку съ старою потребностью и старымъ учрежденіемъ, могутъ возникнуть и существовать новыя, что по мѣрѣ разложенія однихъ происходитъ развитіе и усиленіе другихъ, и что, наконецъ, можетъ настать время, когда новая потребность и новое учрежденіе доростутъ до полнаго вытѣсненія старыхъ. Какъ одновременно существуютъ старыя и новыя потребности и учрежденія, такъ же точно одновременно уживаются философскія возврѣнія. Окончательная побѣда нового можетъ закрѣпиться только событиемъ" (Изслѣдованіе о смертной казни, Кіевъ 1864, 276—7).

То, что высказано было здѣсь А. Ф. К—мъ, не было чѣмъ либо оригинальнымъ, новымъ: то было резюме общаго развитія европейской науки, выводами которыхъ онъ вполнѣ проникся и съумѣлъ блестяще примѣнить въ своей работѣ о смертной казни, главнымъ образомъ основанной на сравнительно-историческомъ методѣ и изученіи народной жизни, начиная съ народовъ, стоявшихъ на низкой степени развитія. То былъ опытъ,—не всегда можетъ быть, выдерживающій критику,—примѣненія къ данному вопросу новыхъ методологическихъ началъ, высказывавшихся еще въ XVIII в., но лишь съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія начавшихъ получать все большее и большее развитіе и значеніе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ у К—аго требованія примѣненія его, этого метода, становились все болѣе и болѣе опредѣленными. Успѣхи, сдѣланные въ европейской наукѣ въ смыслѣ примѣненія этихъ требованій, созданіе науки сравнительного права, науки, получившей права полнаго гражданства и въ наукѣ, и въ университетахъ З. Европы, не оставались, разумѣется, безъ сильнаго влиянія на А. Ф. К—аго.

Въ статьѣ о цензурѣ правовѣ, какъ и въ предисловіи къ изданной имъ въ 1878 г. программѣ собиранія свѣдѣній по уголовному праву, равно и въ рукописныхъ замѣткахъ, сохранившихся послѣ его смерти, онъ не перестаетъ усиленно настаивать на необходимости примѣненія этихъ новыхъ пріемовъ къ изученію народной жизни. „Пока правовѣдѣніе будетъ только практической наукой,—римское и церковное право, говоритъ К—ій въ вопросѣ о цензурѣ правовѣ (стр. 11), будуть оставаться альфой и омегой всѣхъ юридическихъ изслѣдований. Но съ того момента какъ оно поставитъ себѣ другія задачи, оно должно признать величайшую важность изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, не входившихъ и не вошедшихъ въ кодексы. Тогда то обратимся мы къ народнымъ вѣрованіямъ и легендамъ, къ народной пѣснѣ и сказкѣ, къ существовавшимъ прежде и уцѣлѣвшимъ донынѣ обрядамъ, какъ къ обильному источнику для черпанія и изученія материала по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Тогда появятся ученые, которые станутъ изслѣдовать происхожденіе извѣстнаго юридического института въ его настоящемъ источниکѣ, въ первобытныхъ народныхъ вѣрованіяхъ, станутъ стремиться къ открытию первобытнаго пути, по которому шло развитіе его, начнутъ изыскывать ближайшее сходство юридическихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ у разныхъ народовъ“. Еще рѣзче и рельефнѣе высказано имъ тоже и въ одной рукописной замѣткѣ, найденной мною въ связкѣ материаловъ, собранныхъ имъ по обычному праву. „Незнакомство криминалистовъ съ обычнымъ правомъ первобытныхъ народовъ, съ обычнымъ правомъ раннихъ periodovъ въ развитіи человѣчества, причина тѣхъ ошибокъ, тѣхъ нелѣпостей, въ которыхъ впадаютъ они. Объясненія ихъ часто бываютъ или смѣшны, или фантастичны. Наука ихъ оказывается беспомощной. Образцы этого представляетъ Бернеръ. Слѣдуетъ только обратить вниманіе на его объясненіе, почему у римлянъ *furtum manifestum* по XII таблицамъ наказывалось рабствомъ или смертной казнью, а *furtum non manifestum*—взысканіемъ двойной стоимости украденой вещи. Объясненіе смѣшное! Страннымъ кажется читать у Бернера слѣд. выраженіе: „съ уничтоженіемъ уголовныхъ на-

казаний, которые налагались въ законахъ XII таблицъ за *furtum manifestum*, *furtum* сдѣлалось у римлянъ простымъ частнымъ преступлениемъ“. Это—нелѣпо. Не могло воровство, сдѣлавшись общественнымъ преступлениемъ, какимъ оно, по Бернеру, является въ XII таблицахъ, превратиться потомъ въ простое частное преступление. Дѣло въ томъ, что римское право, въ дошедшихъ до насъ источникахъ, представляется смѣсь законовъ различныхъ эпохъ. Ученые, въ родѣ Бернера, незнакомые съ правомъ первобытныхъ эпохъ, смѣшиваютъ законы разныхъ формаций. Отъ подобныхъ ошибокъ можетъ спасти изученіи обычного права“.

Вотъ почему онъ такъ настаивалъ на изученіи этого обычного права, такъ много и усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы двинуть впередъ знакомство съ нимъ. Исходя изъ того принципа, что лишь путемъ сравнительного изученія выясняются явленія и прошлой, и настоящей жизни, что только съ помощью его мыслимо открытие общихъ законовъ, по которымъ развивается жизнь народовъ, онъ видѣлъ между прочимъ особенную важность изученія обычного права у насъ, въ Россіи. „Можетъ быть, ни одинъ изыскатель обычного права, писаль онъ въ своей программѣ, не поставленъ такъ благопріятно, какъ русскій изыскатель. Въ составъ Имперіи входятъ многочисленные национальности, племена и народы, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры“. На Кавказѣ онъ можетъ еще и теперь „наблюдать систему уголовнаго права, главнымъ основаніемъ кото-раго служитъ кровавая месть, а на восточныхъ окраинахъ, у киргизовъ, калмыковъ и др. народовъ, въ высшей степени пра-вильно организованную систему композицій или платы за убийство и другія преступленія“. И онъ прибавляетъ: „болѣе вни-мательное изученіе быта русскаго народа и быта инородцевъ едва ли оставитъ возможность продолжать защиту тѣхъ узкихъ и одностороннихъ системъ, которыя въ родовомъ и общинномъ бытѣ хотѣли видѣть исключительную принадлежность только русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что старыя одностороннія системы родового и общинного быта должны потерять прежнее исключительное значеніе и прежнюю односторонность, но, съ другой стороны, изслѣдованіе сохранившагося до сихъ

поръ родового быта инородцевъ и общиннаго быта какъ нѣкоторыхъ русскихъ племенъ, такъ и инородцевъ, должно дать богатые результаты для теоретического разъясненія той и другой системы” (программа 1878 г., стр. 16—17).

Таковы были принципы, которые К—кій стремился примѣнить къ задуманной имъ работе по обычному праву, главнымъ образомъ уголовному, работѣ, въ основу которой должны были лечь преимущественно мѣстные материа́лы, но обработанные съ помощью сравнительного метода. Что они не новы—дѣло извѣстное, но далеко и далеко не мѣшаетъ повторять ихъ, настаивать на нихъ, разъ дѣло идетъ о научной разработкѣ явленій переживанія тѣхъ или иныхъ институтовъ, обычаевъ, вѣрованій и т. п. у того или иного народа. Они же, тѣ же принципы, положены К—мъ и въ основаніе его „программы для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“, главнымъ образомъ той, которую въ переработанномъ и значительно расширенномъ видѣ онъ напечаталъ въ 1878 г.¹⁾.

Программа не была первымъ лишь опытомъ, и не А. Ф. К—ому принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ. „Мысль объ особенной важности, пользѣ и необходимости собиранія и изученія материа́ловъ по обычному праву и систематическихъ трудовъ по этой части, писалъ самъ онъ,—окончательно созрѣли въ умѣ умственno работающаго класса... въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ это время изданъ былъ рядъ программъ для собиранія и изученія материа́ловъ по обычному праву“. И затѣмъ онъ прибавляется: „въ началѣ 60-хъ годовъ, во время движенія умовъ въ Кіевѣ, обнаружилось пламенное стремленіе къ изученію народа. Товарищъ старался возбудить въ товарищѣ охоту къ записыванію пѣсенъ, бытовыхъ особенностей народа; то была научная сторона народолюбія, если такъ можно выразиться. Тогда-же получила свое начало дѣятельность по части изученія обычнаго права нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ съ тѣхъ поръ

1) Первая, краткая, программа была напечатана К—мъ въ 1874 г., но она не удовлетворила и его самого, да и была черезъ-чуръ краткой, сжатой и неполной.

не переставали идти въ одномъ научномъ направлениі и успѣли обнародовать свои работы¹⁾. Тогда же, еще въ 1872 г., въ Киевѣ, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ была опубликована первая программа собиранія свѣдѣній по обычному праву, главнымъ образомъ гражданскому. За ней быстро послѣдовала рядъ другихъ, какъ напр., Муллова (1872), архангельская (1874 г.), этнографического отдѣла географического общества и т. д.

То были первые опыты и, какъ таковые, далеко не могли отвѣтить все болѣе и болѣе сознаваемымъ потребностямъ научного характера въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ. Далеко не всѣ стороны явленій народной жизни были включены въ программы. Гражданское право, общественный строй—вотъ то, что составляло содержаніе большей ихъ части. Такая крупная и важная сторона жизни, какъ правонарушенія, преступленія и т. п., т. е. область уголовнаго права, была почти опущена, ибо лишь въ одной программѣ географического общества ее затронули, но въ самомъ общемъ, неопределенномъ еще видѣ (отвѣдено было 15 вопросовъ)¹⁾.

Существованіе крупныхъ пробѣловъ программы сознавалось и чувствовалось. Вопросъ былъ поднятъ еще въ 1875 г. на съездѣ русскихъ юристовъ Калачовыми, и тогда же составлена была комиссія по изученію обычнаго права, которая и приступила къ составленію новыхъ и болѣе исчерпывающихъ программъ программъ, касавшихся всѣхъ сторонъ обычнаго права. Но еще раньше чѣмъ началась эта работа комиссіи, К—ій выпустилъ и свою первую программу, въ 1874 г., и затѣмъ успѣлъ до появленія программъ комиссій обработать и второе изданіе ея, въ 1878 году. Ему, такимъ образомъ, принадлежитъ безспорная честь изданія первой въ Россіи серьезной и научной программы въ области уголовнаго права, программы, остающейся и теперь лучшей изъ программъ этого рода, такъ какъ двѣ программы, одна—Майнова 1875, другая, составленная г. Фойницкимъ, 1878 г.—представляютъ обѣ лишь сколокъ

¹⁾ Программа П. А. Матвеева, вышедшая въ 1872 г., была лишь передѣлкой для одного только враза, Самарского, программы географического общества.

съ программы К—аго, 1874 г., и обѣ далеко не отличаются ни полнотой, ни обстоятельностью, ни объемомъ даже программы 1878 г. К—аго. Отмѣтимъ, какъ главное достоинство этой программы, правда, совмѣщавшей въ себѣ и указанныя выше практическую и научную цѣли, то обстоятельство, что К—ій настаиваетъ на необходимости не ограничиваться одними рѣшеніями волостныхъ судовъ. Рѣшенія эти,—замѣчаетъ онъ вполнѣ справедливо,—не дадутъ, да и не могутъ дать отвѣтовъ и на сотую долю программы. И потому то съ особенной энергией настаиваетъ онъ на необходимости изучать и записывать народныя вѣрованія, легенды, пѣсни, сказки и т. п., такъ какъ въ нихъ то по преимуществу и особенно рельефно проявляются черты исчезающаго архаического строя, *переживаний* раннаго времени. Укажемъ и на другую черту программы,—на ясно и опредѣленно поставленный и указанный имъ методъ изученія и собиранія данныхъ по обычному праву. „Собиратель материаловъ и свѣдѣній по обычному праву... долженъ, по его словамъ, относиться съ полнымъ вниманіемъ къ тому, что услышитъ и узнаетъ. Относясь критически или даже съ порицаніемъ онъ можетъ оставить безъ вниманія какую нибудь драгоценную особенность, которая, будучи въ сущности величайшей важности чертою народнаго быта, можетъ ему показаться безумiemъ или соблазномъ. Наблюдатель народнаго юридического быта долженъ относиться такъ-же къ объекту своего наблюденія, какъ относится къ нему естествоиспытатель, для котораго все въ мірѣ достойно изученія, вниманія и уваженія, который съ полнымъ безпристрастіемъ наблюдаетъ явленія природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что все въ мірѣ, и самое повидимому уродливое, имѣетъ свою достаточную, если и неразумную, причину“ (программа, 20).

Первый шагъ былъ сдѣланъ съ изданіемъ программы,—вторымъ—являлось уже самое собираніе материаловъ, т. е. отвѣтовъ на пункты программы. Здѣсь все зависѣло уже не только отъ инициатора дѣла, но и отъ собирателей, работниковъ въ области обычнаго права, разбросанныхъ въ разныхъ уголкахъ.

Первое время приливъ и поступление материаловъ шло туда. Въ предисловіи ко второй своей программѣ К—ій самъ указалъ на этотъ фактъ, находящій полное подтверждение въ оставленныхъ имъ связкахъ рукописей по обычному праву. „Мы получили слѣдующій отвѣтъ на нашу первую программу: *самоубийство* считается дѣйствіемъ кары уголовной достойнымъ; оно совершается большею частью людьми нездравомыслящими... И таковы отвѣты на всѣ вопросы. Само собою разумѣется, что подобные отвѣты не имѣютъ никакого научнаго значенія“. Поневолѣ приходилось ему уничтожать ихъ, и только съ 1877 г. онъ сталъ получать болѣе или менѣе тщательно и обстоятельно составленные отвѣты, но они поступали медленно, и далеко не въ полномъ видѣ оказываются собранными К—мъ. Лишь по весьма немногимъ вопросамъ К—му удалось сгруппировать нѣкоторые, да и то далеко не полныя данныя.

Нѣсколько словъ объ этихъ собранныхъ имъ материалахъ. Всѣ они въ томъ видѣ, какъ они сохранились, заключаются въ семи связкахъ, изъ которыхъ только три представляютъ сведенный и классифицированный материалъ. Разматривая эти связки, можно легко замѣтить, что собранныя свѣдѣнія были двоякаго рода. Одни собирались самимъ К—мъ. Это—масса вырѣзокъ изъ замѣтокъ, извѣстій, статей, корреспонденцій и т. д. (главнымъ образомъ по югу Россіи), рядъ записанныхъ имъ свѣдѣній по обычному уголовному праву, значительное количество выписокъ изъ книгъ, касающихся обычнаго права. Эти послѣднія касаются почти исключительно Россіи; данныхъ по иноземному обычному праву встрѣчается мало. Не то, чтобы эта сторона дѣла была оставлена безъ вниманія: мнѣ лично извѣстно, что покойный К—ій съ большимъ стараніемъ слѣдилъ за литературой по обычному праву и въ особенности по сравнительному праву и эмбриологіи первобытныхъ обществъ. Но онъ поставилъ своей главной задачей на первое время собрать и тщательно сгруппировать возможно большую сумму данныхъ для обычнаго уголовнаго права преимущественно на югѣ Россіи, также какъ и въ остальныхъ частяхъ ея, и ждалъ для достижениія этой цѣли и обработки мѣстнаго материала данныхъ отъ собирателей.

Матеріалъ другого рода составленъ изъ присланныхъ разными лицами сообщеній, относящихся къ различнымъ вопросамъ программы. Въ связкахъ, сформированныхъ Кистяковскимъ, имѣется рядъ сообщеній по обычному праву, какъ уголовному, такъ и гражданскому, главнымъ же образомъ по вопросамъ о конокрадствѣ, могорицахъ, могоричникахъ и рукобиты, о клятвѣ, присягѣ, лжеприсягѣ и лжесвидѣтельствѣ, объ позорящихъ наказаніяхъ, какъ-то: вожденіи по селу, обрѣзываніи волосъ, обмазываніи дегтемъ, о суевѣрныхъ обрядахъ при совершеніи воровства, о ворожбѣ при открытии вора, о молебнахъ, чтобы на-кликать бѣду на что нибудь, объ обрядахъ заговориванія, о наказаніяхъ за нарушение праздниковъ, о разрушеніяхъ дома и уничтоженіи собственности преступника и т. п., также какъ и о кровавой мести и мщеніи, объ убийствѣ дикихъ птицъ или оскорблениіи фетиша, какъ преступленіи, о выкиданіи стариковъ и дѣтей, и т. д.

Просматривая эти сообщенія, ясно видно, что К—ому удалось сдѣлать лишь первые шаги въ дѣлѣ собирания, что нерѣдко собранное въ высшей степени цѣнно, но что дѣло осталось далеко незаконченнымъ, что далеко, напр., не для всѣхъ районовъ юга получилъ онъ необходимыя свѣдѣнія и сообщенія. Болѣе всего сообщеній было дано по Черниговской губерніи, главнымъ образомъ по Сосницкому у., отчасти по Остерскому и Кролевецкому, по Киевской—изъ Каневскаго, по Подольской—изъ Брацлавскаго. Затѣмъ, болѣе или менѣе отрывочныя изъ Воронежской губ., Черноморья и т. д., не говоря о центральной и восточной Россіи, для которой имѣется болѣе всего сообщеній, по Самарской и Саратовской губерній. Наконецъ, сюда же могутъ быть причислены и матеріалы, прислав-ные изъ Сибири отъ Кострова (о колдовствѣ, о присягѣ и лже-присягѣ въ Томской губерніи, о юридическихъ обычаяхъ бурятъ и т. п.

Работа была, такимъ образомъ, начата, но, къ сожалѣнію, не закончена. Но заслуга К—аго все-же не малая: имъ дана была ініціатива, имъ возбужденъ рядъ крупныхъ вопросовъ, онъ старался вызвать дѣятельность на пользу болѣе глубокаго изу-

ченія обычного права, пытался создать и специальное отдељеніе для разработки обычного права. Не его вина, что начатое имъ дѣло простоявилось. А между тѣмъ дѣло это, несомнѣнно, въ научномъ отношеніи являлось и является дѣломъ первостепенной важности. Народная жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ десятилѣтіемъ она измѣняется; старое право и обычаи, старая воззрѣнія, обряды, мнѣнія и т. д., все это исчезаетъ, вытѣсняется зарождающимися новыми. Все болѣе и болѣе утрачивается возможность наблюдать и изучать обломки старого, остатки или переживанія прежняго. Въ Европѣ изученіе этихъ переживаній, записываніе и изученіе ихъ дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все большіе и большіе успѣхи. Организованы общества для изслѣдованія этихъ переживаній, издаются специальные журналы, печатаются статьи и изслѣдованія. Собранный материалъ создалъ цѣлые новые отдељлы знанія: сравнительное право, исторію первобытной культуры, общественную эмбриологію и т. д. Серьезное научное значеніе данныхъ переживаній вошло тамъ въ общее сознаніе, не возбуждаетъ ни вопросовъ, ни сомнѣній. К—имъ сознана была необходимость этого и у насъ, въ особенности по отношенію къ Югу Россіи, менѣе всего изученному въ отношеніи обычного права, и нынѣшнему времени предстоить необходимо работа продолженія уже начатаго и К—имъ, и до него *научного* дѣла собиранія и изученія явлений переживанія.

И. Лучицкій.

А. Ф. КИСТЬКОВСКІЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ.

И да чредъ своей не забывалъ онъ
Святѣшаго изъ званій: человѣкъ!

Обширный и отзывчивый умъ создаетъ себѣ широкую сферу дѣятельности. Таковъ былъ умъ славнаго покойника, такова была и его дѣятельность. Онъ оставилъ глубокіе слѣды, какъ юристъ, публицистъ и общественный дѣятель, его имя принадлежитъ исторіи нашихъ юридическихъ обществъ, нашихъ учрежденій для несовершеннолѣтнихъ, нашего правового образованія вообще, нашей періодической печати, и весьма почтенное мѣсто занимаетъ оно тоже въ исторіи умственного развитія Украины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, по дѣятельности своей А. Ф. былъ криминалистъ.—Онъ занималъ каѳедру уголовнаго права въ Кіевскомъ Университетѣ съ сентября 1864 г. и вплоть до своей смерти, сперва въ званіи приватъ-доцента, затѣмъ—доцента, экстраординарного и ординарного профессора, значитъ—свыше 20 лѣтъ. Еще раньше онъ началъ помѣщать въ печати свои работы по уголовному праву и процессу, и огромная часть многочисленныхъ сочиненій А. Ф. посвящена именно этой области. Какое же положеніе занялъ онъ здѣсь, подъ какимъ знаменемъ онъ сталъ, чему и какъ служилъ онъ въ этой главной сферѣ своей дѣятельности?

Поставленными вопросами займется настоящій очеркъ, оставляя другимъ, болѣе въ томъ компетентнымъ, прочія сферы обширной дѣятельности Александра Федоровича.

I.

Научная разработка уголовного права распадается на экзегетическую, догматическую и историческую, причемъ въ разработкѣ догматической различаются направлениія метафизическое, практическо-позитивное и научно-позитивное. Экзегетическая разработка состоить въ истолкованіи данного законодательства на основаніи наличнаго его содержанія въ опредѣленную эпоху. Историческая разработка имѣеть задачею изученіе возникновенія и развитія права, его прошлую жизнь. Наконецъ, догматическая разработка стремится къ отысканію и установлению положеній или догмъ, характеризующихъ существо изучаемыхъ правовыхъ институтовъ по данному положительному праву. Если такія положенія отыскиваются исходя изъ отвлеченныхъ и не-проявленныхъ опытомъ идей, то получается направлениіе метафизическіе. Если въ основаніе ихъ принимается положительное законодательство данной страны, то говорятъ (Биндингъ) о направлениіи позитивно-догматическомъ или практическо-позитивномъ, весьма близкомъ къ разработкѣ экзегетической. Наконецъ, направление научно-позитивное стремится къ уразумѣнію правовыхъ институтовъ и конструкціи ихъ путемъ выясненія ихъ дѣйствительной природы по даннымъ не только положительнаго законодательства, при томъ какого либо одного законодательства, но также исторіи и всего иного матеріала, доступнаго наукѣ.

Въ своей литературной дѣятельности А. Ф. Кистяковскій неоднократно проявлялъ себя хорошимъ толкователемъ дѣйствующаго законодательства. Въ ряду его произведеній мы встрѣчаемъ статьи „о порядке и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія“ (Ж. М. Ю. 1867 № 9), „о подсудности по закону 11 октября 1865, „о преступлениі недозволенное оставленіе отечества“ (Суд. В. 1875 № 230), „къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ“ (тамъ же, № 23), „о наказуемости изъявленія умысла по русскому праву“ (тамъ же, 1876), „разработка вопросовъ о пред-

рѣшенніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права возникающихъ при производствѣ университетскаго суда" (Кiev. Унів. Изв. 1877 № 12); и въ его капитальныхъ научныхъ произведеніяхъ, каковы „Элементарный учебникъ“, „о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“, всему этому отводится не мало мѣста. Обладая значительными ліалектическими способностями, А. Ф. Кистяковскій примѣнялъ ихъ и въ своей практической адвокатской дѣятельности, причемъ ему приходилось неоднократно касаться толкованія дѣйствующаго законодательства. Безспорно, такимъ образомъ, что онъ не разъ проявлялъ себя въ направленіи экзегетическомъ и отнюдь не чуждался его.

Но онъ далеко не ограничивался экзегезою и даже, прибѣгая къ ней, руководился правиломъ: *scire leges non est verba eorum tenere, sed etiam vim ac potestatem.* Для уразумѣнія этихъ *vis ac potestas* законовъ толкуемыхъ, не оставаясь въ предѣлахъ ихъ грамматического изложенія, онъ обращается къ исторіи ихъ и сопоставленію съ другими законодательными системами. Это уже пріемы анализа догматического.

II.

Въ гораздо большей мѣрѣ А. Ф. Кистяковскій можетъ быть признанъ представителемъ направленія исторического въ наукѣ уголовнаго права. Его докторская диссертация „о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда“ содержитъ въ себѣ изложеніе полной исторіи русскаго уголовнаго процесса, которое по достоинствамъ своимъ стоитъ выше всего появившагося донынѣ въ русской литературѣ. Историческому моменту онъ удѣлялъ обширное мѣсто во многихъ своихъ другихъ работахъ, и не говоря уже о его капитальномъ трудѣ „изслѣдованіе о смертной казни“, всецѣло построенномъ на опытныхъ указаніяхъ исторіи, авторъ отводитъ выдающееся мѣсто историческому моменту въ своемъ „Элементарномъ учебникѣ общаго уголовнаго права“. Обращая вниманіе читателей на предлагаемое имъ изложеніе исторіи науки уголовнаго права, авторъ въ предисловіи ко 2 изданію его замѣчаетъ:

„специалисты знаютъ, какъ мало разработанъ этотъ вопросъ даже въ иностранной научной литературѣ. Авторъ учебника считаетъ этотъ вопросъ однимъ изъ тѣхъ кардинальныхъ предметовъ науки, знакомство съ которымъ способно дать точку устоя при изученіи науки уголовнаго права“.

И тѣмъ не менѣе, однако, не смотря на то огромное значеніе, которое А. Ф. Кистяковскій отводилъ историческому моменту въ наукѣ уголовнаго права, онъ не принадлежитъ историческому направленію: имя, имъ оставленное, не есть имя историка права. Такое имя принадлежитъ изслѣдователямъ временъ прошедшихъ, занимавшихся ими исключительно для опредѣленія правового строя прошлой правовой жизни. Прошлому всепѣло принадлежать ихъ труды и ихъ идеи. А. Ф. Кистяковскій не былъ историкомъ права, потому уже, что онъ занимался прошедшимъ не для прошедшаго; послѣднее интересовало его не само по себѣ, а только какъ ступень для уразумѣнія настоящаго. Взоръ его направленъ на настоящее и только для выясненія его обращается къ прошедшему, притомъ далеко не исключительно. Факты исторіи имѣютъ для него значеніе только показателя взглядовъ народа на изслѣдуемый институтъ и измѣненія ихъ. Въ предисловіи къ своей магистерской диссертациіи о смертной казни,—сочиненіе, которое по высокимъ достоинствамъ своимъ стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ остальныхъ работъ А. Ф. Кистяковскаго,—онъ говоритъ: „на вопросъ, который каждому специалисту не разъ приходится слышать—каково ваше мнѣніе о смертной казни, считаете вы ее наказаніемъ справедливымъ или нѣтъ,—я отвѣщаю: спрашивайте не меня, мнѣніе котораго, какъ всякое одиночное мнѣніе, не можетъ имѣть силы и значенія, а выслушайте болѣе полновѣсное и имѣющее болѣе правъ на вниманіе мнѣніе народовъ“. Весь этотъ трудъ направленъ къ выясненію, путемъ данныхъ исторіи, современного состоянія изслѣдуемаго вопроса. Но и на этомъ авторъ не останавливается. Какъ видно уже изъ приведенной выдержки, историческій матеріалъ служить для него основою не только для выясненія настоящаго, но и для отвѣта о будущемъ; изъ него онъ дѣлаетъ заключеніе не только о томъ, что есть, но и что должно быть; въ немъ онъ ищетъ, въ частности, рѣшенія о справедливости или несправед-

ливости изслѣдуемаго института. То же заключеніе получается изъ знакомства съ другими трудами А. Ф. Кистяковскаго. Высоко ставя исторію права, онъ служить ей не самой по себѣ, а какъ могучему вспомогательному средству изслѣдованія доктринальнаго. Она нужна ему для уразумѣнія истинной природы изслѣдуемаго института въ видахъ выясненія современнаго его состоянія и опредѣленія вѣроятныхъ судебъ его въ будущемъ. „Такъ какъ субстанція уголовнаго права есть общественнаго свойства—говоритъ А. Ф. Кистяковскій во 2 изд. своего Учебника (§ 7)—и такъ какъ общественность человѣческая видоизмѣняется по извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, то и уголовное право, какъ одно изъ проявленій общественности, съ одной стороны бываетъ запечатлѣно характеромъ общественности, его породившей, съ другой вмѣстѣ съ нею подвержено измѣняемости, совершающейся по неизмѣннымъ законамъ“. Исторія права для автора и есть матеріалъ, содѣйствующій выясненію такихъ законовъ, называемыхъ имъ законами постоянства и движенія и опредѣленію вліянія общественности на состояніе и измѣненіе права. Посвящая себя ей, онъ имѣлъ всегда предъ собою главною задачею выясненіе юридической сущности изслѣдуемаго института и общественныхъ условій, его опредѣлявшихъ. Это задача доктринальнаго свойства.

Нельзя при этомъ не отмѣтить отношенія А. Ф. Кистяковскаго къ смѣнѣ историческихъ явлений. Много разъ и съ настойчивымъ подчеркиваніемъ онъ высказываетъ положеніе, по которому эта смѣна совершается не безформенно и произвольно, а въ высшей степени правильно, постепенно, или, какъ выражается А. Ф., по неизмѣннымъ законамъ. Кроме приведенной выдержки изъ § 7 его учебника, въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на §§ 22—39 того-же сочиненія; современное уголовное право Европы, говоритъ онъ, „есть неоконченная работа многихъ вѣковъ и множества поколѣній“ (§ 22); „процессъ его развитія и видоизмѣненій есть процессъ органическій, т. е. совершающейся по неизмѣннымъ законамъ, присущимъ природѣ обществъ человѣческихъ“ (§ 23); „въ процессѣ развитія и видоизмѣненія уголовнаго права нѣтъ ничего произвольнаго,

нѣтъ скачковъ, внезапностей и неожиданностей; все въ немъ подчинено общему, свойственному всей природѣ, закону постепенного развитія, по которому одна формація явленій рождается изъ другой, по которому ближайшее послѣдующее мало чѣмъ отличается отъ послѣдняго предыдущаго, но гдѣ дѣй крайнія формаціи, не утрачивая ихъ родового свойства, кореннымъ образомъ между собою различаются” (§ 24). Въ развитіи уголовнаго права онъ указываетъ три постепенно другъ друга сменяющіе уклады или формаціи: а) укладъ или формація частной мести, б) общественнаго устрашенія и в) общественнаго исправленія и предупрежденія (§ 25), при чемъ указываетъ характеристическія черты каждой изъ этихъ формацій, замѣчаетъ, что послѣдняя изъ нихъ „въ настоящее время находится только въ періодѣ своего развитія, а не полнаго осуществленія, вслѣдствіе чего третій укладъ не можетъ быть рассматриваемъ какъ вполнѣ сложившійся” (§ 34), что „нынѣ дѣйствующее уголовное право хотя представляетъ начало третьей формаціи, въ сущности есть переходнаго свойства” (§ 36), и прибавляетъ: „обозрѣвая весь ходъ развитія и видоизмѣненій науки уголовнаго права, легко замѣтить, что оно является до высокой степени дѣломъ человѣка данной эпохи, нося на себѣ печать характера и качествъ этого человѣка и общественной среды, въ которой онъ живетъ”, и что „дѣло науки уголовнаго права, какъ науки установившихся формъ общежитія, какъ фактора, который обладаетъ только творческою силою для пониманія и для разработки существующихъ формъ, а не для созданія новыхъ, состоять въ томъ, чтобы указать на зчатки новыхъ идей” (§§ 38, 39).

Приведенные выдержки, подтверждая высказанное нами, что для А. Ф. Кистяковскаго историческое изслѣдованіе имѣло лишь характеръ служебный, на сколько оно было нужно для разрешенія главной задачи, имъ преслѣдуемой и по существу своему догматической, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что по вопросу объ исторической сменѣ правовыхъ явленій А. Ф. исходилъ изъ убѣжденія въ постоянствѣ ея, въ опредѣленіи ея известными твердыми законами объективнаго свойства, въ постепенности развитія однихъ формъ правовой жизни изъ другихъ,

имъ предшествовавшихъ. Это—доктрина эволюционизма, однимъ изъ самыхъ раннихъ представителей которой у насъ и былъ Кистяковскій.

III.

Какъ бы то ни было, А. Ф. Кистяковскій въ наукѣ уголовнаго права всесѣло служить разработкѣ догматической. Главная задача, которую онъ себѣставилъ, состояла въ выясненіи природы существующихъ правовыхъ институтовъ, и если его взглядъ останавливался на прошедшемъ ихъ или стремился проникнуть въ ихъ будущее, то лишь въ предѣлахъ, на сколько это представлялось нужнымъ и возможнымъ для уразумѣнія существующаго.

Но какъ понималъ онъ это существующее и какими путями стремился къ уразумѣнію его?

Уже изъ предыдущаго уложенія съ полною очевидностью вытекаетъ, что А. Ф. не былъ и не могъ быть догматикомъ направленія метафизического. Это не былъ человѣкъ съ готовыми мнѣніями на всѣ вопросы. Къ отвѣту на послѣдніе онъ приходилъ лишь послѣ старателльной надѣ ними работы и, уважая объективное къ нимъ отношеніе, можетъ быть даже свыше должной мѣры, онъ крайне отрицательно относился къ субъективному ихъ разрѣшенію, основанному на однихъ лишь отвлеченныхъ, эмпирически недоказанныхъ положеніяхъ и на діалектическихъ надѣ ними операцияхъ. Припомнимъ, какъ рѣшительно отклоняется онъ отъ себя, въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни, вопросъ о справедливости или несправедливости этого наказанія, направляя читателя къ мнѣнію народовъ. „Не въ моей натурѣ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ проф. Модестову, та любовь къ догматикѣ, похожей на догматическое богословіе, которая самодержавно царствуетъ въ наукѣ уголовнаго права“. Здѣсь отрицательное отношеніе къ метафизическому направленію въ догматической разработкѣ выражено въ формѣ столь рѣзкой, что изъ нея можно даже прийти къ ошибочной мысли, будто бы А. Ф. Кистяковскій

протестуетъ вообще противъ доктринальной разработки уголовного права: въ действительности, онъ лучшій ея представитель, и протестъ его относится лишь къ тому ея направлению, которое стремится подчинить правовую жизнь неизмѣннымъ и непреложнымъ доктрамъ, выводимымъ путемъ отвлеченныхъ построений изъ непроверенныхъ научно идеи супернатуральныхъ или спиритуалистическихъ. И онъ со всею силою своей аргументации обрушивается на авторовъ новаго времени, которые продолжаютъ стоять на такой ненадежной почвѣ. Отмѣчая въ учебнику три коренныхъ вопроса, завѣщанныхъ прежней наукой девятнадцатому столѣтію, именно—вопросы о правѣ наказанія, объ основаніи виненія и о подозрѣніи, онъ, говоря о второмъ изъ этихъ вопросовъ, упрекаетъ автора сочиненія „Основыня начала объ уголовномъ виненіи“, проф. Бернера, въ томъ, что авторъ этотъ „представилъ изображеніе дѣятельности не дѣйствительнаго человѣка, а мифическаго, можно сказать воображаемаго. Доказательствомъ тому служать слѣдующія выраженія: „человѣкъ можетъ нарушить вѣчный законъ“, „человѣкъ пользуется высшою честью быть преступникомъ и освобождаться отъ необходимости“, „человѣкъ не управляется побужденіями“, „волю его нельзя принудить“. Вслѣдствіе такого метафизического метода изслѣдованія природы дѣятельности человѣка—продолжаетъ А. Ф. Кистяковскій, — преступленіе до сихъ поръ въ наукѣ остается какою-то загадкою, чѣмъ-то безпричиннымъ, какимъ-то зломъ, которому нѣтъ другого объясненія, кроме невѣдомо откуда происходящей злой воли. Современная злая воля, это—средневѣковый діаволъ, только пранявший другую личину. Еще Фейербахъ справедливо замѣтилъ, что по этой теоріи человѣкъ совершає преступленіе только потому, что онъ хочетъ совершить его, дѣлаетъ зло для самого зла, не исполняетъ законъ безъ всякой причины, кроме желанія нарушить его, словомъ — дѣйствуетъ, какъ средневѣковый діаволь. Отъ такой постановки этого вопроса происходитъ то, что въ наукѣ уголовного права остается въ полномъ пренебреженіи изслѣдованіе реальной природы преступленія, и что въ ней господствуетъ въ этомъ пункте застой. Мало этого: всякая попытка основать

вмѣніе на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія, принимается за воззваніе къ установлению безразличія между добромъ и зломъ, за призывъ къ безнаказанности. Доказательствомъ этому служить исторія Ансельма Фейербаха. Какъ будто теорія причинности преступленій когда нибудь могла смотрѣть на преступленіе иначе какъ на зло, какъ будто она также не озабочена охраною благосостоянія и безопасности общества. Зло останется зломъ, будемъ ли мы знать его причину, или считать его навѣяннымъ вѣтра. Но велико различіе между тѣмъ, когда причина дѣйствія изслѣдована, и тѣмъ положеніемъ, когда дѣйствіе является безпричиннымъ, произвольнымъ, одинокимъ. Въ первомъ случаѣ можетъ быть подыскано болѣе цѣлесообразное средство его устраненія, во второмъ—примѣняются рутинныя средства, какъ какое-нибудь захарство въ медицинѣ” (Учебникъ, стр. 104, 105, изд. 2).

Мы нарочно привели эту довольно обширную выписку по одному изъ самыхъ важныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ слабообработанныхъ учений общей части уголовнаго права, такъ какъ она съ особенною яркостью характеризуетъ научное направление А. Ф. Кистяковскаго. Въ ней онъ требуетъ, чтобы учение о вмѣніи было построено на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія. Этимъ требованіемъ,—посильную попытку выполнить которое онъ далъ для многихъ уголовноправовыхъ учений какъ въ своемъ учебнику, такъ и въ другихъ своихъ трудахъ,—А. Ф. Кистяковскій решительно заявляетъ себя сторонникомъ догматической разработки уголовнаго права. Съ еще большою решительностью высказывается имъ протестъ противъ отвлеченного, метафизическаго его направленія, такъ что съ этимъ вопросомъ можно считать поконченнымъ. Но, кромѣ того, въ немъ заключаются еще два драгоценныя указанія, подтверждаемыя всею совокупностью трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

Одно изъ нихъ — отрицательного свойства. Заявивъ себя противникомъ метафизического направленія, А. Ф. весьма категорически высказываетъ въ немъ и противъ такъ наз. пози-

тивнаго направлениі въ смыслѣ построенія науки уголовнаго права на почвѣ исключительно какого-либо конкретнаго положительного законодательства. *Suprema lex* — для него только одна изъ послѣдовательныхъ историческихъ ступеней развитія правовой идеи, и не передъ нимъ склоняется его гордая выя. Его фундаментъ гораздо болѣе широкій.

IV.

Эта почва— „дѣйствительная природа преступленія“. Въ предисловіи къ 1 изданію своего учебника, который онъ называлъ учебникомъ „общаго уголовнаго права“, А. Ф. Кистяковскій объясняетъ это название такъ: „подъ общимъ уголовнымъ правомъ я разумѣю изложеніе общихъ началь, которые выработаны совокупною жизнью всего человѣчества“. Въ самомъ изложеніи какъ учебника, такъ и изслѣдованія о смертной казни, онъ говоритъ или объ общемъ уголовномъ правѣ, или объ уголовномъ правѣ Европы, подкрѣпляя свои положенія ссылками на литературу и законодательства разнообразныхъ временъ и народовъ и стремясь сдѣлать общій выводъ изъ нихъ. Всюду онъ имѣеть въ виду не какое либо конкретное законодательство опредѣленнаго народа, а цѣлую совокупность конкретныхъ правовыхъ нормъ всѣхъ извѣстныхъ ему временъ и народовъ. Положительный законъ для него—не источникъ уголовнаго права, а только *материалъ* науки уголовнаго права, вѣшняя оболочка или „форма, выраженіе уголовнаго права, какъ совокупности понятій даннаго народа, въ данный періодъ его развитія, о правомъ и неправомъ. Не законъ созидаетъ уголовное право, а наоборотъ. Вообще говоря, въ созданіи уголовнаго закона не остается мѣста произволу законодателя, которому приходится только закрѣплять уже народившіяся или вызываемыя потребностями быта понятія о правомъ и неправомъ, созданныя сложившимися или слагающимися общественными отношеніями“ (Учебн. § 64). „Чѣмъ объемистѣе матеріаль, подлежащей научной обработкѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, понимая подъ матеріаломъ науки уголовнаго права уголовные законы (Учеб.

§ 8), — тѣмъ шире, глубже и ближе къ истинѣ будуть положенія самой науки. Поэтому было бы разумно, если бы наука уголовного права сообщала свои ученія какъ результатъ изученія уголовныхъ законовъ всѣхъ формаций, всѣхъ періодовъ и народовъ. Только подъ этимъ условиемъ она и можетъ получить имя общаго уголовного права“.

Какая грандіозная перспектива, какой высокій и достойный упорного труда научный идеалъ! Конечно, идеалъ этотъ и вообще мнѣніе А. Ф. Кистяковскаго объ общемъ уголовномъ правѣ не представлялись безусловно новыми и имѣли почву въ прошедшемъ, что, впрочемъ, съ точки зрења самого А. Ф., служить имъ только въ похвалу. Уже школа естественного права, а затѣмъ супернатуралисты и представители различныхъ философскихъ системъ, заводили рѣчь объ общихъ для всего человѣчества началахъ права вообще и уголовного въ частности, но въ иномъ значеніи, такъ какъ такія начала представлялись имъ непреложными, неизмѣнными и опредѣляемыми силами, виѣ человѣка и человѣческаго общества лежащими, именно—божествомъ, или космосомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опытное, сравнительное изученіе права у разныхъ народовъ показало существованіе у нихъ общихъ чертъ, такъ что мысль о связи и даже родствѣ уголовныхъ законодательствъ и объ опредѣляемости исторического развитія ихъ общими законами высказывалась и съ болѣе научными обоснованіями. Но въ той полнотѣ и широтѣ, въ какой она выражена А. Ф. Кистяковскимъ, она ранѣе его не высказывалась. Въ иностранной литературѣ въ такой позитивной постановкѣ мы встрѣчаемъ ее впервые въ произведеніяхъ проф. Листа, именно—главнымъ образомъ въ введеніи къ „сравнительному уголовному законодательству“, изданному только въ настоющемъ 1894 году. Первенство, благодаря А. Ф., принадлежитъ русской литературѣ.

Давая уголовному праву такое широкое, и притомъ позитивное, а не отвлеченнное основаніе, А. Ф. нуждался для построенія его какъ науки въ огромномъ матеріалѣ. Видя въ положительному законѣ только проявление правовыхъ убѣжденій данного народа въ опредѣленный моментъ его существованія,

онъ естественно и неминуемо пришелъ къ признанію высокаго значенія исторіи права: материалъ исторической оказался необходимымъ для построенія предположенного имъ зданія. Исходя отъ мысли, что право даннаго народа есть только частица права всего человѣчества, плоть отъ плоти и кость отъ кости его, онъ не могъ заключить своего изложенія въ тѣсныя рамки правоваго строя какого нибудь одного народа; настоятельно необходимымъ сталъ для него и материалъ сравнительный. Мы уже видѣли, какъ добросовѣтно и упорно подготовлялъ себя А. Ф. къ ознакомленію съ историческимъ материаломъ и приемами исторического изслѣдованія. Тѣ же добросовѣтность и упорство проявляются у него и по отношенію къ материалу сравнительному. Рѣдкое явленіе уголовно-правовой жизни западныхъ народовъ его времени не останавливало на себѣ его вниманія. Въ ряду его литературныхъ произведеній, помѣщавшихся въ періодической печати, мы встрѣчаемъ: „очеркъ англійского уголовного процесса по Миттермайеру“ (Ж. М. Ю. 1860 №№ 6, 8—12), „адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи“ (тамъ же, 1863 № 8); „полицейские суды въ Лондонѣ“, (1864 № 9, подъ псевдонимомъ А. Городисскій); „уголовное право Италіи, профессоръ Пессина и современное движение итальянского права и науки“ (Судеб. Жур. 1873, №№ 3 и 4); „о преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи“ (Ж. М. Нар. Просв. 1874); „главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовного права“ (Кiev. Унив. Изв. 1873 № 12); „судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы“ (Жур. гр. угол. пр. 1879 №№ 2, 3); помимо того, значительная работа этого рода выполнена имъ въ его руководящихъ трудахъ о смертной казни и въ учебникѣ.

Но и для А. Ф. Кистяковского, несмотря на его огромную энергию, поставленная имъ задача оказалась чрезмѣрною. Состояніе литературной разработки уголовного права еще далеко не достигло той высоты, которая для этого необходима. Самъ онъ вынужденъ былъ признать, что „разработка уголовного права посредствомъ исторического метода представляетъ только слабыя попытки, является только въ зародышномъ состояніи“...

Еще въ меньшей степени уголовное право обработано посредствомъ сравнительного метода... Онъ остается непримѣненнымъ къ самимъ отдаленнымъ эпохамъ уголовнаго права, тѣмъ, которые представляютъ высокій научный интересъ. Къ нему не обращались еще для разработки уголовнаго права классическихъ народовъ. Уголовное право дикихъ и варварскихъ народовъ не тронуто, какъ нѣчто совокупное, въ одно мѣсто сопоставленное, освѣщенное путемъ сравненія". (Учеб. стр. 34. 35). Естественно, что при такомъ состояніи научныхъ знаній, предложеніе А. Ф. Кистяковскаго могло быть только попыткою рѣшенія вопроса по намѣченной программѣ. Многихъ ученій господствующей доктрины онъ совершенно не могъ коснуться, къ другимъ ему оказалось возможнымъ проявить лишь критическое отношеніе, и только весьма немногіе, каково напр. ученіе о смертной казни, переработаны имъ въ корнѣ и не только расчищены старыя развалины, но на мѣсто ихъ воздвигнуто и новое зданіе. Однако, и какъ попытка, труды А. Ф. Кистяковскаго имѣютъ высокую цѣну, и изъ намековъ, въ нихъ содержащихся, должна въ будущемъ получиться прекрасная жатва.

V.

А. Ф. Кистяковскій приходилъ къ высказываемымъ имъ положеніямъ путемъ упорной и медленной работы. Мы уже замѣтили, что онъ не принадлежалъ къ числу умовъ съ готовыми на все отвѣтами. Напротивъ, онъ какъ бы предпочиталъ вовсе не имѣть личнаго мнѣнія и не давать личнаго отвѣта по возбуждаемымъ вопросамъ. „Спрашивайте не мое мнѣніе, а мнѣніе народовъ“, говорить онъ въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни. „Самая повидимому самостоятельный философскія построенія, носящія на себѣ печать индивидуальности писателя-криминалиста, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ (Учебникъ, стр. 55), будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ дѣломъ народѣ, или въ такъ называемомъ обществѣ“.

Такое объективное направлениe, отрицающее всякое значеніе личнаго, индивидуального момента, возлагающее и на писателя обязанность воздерживаться отъ всякаго проявленія своей индивидуальности въ своихъ твореніяхъ, явилась какъ естественная реакція противъ чрезмѣрнаго возвышенія личности и личнаго момента литературою XVIII и начала XIX ст., съ ея непреложною вѣрою во всемогущество личнаго разума и личной воли. Увлечениe этого направления породили противоположное теченіе, которое пріобрѣтало болѣе и болѣе adeptовъ, и наконецъ стало господствующимъ. Ему отдалъ дань и А. Ф. Кистяковскій.

Но какъ ни громко и рѣшительно требуетъ онъ отрицанія своей личности въ научныхъ трудахъ, его личность выступаетъ въ нихъ весьма импозантно. Да и можно ли ожидать иного? Можно ли утверждать, что духъ человѣческій на самой высшей ступени своей дѣятельности, творческой, научной, гдѣ все отъ него зависитъ, принизится до полнаго самоуничтоженія? Развѣ не личный гений творить науку? Развѣ Соловьевъ, излагая тѣ же события, которыя излагались другими историками, могъ не вложить въ это изложеніе всей своей личности, всего своего я? Развѣ не цѣлая бездна между нимъ и Карамзинымъ? Отрицаніе личнаго момента есть отрицаніе науки; провозглашеніе объективизма, какъ высшаго начала, равносильно полному застою.

Личность А. Ф. Кистяковскаго проявляется прежде всего въ выборѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ подвергалъ своей разработкѣ, и затѣмъ въ свойствѣ отвѣтовъ, на нихъ даваемыхъ. Это—вопросъ о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія, вопросъ, постановка котораго вызвана крайними злоупотребленіями дореформированнаго нашего процесса противъ свободы личной и на который дается отвѣтъ въ смыслѣ возможно болѣе полнаго огражденія такой свободы;—вопросъ о смертной казни, т. е. самой крайней карательной мѣрѣ, доходящей до полнаго уничтоженія личности, и даваемый отвѣтъ приходить къ спокойному, но рѣшительному отрицанію этой мѣры;—вопросъ о малолѣтныхъ преступникахъ и учрежденіяхъ для ихъ исправленія, т. е. о несчастныхъ, обреченныхъ на пороки и преступленія бездомностью, заброшен-

ностью или дурнымъ состояніемъ семьи, при чемъ дается энергической отвѣтъ въ смыслѣ разумнаго общественнаго прі-зрѣнія такихъ дѣтей;—вопросъ о юридическомъ образованіи и юридическихъ обществахъ, при чемъ и то и другое настойчиво рекомендовалось и указывалось продуманной ихъ программой въ видахъ дальнѣйшаго усовершенствованія народнаго и развитія права. Этотъ выборъ темъ и это свойство отвѣтовъ съ крайне симпатичной стороны рисуютъ личность А. Ф. Кистяковскаго въ его научныхъ трудахъ. Они дали намъ право примѣнить къ нему слова поэта:

И на чредѣ своей не забывалъ онъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

27 декабря 1894 г.

И. Фойницкій.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Вытівовій очеркъ).

Третій день рождественскихъ святокъ. Но установившемуся издавна обычаю, въ вечеръ этого дня сѣѣзжаются со всѣхъ сель родственники и знакомые въ домъ о. Луки.

Не разылаются приглашенія: всякий знаетъ, что этотъ день издавна принадлежитъ ему, его дому. И всѣ охотнѣе заворачиваются въ этотъ день къ о. Лукѣ, чѣмъ даже къ сравнительно-молодому о. благочинному, который, какъ-бы въ противовѣсь почтенному старцу, приглашаетъ и къ себѣ въ этотъ-же день окружныхъ священниковъ.

Сосѣдъ и пріятель о. Матеей со всѣмъ своимъ семействомъ собирается къ о. Лукѣ.

Уже и двое просторныхъ саней стоять у крыльца. Лошадки, понурившъ головы и помахивая хвостами, терпѣливо ждутъ сѣдоковъ. Вотъ, наконецъ, они постепенно выходятъ и суетливо разсаживаются по санямъ.

Въ первыя сани, болѣе новыя и запряженныя болѣе крупными лошадьми, усаживается молодежь: двѣ почти взрослыхъ дѣвушки, дочери-гимназистки, одѣтыя по городски, въ изящныхъ шапочкахъ, муфточкахъ и легкихъ шубкахъ, и сынъ, студентъ-медикъ, въ форменной фуражкѣ и пальто, съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ.

Въ другія сани, менѣе видныя (старинныя, такъ называемыя— „гренжолы“), запряженныя мохнатыми, рабочими лоша-

денгами, усаживаются старики: отецъ въ теплой шапкѣ, надви-нутой на самыя уши, въ тяжелой волчьей шубѣ, подпоясанной простымъ краснымъ поясомъ, и мать, въ такой-же тяжелой, длинной, деревенской шубѣ, закутанная большимъ теплымъ платкомъ, съ тугой повязкой на лбу изъ маленькаго платка поверхъ большого.

Въ рукахъ у ней—узелокъ съ булкой, известная дань ма-лороссійскому обычаю.

И молодежь, и старики—всѣ видимо возбуждены сборами и отъѣздомъ.

— „Вы еще долго намѣрены подвергать испытанію мое терпѣніе?“ говорить студентъ сестрамъ, которая и въ саняхъ заставляютъ его стоймъ стоять въ ожиданіи своей очереди усѣсться противъ нихъ на неудобной, низенькой скамеечкѣ изъ-подъ ногъ.

Дѣвушки, хохоча, первно копошатся въ саняхъ, укутываютъ себѣ ноги огромною пушистою „бараницею“.

Въ сани прислугой кладется довольно увесистый узель съ запасомъ большихъ, теплыхъ, платковъ, старыхъ драповыхъ рясь, жесткихъ бурокъ, чеперокъ...

— „А нѣтъ-ли, мама, тамъ въ коморѣ еще какой-нибудь рухляди про запасъ? мнѣ что-то кажется, будто всей этой мало!...“ съ шутливымъ комизмомъ замѣчаетъ матери сынъ. И это замѣчаніе покрываются общимъ веселымъ смѣхомъ.

— „А въ самомъ дѣлѣ, къ чему тебѣ столько набирать? растерять лишь-бы?“ замѣчаетъ къ слову и о. Матоей.

— „Этъ! ничего те не вадыть! Запасъ биды не чынты! Онъ-о-но! яка хурга циднимается: ще спасыби скажете мени впосли!“ упорно стоитъ на своемъ излишне-заботливая жена о. Матоева, указывая рукой въ даль на несуществующую пока „хургу“.

— „Ну, съ Богомъ, трогай!“

Старики перекрестились. Сани тронулись. Остающаяся дома подъ надзоромъ бабы-Явдохи малая дѣтвора, прильнувъ къ стекламъ окошечкѣ, долгимъ взглядомъ провожаетъ уѣзжающихъ.

Дѣтей не взяли съ собой; но ихъ маленькия сердечки наполнены свѣтлой надеждой на полученіе обѣщанного „циня“ или гостинца „отъ зайчика“...

Черезъ какой-нибудь часъ пути, когда бѣхали открытыми, ровными полями, кромѣ сгущающихся вечернихъ сумерекъ, нашихъ путниковъ охватило что-то мрачестое, вродѣ мокроватаго мельчайшаго снѣжка, какъ-то пріятно-раздражающе бьющаго въ глаза, носъ, щеки... Изъ заднихъ саней послышался громкій окликъ; сани поровнялись. Мать тревожно-заботливо уговариваетъ дочерей надѣть на голову находящіеся въ запасѣ большие, теплые платки.

— „Да мы привыкли такъ!... Ничего головамъ не станетъ!... Мы, право, и сами о себѣ заботимся!“... капризничаютъ молодыя девушки, изъ пустой боязни показаться смѣшными либо уродливыми въ большихъ, толстыхъ платкахъ поверхъ изящныхъ шапочекъ.

— „Та хочъ и привыкли,—цежъ вамъ не городъ!“ упорно настаиваетъ мать.—„Та и одежа-жъ шось стоить!“ добавляетъ къ тому.

— „То-есть, признаться откровенно, ваши собственныя заботы, право-же, болѣе сосредоточиваются на охраненіи причесокъ вашихъ, чѣмъ здравія головъ!“—тихонько подтруниваетъ надъ смущенными сестрами братъ.

Девушки краснѣютъ, недовольно хмурятся, надуваютъ губки,—и кончается тѣмъ, что обѣ онѣ натягиваютъ на плечи ненавистные платки, прикрывая ими отчасти и рѣющіяся ушки.

Вотъ на пути—длинный поселокъ. Рѣдкія, низенькия хатенки буквально тонутъ въ глубокомъ снѣгу: только и видны пластообразныя крыши, нависшія, какъ шапки громадныхъ бѣлыхъ грибовъ.

Изъ дворовъ, съ ожесточеннымъ лаемъ, бросились собаки, долго напутствуя имъ проѣзжающихъ.

Вотъ снова—поле. Кругомъ все однообразно—бѣло, голо и скучно. Лошадки бодро бѣгутъ по утертой дорогѣ.

Вотъ и крестъ высокій чернѣетъ на перекресткѣ дорогъ; здѣсь—поворотъ направо, а тамъ уже рукой—подать и къ селу Т., цѣли поѣздки.

— „Господи! хоть-бы не мы первые пріѣхали!“ невольно срывается съ языка затаенная мысль бойкой дѣвушки, младшей сестры.

— „Почему это?“ освѣдомляется братъ, пристально глядя на сестру. А та уже успѣла и покраснѣть, и спохватиться, что не во время выпустила изъ рта свою плѣнницу.

— „Да потому, что такъ досадно пріѣхать *заодоля* и торчать, въ ожиданіи, пока съѣдутся всѣ остальные! А папа съ мамой—ну, какъ нарочно! непремѣнно раньше всѣхъ всюду пріѣзжаютъ!“—капризно высказывается она.

— „Вотъ ужъ—напротивъ!“ также чистосердечно прерываетъ ее старшая сестра: „гораздо болѣе непріятно пріѣзжать изъ послѣднихъ, когда почти всѣ въ сборѣ и когда тебя сразу измѣряютъ глазами съ ногъ до головы, чуть-ли не высчитывая по вершкамъ твой носъ, твои уши и проч.!“

— А вы, милостивая государыня, больше всего побаиваетесь строгой критики въ этомъ именно пункте?..“ шутливо-мягко и очевидно подтрунивая ловить ее на словѣ братъ. Та, кажется, думала было оскорбиться слишкомъ явнымъ намекомъ брата на ея нѣсколько вздернутый носикъ и широко оттопыренные ушки, но кончила только тѣмъ, что, на минуту задѣвшись до корня волосъ и слегка нахмурившись, тотчасъ-же и сама залпомъ расхохоталась, вторя брату и сестрѣ...

Но вотъ и село Т., и настежъ раскрытыя ворота „царыны“ съ одинокимъ, глухимъ „куринемъ“.

— „Гм! изъ-за границы мы теперь..“ съ напускною важностью произноситъ при случаѣ братъ, чтобы лишній разокъ посмѣшить сестеръ.

Лошадки во весь духъ понесли отсюда съ пригорка вдоль главной улицы, мимо стройнаго, темнаго силуэта Т—ской церкви, цѣлаго ряда крестьянскихъ избъ, съ постройками при нихъ, и свернули во дворъ священника. Большой, старый, приземистый домъ, подъ соломенною крышею, горѣль огнями; подъ наѣсомъ стариннаго крыльца висѣлъ огромный фонарь, бросая отъ себя цѣлый спонъ яркаго свѣта и предупредительно освѣщая гостямъ путь къ подъѣзду. Среди двора стояло нѣсколько

саней, около которыхъ громко возились кучера, убирая лошадей, упряжь. Въ окнахъ дома темными пятнами мелькали тѣни движущихся людей.

— „Смотри-же, Терешко, не ударь лицомъ въ грязь: возжи подбери крѣпче и лихо подкати къ подъѣзду!“ шутливо наставляетъ студентъ своего кучера. Обѣ дѣвушки ликующе смѣются.

Съ ветхаго крылечка прошли наши пріѣзжіе въ переднюю. Крохотная комната эта, съ прибитой къ стѣнѣ—во всю длину ея вѣшалкой, незатѣйливой работы, съ деревяннымъ, узкимъ „топчаномъ“ и довольно крупнымъ сундукомъ, уже наполовину была завалена одеждой. Прямо изъ зала и направо изъ кабинета несся многоустный, веселый говоръ и оживленный смѣхъ.

— „Не вы первыя, не вы, кажется, и послѣднія...“ раздѣваясь, шепчетъ студентъ сестрамъ. Но имъ уже не до того: и высокія прически въ дорогѣ сбились на сторону, и что-то у платьевъ откололось или развязалось... и многія другія, мелкія, но все-таки не малозначущія заботы наполняютъ теперь ихъ.

Вотъ почтенный хозяинъ—о. Лука вышелъ гостямъ нашимъ на встрѣчу; троекратно и сердечно цѣлуется онъ съ о. Матеемъ, взаимно привѣтствуя другъ друга „въ сватымъ Риздомъ“... Съ обѣихъ сторонъ сыплются задушевнѣйшія пожеланія...

— „Просимъ покорно!“ заключаетъ хозяинъ радушнымъ приглашеніемъ слѣдовать дальше въ залъ, или-же кабинетъ его.

Кабинетъ, въ клубахъ табачнаго дыма, наполненъ курящими мужчинами: и батюшками, и молодыми людьми. По залу, парочками, оживленно ходятъ и шушукаются межъ собой молодыя дѣвушки: гдѣ—худенькая, развязная гимназистка съ гимназисткой, гдѣ—угловатая, застѣнчивая воспитанница епархиального училища съ подружкой-же, а гдѣ—и совсѣмъ взрослые дѣвушки, покончавшія уже свои „курсы“ ученія. И молодые люди—безусые семинаристы, и „окончившіе“, т. е. уже учителя сельскихъ школъ или новоиспеченные псаломщики сельскихъ церквей, скромно стоятъ тутъ же отдѣльными группами, тихо дѣлятся межъ собою своими впечатлѣніями, искоса поглядываютъ на бойкихъ, свѣженыхъ дѣвицъ. Межъ нихъ изрѣдка

выдѣляется и темнозеленый студенческий мундиръ, и темносиній гімназический. На стульяхъ, у стѣнъ зала, сидить нѣсколько пожилыхъ дамъ матушекъ, въ черныхъ тюлевыхъ чепцахъ и въ черныхъ кружевныхъ фаншонахъ, перебрасываясь между собою всякими житейскими сообщеніями и строго-критическимъ взглядомъ слѣдя, по временамъ, за своей и чужой предстоящей молодежью. Вотъ одна изъ нихъ, на видъ еще моложавая матушка, ведеть со своими сосѣдками непринужденный разговоръ о томъ, какъ у нея—передъ самымъ праздникомъ—всѣ дѣти были въ кори, и постепенно вводить своихъ чуткихъ слушательницъ въ подробнѣйшее описание заболѣванія дѣтей, хлопотъ своихъ надъ ними и проч.

— „Такъ-такы уси тройко въ одну недилю покотомъ и поляглы“,—говорить она, и слушательницы ея сердобольно покачиваются головами, а одна изъ сосѣдокъ невольно даже отодвигается отъ нея, подъ живымъ впечатлѣніемъ описанія заразительной дѣтской болѣзни и тревожной думы за своихъ собственныхъ малютокъ.

А въ другомъ концѣ того-же ряда, въ интимной бесѣдѣ матушекъ-пріятельницъ, бездѣтная, полная, представительная діаконша какъ-то особенно плавно, а вмѣсть весело и просто-душно, разсказываетъ о томъ, какъ сейчасъ - вотъ подшутилъ было надъ нею ея мужъ, и какъ она поэтому, чуть было не осталась дома: „дывлюсь, сердце,—вже мій старый мовчки й рясу надивъ, вже и шапку бере у руки... тай каже тоди (такъ, нибы-бъ-то самъ до себе, нибы й до мене)—„ну, оце-жъ уже йду до о. настоятеля“...

— „А-я-жъ?“ пытаюсь его.

— „Хиба й ты хочешъ?“ зырнувъ винъ на мене.

— „А тожъ-якъ?!“ вдарыла я руками объ полы: „ты-жъ казаў, шо просылы“...

— „Та воно такъ,—просить-то просылы... мене... такы объ тоби, собственно, разговору не було!..“ сміяться мени въ вичи.

— „Ну, було-бъ же такъ попередъ казать! а теперъ уже, якъ соби хочъ, а пиду!... Хиба-ото я даромъ зъ пивчаса маскырувалась: й шыю обмывала, й косы зачесала, й чепецъ надивала?...“

— „Та ну-бо, ну! пуръ-тоби! я шуткую!..“ каже винъ тоди.

— „Гарни шутки! це-бъ ты балюавъ десь, а я соби одна дома сумувала?!“ тихимъ, но побѣдоноснымъ тономъ заключаетъ она свое повѣствованіе и вся колышется отъ сдержанного, добродушнѣйшаго смѣха; а слушательницы ея усердно вторятъ ей.

И хозяйка, маленькая, сухая, подвижная старушка, на минутку подсѣла тутъ-же къ бесѣдующимъ, чтобы передохнуть возвѣхъ нихъ, а тамъ и опять—бѣжать суетливо, то въ столовую, то на кухню, то въ кладовую, гдѣ все нуждается въ ея личномъ присутствіи и руководительствѣ.

Вотъ хромой стариочекъ лакей, (такъ называемый „общій лакей“, а также—„тонкій человѣкъ“), деликатно ковыляя, съ какой-то особенно подобострастной, сладенькой улыбкой, разносить гостямъ на громаднѣйшемъ подносе стаканы съ чаемъ.

Слѣдомъ за нимъ, съ корзинкой печенья къ чаю, ходить дѣвушка горничная, вся „въ квиткахъ“, „въ стричкахъ“ и прочемъ своемъ праздничномъ „убранни“. А гости все прибываютъ и прибываютъ: и ублѣденные сѣдиной старцы-священники, съ распущенными по плечамъ длинными волосами, съ длинными бородами, и припудренныя тою-же почтенной сѣдиной жены ихъ старушки, скромныя, простенкія женщины, и молодые, франтоватые іереи, съ короткими волосами до плечъ лишь (a l'artiste), и молоденькія жены этихъ послѣднихъ, бойкія и модно нарядныя, какъ-то совсѣмъ уже мало подходящія къ давно извѣстному, выработавшемуся типу сельскихъ матушекъ, и, наконецъ, свѣтскіе, „ заводскіе“ (изъ сосѣдняго сахарнаго завода) кавалеры... Каждый изъ прибывающихъ вносить съ собой въ малыя комнатки свою частицу оживленія, праздничнаго настроенія, житейской суеты... Никому никого не представляютъ, да въ этомъ и необходимости нѣтъ: тутъ все „свои“... Всюду оживленная суeta, смѣхъ, говоръ, и... тѣснота, жара, духота...

Крошечный кабинетъ хозяина вплотную запруженъ: у ломбернаго столика идетъ крупная карточная игра „прѣферансъ“ и игроки окружены стѣной любопытныхъ, курящихъ и слѣдящихъ за ходомъ игры. Въ сосѣдней комнаткѣ (кажется спальнѣй, въ этотъ разъ обращенной въ запасную гостинную) также

два карточныхъ столика: за однимъ идетъ мужская азартная „стуколка“, за другимъ—дамскій „ералашъ“. И тутъ-же, особо, на диванчикѣ и возлѣ него, отдельной группой священниковъ, не принимающихъ участія въ карточной игрѣ, ведется оживленный разговоръ о томъ, о семъ: о новостяхъ епархиальныхъ, о собственныхъ приходскихъ дѣлахъ, о посвѣщеніяхъ „о. наблюдателемъ“ церковно-приходскихъ школъ, и, наконецъ, въ чисто-анекдотическомъ духѣ, о какомъ-то изумительно нерадивомъ сельскомъ учителѣ (изъ молодыхъ семинаристовъ), застигнутомъ врасплохъ самимъ „ревизоромъ“... Презабавно разсказывается, какъ тотъ однажды, блаженно почивая во время утреннихъ занятій въ своей учительской опочивальнѣ, былъ разбуженъ школьнымъ „дидомъ“, тревожно шептавшимъ: „вставайте, панычу, бо якийсь тутечка жыдъ, чы панъ дуже васъ допытуются“...

— „Одчепысь, бо буду лаять!..“ сквозь сонъ отбивается отъ него^o учителъ.

— „Та такы-жъ вставайте, панычу, бо требують“... несмѣло настаивалъ старичокъ сторожъ.

— „Эй, одчепысь, кажу, бо буду быть“... шутить сонный лѣнивецъ, переворачиваясь на другой бокъ. „Дидъ“ отсталъ. А „учителя“ тотчасъ властно поднялъ съ ложа его самъ „г. ревизоръ“.

Ученики, въ числѣ четырехъ человѣкъ, одиноко сидѣли надъ книжками въ сосѣдней комнатѣ для занятій. Читали они весьма слабо; а писали такъ, какъ говорила одна дѣвичиха о своемъ сынѣ, при опредѣленіи его въ уѣздное училище: „читать, правда, шо не вміє... а шо писать, то шо завгодно вамъ напиш... тильки, правда, шо вже не прочытае“...

„Учителъ“ ихъ былъ тутъ-же строжайше распущенъ и отрѣшенъ отъ занимаемой службы, съ воспрещеніемъ занимать ее „и впредь гдѣ-бы ни было“...

Почтенные священники дивятся рассказываемому, смѣются комизму положенія непризнанного педагога и волнуются порывомъ благороднаго негодованія за налагаемую имъ тѣнь на все дѣло и весь трудъ ихъ самихъ по части сельскаго народнаго образованія.

— „Не можетъ быть! Это вымыселъ! это даже пасквиль, ничего больше!“ горячится одинъ, на видъ еще моложавый, батюшко, высокій, нервный брюнетъ съ просѣдью: „у насъ еще не было и примѣра, подобнаго сему!..“

— „Та це-жъ вамъ, мабуть, саме для прымѣру“... хладнокровно и степенно, слегка лишь посмѣшиваясь, замѣтилъ ему одинъ сѣдовласый старикъ священникъ.

Въ длинномъ залѣ, межъ тѣмъ, топчется юная молодежь. Тутъ и душа общества, милый весельчакъ, о. Маркъ.

— „И, Господы! якъ подивлюсь я на цю молоду челядь: не таки мы колысь булы!... Здаеться, й чого-бъ его мовчки ото вештаться по хати?!?. Та-же можно тымъ часомъ або танцювать, або спивать, або гадать, або-що“... весело обращается онъ ко всему обществу, стоя среди комнаты и прихлебывая изъ стакана такъ называемый холостой“ чай.

— „Де вже тамъ гадать!“ отозвалась было на это одна почтенная, но бойкая матушка, обращаясь собственно и не къ о. Марку, а къ своимъ сосѣдкамъ пріятельницамъ: „теперь шось молоди люде й не згадують про гадання! А отъ якъ було у наше времѧ, колы ще я дивувала, то и-и-и!..“ — забавно выразительно протянула она это „и“, качнувъ головой и сверкнувъ живымъ еще огонькомъ въ притухающихъ уже, старыхъ очахъ... Сосѣдки пріятельницы сочувственно поддакнули ей.

— „Но подъ что-же танцевать?“ несмѣло отозвались, межъ тѣмъ, нѣкоторые изъ молодыхъ.

— „Пидъ що?!?. Та-же можно й „пидъ языкъ“, якъ кому до схочу и якъ бувало у наше времѧ!“ весело и убѣжденно говорить о. Маркъ.

Но „подъ языкъ“ не пришлось танцевать: хозяинъ за неимѣніемъ въ своемъ домѣ музыкального инструмента распорядился послать къ о. діакону за „гармоніей“. Онъ то и „музыку“ (жидковъ, конечно), какъ потомъ объяснилось, звалъ къ себѣ. въ этотъ день; да кто-то ее, видно, перехватилъ въ дорогѣ. Пришлось довольствоваться одной только гармоніей (дов. крупной, впрочемъ, величины, хорошей конструкціи и чистаго тона).

Нашелся и мастеръ сего дѣла—искусный игрокъ. Но танцы все не ладились какъ-то: и барышни скромничали, не шли танцевать, и кавалеры большинствомъ своимъ отсутствовали, ютясь преимущественно возлѣ играющихъ въ карты. А кто и находился на лицо, отказывался совершеннымъ „неумѣнемъ“ танцевать.

Отецъ Маркъ, вдругъ опорожнивъ свой стаканъ съ чаемъ (чуть-ли не десятый счетомъ), живо подхватилъ за талію свою сестренку, краснощекую, стройную дѣвушку, сталь среди зала „въ позицію“, съ увлечениемъ откинула назадъ голову и, подъ звуки веселой польки, громко и рѣшительно топнула ногой, какъ-бы пускаясь въ танецъ...

— „Та-ба!...“ неожиданно сказалъ онъ совсѣмъ оживившейся, дружно захочотавшей публикѣ, такъ-же внезапно покидая сестру свою, какъ бралъ ее, и отъ души хохоча самъ.

Очевидно, своимъ маневромъ хотѣлъ онъ лишь подзадорить, воодушевить вѣлую молодежь.

— „Шкода! пройшла моя пора!“ прибавилъ весельчикъ, безнадежно махнувъ рукой: „треба, мабудь, йты звать молодцівъ-панычівъ!...“

И онъ прошелъ изъ зала въ кабинетъ вербовать танцовъ. Слѣдомъ за нимъ двинулись и нѣкоторыя изъ барышенъ - сестеръ „вызывать“ къ танцамъ братьевъ своихъ.

Танцы, такимъ образомъ, нѣсколько установились было (больше всего—усердіемъ гимназистовъ); но вскорѣ и опять расклеились...

Особенно „легкіе“ танцы тяжело шли....

Протанцовавши двѣ-три кадрили, молодые люди и совсѣмъ таки бросили танцы, охотно перейдя къ различнымъ играмъ.

Молодежь понемногу расшевелилась, воодушевилась и въ играхъ уже окончательно, какъ говорится, „разошлась“.

Вотъ идетъ у нея одна замысловатая игра при помощи кстати пригодившейся гармоніи: всѣ участникою въ игрѣ, дамы и кавалеры, усѣлись полукругомъ среди зала; лишь одна особа (по брошенному жребію) выслана изъ этой комнаты. Оставшиеся въ обществѣ, по соглашенію между собою, решаютъ, какую за-

дачу (загадку) предложить той, которая вышла. Наконецъ, условившись относительно этого рѣшенія (разумѣется, тихо, чтобы вышедшая особа не подслушала какъ нибудь), приглашаютъ ее обратно въ залъ. Та входитъ, медленно движется вдоль ряда сидящихъ, постепенно подходя то къ одному, то къ другому, раздумывая и предугадывая то, что втайне задумано цѣлымъ обществомъ.

Единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ ея служить музыка, т. е. звуки гармони, то повышающіеся при ея удачномъ направленіи или приближеніи къ задуманному предмету, то замѣтно пониждающіеся, когда она удаляется отъ него.

Всѣ играющіе хранятъ глубокое молчаніе; допускается лишь улыбка, но отнюдь не разговоръ, жестъ и вообще все то, что могло бы дать ей возможность тѣмъ или инымъ способомъ быстро отгадать загадку.

А вотъ идетъ на смѣну этой головоломкѣ игра „въ почту“.

Въ двухъ противоположныхъ концахъ зала помѣщаются различные города и села, въ лицѣ юныхъ кавалеровъ и барышень. Посреди комнаты стоитъ на подобіе „витряка“ одинъ изъ играющихъ, высокій, худой, молодой человѣкъ, съ повязанными носовымъ платкомъ глазами, съ широко-растопыренными, длинными руками, готовыми схватить свою жертву—мимобѣгущую почту, такъ какъ одновременно съ этимъ во всеуслышаніе заявляется: „Ѣдетъ (напримѣръ) почта изъ Звенигородки въ Нью-Йоркъ!..“ Или: „Ѣдетъ почта изъ Киева въ Парижъ“, „Ѣдетъ почта со станціи Воронцовской на станцію Сновскую“... и т. п.

Оглашенныя почты, со всею своею ловкостью, стараются незамѣтно проскользнуть мимо размахивающихъ, растопыренныхъ рукъ, мѣняясь между собою мѣстами. Если-же которая изъ нихъ попадется въ разставленную ловушку, то она немедленно кладетъ себѣ повязку на глаза, и игра идетъ снова прежнимъ порядкомъ.

Вотъ въ ловушку захваченъ случайно проходившій изъ одной комнаты въ другую священникъ-старичекъ... и весь залъ мгновенно оглашается всеобщимъ громкимъ взрывомъ хохота.... Но этотъ эпизодъ, разумѣется, не идетъ въ зачетъ игры.

Вотъ смыняется эта игра новой: „въ сосѣда“ сидячаго. Игра въ „сидячаго“ сосѣда незамѣтно перешла въ „ходячаго“. По залу задвигались ходячія пары. Придумавъ себѣ названія, подходятъ онѣ другъ къ дружкѣ, загадочно предлагая на выборъ: „лопухъ или крапива?“ „роза или лилія?“ „Отелло или Гамлетъ?“ „пятерка или единица?“ „борщъ или кваша?“ и т. п. Словомъ, кто—во что гораздъ!.. Вотъ, напримѣръ, подходитъ къ одной молчаливой парѣ румяный, высокій, плечистый студентъ подъ руку съ миловидной, худенькой и блѣдненькой дѣвушкoi - подросткомъ, предлагая: „будякъ чы коноплыночка?“ И на требованіе—„коноплыночку!“ добровольно отдаетъ себя въ руки изумленнаго требователя, при всеобщемъ звонкомъ хотѣ окружающихъ. А веселѣе всѣхъ хохочетъ о. Маркъ, которому такъ пришлась по душѣ проказлива выходка студента.

— „Го, добра коноплыночка!“ замѣчаетъ онъ сквозь раскатистый смѣхъ свой: „здоровый такой, хочъ обѣ землю бый!..“ добавляетъ онъ, любуясь молодцомъ.

Находившись вдоволь, снова усѣлись всѣ; въ этотъ разъ— для игры „въ фанты“.

Отецъ Маркъ съ живымъ любопытствомъ прислушивается и приглядывается къ играмъ молодежи. Старичокъ - лакей снова ковыляетъ межъ гостей со своимъ объемистымъ подносомъ, въ этотъ разъ наполненнымъ всякими сладостями: вареньями, орѣхами, конфектами, яблоками, апельсинами...

Вотъ сидятъ всѣ кружкомъ на стульяхъ, одновременно два приятныхъ дѣла дѣлаютъ: и сладостями угощаются, и игру ведутъ.

Одинъ бросаетъ на колѣни другого платокъ носовой, произнося начало какого-нибудь слова; напримѣръ: „ква...“ Тотъ подхватываетъ платокъ, оканчивая слово: „кушка“, либо: „соля“, „дратъ“ и т. п., лишьбы оно, будучи окончено, выражало собою какое-нибудь опредѣленное понятіе. Удачно отвѣтивъ, тотъ другой, въ свою очередь, бросаетъ платокъ слѣдующему съ новымъ словечкомъ, и т. д. Дѣлается все это быстро, чтобы набрать съ зѣвакъ какъ можно больше фанторъ: за отвѣтъ несвоевременный или неудачный взимается „фантъ“, т. е. какая-либо ве-

щица въ залогъ—колечко, орѣхъ, клаптикъ бумажки, кусочекъ сюргуча, окурокъ папироски и проч. Когда такихъ фантовъ наберется достаточно, ихъ „разыгryваютъ“, т. е., собравъ въ платокъ, берутъ изъ него въ руку одинъ фантъ (такъ, чтобы его никому не было видно), и спрашиваютъ всѣхъ: „что этому фанту желаете?“ Кѣмъ-нибудь „желается“ или назначается ему что-либо исполнить: пропѣть, протанцоватъ, поцѣловать кого, изобразить собою „зеркало“, или-же „лодку“, или-же „пророка“... А чей фантъ вынется, тотъ и долженъ (обязательно) исполнять предназначеннное ему.

Всматриваясь въ эту игру, о. Маркъ весело замѣтилъ:

— „Эг-ге! штука велыка одгадувать за мись со... бака, та со... рока, або-що! Вы-бъ лучше загадки отгадували!..“

— „Ось дайте, лышень, хусточку“... сказалъ онъ, присаживаясь къ играющимъ и энергично вдругъ кидая поданнымъ ему платочкомъ прямо въ разгорѣвшееся лицо одного юнца-гимназиста со словами:

„Крутъ, верть—шидъ черепочкомъ—смерть¹⁾... А?.. що?...“

Мальчикъ еще больше залился заревомъ пожара, какъ отъ неожиданности нападенія, такъ и отъ невозможности быстро смекнуть и отвѣтить на загадку.

Всѣ кругомъ него—молодые и старые—заливаются неудержимымъ хохотомъ, а о. Маркъ уже вынулъ изъ своего кармана „хусточку“, подхватилъ гдѣ-то другую, третью... и швыряеть ими, въ кого попало,—то въ юнаго семинаристика: „якый праведный чоловикъ бувъ соби самому и зятемъ, и тестемъ²⁾?..“ то—въ скромненькую воспитанницу духовнаго училища: „якъ той святый звався, що за пьяту тримався³⁾?...“ И дальше живо-живо сыплетъ онъ то въ одного, то въ другого: „Колы Іусъ Христосъ стоявъ на одни нози⁴⁾?...“ „Хто такій: родылся—не

¹⁾ Задвижка у крестьянской избы (родъ внутренняго замка).

²⁾ Лотъ, мужъ своихъ дотерей.

³⁾ Исаій, братъ Гакова.

⁴⁾ Когда садился на осла.

хрестыся, вмеръ—не спасся, а бувъ Богоносецъ¹⁾?...“ „Що ви-
ще архиерея²⁾?...“

— „Ось—вамъ! ось!..“ то ржествуетъ онъ своимъ знаніемъ.

— „Хе! тутъ вамъ можна зробить цилисинъкій экза-
мінъ!..“ неизмѣнно весело заключаетъ о. Маркъ, давая, нако-
нецъ, себѣ передышку и останавливаясь въ метанії платковъ
носовыхъ и загадочныхъ вопросовъ.

А играющая юная молодежь и окружающіе ее зрители хо-
чочутъ безъ умолку...

Долго еще послѣ этого оживленно играли и въ другія
игры: „въ пастора и пасторшу“, „въ цензуру“, „въ шнурка“,
„въ гарнушка“...

Причемъ, въ цензурѣ не обошлось безъ неудовольствій,
задѣтаго самолюбія, взаимныхъ колкостей; въ шнуркѣ—набили
хорошенько другъ другу руки, такъ что онѣ даже повсухли,
особенно—нѣжныя женскія; въ гарнушкѣ—опять задали рабо-
ту—да еще какую работу!—ногамъ....

А веселый о. Маркъ и тутъ добродушно—критически от-
несся, замѣтивъ, что „въ цего гарнушки, мабуть, ще Адамови
дитки гралыся“.

— „А ну“, весело хлопнуль онъ въ ладоши (любимая его
манера): „вы—барышеньки, дзвоныки тоненьки, и вы—панычи,
гости трубачи! заспиваймо—lyшень яку святочну писню: чы
колядочку, чы щедривочку (бо й новий годъ зъ щедривкою своею
вже,—якъ кажуть,—не на човни, на бережечку!...) Пославымо
хозяннамъ Христа! Бачите, вже й вечеря незабаромъ буде на
столи: треба заробить іи!..“ подбиваетъ молодежь неутоми-
мый весельчакъ, лукаво подмигивая на старушку—хозяйку, хло-
потливо возящуюся, съ лавеемъ и горничной, около нѣсколь-
кихъ, вмѣстѣ сдвинутыхъ столовъ, покрываемыхъ бѣлоснѣжны-
ми скатертями.

Отзычивая молодежь быстро и вплотную окружила милаго
руководителя и, столкноввшись между собой, чинно, стройно и
мѣрно запѣла колядку:

¹⁾ Осель.

²⁾ Его митра.

„Добрый вечеръ тоби,
Пане—господарю!
Радуйся!
Ой радуйся, земле,—
Сынъ Божій народыся“... и т. д.

Затѣмъ грянули другую:

„Свить зынслевый
Днесъ народысь,—
Що Богъ зъ неба
Къ намъ приходысь“... и т. д.

А за нею и щедривку:

„Васылева маты
Ходыла щедруваты;
По церковци ходыла,
Золотый хрестъ носыла“... и т. д.

Потомъ—и другую:

„Ой сивъ Христосъ вечераты...
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ.
Добрынь людимъ
На весье вечиръ“!.. и т. д.

Пѣлись далѣе и еще двѣ колядки:

- 1) „Выдѣть Богъ,
Выдѣть Творецъ,
Якъ мыръ погыбае,
И Архангела Гавриила
Въ Назаретъ посылае“... и т. д.
- 2) „Даръ днесъ пребогатый
Одъ небесъ прииде,
Яко капля каплющај,
На землю зайде“... и т. д.

Молодой хоръ пѣль долго и охотно, смѣяя одну украинскую мелодію другой, то—грустную, торжественную, и нѣжно-таягучую, то—несколько болѣе живую, даже веселую, и все-таки празднично торжественную .. Поетъ молодежь, стоя среди зала, а изъ всѣхъ дверей уже глядитъ на нее сотня умиленныхъ отцовскихъ и материинскихъ глазъ...

Глядѣть отцы и матери и прислушиваются трепетнымъ сердцемъ своимъ къ священнымъ словамъ пѣсенъ, трогательно воспѣваемыхъ свѣжими, глубокими голосами ихъ нѣжно-любимыхъ дѣтей...

И не одни отцы да матери внимательно ихъ слушаютъ: кажется все, что только было живого въ домѣ—отъ мала до велика,—все высыпало къ „славящимъ Христа“, оставивъ на время и свои увлекательныя карты, и свои праздные житейскіе разговоры, и свои хлопотливыя приготовленія къ ужину...

Даже прислуга вся—съ порога передней—любознательно высунула сюда свои головы...

Немало любопытствующихъ ушей и очей (дворовой челяди, прѣѣзжихъ кучеровъ) устремлялось въ поющимъ и со двора, сквозь двойныхъ стекла окошечъ...

Послѣ не пышнаго, но шумнаго весельемъ, обильнаго и сытнаго праздничнаго ужина, въ которомъ, по обыкновенію, играли главную роль всевозможныя колбасы домашнаго приготовленія, всякая свинина и поросытина, упитанные гуси, утки, куры, вспрынутые прекрасными домашними же наливками, да, въ заключеніе, сладкіе „бишкофты“,—гости тотчасъ-же стали прощаться и разѣѣжаться. Особенно—кому было близко къ дому своему.

— „Эге, дывиться: свята Варвара такы ничъ увиравала!... Дальшь—все бильше днѧ, а меныше ночи“... находили нѣкоторые изъ отѣѣждавшихъ.

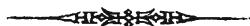
Правда, широко-гостепріимные и безмѣрно-радушные хозяева, по обыкновенію, не мало уговаривали, да упрашивали всѣхъ своихъ гостей оставаться у нихъ „пидnochovувать“... Правда, что и такихъ, легко-склонявшихся на усиленныя просьбы милыхъ стариковъ, тоже нашлось не мало,—какъ ихъ ближайшихъ родичей, такъ и тѣхъ изъ хорошихъ знакомыхъ, кому, кстати, предстоялъ дальній путь.

Наконецъ,—неоконченная до ужина карточная игра также тормозила отѣѣздъ многихъ... Оставалась, такимъ образомъ,—добрая половина! И вотъ новыя хлопоты увлекаютъ не чующую подъ собою ногъ, добродушную старушку-хозяйку: она бодро и заботливо распоряжается, гдѣ кого изъ гостей уложить, какъ удобнѣѣ распределить подъ ноги комнаты между мужчинами

и женщинами, какъ снабдить всѣхъ ихъ необходимымъ постельнымъ бѣльемъ и проч. („де не то, що літомъ: тоди можна й у садку, й на току—пидъ клунею, на содомци, й у сами клуни...“) Суетится и неутомимо тошчется она, собственоручно приготавляя постели слоняющимся по комнатамъ, утомленнымъ уже, гостямъ... И полусонному весельчаку о. Марку она привѣтливо указываетъ на большой диванъ въ общей мужской комнатѣ (залѣ), гдѣ приготовлена ея руками постель для него.

— „О, святый покою,—добро зъ тобою!“ благодарно и неизмѣнно весело киваетъ старушкѣ о. Маркѣ и откровенно признается ей относительно дивана: „а я уже, признаться, на его свои очи такъ и пасу“!...

С. II.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ дерева познанія добра и зла¹⁾.

(изъ дѣтскаго мира деревенскаго мальчика).

Кромѣ дѣда Кирилла Середы, рассказывавшаго намъ сказки героическая, волшебная, мифическая и сказки новаго творчества народнаго: разсказы, были и небылицы, бытовая и семейная,—дополняла знакомство наше съ народнымъ міровоззрѣніемъ и баба Марця Оверчиха своими рассказами о вѣдьмахъ, вовкулакахъ, марахъ, святой Пятныцѣ-дѣвѣ, о твореніи земли и людей Богомъ и діаволомъ.

Старенькая, сгорбленная, *тихомовная*, но не шавкающая бабуния Марця Оверчиха, чуть заслышилъ звонъ колокола, плется къ церкви, опираясь на карлючку, съ конца села и послѣ вечерни непремѣнно зайдетъ къ намъ на ночь, дастъ намъ, если дѣло бывало осенью и зимою, по румяному яблочку, а весной и лѣтомъ по пирожечку съ горохомъ, и обласкаетъ насть, глядя по головкѣ. Мать всегда радушно принимала эту старушку на ночь.

— „Чы перелякъ выкачать дытыни, чы прыстритъ змовыты, чы бышиху спалыть порохомъ, чы зубы замовыть, то вже ни одна баба не була помищнійша одъ Марци“, сказала мнѣ мать, когда я заговорилъ съ нею объ этой бабѣ.

— „Ото тилько якъ хто запорушыть око устюкомъ съ половы, то вона не сдатна була помогты. Тутъ уже найлучше вылизувала языкомъ устюкъ зъ ока баба Шахраиха пьяныца.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 12

А якъ мени въ Васылевци на христынахъ „дання“ (отрава) далы и я чуть не вмерла на 3-й день, то нехай іи душа царствуе въ неби—идна тылько Олена Кутова одратуvalа мене: дала мени съ чобота напыться жаборыння, того що пидъ млыномъ на води сле разными цвิตами якъ жиръ (кажется, бодяги), а баба Марця, що ни видмовляла, не помогло“.

Мать, когда уѣзжала на ярмарку съ отцемъ или же въ гости къ роднымъ, всегда приглашала бабу Марцию „постерегти хату отъ цыганъ“, часто шлявшихся по селу, и присмотрѣть за нами дѣтьми. И баба знала, чѣмъ настъ занять—„забавыть“. Принесетъ намъ подсолнечныхъ сѣмянъ, усадить настъ вокругъ себя, накинеть па себя кожушокъ и разсказываетъ намъ чудныя исторіи.

— „А знаете, дитки, де взяlyся горы крути та высоки, яри довги, та глыбоки и чого люды таки не гарни, та гришни?“

— „Розскажить, бабуню, розскажить.“

— „О то идного часу зробили Господь землю ривнесеньку, та гладесеньку, всю въ садочкахъ та въ квіточкахъ. А діаволоби й соби захотилось зробити таку землю. Але скільки винъ не мурдувавсь, ничего не мигъ зробити. Отъ приходить винъ до Господа, та й просить: Господоньку! поможить мени землю зробити! А Господь ему й кажуть: Лети ты, сатано, на край свита, пирни ты глыбоко на дно морське, ухваты въ жменю земли съ дна, а якъ выйдешъ зъ воды, то розсїй ту землю по витру тай кажи: росты земле на Божу славу. Полетивъ діаволь на край свита, пирнувъ на дно моря, ухватывъ земли въ жменю, ще й не вийшовъ изъ воды якъ сказавъ: росты земле въ мою славу, а не въ Божу, а земля и выпливла зъ руки. Доставъ діаволъ другій разъ землю—выплывла зъ руки, доставъ винъ и третій разъ и такъ само сказавъ: росты земле въ мою славу,—земля и третій разъ выпливла зъ руки. Тогда догадався діаволъ якъ взяты землю, щобъ не выпливла. Пирнувъ ще разъ у море, доставъ самого дна та й ухватывъ земли писку въ ротъ. Теперь не втиче земля зъ рота. Выгульнувъ па свитъ, та тилько що промовиевъ: росты земле на славу діаволову; а земля й почала росты: набыла ему повну пашу й живитъ. Якъ

занудыло ему, то винъ развязывъ пашечу та й давай блюваты; летыть та блюе, летыть та блюе, та й понабливувавъ оти горы высоки, а де вже дуже цуркою перло пидъ груды и винъ падавъ до земли, та качався животомъ, бывся руками й ногами, то тамъ повыбывавъ долины и яры глыбоки. Такъ винъ всю Божу гарну землю спаскудывъ горамы та ярамы“.

— „А якъ зробыly Господь небо й землю и освityлы іи сонцемъ, то взяly въ руки глыну, мисылы іи, липылы, та й вылипылы чоловика и жинку, та й положылы ихъ противъ сонця, щобъ воны обсохлы трохи, а сами пишли въ рай трохи спочты, а дьяволъ тынявся соби по свити, та й наткнувся на людей. Дывится на ныхъ, аже воны таки гарни, таки гарни на уроду, якъ янголы, хоть воды зъ ныхъ напыйся. Жаль стало дьяволови отъ зависти, що воны таки гарни, а винъ такій чорный, поганый. Ажъ слезы выступылы у него. Обійшовъ винъ навкруги людей, подывывся, скрывауся, та взявъ и обблювавъ людей. А Господь якъ разъ на ту пору надійшли до нихъ. Якъ глянулы на людей, та ажъ у долони сплеснулы. Ай! що жъ це ты наробывъ, сатано?—А нацо жъ ты ихъ такими гарными дуже поробывъ?.. Ото Господь взяly та й вывернулы людей нутромъ на верхъ, а лыцемъ у середыну. Черезъ те, що дьяволъ обблювавъ, то въ середыни въ чоловикови сморидъ есть. Ничого робить. Взяly Господь людей, та й намочили ихъ на симъ недиль въ помыхъ, щобъ выкыслы зъ ныхъ грихи. Якъ выкыслы грихи, Господь просушилы ихъ противъ сонця, а потимъ дмухнулы и стали люди живи. Ото Господь прозвали чоловика Адамомъ, а жинку Евою и далы чоловикови заступа и ципа, а жинци кужеля й веретено, щобъ воны соби жили въ раю и прадювали. Отъ идного разу вийшли Господь зъ Адамомъ ораты, сами стали за плугатора, а Адама поставылы погонычемъ. Въ пивъ-дня Господь спынылы плуга и сказали: „Адамъ, выпряжи волы съ плуга на полудень; нехай трохи попасуться, а я трошки спочину пидъ деревомъ. А ты гляди, не спи, пополуднай самъ, попасы и напій худобу и, якъ сонце зверне съ полудня, розбуди мене“. Адамъ добре пополуднавъ,

походы въ трохи за худобою, потимъ прысивъ пидъ кущемъ, схыльвся на руки та й заснувъ. Колы Господь прокидаются, зыркнулы ва небо, ажъ сонце геть-геть надъ вечеръ опустылося; а ни Адама, ни воливъ нема. Адаме, говъ! гукаютъ Господь. Де тамъ!? И слуху нема! Кынулысь Господь до кущивъ; а Адамъ укларся пидъ кущемъ, та й спыть, ажъ хропе. Тогда Господь его гыстыкомъ, гыстыкомъ разъ, другій ударылы та й кажутъ: прокляте жъ ты створиння, спаскужане дыяволомъ, неслухляне таке, якъ и винъ, не годне ты житы зомною въ раю, Иды жъ соби къ бису. Та й выгналы Господь зъ раю людей.“

— „Отъ запдо то Богъ прогналы зъ раю людей,—за не послушенство; а вашъ тато казавъ мени, що за яблучко, прибавила отъ себя бабка Марця,—неправда его“.

— „Бабувю, роскажить за святу Пятныцю, якъ вона на коноплынци сидила и писеньку спивала!“

— А вамъ, дитки, ще не надоили мои казки? Васъ хотъ хлибомъ не годуй, тилько казки кажи:

— Кажить, бабуню, кажить Пятныцю!

— Добре, мои диточки, скажу вамъ мои квиточки, тилько слухайте.

„Була у мене сосидка, стара дивка, Божиха, прошлый рикъ умерла. Нехай Богъ дае ій царство, та панство. Нездужала була, ще й калика до того—горбата. Нихто іи не сватавъ. Такъ бидна и постарилася и вмерла дивкою. Осталась вона маленькою въ брата сыротою безъ батька, безъ матери. Горе ій, несчастній калици, було въ брата. А якъ умеръ братъ, то одъ невистки и житя ій не було: хоть беры, та умирай, та тилько Богъ смерти не дававъ. И сяка ты, и така ты, и дурна, и калика, и огыда, и ледащо, за кусокъ хлиба не варто тебе тримати, ни якого пуття не перейдешь; чого - чого? ще й прасты не судна. А деты въ лыху годыну выдерлась на мою голову? Чомъ тебе твоя клята маты въ купели не втопила? Отъ, що людъске, та добре, то й умирае, а отъ - таку погань то й тримає жъ Богъ на свити на хоробу, на стогноту, та на нудьгу людъску. А Божиха, хоть бы тоби очернила, хоть бы тоби обилыла, хоть бы пару зъ усть пустыла, а ни пыкне; мовчыть и рота не

раздзвыть; тильки дрибными слизьми обильется. И викуды було ій обзыватись. Було почне вона вечеру варыты, то невистка зъ неи воду варыть; то на що такого великого крутиня соломы вклала въ пичь, то чого въ тебе погасло въ печи, то чого въ тебе палахкотыть у печи, то чого въ тебе сбигае окринъ, то чому не помишаешь? Зовсимъ зибье іи съ толку. Плаче бидна дивка, за слизьми свита Божого и горшкивъ не бачыть, не разъ и перекине горшки въ печи, а то и изъ рукъ пустыть, бо вже ій и свитъ не мылый и земли передъ собою не бачыть, та й зачепыть ногою и перекыне або кухлыка, або цебрыка, а то й на курча наступыть. Бида тогди, хоть заразъ лягай въ домовыну. Ото тогди тилько й свита - сонця, якъ пиде невистка на панщыну, а іи покине съ дитыми. Не було ій до кого прихылытысь, не було іи кому пожалуваты,—идна на всимъ свити. То вона було горнется серцемъ до дитокъ братовыхъ: вона ихъ поськае, головки имъ змые, поросчисуе и позаплитае ще й квиточками убере и пообтирае и пообшиваве и казочку имъ скаже; и любмы дитки титку, було завшe гуртожкомъ коло неи трутъся: и титочкою, и голубочкою іи звалы. Идны дитки тилько й трымалы іи на свити. Але й за це ій життя не було одъ невистки“.

„Разъ въ осены, якъ и що року, прынесла невистка зъ двора митки, щобъ напрясты тальки нытокъ пани.

— Гляды жъ мени, суко,—пряды, та ривно безъ узливъ и тонко, на двадцятку и скоро, бо якъ не напрядешь, то я тоби й твои чорни кудели зъ головы обирву и руки тоби повыкручу. И Бога не просы; не жытымешь на свити“.

„Сыдила бидна калика пидъ кужелемъ що вечера и по цилымъ начамъ пряла и окомъ не стыкала, пряла, пряла та все Богу молылась. Богъ іи знае, колы вона й спала. Вже вси жинки поодносилы до пани тальки, а вона ще не кончыла. Клычуть до пани осавулы братову. Кынулась братова съ кулаками до дивки, та осавула съ кiemъ не давъ іи быты. Заскрготала зубами братова, та й повелы іи до пани. Тамъ далы іи пятнадцять ризокъ“.

„Божиха сыдить пидъ кужелемъ ни жива ни мертвa: и руки іи трясутъся, и веретено падае зъ рукъ, и нытки рвутся и засо-

туються, тилько губы шепчуть: Маты Божа, Матинко Пречиста! пошли мени смерть, вырви мене зъ-видциль“.

„Колы вбигає менша пебога въ хату, сплеснула въ долони и кричить: ой, титочко, ховайтесь, ой титочки, втирайте. Маты распратлани летять, на все село кричатъ: убью, убью гадыну“.

„Божига и зъ миста не рушыла, тилько веретено заколило въ рукахъ, захолола вся, кругли очи зробылъсь и въ двери впались, хоть бы тоби слизка скотылась“.

„Ажъ гракнулы синни двери и съ бигуна вырвались. Влетила зъ репетомъ братова въ хату, косы съ пидхусткы выбылись, осатанила. Ой сокиру, ой сокиру дайте! Ухватыла рогачи, та по голови, по голови Божиху, звалыла на землю, та ногами давай іи мисыть и пидъ груды и въ живитъ, ажъ поки сама не звалылась зъ нигъ. А потимъ взяла іи не жыву та й выволокла на дорогу, а потимъ и шмаття іи повыкидала на улыцю“.

„Диты съ початку съ цереляку було въ крыкъ, та въ плачъ. А маты якъ бліснула на ныхъ очима, якъ крикнула: ой мовчить, бо поимъ и васъ, то вони поставалы въ куточкахъ, та й оставпили и руки имъ позаклякалы“.

„А на улыци диты и жинки обступылы прибыту калику и кленуть на чимъ-світь стоять іи братову“.

„Очумалась калика, повела навкругы себе очима, на силу пидволоклась на ноги, та й поплелась по дорози“.

— „Куды ты теперь пидешъ, Явдоха“, пытають іи жинки, бо знаютъ що нема до кого. Вона всимъ чужа чужаныца. Куды жъ ты йдешь? допытуются цикави. Въ тебе жъ ни батька ни матери нема, тилько й роду й плоду, що братова“.

— „До матери, тыхо черезъ слезы обизвалась несчастна“.

„Де-хто засміявся, де-кому жаль стало, а мене такъ за сердце сципило, що й слова промовыть не можна. И я рано безъ матери осталась, мачуху мала и не разъ мовчки слезы ковтала“.

„Иди до мене, Явдоню, сказала я ій. Пидняла вона на мене очи, подивилась на мою слезу, а дали якъ ухватыть мене за руку, якъ почне циловать.

— Сестро ты моя, матинка моя, та й заголосыла; та такъ тяжко, та такъ голосно, що я и вси жинки росплакались.

,,Осталась вона у мене. Тилько де дальше гиршे каличіє и нездужає. Вона й хвилыны даромъ не посыдить, тилько спору нема въ роботи. А чоловикъ мій, а ніякъ не має на неї доброго ока. Все есть мене, та й есть: де ты выдерла оцю прычелу, прожены іи; вона тилько дармо хлібъ псуе“.

,,Богъ съ тобою, кажу я, грихъ тоби це казаты; вона жъ на тыжни тилько пять днівъ есть, а въ середу и въ пятницю и крихотки въ рогъ не бере; робить якъ тилько може, та середъ ночи тилько Богу молыгся. Може вона й за нась Бога умолыть“.

,,Отъ давъ Богъ Великденъ. Несу я паски святыни до церкви“.

— Моя матинка! Чого я васъ буду просыти! Вкладить межъ свои паски оцёго очкура, нехай ципъ посвятить съ пасками.

— Семилитній? пытаю іи.

— Семилитній!

— До чого це ты такъ робышъ? Видьму хочешь зловыты? Ой, не грайся зъ огнемъ.

,,Не слуйте мене сказать, не пытайте. Взяла я того очкура, посвятила. Якъ взяла вона того очкура, то такъ зрадила, якъ ридну матиръ побачила, ажъ перехрестылась“.

Примичаемо мы съ чоловикомъ, що Явдоха противъ пятныци николы не спыть, а кужеля съ веретеномъ ставить тамъ де пряла, протывъ викна и всю ничъ голову поднимаети и дывиться на кужеля, та все тыхенько Богу молытися и щось довго въ рукахъ тримає. Идної ночи, якъ перши пивни заспивали, прокинулась я, проторла очи, глянула на викно, а мисячна була ничъ, хоть голки сбирај, та ажъ дыво мене взяло: сидить дивка пидъ кужелемъ, пряде, та такъ швидко, що веретено й скоче ѹ гуде.

— А що це ты робышъ, безъ свитла прядешъ?

— А вы й не спыте? Охъ, матинко моя, якажъ я теперъ счастлива, такъ якъ допиру на свитъ народилася.

— Це жъ чого таки така счастлива та весела? пытаю я.

— Хиба жъ вы не чуete, хиба жъ не бачите, якъ у мене веретено въ рукахъ ходить. Аже-жъ мене свята Пятонька научила прясты.

— Колы, якъ? дывуюсь я.

— Якъ полягалы вы спаты, то и я лягла, тилько не спала, Богу молылась, на кужель дывылась, та очкуръ на поготови трымала. Такъ мене научыла робыты стара баба Тураньска передъ своею смертью. Колы, якъ вы вже добре поспалысь, ажъ захронилы, мени чогось сердце тёхнуло, ажъ духъ затаився, не наче хто дверыма злегка стукнувъ, зыркнула я на двери, а мини й духъ затаився и серце похололо: стоить дивка коло дверей, вся въ бындахъ, та въ квиткахъ та й дывытся на мене. Я прыплюющыла очи, буцимъ сплю. Ажъ дивка сунется, сунется бlyжче до мене та й сила на лавци коло кужеля, взяла верегено та й почала прясты. Та такъ же то пряде, швидко, такъ гарно посукue нытку, та такъ же то шарне долонями веретено, що воно ажъ до порога дойде, та все крутытся, а вона тилько лиово скубе ленъ, а правою посукue. А ноги іi стоялы, якъ разъ коло моихъ рукъ. Я тыхесенько обвела очкуромъ іi ногу, та й зашморгнула на пряжку, а сама вже й не боюсь, сила. Злякалась свята Пятонька, ажъ затряслась, та й давай просыться у мене, щобъ я іi пустыла. Мени іi й жаль стало, але я держу и кажу.

— Не пущу.

— „Пусты, моя дивонько, пусты, моя шташенько, що хочешь тоби дамъ, тилько пусты мене; ажъ слезы покотылышися іi на фартухъ.

— Не хочу я одъ тебе, свята Пятинько, ничего, тилько научи мене такъ прясты, якъ сама прядешь: бо горе мени велыке, сырота я, чужа всимъ, та ще й калика. Идна мука, а не життя мени. Пожалуй мене, свята Штанико, будь мени матинкою.

— Сидай же ты до кужеля, каже вона мени.

— Не видаю я зъ рукъ очкура, сидаю, беру веретено въ другу руку, почала прясты, та й зъумилася: сама своихъ рукъ не пизнаю.

— Будешь же ты прясты одъ ныни и до вику, до смерты. Не народылась ще та дивка, або жинка, або й баба, котра бъ лучше одъ тебе пряла. Тилько шануй святу пятныцю, не пряды тогда.

,,Сказала це, та й не знать де дилась и дверы не скрыннули и очкуръ у моїй ливій руци зостався“.

— „А я такъ зрадила, такъ стишилась, що и сміяться и плакаты разомъ хочется и одирваться не можу одъ кужеля; отъ и говорю зъ вами, а веретено само крутытся въ рукахъ. Дышиться, отъ и незоглядилась, якъ пивъ починка напряла“.

Съ того часу зовсмъ не та дивка стала. И весела, и смеється, и писеньку злегка затягне, и говорлыва стала; а вже якъ сяде за кужель, то Богъ іи знає, де въ неї той спиръ въ рукахъ берется. Не разъ посибаються сосидки, поскладають руки, тай дывляться, забудуть зачимъ и прійшли. И така добра була, хоть до раны іи прикладай. Якъ дочулась про це дыво Божышина братова, то ажъ въ лыци зминалась, позеленила. „Не жива я буду, каже, колы я іи не страчу зъ свита. И якъ начала та іи братова уувватись коло мого чоловика, то мій чоловикъ заходився коло мене, щобъ я іи прогнала зъ хаты.

— То не Пятныця іи научила прясты, а нечыста сила, бо вона (Божиха) видьма. То ще й тебе чымсь очарує. И поидомъ івъ мене, якъ иржа зализо, пока я іи, надаривши полотномъ, не одправила. Але іи вже горя не було, бо іи, якъ незвычайну прядку, вси багачи просылы до себе иты за прядку. И вона съ хаты въ хату й переходила прясты. И вже й гроши въ неї завелися“.

Подъ вліяніемъ жизненnoй религіозности отца и читанныхъ имъ житій ідеальнихъ святихъ людей, подъ поетическимъ вліяніемъ мифическихъ и героическихъ сказокъ и былей и небылицъ дѣда Кирилла Середы, сказаний и вѣрованій народныхъ бабы Марци и моей матери, при непосредственной близости съ богатою чарующею українскою природою, въ связи съ беззаботностю и жизнерадостностю дѣтскаго возраста, строилось наше дѣтское поетическое міровоззрѣніе и расширялся крошеч-

ный, но полный чудесъ, горизонтъ нашего вѣдѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта нетрезвая атмосфера, полная фантастическихъ грезъ, наложила печать туманности съ сильной игрой фантазіи иа складъ нашего дѣтскаго мышленія. Даже и теперь моя мысль съ трудомъ прозрѣваетъ реальную правду жизни сквозь густой туманъ опьяняющей фантазіи и болѣзненныхъ мечтаній. И потому самому мнѣ приходится переживать то восторги вѣры въ кажущееся мнѣ добро, то горькія, мертвящія муки—боли разочарованій въ себѣ, какъ въ праздномъ, бездѣльномъ мечтателѣ, расходующемъ душу и сердце свое на процессы мышленія, на фантазированія, а на самомъ дѣлѣ не берущемся ни за какое дѣло. У меня вѣдь только и дѣла, что упиваться мышленіемъ о бесплодности и ничтожествѣ собственного моего мышленія, только и дѣла, чтобы и въ другихъ людяхъ по застывшимъ складкамъ на ихъ лицахъ, печатамъ наиболѣе постоянного состоянія ихъ души, наблюдать ту же драму мысли и дѣла, ту же муку жизни. И не диво, если голова моя и до сихъ поръ страдаетъ похмѣльемъ послѣ опьянѣнія въ дѣтствѣ гашишемъ фантастическихъ воззрѣній на міръ. Вѣдь наши дѣтскія умишки не умѣли отличать реальной жизни отъ сказочной и вполнѣ вѣрили, что всѣ эти сказочные чудеса были въ дѣйствительной жизни только немного ранѣе насъ, а именно „за царя Горошка, когда было людей трошки“. Тѣмъ болѣе, что почти чрезъ все дѣтство впечатлѣнія реальной жизни, получаемыя днемъ, смыкались впечатлѣніями фантастической жизни, изображаемой намъ вечеромъ и ночью сказками. Такъ что, оглядываясь назадъ за 35 лѣтъ въ свое дѣтство, я вижу себя живо мальчикомъ, голова которого полна самыхъ фантастическихъ грезъ, который вчера еще вечеромъ и ночью леталъ за тридевять земель въ тридесятое царство, боролся съ змѣемъ, освободилъ царевну, былъ царемъ, былъ мудрой дѣвкой семилѣткой, питался акридами и дивіимъ медомъ, ходилъ подъ палящими лучами солнца въ песчаныхъ пустыняхъ и скалахъ вѣтѣ со святымъ пустынникомъ, видѣлъ видѣнія ангеловъ, бесѣдовалъ съ Богомъ и предвкушалъ райскія сладости, где-то безгранично высоко за синимъ небомъ въ новомъ Іерусалимѣ, стѣны которого изъ до-

рогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ—и за стѣнами райская чуднала зелень, переливающаяся всѣми цвѣтами радуги съ прозрачными, румяными съ дивнымъ ароматомъ яблоками, какія держитъ въ ручкахъ мой маленький билявенький братикъ *Петрунѣ*, покоящійся на травкѣ у ногъ Божіей Матери. Такое непомѣрное преобладаніе фантазіи и сильного воображенія въ процессѣ мышленія въ самомъ раннемъ дѣтствѣ сдѣлало изъ меня то, что я съ 10 и до 20 лѣтъ въ училищѣ и въ первыхъ классахъ семинаріи говорилъ своимъ товарищамъ сряду по нѣсколько часовъ самыя фантастическая сказки и своихъ маленькихъ и большихъ слушателей приводилъ то въ отчаяніе, то въ дикий восторгъ подвигами своихъ импровизированныхъ героевъ. Тою же дорогоюшли и братья мои. Слишкомъ большое развитіе фантазіи не помѣшало, впрочемъ, ни одному изъ моихъ братьевъ быть одними изъ первыхъ и первыми учениками въ училищѣ и горячими любителями своего дѣла и дѣятельными въ жизни.

Но за такое уродливое мышленіе, склавшееся подъ вліяніемъ такихъ деревенскихъ воспитателей и мудрецовъ, какъ мои родители и дѣдъ Кирилло съ бабой Марцей, мы не только теперь въ зрѣлой порѣ жизни, но и въ самомъ раннемъ дѣтствѣ дорого расплачивались. Бѣда намъ была ночью. Уже и дѣдъ Кирилло ушелъ отъ насъ, и отецъ уснуль, и мать надъ „колыской“ задремала, и мы давно спимъ, и казалось бы некому разсказывать сказки, а между тѣмъ наши головки разсказывали намъ по цѣлымъ ночамъ чудныя сказки, заставляли насъ сквозь сонъ смыться, хохотать, плакать, вставать съ постели и выбѣгать на улицу, пока мать не перехватитъ въ дверяхъ, разбудитъ и уложитъ снова спать.

Разъ, живо и до сего дня помню, осеню передъ заходомъ солнца мать оставила насъ однихъ въ хатѣ, а сама съ застуломъ и коробкою въ рукахъ попла копать картофель на ужинъ. Въ хатѣ уже было холодно; солома для топки лежала среди хаты, и я съ братомъ постлали рядомъ на соломѣ, легли и укрылись кожухомъ, думая задремать, пока мама воротится съ ого-

рода. Солнце косыми лучами пробилось сквозь окно и освѣтило печь у порога. Я долго смотрѣлъ на игру солнечнаго луча между дверью и печкою и уже началъ дремать, когда мнѣ послышался скрипъ двери. Я открылъ глаза; у меня сердце отъ испуга перестало биться,—на солнечномъ отраженіи сталъ человѣкъ на курихъ ножкахъ.

— Я твоего брата зъимъ—говорить онъ мнѣ.

— А не дождешь! Ось мама заразъ прыгнуть.

Ужасный человѣкъ подходитъ ближе, хватаетъ брата своими когтистыми руками, чо не успѣлъ онъ поднести брата крту, какъ я моментально схватилъ его за куриную ногу, переломилъ ее и кричу:

— Кгвалть! Рягуйте! Хто въ Бога вируе!—Мать съ испугомъ соскочила съ постели ко мнѣ, крестить и спрашивается: что тоби сыну?—Вырывайте скорише Ваня, бо чоловикъ съ курачымы ногамы зъисть его.—Богъ съ тобою, сыну! Ванѣ спытъ. Спы й ты, сыну! И разорвала тотчасъ мать пазуху моей рубашки, „щобъ перелякъ одійшовъ одь мене“. Я пробудился, смотрю,—ночь, никакого человѣка нѣть въ комнатѣ, братъ и всѣ спокойно спятъ, кой-кто и храпитъ.

Это дѣтское сновидѣніе, какъ и много другихъ, память живо хранить съ четырехлѣтняго моего возраста и до сего дня. Кромѣ сновидѣній, какъ послѣдствій вліянія сказокъ на воспріимчивую душу дитяти, живо помню изъ того же ранняго дѣтства и нѣсколько чрезвычайныхъ случаевъ, бывшихъ со мною на 4-мъ году жизни. Такъ, помнится чрезвычайно живо моя борьба съ индѣйскимъ пѣтухомъ, окончившаяся для меня бѣлой, или нервной горячкой. Мнѣ часто приходилось вести отчаянную войну „съ поповыми гандыками“. Заберутся они въ наше подворье къ корыту, и я тотчасъ выбѣгаю и кричу: здравствуйте, ребята! Гулу, гулу, гулу—моментально всѣ индюки отвѣ чаютъ мнѣ разомъ, точь-вѣ-точъ какъ на такой-же привѣтъ офицера отвѣчали солдаты, обучавшіеся въ ту пору (передъ крымскою воиною) какъ разъ противъ нашего дома. Послѣ такого обояднаго привѣта я кнутикомъ разгонялъ индюковъ, но одинъ индюкъ погнался за мною и сталъ кусать мои открытые

ноги (а я тогда бѣгалъ еще въ одной рубашенкѣ), и между мною и индюкомъ завязалась борьба не на животъ, а на смерть: я переломилъ ногу индюку и все-таки съ неестественнымъ крикомъ и съ ужасомъ долженъ былъ бѣжать съ поля битвы, когда бросились на меня всѣ остальные куры. Этотъ испугъ не прошелъ мнѣ даромъ. Я схватилъ нервную горячку и, какъ рассказывала мнѣ впослѣдствіи мать, въ бреду я прятался отъ индюковъ къ отцу, къ матери, подъ кровать и убѣгалъ въ дверь съ дикимъ крикомъ: „ох, гындыкъ съ кышкою догоняе“. Въ безсознательномъ состояніи я пробылъ нѣсколько недѣль, пока, наконецъ, живо припоминаю теперь, показалось мнѣ, что лежу въ церкви—въ самыхъ Царскихъ вратахъ, а отецъ беретъ оливу изъ лампады, висѣвшей предъ образомъ св. Митрофана Воронежскаго и мажетъ мнѣ грудь. Въ эту минуту сознаніе воротилось ко мнѣ, и я действительно увидѣлъ отца, мазавшаго мнѣ грудь отъ той лампады, но только увидѣлъ, что я лежу не въ церкви, а дома.

Объ одномъ событии изъ болѣе ранняго дѣтства, изъ безсознательного периода моей жизни на 2 году, припоминалось мнѣ только во время сна, и то только тогда, когда положеніе моего тѣла вызывало состояніе кошмара. Кошмаръ, который душитъ человѣка, какъ передавали мнѣ многіе, и заставляетъ его метаться во всѣ стороны до самаго пробужденія, представляется многимъ въ видѣ кошки, сидящей на груди человѣка и впивающейся когтями въ горло и душащей его. Но меня кошмаръ не душиль, а преслѣдоваль по пятамъ въ видѣ веретена, съ черными суконными нитками, бѣгущаго за мною. Я, что есть силы, убѣгалъ отъ него вокругъ дома, пока, наконецъ, не ставало сильныша и сердце готово было разорваться, а крикнуть—ни малѣйшей возможности; наконецъ, дошедши до крайняго напряженія силъ въ бѣгѣ, я въ полномъ изнеможеніи падаль, веретено насекивало на меня, и тутъ только въ смертельномъ ужасѣ я дико вскрикивалъ и пробуждался весь въ поту, съ такимъ сильнымъ и скорымъ биеніемъ сердца, что оно, кажется, готово было выскочить. Только нескоро впослѣдствіи я объяснилъ себѣ,

почему кошмаръ мучилъ меня въ видѣ преслѣдующаго меня чернаго веретена. На второмъ году жизни, какъ нерѣдко рассказывала мнѣ мать, играясь возлѣ бабы прядки, я соскочилъ съ лавки на полъ и упалъ подбородкомъ на веретено, спущенное бабою на землю и быстро крутившееся. Веретено пробило мнѣ подбородокъ и поранило языкъ. Баба, сидѣвшая у кужеля съ черною шерстью, моментально вырвала веретено изъ подбородка и брызнувшую кровь „замовыла“, какъ говорить мать. Я тотчасъ отъ перепугу заснулъ. Прибѣжалъсосѣдъ, сказалъ прикладывать холодную воду къ ранкѣ; но когда я проснулся, ранку какъ рукой сняло, а на мѣстѣ ранки остался красный знакъ, какъ будто блоха укусила.

Съ той поры и до 17 лѣтъ, если только положеніе моего тѣла во снѣ было неудобно и вызывало состояніе кошмара, то послѣдній не иначе мучилъ меня, какъ въ видѣ крутящагося вокругъ себя и преслѣдующаго по пятамъ меня съ черными нитками веретена.

Заговоривъ о кошмарѣ въ дѣствѣ, я припоминаю, что такое угнетеніе духа тѣломъ во снѣ съ 20 и до 30 лѣтъ у меня выражалось иначе. Тогда меня мучило томительное состояніе ожиданія, что вотъ-вотъ профессоръ семинаріи спросить меня урокъ, а я не только не выучилъ урока, но и не знаю даже, что задано на урокъ. Это ожиданіе до такой степени мучило меня, что я наконецъ во снѣ убѣждаль себя, что я уже не семинаристъ, а священникъ и что это ожиданіе не дѣйствительность, а только сонъ. Только послѣ такого напряженія мозга во снѣ я пробуждался.

Кошмаръ въ такой формѣ я объясняю тѣмъ, что въ тече-
ніе шести лѣтъ семинарскаго ученія я одинъ разъ только зналъ урокъ въ зубрячку на 5, по семинарской оцѣнкѣ, по логикѣ; а обыкновенно, къ моей искренней скорби теперь, я плохо зналъ все, потому что у меня за шесть лѣтъ не только не было своихъ книгъ, да я полтора года былъ безъ стола и цѣлыхъ три мѣсяца безъ квартиры. Только на четвертый мѣсяцъ декабрьскіе холода и слякоть заставили меня сказать правду отцу, а до той поры я утѣшалъ отца, что имѣю квартиру и мнѣ хорошо; только

снѣгъ заставилъ меня написать отцу, что я къ утру подночевываю на тумбахъ, потому что къ утру огни тушились во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ я по получасу обогрѣвался и переходилъ изъ одного въ другой, куда, впрочемъ, никому хозяева не воспрещали входа, догадываясь, что мнѣ некуда дѣваться.

Когда я припоминаю событія изъ очень ранняго дѣтства, моя память по ассоціаціи идей живо возстановляетъ предъ мною умственнымъ взоромъ слѣдующую картинку. Я еще ходилъ въ одной рубашенкѣ и держался за платье матери, когда она взяла меня за руку, повела на погостъ церковный и передъ надгробнымъ крестомъ, грубо вытесаннымъ изъ камня, каковыхъ теперь нигдѣ уже не дѣлаю тѣ, ломая руки, горько рыдала.

— Чого ты плачешь? спросилъ батюшка, проходившій въ ту пору черезъ погостъ. И ще нема Фылыпа?

— Нема. Отъ уже друга недиля мынула, якъ десь подився.

— Не журись, вернется. Я чувъ въ Бровкахъ, що винъ пишовъ на Херсонски стены доброго прыхода шукаты.

Впослѣдствіи отъ самого отца я узналъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ одинъ изъ дьяковъ сосѣдняго бердичевскаго уѣзда, Здѣтовецкій, кажется, перешелъ въ Одессу и занялъ тамъ, благодаря громадному басу, място перводіакона въ кафедральномъ соборѣ, а затѣмъ сообщилъ отцу письменно о своей судьбѣ, что и подбило моего отца, не имѣвшаго голоса, „оставить домъ, родъ и отечество и идти въ чеизвѣстную землю“ и возвратиться ни съ чѣмъ домой. Но по одному голословному приглашенію товарища отецъ не пустился бы въ такое странствованіе, еслибы въ самомъ складѣ душевномъ отца не было какого-то меланхолико-мечтательного настроенія, при которомъ онъ не могъ довольствоваться своимъ настоящимъ,—впрочемъ не въ смыслѣ хлѣба, а стремился къ чему-то лучшему, болѣе свѣтлому и отрадному въ окружающей его общественной жизни, вѣроятно подъ вліяніемъ житій святыхъ идеальныхъ людей, о которыхъ онъ говорилъ съ большими оживленіемъ, страстью и восторженностью. Уединенная жизнь въ пустынѣ среди суровыхъ, какъ суровъ самъ пустынникъ, величественныхъ скаль и мрачныхъ ущелій, эта созерцательная поэтическая жизнь пустын-

никовъ восточныхъ, равно какъ и таковая же жизнь Русскихъ отшельниковъ, бѣжавшихъ отъ соблазновъ міра въ тихія, мирная пуща среди прекрасныхъ дубравъ у береговъ скалистыхъ величественныхыхъ рѣкъ и въ лѣбляхъ дѣственныхыхъ темныхъ лѣсовъ, эта суроваѧ, аскетическая, созерцательная жизнь святыхъ великановъ христіанской эры, при величественной поэтической обстановкѣ, съ которою отецъ мой былъ знакомъ по Четьимъ-Минеямъ,—была главною причиною странствованій отца въ Одессу на 27 году отъ роду безъ копѣйки въ карманѣ. Сдѣлавъ 1200 верстъ безъ средствъ, онъ воротился домой измученный тѣломъ, изнывши душой по женѣ и малымъ дѣткамъ и больше ужъ не рѣшался странствовать, хотя и до послѣднихъ дней своихъ не мирился со зломъ общественной жизни, мучился общественными непорядками, молилъ Бога „о мирѣ всего міра“ и какъ на недосыпаемый, но желательный для него идеалъ, смотрѣлъ на жизнь отшельниковъ.

Этотъ мечтательный складъ мышленія моего отца унаслѣдованъ мною въ неменьшей мѣрѣ. А подъ преобладающимъ въ дѣствѣ вліяніемъ, не реальнымъ, а по преимуществу поэтическимъ, этотъ и безъ того мечтательный мозгъ мой всю окружающую меня природу опоэтизовалъ воображеніями мною, только въ моемъ туманномъ мышленіи существующими красотами. Несдержанное извѣнѣ реальною правдою окружающей меня жизни мое фантастическое воображеніе доводило меня до галюцинацій,

Я до сихъ поръ съ поразительною ясностію припомнію случай моего свиданія съ двоюроднымъ братомъ во снѣ, какъ на яву. Ночь была чудная, луннала, и въ нашей хатѣ такъ было свѣтло „хоть голки сбираї“. Я легъ спать среди хаты на соломѣ. Ясная, чарующая луна мягко, привѣтливо смотрѣла намъ прямо въ глаза, которые впились въ двухъ братьевъ: Каина, вонзающаго вилы въ грудь брата своего Авеля. Долго и напряженно смотрѣлъ я на братьевъ, пока, наконецъ, утомленные глаза не начали смягчаться дремотою передъ сномъ. Только что я сомкнулъ глаза, вдругъ слышу — окно задребезжало; стучить кто-то и кричитъ: Мышка! Сонъ, какъ рукой, сняло; глаза какъ водой промыты. Голосъ брата Сашки. Смотрю въ окно: онъ. И чудный восторгъ охватилъ меня. Вскрикнувъ отъ радости, я моментально, въ чемъ былъ, выбѣжалъ изъ хаты, протянувъ руки

къ нему и кричу! Саша! Саша! Онъ хохочеть, скачеть и кричить: лови, лови! И побѣжалъ за ворота. Я за нимъ, онъ далъе къ церкви; бѣжитъ, хохочеть, оглядывается, дразнить меня языкомъ. Веселый, радостный,—я напрягъ всѣ мои силы, чтобы догнать его, и только что хотѣль схватить его за рубашку, какъ смотрю—онъ махнулъ платкомъ и передо мною стала узенькая рѣчка тамъ, гдѣ ся никогда не было, по той сторонѣ рѣчки небывалыя вучи хворосту, а на немъ стоитъ Сашко, высунулъ языкъ и дразнить меня: А що, зловывѣ?! У меня и руки опустились, слезы брызнули изъ глазъ, и чувство восторга и пламенной братской любви смѣнилось горькими рыданіями. Я любилъ его, какъ никого еще, и во снѣ онъ мнѣ часто снился, и теперь я хотѣль его обнять, видѣть, дать ему рябенькаго котика, а онъ.... Саша! Сашка! рыдающимъ голосомъ кричу я, но онъ еще сильнѣе расхохотался, показалъ языкъ, да и былъ таковъ: какъ—въ воду канулъ. Хотя бы еще разъ взглянуть на него! И чувство неудачи и великой жалости сопровождало мое возвращеніе въ хату еще большими рыданіями. Въ хатѣ всѣ спать. Но могъ ли спать я?! Сѣвъ на лавку подъ окномъ, я закрылъ лицо руками и неудержимо рыдалъ. Мать пробудилась, успокаиваетъ, напоила холодной водой, отвела на постель; разспросила, въ чемъ дѣло, и говоритъ: то тоби сыну прыснулось. Сашко далеко за Сквирою живе—одѣть насъ 40 верстъ буде. Но такие доводы ни мало не разубѣдили меня, и много, много лѣтъ прошло, пока я додумался, что свиданіе мое съ братомъ было во снѣ, а не на яву.

Но не только одинъ сказочный фантастический міръ производилъ сильное впечатлѣніе на мои дѣтскіе мозги, нѣть—и реальный, внѣшній міръ съ его ужасами и съ его дивными красотами глубоко отпечатлѣвался въ моей дѣтской душѣ. Я съ поразительною ясностію помню и до сихъ поръ сонъ, все содержаніе котораго исчерпывалось въ созерцаніи мною обыкновенного восхода солнца и въ отраженіи косыхъ солнечныхъ лучей на бархатистомъ зеленомъ мху, которымъ, какъ сплошнымъ покровомъ, была покрыта крыша сосѣдняго экономического дома. Красота солнечнаго дня, лунной ночи, утра и вечера и величие картины грозы живо чувствовались мною; и во время грозы, днемъ ли, ночью ли, ни мать, ни отецъ, ни ночные страшила въ родѣ мары не могли—завесть меня въ хату: я по цѣлымъ

часамъ простоявалъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ и, какъ зачарованный, созерцалъ величественную и страшную картину грозы. Больѣ всего я приходилъ въ ужасъ тогда, когда видѣлъ ужей, которыхъ въ нашемъ низменномъ селѣ водилось мнogo; выводились, бывало, даже въ хатахъ подъ „прызьбами“, тѣмъ не менѣе меня неудержимо влекло чаше и чаше видѣть ихъ. А видѣть было ихъ не трудно въ водостокѣ подъ старой мельницею, въ которой давнымъ давно никто не мололъ, а только, говорили люди, одни черти въ немъ „табаку мололы“, отчего то мѣсто слыло страшнымъ мѣстомъ. Меня сильно влекло къ мельницѣ—увидѣть за разъ мнogo ужей, но страхъ и наказъ родителей удерживали меня. И любопытство мое удовлетворено было только во снѣ, когда я увидѣлъ цѣлые клубки переплетшихся между собою гадовъ малыхъ, большихъ и сѣдыхъ великановъ, пищавшихъ, сычавшихъ и грозившихъ мнѣ своими раздвоенными жалами. Засмотрѣвшись на леденящее кровь зрѣлище, я почувствовалъ, что вокругъ моей ноги обвивается змѣя. Въ неописуемомъ ужасѣ я схватилъ змѣю, дико вскрикнулъ и бросилъ ее на землю. Мать перекрестила меня, разорвала пазуху сорочки и, зажегши свѣчу, показала мнѣ, что я вмѣсто ужа схватилъ котенка, спавшаго у ногъ моихъ и бросилъ его.

Ядовитыхъ змѣй, такъ называемыхъ у насъ гадюкъ, я рѣдко встрѣчалъ, и то только въ лѣсахъ и во рвахъ хуторовъ; но ужей, самой разнообразной длины и цвѣтовъ, я сотни видѣлъ и у себя въ сѣняхъ, и подъ завалинкой, откуда разъ выползъ ужъ и обвился холодный, какъ ледь, вокругъ моей теплой ноги, такъ что я и самъ не оглядѣлся, какъ я его сорвалъ съ ноги и бросилъ, и въ огородѣ, откуда, когда мы носили гарбузы и вѣроятно неосторожно наступили ногой на него, онъ чрезвычайно быстро гнался за нами до самыхъ дверей дома, и въ садахъ, на поляхъ въ снонахъ конецъ ржи, въ хлѣвахъ, въ навозѣ, въ ставку, когда онъ плыветъ. Рѣже же всего удавалось мнѣ видѣть ужей съ золотыми надбровьями, равно и большихъ—аршина въ полтора длины и сѣдоватыхъ какъ-будто поросшихъ мхомъ. Часъ я разъ на полѣ лошадей отца, сѣль на корточки и щѣль хлѣбъ, натирая корку хлѣба чеснокомъ. Смотрю,—ниже моихъ рукъ вершка на четыре, между ногъ, спокойно, ничего не подозревая, ползетъ сѣдой ужъ аршина полтора длиною; я не шевельнулся, пока онъ не сползъ въ ровъ, тутъ же аршинахъ

въ двухъ находившійся отъ меня. Я всталъ. Ужъ выползъ на другой бокъ рва, гдѣ была нора вершка въ полтора въ разрѣзѣ, посмотрѣлъ на меня, поднявши голову, засычалъ и, когда я бросилъ на него комомъ земли, быстро спрятался въ нору. Такъ-же рѣдко, какъ и гадюкъ, я встрѣчалъ красивыхъ блестящихъ мѣдянокъ. Послѣднихъ я менѣе всего боялся. Нѣтъ у нихъ этого страшнаго утолщенія, сравнительно съ шеей, головы и этой бѣлой каймы на губахъ, какая есть у гадюки. Мѣдянка блестить, какъ самоварная мѣдь; головка у нея маленькая, едва толще шеи; спинка не испещрена пятнами, движения ея легки и грациозны. Маленькия мѣдянки не имѣютъ желтаго цвѣта,— они черны, съ желтоватымъ отливомъ только при блескѣ на нее солнца. Самые маленькие куски изрубленной мѣдянки долго еще продолжаютъ конвульсивно двигаться, какъ и ящерицы, что въ меньшей степени наблюдается у ужей и у гадюкъ. О, эти гадюки и ужи ужасны! Я никогда безъ содроганія не могъ смотрѣть на толстую голову съ неподвижными глазами и ужасную пасть съ бѣлой каймой на губахъ у гадюки, какъ никогда безъ дрожи не могъ взглянуть на рабое брюхо ужа, гдѣ цвѣта черный и бѣлый, безъ всякихъ посредствующихъ тѣней, чередующіеся между собою, рѣжуще дѣйствуютъ на зрительный нервъ. Само собою разумѣется, что зрѣлище такихъ необычныхъ и страшныхъ явлений навсегда отпечатлѣвалось въ памяти, и впослѣдствіи, когда я сталъ знакомиться съ животными при посредствѣ книгъ, я съ наибольшимъ любопытствомъ прочитывалъ о своихъ старыхъ ужасныхъ знакомцахъ—змѣяхъ. Равно и въ Зоологическомъ Кабинетѣ Кіевскаго университета я найдолѣе простоявалъ передъ банками со змѣями и передъ удавами. И тогда же, во время каникуль—дома, я обходилъ самыя недоступныя заросли болота, рвы и лѣса въ погоняхъ за змѣями, нерѣдко убивалъ ихъ, но не смотря на все убѣжденіе въ томъ, что ужъ не ядовитъ, я все таки никогда не рѣшался взять въ руки живого ужа, а носиль съ собою только „лыновысько“ ужей, т. е. кожу, которую змѣя весною сбрасываетъ съ себя, протискиваясь въ щели между двухъ сучьевъ дерева.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

„Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ“ о первомъ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, 1865 г. Помѣщаемыя здѣсь стихи написаны подъ впечатлѣніемъ первого Черниговскаго губернскаго земскаго собранія (1865 г.) помѣщикомъ Василиемъ Ивановичемъ Лизогубомъ, отставнымъ уланскимъ полковникомъ. Намъ приходилось слышать, что послѣ В. И. Лизогуба остались очень интересныя Записки, рисующія бытъ помѣщиковъ первой половины настоящаго вѣка. В. И. Л—бъ былъ родной братъ Андрея Ивановича Л—ба, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ Т. Г. Шевченку.

«Отчетъ гласнаго» полученъ нами отъ г. А. Лотоцкаго, кото-рому и приносимъ здѣсь нашу благодарность.

Въ Чернигови, у земскій ради,
От-се и я бувъ у громади.
Чувъ я одъ ліда Остапца,
Що въ Нижини, якъ Иванца
Козысь въ гетманы выбирали,
Такъ и шаблюки добували.
А тутъ не такъ будо воно.
Теперъ вся буцимъ за одно,—
Де дилась и та пыха панська?
Отъ заразъ голова дворянська
До себе гласныхъ запросявъ,
За стилъ укупы зъ нами савъ
Тай и обидавъ разомъ зъ нами.
Мы, опынявшись межъ панами,
Булы соби ни въ тыхъ, ни въ сихъ,
Ажъ сумно стало для усихъ,—
Бо говорыть—извистие лило—
Изъ становымъ не будешъ смило!
Но тильки бачымъ, що паны

Зробынись, наче не воны:
 Сажае поровень зъ собою
 И гомонить, якъ я зъ тобою.
 Що хочъ снитай, на все, якъ сайдъ,
 Розумный заразъ дастъ отвить.
 Винѣ думку на лету хватае,
 Неначе изъ очей читае,
 Про що міркує голова,
 И все выводить на слова.
 Сидили довго за столомъ,
 Цылы и ийлы вси гуртомъ.
 Стравъ подавали намъ чы-мало,—
 Та, бачь,—вареникъ чортъ-мало,
 Ни сала, ни крутыхъ лець,
 Ни борщику, ни паличицу,
 Ни пивною; стаканомъ повнимъ.
 Насъ гостювали все церковныи.
 Найились добре, напились,
 Ажъ захотилося кудысь...
 Проспались добре на соломи
 У жыда въ постоялни доми;
 Уранци проклятущій жыдъ
 Припісъ и дегтю для чобить.
 Гарнеселько причепурывшись,
 Навиаки сонца помолнившись,
 Вже до громады й я полжалавъ
 И вельмы, дуже дывовавъ.
 Що и паны вже повставали
 И до громады поспивали.
 Коштовни кони и ридванъ,—
 Вже видно, що то йиде пант!—
 А всякому, дывлюсь, звергае;
 Поклониши, такъ прывитае.
 Неначе кумъ, якъ родычъ свій,—
 Зовсімъ не те, що становий!
 Зибрались у дворянську хату;
 Паны мижъ нась за панибрата;
 Де-що роспятуютъ у нась,—
 Нихто й не лаявся ни разъ.
 Та й хата-жъ тамъ такои мири,
 Що зъ возомъ сина въидешъ въ двери.
 Зїйшлись мы, наче на майданъ;
 Чого не видумае пант!
 Тепло тамъ, а немае печи.
 Ходить тамъ тильки зъ непривычимъ
 Не вміє наша братъ, мужычокъ,

Бо ковзъко, наче голошоекъ.
 Отъ и почады толкуваты,
 Шобъ щось-тамъ „преобразуваты“.
 У хати дуже загуло,—
 Чутно ничого не було;
 Хотивъ и я де-що казаты,
 Та не зумивъ віякъ початы.
 Къ тому я паву и пидбывсь,
 Що на обиди подружысь.
 „Сей рикъ,—кажу,—въ десятны
 Мы не взялы и половины,
 Во вся весенняя пора
 Була великая жара;
 Мы жыто перемолотыны
 И все мы вже тепрь поймы,—
 То якъ-бы тее...—Тай замовекъ,
 Тай тулюся, неначе вовкъ...
 Винъ и гукнувъ, що „просить слова“;
 Затыхло все, его вси мова.
 Ясь гомониты винъ почавъ,—
 Не те, щобъ дуже винъ кричавъ,—
 Винъ гомонивъ такъ, що здается,
 Неваже ричка буцимъ льется,
 И гомонивъ все, якъ съ письма:
 „Опасно,—каже,—намъ весьма;
 При вынишнимъ неурожай
 Народу голодъ угрожае“,
 Такъ щобъ отто мыныстръ оддавъ
 Составывшийся капиталъ
 Изъ збора за сорокъ два года
 Для продовольствія народа!
 Дворянство дуже загуло,
 Ажъ страшно слухаты було!
 Воно, якъ спради, расходылось,—
 У мене зъ ляку серце былось
 Объ ребра, наче молотокъ.
 Я заховався у кутоекъ
 И бачу, що двоихъ послазы,
 Щобъ—то на дроти напысали
 Се до мыныстра въ Петербургъ.
 Повинъ очыча я вокругъ,
 Ось—думаш—біда, тай годи!
 Колы-бы добраться до господы,
 Побигты запрягаты возвъ.
 А по сныни дере морозъ,
 Бо той мыныстръ сгражденыа мова!

Напыше винъ до станового,
 Мене той знайде, чортъ-зна де,
 И на мотузци прыведе.
 Ни, якъ се пиде за буйство,
 Такъ ии вже звернеиъ за дворянство.
 Соби миркую такъ, а се
 Изъ дрота хтось отвітъ несе.
 Министръ звеливъ забрать намъ гроши.
 Отъ председатель-бы хороший
 Намъ вышовъ-бы зъ того панка!
 Збіглась громада безъ дзвоника,
 У поясъ пану поклонылась,
 Просома, та не допросома.
 „Нельза!“ — и въ „дооказательство“
 Якеесъ „обстоятельство“
 Винъ дуже довго намъ казавъ
 Та на другихъ и указавъ.
 Ми на его и позыралы,
 Якъ ихъ въ управу выбирали.
 Попавсь туды и нашъ одынъ.
 Та якъ-же тильки вражый сынъ
 Теперки губу винъ копылть!
 Никому шапки не ухилить!
 А я скажу усимъ не въ гниль!
 Далеко нашымъ до панивъ!
 Хочъ якъ нашъ братъ не вередуе,
 Такъ изыка не нагартуе.
 Бо я дивався, що павы
 На вицьжы тіи ихъ одни
 По стильки переводять грошей,
 Що хутръ-бы купиъ хороший.
 А нашъ, укравши бувваря,
 Походить до паламара,
 Та вже якъ вивчытса „Жаръ-птица“,
 Такъ и берется до столыци.
 Побачныши, що тамъ уси
 Байдуже-бы то о соси,—
 Такъ и его на пана вадытъ;
 Ничого й бисъ ему не врадить.
 Забувши ридъ свій и себе,
 Но панськи чубъ свій розскубе,
 Та ще повыризає полы,
 Щобъ пузо зоставалось голе,
 И выставляє напоказъ,
 Що закрывається у насъ.
 Не люльку палитъ, а „сигари“,

Напише на кырпу окуялры
 И черезъ сыве стекло
 Прайде днвьтесь на село.
 Усихъ соби за дурнивъ мае,
 И батька, и матиръ часомъ лае,
 Зове себе „передовыми“,
 Братается изъ становымъ.
 Погано, якъ пороблять школы!—
 То загулае наше племе.
 А сами, сиради, вы скажить,
 Чы жъ можна намъ безъ хлеба жить?
 А вже, якъ сидемъ мы чытати,
 Не будуть и волы ораты
 Було-бы латвие воно,
 Щобъ всякий знатъ соби одно:
 Козаецъ стрілай, чернецъ постысь,
 Правдыны памъ письма учысь,
 Суды узатокъ не беры,
 А посполитыи—оры.

Сообщ. А. Лотоцкій.

,Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Василевки, Полтавской губерніи, Хорольского уѣзда¹⁾. Отъ города Хорола въ 30-ти верстахъ къ югу, близъ села Василевки, принадлежащаго помѣщику Василію Николаевичу Родзанкѣ, находятся древнія развалины небольшого городища. Мѣстоположеніе городища сего на высокой равнинѣ, внизу оного въ древности находилась рѣка, гдѣ и нынѣ можно видѣть съ высоты излучистую впадину зеленѣющаго русла; на возвышенной уже равнинѣ видны признаки каменной ограды нѣкоторыхъ строеній и каменного погреба. На самой же высотѣ, къ западу, находится остатки круглого храма, поросшаго травою.

Въ 1810 году я слегка раскашивалъ едва замѣтный фундаментъ храма сего и нашелъ тамъ карнизные кирпичи, покрытые поливкой разнаго цвѣта: иной карнизъ бѣлой, иной желтой, темнозеленої и кофейной; ребра плоскихъ кирпичей, составлявшихъ стѣны храма,

¹⁾ Съ собственноручной рукописи В. Я. Ломиковскаго, найденной въ его бумагахъ. О. Л.—мъ см. предисловіе къ его „Словарю Малорусской старини“, Кіев. Стар. 1894 г., т. 46-й.—Интересно бы знать, сохранились ли слѣды этого городища до настоящаго времени? А. Л.

всѣ вообще покрыты свѣтлобирюзовою поливою, даже и самая извѣсть, составлявшая кирничные швы, сплошь покрыта была подобною же барюзовою поливкою. Я говорю поливка, суди такъ по наружному виду ея. Если же кто возразить на сie тѣмъ, что поливка производится сквозь огонь, а потому и нельзя покрыть оною огромнаго зданія; въ таковомъ случаѣ можно сказать въ отвѣтъ: приди и видѣй. Можеть быть поливка сія составлялась на подобіе китайскаго лака, коимъ китайцы покрываютъ блестящія черешницы и стѣны каменные. Какъ бы то ни было, но прочность поливки сей достойна замѣчанія тѣмъ, что она бывъ подвержена морозамъ, зною и мокротѣ дождевой въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, осталась невредима даже и понынѣ.

Древніе остатки храма сего невольно приводятъ на мысль два вопроса: когда былъ построенъ храмъ сей? и какимъ народомъ? Въ историческихъ лѣтописяхъ о храмѣ семъ никогда не упоминается. Нынѣ нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей, основываясь на словесномъ преданіи, говорять, что это была татарская мечеть. Но суди по событіямъ, нельзя слѣпо довѣрять преданію сему.

Случай изъ гувернерской жизни. (*Страничка изъ исторіи Переяславской Семинаріи за первую половину XVIII вѣка*). Въ первой половинѣ XVIII в., когда наши духовно-учебные заведенія были не обеспечены въ материальномъ отношеніи со стороны правительства (за рѣдкими и ничтожными исключеніями), питомцамъ ихъ, въ особенности же дѣтямъ бѣдныхъ родителей и несчастнымъ сиротамъ, приходилось влечь самую горькую жизнь. Они часто не имѣли куска насущнаго хлѣба и, испытывая мучительный голодъ, должны были прибѣгать въ непривлекательному средству — ходить по улицамъ, испрашивая себѣ христіанской милости. Даже взрослые студенты, и тѣ нерѣдко становились «крохоборцами», въ полномъ смыслѣ этого слова... Какими, слѣдовательно, счастливцами были тѣ учащіеся бѣдняки, которые, по рекомендациіи своего начальства, попадали къ достаточнымъ людямъ въ репетиторы или гувернеры (по тогдашнему — «въ инспекторы») и за свой трудъ бывали накормлены и одѣты! Но и такое счастье (выпадавшее, правда, лишь на долю болѣе талантливыхъ и успѣшныхъ учениковъ), видно, не всегда было въ радость его обладателямъ... Въ видѣ иллюстраціи изложимъ случай изъ

губернаторской жизни, имѣвшій мѣсто въ 1746 году. (*Изъвлечено изъ архивныхъ документовъ*).

Въ 1745 году войтъ Переяславскаго магистрата Кирпилъ Савоновъ обратился съ прошеніемъ къ префекту Переяславской семинаріи, Григорію Гиновскому, объ опредѣленіи ученика Переяславской семинаріи, слушателя школы риторики Михаила Полонского «за инспектора» къ его сыну. Просьба была исполнена.

Сынъ Савонова, должно быть, былъ не блестящихъ дарованій и не отличался особеннымъ усердіемъ, а губернаторъ Полонскій, вѣроятно, зналъ внушительное двустыншіе, заключавшее собою латино-польские буквари того времени:

„Розга, духъ свіентый, косци не приходоміє,
А розумъ барзо въ голову выгоніє“.

И вотъ 10 іюля 1746 года инспекторъ Полонскій прибѣгъ въ поощренію своего питомца, «вибыль его розгою»... Войтъ вознегодовалъ на репетитора за его расправу и вечеромъ «приказалъ служителямъ своимъ таскать (Полонского) за волосы въ ліохъ, гдѣ велѣль бить (его) до полусмерти, и даль вдаровъ плетмы звишше какъ до двохъ сотъ». Напрасно несчастный риторъ кричалъ во все горло; защиты онъ не призвалъ никакой, а лишь еще больше взбѣсилъ войта, который началъ уже давить его такъ, что все «горло обидралъ»... Утромъ на другой день потерпѣвшій Полонскій обратился съ жалобою на войта въ своему семинарскому префекту и съ письменнымъ доношеніемъ къ Никодиму, епископу Переяславскому и Бориспольскому. Префектъ семинаріи, учитель риторики, Григорій Гиновскій принялъ близкое участіе въ несчастіи своего питомца и выѣстѣ съ своимъ сослуживцемъ по семинаріи, учителемъ поэтики, Симеономъ Прокоповичемъ тоже написалъ прошеніе Епископу Никодиму, всенижайше прося его «сatisfакцію» съ Савонова за его безчеловѣчный поступокъ съ инспекторомъ Полонскимъ, «съ чего Переяславской семинаріи стыдъ и поношепіе воснослѣдовали». (Въ этомъ прошеніи замѣчено было, что еще «и въ прошломъ (1)745 годѣ (Савоновъ) бывъ нещадно (того же Полонского), а потомъ просилъ о прощенія его»).

Епископъ Никодимъ въ тотъ же день передалъ дѣло Переяславской духовной консисторіи. Консисторія немедленно учинила «обдуницію» (осмотръ, освидѣтельствованіе) ритора Михаила Полонского. При освидѣтельствованіи его оказалось, что «задъ на обѣихъ сторонахъ нещадно побитъ, на коемъ знаки боевые сциокривавые да на горлѣ чтири кривавые ногти подратые» («а болѣе на немъ ничего

не явилось», замѣчала консисторія). «Съ прописаніемъ обдуциі» такой, консисторія послала «промеморію» въ полковую Переяславскую канцелярію, требуя отъ нея «безволовитнаго по указамъ суда» наказъ войтомъ Савоновымъ.

Что дѣлала по полученіи консисторской промеморіи полковая канцелярія, изъ сохранившихся въ архивахъ документовъ не видно, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла можно смѣло заключать, что она привлекла войта Савонова къ слѣдствію на 18 іюля. Савоновъ для смягченія своей вины и избѣжанія отвѣтственности прибѣгъ къ такой уловкѣ. Онъ 17 числа уложилъ своего сына въ постель, какъ тажко больного вслѣдствіе инспекторскаго вразумленія, и пригласилъ священника градской Переяславской Троицкой церкви Симеона Прохоровича исповѣдать и причастить болящаго св. Таинъ. Этимъ путемъ на слѣдствіи надъ Савоновымъ оказалось, что болѣе потерпѣвшимъ былъ его сынъ, а не инспекторъ Цолонскій. Въ такомъ смыслѣ, конечно, и было сдѣлано доношеніе изъ полковой канцеляріи въ духовную консисторію.

Консисторія рѣшила провѣрить свидѣтельства войта и привлекла къ допросу священника Прохоровича. Вотъ тутъ-то и разоблачилась уловка войта. Прохоровичъ 18 іюля «сказкою объявилъ» въ духовной консисторіи, что 17 числа «вполunoщи» войть Кириллъ Савоновъ присыпалъ къ нему своего служителя Левка Тертичника съ приглашеніемъ исповѣдать его сына. Я, говорилъ священникъ, отправился. При чтеніи молитвъ предъ исповѣдью сынъ войта лежалъ. Послѣ исповѣди войть сказалъ мнѣ, что сынъ его боленъ «отъ пепрополоху и побою». 18 же числа, во время благовѣста, войть прислалъ во мнѣ «врадового» человѣка съ просьбою пріобщить его сына св. Таинъ. Когда я прибылъ съ св. Таинами на домъ, сынъ войта «всталъ съ постелѣ, стоя слышалъ молитовъ и къ тайнамъ божественнымъ приступая безъ всякого поддержанія два поклоны положивъ». А главное священникъ добавилъ, что сынъ войта «13 числа... былъ въ Троицкой церкви на литургіи здоровъ на лѣвомъ крилосу пѣль». Это окончательно подорвало всякую вѣру въ болѣзнь сына войта отъ инспекторскаго наказанія, и Переяславская консисторія отправила другую промеморію въ полковую канцелярію, прося, чтобы «праведный и безволовитный, какъ указы Ея Императорскаго Величества и Права Малороссійскія повелѣваютъ, дать судъ» надъ войтомъ, за то, что имъ былъ посаженъ «въ ліохъ» риторъ семинаріи Цолонскій, «какъ бы какой воръ или разбойникъ», и тамъ «мученъ».

Снова началось дѣло въ полковой канцеляріи, но вскорѣ и замолило... Видя, что войтъ Савоновъ «удовольствія сдѣлать за безчестіе ни мало склонитися не хощетъ», Михаилъ Полонскій 7 января 1747 года обратился опять съ прошеніемъ къ епископу Никодиму, чтобы онъ, «не допустивъ къ крайнему посмѣянію» его, Полонскаго, послалъ въ полковую канцелярію «повторную промеморію». На это 16 января въ консисторіи было опредѣлено: «писать къ войту Переяславскому снисходительно», чтобы онъ наградилъ Михаила Полонскаго за причиненное ему «увѣче и безчестіе, съ объявленіемъ, что, ежели не укотентуетъ, отправлена будетъ повторная промеморія» въ войсковую канцелярію «о дачи по указамъ суда». 18 числа войтъ Савоновъ увѣдомилъ господѣ консисторовъ, что вхъ писаніе онъ получилъ «съ почтеніемъ», и отвѣчаетъ, что, какъ раньше, ученику риторики былъ намѣренъ дать въ вознагражденіе за обиду пять руб., такъ и сейчасъ отъ такого намѣренія не отказывается, потому что «шобой не отъ мене, но первѣе отъ его Полонскаго надъ дитиною мою послѣдоваль»..., «а буди онѣ Полонскій желаетъ съ мене по командѣ суда зискать, я потому долженъ буду отвѣтствовать»...

Сохранившіеся до нашего времени акты на этомъ обрываются, вслѣдствіе чего трудно гадать, чѣмъ окончился этотъ процессъ потерпѣвшаго репетитора съ договорившимъ его войтомъ. Но и бѣль конца онъ достаточенъ, кажется, для нерѣдкой, вѣроятно, въ прошломъ вѣкѣ печальной картины гувернерской жизни..

Д. К. В—скій.

Рождественская вирша въ рукописи XVII вѣка. Въ нынѣшнемъ году въ Волынское епархиальное древлехранилище (церковно-археологический музей) поступила изъ архива одной изъ старинныхъ церквей ровенского уѣзда, волынской губ., рукописная *милая общая*, написанная полууставомъ XVII ст. На листѣ 4-мъ въ ней находится «*Орація Рождеству Христову*»:

Христосъ родися въ Вифлеемѣ ишиѣ,
Лежить во яслахъ убогихъ на сѣнѣ.
Ангели „Слава во вышнихъ“ спѣвауть,
И за колѣна бидыта владаютъ;
Звѣда посельство тое отправуеть
И до Египту путь показууетъ.
Мы Христу рождениому хвалу отдаваемо
И за колѣна предъ нимъ упадаемо.

Христе рождевный, да́ждь намъ тебе зрити

 Того я вамистъмъ оновѣдаю,
 А Рождествомъ Христовимъ поздравляю.

Сообщилъ О. Л.

Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII в. Но производству уголовныхъ дѣлъ въ старинѣ Малороссії былъ такой порядокъ, что первый допросъ преступника производилъ «урядъ» того мѣста, гдѣ преступника задерживали или гдѣ онъ самъ находилъ нужнымъ явиться къ властямъ. Урядомъ называлось то или другое «правление» сотенныхъ или полковыхъ властей. Сотенный урядъ такимъ образомъ составляли: сотникъ, городовой (или мѣстечковый) атаманъ, какъ представитель козаковъ, и мѣстный войтъ какъ представитель поспольства, т. е. мѣщанъ или крестьянъ, съ присоединенiemъ бурмистровъ. Въ полковомъ урядѣ сотника замѣняли полковые чиновники (полковникъ, обозный, судья и т. д.), а остальные городовые атаманъ, воитъ и бурмистръ были тѣ же самые. Разумѣется, и тамъ и тамъ необходимымъ членомъ уряда былъ писарь. Выслушавъ первое показаніе преступника, тотъ или другой урядъ записывалъ это показаніе въ свои книги, добавляя, что запись эта дѣляется: или «до дальнѣй памяти», или «до дальнѣй расправы», или «до уваги вышней власти», смотря потому, какую изъ этихъ формулъ урядъ находилъ наиболѣе подходящую къ данному случаю.

Данныя предъ «урядомъ» показанія обвиняемыхъ записывались большою частью очень подробно, чуть не дословно, сохранивъ такимъ образомъ довольно живые разсказы о томъ или другомъ случаѣ изъ народной уголовной хроники.

Приводимъ здѣсь три такихъ рассказа, изъ которыхъ одинъ записанъ сотеннымъ, а два другие—полковыми урядомъ.

1. Общественная стражка ж. Срѣбнаю (Прилуцкаго у.) посыпаетъ ночью домъ одной изъ мѣщанокъ, у которой собиралась молодежь, и встремчается тамъ съ квартирировавшими въ мѣстечкѣ драгунами, которые, въ ссорѣ, сильно ранятъ одного изъ обывателей.

Року 1718, октобрія 27 днія. На урядѣ нашемъ срѣбранскому, передо мною Антономъ Троціною, сотникомъ срѣбранскимъ, при

¹⁾ Здѣсь, очевидно, пропущенъ стихъ—вѣроятно, такой:

И одесную въ день суда сидити.

Грицку Яременку, атаману городовому, при Захарцѣ Бездѣтку, войту, при Юхиму Луценку, бурмистру, срѣбринскому, изъ притомиостию иныхъ многихъ общихъ людяхъ, того часу згодившихся, ставши Петро майстеръ тесельский¹⁾ превладааль, что октоворіа 27 числа, ночной добы, драгуне четвертой роты, молодика его теслю, тилько що еще не до смерть, скололи; когда теды мы, урядъ, почали питать зъ якой причины тое сталося, прѣто Кгадзюра, сторожъ мѣскій, такъ призналь: того часу стояль я поль шопою²⁾ мѣсцю, Алексѣенко пришовши ко мѣсю, сказалъ: ходимо въ ратушу до асауловъ, пойдемъ зъ ними нецнотъ³⁾ ловити. А когда пришлисмо до ратуши, такъ тилько соцкого застали, а асауловъ не было; и пошовши зъ соцкимъ; до Масѣ въ хату, засталисмо кантенармуса четвертой роты, которой разобрался (раздѣлся) и на постели спалъ; и мы ему ничего не чинили, тилько едну нецноту взяли въ хатѣ, хотѣлисмо до ратуши провадити; такъ она стала въ сѣницахъ кричати; кантенармусъ вихватившися зъ хати въ сѣницѣ, сталъ соцкого и мене, поваливша на землю, бити, а Алексѣенко уѣхъ, бо на дворѣ стояль; а потомъ и мы утекли. Питали мы теды, где того часу теслѣ були и где драгуне взялисѧ, поневажъ тилько кантенармусъ быль въ Масѣ, а драгуновъ не было, зачимъ една нецнота Прикорхайлиха, сказала: драгуне уже напослѣ (икъ приходилъ сторожъ зъ Алексѣенкомъ и зъ соцкимъ) пришли до насъ въ хату и я неуглядѣвша свиты своей за столомъ, почаламъ драгунамъ жаловатися (бо кантенармусъ знова спалъ на постели), что сторожъ бувъ тутъ зъ Алексѣенкомъ и зъ соцкимъ, такъ они гдѣсь свиту мою взяли, прѣто драгуновъ два пошли до Алексѣенка, а тамъ мало забавивши, знову до насъ пришли. Прѣто знову питали мы, якъ туда теслѣ пришли, на що Навло тесля такъ призналь: или мы въ Алексѣики, ажъ два драгуне пришли туда и стали Алексѣенка свиты питати, а не опитавши свиты и за чехъ горѣлки вынивша, пошли зъ хаты; а мы трохи напотомъ посидѣвша и подпивши собѣ, пошли отъ Алексѣики и илучи черезъ мѣсто, обачилисмо що въ Масѣ свѣтится, и подпилі будучи, пошло насъ трохъ человѣка до Масѣ, еще и тамъ горѣлки пити и пришовши въ хату, застали драгуновъ, которые и почестовали насъ; такъ мы тамъ не-

¹⁾ Тесля—плотникъ.

²⁾ Шопа—сарай. Здѣсь разумѣется общественное строеніе, стоявшее на мѣстной площади, въ которомъ хранились пожарные бочки и друг. общественное имущество.

³⁾ Нецнота—публ. женщина.

цнотамъ сказали: дайте и намъ горѣлки; они откаzали: немашъ въ насъ горѣлки, и мы стали тимъ нецнотамъ лаяти и пошлисмо зъ хати; а ставши на дворѣ, тимъ же нецнотамъ лаялисмо, мовичи: мы вамъ окна повибываемъ, же драгунамъ даете горѣлку, а намъ не машъ. Прето драгуне и самъ кантенармусъ, выбѣгши зъ хати, заразъ почали насъ на дворѣ бити; и въ томъ побою, незнать который зъ трехъ драгуновъ, теслю нашего скололь, тотъ же заколотый уже лежаль, а драгуне мене (мовить Павло) стали и палѣчамъ¹⁾ бити и ногами топтати и якъ сталъ я уже кричати, такъ сторожа мѣсцкая прибѣгла; зачинъ драгуне сторожовъ обачивши, кинулися до палашивъ и ногнали здовжъ мѣста, зъ голими палашами, сторожовъ; а кантенармусъ меня бучи остался; теды третій товарищъ мой, который отъ насъ утекъ бѣль, обачивши, что драгунъ не машъ, кинулся мене боронити и, вхвативши за грудь кантенармуса, сказалъ: за що вы насъ такъ забиваете?—иди ты до нашихъ старшихъ; а тимъ часомъ знову драгуне, которое за сторожами гонилися, до кантенармуса прибѣгла и стали того товариша бити, же заледво вирвавшияся онихъ, утѣкъ. Мы теды урядъ питали знову тоей нецноти Прикорхайлихи, который драгунъ напередъ до тесель вибѣгъ, бо который напередъ вибѣгъ, тотъ и теслю сколовъ, прето оная нецнота сказала, что Артемъ Нагаевъ драгунъ на самый передъ съ хати вискочилъ на дворѣ. А кгды Павла тесль питалисмо, якого власне часу оного теслю сколото, прето онъ сказаль, якъ скоро скажись драгунъ зъ сѣнецъ на дворѣ вискочиль, такъ заразъ тотъ тесля сколотый крикнулъ и упалъ на землю, которого еще тотъ же драгунъ и ногами сталъ топтати, а насъ другіе драгуне напали зъ кантенармусомъ зъ тоей же хати выбѣгши, бити. Якую мову такъ сторожовъ и тесель, яко и самихъ тихъ нецнотъ, выслушавши, до далшой расправы велѣлисмо записати.

2. Показаніе трехъ пойманныхъ конокрадовъ изъ запорожцевъ объ ихъ ториовыхъ поездкахъ съ сѣчевою рыбою по Малороссіи.

Року 1722, мѣсяца іюля 18 числа. На урадѣ нашомъ такъ полковомъ, яко и городовомъ пралуцкомъ, предъ нами Михайломъ Григоріевичомъ, обознымъ полковимъ и полковникомъ наказнымъ пралуцкимъ, Григоріемъ Прокоповичемъ, атаманомъ городовимъ, Федоромъ Малкою, войтомъ, Павломъ Шенкгирѣемъ и Михайломъ Бала-

¹⁾ Палѣчье — палки.

бою, бурмистрами. Были питави Семенъ Хведоренко, Процко Лисий и Матвѣй Кондратенко, которыхъ по прошенію шкодующихъ кронинянскихъ¹⁾ людей, козаки прилуцкіе одѣ уряду посыпание язъ конми краденими въ степу, у Калинового мосту, подъ Пиратиномъ, зловивши, при проводили въ Прилуку, одкуду оніе родомъ и якъ давно почали бавитися злодѣйствомъ.—Теды впочатку, эзъ межи оныхъ, Семенъ Хведоренко призналъ такъ: родвался мовить въ Кобеляку и одтоль эзъ роднимъ дядкомъ своимъ Иваномъ Кондратенкомъ, жителемъ мѣстечка Орла, зайшолъ до Сѣчи еще въ малихъ лѣтехъ; и мешкалъ первей въ старой Сѣчи, а потомъ въ новой, въ куренѣ Пашковскомъ, годовъ болинъ двадцати, не вихода нѣкуда, толко едень разъ щокгульне входилъ эзъ соллю въ тогобочніе²⁾ города, и одѣ того времени доселѣ, нѣкуда не ходилъ, а сего року о святой недѣлѣ, вишолъ я эзъ Сѣчи эзъ рыбою, самопять. И я продалъ свою рыбу въ Березной, а товарищество не спродавши тамъ риби пошли до Погарѣ; а я изъ Березной звову назадъ повернулся и у Макошинскаго перевозу, злучивши эзъ Процкомъ Лисимъ и Матвѣемъ Кондратенкомъ, козаками тожъ свѣчовыми, пошли просто на Борзну, а пзъ Борзни прибувши до Ичнѣ, вкрали коней двое, въ людей кропивенскими, и эзъ оними въ степу, у Калинового мосту, не доездачи Пиратина, зловивши васъ козаки прилуцкіе, при проводили въ Прилуку. А кромѣ того, большъ ни въ якомъ не былъ подзорѣ.

Потомъ Процко Лисий, родимецъ Гадацкій, призналъ: зайшолъ мовить, до Сѣчи еще передъ дорогимъ рокомъ³⁾, эзъ дядкомъ своимъ Грицкомъ Пластуномъ, куреня Щербиновскаго, и бавился тамъ ловленемъ риби, а предъ Мазениною змѣю, вишедши съ Сѣчи эзъ козаками, оженился быль на томъ боцѣ Днѣпра, въ Жаботинѣ, и мешкалъ дотоль, нѣмъ (пока) эзъ того боку зогнато людей; и въ то время перейшовши на сей бокъ, мешкалъ въ Веремѣевиѣ годовъ и съ-пять; и одтоль, пошедши за промисломъ торговимъ до Сѣчи, чому уже дѣтса годовъ шесть, виросаль въ поменутого дядка своего возъ рибы и продавши оную въ Потоцѣ, повернулся знову назадъ въ лузѣ надъ Плетенихю, одѣ Сѣчи за 15 миль, 6 годовъ неисходне седачи въ насѣцѣ, при птолахъ; а сего року о святой недѣлѣ, кгды ватага шли изъ Сѣчи, эзъ рыбою, въ которой было козовъ 60 и запорожцовъ та-

¹⁾ С. Кропивное теперь — въ Конотопск. уѣздѣ.

²⁾ Т. е. на правый берегъ Днѣпра.

³⁾ Дорогимъ рокомъ наз. 1699 годъ.

кое жъ число, пошоль я зъ ними наклавши возъ рибы; и перевѣзшия черезъ Днѣпъръ, пошли порозно, куда который захотѣлъ; а нась человѣка 11, одрознившися (отдѣлившись), пошли въ едной компанії; и три человѣка осталося въ Хоролѣ, четвертый въ Попувцѣ, а нась сѣмъ человѣка пошли до Березной и тамъ усего продали три вози риби, четвертый на горѣлку проштиховали, а зъ трома вози пошли человѣка три до Сосницѣ и товаришъ нашъ Иванъ иластуновскаго куреня купивши на два вози горѣлки, а другій Иванъ зъ тою кухвою, якую виминялъ за рабу, пошли передомъ до берега. А я злучивши тамъ зъ Матвѣемъ Плахотнимъ, тожъ козакомъ сѣчовимъ, удержанался по прошенію его черезъ килка дній того ради, что оний Матвѣй давалъ собѣ лахманини (одежду) шити; а пошиавши лахманини, пошли, два нась, одтоль, и на макошинскомъ перевозѣ прилучился въ намъ Семенъ Хведоренко, тожъ козакъ сѣчовій, и прибувши до Ичиѣ, украли подъ фольварками, у гостиныхъ людей, которое изказовалися зъ Кропивной, коней двое; и изъ оними половивши нась посланники прилудкіе, у Калинового Мосту, проповадили въ Прилуку; а кромѣ того, болшъ нѣ до якой не привиненъ шкода.—Тутъ же Матвѣй Кондратенко, сказуючійся родомъ полку миргородскому, зъ Потоку, быль допрошуванъ и въ допросѣ своемъ сказаль такъ: дѣется уже девятій годъ, якъ одѣ отца своего зъ Потоку до Сѣчи зайдовши, первей при Хведору Плахотному, козаковѣ куреня Переясловскаго, служиль 4 года; потомъ, въ томъ же куренѣ, при розныхъ козакахъ, два года жилъ, добуваючися на рыбѣ сѣ-половинѣ; а два годи, уже шкапъ разгадавши тамъ, часомъ рибу, а часомъ соль, въ городаы¹⁾ вивозачи, продаваль; сего тежъ 1722 году, о сватой неделѣ, зъ двома товаришами, именно Тишкомъ Погребищенкомъ по-тоцкимъ и Хведоромъ Горкушею, козакомъ куреня калниболотскаго, виехавши въ городаы, вивозъ быль вусѣмъ головъ рибы²⁾, якой чтири голови у Лохвицѣ продалъ, а чтири у Варвѣ; и поехалъ зъ поманутимъ своимъ товариствомъ до берега, одкуду оніе два товариши пошли на той бокъ Днѣпра; а я знову въ Кременчуцѣ рибы пять головъ купивши, поехалъ за Десну, зъ Кременчуцкими же людми, которое зъ житомъ тожъ за Десну ишли, и до Березной прибунши, на торгу тую рибу свою спродалъ; где зъ Процкомъ Лисимъ случив-

¹⁾ Запорожцы „городами“ называли гетманскую Малороссию, т. е. тѣ десять полковъ, которые составляли гетманщину.

²⁾ Особый торговый счетъ рибы.

шился, одтоль поѣхали; а въ перевозу Макошинского, еще къ намъ присталъ Семенъ Хвedorенко, и до Ичнѣ прибувши, для купленія Лисому воза, меченные два мои товариши укралі двое коней, въ людѣй гостинникъ, сотнѣ кропивянской; и я хочай имъ говорилемъ, ижъ бы тихъ коней не брали, однакъ оніе не слухаючи, въ орчики¹⁾ возакладали; а когда одтоль поѣхавши, прибули до Калинового Мосту, такъ нась тамъ зловлено и припроважено сюда, въ Прилуку. Мы теди вышенисанній урядъ вислушавши такового поманутыхъ запорожцівъ въ злодѣйствѣ пошлихованникъ признати, казалисмо до уваги вилицої власти записати, въ ратушу прилукомъ.

3. Рассказъ вора-троеженца о своихъ походженіяхъ.

Року 1723, мѣсяца априля 18 числа. На урадѣ напомъ, такъ полковомъ, яко и городовомъ прилукомъ, предъ нами Иваномъ Марковичомъ судією, Петромъ Носенкомъ хорунжимъ, Феодоромъ Манкою, вйтотомъ, Павломъ Шингиріемъ и Михайломъ Балабою, бурмистрами. Биль питанъ Левко Иванченко, родимецъ Журавскій пойманий въ семъ настоящомъ прилукомъ ярмарку, зъ краденими волами, якъ давно сталъ бавитися злодѣйствомъ, которій призналь такъ: будеть ужъ тому годовъ 15, якъ оставивши первую свою жену, Олену Коломайкону, въ Журавцѣ зъ двома дѣтьми зъ нею спложенными, потомъ зъ Журавки и чрезъ чтири года служиль у компанїи въ полку пана Глагалагана²⁾, одъ которой одставивши, понялъ себѣ другую жонку Гапку Бѣгуновну, увъ Ирклїеви; и поживши зъ нею годовъ два, пошолъ на Донъ и мешкалъ тамъ годовъ пять; а пришедши зъ Дону, зновъ, сталъ съ помянутою Гапкою мешкати, шинкуючи въ Іѣщаной и въ килка годовъ пошедши одтоль до Журавки, вкрай у Романа Сергїенка коня, зъ которимъ зосталь пойманъ въ Гадячомъ, и тамъ у него того коня одибрано. Знову у Хвеска Гриценка жителя Журавскаго, укралъ сѣмъ воловъ подвювши оніе до Барышовки, проіалъ въ ярмарку, невѣдаєть якому человѣку, по 10 золотихъ вола. Потомъ оставилъ второбрачную жену свою въ Іѣщаной, Гапку Бѣгуновну, понялъ третью въ Городищахъ, надо Днѣпромъ и недель сколько зъ нею помешкавши, покинулъ оную и пришолъ знову до Іѣщаной искъ

¹⁾ Орчакъ—пристяжка.

²⁾ Т. є. въ конномъ охотничьемъ полку, полковникомъ которого былъ Богданъ Галаганъ.

второбрачной своей жонѣ Гапцѣ Бѣгуновиѣ, зъ которойю уже и дѣтей двое маєть. А въ семъ году предъ великимъ постомъ вкрадъ въ Ниратинѣ въ нѣjakогось человѣка коня и продалъ у Золотоноши за 5 копѣкъ. У великій тежь постъ, укравши въ Журавцѣ у Хведора, наслуговуючаго пану Демяну (Якубовичу), пару воловъ продалъ тожь у Золотоноши, рохмистру Павловскому за 9 копѣкъ. А сихъ святъ, тамъ у Золотоноши знявшися зъ двома товариствомъ, еднимъ Василемъ Барапомъ, жителемъ . . . (?) а другимъ Назаромъ Поповичемъ, пошолъ зъ Золотоноши, и на стеноу подъ Сасиновскою, зъ поповичемъ, украдъ воловъ два и коня; и когда зъ тимъ пришолъ въ Прилуку на ярмарокъ, поймавши его зъ Поповичемъ люде Журавскіе и привели до ратуша, а Василь Барапъ отъ нихъ утѣкъ. Потомъ Назаръ Поповичъ сказуючийся родомъ зъ-за Понарницѣ Шаповаловской такъ призналъ, что будетъ, мовить, годъ ио Петрѣ у тиждень, якъ пошолъ зъ дому на поклоненіе и опочиваль у Кіевѣ ись тиждень; а пришовши по Успенію до Нѣжина, мешкалъ въ покровской школѣ, до Рождества Христова; зъ Нѣжина пошедши зъ студентомъ Лукяномъ, святконалъ у Басанѣ; зъ Басанѣ тежъ пошедши, пошли до Переисловля и тамъ одъ мене оніи Лукянъ одставши, пощолъ на той бокъ Диїпра; а я пошолъ до Золотоноши, куда пришолъ предъ всеидноу за тиждень; и тамъ на вербной недѣлѣ обизнався зъ Левкомъ Иванченкомъ и Василемъ Барапомъ, въ корчмѣ, на подпитку, а одтоль пошедшъ усѣ три, въ страстную пятницу укради подъ Лазурками пару воловъ, а подъ Сасиновкою, коня, и когда съ тимъ пришли въ Прилуку, зловлено мене зъ Левкомъ и отправлено до ратуша; а Барапъ невѣдаю куда утѣкъ. Що више писаний урядъ вислушавши, казалисмо про далшую память записати.

Отъ правленія Кіевскаго Общества Грамотности. Открытое въ октябрѣ 1882 г. К. О. Г., послѣ нѣкотораго временнаго затишья въ своей дѣятельности, возобновило ее созывомъ первого въ 1892 г. общаго собранія (11 сентября). подъ предсѣдательствомъ А. Ф. Андрющева. Съ 11 сентября и по настоящій день въ немъ состоялось два общихъ собранія, шесть засѣданій совѣта и девять засѣданій правленія, при чемъ дѣятельность собранія выразилась въ слѣдующемъ.

Первые засѣданія общаго собранія и совѣта посвящены были, какъ уже сообщалось въ свое время въ газетахъ, главнымъ образомъ обсу-

жденію вопроса о необходимости измѣненія параграфа 3 устава въ такомъ видѣ, чтобы годичный членскій взносъ былъ опредѣленъ минимумъ въ 2 руб., вместо 10, а приемъ въ члены обусловливался рекомендацией двухъ членовъ общества. Представивъ означенное ходатайство, общество, въ виду истечения срока службы должностныхъ лицъ его, произвело выборы послѣднихъ, при чемъ предсѣдатель общества, А. О. Андрющевъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и семейныхъ обстоятельствъ, отказался отъ руководительства дѣлами общества. Затѣмъ общество (въ лицѣ постоянно дѣйствующихъ органовъ его, т. е. совѣта — органа распорядительного, и правленія — органа исполнительного), приступило къ обсужденію плана ближайшей своей дѣятельности при наличныхъ условіяхъ, когда касса общества опредѣлилась въ 999 р. 75 к. и составъ его увеличился избраніемъ новыхъ 69 членовъ. Рѣшивъ немедленно приступить къ сбору членскихъ взносовъ, какъ съ прежнихъ, такъ и съ новоизбранныхъ членовъ, общество намѣтило рядъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію своихъ средствъ, привлеченію новыхъ членовъ и присканію себѣ сотрудниковъ и корреспондентовъ въ провинціи (такъ какъ дѣятельность общества, по уставу, распространяется на весь юго-западный край). Съ этой цѣлью, оно отпечатало въ 10,000 экземплярахъ обращеніе къ разнымъ лицамъ (для разсыпки почтою и чрезъ газеты) съ выясненіемъ задачъ общества и съ просьбою оказать ему посильное содѣйствіе въ его дѣятельности пожертвованіями и указаніями на мѣстныя нужды, совѣтами, рекомендацией мѣстныхъ дѣятелей и проч. Редакціи мѣстныхъ газетъ любезно выразили согласіе разослать экземпляры этого обращенія иногороднимъ подписчикамъ бесплатно, а типографія Кушнерева и Ко напечатала ихъ съ значительной уступкой. Рѣшивъ на первыхъ порахъ направить дѣятельность общества на распространеніе книгъ въ народѣ и народныхъ школахъ, общество занялось приведенiemъ въ извѣстность состава находящагося въ его распоряженіи книжного склада и формированиемъ библіотекъ для народныхъ училишъ, сообразуясь съ составленнымъ для этой цѣли каталогомъ М. Н. Ц. Правленію поручено совѣтомъ выработать требуемую уставомъ инструкцію для сношенія съ народными училищами, утверждаемую г. попечителемъ учебнаго округа. Рѣшено отпечатать и распространить въ краѣ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ свѣдѣнія о существующихъ узаконеніяхъ относительно устройства бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ съ примѣрными проектами ихъ устава и съ практическими наставленіями по части ихъ открытія и

устройства, а также примѣрный уставъ для обществъ попеченія о народномъ образованіи; имѣющіяся у общества 650 картинъ волшебнаго фонара бесплатно выдавать на извѣстныхъ условіяхъ лицамъ и учрежденіямъ, которыхъ приступили бы къ организаціи народныхъ чтеній въ тѣхъ или другихъ мѣстностахъ края. Общество вошло въ сношенія съ кіевскимъ городскимъ общественнымъ управлениемъ, предложивъ ему возбудить ходатайство передъ г. попечителемъ учебнаго округа объ устройствѣ классовъ для взрослыхъ при нѣкоторыхъ городскихъ приходскихъ училищахъ въ тѣхъ частяхъ города, где преобладаетъ малониущее рабочее населеніе. При этомъ общество сообщило, что оно возьметъ на себя, по соглашенію съ городскимъ управлениемъ, извѣстную долю расходовъ по вознагражденію завѣдующихъ школами и сторожей, по освѣщенію, доставленію учебныхъ пособій и проч., а также и рекомендациѣ дополнительного состава учебнаго персонала. Одновременно со всѣмъ этимъ совѣтъ общества счѣлъ необходимымъ, въ разъясненіе дѣйствующаго устава, приступить къ разработкѣ инструкціи предсѣдателю и правленію, строго разграничающей права и обязанности должностныхъ лицъ и органовъ, заѣдывающихъ дѣлами общества. Съ 11 сентября по настоящее время въ члены общества избраны, кроме лицъ, фамиліи которыхъ свое-временно сообщены были уже въ газетахъ, слѣдующія лица: Александровскій, В. О., Бѣллюбская, Ю. Л., Быковъ, В. И., Голубовскій, Н. В., Гудшонъ, В. Н., Дучинская, А. Т., Дитятина, К. И., Зайончевскій, В. И., Игнатовичъ-Завилейскій, В. В., Кульженко, А. С., Комаровъ, М. Д., Кузнецкій, П. Н., Кордтъ, В. А., Левандовская, М. И., Левицкій, О. И., Матюшенко, П. Т., Макаревичъ, И. Т., Мануиловъ, П. Н., Мишина, И. Я., Морозова, А. В., Остроградскій, О. И., Перестюкъ, М. Р., Петръ, В. И., Илаховъ, П. В., Радкевичъ, Г. А., Розенъ, баронесса, А. А., Русинова, О. Ф., Рузскій, П. В., Сварчевскій, Н. Л., Синицкіе, Е. Д. и Л. Д., Солуха, В. В., Степовичъ, А. И., Стороженко, Н. В., Тарасенко В. Е., Татарскій В. Г., Трабша, К. Ф. и О. Ф., Трегубовъ С. И., Торсій, С. И., Тутковскій, П. А., Телѣжинскій, В. В., Фельдманъ, Н. А., Федоровъ, Д. С., Шмігельскій, В. Е., Шумеръ, И. П., Чернова, Р. К., Челпановъ, Е. И., Юзефовичъ, Б. М. Правленіе общества имѣетъ честь покорнѣйше просить означеныхъ лицъ, а равно и прежнихъ членовъ общества, сообщить ему свои адреса, такъ какъ мѣстожительство многихъ изъ нихъ ему неизвѣстно. Заявлениа объ адресахъ, членскіе взносы и всякия пожертвованія деньгами, книгами, учебными пособіями и т. и., могутъ быть

адресуемы предсѣдателю, Леониду Сем. Личкову, Левашевская, 20, казначею Дм. Петр. Извѣскову, въ первую гимназію, секретарю Ст. Гр. Ярославскому, въ городскую публичную библіотеку; о всѣхъ получаемыхъ обществомъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно сообщаемо въ газетахъ. По настоящее время получено пожертвованій: отъ графа Вл. Ал. Браницкаго, отъ К. М. и П. М. Панѣжевыхъ по 25 рублей, итого 75 рублей. Правленіе считаетъ долгомъ выразить означеннымъ лицамъ свою признательность.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы по археології Россіи издав. Импер. Археолог. Комиссією № 18. Древности Южной Россіи— курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга. Съ табл. рисунк. и 88 политипажаи. СПБ. 1893. Цѣна 2 р.

Курганъ Карагодеуашхъ находится въ 2 верстахъ оть станицы Крымской Земли Кубанского Войска и раскопанъ былъ въ 1888 году членомъ кубанского статистического комитета есауломъ Е. Д. Филицинымъ, который еще раньше того былъ извѣстенъ своими трудами по изученію кубанского края. Вещественные результаты раскопки были такъ богаты, и древности, открытые при этомъ, оказались столь интересными, что изученіе ихъ Археологическая Комиссія поручила двумъ специалистамъ, каждый изъ которыхъ отмежевалъ себѣ особую область. Г. Лаппо-Данилевскій взялъ на себя описание самой раскопки и опредѣленіе бытового и исторического значенія древностей, открытыхъ въ курганѣ, а г. Мальмбергъ—изученіе послѣднихъ въ художественномъ отношеніи. Первому изъ нихъ принадлежитъ напечатанный въ ранѣе трудъ «Скиескія древности»; и въ новомъ труде г. Данилевскаго замѣчаются тѣ же достоинства, которыя отличали и прежній трудъ, а именно обстоятельное знакомство съ источниками и пособіями по скиескому вопросу и тщательное изученіе какъ ихъ, такъ и матеріаловъ, доставленныхъ новою раскопкою; иѣкоторыя заключенія его весьма гипотетичны, иногда даже одна гипотеза строится на основаніи не твердо установленного факта, а другой гипотезы, высказанной ранѣе, иѣкоторыя положенія подлежать спору, но въ общемъ трудъ г. Данилевскаго слѣдуетъ признать весьма поучительнымъ. Г. Мальмбергъ ранѣе издалъ въ «Матеріалахъ» Архео-

логической Комиссіи свое изслѣдованіе о древностяхъ Херсонеса. И тамъ, и здѣсь онъ обнаруживаетъ много художественнаго вкуса и чутыя, большую способность къ догадкѣ и блестящее искусство въ описаніи художественныхъ древностей.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствія подѣлиться съ читателями главнѣйшими результатами трудовъ г. Фелицына и обоихъ названныхъ ученыхъ.

Курганъ Карагодеуашхъ имѣлъ около 5 саженъ высоты и 30 слишкомъ сажень въ окружности у подошвы. Въ западной половинѣ кургана находилась искусно сложенная изъ камня гробница, которая имѣла до 29 аршинъ длины и состояла изъ трехъ погребальныхъ камеръ и галлерей, соединившей вторую съ третьей. На стѣнахъ мѣстами замѣчались остатки штукатурки, со слѣдами фрескъ, но послѣднія не сохранились. Въ первой камерѣ найдены остатки погребальной колесницы и лежали въ беспорядкѣ лошадиные кости съ слѣдами огня на нѣкоторыхъ изъ нихъ, кости домашнихъ животныхъ, амфора; здѣсь же найдены бусы, стекляные медальоны и пр. Вдоль лѣвой боковой стѣны лежалъ остовъ женщины, головой къ в.; около ея черепа оказалась золотая пластинка съ рельефнымъ изображеніемъ царицы неизвѣстнаго варварскаго народа, съ ея свитой, тріумфа на колеснице и какой-то неопределенной женской фигуры,—вѣроятная принадлежность островеркаго головнаго убора, вродѣ того, который представленъ на самой пластинкѣ, на головѣ царицы. Около этого украшенія найдено 16 золотыхъ прорѣзныхъ пластинокъ въ видѣ итицъ и 50—съ изображеніемъ женскихъ головокъ; близъ височныхъ костей оказались двѣ золотыя серги превосходной филигранной работы, на шеѣ скелета—толстый золотой обручъ и богатое ожерелье такой же филигранной работы, съ подвязками и художественно исполненной головкой бычка посерединѣ; рядомъ лежали: золотая цѣпочка съ львиною головкою на одномъ изъ ея концовъ и изящно плетеное ожерелье; массивные золотые браслеты, съ гиляпокамнами на концахъ, украшали кисти рукъ умершей, а на одномъ изъ пальцевъ правой ея руки найдены золотой перстень съ художественнымъ изображеніемъ женщины, играющей на лирѣ. Вторая камера гробницы оказалась пустою. Въ галлереѣ найдены только лошадиные кости съ принадлежностями сбруи. Въ третьей комнатѣ найдено громадное мѣдное блюдо, на которомъ лежали крестообразно два серебряные ритона; около нихъ стояла серебряная чашка и еще одинъ серебряный же сосудъ и лежали еще два ритона, далѣе—серебряная черпательная

ложечка и серебряное ситечко съ ручками въ видѣ лебединыхъ головокъ. Параллельно лѣвой боковой стѣнѣ этой камеры покоялся мужскій скелетъ, головою на в., такъ же, какъ и женскій. Рядомъ съ черепомъ оказались золотыя пластинки съ изображенными на нихъ звѣздочками и «масками», а на шей скелета—золотой обручъ, оконечности которого были украшены художественными изображеніями льва, терзающаго кабана; около черепа лежали остатки горита, украшенного серебряной пластинкой съ художественными изображеніями человѣческихъ фигуръ, которыхъ, къ сожалѣнію, плохо сохранились; у лѣваго бока скелета оказался желѣзный мечъ съ золотой рукояткою и оселокъ; наконецъ, въ головахъ и по сторонамъ скелета найдены бронзовыя и желѣзныя стрѣлы.

Численностью и расположениемъ погребальныхъ помѣщеній карагодеуашская гробница, по замѣчанію г. Данилевскаго, превосходить склепы керченскіе и болѣе приближается къ извѣстнымъ склепскимъ гробницамъ александровской и чертомлыцкой; по размѣрамъ она стоитъ наравнѣ съ самыми большими изъ доселѣ извѣстныхъ, а по длинѣ превосходитъ ихъ; своеобразную особенность ея представляетъ ея расположение аршина на 3 надъ верхоземкой, тогда какъ извѣстныя скиескія могилы устраивались обыкновенно глубоко подъ ней. Размѣщеніе скелетовъ мужскаго и женскаго въ особыхъ камерахъ и положеніе ихъ головами на в. сближаетъ карагодеуашскій курганъ болѣе съ чертомлыцкимъ и александровскимъ, а размѣщеніе предметовъ—съ кульбаскимъ (бл. Керчи).

Сооруженіе кургана, на основаніи художественныхъ особенностей найденныхъ въ немъ предметовъ, г. Лаппо-Данилевскій относить ко второй половинѣ IV, или къ началу III в. до Р.Х. (г. Мальмбергъ—къ серединѣ IV ст.). Изученіе же извѣстій древнихъ авторовъ о племенахъ, жившихъ у сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, приводить г. Данилевскаго въ вѣроитному заключенію, что въ курганѣ Карагодеуашъ похоронены царь и царица племени Синдовъ, которое онъ считаетъ возможнымъ причислить къ Меотамъ, родственнымъ съ племенами скиеско-сарматскими.

Древности, найденные въ курганѣ, довольно рѣзко распадаются на двѣ категории: на вещи туземные, варварской работы, и на предметы греческаго издѣлья, но изъ этой смѣси различныхъ культуръ, какъ видно, не вышло соединенія.

Г. Мальмбергу удалось реставрировать форму карагодеуашскаго горита (налучья), отъ обшивки которого осталось только нѣсколько

жалкихъ кусковъ золотой пластинки; для этого онъ воспользовался аналогієй съ извѣстнымъ горитомъ изъ чертомлыцкаго кургана. Для характеристики художественного стиля горита, онъ пересматриваетъ вопросъ объ изображеніи на горите чертомлыцкомъ и, отвергая объясненіе акад. Стефани, примыкаетъ къ недавно высказанному нѣмецкимъ археологомъ Робертомъ мнѣнію, что здѣсь представленъ Ахиллъ среди дочерей Ликомеда; но карагодеуашской же пластинкѣ онъ предполагаетъ сцену изъ разрушениія Илiona.

Изображенія львовъ, терзающихъ кабановъ, на концахъ шейнаго кольца г. Мальмбергъ сопоставляетъ съ львами на гривнѣ кульбскаго кургана и, отмѣтивъ сходство между ними, отдаетъ предпочтеніе карагодеуашскимъ львамъ по тонкости и отчетливости работы и по выразительности; «обще, замѣчаетъ онъ, изъ всѣхъ рельефныхъ изображеній львовъ львамъ карагодеуашской гривны принадлежать первое мѣсто».

Столь же высоко ставить г. Мальмбергъ и изображенія на карагодеуашскихъ ритонахъ. Фризъ одного изъ нихъ съ изображеніемъ борьбы животныхъ, по композиції, живости и увѣренности рисунка, онъ ставить выше всѣхъ подобныхъ, извѣстныхъ ему, художественныхъ произведеній античнаго искусства. Изъ сопоставленія сценъ этой борьбы съ весьма похожими изображеніями на чертомлыцкомъ горите высокое превосходство ихъ становится очевиднымъ.

Другой ритонъ, съ изображеніемъ всадниковъ, къ сожалѣнію, сохранившійся очень плохо, въ декоративномъ отношеніи напѣ авторъ сближаетъ съ знаменитой чертомлыцкой вазой, горитомъ и блюдомъ того же кургана и съ чашею изъ Куль-Обы.

Разматривая золотое ожерелье царицы, г. Мальмбергъ наиболѣе характерною частью его признаетъ пластинки съ пальметами и находить въ этой особенности отдаленное сходство съ ожерельемъ рыжановскаго кургана (кіевской губ.); кроме того, на карагодеуашскомъ ожерельѣ прекрасно сохранилась тонкой работы головка бычка.

Гиппокампы на запястьяхъ сближаются авторомъ съ подобнымъ же чудовищемъ на обшивкѣ чертомлыцкихъ ноженъ, а серебряный кружокъ съ выпуклой женской головкой — съ аттическими произведеніями IV в. до Р.Х.; что же касается стеклянныхъ медальоновъ, то онъ усматриваетъ въ нихъ отпечатокъ азіатскаго ихъ происхожденія.

Золотой пластинкѣ съ изображеніемъ царицы, не смотря на указанные имъ техническіе недостатки ея, авторъ придаетъ большое значеніе, какъ единственному подобнаго рода предмету, который при

этомъ имѣющимися на немъ изображеніями способенъ привести къ болѣе точному пониманію костюмовъ и обычаевъ мѣстныхъ варваровъ.

Въ заключительной главѣ своего труда г. Мальмбергъ дѣлаетъ иѣкоторые общіе выводы, на которыхъ намъ также необходимо остановиться.

Въ противоположность господствовавшему прежде мнѣнію, что лучшія греческія пздѣлія, между прочимъ и найденные на югѣ Россіи, суть аттическаго происхожденія, онъ слѣдуетъ мнѣнію Ад. Фуртъ-энглера объ іонійскомъ происхожденіи художественныхъ произведеній юга Россіи и находить новыя подтвержденія этой теоріи въ древностяхъ карагодеушскаго кургана, между прочимъ—въ изображенныхъ па иѣкоторыхъ изъ нихъ звѣряхъ.

Въ заключеніе, подробно разсмотрѣвши золотые рельефы чертомлыцкаго и карагодеушскаго кургановъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ нихъ отразились художественные произведенія Полигнота (V в.) и современныхъ ему живописцевъ, и усматривается родство ихъ съ изображеніями Парѳенона.

Закончивъ ознакомленіе, въ существенныхъ чертахъ, съ содержаниемъ нового выпуска «Матеріаловъ», отмѣтимъ нововведеніе во виѣшней формѣ изданія, именно: замѣну фототипіями литографій, принятыхъ прежде въ изданіяхъ Археологической Коммиссіи. Въ художественномъ отношеніи замѣна эта почти нечувствительна, хотя, можетъ быть, иѣкоторые предпочтутъ литографіи прекрасной работы Кастелли; въ отношеніи же объективности изображеній слѣдуетъ, конечно, отдать предпочтеніе фототипіи, тѣмъ болѣе, что таблицы, приложенные къ настоящему выпуску, не оставляютъ желатьничего лучшаго.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1892 годъ. Съ 75 политипажами. СПБ. 1804. Цѣна 2 рубля.

Въ отчетномъ году Археологическая Коммиссія продолжала раскопки въ Херсонесѣ въ Керчи и производила ихъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ юга Россіи.

Проф. Н. И. Веселовскій неустанно продолжалъ раскопки кургановъ въ таврической губерніи, при чемъ въ симферопольскомъ

уїздѣ, въ имѣніи И. О. Пастака, напалъ на весьма интересныя по-гребенія. Въ насыпи одного изъ тамошнихъ кургановъ показалась впускная могила, по мнѣнію г. Беселовскаго, IX—X в. по Р.Х.; въ ней лежалъ скелетъ головой на з., при немъ находились: желѣзный наконечникъ копья, такія же ножницы, обломокъ серебрянаго украшенія: къ ю. отъ скелета лежала часть лошадинаго остова и находились кожаная уздачка съ серебрянымъ позолоченнымъ, украшеннымъ орнаментомъ и чернью, наборомъ, 2 бронзовыя бубенчики, мѣдная пряжка и 2 колечка; у ногъ покойника лежали 2 желѣзныхъ стремени и обломки желѣзныхъ удилъ. Въ почвѣ открыта могила значительно древнѣе первой; скелетъ лежалъ головой на з., въ вытянутомъ положеніи; возлѣ головы стоялъ чешуйчатый желѣзный панцирь, на головѣ была шапка съ золотыми накладками, платье до пояса обшито было золотыми бляшками (533 экземпляра), возлѣ тазовыхъ костей лежалъ кожаный колчанъ, покрытый золотыми тиснеными пластинами съ изображеніемъ орла, держащаго въ клювѣ какого-то звѣрька,—грифоновъ и пр. и находился золотой кругъ съ чеканными изображеніями. Въ другомъ курганѣ, въ томъ же имѣніѣ, при женскомъ скелетѣ, погребенномъ, повидимому, въ сидячемъ положеніи, кроме глиняной посуды, найдено нѣсколько золотыхъ блашекъ съ изображеніями зайца, сфинкса, химеры и льва.

Въ Херсонесѣ продолжалъ раскопки К. К. Косцюшко-Валюжиничъ какъ по развѣдкѣ городища, такъ и по дальнѣйшему разслѣдованію могильника у южной стѣны. Отчетъ о его раскопкахъ—весь изъ деталей и не поддается краткой передачѣ. Въ виду спорности вопроса о мѣстоположеніи древнаго, языческаго Херсонеса, любопытны новыя находки, подтверждающія мнѣнія, что древній Херсонесъ находился тамъ же, гдѣ и позднѣйшій, христіанскій; такъ, въ восточномъ углу Городища, на берегу моря, обнаружены остатки стѣнъ древнаго Херсонеса и два пироса, кроме того найдены мраморная головка женщины, терракотовая женская головка, 24 амфорные ручки съ именами астиномовъ и обломки чернолаковой посуды; на сѣверномъ берегу г. Косцюшко-Валюжиничъ обратилъ вниманіе на пространство, застроенное пислѣдованнымъ имъ небольшимъ храмомъ, которое также занято сплошнымъ культурнымъ слоемъ на глубину до $2\frac{1}{2}$ арш.—Обстоятельство, которое противорѣчить недавно выказанному мнѣнію, что древнаго Херсонеса искать негдѣ въ Херсонесѣ новомъ, по той будто-бы причинѣ, что послѣдній стоитъ весь цѣли-

комъ на скалѣ. Найденные при раскопкѣ надписи Археологическая Комиссия имѣеть въ виду издать особо.

Въ Керчи производилъ работы новый директоръ тамошняго музея К. Е. Думбергъ, при чемъ найдено нѣсколько расписныхъ вазъ, мраморныхъ надгробій и разнообразныхъ украшений, говорить о которыхъ трудно до обѣщанного изданія ихъ изображеній.

Въ херсонской губерніи В. Н. Ястребовъ занимался дослѣдованиемъ кургана, подвергшагося раскопкѣ еще въ 1763 году, по распоряженію генералъ-поручика Мельгунова, при чемъ открыта грунтовая гробница, состоящая изъ двухъ, соединявшихся между собою камеръ, но оказавшаяся совершенно пустою. Пользуемся случаемъ исправить небольшую неточность въ наименованіи урочища, въ которомъ находился курганъ: оно должно именоваться не Кучеровы балки, какъ напечатано въ «Отчетѣ», а Кучеровы буераки, что на мѣстномъ говорѣ далеко не одно и то же.

Въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской и харьковской производилъ раскопки Н. Е. Бранденбургъ. Въ своихъ раскопкахъ въ первой изъ этихъ губерній онъ продолжалъ преслѣдовывать поставленную имъ себѣ ранѣе цѣль изысканія надъ содержаніемъ кургановъ съ каменными бабами. На этотъ разъ онъ раскопалъ два кургана въ бахмутскомъ уѣзда. Въ насыпи въ грунтѣ подъ кургана открыто было при этомъ нѣсколько могилъ различного устройства и съ различнымъ содержаніемъ, довольно при томъ бѣдныя. Въ районѣ кіевской губерніи г. Бранденбургъ раскалывалъ курганъ бл. с. Бурты каневского у. и около с. Липовцы кіевского у., при чемъ въ первомъ изъ указанныхъ пунктовъ открылъ погребеніе людей совмѣстно съ конями. На днѣ гробницы съ деревяннымъ склепомъ лежалъ женскій скелетъ, на спинѣ, головою на з.; на черепѣ его найдены остатки парчевой матеріи и небольшой конусовидный деревянный обрубокъ, у праваго бока—остатки ткани и десятокъ пронизей изъ янтаря, сердолика и бѣлой известковой массы, на правой руцѣ—бронзовое кольцо, у праваго колѣна обломокъ желѣзного ножа; рядомъ находился полный остовъ коня, и при немъ желѣзная удила и небольшое желѣзное стремя. Курганы кіенского уѣзда, раскопанные г. Бранденбургомъ, оказались весьма бѣдны содержаніемъ. Въ харьковской губерніи г. Бранденбургъ занимался раскопками въ окрестностяхъ с. Печенѣги волчанского у., привлеченный названіемъ этого села, но ограничился изслѣдованіемъ одного изъ тамошнихъ кургановъ, ко-

торый не далъ ничего новаго и оказался очень обычнымъ для всего юга Россіи.

Въ минской губерніи производилъ раскопки въ 1892 году В. З. Завитневичъ. Въ бобруйскомъ уѣздѣ, въ мѣстности, расположенной между Березиной, нижнимъ течениемъ Свислочи и Ольсы и верховьемъ Алы и входившей нѣкогда въ составъ земли дреговичей, имъ раскопано 234 кургана въ 26 могильникахъ. Обнаруженные при этомъ обряды погребенія и встрѣченные въ нихъ предметы въ общемъ оказались сходными съ тѣми, которые открыты въ области Припяти, хотя замѣчены были и нѣкоторыя мѣстныя особенности. Курганныя насыпи во вновь изслѣдованной мѣстности вообще не высоки, но здѣсь въ большемъ количествѣ встрѣчены курганы сравнительно крупныхъ размѣровъ; на основавіи новыхъ своихъ наблюденій г. Завитневичъ устанавливаетъ положительное, чѣмъ прежде, что курганы эти окружены были рвами; по его словамъ, курганы никогда не поднимаются въ высоту болѣе $1\frac{1}{2}$ сажени; имъ замѣчено также, что высокія насыпи прикрываютъ чаще мужскіе скелеты; въ нѣкоторыхъ могильникахъ замѣчается стремленіе отдѣлить мужскія погребенія отъ женскихъ, въ другихъ наблюдалось, повидимому, обычай погребенія по семьямъ, или родамъ. Господствующую формою погребального обряда является погребеніе на поверхности земли (77%), которое г. Завитневичъ признаетъ главнымъ отличительнымъ признакомъ дреговичскихъ погребеній отъ древлянскихъ; скелеты лежали чаще головою на з.; подъ многими изъ нихъ замѣчались прослойки золы—слѣды какого-то обрида, предшествовавшаго погребенію; въ ногахъ скелетовъ часто попадались небольшіе глиняные сосуды съ загнутыми краями, иногда орнаментированные; изрѣдка наблюдались слѣды деревянныхъ гробовъ, повидимому—безъ дна и безъ крыши, и не сколоченныхъ гвоздями; во многихъ могильникахъ найдены слѣды прикрывавшихъ трупы деревянныхъ гробовъ, вродѣ тѣхъ «теремковъ», какие и до сихъ поръ сохраняются въ погребальныхъ обычаяхъ мѣстнаго населенія. Вещевыя находки въ бобруйскихъ курганахъ не значительны. Онѣ состоятъ, кроме обычныхъ малыхъ височныхъ колецъ, изъ трехшинныхъ серегъ, филигранныхъ сердоликовыхъ и стеклянныхъ бусъ, медальоновъ и лунницъ, витыхъ проволочныхъ кольца и пр. Изъ новыхъ находокъ обращаютъ на себя вниманіе: подвески въ видѣ коньковъ, двѣ застежки въ видѣ якоря, височные блашки съ ушкомъ и пр.

Ізъ приношенній частныхъ лицъ и случайныхъ находокъ въ 1892 году отмѣтимъ слѣдующія: коллекція бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей изъ могильника при дер. Венжевщинѣ лідскаго у. виленской губ.;—большая раковина, бусы, бронзовое кольцо, бляшки, трубочки и колокольчики, добытые при раскопкѣ кургановъ б.-с. с. Липовцы и Шудовки, кіевскаго у., Д. И. Макаревичемъ; мѣдный котелокъ, 274 наконечника стрѣлъ, точилъный брускъ, обломокъ костяного чепенка отъ ножа, желѣзный наконечникъ коня и желѣзная шапка изъ кургана на Чертомлыцкомъ хуторѣ екатеринослав. у.; мѣдные котлы, оловянныя тарелки, желѣзные топоры, желѣзные остроги и кирки изъ с. Новоселицы чигирин. у. кіевской губ., орнаментированныя кафли изъ ямпольского у. подольской губ.; серебряныя дутыя полушарія, украшенныя выпуклыми позолоченными изображеніями животныхъ, звѣздъ и арабесковъ изъ Старобѣлька харьк. губ.; мѣдные топоры, ножи и долото изъ елисаветгр. у. херсонской губ. и старинный желѣзный топоръ, найденный въ с. Лихачевѣ козелецкаго у. черниговской губерніи.

В. Ястrebовъ.

Старинна исторія Галичини. Написавъ Омелянъ Партицкій. Томъ першій. (Видъ VII-го віку перед Христом до року 110 по Христи). У Львови 1894.

Не часто приходится имѣть дѣло съ болѣе удивительной и любопытной книгой, чѣмъ та, заглавіе которой выписано въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Да и какъ можетъ быть иначе, когда авторъ ея дѣлаетъ рядъ удивительнѣйшихъ и поразительныхъ открытій, о которыхъ мало кто и мечталъ изъ «ученыхъ» людей.

Не такъ давно сдѣлано было замѣчательное открытие, существующее, повидимому, произвести полный переворотъ въ европейской исторической наукѣ, заставить европейскихъ историковъ прибавить новую, невѣдомую имъ до того, но крупную страницу къ истории Европы. Мы говоримъ о прочитанномъ нами сообщеніи, будто была пора, когда «русская земля (Галичина временъ Осмомысла?) стояла во главѣ Европы» («на чолі Европы»). Открытие было поразительное, но, увы! оно блѣднѣеть передъ любымъ только изъ открытій, сдѣлавшихъ г. Партицкимъ, а ихъ въ книгѣ, повторяемъ, не мало.

Всѣ специалисты по русской исторіи вообще, по исторії Галичны, въ частности, начинали обыкновенно исторію Галичны съ крещенія Руси, говорить намъ г. Партицкій, а мы прибавимъ отъ себя, что, въ добавокъ, они были убѣждены и въ томъ, что слово Галичина еще болѣе позднаго происхожденія, чѣмъ время крещенія Руси. Какая грубая ошибка! Вѣдь благодаря этимъ специалистамъ мы не знаемъ и не знали до г. Партицкаго, «какова была судьба края до пришествія христіанства, какимъ былъ этотъ край за цѣлый столѣтія и тысячу летъ передъ Рюрикомъ». (Предисловіе). И это,—представьте себѣ, читатель,—въ то время, когда «старинны эти времена неизмѣримо важны и поучительны для насть»; когда «въ нихъ—возможность прослѣдить первичныя основы родной, общественной и государственной жизни Галичны и постепенное развитіе этой жизни». «Въ старинной нашей (т. е. Галицкой) исторіи, добавляетъ авторъ, мы встрѣчаемъ величественные картины, возбуждавшія удивленіе въ старинное время, и громкую славу доставили они нашему народу» (тамъ же).

И авторъ воочію доказалъ это своей книгой, своимъ только первымъ томомъ... Да и можетъ ли быть иначе? И всѣ ученые, и публика чуть не со школьной скамбы привыкли считать Грецію и грековъ такъ сказать инициаторами умственного и художественного развитія всѣхъ народовъ, населившихъ Европу, привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на творцовъ самобытной науки, мифологіи, искусства и т. д. Оказывается, что все это—горькое заблужденіе, крупная ошибка. Да, заблужденіе и ошибка! Прочтите, читатель, книгу г. Партицкаго, и всякая сомнѣнія на этотъ счетъ исчезнутъ, прекратятъ свое существованіе.

Съ легкой руки Нестора ученые, принявши на вѣру сообщеніе его, будто Илларія была «прадориной» славянъ, внесли «великій заколотъ и хаосъ въ історію славянской старини» (стр. 7). Нашъ авторъ, побѣдоносно опираясь и на классическихъ произведеніяхъ, и на твореніяхъ такихъ изслѣдователей, какъ Чертковъ, Фаминцынъ и т. п., разрушаетъ и уничтожаетъ это сообщеніе нашего лѣтописца и открываетъ вслѣдъ затѣмъ новыя, невиданныя еще перспективы для науки.

Въ земляхъ, сдѣлавшихся Галицкими, жилъ, говорить намъ авторъ, народъ, извѣстный подъ именемъ «Траковъ». То былъ великий народъ, народъ—создатель всей послѣдующей культуры европейскаго мира. И это, читатель, знаете, еще въ какихъ времена? Въ XIV в. до Р. Х. Уже тогда, доказываетъ нашъ г. II—й, они стояли «на высокомъ сте-

иени культури» (27). Орфей, вѣдь, былъ «Гракъ», учитель его «Лінъ» былъ также «Тракъ», прославившійся тѣмъ, что «утворив був для трацкого письма азбуку и написав нею кілька митольгичных праць». (стр. 24). Вѣдь и родина то Орфея была у устьевъ Дуная, въ мѣстности, «за русскихъ часовъ, за Ярослава Осмомисла», составлявшей «складову часть галицкого княжества». (стр. 24) Отъ Орфея Греки, вѣдь, говорить г. П—ій, заимствовали свою поэзію, отъ «Траковъ» же переняли они и музыку, и игру на гусляхъ, и свою музы, и свою мифологію и т. д., и т. д., ибо извѣстно, по г. П—ому, что «за приходом своимъ до Европы они, т. е. Греки, з собою мало-що принесли».

Кто же были эти «Тракі», этотъ великий народъ, создатель всей европейской культуры? Славяне, Галичане! Таково великое открытие г. П—аго! И резоны, представленные имъ, можно сказать, всесильны! Въ самомъ дѣлѣ. Извѣстно, напр., по словамъ г. П—аго, что въ старину Греки считали «траковъ» самымъ музыкальнымъ и «символюбивымъ» народомъ въ мірѣ, отдавали имъ первенство передъ всѣми народами. Но, вѣдь, извѣстно также, увѣряетъ настъ г. П—й, что и «славинъ считали самымъ музыкальнымъ и символюбивымъ народомъ» и что, въ этомъ отношеніи, они, славяне, занимаютъ первое мѣсто». А такъ какъ то, чѣмъ «сынѣ въ области и музыки, и симву, и поэзіи суть Славяне, тѣмъ были въ старину Фракійцы», то, отсюда, для г. Партицкаго ясно, что «Траки» и Славяне — одинъ и тотъ же народъ. Орфей, слѣд., также Славянинъ, и что это такъ, несомнѣнно слѣдуетъ изъ того, что память о немъ сохранилась у помаковъ — болгаръ Родонскихъ горъ въ изданныхъ Стефаномъ Верковичемъ помацзихъ вѣснахъ. Въ нихъ упоминается юнакъ Урфенъ, Орfenъ т. е., по г. П—ому, несомнѣнно Орфей.

Разумѣется, это далеко не исчерпываетъ всей аргументаціи нашего автора. Онъ даетъ намъ еще цѣлый длинный рядъ столь же убѣдительныхъ доказательствъ безспорности своего положенія.

У «траковъ», говорить почтенный авторъ, былъ обычай, что жены умерщвляли себя на могилахъ мужей; но подобный же обычай существовалъ и у славянъ (стр. 15 — 16). Даѣще. «Таки либо покупали женъ, либо брали ихъ на выставкѣ, куда родители выводили дочерей своихъ; но и у славянъ было тоже» (стр. 17 — 18). Похороны у «траковъ» совершались такъ: въ теченіе 3 дней по смерти выставляютъ трупъ, убиваютъ по этому случаю животныхъ всякаго рода, справляютъ «бенкеты», затѣмъ хоронятъ либо на столбѣ, либо въ землю, насыпая высокую могилу и тутъ же устраивая военные игрища; но — у скіевовъ, гунновъ, т. е.

славянъ по г. II—ому, какъ и у славянъ, все это равнымъ образомъ было въ обычай (19—24). Далѣе—страки славились, какъ храбрѣйшій и справедливѣйшій народъ; но—скиевъ называлъ такими же Страбонъ, гунновъ—Прискъ, а славянъ—Прокопій (стр. 29—31). «Траки» продавали дѣтей,—но и бойки въ Галичинѣ до нынѣ дѣлаются тоже (32). У «траковъ» было въ обычай клеймленіе тѣла,—но тоже было, по словамъ П—аго, какъ и существуетъ и теперь еще, у французовъ, иѣнцевъ; оно было въ обыкновеніи у яподовъ, иллировъ. Значить, вѣроятно, и у славянъ, г. II—кій? Наконецъ, и виѣшній видъ «траковъ» и славянъ, по сообщенію г. II—аго, одинъ и тотъ же. Да и возможна ли здѣсь хотя бы тѣль сомнѣнія? «Траки» и виѣшнімъ видомъ, и окраской тѣла, и волосъ, и глазъ отличались отъ всѣхъ народовъ. Аристотель говоритъ о нихъ, что у нихъ волоса мягкие и гладкие и, видимо, по мнѣнію г. II—аго, приписывается имъ бѣлое тѣло и голубые глаза. Правда, добавляетъ г. II—ій, свидѣтельства о цвѣтѣ тѣла, волосъ и глазъ у «траковъ» можно примѣнить и къ древнимъ кельтамъ, и къ древнимъ германцамъ. Но, по г. II—ому, несомнѣнно, что и кельты и германцы выступаютъ въ исторіи отдельно отъ «траковъ» и на совершенно вныхъ мѣстахъ. Ясно, что указанные у «траковъ» примѣты не могутъ относиться ни къ кому другому, кроме славянъ, ибо, утверждаетъ г. II—ій, Гиппократъ говоритъ о скіеахъ, что у нихъ бѣлое тѣло, становящееся отъ холода красноватымъ, Климентъ Александрийскій, что у нихъ длинные волосы, Прокопій же, что у славянъ тѣло не особенно бѣлое, волосы не очень свѣтлые, хотя и не черные, а Абу-Мансуръ, что у славянъ красноватое тѣло, а волосы русые (стр. 33—4, текстуально).

Требуется развѣ, читатель, болѣе сильныхъ аргументовъ? Но г. II—ій даетъ и ихъ. Не только мифологія «траковъ» является мифологіей и славянъ, но и большая часть греческой мифологіи—занимствованна греками у «траковъ». Блескъ аргументаціи у г. II—аго въ этомъ отношеніи, какъ это ни мало вѣроятно, превосходитъ блескъ аргументовъ, приведенныхъ выше. «Траки» были монотеисты и верили въ бессмертіе души,—славяне тоже (36—37). Богъ Аресъ у «траковъ» вмѣстѣ съ двумя другими богами, былъ главнѣйшимъ божествомъ: но онъ былъ такимъ же божествомъ и у славянъ. Это славянскій—Яръ, Ярый, Ярунъ, Яровитъ, а у скіеовъ и гунновъ, т. е. славянъ же, Аресъ. Греки переняли бога этого отъ «траковъ» и отсюда и название ареонаага. Это—богъ войны. Далѣе идетъ Діонисій, опять богъ «траковъ», но назывался онъ Сабадій. А что же такое «Сабадій»? «И

не филологъ, торжественно заявляетъ г. II—й, легко отгадаетъ, что слово это есть славянское слово *свобода*. У русиновъ, прибавляетъ онъ, поюса пѣсни въ честь *Сабадія*, и называются они *сабадашкими* (51—52). Обрядъ купального огня стоитъ въ связи съ этимъ, ибо у нѣкоторыхъ славянъ его называютъ «*собиткою*» (52). Отсюда, «Дива» славянская есть не иное что, какъ также богъ Діонисій, служителъ второго назывались бесами, т. е., по г. II—ому, просто «*бісами*» (49). Еще одинъ богъ «*траковъ*» Аполлонъ, тоже, какъ съ необыкновенною «ученостью» доказываетъ г. II—й, заимствованный потомъ у фракійцевъ греками, есть не иной кто, какъ славянскій Бѣлъ-богъ, ибо въ надписяхъ значится Apollo Belenus или Belinus, а эти послѣднія названія равны Бѣлъ-богу или бѣлорусскому Бѣлуну. И это объясненіе даетъ г. II—ому ключъ къ решенію вопроса и о... о чёмъ бы вы думали, читатель, о челасгахъ. Къ названію Пельо (Бѣлъ) отношу я, пишетъ г. II—й, и название челасги». (66). А то были, по г. II—му, просто фракійцы, поклонявшіеся Аполлону. Да и Целопонесъ оказывается того же славянскаго происхожденія, ибо «нес» позднѣйшая греческая вставка, а старое название было Пельопія. Софокль называлъ Целопонесъ—Апія, т. е. по просту богиня Апія, богиня скіевъ Подолія и Украины. Культъ Пеля царилъ въ Пелопонесѣ, а отъ культа край названъ Пел-апія, Пель-опія, что «на нашемъ языке значитъ «Біла (Білбожа) земля» (62, текстуально). А, вѣдь, торжественно сообщаетъ г. II—й, земля русская называлась Дажбожою землею, русины называли себя (по слову о полку Игоревомъ) «внуками Дажбога». Развѣ, замѣчаетъ г. II—й, не ясна «то жесть и непрерывная связь религіозныхъ понятій у старинныхъ фракійцевъ и у нынѣшихъ славянъ». (63).

Слѣдуетъ ли прибавлять намъ, что г. II—й доказалъ, что мать Аполлона называли Лето, что сначитъ наше лѣто (64), что Афродита, олицѣ не греческая, а фракійская богиня, есть не иной кто, какъ Леда, а Артеміада (греческаго происхожденія) славянская Диана или лужицкая «Дивица». и т. д., и т. д.

Но нельзя не привести открытия, сдѣланнаго г. II—мъ, открытия, являющагося вѣнцомъ всего построенного имъ зданія. Что есть «Тракъ», спрашивается онъ. Ихъ называли нѣкоторые «ученые» «дѣакъ», считая это название болѣе вѣрнымъ. Иначе думаетъ г. II—й. Греческое Тракъ (*Θραکι*)—славянское слово. Р смыкается буквою *L*, греческая Θ—славянскимъ Ч. Другими словами пало читать такъ:

Члакъ. Но, далѣе, побѣдоносно сообщаетъ г. II—й, а+і замѣняется е, отсюда членъ=человѣкъ=«траку», фракійцу.

Но не довольно ли, читатель! И съ подобной аргументацией рѣшаются съ необычайною легкостью самые трудные, самые запутанные вопросы! Авторъ не знакомъ ни въ малѣйшей степени съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается въ области сравнительной мифологіи, сравнительного языкоznанія, сравнительного права и т. д.; ему чуждо малѣйшее представление о томъ, что такое сравнительный методъ, какъ примѣнить его. Ему, видимо, неизвѣстно, что обряды разнаго рода, похоронные, какъ и брачные и т. д., совершенно такие же, какъ и у фракійцевъ, существовали и существуютъ у самыхъ разнородныхъ народовъ, племенъ и тихаго океана, и Африки, и Америки; что вслѣдствіе такого сходства между ними съ неменьшою убѣдительностью можно было бы доказать, что фракійцы и жители Полинезіи, напр., настолько же одниъ и тотъ же народъ, какъ однимъ и тѣмъ же народомъ являются, по мнѣнію. г. II—аго, фракійцы и славяне.

Съ такими орудіями учености, какими пользовался г. II—й, можно написать десятки томовъ, создать еще болѣе удивительныя открытия, способный затмить открытия, уже сдѣянныя въ томъ же родѣ и по тому же методу, и лишь наводнить книжный рынокъ печатной бумагой.

Фра Моріель.

Труды съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ 18^{15—18}_{VI} 94. (Каменецъ-Подольскій. 1894). Стр. 137.

Въ подольской губерніи дѣйствуетъ нынѣ 45 сахарныхъ заводовъ, т. е. почти 25% общаго числа заводовъ въ имперіи. Подавляющее большинство подольскихъ заводовъ спускаютъ свои отработанные воды въ общественный водовѣстилица (рѣки, рѣчки, пруды и т. д.) безъ всякой предварительной очистки. Антисанитарное состояніе этихъ заводовъ установлено уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, вопросъ объ упорядоченіи этого дѣла возникъ неоднократно, но, къ сожалѣнію, отечественное законодательство представляетъ въ этомъ отношеніи столь значительный пробѣлъ, что всѣ попытки огра-

дить интересы народного здоровья отъ вреднаго влиянія заводскіхъ нечистотныхъ водъ и отбросовъ не имѣли почти никакого усилѣха.

Съездъ подольскихъ сахароваровъ состоялся въ Каменецъ-Подольскѣ 15—18 іюня 1894 года по приглашенію мѣстной администраціи. Близайшему цѣлью было установить наилучшіе способы обезвреживанія заводскіхъ отбросовъ и достичь принятія каждымъ изъ заводовъ добровольнаго обязательства ввести у себя тотъ способъ, который будетъ признанъ лучшимъ и болѣе удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Настоящая брошюра заключаетъ подробный протоколъ совѣща-
ній, заключенія коммиссіи по разсмотрѣнію требованій, какія можно
было предъявить къ отдѣльнымъ заводамъ, и нѣкоторые другіе до-
кументы офиціального характера. Не входя въ подробности техни-
ческаго свойства¹⁾, отмѣтимъ лишь, что съездъ призналъ необходи-
мы остановиться на способѣ очистки заводскіхъ сточныхъ водъ
посредствомъ спуска ихъ на поля орошенія. Три завода согласились
перейти къ этому способу еще въ текущемъ году, пять—до начала
будущаго периода сахароваренія 189^{5/6} гг., восемнадцать—подъ усло-
віемъ нѣкоторой отсрочки для техническихъ изысканій. Такъ какъ
нѣкоторые изъ этихъ заводовъ не имѣютъ удобной земли для устрой-
ства полей орошенія и затруднены въ покупкѣ или арендѣ необхо-
димыхъ участковъ, то съездъ постановилъ ходатайствовать предъ
правительствомъ объ установленіи для такихъ заводовъ права обя-
зательнаго (т. е. принудительнаго, по терминології закона) отчужде-
нія требуемаго количества земли. Представители остальныхъ шест-
надцати заводовъ не примкнули къ соглашенію, и особая коммиссія
выработала для каждого завода особыя требованія, которыя създомъ
признаны для нихъ обязательными къ выполненію до начала буду-
щаго производства въ 189^{6/7} гг. Наконецъ, три завода не прислали
представителей на съездъ.

Въ настоящее время затруднительно входить въ оценку дости-
гнутыхъ създомъ практическихъ результатовъ: опытъ покажетъ, бу-
дуть ли выполнены условія добровольнаго соглашенія. Нельзя при
этомъ не указать, что вопросъ объ упорядоченіи заводскаго дѣла въ
санитарномъ отношеніи разрабатывается въ центральныхъ учрежде-
ніяхъ съ шестидесятыхъ годовъ, но и въ настоящее время вопросъ

¹⁾ Съ вими можно ознакомиться по книгѣ д-ра К. П. Сулимы: „Сточные воды
свекло-сахарныхъ заводовъ и мѣры къ обезвреженію ихъ“, изданий въ 1894 году.

этотъ еще ожидаетъ законодательного разрешенія. Мѣстныя комисіі (напр., киевская и харьковская) работали еще въ 1880 г. и привели къ весьма рѣшительнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ «но все, какъ оказывается, осталось по прежнему, и ничего, или почти ничего, заводы не восприняли изъ работъ комисій» (стр. 17). Безспорно, вполнѣ вѣрно заключеніе докладчика подольского съѣзда: «та масса жалобъ со стороны частныхъ лицъ даже цѣлыхъ обществъ, тѣ кипы и томы возникающихъ по этимъ жалобамъ дѣлъ какъ въ административныхъ, такъ и судебныхъ учрежденіяхъ, тѣ съѣзы и комисіі, созываемые для упорядоченія этого дѣла, не только по почину мѣстныхъ административныхъ властей, но и по порученію высшаго правительства, не свидѣтельствуютъ-ли о серьезномъ государственномъ значеніи этого вопроса вообще, а въ частности о томъ, что вопросъ этотъ не могъ возникнуть на почвѣ лишь сомнительныхъ и неосновательныхъ претензій?» (стр. 29). Но должно замѣтить, что представителями нѣкоторыхъ заводовъ были заявлены на съѣздѣ мнѣнія, радикально отвергающія необходимость и пользу правительственного вмѣшательства въ это дѣло. «Никто и ничѣмъ не докажетъ теперь, чтобы эпидемія (холера) развивалась сильнѣе въ мѣстностяхъ, лежащихъ по берегахъ рѣкъ ниже спуска въ нихъ отработанныхъ водъ изъ сахарныхъ заводовъ» (стр. 38). Отъ заводовладѣльцевъ потребуется громадныя затраты «безъ достижениія какой-либо особенной общей пользы». Особыхъ мѣръ по отношенію къ заводамъ не требуется, такъ какъ «попытка» правительства и труды авторитетовъ науки не привели къ положительнымъ результатамъ. «Подольская губернія имѣеть 45 сахарныхъ заводовъ, а въ смежной съ нею губерніи киевской ихъ 66, но и тамъ пока считаются, вѣроятно, преждевременнымъ придавать вопросу о загрязненіи заводскими сточными водами общественныхъ водовмѣстилищъ особую важность»¹⁾). Лучше всего отложить вопросъ до того времени, пока онъ не будетъ вы-

¹⁾ Очевидимъ, что эта справка невѣрна: киевскимъ съѣздомъ врачей выработанъ проектъ обязательного постановленія для фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ и свекло-сахарныхъ, для которыхъ именно и признана необходимость въ устройствѣ полей орошенія, установлена порадокъ удаленія твердыхъ отбросовъ и т. п. См. Труды первого съѣзда врачей киевской губерніи, происходившаго въ Кіевѣ въ 1893 году (Кіевъ, 1894), стр. 91 и сл. Съѣздомъ предположено не дозволять заводамъ производства, пока всѣ замѣченные въ нихъ недостатки въ санитарномъ отношеніи не будутъ устранены. Повидимому, труды киевского съѣзда врачей еще не были известны подольскому съѣзду сахароваровъ.

яснеиъ вполнѣ определеннымъ образомъ», а пока слѣдуетъ все предоставить частной инициативѣ заводовладѣльцевъ. Многими заводами кое-что уже достигнуто въ этомъ направленіи, «а многое, вѣроятно, еще и достигнется; въ концѣ же концовъ, Богъ дастъ, мы найдемъ, вѣроятно, какой-нибудь дѣйствительный способъ къ ослабленію указываемаго намъ зла». Необходимо «не убивать частной инициативы какими-либо постановленіями теоретического характера»; вѣдь и Зап. Европа еще не успѣла разрѣшить этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительно. Благодаря предначертанію правительства, при искреннемъ сочувствіи заводовладѣльцевъ, «едва-ли могутъ достичь желаемыхъ результатовъ уже по той простой причинѣ, что у насъ, къ сожалѣнію, далеко еще не развилось сознаніе общественной пользы». Если даже заводы и перестанутъ засорять рѣки и пруды, то засорять крестьяне. Поэтому лучше всего «представить самимъ заводамъ сдѣлать все, что ихъ не стѣснить и окажется для нихъ возможнымъ», и т. д., и т. д. (стр. 39—44).

Нѣть сомнѣнія, что для будущаго историка нашего края настоящая брошюра, посвященная вопросу чисто практическому, дастъ драгоценный материалъ. Будемъ надѣяться, что дѣйствительные результаты решеній съѣзда будутъ своевременно опубликованы.

Н. М.

Труды первого съѣзда врачей Кіевской губерніи, происходившаго съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ въ г. Кіевѣ въ 1893 г. (Кіевъ, 1894). Стр. 163.

Съѣздъ происходилъ съ 26 апрѣля по 2 мая 1893 г., въ составѣ 48 врачей Кіевской губерніи подъ предсѣдательствомъ врачебнаго инспектора. Задача заключалась въ «выработкѣ подробнаго плана борьбы съ могущею вновь возникнуть «холерною эпидеміею», (которая, дѣйствительно, и возникла въ 1893 и 1894 г.г.).

Излишне доказывать всю пользу и цѣлесообразность подобныхъ съѣздовъ. Свободная критика сдѣланнаго ранѣе, нестѣсняемое обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ народнаго здравья лицами, практически знакомыми съ дѣломъ и такъ или иначе заинтересованными въ лучшей его постановкѣ, признаны необходимыми мѣстною губернскою администрациєю. Нельзя не порадоваться, что благодаря изданію подробнаго и толково составленнаго протокола бывшихъ на съѣздѣ со-

вѣщаній общество имѣеть возможность ознакомиться не только съ тѣмъ, какъ организовано дѣло на практикѣ, но и съ ріа desideria людей науки и практическихъ врачей. Въ данномъ случаѣ сужденія съѣзда, конечно, строго ограничивались предѣлами поставленной ему задачи, но самая задача эта до такой степени сложна, что врачамъ неизбѣжно пришлось частью затронуть и вопросы общехозяйственные и даже законодательные, въ смыслѣ выработки необходимыхъ измѣненій для успѣха борьбы съ эпидеміею.

Въ предѣлахъ журнальной замѣтки трудно съ должнымъ вниманіемъ отмѣтить всѣ существенные результаты работъ съѣзда. Конечно, прежде всего былъ подробно обсужденъ вопросъ о недостаткахъ существовавшей въ 1892 г. организаціи для борьбы съ холерою и мѣры къ ихъ устраниенію. Недостаточность врачебно санитарного персонала, незначительность средствъ, которыми располагаетъ мѣстная администрація для оказанія серьезной помощи населенію, слабость общественного содѣйствія усилиямъ властей—все это не ново, но съѣздъ, не ограничиваясь признаніемъ этихъ несовершенствъ нашей жизни, постарался выработать основанія для лучшей постановки дѣла. Затѣмъ обсуждены и разрѣшены разнообразные связанные съ этимъ вопросы, изъ которыхъ отмѣтимъ главнѣйшіе: мѣры къ обезпеченію населенія доброкачественною водою; установленіе врачебно-санитарнаго надзора въ мѣстахъ скопленія и значительного передвиженія рабочихъ и, въ частности, значеніе для развитія холеры наплыва богомольцевъ въ Киевъ; опредѣленіе размѣра необходимаго медицинскаго и санитарного персонала; значеніе и организація летучихъ санитарныхъ отрядовъ; предварительная подготовка санитарныхъ служителей; необходимость учрежденія особыхъ санитарныхъ врачей въ уѣздахъ; значеніе санитарныхъ попечителей; способы дезинфекціи и лечения холеры; учрежденіе столовыхъ и чайныхъ въ мѣстностяхъ, пораженныхъ холерою; регистрація заболѣваемости и смертности и т. д. Особый интересъ представляетъ выработанный съѣздомъ проектъ обязательныхъ постановленій по санитарно-врачебной части для уѣзденыхъ городовъ, гдѣ не выяснено городовое положеніе, для сель и деревень, фабрикъ и заводовъ (стр. 78—102). Безъ сомнѣнія, не всѣ проектированныя съѣздомъ мѣры войдутъ въ жизнь, такъ какъ выполненіе ихъ частью зависитъ отъ центрального законодательства, но уже самая постановка нѣкоторыхъ наиболѣвшихъ вопросовъ по санитарной части и точное формулированіе того, что признается же-

лательнымъ мѣстными врачами, составляютъ безспорную заслугу съѣзда. Какъ известно, нерѣдко самыя важныя иѣропріятія по народному здравію разрабатываются путемъ канцелярскимъ, безъ дѣйствительнаго ознакомленія съ условіями и подробностями народнаго быта. Оттого великое множество самыхъ добронамѣренныхъ предначертаній фатально осуждены на полное бесплѣе. Съѣздъ 1893 года отнесся къ своей скромной задачѣ при освѣщеніи житейскаго опыта, съ вниманіемъ къ мужамъ и темнотѣ народной массы, и мы видимъ, что будущій историкъ нашего края отмѣтитъ созваніе съѣзда, какъ дѣйствительную заслугу претъ обществомъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о помѣщенномъ предъ протоколами статистическомъ очеркѣ холерной эпидеміи въ киевской губерніи съ 1830 по 1892 г. включительно. По сводкѣ приведенныхъ въ очеркѣ цифръ оказывается, что въ теченіе 12 холерныхъ годовъ заболѣло 249.595 чел., умерло 55.948 чел., т. е. около 22%. Судя по даннымъ послѣднихъ лѣтъ, было-бы крайне удивительно, если-бы эти исчисленія признавались вѣрными уже приблизительно. Сколько-нибудь правильная регистрація заболѣваній и смертности есть дѣло послѣдняго времени; что же касается сѣдой старины 30-хъ и т. д. годовъ, то къ статистическимъ показаніямъ этого періода можно отнести лишь съ улыбкою. Во всякомъ случаѣ, не подлежить сомнѣнію, что наиболѣе жестоко свирѣпствовала эпидемія въ 1848 и 1872 гг. (150.982 забол. и 56.708 ум.), что холера обнаружила энергическую наклонность къ повторенію въ слѣдующемъ году, усиливаясь въ концѣ лѣта и осенью и иногда оставаясь и на зимніе мѣсяцы. Для г. Киева весьма вѣроятна связь между появлениемъ или усиленіемъ холеры и наплытомъ богомольцевъ, особенно къ 15 августа (стр. 14).

Въ 1872 году заболѣло холерою 11.778 чел., умерло 4.485 или 38%, и кромѣ того въ г. Киевѣ было 1.940 забол. и 659 ум. (34%). Всѣхъ пораженныхъ эпидеміею населенныхъ мѣстностей было: 9 городовъ (изъ 12), 65 мѣстечекъ (изъ 113) и 469 селеній и т. п. (изъ 2.835).

Н. М.

**Очерки исторії литовско-руssкаго права. Образованіе террито-
ріи литовскаго государства. Ф. И. Леонтовича, заслуженнаго
профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Спб.**

1894 г. Стр. 392.

Трудъ г. Леонтовича печатался сначала въ «Жур. М-ва Нар. Просв.» въ 1893—94 г. и носитъ компилятивный характеръ по преимуществу: авторъ пользовался, главнымъ образомъ, трудами В. Б. Антоновича, Прохаски, Барбашева и др. Книга снабжена обильными библіографическими указаніями по отдельнымъ вопросамъ, въ общемъ, небезполезными, но несогда, какъ уже указала критика, идущими къ дѣлу.

Авторъ интересуется литовскимъ государствомъ въ виду его особаго значенія въ области исторіи русскаго права. «Литовское государство, говоритъ онъ, обнимало собою... территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды). Институты эти строго хранились въ значеніи мѣстной «правды» русскихъ земель и послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ являлись въ XV и XVI столѣтіяхъ кореннымъ основами литовскихъ земскихъ уставовъ, судебнаго, статутовъ и др.» (стр. 3). На такое значеніе литовско-руssкаго права было уже указано въ 1860-хъ годахъ и съ того времени ему посвящено не мало трудовъ, но разработка его все же далеко не достигла желательной и необходимой полноты. Затрудненія къ этому заключаются въ самомъ предметѣ изслѣдованія, такъ какъ «право литовской Руси стоитъ на рубежѣ русскаго и западно-европейскаго права, представляетъ, особенно въ позднѣйшія эпохи своего развитія, такую пеструю амальгаму началъ права русскаго, литовскаго, польскаго, что необходимы долговременные усилия со стороны историковъ и юристовъ для того, чтобы путемъ кропотливой, детальной разработки отдельныхъ вопросовъ можно было разобраться во всей настройкѣ и разнообразіи началъ, на почвѣ которыхъ развивалось литовско-руssкое право». (стр. 4). Избирая на первый разъ «вопросъ объ образованіи террито-ріи литовско-руssкаго государства и о главнейшихъ формахъ территоріальныхъ союзовъ, изъ которыхъ сложилось это государство», Ф. И. Леонтовичъ имѣеть цѣлью «въ одно мѣсто свести то, что сдѣлано по этому вопросу въ трудахъ

русскихъ и польскихъ историковъ и, по возможности, провѣрить избранный вопросъ документальными данными и по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ позѣйшее время» (стр. 6). Въ этихъ скромныхъ рамкахъ трудъ г. Леонтовича несомнѣнно очень полезенъ для всякаго, чтобы захотѣлъ хоть нѣсколько ориентироваться въ трудныхъ и запутанныхъ вопросахъ литовско-руssкаго права.

Авторъ начинаетъ съ «общаго обзора образованія терраторіи литовскаго государства» (стр. 13—36). Литовско-руssкое государство образовалось изъ двухъ племенныхъ элементовъ, литовскаго и русскаго, различавшихся между собой какъ въ этнографическомъ, такъ въ религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Начало государству положило инородческое племя литовцы, къ которымъ вслѣдствіи примкнули русскія области. Ф. И. Леонтовичъ рѣшительно высказывается противъ утвержденія, что русскія области быди завоеваны Литвой. «О завоеваніяхъ, говоритъ онъ, можетъ быть рѣчь въ начальную пору этого процесса (образованія терраторіи лит.-руss. государства), при первыхъ литовскихъ вождяхъ, да въ концѣ этого процесса, при Витовтѣ. Прибѣгать къ завоеваніямъ не было никакой надобности тамъ, гдѣ гнетущія бытвъя условия старого времени, *volens-nolens*, должны были заставлять русскія земли и русскихъ князей вступать въ союзъ, а затѣмъ и добровольно подчиняться власти смѣлыхъ и энергичныхъ литовскихъ вождей» (стр. 29). Внутреннее объединеніе терраторіи начинается съ Витовта и завершается лишь въ началѣ шестого десятилѣтія XVI вѣка, причемъ литовское единодержавіе никогда не достигало того значенія, какъ единодержавіе московское: въ Литвѣ удѣлы присоединялись по праву выморочности, и только при явномъ стремленіи князя отдалиться отъ государства его принуждали силой (стр. 31).

Послѣ общаго обзора образованія терраторіи литовско-руssкаго государства идетъ разборъ «терраторіального состава Литвы» (стр. 36—69), а затѣмъ «терраторіальный составъ русскихъ областей литовскаго государства» (69—73). Авторъ знакомить здѣсь съ russkimi племенами, вошедшими въ составъ литовскаго государства, началами ихъ земской организаціи (стр. 70), стремленіемъ ихъ къ терраторіальному объединенію, наконецъ, съ присоединеніемъ ихъ къ Литвѣ (стр. 72—73). Послѣ этого дѣлается обзоръ отдѣльныхъ русскихъ земель,

сообщается ихъ территоріальный составъ, административное дѣление и свѣдѣнія по управлению отдельными землями. Обзоръ земель идетъ въ такомъ порядке: Кривичская земля (стр. 73—121); литовское Полѣсье (прежняя земля драговичей) (стр. 121—150); Сѣверская земля (Сѣверщина) (151—182); Киевская земля (182—202), Волынская земля (202—347) и, наконецъ, земля Подольская (347—393). При обзорѣ этихъ земель авторъ старается также указать на географическое положение, этнографический составъ населения и др. Противъ мнѣній, высказываемыхъ другими учеными, онъ нерѣдко полемизируетъ или же подкрѣпляетъ ихъ новыми соображеніями, какъ напр., въ спорномъ вопросѣ о запустѣніи южной Руси послѣ татарскаго нашествія Ф. И. Леонтовичъ присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что запустѣніе это является не чѣмъ инымъ, какъ только «историческимъ миражемъ», (по выражению проф. Антоновича) (стр. 169 прим. 3).

Н. В.

М. К. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управлении въ Литовско-русскомъ государствѣ (Жур. М-ва Нар. Просв. 1894 г. августъ стр. 348—394.

Трудъ проф. Ф. И. Леонтовича «Очерки исторіи Литовско-русско-го права», о которымъ была рѣчь выше, вызвалъ обстоятельную критику со стороны М. К. Любавскаго, выпустившаго не такъ давно обширный трудъ по литовско-русской исторіи «Областное дѣление и мѣстное управление Литовско-Русского государства во времени изданія первого литовскаго статута» (М. 1893 г.). Многія замѣ-чанія и поправки г. Любавскаго относительно труда г. Леонтовича безусловно справедливы. Г. Леонтовичъ, дѣйствительно, увлекся частностями, въ которыхъ и потонула его главная цѣль, «и тер-риторія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственного права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣ-щеніи». (350 стр.). Г. Любавскій слѣдуетъ по пятамъ за проф. Ф. И. Леонтовичемъ, стараясь показать многія фактическія невѣрности въ труда послѣдняго; полемизируетъ г. Любавскій и противъ многихъ мнѣній и заключеній г. Леонтовича относительно образованія литов-

скаго государства, паденія удѣльной системы и пр. (стр. 377 и проч.). Заключеніе критика о трудах г. Леонтовича неблагопріятно: «на мой взглядъ, говорить онъ, книга г. Леонтовича нисколько не увеличила свѣдѣній и не усовершенствовала представлений о Литовской Руси» (стр. 394).

Н. В.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНИЯ

IV-я
годъ
изданія

МІРЪ БОЖІЙ.

IV-я
годъ
изданія

ВЫХОДИТЬ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

ВЪ РАЗМѢРѢ 18—20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журна «Міръ Божій»— давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ— 1) оригинальныхъ и переводныхъ беллестристическихъ произведений, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знаній; 3) критическихъ и библіографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событияхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣеться, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читалелей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образование, редакція заботиться о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движениемъ современной мысли, а съ другой—пріобрѣтать систематическія званія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-ій году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же программѣ, при чёмъ для напечатанія преоролагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ Д. Мамина Сибиряка; «Исторія одной жизни», повѣсть К. Станюковича; «Изъ прошлаго», повѣсть А. Лугового;

«Князь и кметы», исторический роман Крашевского; «Таинственная история», роман Оноре Бальзака; «Процессы оплодотворения въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. И. Бородина; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. Н. Холодковского; «Мозгъ и мысль», проф. Челпанова; «Неорганический міръ» (пъ рисунками), очерки В. Агафонова «Основы психологіи» съ франц. подъ ред. проф. Г. Челпанова; «Исторія новилизації до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), Дюкудрэ, перев. подъ ред. Д. Коропчевского; «Очерки русской культуры» проф. Н. Милюкова; «Біографія Ив. Серг. Тургенева» (съ илл. портрет.), Ив. Иванова; «Изъ исторіи прессы» А. Слѣпцова; «Маркъ-Аврелій», очеркъ И. Красноперова; «Добрые обычай и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), Ф. Щербины; «Очерки народного труда», Н. Мурашкина.

Подписанная цѣна: съ доставкой и пересылкой—7 р., безъ доставки—6 руб., заграницу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербурге: въ главной конторѣ и редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссию и пересылку денегъ 5% съ каждого экземпляра

Изд. А. Давыдова.

Ред. В. Острогорскій.

Имѣются годовые экземпляры 1894 и 1893 года, за 1892 годъ всѣ экземпляры израсходованы.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремлениі ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, вачинавія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованныаго отечества—вотъ тотъ матріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы

Освѣщаая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемирный исторический опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и вѣтшай политики, была органомъ, цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ 23 ноября печатанія «Русской Жизни» въ свою типографію размѣръ газеты увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1895 года со дня получения въ Главной Контроль подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку раньше 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостиинаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ училищега, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ—при книжн. магазинѣ П. И. Макушкина.

Редакторъ-Издатель *A. Пороховщикова*

3—3

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛІТЕРАТУРНО ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1895 ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.
ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарную промышленность, лѣсоводство и пр.

- 2) Телеграммы внутреннія и заграницыя, причемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
 - 3) Корреспонденція внутреннія и заграницыя.
 - 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
 - 5) Повѣсти, рассказы и романы.
 - 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фезъетонъ).
 - 7) Обозрѣніе русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
 - 8) Критика литературная, художественная и театральная.
 - 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Киева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
 - 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и вѣщи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, парходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.
- Подписная цѣна на «Кievskoe Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ **10 р.**, на 6 м.—**6 р.**, на 3 м.—**4 р.**, на 1 м.—**1 р. 50 к.**; безъ доставки и пересылки—на годъ—**8 р.**, на 6 м.—**5 р.**, на 3 м.—**3 р.**, на 1 м.—**1 р.** Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ **5 р.** и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые **5 р.**, безъ доставки въ тѣ же сроки по **4 р.** Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по **60 к.** за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иного городнаго адреса—**20 к.**

Подписка и объявленія принимаются въ Киевѣ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, на Большой Владимірской, д. № 35, А. Я. Антоновича, 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: Л. Идзиковскаго. Б. В. Корейво и Н. Оглоблина.

Гг. иного городахъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кievskago Слова», Большая Владимірская доль № 35.

Редакторъ-издатель *B. M. Бойдановъ*

3-3

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)**

НА ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛІТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Постоянныи отдељи журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти разсказы, очерки, стихотворенія и т. д.). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныи науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныи, музыкальныи, художественныи и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешественія. 6) Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ деятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы: 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранные обозрѣніе. 13) Иностранные корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдељъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразиемъ и полнотой. Пріобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Александровыхъ, Ю. Ф. Самарина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, Е. Н. Леонтьева, А. Ф. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. Н. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—3 руб., 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 25 коп. Съ пересылкой за границу—18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и вицшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственные и общественные учрежденія въъ вѣдомствахъ, полковыя библіотеки, военные собранія, а равно и лица состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 и. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція «Русскаго Обозрѣнія» (уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спириданова).

Редакторъ-Издатель *Анатолій Александровъ.*

3—3

„ЖУРНАЛЪ МІНІСТЕРСТВА ЮСТИЦІЇ“

ВЫХОДИТЬ ежемѣсячно, за исключениемъ Іюля и Августа, кни-
гами около 15 листовъ. Первая книга выйдетъ въ Нобрѣ
мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписанная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.
Отдѣльные книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются
разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была
произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждого года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно Въ Главной
конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы
вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ
каждаго года.

Студенты Университетовъ и Демидовскаго Юридического лицея,
Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александров-
скаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платить по
5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ,
Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журнале» принимаются въ Глав-
ной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 руб-
лей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиції, С.-Петербургъ, Екате-
рининская улица, зданіе Министерства Юстиції. Рукописи должны быт
направляемы въ редакцію. Причитающійся гонораръ можетъ быть высы-
паемъ иногороднимъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиції учрежденной,

Профессоръ *H. Сергеевскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Въ 1894 г. въ «Сѣв. Вѣсти.» было напечатано: «Зарница», пов. В. Микуличъ (автора «Мимочки»). «Неизлечимые», пов. П. Боборыкина. «На разныхъ дорогахъ». ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершенное лѣтіе» и Татьянинъ день», разск. гр. Л. Л. Толстого. «Лушка», разск. Е. Лѣтковой. «Въ странѣ пирамидъ», разсказы Д. Мордовцева. «Женская жизнь» пов. М. Крестовской. «Утраты», разск. А. Стернъ. «Тайна рѣки» пов. Ф. Нефедова. «Чиновничьи клавикорды», быль Н. Трахимовскаго. «Гомочка», пов. В. Дмитревой. Статьи: «Рознь между художниками» В. Стасова. «Новые союзы въ Европѣ» гр. Л. Камаровскаго. «Типы преступниковъ» проф. Ю. Петри. «Воспоминанія о Ш. И. Чайковскомъ» Г. Лароша. «Дѣя славянскія повѣсти» П. Боборыкина. «Первый Публицистъ въ Европѣ» проф. А. Шепелевича. «Встрѣчи» Ник. Ге. «Земское страхование» И. Вернера. «Сельскія библиотеки» В. Вахтерова. «Тургеневъ и Толстой» проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. «О себязлобіи, какъ двигатель общественной жизни» проф. А. Исаева. «Принципъ свободы въ царствѣ животныхъ» проф. Н. Вагнера; «Связка писемъ Герцена», Е. Некрасовъ. «Жоржъ Зандъ» П. Вейберга. «Въ Палестинѣ» очерки Б. Корженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (125—45 гг.). Бесѣды государя Николая I, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Амеля», пер. гр. М. Толстой, подъ ред. и съ предисловиемъ гр. Льва Толстого. «Семейство Поланецкихъ», ром. Г. Сенкевича. «Современная Ніобея», ром. Іонаса Ли. «Торжество смерти», Г. д'Аннуціо и многое другое.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и библіографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Италии, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись Л. Полонскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературные замѣтки. А. Вольнскаго.

Условія подписки на 1894 г. По полугодіямъ По четвертамъ года

Безъ доставки въ Сиб. На годъ.	Январь. Июль. Январь. Апрѣль. Июль. Окт.
въ конторы журнала.	12 р.—к. 6 р.—к. 6 р.—к. 3 р.—к. 3 р.—к. 3 р.—к.
Съ доставкой въ Сиб. .	12 „ 50 „ 6 „ 50 „ 6 „ — „ 3 „ 50 „ 3 „ — „ 3 „ — „ 3 „
Съ перес. въ Импері. .	13 „ 60 „ 7 „ — „ 6 „ 50 „ 3 „ 50 „ 3 „ 50 „ 3 „ 50 „ 3 „
Заграницей	16 „ — „ 8 „ — „ 7 „ — „ 4 „ — „ 4 „ — „ 4 „ — „ 3 „

Подписка на всѣ означенныя сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

Подписка принимается. Въ Гл. Конт.—Спб., Троицкая ул., 9, и въ моск. отдѣл.—Тверская, близь памятника Пушкина; дѣл. Сазикова. Кроме того, въ Спб.—въ книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ—въ кон. Н. Печковской, во всѣхъ книжн. магазин. Карбасникова, «Нового Времени» и др.

Издательница *Л. Я. Гуревичъ.* Редакторъ *М. Н. Альбовъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Б.

(ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ)

Въ 1895 г. (годъ 25-й.)

Журналъ будеть издаваться въ 1895 г. по той-же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ, при тѣхъ-же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ текущемъ году.

Отдѣлы журнала: 1) Оригинальные статьи, 2) Хроника законодательства и суда, 3) Критика и библиографія, 4) Указатель юридической литературы, 5) Замѣтки и извѣстія.

Журналъ даетъ 10 ежемѣсячныхъ книгъ (кромѣ Іюля и Августа); въ каждой книжкѣ не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

ЦѣНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ СПБ.	8 р.
Съ доставкой въ СПБ.	8 р. 50 к.
Съ пересылкой.	9 р.
Съ кассационными рѣшеніями сената (съ доставкой и пересылкой). .	13 р.

Члены Юридического Общества, Студенты и вообще учащіеся, а также кандидаты на судебнныя и военно-судебныя должности платить половину, т. е. 4 р. 50 к., а съ кассац. рѣш. 8 р. 50 к.,

Допускается разсрочка: при подписаніи 5 р., съ кассац. рѣш. 8 р. оставльныя деньги въ Іюнѣ.

Подписка принимается въ Конторѣ журнала (СПБ, Новонсаакіевская, 4, кв. 7.) и въ книжныхъ магазинахъ: Мартынова (Невскій, 46) Нового времени, Риккера (Невскій, 14.) Анисимова (Садовая, 18), Цивзерлинга (Невскій 20).

Контора открыта по вторникамъ и пятницамъ, отъ 7 до 9 ч. веч.
Редакція (Спасская, 16.) открыта по вторникамъ отъ 2 до 4 час.

Редакторъ проф. В. Латкинъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ — разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣствовали эти лица, и нравы современного имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разброянными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтеными трудами содѣствовали успѣху нашего изданія въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ф. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьеву, Н. Ф. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы о пѣмыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей

государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и светскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по истории русской литературы и искусства; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Исторические разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ее истории; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы; 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будуть помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваются 50 коп.

Войсковые части могутъ выписывать „РУССКУЮ СТАРИНУ“ чрезъ редакцію „Досугъ и Дѣло“.

Редакція печатаетъ и выпустить въ свѣтъ въ январѣ 1895 года

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлечений и отрывковъ появились уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ пріобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстного общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

= И nogородные подписчики адресуютъ свои требованія и высыпаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фон-

танска, 145. Кроме того подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. —

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскуюkontору „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣнчанной политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южного Края“ и „Сѣверного Телеграфнаго Агенства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ) и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленький фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южного Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южного Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Вѣнчанія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣль. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочные сбѣдѣнія; дѣла назначенные къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, сбѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывающихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣеть собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи..

Кромѣ того, газета получаетъ постоянная извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Край“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамилии, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политикахъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11—	10 50	10—	9 20	8 50	7 80	7—	6—	5—	4—	3—	1 50

съ доставкою въ Харьковѣ:

10—	9 50	9—	8 25	7 50	6 75	6—	5 25	4 50	3 40	2 45	1 20
-----	------	----	------	------	------	----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенню съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТИНИКЪ

на 1895 годъ.

Съ октябряской книжки 1894 г. право изданія журнала «Русскій Вѣстникъ» перешло въ Товарищество «Обществ. Польза». Въ журналѣ примутъ участіе всѣ бывшіе сотрудники и редакторъ Ф. Н. Бергъ, и кроме того возобновлены приглашенія выдающихся сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное участіе; изъ нихъ талантливый С. С. Татищевъ возобновляетъ имѣвшія такою успѣхъ ежемѣсячныя «Политическія Обозрѣнія» и дать рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ. намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичъ его новое произведеніе. П. П. Гнѣдичемъ,—повѣсть и новый романъ Ф. Головина (Орловскаго), который начать позатаніемъ съ Ноабрской книжки 1894 г. и новые подписчики на 1895 г. могутъ получить начало романа бесплатно, при заявлении своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ Н. Ф. Дубровинъ—новый исторический этюдъ «Наполеонъ I въ современномъ. ему обществѣ и въ русской Литературѣ». Проф. Н. Любимовъ дастъ рядъ статей. Вице-президентъ. Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: повѣсть «Перемелится мука будетъ» Д. М. Позняка, новый романъ. Вс. С. Соловьевъ, повѣсть «Покинутый» Пронскаго и много другихъ произведеній.

Редакція и Контора. журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщаются въ Товариществѣ «Общественная Польза» СПБ., (Больш. Подъяч., 39), куда и просить обращаться гг. авторовъ имѣющихъ надобность до до редактора, который принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ отъ 12 до 2 час. пополудни

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книжекъ, выходящихъ каждаго, 1 числа, въ 1895 г. стоить въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Допускается разсрочка взносовъ только чрезъ Главную Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять руб., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служаш. за поручительст. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, впредь до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихся допускается уступка и разсрочка платежа: при поѣздахъ вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждой книги уплачиваютъ по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза— 18 р. Въ прочія мѣста загран. подписка приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петербургѣ: для городск.—въ Конторѣ Журнала «Русскій Вѣстникъ» въ Товариществѣ «Общественная Польза» (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Нового Времени» (Невск. 38); въ Москвѣ: въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»—на Страст. бульв., въ книжн. магазинѣ «Нового времени» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. линії). И. городскихъ и иного городныхъ просить покорѣйше адресоваться прямо въ контору «Русскаго Вѣстника», Сиб. Товарищество «Общественная Польза» Больш. Подъяч., д. 39 Статьи, присланныя въ редакцію, безъ условій, предоставляются въ полное распоряженіе ея относительно сокращеній, срока помѣщенія и оплаты. Стихотворенія и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращаются.

2—3

О БЪ И З Д А Н И И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ

въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою пѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій університетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Університету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографические указатели для учащихся.
6. Библіографические указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Університета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Університета.
9. Годичные отчеты по Університету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для получения ученыхъ степеней, соисканія наградъ, про *venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собранияхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Материалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на (двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научного содержанія), съ отдѣлами — критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Університетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются материалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.

Університетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеій (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписька и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правлѣнія Університета.

Студенты Университета Св. Владимира платить за годовое издание Университетских Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдельныхъ книжекъ не допускается.

Гр. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своимъ къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Киевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіо Университета Св. Владимира.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

2—3

Годъ 37-й, РАЗВЛЕЧЕНИЕ[“] Годъ 37-й

журналъ литературно-художественный и сатирический съ карикатурами.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1895 годъ.

Вступая ВЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ годъ своего существованія, «РАЗВЛЕЧЕНИЕ», надѣется, что будетъ почитено тѣмъ же сочувствиемъ, которымъ пользовалось въ теченіе ТРИДЦАТИ ШЕСТИ лѣтъ. Съ своей стороны редакція, не возвышая цѣны, сдѣлаетъ все возможное для улучшения журнала, какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи и употребить всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы «РАЗВЛЕЧЕНИЕ» осталось неизмѣнно однимъ изъ пошулярнѣйшихъ журналовъ.

«РАЗВЛЕЧЕНИЕ» дастъ въ годъ пятьдесятъ №№, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 карикатуръ. Литературный отдѣлъ вмѣшаетъ въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода юмористическихъ мелочей, трактующихъ злобу дня. Въ то-же время редакція, проникнутая горячимъ стремленіемъ стоять на стражѣ общественныхъ интересовъ и рисовать полную картину нравовъ современного общества, дастъ въ журналѣ мѣсто различнымъ статьямъ и фельетонамъ, обсуждающимъ въ юмористическомъ тонѣ всѣ общественные дѣла столицъ и провинцій.

«РАЗВЛЕЧЕНИЕ» остается по прежнему самымъ доступнымъ по цѣнѣ изъ всѣхъ русскихъ юмористическихъ журналовъ.

Условія подписки: на годъ ШЕСТЬ (6) рублей; на полгода (3) ТРИ рубля.

Пробный номеръ высылается за ТРИ семикопѣечныя марки.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ журнала «Развлечениe»: на Спасской пло-щади, въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. И. Печковской (Петро-вскіи лавки) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинцій.

За исправную доставку журнала Контора отвѣтаетъ только предъ лицами, выславшими деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва, журналу «РАЗВЛЕЧЕНИЕ».

Въ самомъ непродолжительномъ времени, съ разрѣшенія ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА при редакціи журнала «РАЗВЛЕЧЕНИЕ» будетъ открыть общедоступный

КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ
всѣхъ русскихъ и наиболѣе распространенныхъ иностранныхъ
газетъ и журналовъ

2—3

1895 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 56-й г. изд.

на

„НУВЕЛЛІСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

Съ 1-го Января 1895 году «НУВЕЛЛІСТЪ» вступаетъ въ 56-й годъ своего существованія. Сколько музыкальныхъ журоаловъ въ течениі этого времени рождалось на Руси! Но всѣ они, просуществовавъ итакъ сколько лѣтъ—умирали, не оставляя послѣ себя никакой памяти. Такъ ушли въ вѣчность «Музыкальный Свѣтъ», «Музыкальный Вѣстникъ», «Музыка и Театръ», «Музыка. Эхо», «Музыка. Міръ», «Музыка. Сезонъ», «Музыка. Мірокъ», «Гудокъ», «Звѣзда», «Баянъ» и много друг. Въ прошломъ году окончилъ свое существованіе послѣдній музыкальный журналъ «Муза». Это доказываетъ, что никто изъ издателей не понималъ потребности общества, потребности семьи. Между тѣмъ какъ характеръ «НУВЕЛЛІСТА» и его программа настолько отвѣтаетъ требованіямъ большинства публики, что существованіе его съ каждымъ годомъ упрочивается. Матеріялъ «НУВЕЛЛІСТА» настолько богатъ и разнообразенъ, что удовлетворяетъ и хорошаго музыканта, и скромнаго любителя.

ПРОГРАММА «НУВЕЛЛІСТА».

Въ 1895 г. «НУВЕЛЛІСТЪ» будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно каждое первое число тетрадями, заключающими въ себѣ: Салонныя пьесы извѣстныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. Новые танцы (польки, вальсы, мазурки, кадрили). Русскіе романсы для одного голоса съ аккомпанементомъ фортепіано. Легкія пьески для дѣтей для фортепіано и для скрипки съ фортепіано и дѣтскія пѣсеньки.

Редакція «НУВЕЛЛІСТА» обратить также особое вниманіе на Дѣтскій отдѣлъ, пьесы котораго подъ руководствомъ опытнаго педагога Н. А.

Тивольского, будут распределены по степени трудности с обозначениемъ правильной аппликатуры.

Годовой экземпляръ «НУВЕЛЛИСТА» составить обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 стр. большого иотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества Музыкальныхъ пьесъ «НУВЕЛЛИСТЬ» дастъ:

ПРЕМИЮ

Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ указанныхъ редакцію.

Подписная цѣна за годъ 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой 6 руб.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ журнала «НУВЕЛЛИСТЬ» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда, Б. Морская, 26. Въ Москвѣ въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ 10. Въ Кіевѣ у Идзиковскаго. Въ Казани въ муз. магаз. «Восточная Лира».

2-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II годъ.

на 1895 годъ

II годъ.

на кіевскую ежедневную, литературную, политическую и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

УСЛОВИЕ ПОДПИСКИ.

	На 1 годъ.	на 6 м.	на 3 м.	на 1 м.	
	руб.	р.	к.	р.	к.
Съ пересылкой и доставкой	8	5	—	3	— 1 —
Безъ доставки	6	3	75	2	75 — 75

Для годовыхъ подпischиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., въ 1 маи—2 руб. къ 1 іюлю—2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ чо 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подпись принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул. № 8 А.

Издателя: I. П. Мануковъ и M. E. Краинскій.

Редакторъ: M. E. Краинскій.

2-3

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА

**,,САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“
ВЪ 1895 ГОДУ.**

(33-ІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, «Саратовскій Листокъ» остается при той же программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе, сообразно съ запросами временіи и интересами общества.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*Издатель *И. П. Горизонтовъ.***ПОДПИСНАЯ ЦІНА:**

Съ доставкой въ Саратовѣ:	Съ пересыл. въ другіе города:
На годъ	7 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ . . .	6 — 50 —
— 10 — . . .	6 — — —
— 9 — . . .	5 — 50 —
— 8 — . . .	5 — — —
— 7 — . . .	4 — 50 —
— 6 — . . .	4 — — —
— 5 — . . .	3 — 50 —
— 4 — . . .	3 — — —
— 3 — . . .	2 — 50 —
— 2 — . . .	2 — — —
— 1 — . . .	1 — — —
На годъ	8 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ . . .	7 — — —
— 10 — . . .	6 — 50 —
— 9 — . . .	6 — — —
— 8 — . . .	5 — 50 —
— 7 — . . .	5 — — —
— 6 — . . .	4 — 50 —
— 5 — . . .	4 — — —
— 4 — . . .	3 — 50 —
— 3 — . . .	3 — — —
— 2 — . . .	2 — 40 —
— 1 — . . .	1 — 20 —

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е число каждого мѣсяца и не даѣтъ конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: *Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онегоріе.*

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 к. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовая объявленія пользуются особой уступкой.— Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской

имперіи, кромъ Саратовской, Тамбовской, Чензенской и приволжск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявлений бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявлений такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи
ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ.)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

, „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный материалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничивались однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактovъ, а старались, по возможности, давать имъ надлежащую опѣйку и освѣщеніе.

Въ газетѣ «Одесскія Новости» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы, искусства, науки и техники. Кромѣ специально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-технический фельетонъ. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подпісчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій номеръ» содержащий разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ «Одесскихъ Новостяхъ» областной отдѣль, который имѣеть въ своемъ распоряженіи 66 отдѣлений въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, где нѣть отдѣлений. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочные сношения съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ), переносимъ, такъ сказать, читателей какъ и самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, события, выдающихся людей, замѣ-

чательных зданий и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессы,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ деятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управлениія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герпо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Полосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ф. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др..

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣшили свое сотрудничество некоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ до сихъ порь, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшенній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывающейся на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безуокоризненной по своему направлению. Выѣтъ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во вѣнчаніи техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія, «Одесскихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельевской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки: Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	» 6 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	На годъ	9 » — »
Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.			

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНИЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богодолѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Вин-

нищѣ, Вознесенскѣ, Верхнѣиронскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Киліи, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Киевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевѣ Подольскѣ, Новомиргородѣ, Ново-георгіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргїевѣ, Полтавѣ, Проскуріевѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополь, Сорокахъ, Тирасполѣ, Талькомъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Ходинѣ, Херсонѣ, Ялатѣ, Феодосії.

Редакторъ-Издатель *А. Старковъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

на духовно-академіческие журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИК“

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ“.

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКъ имѣть цѣлую удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ конечно прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства—знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприкосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Въ программу его входятъ:

1) Передовыя статьи, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ разсужденія, представляющія научный богословскій матеріалъ въ общедоступной формѣ.

2) Статьи церковно-общественного характера, посвященные обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явлений, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣль редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ читателей, которые соблаговолятъ высказаться по наэрѣвающимъ вопросамъ мысли и жизни.

3) Миѳія и отзывы—отдѣль, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніемъ факты и явленія церковно-религіозной мысли и жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати.

4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣль, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.

5) Обозрѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы

6) Лѣтопись событій въ Россіи и заграницей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и рассчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригиналныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и издательскаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Чтеніи» будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію «Полнаго собранія твореній Св. Иоанна Златоуста» въ русскомъ переводе на льготныхъ для своихъ подпісчиковъ условіяхъ. Именно, подпісчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто nominalной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подпісчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ подпісчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

СЪВЕРЬ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛъ.

(VIII-й годъ изданія.)

Подписчики СЪВЕРА въ 1895 году получатъ:

- 52 №№ прекрасно иллюстрированного журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цветную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помещены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: А. Н. Майкова. «Дѣль судьбы», Д. В. Григоровича. «Петербургскіе шарманщики» и Летерейный билетъ, такъ какъ этимъ произведеніемъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дна ихъ первого появленія въ печати.
- 12 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ «Парижскихъ модъ» и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
- 12 отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.
- 6 рисунковъ-чертежей для любителей вышивки изъ дерева, кости и металла.
- 6 цветныхъ узоровъ для вышиванія.
- 12 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени княженія Иоанна Калиты по настоящій 1894 годъ: царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячные приложенія.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

1 гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ. (Книжка въ форматѣ «Сѣвера»).

12 т. Ежемѣсячныхъ бесплатныхъ приложенийъ къ журналу:

„БИБLIОТЕКА СЪВЕРА“:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 р.)

Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА.

Двойникъ. Повѣсть.

Натурщица. Повѣсть.

Во что бы то ни стало. Романъ.

Игрокъ. Повѣсть.

Мудреное дѣло. Романъ.

Граждане лѣса. Повѣсть.

Сочиненія Квитко Осповъяненко:

„ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ“.

Сочиненіе Сильвіо Пеллико:

„ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА“.

2 художественныхъ приложенийія: 1) портретъ государя Императора, 2) покореніе Сибири Ермакомъ.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ,

въ краскахъ

1. „БІБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ“.

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса, «чѣмъ бы накормить свою семью»? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдастъ своимъ подписчикамъ книгу:

„ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ— въ конторѣ Печковской. 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи. 7 р. Съ пересылкою за-границу. 11 р.

Разсрочка подписанной платы за «Сѣверъ» 1895 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

Для Гг. городскихъ подписчиковъ въ два срока:

Безъ доставки: при подпискѣ 3 руб., Съ доставкою: при подпискѣ 3 р. 50 к., 1 Іюня 1895 г. 3 руб. к., 1 Іюня 1895 г. 3 р. 50 к.

Для Гг. иногородныхъ подписчиковъ: въ два срока: при подпискѣ 4 р. и 1 Іюня 1895 г. 3 р.

Въ три срока: При подпискѣ 3 р., 1 мая 1895 г. 2 р. и 1 августа 1895 г. 2 р.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ), допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою поимѣасчно.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки,

гг. подписчики «Съвера» благоволять на пересылку таcовыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи
«Съверъ»: Екатерининская, № 4.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(6-й годъ изданія.)

на общепедагогический журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1894 года въ «Русской Школѣ» помѣщены, между прочимъ слѣд. статьи: 1) Казнь Фортуаки (очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. Михневича; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ. (Изъ моего дневника) Н. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. Семенова; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. К.—ой; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. Гориневскаго; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ среднѣ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. Н. Зайкевича; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. П. Лесгаftа; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача Д-ра А. Вареніуса; 10) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. П. Каптерева; 11) Объ уходѣ за психическими развитіемъ дѣтей Д-ра В. Якубовича; 12) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). А. Вирениуса; 13) О необходимости поднять уровень эстетического образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. Покровскаго; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. Ковалевскаго; 16) О самообразованіи учителя. М. Демкова; 17) Богатѣйшія библіотеки на земномъ шарѣ. А. Острогорскаго; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франції. Его-же; 19) Профессиональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра В. Святловскаго; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. Бирюковича; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. Его-же; 23) Обязательный минимумъ образованія. М. Песковскаго; 24) Воскресная школы и повторительные курсы. В. Вахтерова; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. Ларіонова; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. Абрамова; 27) Сѣзы народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. Тютрюмова; 28) Постановленія по народному образованію земскихъ собраний за 1893 г. И. Бѣлокон-

скаго; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ арифметики. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ М. Евсѣева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала «Русская Школа» за 1894 г. помещено около ста рецензій, а также печатались ежемѣсячная хроника народного образованія Я. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Подписка на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Нового времени» и Карбатникова. Подписная цѣна за годъ—въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для иногородныхъ съ пересыпкою—семь руб.; за границу—девять рублей. Учителя-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За все эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народа. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «Артистъ» будетъ по прежнему выходить
ежемѣсячно по той-же программѣ

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическая статья, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей художниковъ и артистовъ, периодические обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическая произведенія, преимущественно современного репертуара, музыкальные произведенія, корреспонденціи, хрони-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, гелотравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будуть напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова, Г. А. Мачтета, И. П. Гиѣдича, И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Лугового, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ поурожнему будуть принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ф. Гельцеръ, А. К. Глазуровъ, П. П. Гиѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далятовъ, М. М. Далякевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, В. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, И. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсь, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клоцть, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Юи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и Е. Е. Маковскій, В. М. Максимовъ, Д. Н. Манинъ, (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтеть, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Ниlusъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переpletчиковъ, В. В. Подольскій, В. Д. Позѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Риццови, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Ченыхинъ, В. А. Чечотть, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкінъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Федотовы и др.

Подписная цѣна остается прежняя: безъ доставки въ Москву 10 р., на полгода 6 р., съ пересыпкой и доставкой 12 р., на полгода, 7 р.; съ пересыпкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

Допускается разсрочка: При под- **1** р. до уплаты полной подписной пискѣ 2 р. и ежемѣсячно не менѣе **1** суммы.

Редакція и главная контора: Москва у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ.

Отдѣл. конторы: Петровскія линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Прянишникова.

Телефонъ редакції № 890, Главной конторы № 1490.

2—3

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНИЕ

Годъ издания 60-й. Годъ издания 60-й.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАСТЬ:

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ писателей. Каждый номеръ состоить, въ общемъ, изъ 3—4-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и копіями съ картинъ выдающихся художниковъ.

Кромѣ того годовые подписчики получать бесплатно

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНИЙ.

12 книгъ избранныхъ произведений всемирной литературы. Романы, повѣсти, и разсказы: Додэ, Диккенса, Брейдъ-Гарда, Золя, Кеплинга, Мопассана, Свифта, Сервантеса, Сенкевича и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15 до 20 листовъ и заключаетъ цѣлое произведеніе одного изъ упомянутыхъ авторовъ съ биографіей и портретомъ.

40 нумеровъ — «Новые романы и повѣсти современныхъ писателей» съ иллюстрациями извѣстныхъ художниковъ, по образцу дорогихъ заграничныхъ изданій.

24 нумера «Новѣйшихъ Модъ» извѣстнейшихъ парижскихъ модныхъ мастерскихъ. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

40 нумеровъ игръ, задачъ и ребусовъ. Физические и химические опыты, образцы работъ (съ чертежами и рисунками).

15 нумеровъ «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій» (вышивки для бѣлья, платьевъ и костюмовъ), изъ коихъ некоторые отпечатаны въ нѣсколько красокъ.

12 выкроекъ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ внимание своею практичностью и изяществомъ).

12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ извѣстныхъ композиторовъ для фортепіано и пѣнія (салонные пьесы, романсы и танцы).

4 номера «Образцовъ для вышиливанія» разныхъ изящныхъ предметовъ полезныхъ въ хозяйствѣ.

1 стѣнной календарь (съ картой Россіи), отпечатанный въ нѣсколько кра-сокъ и золотомъ. Разсылается при первомъ номерѣ.

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

I) „Необходимая настольная книга для всѣхъ“.

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоить изъ большаго фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящномъ переплѣтѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужный свѣдѣнія въ особенности провинциальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

- 1) «Возвращеніе изъ гостей» (Оригиналы ресованы извѣстнымъ ху-
дожникомъ Н. Каразинымъ).
- 2) «Сокольничій на охотѣ» (дожникомъ Н. Каразинымъ).
- 3) «Какъ началась живопись», Н. С. Матвеева.
- 4) «Нападеніе волковъ», Н. Оболенского.

Кромѣ пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ главную контору, новую большую акварельную картину (длина: $22\frac{1}{2}$ вершка, высота 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина.

„ЖЕРТВА ВОЛГИ“

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе годы, уплачивають за каждый экземпляръ картины (съ доставкой на скалкѣ) — **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Феодоровна, 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Ioannъ Сергиевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна бюста, на выборъ, для подписчиковъ Четыре рубля, а для неподписчиковъ Пять руб. (безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѣНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи)—8 р. на полгода—4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб. 7 руб.—Въ Москвѣ:—7 р. 50 к.

Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просить обращаться исключительно въ Главную Контору журнала: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявление высылается изъ конторы, по требованію—бесплатно.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

НА 1895 ГОДЪ

(придатъ шестой).

Журналъ „Труды Киевской дух. Академіи“ выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанрма-тельнымъ и по изложению доступная большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г., подписька какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ТРУДЫ АКАДЕМІИ за прежніе годы продаются по уменьшеннѣмъ цѣнамъ, членко: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 гг. по 9 р.; за 1885—1894 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

«Воскресное Чтеніе» за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за 18^{37/38} г. (т. I), 18^{41/42} (V), 18^{47/48} (XI), 18^{48/49} (XII), 18^{51/52} (XV), 18^{53/54} (XVII), 18^{54/55} (XVIII), 18^{55/56} (XIX), 18^{56/57} (XX), 18^{57/58} (XXI), 18^{58/59} (XXII), 18^{59/60} (XXIII), 18^{60/61} (XXIV), 18^{61/62} (XXV), 18^{62/63} (XXVI), 18^{63/64} (XXVII), 18^{64/65} (XXVIII), 18^{65/66} (XXIX), 18^{66/67} (XXX), 18^{67/68} (XXXI), 18^{68/69} (XXXII), 18^{69/70} (XXXIII), 18^{70/71} (XXXIV); за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотіятія крещенія Россіи». (Сказанія о посвѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ И. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политической дѣятель. В. З. Завитневича. Древня изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владимира на югѣ Россіи и въ частности въ Киевѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. Ф. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Киевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной літургіи. Арсения м. кіев. (450 стр.). 2 р.
Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кирилана кареагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Иеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес.. кроме 9-й части твор. бл. Иеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательного чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 гг.). Издание 4-е. Книга эта одобрена Особ-Отд. Ученаго Комитета Минист. Нэр. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Сопѣтомъ при Св. Сѵнодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для виѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Советовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматического богословія (съ историческимъ изложениемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5 й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ф. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ф. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересыпкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—къ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА.

4 за годъ **1** три мѣс. Р. Р.

Второе издание «Биржевыхъ Вѣдомостей» — безусловно независимый и самостоятельный органъ печати со строгой выдержанностью направления, стойкостью и последовательностью взглядовъ. Свободная отъ местныхъ влияній эта газета является наиболѣе полнымъ.

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦИИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политической, столичной и провинциальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденцій, и пр., — по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Съ цѣлью еще большаго расширения всѣхъ ежедневныхъ отдѣловъ, съ волебра формата

ЕЖЕДНЕВНОЙ газеты **УВЕЛИЧЕНЪ** до теперешняго его большого объема, причемъ цѣлый рядъ

известнѣйшихъ русскихъ писателей, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ, вошли въ составъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сгруппировавъ около нашего изданія лучшія силы отечественной литературы, редакція увеличиваетъ съ декабря с. г.

ВОСКРЕСНЫЙ НОМЕРЪ газеты до размѣра лесяти страницъ, изъ коихъ восьмь (печатаемыя на бѣлой глазированной бумагѣ) будутъ всецѣло посвящены беллетристикѣ, художественной научной и литературной критикѣ, бесѣдамъ, касающимся дома и семьи.

Въ концѣ года будетъ данъ особый заглавный листъ съ перечнемъ помѣщеннаго въ воскресныхъ номерахъ газеты литературного материала.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИКЪ

второго изданія «Биржевыхъ Вѣдомостей» получаетъ, такимъ образомъ, за нѣсколько лѣтъ, безъ всякой добавочной платы

цѣнную библіотеку новѣйшей русской беллетристики.

Въ теченіе наступающаго года появятся на столбцахъ нашей газеты

СПЕЦІАЛЬНО НАПИСАННЫЙ для «Биржевыхъ Вѣдомостей» **новѣйшая русскія**

беллетристическая произведения слѣдующихъ, хорошо известныхъ русской читающей публикѣ, художниковъ слова:

Н. П. Аксаковъ, М. Н. Альбовъ, Сергій Атава (С. Н. Терпигоревъ), К. С. Баранцевичъ, проф. Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка), П. П. Гаїдичъ, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линевъ, Н. С. Лѣсковъ, А. А. Луговой, К. В. Лукашевичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Шоталенко, Н. А. Соловьевъ, И. И. Ясинскій, (Максимъ Бѣлинскій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО

при газетѣ выпускается, какъ **БЕЗ-ПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ**, поочередно одинъ изъ

ТРЕХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

- 1) «Земледѣльческий Листокъ»,
- 2) «Фабрично-Промышленный Вѣстникъ»,
- 3) «Страховой Сборникъ»,

Желающимъ ознакомиться съ содержаниемъ 2-го издания «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ», высылаемъ за 14 коп. (почтовая марки) номера за одну недѣлю включительно съ пробнымъ воскреснымъ номеромъ.

—Новые годовые подписчики (безъ рассрочки) внесшія до 15 декабря деньги непосредственно въ главную контору «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ С.-Петербургѣ, получать газету бесплатно въ декабрѣ 1894 г. —

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
«БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ»**

СО ВСѢМИ
приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб. на 3 мѣсца 1 р.
» полгода 2 » 1 » 35 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

С.Петербургъ, Невскій, пр, 28.
2—3

1812. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Годъ изданія 83-й. — (безъ предварительной цензуры) — Годъ изданія 83-й.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШАГО ФОРМАТА

СЪ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

Рядъ реформъ и постепенныхъ улучшений въ газетѣ «Сынъ Отечества», произведенныхъ съ переходомъ ея къ нынѣшнему издателю и при новомъ составѣ редакціи, съ сохраненіемъ прежней ея скромной подписной цѣны, способствовали тому, что газета, въ настоящее время, даетъ своимъ читателямъ въ ежедневныхъ нумерахъ всегда своевременно руководящія политическія, научныя, экономическія и др. статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемыя общественной жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, а также телеграммы, корреспонденціи со всѣхъ мѣстъ Россіи, биржевые свѣдѣнія, судебныя отчеты, литературныя, театральныя и музыкальныя новости, рецензіи, спортъ и проч.

одновременно съ другими дорогими столичными изданіями, а потому газета «Сынъ

Отечества», въ обновленномъ видѣ, вполнѣ замѣняетъ собою

● ДОРОГОЕ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ●

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, подписчики получать:
1) Портретъ Его Императорскаго Величества Государя
Императора НИКОЛАЯ II.

Воспроизведенный въ 27 красокъ съ портрета, писанного известнымъ художникомъ В. И. Думитрашко.

- 2) 52 номера воскресныхъ приложенийъ, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльного иллюстрированного журнала: гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
- 3) сорокъ номеровъ: «романы и повѣсти» (русскихъ и иностранныхъ писателей), что составить въ теченіе года нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 4) двѣнадцать номеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняютъ «модный журналъ».
- 5) стѣнной календарь (съ картою Россіи). Рассылаются при первомъ номерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкою по Импераціи):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Новость для читателей: Съ 1 января 1893 г. при газете «Сынъ Отечества», будетъ выходить новое ежемѣсячное изданіе, въ видѣ большаго литературнаго журнала:

«ДОМАШНЯЯ БІБЛІОТЕКА» (12 БОЛЬШІХЪ КНИГЪ)

гдѣ будутъ печататься новые романы и повѣсти (русскихъ и иностранныхъ писателей). Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ форматѣ «Вѣстника Европы», отъ 20 до 25 листовъ, что составить въ годъ до 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БІБЛІОТЕКУ» (съ доставкою): **4** Р. (На годъ (за 12 большихъ книгъ)—4 р. На полгода (за 6 книгъ)—2 р. 50 к. Гг. годовые подписчики могутъ получить при подпискѣ новыя художественные изданія: 1) «ЖЕРТВА ВОЛГИ» (исторический эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина) Воспроизведена въ 23 краски съ картины известнаго художника С. Верещагина. Размеръ картины: длина $3\frac{1}{2}$ вершка, вышина 16 вершковъ). 2) «Бурлаки ва Волгѣ», профес. И. Рѣпина, а также другія картины за прежніе годы, уплачивая за каждый экземпляръ картины (съ пересылкою на скаккѣ)—одинъ рубль.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

2—3

МОСКОВСКІЙ БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Открыта подписька на 1895 годъ.

Съ Января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный бібліографіческій журналъ, органъ Московскаго Бібліографическаго Кружка, подъ названіемъ:

«КНИГОВЪДЪНІЕ».

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, вітч., рисунки, фотографіи и т. п.). съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 июля, слѣдующая:

1. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языке въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) материалы по библіографії вообще.

2. Хроника 1) Правительственные распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) периодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка.

3. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

4. Приложенія.

Подписьная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждого мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8⁰ (19×26^0), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ,—бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
" " " подписаніемъ на журналъ	6 р.
" " " всѣхъ остальныхъ	10 р.
" " " въ годъ для членовъ и подписаніемъ	35 р.
" " " " всѣхъ остальныхъ	50 р.

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдельное объявленіе, въ размѣрѣ $1/4$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., домъ Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ А. Д. Тороповъ.

3-3

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Педагогический Отдѣлъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества приступаетъ къ выработкѣ пріемѣрныхъ программъ для устройства въ средне-учебныхъ заведеніяхъ литературныхъ вечеровъ и къ организаціи домашняго чтенія учащихся. Въ интересахъ разностороннаго обсужденія относящихся сюда

вопросовъ желательно собрать по возможности болѣе совѣтовъ и указаний заинтересованныхъ лицъ, въ особенности г.г. педагоговъ, изъ данныхъ ихъ опыта и практики. Выборъ ограничивается, въ предѣлахъ компетентности Педагогического Отдѣла, небольшими художественными произведениями, отрывками изъ большихъ, затѣмъ статьями историко-литературными, культурно-историческими, географическими и этнографическими. Цѣлью литературныхъ собраний поставляется воспитаніе эстетического чувства, развитіе уваженія къ лѣтателямъ науки, литературы и искусства, расширение и углубленіе получаемыхъ въ классѣ историко-литературныхъ и культурно-историческихъ свѣдѣній. Для удачного выбора статей и группировка ихъ по однородности содержавія понадобятся мрогочисленныя справки. Въ виду этого предсѣдатель Отдѣла просить заинтересованныхъ лицъ сообщить какія статьи можно рекомендовать для чтенія? Желательно опредѣлить приблизительно время, затрачиваемое на прочтение каждой предлагаемой статьи, въ разсчетѣ, чтобы на каждое собрание приходилось отъ 3 до 8 статей¹⁾. Всякого рода наглядныя пособія также должны быть приняты во вниманіе (карты, рисунки, туманныя картины). Наконецъ, желательно собрать свѣдѣнія какія мѣры могутъ быть приняты для расширенія домашняго чтенія учащихся и для проверки прочитаннаго. При общихъ правилахъ и премахъ здѣсь могутъ быть частные, въ зависимости отъ мѣстныхъ библіотечныхъ средствъ.

Всякого рода сообщенія, равно какъ указанія на печатныя пособія будутъ приняты съ живѣйшей благодарностью. Все ошибочное при разборѣ материала можетъ быть устраниено и, весьма возможно, что частныя ошибки окажутся почвой для новыхъ полезныхъ соображеній. По проверкѣ и обсужденіи всѣхъ сообщеній будутъ составлены примѣрныя программы, которыя затѣмъ будутъ напечатаны въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Трудовъ Педагогического Отдѣла. Всѣ корреспонденты Отдѣла получать эти программы по отпечатавшіи ихъ.

Сообщенія доставлять по слѣдующему адрессу: Въ Харьковъ, университетъ, профессору Николаю Феодоровичу Сумцову.

Изданія Историко - Филологическаго Общества.

Содержаніе первыхъ 7 томовъ „Сборника“.

1-й томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харковской и отчасти Курской и Воронежской губ., собранные Д. И. Багалѣемъ. Цѣна 2 р. сер.

2-й томъ содержитъ слѣдующія статьи: а) отчеты о засѣданіяхъ Общества и прочитанныхъ на нихъ рефератахъ; б) Матеріалы для исторіи колонизаціи и

¹⁾ При обозначеніи отрывковъ изъ сочиненій литературныхъ и историческихъ указывать на изданіе и страницы.

быта Хар. и сос. Курской и Воровежской губ., собранные Д. И. Багалѣем; в) Сказки, пословицы и т. п., записанные въ Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Мавжурою; г) Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., собранные П. Ивановымъ (съ предисловіемъ Н. О. Сумцова). Цѣна 4 руб. сер.

3-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологического Общества въ 18^{90/91} академическомъ году, составленный секретаремъ общества Н. О. Сумцовымъ, и отчетъ объ архивѣ Общества съ 1-го октября 1889 по 1-е октября 1790 года.

В. Саввы. О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критического разбора).

М. Плохинскаго. Материалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ).

П. Иванова. Народные рассказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (материалы для характеристики міросозерданія крестьянского населенія Купянского уѣзда).

Н. О. Сумцова. Колдуны, вѣдьмы и упыри.

Д. И. Багалѣя. Сочиненія, материалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской Украины (критико-библіографический очеркъ). Выпускъ 2-й. 1885—1890 годы. Часть 1-я: обзоръ источниковъ.

В. П. Бузескула. Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ.

Мелкія замѣтки: 1) Къ біографіи В. Н. Каразина (Д. И. Багалѣя).

Челобитная острогожскихъ старшинъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й (Д. И. Багалѣя).

Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ., произведенная И. М. Бичь-Лубенскимъ (Д. И. Багалѣя).

Замѣтка о консистентахъ въ Малороссіи (Н. Н. Бакая).

О доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору (М. Плохинскаго).

Описаніе графскаго диплома гетмана Разумовскаго (М. Плохинскаго).

О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ (М. Плохинскаго).

Письма студента Харьковскаго университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 года (Н. О. Сумцова).

Три письма В. М. Каразина (Н. О. Сумцова). Цѣна 2 руб.

4-й томъ. Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ.

Отчетъ о дѣятельности Общества и Исторического Архива 1891—1892 г.

Уставъ Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго общества.

Николай Бакай. Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины въ XV—XVI в.

М. М. Плохинскій. Гетманъ Мазепа въ роли великокорусского помѣщика.

П. В. Ивановъ. Народные рассказы о долѣ.

А. А. Русовъ. Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей.

А. С. Лебедевъ. Вотчинный быть монастырей Курско-Знаменского и Бѣлгородского-Николаевского, по архивнымъ документамъ.

Н. Ф. Сумцовъ. Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и ученой-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова.

М. Е. Халанскій. Пушкинъ и г-жа Ризничъ.

А. С. Лебедевъ. Синодскій указъ 1766 г. по поводу самовластия епископа Бѣлгородскаго Порфирия.

Н. Ф. Сумцовъ. Заговоры. Библіографический указатель.

П. И. Короленко. Черноморские заговоры.

М. Гавриловъ. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

И. А Семенцова. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

М. Д. Линда и И. Ф. Любичкій Нѣсколько заговоровъ.

А. Н. Деревицкій. Литература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п. древней Греціи. Цѣна 3 руб.

Сборникъ статей обѣ А. А. Потебнѣ въ отдѣльной продажѣ—1 руб.

5-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко Филологического общества въ 1892—1893 акад. году, составленный Н. Ф. Сумцовыми.

Отчетъ обѣ историческомъ архивѣ Общества, составленный Д. И. Багалѣемъ М. М. Илохинскимъ.

Два отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни.

М. М. Илохинский. Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.

И. В. Ивановъ. Народные рассказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ.

В. И. Савва. Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губерніи.

С. А. Чернявская. Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонской губ.

Е. И. Багалѣй. О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской Украины.

Н. Ф. Сумцова. Дополненіе къ библіографіи заговоровъ.

Обѣ изданіяхъ Общества любителей древней писменности и Русского историческаго общества, поступившихъ въ библіотеку Историко-Филологического общества.

М. М. Илохинский Опись дѣлъ Исторического архива.

Объявленія отъ Харьковскаго Историко Филологического общества.

Отчетъ о дѣятельности Педагогического отдѣла за первое полугодіе.

М. С. Дриновъ, Рѣчъ при открытии Отдѣла.

Н. Ф. Сумцовъ Рѣчъ при открытии Отдѣла.

М. Е. Халанскій. О методѣ обученія писанію сочиненій въ среднѣ-учебныхъ заведеніяхъ.

Н. С. Протопоповъ. Къ вопросу о сочиненіяхъ.

Г. А. Новицкій. Чтенія и языки сочиненій.

А. Г. Левандовскій. Рѣчъ въ засѣданіи 13 декабря.

- А. Г. Левандовский. О классномъ чтеніи древнихъ авторовъ.
- А. В. Ветуховъ. Янъ Амосъ Каменскій.
- Н. И. Алякритскій. А. В. Кольцовъ.
- И. М. Собѣстянскій. Отчетъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1891 годъ.
- Г. Ф. Шульцъ. Julius Keller. Die Grenzen der Uebersetzungskuns 1892.
- В. Н. Бузескуль. По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи (проф. П. Виноградова и К. А. Иванова).
- Н. И. Алякритскій. Н. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой литературы 1892 г.
- Н. Ф. Сумцовъ. М. Л. Несковскій: К. Д. Ушинскій 1892 г.
- Н. Ф. Сумцовъ. А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища 1893 г.
- Б. А. Краевскій. Объяснительная замѣтка къ таблицамъ спряженія и склоненія въ вѣмецкомъ языке. Цѣна 3 руб.
- 6-й томъ.** Отчеты о дѣятельности И. Ф. Общества и Цедагогич. отдѣла.
- Свящ. В. Спѣсивцевъ. Случайныя археологическія находки.
- Е. П. Трефильевъ. Изъ исторіи промышленности Слободской Украины.
- Я. П. Новицкій. Сборникъ малорус. нар. пѣсенъ, преимущ. историческихъ.
- И. И. Манжура. Малорус. народныя сказки.
- Ф. Л. Германъ. Врачебное сословія древнія Рима..
- А. С. Лебедевъ. Къ исторіи школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.
- Д. Н. Миллеръ. и М. М. Плохинскій. Книга справъ поточныхъ Стародубскаго магистрата XVII в.
- М. М. Плохинскій. Опись дѣлъ Исторического архива.
- Уставъ Педагогическаго Отдѣла И. Ф. общества.
- Д. И. Багалѣй. Объ элементарной методикѣ исторіи.
- Н. И. Алякритскій. О классномъ и виѣклассномъ чтеніи.
- М. Н. Знаменскій Греческій optativ (опытъ преподаванія въ IV классѣ).
- В. И. Харціевъ. О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низш. классахъ гимназій.
- М. И. Демковъ. О задачахъ серіозной педагогической литературы.
- И. Н. Стефановскій. О грамотическ. разборѣ на урокахъ русск. языка.
- С. А. Новицкій. Чуть къ обновленію школьной грамматики.
- И. М. Собѣстянскій. «Объ отчетѣ Тифлиской 1 гимназіи 1893 г.».
- А. В. Ветуховъ. О книгѣ Д. В. Аверкіева о драмѣ.
- Н. Ф. Сумцовъ. О лекціяхъ А. А. Потебни о баснѣ. Цѣна 3 руб.
- 7-й томъ.** Сочиненія Г. С. Сковороды, съ приложеніемъ портрета, вида могилы, снимковъ съ почерка, біографіи, состав. его другомъ Ковалинскимъ, и критико-библіографической статьи проф. Д. И. Багалѣя Цѣна 4 руб.

Складъ изданія въ Архивѣ Общества при Харьковскомъ университѣтѣ.
 (Адресъ для вногороднихъ: въ Харьковѣ, въ университѣтѣ, въ Историко-Филологическое общество).

Пересылку Общество принимаетъ на свой счетъ.

Частныя лица и книжные магазины, вынисывающіе всѣ 7 томовъ «Сборника» или не менѣе 5 экз. каждого отдѣльного тома, пользуются уступкой въ 30%.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

проф. Н. Ф. СУМЦОВА.

1. Этузы о Пушкинѣ, вып. I. 1893 г. (стих. Пророкъ, Няня, Рѣдѣтель облаковъ и нѣск. др.)	1 р. — к.
2. Этузы о Пушкинѣ, вып. 2. 1894 г. (стих. Сонетъ, Аріонъ, Гусаръ, Мадона, о нѣск. др.)	1 р. — к.
3. Малоруссійская сказка по сборникамъ Кольберга и Мошинской, 1894 года.	30 к.
4. Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Романова, 1894 г.	1 р. — к.
5. Сказки и легенды о Маркѣ богатомъ, 1894 г.	30 к.
6. Князь В. Ф. Одоевскій, 1894 г.	60 к.
7. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, 1885 г.	1 р. 50 к.
8. Лазарь Барановичъ, 1885 г.	1 р. 50 к.
9. Іоанчикій Галлятовскій, 1884 г.	80 к.
10. Іванокентій Гизель, 1884 г.	50 к.
11. Рѣчъ Ивана Мелешка, 1894 г.	40 к.
12. Іоаннъ Вышенскій. 1885 г.	40 к.
13. О попыткахъ католиковъ ввести въ Малороссію Григоріанскій календарь, 1888 г.	50 к.
14. Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г.	40 к.
15. Религіозно міоцеское значеніе малорусской свадьбы 1885 г.	40 к.
16. Къ вопросу о вліяніи греко-римского свадебнаго ритуала, 1886 г.	40 к.
17. Опытъ объясненія пѣсни о Журілѣ, 1885 г.	10 к.
18. Научное изученіе колядокъ, 1885 г.	40 к.
19. Досвѣтки и посадѣлки, 1886 г.	40 к.
20. Коломійки. 1886 г.	40 к.
21. Малоруссійская пьяница пѣсни, 1886 г.	40 к.
22. Малорусская географическая номенклатура, 1886. г.	40 к.
23. Мѣстныя названія въ малор. пѣсняхъ, 1886 г.	40 к.
24. Малоруссійская апокрифическая сказанія и пѣсни, 1887 г.	1 р. 50 к.
25. Культурныя переживанія, 1890 г.	2 р. 50 к.
26. Современная малорусская этнографія, вып. I 1892 г.	1 р. 50 к.

27. Туръ, въ народной словесности, 1887 г.	40 к.
28. Мысь въ народной словесности, 1892 г.	40 к.
29. Воронъ въ народной словесности, 1891 г.	25 к.
30. Заяцъ въ народной словесности, 1892 г.	30 к.
31. Этнографический замѣтки, 1889 г.	25 к.
32. Сказанія объ искусствѣ стрѣлкѣ, 1890 г.	25 к.
33. Отолоски христіанскихъ преданий въ монгольскихъ сказкахъ, 1890 г.	25 к.
34. Писанки, 1891 г.	40 к.
35. Сказанія о займѣ дней, 1891 г.	10 к.
36. Библиографія колдовства, 1891 г.	50 к.
37. Библиографія заговоровъ, 1892 г.	20 к.
38. Boginki—Mamuny, 1891 г.	30 к.
39. Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ, 1895 г.	25 к.
40. Шѣсни-шовѣсти о гостѣ Терентіи, 1892 г.	20 к.
41. Легенда о грѣшной матери, 1893 г.	25 к.
42. Г. Ф. Квитка, какъ этнографъ, 1893 г.	30 к.

Годъ тридцать третій (XXXIII).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 ГОДЪ.

*Русскій Архивъ вм 1895 году будетъ издаваться по прежнему
ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ.*

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1894 годъ были напечатаны, между прочимъ: Клушина битва Д. И. Иловайского, памятные записи XV вѣка Арх. Леонида, новооткрытые челобитныя Патріарху Шикону, бумаги относящіяся къ Булавинскому бунту, мученическая кончина іеромонаха Константина, взятие Берлина русскими войсками (1760), семейная бумаги А. Н. Корсакова, указы Павла Перваго, переписка гр. П. С. Потемкина съ гр. Самойловымъ, бумаги А. Г. Тройницкаго, записки Н. Н. Муравьев-Аксакова (1828—1835), письма братьевъ Кирѣевскихъ изъ за границы, исторія Евреевъ въ Россіи М. Ф. Шугурова, памятная тетрадь С. М. Су хотина, пятьма и бумаги Пальмера, письма м. Иннокентія, м. Филиппа, Иннокентія Борисова, пр. Антонія, арх. Гурія, митр. Леонтія, Платона

Исидора, біографів И. В. Киріевского, А. К. Казембека, стати К. П. Побєдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайского, академика Л. Н. Майкова, И. У. Полтимпестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ф. Змієва, проф. И. В. Шомяловского, воспоминанія князя Д. Д. Оболенского и др., стихотворенія С. А. Соболевского, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ф. М. Дмитрева. Приложены портреты И. В. Киріевского, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержитъю «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

* *

Въ 1895 году будуть напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственного архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рукописи Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьевъ-Карского, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенского, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумаг сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавриила, письма Нальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русский Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Нового Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Киевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою — девятъ рублей. Для чужихъ краевъ — двѣнадцать рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предствляется приобрѣтать по уменьшеннй цѣнѣ первыя 26 томовъ «Архива Князя Воронцова», содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска «Русскаго Архива» 1894 г.

Петръ Бартеневъ.

Юрій Бартеневъ.

писалемъ до п. Несторовича о Демяну и до Якова Дуброви о его пріездѣ сюда, и о присылцѣ сюда 50 овець да 10 воловъ для роботи.

Четвер. 4. Сей день былъ похмурый, холодный, вѣтряный, а къ вечору дожеватъ, а ночь вся дожевата. Сего дня рано зъ п. Михайломъ ездилемъ въ Есманъ стрѣчатъ ясневельможнаго, которого тамъ и стрѣтили, а поехавши оттуду къ Глухову не обѣдаючи, прѣехали въ Глуховъ о 3-мъ часу съ полъдня, при пушечномъ стрелянию. Писали въ Москву родитель до Шах. и до Кур., до егожъ и я писалъ и до Камѣнскаго, о куплѣ саноговъ паръ 2-хъ и туфлей нарѣ.

Пятокъ. 5. Сей день весь былъ холодный, а чрезъ увесь день и ночь дожь силний ишолъ. Фурмане сегодня вийшли въ Царицинскую дорогу зъ гор. нашю и съ табакомъ, а индуктарчикъ, поневажъ съ онихъ претендовалъ индукти, чому указъ въ 1725 году виданный отрицаеть, того ради даль я ему карту, что въ то время отдается индукта, когда показанъ будетъ указъ другій, сей прежній указъ отставляющій.

Субота. 5. Сей день былъ зъ ранку мокрый, а потомъ мало випогодился, тако жъ и ночь випогодилась. Архипъ Карповъ Сварковскій, Трохимъ Прокопіевъ Крисковскій и Андрушка Сухоносовскій, а съ нимъ отправилисмо запасъ нацъ гор. оковитой 11 куеъ, а простой 19 куеъ, тютюну 400 папушъ, грошней 200 р., на заплату фурманамъ—100 р., а 100 р.—для провозу, да особливе 25 р. на соль, о чомъ особливий данъ имъ во всемъ приказъ. Да черезъ ихъ же писали писма до Левашова, а чолобитніе послани о судиѣ Уласовѣ, который по сказкамъ Михайла Гавриленка, забравши виданного себѣ гор. 5 куеъ, муки 70 кулей, снастей отъ судна и спродаивши оніе, только отдалъ 68 р., а остатокъ грошней у себе удержалъ. Да особливо жъ писалъ писма до Колцова, коменданта Царицинскаго, и до Тихона Демидова, а Левашову гданскихъ водокъ пуздерко послалъ; съ ними возокъ отправленъ и въ возку пары коней.

Неделя. 7. Сей день былъ зъ ранку дожеватъ мало, а по-томъ випогодился, также и ночь випогодилась, однако жъ студена.

Сего́дня бы́ли у пана гетмана и обѣдали, гдѣ читана грамота ея величества за подписаніемъ собственной руки, потвердителная на урядъ гетманскій, противъ данной во всемъ грамоти въ 1729-мъ году, отъ блаженной памяти его величества Петра Второго.

Понеделокъ. 8. Сей день бы́ль зъ ранку погодній, однако жъ похмурий, а болшъ къ вечеру дожчъ ишоль зъ громомъ и черезъ ночь мокротно было. Вѣжевскому на расходъ далемъ 20 р. На дрань 6 р. далемъ господареви, а онъ послаль тіе гроши въ Криски. Швакгеръ мой п. Яковъ Полуботокъ пріехалъ и бы́ль у мене; тако же подканцел. Уріиль, который взявши бочонокъ водки простой, поеха́ль въ Кіевъ молится.

Вовтор. 9. Сей деинь бы́ль зъ ранку мокрій и холодноватъ, ночь погодиўшася. Черезъ завѣдовцу Полтавскаго въ монастыри числомъ 4, якіе въ полку тамъ им'ются, два мужескихъ а 2 женскихъ, послалисмо 40 р. на сорокоусты. Отправилисмо писмо до сестри Толстой отвѣтное объ Лизогубу, черезъ его же машталѣра. Панъ гетманъ переехалъ на Бѣлополовку, въ мой садъ, и сталъ наметомъ.

Середа. 10. Сей день бы́ль отчасти погодний, не мокрій, однако же частими хмурями посупленій, ночь такова же была. П. Яковъ Полуботокъ, швакгеръ мой, подписалъ писмо на Криски другимъ разомъ. Онъ же говорилъ, что бунчучному енеральному Івану Борзнѣ за млинъ Загорскій далъ покойний гетманъ Скоропадскій село Семкувку и 200 р., а село Стаковичево.

Четвер. 11. Сей день бы́ль похмурий, а въ день бы́ль дожчъ, и къ вечеру ночь виногодилась мало. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ сѣдилемъ въ Сварковъ, откуду къ вечеру повернулемся. Были у мене п. Михайло и Воліватій (Костонецкій). Получилемъ писмо отъ брата п. Семена, что п. Павловая болна тютка ихъ. Также получилемъ писмо отъ Несторовича о продажѣ слободки Галецкаго и грунта Туничихи Рusanовекой.

Пятокъ. 12. Сей день бы́ль зъ ранку свѣтель и тепель, о полднѣ мокръ зъ гвалтовнимъ дожчемъ, въ вечеру вияснилось, а потомъ знову похмурино было. Желазо пріехалъ зъ Москви и привезъ родителеви указъ объ опредѣленіи маєтностей (на рагъ енер.

подскарбъя) Сасиновки и Линовици. А мнъ отъ Кам'янского привезлъ 2 картуза, черний бархатный въ 6 р., да суконный въ 2 р. Отправленъ козакъ въ Роменъ, оттуду вчера пріехавшій, черезъ которого писалемъ до Якова Дуброви о прибитіи его сюда и чтобы зъехалъ въ Роменъ и футоръ Гамал'евскій, для устроенія порадку о волахъ въ Гдалскъ посылающихъся, о томъ же до Несторовича писалемъ, чтобы онъ въ Демянъ посыпалъ Тараса за тимъ, къ нему жъ о слободѣ Галецкого и Тупичишиномъ грунтѣ и о пріездѣ сюда Тарасовомъ. Получили вѣсть, что родителка брату Марку висватала дочь Березовской, асаулки Стар(одубовской).

Субота. 13. Сей день быль зъ ранку свѣtlай и теплай, послѣ полудня дожеватъ зъ громомъ, а ночь випогадилася, а особливо къ свѣту недалному. Брati мои, Лука и Іоанъ, пріехали съ Кіева. Ездилемъ у вечеру до п. Михайла, где съ п. Петромъ видѣлся.

Неделя. 14. Сей день быль зъ ранку свѣтель и тепель, о полднѣ и до вечера дожчъ силний, къ вечеру вишогодилось и въ ночь такъ же. Обѣдалисмо у себе и съ нами Федоръ Чуйкевичъ; по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, и п. Михайло, и съ ними въ сенкілью игралемъ. П. Петру говорилемъ о томъ, что ясневел. гнѣвень на род. и мене за тое, же указъ присланъ объ опредѣленіи иаетностей на рангъ род. Сасиновки и Линовицѣ. Вѣжевскому далемъ 10 р. и въ реестрѣ записалемъ пріеномъ.

Понеделокъ. 15. Сей день быль свѣтель и тепель, по полуднѣ мокръ зъ силнимъ дожчемъ, ночь похмурна и холодновата. Обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ и тамъ зъ Гапкою Кондзеровскою и Александрикою посидя, повернулемся. Вѣжевскому далемъ 10 р. и въ реестрѣ его записалемъ. Вѣжевскій купилъ жита четвериковъ полъ 8 за 13 р., зъ даннихъ на расходъ грошіей.

Вовтор. 16. Сей день быль зъ ранку мокрый, холодний и похмурний, до вечора и черезъ ночь. Родителка и жена повернулись зъ Овдоколля, такъ же и братъ Марко. Да онъ же братъ пошлю-

былъ себѣ въ невѣstu дочерь п. Березовской Марфу подъ часть сеїй своеї въ Стародубѣ гостины¹⁾.

Середа. 17. Сей день и ночь были холодніе и вѣтряніе, и похмурніе. Рано ездили до п. Михайла и по обѣдѣ, гдѣ играли у люмбарь, а обѣдалисмо у себе.

Четверг. 18. Сей день былъ зѣ ранку мокрый и холодній, посля полдня теплѣйшій и виногодился, такъ же и ночь свѣтла. Посланъ подданній Крисковскій въ Криски и дано ему 20 р. раздавать до новии на жито. Былемъ у брегадира, которому сестра Толстая прислала кобиль и коровъ 8 и дани (?). Отецъ Павель Свѣтъ пріѣхалъ сватать сестри за Троцкого меншаго.

Пятокъ. 19. Сей день былъ вѣтряній, холодній, однако жъ виногодилася, ночь тепла и свѣтла. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р., шо и записалемъ. Посланъ Циганокъ Сварковскій за плитами, щобъ повитягать и дать тертичникамъ рѣзать, которому далемъ 5 р. зѣ тихъ же грошій.

Субота. 20. Сей день былъ зѣ ранку похмурний, потомъ теплій и свѣтлій, и ночь тепла и свѣтла. Посланъ Юско въ Роменъ Сухоносовку и Перервинцѣ. Черезъ его писаль до Якова Дуброви о пріездѣ его сюда. До Несторовича—обѣ немъ же. До Тараса—о виправѣ жъ Гданской и 12 р. ому теперъ посланніхъ на заплату казановъ и на проч. До Алексѣя—о присилкѣ сюда 50 овецъ да 10 воловъ, да корови съ телямъ, и мужика Маценка и проч., а ому Юску данъ приказъ въ 11 пунктахъ, якій велено возвратить за поворотомъ. Былемъ рано у п. Петра Апостола, обѣдали у себе.

Неделя. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночь такова жъ. Александра Левицкого сынъ крещенъ былъ, а восприемники были п. Петро Апостолъ да матка моя. Мы тамъ на пастовнику обѣдали. Читана грамота у п. гетмана о п. Петру, чтобы ему бить полковникою Лубенскимъ и тогда жъ ему пѣрначъ врученъ. По обѣдѣ была у насъ п. Петровая, п. Михайлова и братъ п. Михайло, зѣ которимъ въ городъ до п. Петра ездилисмо.

¹⁾ Дочь Стародубск. полк. есаула Семена Березовскаго. Опис. Стар. Маррос., I, 101.

Понедельник. 22. Сей день былъ зъ ранку похмурний, а по обѣдѣ дожеватъ зъ громомъ, по заходѣ солнца ночь випогодилася. Якову експедиція вручена и на воли мои 22, а род. 60 далъ, да 200 таляр. бит., да 20 р. да 10 камѣнчиковъ, да кубокъ у 14 лот. и проч. Родитель говорилъ мнѣ, чтобы мнѣ несумнитися о семъ, что всѣ друнта въ Глуховской сотнѣ имѣющіяся, мнѣ отданы суть.

Вовтор. 23. Сей день былъ зранку похмурний, передъ полуночью свѣтлий, послѣ полдня мокрый зъ силнимъ дожемъ и громомъ; при вечеру и чрезъ ночь похмурно. Яковъ Дуброва сегодня въ путь свой поехалъ, черезъ которого писалемъ до „“. Сегодня обѣдалемъ у себѣ, а по обѣдѣ били у мене п. Петръ Апостолъ съ панею, п. Михайло съ панею, и игралисмо въ кадрилью.

Середа. 24. Сей день былъ свѣтлий и теплій и ночь такова жъ. Хрушцовъ, Нѣжинскій полковникъ, вчора пріехавшій, видѣлся съ нами.

Четвер. 25. Сей день былъ свѣтлий и теплій и ночь такова жъ, а зъ вечера хмарно. Пускалемъ кровъ зъ медіяни цилюрикомъ Максимомъ Ходецкимъ. Сестра Уляна Ивановна пріехала зъ степу¹⁾.

Пятокъ. 26. Сей день былъ свѣтлий и теплій. Родителка и брати Лука и Іоанъ поехали въ Шабалиновъ, а былисмо у сестри. Грицку Дядѣ, Сухоносовскому подданному моему, на покупку воловъ далемъ 100 р. да черезъ его жъ послалемъ до Алексія 15 р., родителцѣ 15 р.

Суббота. 27. Сей день былъ свѣтлий и велми жаркій и ночь такова жъ, и по сторонамъ хмари. Былисмо на молебствіи о полученіи вѣкторіи подъ Полтавою, а потомъ у яспевел. на водцѣ и у Мякинина, а обѣдали сами у себѣ. Забара въ Свартковѣ войтомъ устроенъ и явился сюда.

Неделя. 28. Сей день былъ зъ ранку свѣтель и жарокъ велми, о полднѣ дожчь, вечеръ и ночь свѣтли. Обѣдалисмо у сестре, которая на очи захоровала была; потомъ былъ я у п. Михайла,

¹⁾ Т. е. изъ южныхъ полковъ.

где играли у кадрилью. Нанали съножать за Клевенею до Петровав. за 9 копъ, а Забарѣ даль 6 р. на косарѣ туда и за съножать.

Понеделокъ. 29. Сей день былъ рано свѣтлій, а за полдень дожчъ зъ громомъ, вечеръ и ночь свѣтли. Сегодня рано былисмо у п. гетмана на Бѣлополовцѣ, а незаставши его ездили до Тройци, откуду домой, где и обѣдали. По обѣдѣ была сестра у насъ, а потомъ п. Петро Апостоль, зъ которимъ знову повернулись туда жъ, а оттуду зъ сестрою повернулися. П. Якову (Полуботку) 10 р. позичилъ, швакгру своему.

Вовтор. 30. Сей день рано свѣтель былъ. По послуднѣ дожчъ къ вечеру и ночь свѣтла и тепла. Панъ Петръ Апостоль, пол. луб., отездъ свой имѣль въ полкъ, которого оправажалисмо до футура моего Калюжновскаго, где и вечералисмо обще. Ночовалисмо у футорѣ своемъ; а обѣдали у сестри, где и полугодовое покойной тіотки моей было поминаніе. Сестра подарила мнѣ хлѣбъ, жито зъ Кучеровки вивезенное, 30 четвер.

Середа. Іюль м-цы. 1. Сей день былъ свѣтлій и теплій и погодный, и ночь такова жъ. Сегодня рано поехалисъ съ футура своего Калюжновскаго до обозу, где стояла панѣ гетманова, оправожавшая п. Петра, съ которимъ простишись, поехалисъ съ п. Михайломъ до Дунайца и двора его осмотрѣвшіи, повернулемся назадъ въ домъ свой, въ Глуховъ, на обѣдъ. По обѣдѣ прїезжала сестра и п. Михайло съ панею, и играли у карти, въ кадрилью, зъ проигравшомъ моихъ 2-хъ гривенъ.

Четвер. 2. Сей день былъ теплій, свѣтлій и ночь такова жъ. Яковъ Жураховскій, Нѣжинскій, пріехалъ съ Москви и сказывалъ о скоромъ прїездѣ князя Шаховскаго и что ему грамоти на села не дано. Сегодня имѣли мы зъ сестрою разговоръ о содержаніи любве сродственной навсегда. Поехала сестра въ монастырь Гамалѣевскій для поминанія покойной тіотки и дадѣ. А мы повернулись зъ п. Михайломъ и панею его, а вечералии у швакгра п. Якова.

Пятокъ. 3. Сей день былъ теплій и свѣтлій и ночь такова жъ. Ездилисмо зъ женою до пасѣки Уздицкой, где опрочъ старой

и чоли 264, показалось роевъ до сего числа 40, а оттуду повернувшись, были у футоръ и въ Сварковъ, где и заночовалисмо.

Субота. 4. Сей день быль свѣтель и тепель, и ночь такова жъ, Рано, объ 6-и часу, слонце мѣнилось. Сего дня рано поехавши зъ Сваркова, пріехали въ Глуховъ на обѣдъ и обѣдали зъ род., а передъ обѣдомъ посѣщали родителя: брегадиръ, Количовъ, Новоторжцовъ, обоз. енер., судя енер. и бунчучний. Шо обѣдъ былъ Худолѣй и п. Михайло. Рубля до 6 р. придали еще на траву, что косатъ нанятую за Клевенею.

Неделя. 5. Сей день противъ прежнихъ быль свѣтель и тепель и такова жъ ночь. Быль я рано у п. гетмана, а обѣдалисмо у себе зъ родителемъ и п. Яковомъ. Родитель вручилъ мнѣ крѣпости на грунта около Глухова имѣючіеся.

Понеделокъ. 6. Сей день быль свѣтлай и теплай и ночь такова жъ. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ. Сестри обѣ зъ Гамаліевки пріехали. Ездилемъ вечоромъ до п. Михайла, отколь повернувшись засталемъ сестру п. судину. Составилемъ дѣло до Курицкого степу надлежащее.

Вовтор. 7. Сей день свѣтлай быль теплай и ночь такова жъ. Сего дня въ сестрою о сродственной любви утвержденіе по совѣсти чистой. Обѣдалемъ у сестри зъ другою сестрою.

Середа. 8. Сей день быль зъ ранку свѣтель и тепель, по полуночи вѣхоръ, громъ и дождъ. Вечеръ и ночь холодна, однакожъ ясна. Писма отправлены черезъ Урила въ Москву отъ сестри Уляни до князя Шаховского, до Курбатова и до Бориса Толстого, отъ мене до Камѣнскаго, зъ приложеннымъ реестрикомъ покупокъ, и до Курбатова привѣтъ и отъ Ели... (?) Швакгеръ мой п. Андрей Полуботокъ пріехалъ въ Глуховъ. Сестри были у насъ п. Михайло, и игралисмо въ карти.

Четвер. 9. Сей день быль свѣтлай и теплай, и ночь такова жъ. Полковники—Полтавскій Василь Кочубей, Гадацкій Грабянка были у присяги по рангамъ своимъ, на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо въ дому и въ насъ Березовская вдова, а сваття наша по брату Марку. Ездилисмо зъ п. Михайломъ и паню его, до швакга

п. Андрея, отоль до сестри, где и въ карти гралисмо; отоль въ его швакгра вечералемъ зъ женю.

Пятокъ. 10. Сей день быль свѣтлій и ночь такова жъ. Сестра п. судіна дала мнѣ гліобуси меншіе.

Субота. 11. Сей день быль сперва свѣтлій, а посла обѣда мокрь и дожчевать, къ вечеру випогодилось, ночь свѣтла и тепла. Родитель поехалъ въ Шабалиновъ, рано, по службѣ Божій. Обѣдалисмо у себе и съ нами п. Яковъ швакгеръ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира и Количова, у лазнѣ милемся. Волоси зъ голови падаючіе лѣчиль я, борщемъ змивши голову, въ якомъ жито оттоплено было толко одно зъ шалвѣемъ.

Неделя 12. Сей день быль свѣтлій и теплій, и ночь такова. Былемъ у п. гетмана, а обѣдалисмо у себе и съ нами швакровая п. Андрѣевая. По обѣдѣ была сестра у насъ, зъ которой ездилемъ до п. гетмановой.

Понеделокъ. 13. Сей день быль свѣтлій и теплій. Тертичникамъ Пироговскимъ далемъ 8 р. и 20 а. за 200 шнуроў, шнуръ по 4 р. и 10 а. Господареви далемъ 8 р. на росходи Крисковскіе, куда онъ и посланъ, и черезъ его посланъ пакетъ и пункта до Свѣдерского, старости Оболонскаго, розискать о попу, господару и подданнихъ. Швакгри мои обѣдали у мене. Тертичники Пироговскіе Андрѣй Крошенокъ да Остапъ Таранъ.

Вовтор. 14. Сей донъ быль свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Вчора преставлшегося попа ст. Михайловскаго, здешнаго Глуховскаго, отца Александра Волковѣцкаго, погребено въ той же церкви. Досипалемъ антала вендерскаго лягернимъ виномъ. Обѣдалемъ у сестри, заехалимъ до швакровъ моихъ, где была п. гетманова, да тамъ же мы и вечерали. За сестрою п. судіною ездилемъ со брегадира и просилемъ его принять чолобитную ея о раздѣлки зъ пасинками и обѣ отсрочки чолобитческихъ дѣлъ на ея. Господарь отправленъ теперь, а не вчера, въ Криски.

Середа. 15. Сей день быль свѣтлій и теплій, а ночь зъ дожчевъ и громомъ, толко тманъ (sic) день быль. Обѣдалисмо у себе зъ швакромъ п. Яковомъ, и по обѣдѣ били оба швакгри у насъ, отъ которыхъ я поехалъ въ Узицию и билъ въ пасѣцѣ, где было

уже роевъ около 100, оттоль возвратясь, пріехалъ домой. Швакгри написали карту до Сѣйдерского, старости Оболонскаго, чтобы молоть миѣ въ ихъ млинѣ Крисковскомъ безъ иѣрки. Швакграамъ п. Андрѣю даровалемъ табакерку сребраную, а п. Якову кертикъ. Панъ гетманъ захоровалъ противъ середи на констицацїю.

Четвер. 16. Сей день свѣтлій былъ, только къ вечеру хмари великие надійшли, и смеркомъ быль громъ и блискавици жестокіе, зъ великимъ дождемъ. Швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ отехалъ въ Чернѣговъ, котораго опровожать до Тулиголовъ жена моя поехала. Родитель п. братъ Марко пріехали сюда въ Глуховъ. Вечералемъ у сестри и позно повернулемся въ домъ свой. Гетманъ боленъ быль зѣло, але помалу началь ощущать отраду въ болезни своей.

Пятокъ. 17. Сей день быль свѣтлій и жаркій, по сторонамъ хмари, ночь свѣтла жъ и тепла. Панъ гетманъ лѣкарствомъ доктора Бока отмылся мало, але лихорадка прійшла.

Субота. 18. Сей день быль жаркій и свѣтлій, и ночь такова жъ. Юско послалъ въ Луб. полкъ и съ нимъ къ Несторовичу писмо и 40 р. на покушку мѣди, на казанъ пивоварний, а 10 р. Алексѣви на сѣнокосъ да къ немужъ листъ, а Юску приказъ въ 12 пунктахъ. Братъ Марко и швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ поехали въ Чернѣговъ. Брату далемъ 20 талар. бит. и листъ до архирея Чер. о сватанню его и обрученіи Якубовича зъ свойственною Марковой невѣстѣ. Сестра была у насть и другая. Войтъ Кіовскій Полоцкій, пріехавшій зъ Кіева, быль у гетмана. Дарованіихъ отъ сестри жита 30 четвериоовъ отобразалемъ. Приняль я отъ Вѣжовскаго ленегъ шинковихъ 15 зъ полтиною.

Неделя. 19. Сей день быль теплій чили жаркій и свѣтлій и ночь такова жъ. Рано быль я на Бѣлополовцѣ, где видѣлъ п. Михайлову тожъ болную, и п. гетманъ въ однакомъ болезни своей состояніи. Обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до сестри, где зѣ сестрою п. судіною простился, отехавшою въ домъ свой. Зѣ Якубовичемъ разговорувалъ о претенсїи моей такой, что отдалъ Губерна (?) 100 р., и Змеюву 50 р., безъ моего приказу, да въ

Демана 400 р., давъ Гаврила 375 р., да позичить велѣль на 150 р., якихъ доправить на должникахъ неизъ за скудостію ихъ, черезъ проездъ убитку на 15 р., итого 1090 р.; а что тютюнъ 10000 папушъ затонуло въ томъ убитку: папушу по 5 копѣекъ положивъ, на 500 р., итого всего 1590 р., Василій Жураковскій, бывшій асаулъ енералний, эъ чехотной болезни умре. Вѣжевскому далемъ 15 р. на расходъ.

Понеделокъ. 20. Сей день свѣтлій и теплій, и ночь таковажъ, только жъ оть середи прошлой понинѣ, и въ день и въ ночь, будто туманъ якій, за кототорою мглою ни слонца, ни мѣсяца видать такъ ясно, якъ водится, невозможно. Гетманъ боленъ и пароксизмъ повседневной лихорадки дважды билъ. Жена 10 р. на ярмарковое покупки взяла. Вѣжевскому на расходы далемъ 8 р.

Вовтор. 21. Сей день таковийже былъ и ночь. Жураковскій погребень зъ публѣчною церемонїею изъ пушокъ и дробного ружжа стрелбою, при церквѣ святого Михаила, въ купѣ зъ синомъ своимъ Петромъ. Обѣдалемъ у сестри. Македонскій, служитель сестринъ, зъ 15 возами воловими ся багажу, отправленъ въ Москву, черезъ которого писалемъ до архиерея Гурки о заплаченнихъ иною по его ледацѣ денгахъ на Печерскій монастырь 140 р., а на протчіе Киевскіе монастири 790 р., и чтобы респектовалъ о мнѣ, для того, что такіе его деньги зъ моимъ судномъ пропали и сіе я оть своего имѣнія. Писаль же я обѣ отсыпцѣ сего писма до Карагаева, а до Камѣнскаго писаль о дѣлѣ ему порученному.

Середа. 22. Сей день таковъ же былъ, якъ и другое прежнє, и ночь. Обѣдалисмо у себе зъ род., а передъ обѣдомъ навѣщали насъ старшина пол. Прилуцкая. По обѣдѣ сестра была у насъ. Пріехалъ Павель Апостолъ, Мир. пол.

Четвер. 23. Сей день былъ теплій и свѣтлій противъ прежніхъ, и ночь такова же. Обѣдалисмо у себе и съ нами старшина пол. Прилуцкая. Былемъ у гетманскомъ дворѣ на Бѣлополовки, и видѣлся зъ и. п. Павломъ и Петромъ, пріехавшими сюда ради болезни ихъ родителю. По обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ вечерялемъ. Пересталемъ декоектъ пить.

Пятокъ. 24. Сей день былъ теплій и свѣтлій, эъ малимъ вѣтромъ. Черезъ Григорія Шаргородского писалемъ писмо до Несторовича и 10 р. на косовицу послалемъ, а относимъ Забара войть. Имѣлемъ понссы, якъ разсуждаю, отъ декокту вчорайшого, эъ 15 столцовъ.

Субота. 25. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Увѣдомилемъ о прислючившемся брату Семену болезни горячцѣ, которому послалемъ лѣкарства черезъ Василя служителя, да ему жъ далемъ 20 р. на покупку коней робочихъ въ ярмарку Лубенскому. У лазнѣ милемъ и кровъ банками пускалемъ.

Недела. 26. Сей день былъ таковъ, якъ и вчорайший, только у вечеру туманъ, ночь тепла жъ. Обѣдалемъ у сестри, а дновалемъ у п. Михайла, п. Петра и п. Павла.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ таковъ, якъ и прежніе, ночь холодновата. Обѣдалемъ у себѣ, а передъ обѣдомъ былъ Люка, Гротъ и Кочубей молод. По обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и съ нимъ до Кочубея, а съ Кочубеемъ и Казѣмѣровимъ ездилисмо до Макинина, которого зъ Новоторжцовимъ избралъ Казѣмировъ отъ своей стороны въ медіаторѣ межи имъ и Кучубеемъ, изравшивъ нась двохъ, въ претенсїи интерессу отъ Кочубея надъ 3081 р. за брата его, небожчика и поговоря розехались, отложивши на завтрее.

Вовтор. 28. Сей день былъ таковъ же, якъ и прежніе, и ночь. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ ездилемъ до Макинина, гдѣ съ нимъ, также зъ п. Михайломъ посидѣвшіи и нѣчого нездѣлавши, розехались. Повернулись Сухоносовскіе люди зъ Багмуту и за 12 р. привезли соли 115 пуд.

Середа. 29 Сей день былъ противъ прежнихъ теплій и сухій, и ночь такова жъ. Обѣдалисмо у себѣ и съ нами Люка, а по обѣдѣ пріехала сестра зъ братомъ п. Михайломъ и женою его, и игралисмо въ карти, а потомъ сестра у насъ и ужинала. Зъ Москви отъ Камѣнскаго присланы туфлѣ ко мнѣ.

Четвер. 30. Сей день былъ похмурний, послая полдня вѣтеръ и дождь, ночь хмурна жъ. Радиону Кролевецкому, жителеви тутейшому Глуховскому, визичилемъ 100 р. а онъ виѣсто провизїи,

уступилъ вѣчно двора Бѣлошевского, а въ заставу положилъ дворъ мѣскій, комору крамовую, да поле Оробевское, на что и крѣпостей З., на поле одна, а на двори двѣ вручилъ мнѣ черезъ подписка родителскаго Якова, а срокъ отдать ему тѣа денги 1731-го году, октовор. 1-го числа, когда крѣпости на заставнѣе дворъ и поле отбереть къ себѣ. Обѣдалисмо у сестри и тамъ вечерали. Писалъ я черезъ Мехедзѣва (?) до род. о своемъ виездѣ въ Черниговъ, до Несторовича — о козаку броварномъ, о Игнату, въ футорь Гамалѣвскій о Тарасу и его изслѣдованіи поступковъ, до Кучарскаго — объ Омеллану, въ Сухоносовку. П. Павелъ и п. Петро поехали въ домы свои по полкамъ.

Пятокъ. 31. Сей день былъ мокрый, дожеватий и мало прохладный и ночь таковажъ. Гапка была унась, которой далемъ въ Киевъ елучай, З р. П. Михайло былъ у нась и простясь со мною, отехалъ.

М-ць августъ. Субота. 1. Сей день былъ свѣтлій до полдня, а потоинъ дожеватъ мало, а больше хмаренъ, въ ночь силній дожь зъ громомъ и блицавицю ишелъ. Ездилъ я зъ п. Михайломъ и панею его до сестри и играли въ карти. Родитель пріехалъ въ Глуховъ зъ Ромна и обявилъ о поправѣ брата Семена.

Неделя. 2. Сей день сперва былъ холодний и похмурний, а потомъ свѣтель и мало теполь, ночь сперва свѣтла, а потомъ похмурна. Обѣдалисмо у себе, и въ нась отецъ Якимъ, попъ княжой церкви. Даль приказъ Якову Карабуту до Сивалку Семену ехать въ Киевъ для куплѣ мажи соли и воловъ волоскихъ, и вина 80 р. Даль приказъ зятю стар. Тулиг., въ Москву еду-чому, зъ вовною и тютюномъ, и на покупки въ запасъ 35 р., а имъ на дорогу на вози два З р. Даль же прикалъ Забарѣ и другій Вѣжевскому о правлевіи дому. Виехалемъ зъ Глухова, простившиесь зъ родителемъ, засхалемъ до сестри и оттолѣ простившиесь, поехали и прибылъ въ Тулиголови.

Понеделокъ. 3. Сей день былъ зъ ранку свѣтель, о полднѣ дожь зъ громомъ силній, вечеръ и ночь погодна. Брать Марко пріехалъ въ Тулиголови и подалъ мнѣ писмо отъ швакgra п. Якова

Зъ отцемъ Петромъ сторговался: онъ мѣтъ, по Семенѣ, поставить миѣ цегли паленої 5000, тисяча до 7 зол., а всего приходить за цеглу 35 зол., таесть 7 р. Въ Тулиголовахъ ичоли всей 35, подкопніхъ¹⁾ въ томъ числѣ 7. Старостѣ Тулиг. далемъ 10 р. на потребы тамошніе и на заплату будинку за 11 копѣ купленного у Быстрику, а особливо рубль на вишнѣ. Поехали зъ Тулиголовъ въ путь мой, а уехавши милю, пріехалъ до Дубовичъ села, а оттоль до Обтова, въ трохъ миляхъ отстоящего, где зъ Иваномъ Забѣлою повидавшись, поехали зъ до Погорѣловки селца его, въ 5 верстахъ отстоящего, где въ дворѣ его и заночевали. Лѣкарство на товаръ хоруючій: достать отъ суки первыхъ щенятъ и онѣ побивши посѣкти на шматки и вложивъ въ горшокъ, налить водою чистою и накривши покришкою чили мискою, обмазать тѣстомъ и поставить у волномъ духу, чтобы такъ прѣло двое сутокъ, потомъ отставивши и простудивши заливать товаринѣ по полкварті мѣрою.

Вовтор. 4. Сей день быль свѣтлій и погодній, такова жъ и ночь. Поехавши зъ ночлѣгу отъ Погорѣловки и уехавши верстъ зъ двѣ, пріехалъ до перевоза, где пореехавши черезъ Десну, уехали лугомъ верстъ зъ двѣ и пріехалъ до села именуемого „“, монастыра Печерского, а оттоль зъ полтори милѣ до села Иванкова, монастыра Печерского, а оттуду верстъ у 3 до Крисіоекъ. У Крисіахъ часовъ слухали и обѣдали. Передъ вечеромъ поехали къ монастырю Рихловскому, отъ Крисіоекъ въ 6 верстахъ отстоящему, где пріехавши, переночеваль. У Крисіахъ горѣлки болшихъ куєъ, а една малая. Черезъ Вувдю, отпускающуюся въ Глуховъ, писалемъ до жени о своемъ въ монастырѣ отездѣ.

Середа. 5. Сей день зъ ранку быль до полудня похмурний и мало мокръ, а послѣ полдня къ вечеру сильный дождъ ишоль, ночь хмурна и холодна. Сей день пробавилемъ зде въ монастырѣ Рихловскомъ.

Четвер. 6. Сей день быль похмурень и многократно дождеватъ, а особливе подчасъ полдня. Ночь была похмурна и холод-

¹⁾ Подкопные ули; всѣдѣствіе переполненія медомъ, ставятъ надъ выкопанными подъ ули ликами, чтобы дать място сотамъ.

новата. Отъ духовного воспомянуо правило; постъ пятничний и параклисъ. Сегодня приобщалется Тайнамъ Святимъ и тутъ въ монастырѣ пробавиломъ. Получилемъ писмо отъ жени о приключившемся брату п. Семену рецѣдивѣ и Мануйловичу асаулѣ енер. паралѣжу.

Пятокъ. 7. Сей день былъ сперва похмуренъ, а потомъ теплъ и свѣтлый, ночь сперва дожевата и потомъ похмурна. Сегодня въ монастырѣ службы божіи вислушавши, поехалемъ и ездилемъ до Псаровки, а оттолъ повернулся въ Криски, зѣ Крисокъ до монастыря 6 верстъ и до Псаровки такъ же.

Субота. 8. Сей день былъ свѣтлый и теплій велми, ночь погодна, свѣтла и ядерна. Сегодня рано зде въ Крискахъ службы божіи слухалемъ, а по службѣ былъ у мене прaporщикъ Мекленбургскаго корпуса, зѣ вахмистромъ, такъ же Ерофѣй зѣ попомъ, который ожесточившись не приишоль зѣ людми въ примиреніе. Щиталь я реестръ господара Крисковскій, по якомъ оказалось: 1) пріему денежного всего по мой отездъ 158 р. и копѣекъ 74, а въ расходѣ 114 р. и копѣекъ 30, 2) жита въ пріемѣ Глух. 75 и пол. Понорницк. 78 и пол., итого 150 четвер. мѣри Понорницкой; 3) гор. выробилось по сіе число носатокъ 154, въ расходѣ носат. 95, а налице 59 нос.; 4) отъ шинкара Крис. доводится за 13 пос и квартъ 55, 21 р. и копѣекъ 5. Господареви далемъ 20 р. и сіе зачислилъ межи висшепрописанный пріемъ. Далемъ ему же господареви приказъ въ 15 пунктахъ, которого копія при семъ. Получилемъ писмо отъ швакгра п. Якова Полуботка объ учинившомся несогласіи у его зѣ п. Андрѣемъ, на которое отписалемъ, совѣтуя терпеливно зносить, да приложилемъ о Грембецкого деревняхъ и форму купчой приложилъ, да и о попу Крисковскому писалемъ же. Черезъ того же служителя п. Якова писалемъ до жени о себѣ, прилагая и то, чтобъ Вѣжевскій да Забара не отпускали Крисковскихъ подводъ въ порожнѣ назадъ, але давали бы жито. Поехалемъ зѣ Крисокъ по службѣ и пріехалемъ до Оболоння на обѣдъ, а ехалемъ милю до монастыря Рихловскаго, а отъ монастыра милю до Оболоння. Пообѣдавши, переехалемъ тутъ черезъ Десну, пріехалемъ

до Коропа, въ 4-хъ верстахъ отъ Оболоння отстоящого, где въ дворѣ покойной тіотки моей, гетманши Скоропадской, заночевалемъ.

Неделя. 8. Сей день былъ свѣтлій и теплій, ночь свѣтла и холодновата. Рано отъ ночлѣга вставши, поехали и уехавши 3 милѣ, пріехалемъ до Шабалинова, въ 3-хъ миляхъ отъ Коропа отстоящего, где и обѣдалемъ. Писалемъ отсюду писма: въ Глуховъ, до родителя, о себѣ и о Якубовичу, въ Чернѣговъ появившемся обавляющи. До Вѣжевского и Забари о приданку денегъ зъ шинковного збору на приказанніе имъ нужди до исправленія; о посылки жита черезъ Крисковцовъ въ Криски и объ неотпуску ихъ въ порошнѣ, о лѣкарствѣ на товаръ, чтобы завременно предварали. До Люки комплементъ. До господара въ Криски, о намету и денгахъ сестринихъ отъ Иваницѣ доводящихся взять, о устроеніи 9 казановъ, о сооруженіи ями дубовой, и чтобы зъ зборныхъ денегъ употребилъ часть на исправленіе повеленнихъ ему рѣчій, когда данныхъ денегъ не станетъ. Поехавши отъ Шабалинова, по обѣдѣ, пріехалемъ къ Новимъ Млинамъ, где зъ Иваницею видѣлся, и въ томъ что къ господару писалемъ разговорувалъ, а зъ Шабалинова до Новихъ Мливовъ около 7 верстъ; зъ Новихъ Мливовъ уехавши милю, пріехалъ до села Головенки, писара енер., отъ Головенки уехавши верстъ зъ 2, сталемъ на ночлѣгъ.

Понеделокъ. 10. Сей день былъ свѣтлій и теплій, ночь свѣтла жъ и ядрана. Отъ ночлѣга вставши, уехали около 2-хъ миль и пріехалъ до Бахмача, отъ Бахмача верстъ зъ 2 уехавши, пріехалъ до Куренѣ, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ уехалъ 2 милѣ до Гайворона, отъ Гайворона милю до Дмитровки, тутъ и ночовалемъ. Въ Куренѣ далемъ приказъ Радкевичу и старостенку Шабалиновскому инструкцію тоестъ протестъ и листъ до Якима Горленка, хоружого енер., до комиссии ихъ объ разездѣ степу Курѣнского стягающіеся¹⁾.

Вовтор. 11. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Отъ Дмитровки уехалъ 3 милѣ, тоестъ верстъ 22, до Бубновъ, где у отца Свѣта и обѣдалемъ съ нимъ и зъ Федоромъ

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., II, 179.

Заборовскимъ и паню его. По обѣдѣ, 17 верстъ уехалъ до Ромна, а прѣехавши, засталемъ родителку, брата Семена и другихъ при добромъ, слава Богу, здоровью.

Середа. 12. Сой день быль свѣтлій и теплій, въ день маленкій дожчикъ, вечеръ и ночь свѣтліе и тепліе. Куцилемъ у Петра Воротеляка гнѣвдого коня 7-ми лѣтъ, за 13 р. Прїехала жена зъ дѣтми, передъ вечернею.

Четвер. 13. Сей день быль зранку свѣтлій, зъ полдня дожчавать, передъ вечеромъ випогодилось, а по заходѣ солнца знову дожчъ, ночь похмурна, передъ свѣтомъ випогодилась. Сего дня обѣдалисмо совокупно, по обѣдѣ поехавши, уехалемъ миль 3 до Андрѣевки, а оттолъ въ свой Гамалѣвскій футоръ, где и ночовалемъ. Тамъ же осмотрувалемъ пчоли своей, якой всей будеть 80, въ томъ числѣ подлой (плохой) зъ 20. Родителцѣ 15 р. Сѣна уробленного всего скирть 18 тутъ въ футорѣ моемъ, а еще на 7 скирть покошеного сѣна будеть.

Пытокъ. 14. Сей день зранку холоденъ и похмуренъ, потомъ потеплѣлъ, а вѣтрянъ, ночь свѣтла, а холодна. Сего дня тутъ у футорѣ Тараса, за показаніе отъ его безчиніе, покаралемъ, и отѣхавши оттуду, прїехалимъ въ Роменъ передъ вечеромъ. Ярема отвузъ 4 пуда мѣди на казанъ броварний въ Глинскъ и знову отобратъ.

Успеніе Пр. Б. Субота. 15. Сей день быль зранку холодноватъ, а потомъ свѣтель и тепель, ночь свѣтла и погодна. Обѣдалисмо у протопопи Савѣцкого и подпіахомъ. Отправленъ Пиндюренко зъ Сварковцами въ Глуховъ, черезъ которого писалемъ: 1) до род., о моемъ и жени моей прїездѣ сюда въ Роменъ; 2) до Вѣжевскаго и Забари 10 пунктовъ. Огъ Несторовича отобратемъ назадъ 40 р., которое были ему данни па покупку мѣди.

Неделя. 16. Сей день быль сперва свѣтлій, потомъ дожчеватъ, къ вечеру випогодилось, ночь свѣтла и погодна. Демянъ и Василь, служители, прїехали зъ Глухова въ Роменъ; послѣдний сказаль, что за 20 р. данихъ ему купилъ онъ 6 коней возовихъ робочихъ, а первый подалъ листъ отъ родителя и за свое безчиніе

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристики, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служитъ проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнійшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнійшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода уврашеній одеждѣй, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-Й.

+ I. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.	СТР. 139—141
+ II. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Г. ЧЕСТАХОВСКАГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКѦ.	142—144
+ III. УКРАИНСКИЙ ФИЛОСОФЪ ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА. Д. И. Багалѧ. (<i>Продолжение</i> статьи).	145—169
+ IV. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРОУССКОЙ СТАРИНЫ. (А. И. Мартосъ). Ал. Лазаревскаго. (<i>Продолжение</i>).	170—194
+ V. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. Н. Ф. Сумцова.	195—206
+ VI. КОЛЯДКИ РЕЛИГІОЗНО-АПОКРІФИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ. Хр. Ящуржинскаго.	207—217
+ VII. ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КІСТЬЯКОВСКАГО. (<i>Продолжение</i>)	218—233
+ VIII. КЪ ЮЖНОРУССКИМЪ ЦѢСНЯМЪ. (Матеріали по этнографії южноруссовъ). Б. Быстрова.	234—256
+ IX. ПАМЯТИ ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО. (Съ портретомъ). П. Житецкаго.	257—264

ОТДѢЛЪ II-Й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Два пеизданнія письма Т. Г. Шевченка. б) Письмо Т. Г. Шевченка. в) Къ біографії Т. Г. Шевченка. Сообщ. Левъ Мацѣвичъ . г) Письмо въ редакцію. Ал. Маркевича. д) Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году. А. Л. е) «Листъ» печерского архимандрита Іанонентія Гизела на сборь милостыни для выкупа у татарь плѣнника. Сообщ. А. Л. ж) Свидѣтельство современника о Наливайкѣ. Сообщ. Е. Н. з) Святочна народная драма «Пронъ». В. Ястребова. и) Сказка о котофеѣ. О. Кудринскаго. і) Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Тавскомъ и его тещѣ. А. Л.	43—66
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. т. I. Территорія и населеніе. Н. В. б) Изѣстія Таврической Ученой Архивной Комміссіи. в) Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Приложение къ біографії князя А. К. Разумовскаго. г) Киево-Братскій училищный монастырь. Исторический очеркъ. Н. Мухина. О. Титова. д) Археологическія Изѣстія и Замѣтки, издаваемыя Импер. Московскими Археологич. Обществомъ подъ ред. дѣйств. чл. А. В. Орѣшникова. В. Ястребова. е) О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Україну отъ польской неволи. И. Слѣпушкина. И. Каманина. ж) Dr. G. Radde und E. König. Das Ostufer des Pontus und seine culturelle Entwicklung im Verlaufe der letzten dreissig Jahre. В. Ц. з) Живописная Україна. Н. Ш. и) Журнальное обозрѣніе.	67—88
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (49—64). 2) Любецкій Архивъ. (1—16). 3) Портретъ Г. С. Сковороды.	

отъ спрощенія

**Вышли и продаются въ книжныхъ магазинахъ въ
гг. Киевѣ, Харьковѣ и Черниговѣ:**

- 1. Чайченко.** Батько та дочка.—Оповидання про те, якъ чоловики въ шахти пригода трапылася. Черныг. 1894.
Ц. 5 коп.
- 2. Чайченко.** Пидпалъ.—Панько.—Два оповидання.—Черныг. 1894.
Ц. 3 коп.
- 3. Чайченко.** Робинзонъ. Оповидання про те, якъ чоловикъ по чужихъ краяхъ мандрувавъ і якъ винъ на острови живъ. Черныг. 1894. Ц. 10 коп.

НЕЧАТАЕТСЯ:

- 4. Жыви струны.** Збирникъ народнихъ писень.
-

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Января 1895 года.

Скобо
Старинн! Тройка
роды воли

Любимые привычки и испанской фокусы.
Больше я эти дни практикую волшебные фокусы
и Логические науки, передавшие мне приезды.
Доставляю эти сорок пятьдесят в Северодвинск

ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(ЗАПИСЬ Г. Н. ЧЕСТАХОВСКАГО¹⁾).

Колысь то было мы съ покойнымъ Штернбергомъ ходылы на Смоленьске кладовыще²⁾ рисувать лопухи,—воно-жъ дуже прыгоже на картины; якъ змалювать на переднимъ стани, то воно дуже гарно.—Тоди ще мы булы ученыкамы въ академіи.—Оце было, якъ настане лито, то мы повстаемо раненько, до схидъ сонечка, та-й попластаемо на Смоленьске рисувать лопухи, та позарошуемся по трави, якъ добри рыбалки, поки набредемъ на сами гарниши и росташуемся дило. Та рисуемъ, рисуемъ, поки сонечко геть-геть подибъетца. А якъ стане дуженько прыгивать, отоди вже мы заморгнемъ дило въ капшушки, позаховуемъ въ кишени, та й гайда до дому! Та по дозори й звернемъ въ другу смугу, за великомъ граданомъ (проспектомъ)³⁾, тамъ була невелычка деревяна хатка, а въ тій хатынощи жила нимкеня зъ дочкию,—ото вона було зварекофе, а мы напьемось, подаюемо та тоди вже йдемо въ академію, въ наши майстерни, та й заходымось коло доброго заходу—мурувать Спаса та гостри верхи (?) выводыть, до годыны

¹⁾ Г. Н. Честаховский бытъ однъ изъ небольшого кружка пріятелей Т. Г. Шевченка въ послѣдніе два года его жизни. Онъ провожалъ тѣло поэта изъ Петербурга до Канева.—Настоящая запись нашлася въ бумагахъ умершаго Г. Н. Ч—аго, въ настоащее время находящихся въ собраниі В. В. Тарновскаго.

²⁾ Въ Петербургѣ.

³⁾ На Васильевскомъ-Острову.

третёи або четвертои, поки пора обидать. А пообидавши, рисуемо часивъ до семи, а тоди напьемось чаю тай пидемъ вештатця по великуму градану або до знакомыхъ у гости.

Дуже добре тоди жилося! Шо то за добряча, шо за щира людьина бувъ отой Штернбергъ! Боже мій, якъ згадаю, якъ то гарно, якъ весело було товаришувати зъ нимъ! Оде було гуляемъ, гуляемъ на градани, а товарыство малари намъ назустричъ, то одынъ, то двойко, та й назбираєтця чималый гуртъ. Отъ мы намовымось куды звертать, та й пидемъ—або до кого зъ товарышивъ, або въ академію, въ майстерни, пробалакать вечиръ.—Іноди було й Брюловъ опынитця середъ нашого гурту.... Та люба, та щира розмова, якъ те море грає, золотомъ горить на сонці, гомонить та клекотить, такъ мы гучно та весело гайнуємъ беседою.—А якъ колы, посидаемъ на човныки та дмухнемо було на вольни острова!—Разъ, якось намовылъсь зъ Брюловымъ погулять-рисувати, захотили вже и по чароцци, на пристани коло академії силы въ човникъ: Брюловъ, я, Штернбергъ и Михайловъ, и поплыли... А день—не день, а рай Божій, ясний, тихій та веселый... Тильки чуты риткинъ (*sic*) жайвороній!—Перевожчикъ добре гнавъ човенъ, доплыли острова, высили, а ёму дали два карбованци и выпровадили до дому, наказавъ ёму, шобъ прыплывъ за нами передъ вечеромъ.—Ото мы й росташувалъсь... И шо то за день бувъ золотий!—И рисували й читали, бо Брюловъ дуже любивъ читаня: оде було, якъ дома малює, то шобъ хто небудь читавъ ёму, а винъ слуха та малює.—Або якъ занедужа та лежить на лижку, то тежъ, шобъ читали ёму.—И розмовляли, и спивали, и пыли по чароцци та заідалы усячиною. И дуже, дуже весели були!—Отъ уже й вечеріе, и вечиръ, а перевожчика—нема; уже й ничъ, а ёго не чуть... Колы, якъ разъ упивночи, чуемо—плыскоче веслами по води, ажъ гульєтъ—плыве човникъ до нашого берега... Приплывъ, а видтиля знялось три чоловики, виступили на островъ двое зъ клунками, а третій съ сапетыкомъ¹⁾ въ рукахъ. То наше товарыство, воны

¹⁾ Корзиночка.

увечери вештались по лису, на другимъ боци, та съ того берега розчули напѣ галасъ, та ударылысь до Петербурга, захопылы зъ собою всякои злагоды на човныкъ та й прылаптувалысь до нась... Отъ—ничъ ище сталась намъ яснишою, и сонъ розигнався... А въ-ранци, дывымось, ще тры човныки прыбылось до нась зъ товарыствомъ: воны прочулы, шо мы на вольнимъ розволи зъ Брюловымъ бенкетуемъ, та цилисинъкою батавою злаштувалысь додать намъ и—додалы: прывезлы зъ собою кашовара зъ усякою знадобою и самоварамы и—чого тамъ не було... И знову таку беседу зачинылы шо й доси гикаетця, якъ згадаешь чого тамъ не переговорылы... шо ще до Адама було, то й те згадувалы!—Та отакъ мы—два дни зъ яснымъ сонечкомъ и два ночи зъ билолыцимъ мисяцемъ, укупци, проярмаркували, а на третій, увечери, поплылы до дому спочиватъ.—А про перевозчика дознали, шо винъ за два карбованци упывся, а про нась и забувъ... Боже-батьку, якъ згадаешь оте житя вольне, молоде, веселое!—наче сонця освить розсвите чорну хмару, осяє мою сумну душу, сердце зрадіє, обновитця, якъ та Божа веселочка посля тучи-грому, видъ ясного сонечка, и ріє въ високости! — И туманъ, хмари-думы, якъ та павутына, сидуть зъ мозгу.

А зимою частенько траплялось сидити безъ копіїки въ холодныхъ майстерняхъ: ни въ єго, ни въ мене нема а ни пившеляга у кишени—...

Изъ воспоминаний Н. Г. Честаховскаго о Т. Г. Шевченкѣ¹⁾.

Кобзарь Тарасъ Грыгоровычъ Шевченко якось дуже бидкався, що не збреде натурщици для парсунку выду ковацькою вроды.—А постривайте, батьку, я понышпорю, чи не надыбаю де гніздечка, щобъ пидодратъ орлыцю, може Богъ погодить, а хвортуна стане въ прыгоди.—„Будте ласка, сердешно васъ прошу поклоночиця, якъ мога, бо мени дуже, дуже треба“.

Я пишовъ до знакомої семиї української и почавъ благать жинку Горпину, ридну сестру українського маляра Петра Соколенка, щобъ вона сама, а колы хоче, то ще зъ кимъ небудь, повела свою сестру Одарочку въ академію, до батька Тараса—звести іи выдъ на папери. Горпина Соколыха не знала якъ се дило укукобыть и каже: „я не знаю, треба спытальца бративъ, шо вони скажуть“. А браты тоди пробували въ України, въ Славгороди. На велику силу ублагавъ іи, вымигъ слова, що пиде зъ сестрою до Кобзаря, але жъ щобъ братамъ написать про се, и то тильки тимъ, що якъ ще жила на України, то перечувала про мене добре видъ бративъ, якъ було попрыйздать зъ Питибурха, а теперъ и сама добре знала, якій я чоловикъ; а то ни въ свити не пишлабъ... Я при ній написавъ видъ себе листъ и пославъ братамъ іи Соколенкамъ въ Україну, щобъ вони не жахалысь цёго дила, якъ сестра ихъ Горпина, а ще гордувалысь тимъ, що ихъ Одарочка стане въ прыгоди и послуже тому, хто ставъ дуже въ великій прыгоди усій України.....

¹⁾ Настоящий разсказъ найденъ въ бумагахъ Н. Г. Честаховскаго и приводится здесь дословно.

Я навпосли дознавъ, якъ це склалось, уже безъ мене. Ось якъ було: у субботу Одарочка прыйшла до дому видъ модныци французки, де вчилася шитя; а въ недилю, зъ своею замижненою сестрою Горпиною и родичемъ, жонатымъ чоловикомъ архітекторомъ Хижнякомъ, ранкомъ, въ десятимъ часи, чорнява симнадцятилітня Одарочка—въ билій чохлатій сороцци зъ червонюю стёжкою, въ плахотці, запасці, стричкахъ, кисникахъ и головка квитамы заквичана, якъ макивка на городи, опинилася—зацвила въ кобзаревій майстерни...

У понедилокъ я навидавсь до Кобзаря,—дознатъ, чи приходыла Одарочка до его?—Винъ, якъ орель крылами, ухопивъ мене дужими руками и прыдавывъ до своихъ дужихъ орлихъ грудей!—„Спасыби тоби, мій голубе сзыый, мое серденько любе, за твою добру ласку, бодай тебе николы лыхо не знало!“—А за вищо се, батьку?—„Учора у мене бувъ великанденъ въ першій разъ писля того, якъ выгнала мене лыха доля зъ України... Учора я такъ зрадивъ, звеселивъ, обновивъ сердцемъ, якъ радіють вирющи, шо Христа дочиталысь на великанденъ!—наче важке тагло зъ грудей зсунулось.—Десять рикъ просыдивши въ Оренбурси, наче въ густимъ тумани, якъ кайданыкъ въ мурахъ, не бачивши сонця, ни живои людны, а вчора несподивано—чорнява Одарочка, якъ макивъ квіть на сонечку загорилася на моихъ очахъ, пыломъ прыпалыхъ, и якъ те сонечко ясне освityла мои очи, просяяла туманъ зъ души заснутого сердця... Хвалиты Бога, шо не вмеръ на чужыни, оде довелось побачить, подывиця на макивъ квіть зъ козацького огороду! Що за люба дивчинка ота Одарочки, якій голосочокъ, яка мова, дзвенить краще срибла, а душа—яка славна, чиста! Ще не вспила зачумытись смердючимъ духомъ.—Якъ пташка зъ божого раю напшебетала мени въ оцихъ мурахъ сумныхъ¹⁾). Наче ненька Украина тхнула мени въ сердце теплымъ, легкимъ духомъ, пахучими нывамы, запашистымъ квітомъ вишневыхъ садочкivъ й травы зеленои, якъ побачивъ чистисинку свою людчину, по-

¹⁾ Шевченко живъ въ это время въ академії художествъ. Рассказъ относится, повидимому, къ 1859 г.

чувъ ридну мову. Охъ, Боже мій, колыбъ скориши лито, поман-
друю на Вкраину, дуже закортлио!—Де вы й выдралы оцию ма-
лёвану пташенку?“—Я росповидавъ, шо вона крипачка, вся
семья и весь ридъ іи—крипаки князивъ Голицькихъ.—Браты
наче зъ воды вырослы, якъ одынъ хороши навроду: Хведоръ—
кухаремъ, Микола—панькае коло князя, чисте чоботы и всяке
збижжя, а Петро—малярь-попыхачь усякихъ одбуткивъ у кня-
гynи.—Я росповидавъ, а Кобзарь тыхесенъко ходывъ, трошки по-
хило, вздовжъ майстерни, въ бархатныхъ чоботахъ и кобыняци
козацькому. Гости бровы его осунулись, наче темна хмара хо-
лодно насумрила очи... Промовывъ: „горе-горенъко въ свити, лы-
шенико тяжке, яке добро гине и никому ратуваты!“—Хто чу-
вавъ, якъ було теплисенъко гріє въ сердце его ясна, тепла, якъ
грій сонця, мова, якъ поведе розмову про свою запашню нень-
ку Україну и про людъ козачій... Хоть найсухше сердце рос-
топе и выдаве зъ его криваву слёзу... Хто чувавъ, у того й ді-
домъ (sic) не замре, не заниміє, щимитые въ сердци его голосъ,
щире слово и до вику райськимъ спивомъ правды на души (буде)
выйтати....

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе и жизнь¹⁾.

Прошло сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды († 29 октября 1794)— и только теперь появились въ свѣтъ его сочиненія. Правда, не все то издано, что розыскано мною: кое что пришлось по необходимости отложить въ виду различныхъ обстоятельствъ— но все таки съ рукописей сдѣланы копіи, которыя хранятся въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Быть можетъ, окажется возможнымъ издать и ихъ, что было бы, конечно, самое удобное и правильное; но еслибы этого почему либо исполнить не удалось, то и тогда духовное наслѣдіе Григорія Саввича будетъ обеспечено отъ гибели и порчи, а можетъ быть, удастся отыскать и еще что нибудь изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ мы не имѣемъ въ рукахъ, но которыми пользовались прежніе изслѣдователи. Впрочемъ можно сказать, что новыя находки едва ли способны были бы измѣнить наше сужденіе о Г. С. Сковородѣ, какъ писателѣ, такъ какъ оно основано на *всей совокупности* его учено-литературныхъ трудовъ, какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ еще; онѣ могли бы *дополнить* наше сужденіе, но не измѣнить его. Въ этомъ отношеніи мы находимся

¹⁾ Настоящая работа является прямымъ продолженіемъ моего изслѣдованія о Сковородѣ, помѣщенаго въ качествѣ предисловія къ его сочиненіямъ, изданнымъ Харьк. Ист.-Филол. Обществомъ, гдѣ оно занимаетъ первыхъ 132 страницы.

въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что о Г. С. Сковородѣ существуетъ весьма значительная литература (подробно очерченная мною въ 1-й главѣ изслѣдованія, напечатанного передъ его сочиненіями), новѣйшіе труды—г-жи А. Я. Ефименко, Ф. А. Зеленогорскаго и мои—впервые пытаются освѣтить учение Сковороды по его первоисточникамъ, т. е. сочиненіямъ. И это понятно: только теперь, съ находкою массы его рукописей, мы, можно сказать, открыли Сковороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его въ этомъ отношеніи. А оцѣнка учения и жизни дасть материалъ и для сужденія о значеніи его вообще. Мы будемъ основывать свое сужденіе на документальныхъ данныхъ и избѣгать всякихъ рискованныхъ сравненій, памятуя, что *comparaison n'est pas raison*, и руководствуясь тою осторожностью въ выводахъ, которая столь необходима при оцѣнкѣ всякаго исторического дѣятеля.

Давно уже дѣлали попытки опредѣлить сущность учения Сковороды, но давали слишкомъ общіе отвѣты, вытекавшіе изъ случайного сходства, а не изъ всей совокупности критически провѣренныхъ материаловъ. Называли Сковороду и украинскимъ Сократомъ, и украинскимъ Діогеномъ, Пиѳагоромъ, Оригеномъ, Лейбнициемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Сковорода запротестовалъ, если только Хиждеу даетъ вѣрное извѣстіе, противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ... будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрить, какъ однимъ ловтемъ портной мѣрить и золотую парчу, и шелковую тканку, и полотняную рядчину“. Если Сковорода и не писалъ этихъ словъ епископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, то онъ *могъ бы* такъ выразиться, потому что былъ человѣкомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью и самъ прекрасно сознавалъ это. Тоже самое вышло и съ кличкою „мистикъ“. Многіе, до нашихъ дней, приклеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ себѣ труда указать, по крайней мѣрѣ, на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа въ разъясненію учения этого оригинального мыслителя и новая кличка, которою пытались замѣнить прежнія,—радикалистъ *puresang*. Нельзя сказать, чтобы въ

Сковородъ не было никакого сходства съ тѣми личностями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ, сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его и подмѣтили прежде всего); но это было виѣшнее сходство формы, но не содержанія, это же послѣднее оставалось неизвѣстнымъ въ той его цѣлостности и полнотѣ, какую даетъ совокупность учено-литературныхъ трудовъ писателя.

Спрашивается, каково же было міросозерцаніе Сковороды,вшедшее себѣ выраженіе въ его сочиненіяхъ, какія идеи проводилъ онъ въ своихъ трудахъ, чего хотѣлъ, какъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ?

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на содержаніи каждого сочиненія Г. С. Сковороды въ отдѣльности (ибо сдѣлано это раньше, во 2-й главѣ нашего введенія къ изданію его сочиненій), а только постараемся предоставить его міросозерцаніе въ краткомъ, но систематическомъ видѣ.

Обращая вниманіе на темы, которыя разрабатывалъ Сковорода, внивая въ сущность ихъ содержанія, мы замѣчаемъ, что нашъ украинскій філософъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е. другими словами—*релігія* была для него філософіей и філософія релігії. Нельзя указать у него ни одного сочиненія, которое не было бы проникнуто религіознымъ направленіемъ. Даже такие труды, которые отличаются преимущественно філософскимъ характеромъ (например, трактаты о душевномъ миรѣ) въ сущности имѣютъ ту же основу и находятся въ тѣснѣйшей логической связи со всѣми остальными. Съ этой точки зрѣнія сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью: въ нихъ нѣть противорѣчій; есть только кажущіяся повторенія, потому что Сковорода иногда въ новыхъ трудахъ развивалъ болѣе подробно то, о чёмъ говорили уже въ прежнихъ. Данное имъ опредѣленіе значенія філософіи совершенно почти тождественно съ указаннымъ имъ же значеніемъ Бібліи, какъ источника христіанской релігії; изъ этого видно, что онъ отождествлялъ ихъ другъ съ другомъ. На вопросъ губернатора Щербинина, о чёмъ учить Біблія—

Скворода замѣтилъ: „О человѣческомъ сердцѣ; поваренныя книги учать, какъ удовольствовать желудокъ, псовые, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Біблія учить, какъ облагородствовать человѣческое сердце“.

На вопросъ одного изъ ученыхъ, что такое философія— Скворода отвѣтилъ: „главная цѣль жизни человѣческой; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣеть цѣль въ жизни, но не вслѣдъ занимается главою жизни, иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной очамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вѣщамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ весель, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сie есть философія¹⁾“. Здѣсь, какъ мы видимъ, философія прямо опредѣляется, какъ познаніе духа въ человѣкѣ, дающее ему душевное спокойствіе, т. е. счастье. А это познаніе собственного духа даетъ человѣку и познаніе Бога, который находится внутри насъ и открывается въ самопознаніи. Такимъ образомъ здѣсь, да и въ другихъ пунктахъ, кои увидимъ далѣе, философія у Сквороды соприкасается или даже, можно сказать, отождествляется съ религіей. Онъ признавалъ одну только философію Духа, а не плоти, такъ же точно, какъ и одну религію духа, но не обрядовъ. Въ предисловіи къ трактату „о древнемъ мірѣ“ (въ письмѣ къ Ковалинскому) Скворода изображаетъ смыслъ своей жизни, какъ философа, какъ человѣка, нашедшаго ея центръ—и эта философія оказывается познаніемъ Господа любовью къ Нему, исполненіемъ Его заповѣдей, т. е. христіанской религіей Сквороды. Это было духовное любомудріе, иначе христіанская философія, какъ ее называетъ самъ Скворода. Она какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ

¹⁾ Сочиненія Григорія Саввича Сквороды, собранныя и редактированные проф. Д. И. Багалѣмъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. Х. 1894, 132, 352 стр. Цѣна 4 р., 1-е отд., стр. 30.

имъ текстомъ: „блаженъ мужъ иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается сиятынь, размышилля пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится“ (2-е отд. стр. 46). Философствовать, говорить онъ, нужно во Христѣ т. е. Духѣ, а не въ стихіяхъ. Апостолъ Павель „сіе мудрованіе (на плоти) мертвыхъ сердецъ называетъ пустою філософіею; которая бражничаетъ по стихійной бурдѣ и препятствуетъ філософствовать по Христѣ, котораго Богъ послалъ въ качествѣ Духа въ сердца наши. Такое плотское мудрованіе мѣшаетъ нашему восхожденію въ высшій первородный міръ и обращаетъ глаза наши долу (2-е отд. стр. 56). Ту же мысль онъ разъясняетъ въ письмѣ къ Тевашову, которое служить предисловіемъ къ его „Ізраильскому змію“. Здѣсь онъ доказываетъ, что такимъ любомудріемъ должно заниматься и дворянство, какъ единственное въ то время сословіе (за исключеніемъ, конечно, духовенства), державшее въ своихъ рукахъ дѣло образованія народа. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода оставался и истиннымъ філософомъ, ибо ставилъ цѣлью человѣческой жизни разъясненіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворить владѣющее тѣломъ сердце наше. Пієагоръ, раскусивъ емблематъ треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ воспіетъ: обрѣтохъ! обрѣтохъ! Видно, что жизнь живеть тогда, когда мысль наша, любя истину, любить выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ услаждаетъ и старость Соломонову; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всѣми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весеннее солнце каждую тварь. И какъ правильная циркуляція крови въ звѣриахъ, а въ травахъ соковъ рождаетъ благосостояніе тѣлу ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣкіихъ избранныхъ человѣковъ монументы и записки сею надписью оглавлены: житіе и жизнь имярекъ. Житіе значитъ—родиться, кормиться, расти и умаляться; а жизнь есть плодопри-

иошеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшее въ сердѣ ихъ" (2-е отд., стр. 252).

Но говоря о религіозномъ характерѣ міросоверданія Г. С. Сковороды, слѣдуетъ ближайшимъ образомъ опредѣлить его основную, коренную черту. И такую черту отыскать не трудно: она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ сочиненія Сковороды, составляетъ исходный пунктъ его воззрѣній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Сковорода проводилъ идею о *двуихъ началахъ—матеріи и формѣ, иначе тлійномъ и вѣчномъ, плоти и Богу и о господствѣ второго (невидимаго, нематеріального) надъ первымъ (осозаемымъ, времененнымъ); только второе должно быть признано субстанціей, первое же является ея постояннымъ атрибутомъ.* „Весь міръ состоитъ, говоритъ Сковорода, изъ двухъ натуръ—одна видимая, другая невидимая. Видимая натура—тварь (въ другихъ мѣстахъ онъ даетъ ей множество другихъ аналогичныхъ названій), а невидимая—Богъ (котораго онъ также иначе называетъ Духъ, истина, умъ и т. п.) Сія невидимая натура или Богъ всю тварь проникаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ; вездѣ и во всемъ онъ—основаніе, голова; вся же тварь является только тѣнью, пятою, ризою его; ей вѣчность не свойственна: она постоянно измѣняется; это и есть смерть; возставать противъ нея, стоять за тлійное—значить идти противъ Бога, обижать его. Жизнь, разсуждалъ онъ, подобна вѣнцу: начало и конецъ ея заключаются въ одной и той же точкѣ. Колось родится изъ зерна и снова превращается въ зерно, духъ исходитъ отъ духа и снова идетъ къ нему. Каждому существу назначено его поприще, чтобы оно могло явить, по образу Вѣчнаго, свои силы, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости, и за тѣмъ снова вступить въ свое начало, т. е. свое ничто. Первый и послѣдній край одно и то же—Богъ. Вся природа Его риза, орудіе: все обветшаетъ, измѣняется; одинъ Онъ пребываетъ во вѣки неизмѣннымъ (1-е отд. стр. 19—20).

Но существуетъ все таки огромная разница между всею остальной тварью и человѣкомъ: этого послѣднаго отличаетъ *свободная воля.* „Всѣ твари суть грубые служебные органы

свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее". На этомъ основано понятіе милосердія: на этомъ держатся всѣ союзы государственные, общественные, семейные и т. п. Такъ излагаетъ взглядъ Сковороды на этотъ предметъ Ковалинскій (1-е отд., стр. 23).

Весь міръ, по учению Сковороды, состоитъ изъ трехъ міровъ—большого, малаго и символическаго; большой—это природа, космосъ, состоящій въ свою очередь изъ безчисленнаго множества другихъ; малый, иначе микрокосмъ—это человѣкъ; символическій—это Библія. Въ каждомъ изъ нихъ Сковорода видѣтъ два начала—Бога или Вѣчность, и матерію или тлѣнное, временное. Въ великомъ и маломъ мірѣ (т. е. человѣкѣ) вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ (т. е. Библіи), собраніе тварей составляетъ матерію; но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма. Творческое начало—Богъ или вѣчность. Это руль, двигающій большой корабль. Она—въ немощи сила, въ мелочи—величие; она начиная кончаетъ и кончая начинаетъ или, по древнему философскому изреченію, *unius interitus est alterius generatio*, (гибель одного есть рождение другого). Такимъ образомъ, въ мірѣ собственно два міра—вѣчность и тлѣніе, какъ яблоня и ея тѣнь, видимый и невидимый, живой и мертвый; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется: то уменьшается, то увеличивается, то рождается, то умираетъ. Тоже самое и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное, они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ. Нашъ ветхій міръ, подобно тѣни, непрестанно измѣняется: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ; новый же міръ Господень вѣченъ; но второй отражается въ первомъ: въ немъ можно найти слѣды Божіи; такъ человѣкъ представляетъ изъ себя слабую копію, тѣнь Богочеловѣка—Христа. И мы со смертію не только не уничтожаемся, а наоборотъ измѣняемся изъ смерти въ животъ

вѣчный, изъ тѣлѣнія въ нетлѣніе. Въ Библії тѣ же два начала: подъ буквальнымъ ея смысломъ скрывается высшій духовный. Она также содержитъ въ себѣ матерію и форму; въ ней таится и является, лежитъ и возстаетъ передъ нами пресвѣтая истина (самъ Богъ); она являетъ свое прекрасное око посреди безчисленаго множества тварей. Указавши на это двойственное начало, Скворода убѣждаетъ насъ въ рѣшительномъ преимуществѣ духовнаго надъ тѣлеснымъ, вѣчнаго надъ временнымъ, Бога надъ тварью во всѣхъ трехъ мірахъ—большомъ, маломъ и символическомъ. Во всей природѣ, говоритъ Скворода, духъ господствуетъ надъ матеріей; „въ природѣ то сильнѣе, что не показанѣе;“ въ примѣрѣ приводится воздухъ, который невидимъ, однако движеть моря, топить корабли, ломаетъ деревья, сокрушааетъ горы, всюду проникаетъ, а самъ остается непроницаемъ. До сихъ поръ, замѣчаетъ Скворода, мы безплотной невидимости не считали существомъ; теперь же, поборовъ закоренѣлое мнѣніе, мы усвоили *новый взглядъ*, что все видимое есть мечта и пустошь, ничто въ сравненіи съ Вѣчностью. Въ человѣкѣ царить надъ тѣломъ духъ или мысль. Скворода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движениемъ; въ ней онъ сводилъ сущность жизни. Вотъ наружное изображеніе этого вѣчнаго движенія человѣческой жизни. „Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть виѣтѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнииное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченіи вѣчности, миллионы безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покоя; покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной при-

рѣды возносится во вышней господствующей натурѣ, въ родному своему и безначальному началу, дабы, сіяніемъ его и огнемъ тайного зре́нія очистивши́сь, увольнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе то есть вѣйти въ покой Божій.., вылетѣвъ изъ тѣлесныхъ вещества границъ на свободу духа“ (2-е отд., стр. 105). Въ 3-мъ мірѣ Библіи—также должно первенствовать духовное начало, Богъ надъ зміемъ, который хочетъ потопить людей потопомъ, т. е. буквальнымъ пониманіемъ ея. Отсюда вытекаетъ двойственный взглядъ Сковороды на Библію: она и Богъ, и змій въ одно и то же время; вслѣдъ за блаженнымъ Августиномъ, онъ повторяетъ, что кто не возвышается до духовнаго пониманія ея, тотъ подвергаетъ себя страшнымъ опасностямъ, вместо пользы получаетъ вредъ. „Коль многихъ, говорить онъ, погубило буквальное пониманіе разсказа о Лотовомъ пьянствѣ, о Давидовомъ прелюбодѣяніи и дѣволожствѣ и т. п. Не всякий, подобно Самсону, раздереть пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное, въ ядѣ—ядъ, въ смерти—животъ. Двѣ стороны имѣеть библейское море; на нашемъ берегу все ветхое, пустое, жалкое, на томъ, въ той горней республикѣ, все новое, новая тварь, новое твореніе; тамъ общество любви, любовь въ Богѣ, а Богъ въ обществѣ. Ветхій человѣкъ стоитъ, ходить, сидить, очи, уши, ноздри имѣеть, чувствуетъ какъ кумиръ, мудрствуетъ какъ идолъ, осаждаетъ какъ преисподній кротъ, щупаетъ, какъ безъокій, ласковъ какъ крокодилъ, постояненъ какъ море, надежный какъ ледъ, разсыпчивъ какъ прахъ, исчезаетъ какъ сонъ; это—сѣнь, сонъ тлѣнь. Духовный же человѣкъ совсѣмъ иной: безпредѣльно летить въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана; очи его голубины, крылья орла, проворство оленѣ, смѣлость львиная, быстрота соколя, бодрость журавля, вѣрность горлицы, незлобіе агнца. Тутъ опять мы имѣемъ дѣло съ матеріей и духомъ.“

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они существуютъ въ одномъ и одно въ двоихъ

нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, ложь и истина. Отсюда Сковорода выводилъ положеніе о постоянномъ существованіи матеріи во времени и пространствѣ. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значить мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но дерево вѣчности всегда зеленѣеть. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сю: *materia aeterna, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила*“. Но говоря о вѣчности матеріи, Сковорода не былъ материалистомъ ни въ какомъ отношеніи. Совсѣмъ наоборотъ: весь смыслъ его ученія заключается въ самой рѣшительной борьбѣ съ теоріей господства матеріи. Онъ былъ убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ, можно даже сказать, крайнимъ, одностороннимъ *спиритуалистомъ*, ибо только за духомъ онъ признавалъ творческую силу. Не смотря на то, что онъ проповѣдовалъ два начала, его нельзя назвать представителемъ теоріи *дуализма*; онъ въ сущности проводилъ *монизмъ*, потому что признавалъ только единую субстанцію—духъ; на матерію же онъ смотрѣлъ, какъ на постоянный ея атрибутъ.

Если бы онъ не былъ монистомъ, то онъ не отводилъ бы матеріи чисто служебнаго значенія, не считалъ бы творческимъ элементомъ одного духа. А онъ именно представлялъ себѣ ихъ взаимное отношеніе въ такомъ видѣ. „Какое, говорилъ онъ, есть первоначальное тварей основаніе? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облекти совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. (1-е отд., стр. 19—20). Еще яснѣе развивается мысль о вѣчности и творчествѣ Духа въ слѣдующихъ словахъ самого Сковороды. „Божественные мистагоги или тайноводители приписываютъ начало единственно точю Богу. Да оно и есть такъ точно, если

осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь рождается и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть то же, что Богъ или вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде ея, ни послѣ ея. Все въ неограниченыхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ. Начало и конецъ есть по мнѣнію ихъ то же. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираеть, чтобы ей и предварять все на все. Въ ней такъ, какъ въ кольцѣ. Первая и послѣдняя точка есть та же, и гдѣ началось, тамъ и кончилось... Сие правдивое начало вездѣ живетъ. Посему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое; съ мѣста на мѣсто не переходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предваряетъ и заключаетъ, само не предваряемое, ни заключаемое” (2-е отд., стр. 256). И такъ, вѣчность Бога абсолютна; матерію же Сковорода называетъ вѣчною въ томъ смыслѣ, что она, будучи создана Имъ, составляетъ постоянный необходимый Его атрибутъ.

Цѣлью человѣческой жизни является внутреннее *самопознаніе* и *Богопознаніе*; но оба эти процесса сводятся къ одному—*Богопознанію*. Познать Христа прежде всего можно въ Библіи, но не только въ новомъ, а и ветхомъ Завѣтѣ: кто знаетъ Моисея, тотъ знаетъ Христа; мало того, кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа; а узнавъ Его, мы и преобразимся въ него, ибо уничтожимъ въ себѣ все мертвенное, тлѣнное. Проникнувъ въ самый центръ своего сердца, мы стираемъ тамъ истиннаго Богочеловѣка. Ко внутреннему самопознанію приводить насъ Библія. „Страхъ Божій вводить во внутреннюю Библію завѣсу, а Библія, тебе-жъ самого взявъ за руку, вводить въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ”. И такъ Богопознаніе приводить насъ къ самопознанію, и наоборотъ, исходя изъ самопознанія человѣкъ приходитъ къ Богопознанію, ибо въ каждомъ изъ насъ есть Богъ

„Богъ во плоти и плоть въ Богѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію“. Богопознаніе необходимо даже для міропознанія: для истинного познанія земного нужно познаніе вѣчного. „Начало премудрости разумѣти Господа“. Такимъ образомъ источники міропознанія, самопознанія и Богопознанія (т. е. тѣхъ трехъ міровъ, о которыхъ говорилъ выше Скворода) сходятся другъ съ другомъ, что и понятно: они имѣютъ общую основу—начало вѣчности.

Говоря о *средствахъ познанія*, которыми пользовался Скворода, необходимо помнить, что онъ старался сочетать разумъ и вѣру. Разумъ долженъ стремиться къ отысканію истины, которая не дана человѣку Богомъ, а постепенно открывается имъ, составляя и высшую цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное наслажденіе для всякаго человѣка. Скворода высоко ставилъ эту человѣческую мысль, съ ея безпрерывнымъ движениемъ, съ ея вѣчными поисками за птицей-истиной. Объ этой птицѣ-истинѣ онъ сочинилъ такую басню. „Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца выходилъ въ просторный вертографъ. Въ вертографѣ жила прекрасная и черезъ-чуръ смирная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оныя птицы, веселился и тѣмъ нечувствуительно провождалъ время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его и казалась 1000 разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешь. Ты станешь вѣкъ меня ловить на то, чтобы никогда не уловить, а только забавляться. Когда то приходитъ къ нему другъ его. По привитаніи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чѣмъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешься? Я бы въ ней умеръ отъ скучи... Но пустынникъ: скажи, де, ты прежде, что тебе веселить въ общежительствѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчалъ. 1-е) Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянія; 2-е) хорошее благо-состояніе здравія; 3-е) пріятность дружескаго общежительства. А я, сказалъ пустынникъ, имѣю двѣ забавы: птицу и начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имѣю

шелковыхъ тысячу и одинъ фігурныхъ узловъ, ищу въ нихъ начала и никогда развязать не могу. Мнѣ твои забавы, говоритъ гость, кажутся дѣтскими... Но если онъ невинны и тебе веселить сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его началомъ". (2-е отд., стр. 255—256).

Какое глубокое пониманіе здѣсь истины, доступной человѣческому разуму съ ея относительнымъ характеромъ, служащимъ однако постояннымъ источникомъ ея вѣчного поступательного движения! Какое глубокое преклоненіе передъ нею, какъ самою высокою цѣлью человѣческой жизни!

Разуму, какъ *средству* познанія, Сковорода отводилъ первенствующее мѣсто въ познаніи всѣхъ трехъ міровъ—большого или космоса, малаго или человѣка, символического или Біблії; въ этой послѣдней разумъ долженъ открыть болѣе глубокій, духовный смыслъ. Но на ряду съ разумомъ Сковорода отводилъ видное мѣсто и *вѣрѣ*, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога-Духа. Видѣть того Богочеловѣка, котораго мы являемся тѣнью, говорилъ Сковорода, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящейся. Видитъ, любить и благовѣстить его... Вѣра всю сію мимо текущую сѣнь, аки воду непостоянную, преходить" (2-е отд., стр. 55). Тамъ, где кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Бібліи), говорить Сковорода, закричи съ Варухомъ— какъ великъ домъ Божій! (рук. Израильского змія)". „Чего досягнуть не можемъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, не испытуймо. Понудить себя должно и дать мѣсто въ сердцѣ на томъ помянутому Божію слову. Если его благодать повѣстить на насъ, тогда все намъ простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ. А человѣкъ есть маленький мірокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемирной машинѣ начало сыскать. Затвердѣло наше нечувство и заобыкливый вкусъ причиною есть наша бѣдности. Раскладывай предъ слѣпцомъ все, что хочешь, но все тое для него пустое. Онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ".

(2-е отд., стр. 19—20). Эта же вѣра является необходимой спутницей любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Грубое тѣлесное разсужденіе служить препятствиемъ для этой любви, а вѣра позволяетъ ему прозирать въ это блаженство вѣчности, какъ будто въ зрительную трубку. На помошь ей приходитъ также и надежда, которая удерживаетъ сердце человѣка при этой его мысли.

Спрашивается послѣ этого, можно ли Сковороду назвать рационалистомъ *pure sang?*

Такова сущность умозрительной философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ религіи Сковороды. Изъ нея логически, послѣдовательно Сковорода выводить и свою практическую философію, и свою этику—именно *ученіе о счастії*.

Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ или, правильнѣе, во всѣхъ мірахъ, есть Вѣчность (т. е. Богъ), Сковорода выводить отсюда, что и счастіе свое *всѧ* мы должны основать на этомъ началѣ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чёмъ обыкновенно стараются обосновать свое благополучіе (богатство, чины, знатность, здоровье и т. п.), не-прочное, неустойчивое и невсеобщее. *Счастіе нужно для всіхъ и его не трудно достичь*—вотъ формула Сковороды, въ которой онъ развиваетъ положеніе Эпікура: благодареніе блаженной натурѣ, что нужное сдѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Эту мысль онъ доказываетъ въ нѣсколькихъ трактатахъ и даже литературныхъ произведеніяхъ. Нельзя создать счастія на тлѣнномъ, временномъ, непостоянномъ; одинъ хотѣлъ возгнѣздиться на капиталѣ и подъ старость сокрушился, другой—на плотоугодіи, третій на здоровьѣ, но и тутъ ждеть крушеніе.

„Одинъ, напримѣръ, беспокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ приложимъ родился лицомъ и не вѣжно воспитанъ; другой тужитъ, что хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однако многіе, какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемѣромъ; третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло бы ему поставить столъ, изъ десятка блюдъ состоящій, а теперь только что по шести блюдъ изволитъ кушать; четвертый мучится, ка-

кимъ бы образомъ не лишиться правда что мучительного, но при томъ и прибылаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скучи, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею домашнею, а внутреннею душевною экономіей, т. е. узнать себя и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ; пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ прорваться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ доброго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала проявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосерная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцевать, не столько много и вкусно пить, єсть и пр. (2-е отд., стр. 106—107).

Истинное счастіе можетъ только дать мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ человѣку достичь его. Его не слѣдуетъ искать по сторонамъ, ибо оно внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ царствіе Божіе, т. е. душевное спокойствіе, сердечное веселіе. Достигать его можно только постепенно, шествуя путемъ этого душевнаго мира. А для этого нужно слить свою волю съ волей Божіей. Что тогда, спрашиваетъ Сковорода, можетъ потревожить сердце?

Все дѣлается иремудро по волѣ Божіей, но я съ нею согласенъ,—и она уже моя воля. Чѣмъ больше согласія съ Богомъ, тѣмъ больше душевнаго мира, тѣмъ больше счастія. *Отдаться въ волю Божію* значитъ жить по природѣ, вѣрно подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе. Въ такомъ случаѣ это занятіе будетъ плодотворно и явится источникомъ душевнаго удовольствія, ибо всякий трудъ, исполняемый по влечению, по склонности, пріятенъ. Природныя же склонности даетъ каждому изъ насъ Богъ: *царствіе Божіе внутри насъ есть;* къ этому то внутреннему голосу и нужно прислушиваться при выборѣ себѣ занятія и

не приниматься за такое дѣло, къ какому неспособенъ. Всѣ занятія и состоянія въ обществѣ хороши, если только берутся за нихъ по сродности. Богъ никого не обижаетъ и не обѣляетъ, вливалъ въ каждого его сродность—призываю одного къ одному, другаго къ другому, сotаго къ сотому званію, и хотя бы оно было низкое, но если ему сродное, то уже и пріятное. Сковорода картино изображаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство*. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вокругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣть, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный“. (2-е отд., стр. 133—134). Какое глубокое пониманіе возможнаго на землѣ счастія, основаннаго на внутреннемъ душевномъ равновѣсіи и разумномъ, правильномъ примѣненіи своихъ способностей, которыя никогда не могутъ быть у всѣхъ одинаковы! Такимъ образомъ, Сковорода не вооружается ни противъ какого состоянія, класса, занятія общественнаго (въ чёмъ его обвинили нѣкоторые изъ враждебно къ нему настроенныхъ современниковъ): всѣ ихъ онъ признаетъ нужными, полезными; лишь бы только каждый выбиралъ себѣ должность и состояніе по призванію. Чрезвычайно картино Сковорода изображаетъ душевную тоску, являющуюся результатомъ недовольства избраннымъ дѣломъ. „Если отнять отъ нея (души) сродное дѣйствіе, тогда то ей смертная мука. Грустить и мятется будто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный, свѣтлѣйшій лучъ, окошка окружающей, зоветъ ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишаетъ душу здравія, разумѣй мира, отнимаетъ куражъ и приводить въ разслабленіе. Тогда онаничѣмъ недовольна. Мерзить и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны вожутся сосѣди, не вкусы забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, не милы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а зимою хвалить лѣто, нравятся прошедшія Авраамскія вѣка или Сатурновы, хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулить народъ свой и своея страны

обычай, порочить натуру, ропщетъ на Бога и сама на себя гнѣвается; тое одно сладкое, что невозможное; вожделѣнное, что минувшее; завидное, что отдаленное; тамъ только хорошо, гдѣ ея и когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постель жестка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Невидѣнъ воздухъ, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; невидна—и мучить, мучить—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ломлетъ все и возмущаетъ, летаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проникаетъ сквозь свѣтлые чертоги, присѣдѣть престолъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, внѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ". (2-е отд. стр. 129—130).

Проповѣдуя душевное спокойствіе, Сковорода естественно вооружается противъ сильныхъ эффеクトовъ, которые онъ отождествляетъ съ грѣхами. Въ человѣкѣ постоянно происходитъ борьба этихъ двухъ началъ—и Сковорода аллегорически изображаетъ ее въ своемъ произведеніи „Борьба архистратига Михаила съ сатаною“; подъ видомъ злыхъ духовъ здѣсь являются злые, т. е. плотскія мысли въ человѣкѣ; подъ видомъ ангеловъ—добroe сердце и мысли; когда чистое сердце одолѣваетъ злобную бездну, тогда открывается человѣку путь на гору Господню. Мы сами себѣ устраиваемъ адъ и рай: адское царство внутри насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо и нетрудно для насъ Царство Божіе; но стоитъ человѣку освободиться отъ суетныхъ заботъ, и въ его сердцѣ воцаряется рай. Путь Царствія Божія признаютъ труднымъ только нечестивые, потому что они сами несутъ на своихъ раменахъ эти трудности; они не видятъ, что онъ легокъ и подобно слѣпымъ и хромымъ спотыкаются на гладкой дорогѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, они сами, потому что Богъ далъ человѣку свободную волю для выбора того или другого пути, но они выбираютъ трудный мірской путь вместо легкаго и нужнаго Божія. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ и теорію воспитанія (кото-

рая развита въ притчѣ о благодарномъ Еродіѣ). Основная мысль Сковороды заключается въ томъ, что въ сердцѣ ребенка таится нечто дивное и прекрасное, и оно можетъ предохранить его впослѣдствіи отъ увлеченія суетнымъ міромъ. Посѣй въ немъ такое зерно, и оно дастъ плодъ въ свое время. „Вы же съ благоговѣніемъ ждите, яко рабы чающіе Господа своего“... Узнавъ сіе домашнее благо и пленившися прекрасною добротою его, дѣти современемъ не станутъ безобразно и бѣсновато гоняться за мірскою суетою и во всѣхъ неудачахъ будутъ утѣшаться пѣсенькою царя Давида: „возвратися душа моя въ покой твой“. Давъ такое сердце своимъ птенцамъ, отецъ будетъ для нихъ истиннымъ воспитателемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь Сковорода выступаетъ на защиту того внутренняго начала, которое онъ ставитъ „во главу угла и которое господствуетъ въ мірѣ и должно господствовать въ человѣкѣ. Только такое воспитаніе способно доставить душевный миръ, т. е. единственное прочное, счастіе. Но и здѣсь Сковорода съумѣлъ избѣжать односторонности—онъ соединяетъ науку съ этикой, отводитъ каждому изъ этихъ двухъ элементовъ подобающее мѣсто; мало того: онъ указываетъ и на третій и четвертый элементъ воспитанія, физическое и эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ уже родиться въ здоровой нравственной атмосферѣ, говорить онъ; затѣмъ такого рожденаго на добро не трудно будетъ научить наукамъ и нравственности; тутъ главное дѣло сдѣлаетъ природа; наука сама собою спѣтъ отъ природныхъ дарованій; природа это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусени; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это дастъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ каждого человѣка въ этой убогой хижинѣ, подъ этойо убогою одеждой (тѣломъ)—можно найти Царя своего, домъ свой, начало вѣчности. Эта проповѣдь объуваженіи ко всякому званію и состоянію общественному стояла въполномъ соотвѣтствіи съ его демократизмомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шла въ разрѣзъ съ

господствовавшими тогда взглядами на привилегированное положение дворянства, которое и воспитываться должно было не такъ, какъ другія сословія. Сковорода же былъ противъ всякой сословной исключительности въ дѣлѣ воспитанія.

Сковорода направлялъ современное ему общество на духовную сторону христіанской религіи и въ соотвѣтствіи съ этимъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кто понималъ эту послѣднюю только внѣшнимъ образомъ, основывался не на духѣ, а на буквѣ, формѣ, обрядѣ. Онъ очень рѣзко возставалъ противъ буквального толкованія Библіи, какъ источника христіанства, и его замѣчанія напоминаютъ выводы французской отрицательной філософіи XVIII в. Но между этими скептиками французами и Сковородой цѣлая прошастъ. Отрицаніе, иронія и сарказмъ Сковороды являлись результатомъ глубокаго увлеченія духомъ священного Писанія, его отрицаніе приводило, такимъ образомъ, къ духотворенію. Для него Библія—это болѣе даже чѣмъ священная книга, это основная, можно сказать, единственная книга познанія, это самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впадъ въ односторонность; ставя такъ высоко духовную науку, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, а наоборотъ отдаетъ имъ должное. „Я наукъ не хулю, говорить онъ, и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что на ихъ надѣясь пренебрегаемъ верховнѣйшую науку о царствіи Божіемъ внутри насъ“. „Свѣтскія книги, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красы суть преисполненные. Но если бы онъ спросили Библію; для чего сами предъ нею и десятой доли чести и цѣны не имѣютъ, для чего ей созидаются олтари и храмы,—и сама не знаю, отвѣчала бы она. Я состою изъ тѣхъ же словъ и рѣчей, что и вы, да и гораздо съ худшихъ и варварскихъ. Но въ невкусныхъ водахъ моей рѣчи, какъ въ зеркалѣ, боголично сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся ваша польза пуста, а краса мертваго“ (2-е отд., стр. 164). Сковорода выступалъ на защиту Библіи противъ идолопоклонническихъ мудрецовъ, которые думали, что она говорить о мертвеннай стихії, не помы-

шляя о томъ, что во тлѣнныхъ ея образахъ скрывается жизнь вѣчный. И это превосходство Библіи надъ всѣми другими кни- гами совершенно понятно, съ точки зренія Сквороды: Библія нась ничему другому не учитъ кромѣ Богопознанія, но это значить, что она учитъ главнѣйшему, безъ чего не можетъ обойтись никто. Отсюда ея универсальный характеръ; она необходима всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Отсюда естествен- но вытекала мысль Сквороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Богословскую науку онъ считалъ нужную для всѣхъ. А я вспомнилъ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ его трактатѣ „Алфавитъ мира“, тѣхъ совопрос- никовъ вѣка сего: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и не монахъ“. Будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное и будто спасеніе и спокойствіе сердечное не одно и то же. Богословская наука выше всѣхъ свѣтскихъ наукъ. „Меди- цина, говорилъ Скворода, врачуетъ тѣло; юриспруденція стра- хомъ приводить каждого къ должности, а богословіе дѣлаетъ изъ рабовъ сынами и друзьями Божіими, вливая въ сердце охо- ту къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ“. Чѣмъ больше такихъ богослововъ въ государствѣ, тѣмъ оно счастли- вѣе, и не напрасно пословица гласитъ: доброе братство лучше богатства (2-е отд., стр. 173). Скворода хотѣлъ осуществленія чисто христіанского государства и общества. Богъ, говорилъ онъ, даетъ народамъ науки и искусства; разлившиесь по всему кор- пусу политического организма, онъ дѣлаетъ его прочнымъ, мир- нымъ и благополучнымъ; государство, будучи основано на немъ, бываетъ домомъ Божіимъ; отдѣльный человѣкъ, основавъ на немъ свою жизнь, дѣлается благочестивымъ. Но все это относится только къ истинной богословіи и инстинктивѣ богословамъ, т. е. стремившимся познать Духъ. Идеаломъ для нихъ долженъ служить самъ Величайший богословъ Христосъ. Измученный до- рогой, сидѣть онъ при источникеѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. По- просилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ гово-

рить о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, въ надеждѣ, что авось либо проведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики Его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ъѣлъ, просить покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждеть, и не веселъ, если не дѣлаеть и не говорить о томъ, къ чему Его предназначилъ Отецъ небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учить въ сонмищахъ, учить въ домахъ, учить на улицахъ, учить въ кораблѣ, учить на травѣ зеленої, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о царствіи Божіи, отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ. (2-е отд., стр. 140).

Нисколько не отрицаю значенія обрядности, онъ только старается показать, что самъ по себѣ обрядъ, или какъ онъ называетъ церемонія, безъ тайного смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры, недостаточенъ. Вся сила 10 заповѣдей говорить онъ, состоитъ въ одномъ словѣ—любовь; на ней основанъ вѣчный союзъ между Богомъ и людьми; она тотъ невидимый огонь, которымъ сердце воспаляется къ Богу и его волѣ, а посему и самъ Богъ называется любовью. Но эта Божественная любовь (т. е. Богъ) имѣетъ внѣшніе признаки; они то называются церемоніями или образами, формами благочестія. И такъ, церемонія пѣ отношенію къ благочестію есть то, что на зернахъ шелуха. Если же сія маска лишена силы (т. е. благочестія), то остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ—гробомъ раскрашеннымъ; обрядъ можетъ выполнять самый несчастный бездѣльникъ. Существуетъ глубокая разница между обрядомъ и его смысломъ, церемонія является только тропинкою, могущею привести къ Богу, но болѣе всего нужна милость и любовь. На что намъ, говорить Сковорода въ другомъ мѣстѣ, мѣстоположенія тлѣннаго раа? На что намъ родословія историчная?

Какую пользу принесетъ душъ исслѣдованіе о формѣ и мѣрѣ Ковчега? Къ чому исцѣленіе и воскресеніе плотское, если человѣкъ снова умираеть? Возставая противъ бездушной вѣщности, Сковорода вооружался и противъ тѣхъ (а такихъ было не мало), которые думали, что одно монашеское одѣяніе даетъ спасеніе человѣку. Извѣстны его рѣзкія выраженія противъ современна-го ему монашества. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его при-нять монашество, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „раз-вѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число Фарисеевъ? Ёште жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, ма-лодовольствї, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самого въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, да-бы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой“ (См. еще примѣръ, въ 1-мъ отд. (на 21 стр.). Такъ это разсказывается Ковалинскій. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сковорода не былъ от-рицателемъ: онъ возставалъ противъ монашества не въ его идеѣ, а только въ практическомъ осуществленіи, въ тѣхъ проявлені-яхъ, какія онъ видѣлъ въ современной ему дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно одно его письмо къ Ковалинскому (1-е отд., стр. 45). Въ немъ онъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ истинному монашеству и разъясняетъ свою мысль Ковалинскому, приводя цитаты изъ книги о монашествѣ Эвагрія, которую онъ въ то время читалъ. Народъ христіанскій дурно понимаетъ монашество, говорить онъ. Гла-вою ученыхъ богослововъ былъ Христосъ; высшимъ же мона-хомъ ученикъ христовъ, который старается быть во всемъ по-добенъ своему учителю. Ты скажешь, что апостолъ выше мо-наха. Сознаюсь, но вѣдь и апостолъ дѣлается изъ монаха, ко-торый пока собою управляетъ, до тѣхъ поръ онъ монахъ, а если направляетъ также и другихъ на правильный путь, то дѣ-лается апостоломъ. Христосъ пока былъ въ пустыни, былъ мо-нахомъ, т. е. совершенно невещественнымъ. Такъ устанавли-

ваетъ Сковорода связь и вмѣстѣ съ тѣмъ разницу между отшельникомъ и проповѣдникомъ. Естественно, что, ставя такъ высоко монашеское званіе, предъявляя къ нему такія огромныя требованія, Сковорода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые только надѣвали на себя монашеское платье, не отставъ отъ земного. „Хочешь ли быть Павломъ Оивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ или Саввою освященнымъ? Лицемъ! Къ чему жъ тебѣ финикова епанча Павлова! Къ чему Антоніевска борода, а Савинъ монастырь, капишионъ Пахоміевъ? Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Какая же польза сею маскою скрывать тебѣ смиренное твое сердце?.. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца этихъ монаховъ-отшельниковъ (2-е отд. стр. 76). Не менѣе сильно, рѣзко вооружается Сковорода и вообще противъ ханжей и лицемъровъ. Вотъ картиное сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на пять локтей по пути влекущихся. На головахъ капишионы. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шею каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшены. Едва, едва движутся, аки быки, парохіальный колоколъ везущій. Вотъ развѣ прямо тружающіяся и обремененныи. Горе имъ, горе! Сіи суть лицемъры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно во псалтирь барабанятъ. Строятъ козни и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіяся зломъ сосѣднимъ, полагающія въ прибыляхъ благочестіе, цѣлующія вслкій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи, домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыры между деснымъ и шуімъ шутемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуй путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія,

десный же отвергаетъ, яко силы ихъ отвергшихся. Въ сумахъ ихъ песокъ Іорданской съ деньгами. Обвѣшеннага же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и проптая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобы роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящеся и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожные ихъ пѣсни Божія.

Боже, возстань, что сиша?
 Пото насть не радиши?
 Се путь беззаконныхъ цвѣтеть!
 На путехъ ихъ бѣдностей нѣть.
 Ми жъ Тебѣ свѣчащи ставимъ,
 Всакій день молебны правимъ,
 И забылъ ты всѣхъ насть!
 Два раза постимъ въ недѣлю,
 Въ посты не уживаемъ хмѣлю,
 Странствуемъ по святымъ градамъ,
 Модимся и дома, и тамъ,
 Хоть псалтыри не внимаемъ,
 Но напасть ее анаемъ.
 И забылъ ты всѣхъ насть!
 Услыши, Боже, вопль и рикъ!
 Даждь намъ богатство всѣхъ языевъ!
 Тогда то Тебѣ прославимъ,
 Златыя свѣчи поставимъ,
 И всѣ храмы позлащены
 Возшумиять Твоихъ шумъ пѣнай—
 Токмо даждь намъ вѣкъ златъ!

(2-е отд., стр. 205—206).

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога. Черезъ все проходитъ одна основная мысль о двухъ началахъ, проникающихъ все сущее, и обѣ огромномъ преимуществѣ одного изъ нихъ—начала Вѣчности или Бога. Изъ этой идеи Сковорода выводить и свою теорію воспитанія; отсюда же вытекаютъ его взгляды на такія явленія, какъ религіозный бытъ современаго ему общества, монашество и т. п. Бездѣ и всегда онъ проповѣдывалъ превосходство Духа надъ матеріей, вѣчнаго надъ тлѣннымъ. Въ этомъ весь смыслъ его ученія, въ этомъ и его

историческая заслуга. Такой выводъ мы дѣлаемъ, основываясь на совокупности всѣхъ его учено-литературныхъ трудаовъ, и это, конечно, является достаточною гарантіею, что мы вѣрно поняли и представили его міросозерданіе.

Д. И. Багалъй.

(Продолженіе сlijдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРОУССКОЙ СТАРИНЫ¹⁾.

II. Алексей Иванович Мартосъ.

(Р. 1790 † 1842).

А. И. Мартосъ былъ сынъ извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, происходившаго отъ лубенскаго полковаго обознаго Павла Мартоса. А. И. М—съ родился, повидимому, не въ Малороссіи (вѣроятно въ Петербургѣ), но семья Мартосовъ родины не забывала, такъ какъ А. И. М—съ съ юныхъ ужь лѣтъ обращался къ былымъ временамъ Малороссіи, рисуя ихъ въ своемъ воображеніи героическими чертами. Очень можетъ быть впрочемъ, что мечты о „герояхъ“ Малороссіи навѣяны были на М—са во время службы его въ Кіевѣ, куда онъ попалъ шестнадцатилѣтнимъ юношою. Учился М—съ въ Петербургѣ, въ инженерномъ корпусѣ, причемъ выборъ инженерной спеціальности М—съ приписывалъ самому себѣ: „*посвятивъ себя военной службѣ, я рѣшился пріобрѣсти въ оной полнѣйшія познанія, дабы содѣлаться хорошимъ офицеромъ, почему и избралъ вступить въ инженерный корпусъ²⁾*“. Изъ корпуса М—съ вышелъ въ 1806 г. юнкеромъ и осенью того-же года, по собственному желанію, былъ посланъ на инженерную службу въ Кіевъ.— „Признаться, страсть посмотрѣть незнакомыхъ мѣстъ, которая

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 12.

²⁾ Русск. Архивъ 1893 г., №№ 7 и 8, „*Записки инженерного офицера (А. И.) Мартоса*“.

была мнѣ внушена любими мною путешествіями по южной Россіи Измайлова и другихъ авторовъ, и надежда въ Кіевѣ скорѣе получить военный чинъ мнѣ не давали ни на минуту по-коя быть на одномъ мѣстѣ. Я былъ отправленъ въ кіевскую крѣпость, къ инженерной командѣ, въ началѣ ноября.. Достигъ я до Кіева, города великолѣпнѣйшаго по наружности, величественнѣйшаго и поражающаго взоры путешественника краси-востью мѣстъ, горами, огромными монастырями, массами церк-вей“... Первое время пребыванія своего въ Кіевѣ М—съ по-свящалъ дальнѣйшему своему военному образованію.—„Я про-силъ книгъ изъ Петербурга, доставленіе которыхъ сколь удов-летворило моей *страсті читать безпрестанно*, столь и послу-жило руководствомъ къ усовершенствованію въ сей полезной наукѣ убивать людей съ проворствомъ и искусствомъ“... Изъ инженерныхъ занятій М—са въ Кіевѣ заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе „объ укрѣпленіи дальнихъ пещеръ въ Печерской лаврѣ, которая угрожали паденiemъ въ р. Днѣпрѣ“. Тутъ любопытны подробности, какъ „искусство гидравлики“ предохранило „паденіе (въ Днѣпрѣ) всѣхъ пещеръ“, а еще любопытнѣе ясно сквозящее въ разсказѣ міровоззрѣніе молодого инженера... Послѣ трехлѣтней службы въ Кіевѣ, М—съ получилъ офицерскій чинъ и весною въ 1810 г. былъ отправленъ въ Молдавію, въ предѣ-лахъ которой сосредоточена была тогдашняя турецкая война. Здѣсь М—съ пробылъ до нач. 1812 г. и затѣмъ, по окончаніи турецкой войны, принималъ участіе въ войнѣ противъ Наполеона. М—съ продолжалъ инженерную службу до половины 1816 г., когда, въ іюнѣ, былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Аракчееву. Выборъ М—са въ адъютанты къ всесильному временщику основанъ былъ, повидимому, на пріятельствѣ послѣдняго съ близкимъ родичемъ И. А. М—са Иваномъ Романовичемъ Мартосомъ¹⁾, который въ это время, для отдыха послѣ петербург-ской службы, поѣхалъ на югъ полѣгчиться на Кавказѣ и за-

¹⁾ Объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ И. Р. Мартосу см. въ Историч. Вѣстн. 1894 г., № 10, „Изъ прошлаго“. А кто былъ И. Р. М—съ см. Кіевск. Стар. 1894 г., № 10, стр. 154, прим.

тѣмъ—пожить на родинѣ. Весною 1817 г. И. Р. М—съ лѣчилсѧ на кавказскихъ водахъ; сюда и написалъ ему, въ маѣ, И. А. М—съ слѣдующее письмо: „Благословляю мирнаго жителя Кавказа! тысячу разъ отъ искренняго сердца благословляю! Желаніе васъ почитающаго, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, солдата изъ скучнаго холоднаго сѣвера всѣхъ счастій сопутствуетъ вамъ ближе и лучше вашей собственной тѣни. Да сохранить промыслъ васъ въ высокомъ своемъ и достойномъ храненіи, богиня здравія васъ болѣе да не оставитъ, она милая, хотя меньшая, сестра веселости; онъ обѣ проказницы васъ примутъ въ свои объятія и нескорѣ выпустятъ, ибо признаюсь вамъ отъ души, что отъ хорошихъ предметовъ почти нескорѣ и вырвешься; думаешь, дай брошу, но сердце тлѣеть—влечетъ опять туда-же. Не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій И. Р., что я зайду васъ нѣсколько строчекъ собственно о себѣ: служба бо мнѣ смѣется, бурныя облака прошли и мой графъ (Аракчеевъ) особенно благоволитъ ко мнѣ. Вчера я сюда прїѣхалъ изъ новгородской губерніи, его с—ство сказалъ, что лично будетъ говорить обо мнѣ государю; и на первый случай его величества, уже въ арміи отданнѣмъ приказомъ, изволилъ объявить мнѣ свое благовolenіе; мѣсяца черезъ 4 или 5 жду чина полковника. Кажется, старые векселя платятъ съ процентами и рекамбіями. Будуки холостякомъ, хотѣль-бы бросить одиночество, но считая всякую женитьбу за фараонъ, боюсь, чтобы карта не легла налѣво. Буду ждать вашего совѣта и только тогда съ прискорбiemъ оставлю образъ моей жизни. Я засталъ Петербургъ въ большой суматохѣ... Окончивъ мой рапортъ вашему высокоблагородію, прошу Бога да ниспошлетъ на васъ всю свою милость и, укрѣпивъ васъ своею мощною десницаю, позовольте мнѣ имѣть случай обнять васъ, почтеннѣйшій другъ человѣчества!—Батюшка здоровъ и вамъ посыаетъ свой искренній поклонъ, сестры также кланяются... Черезъ два мѣсяца послѣ написанія этого письма, М—съ записалъ въ свое мѣнніе дневникъ слѣдующе: „28-го июля. Я былъ представленъ гр. Алексѣемъ Андреевичемъ лично государю императору; его величество изволилъ меня принять въ свое мѣнніе кабинетѣ, во дворцѣ, что на Каменномъ-Островѣ, и

очень благосклонно благодарила за работы, произведенныя при военномъ поселеніи. Вотъ слова императора: *покорно блаударю васъ за принятый вами трудъ. Минъ это очень пріятно.* Че-резъ три или четыре дня по пріѣздѣ моемъ въ деревню (т. е. въ военные поселенія), фельдъегерь привезъ мнѣ отъ его величества брилльяントовый перстень¹⁾“. Фактъ этотъ показываетъ—какъ велико было вниманіе Аракчеева къ молодому офицеру. Въ „Запискахъ“ М—съ подробно рассказалъ свою службу при Аракчеевѣ, приводя при этомъ прелюбопытные эпизоды изъ своихъ отношеній къ всесильному патрону. Случилось разъ, что военнопоселеные крестьяне одной изъ волостей послали четырехъ выборныхъ въ Петербургъ—жаловаться государынѣ на Аракчеева. Хотя выборные и были арестованы послѣднимъ въ Петербургѣ, но отъ государя нельзя было скрыть намѣренія жалобщиковъ. „Аракчееву хотѣлось найти кого нибудь виноватымъ предъ государемъ“, говорить М—съ и тутъ же добавляетъ, что такимъ виноватымъ явился онъ, М—съ.—„И такъ положено было, что я виноватъ. Давай меня ругать, опять ругать, завтра бранить, послѣ завтра страшать, что самъ собою, безъ воли государя, разжалуетъ въ солдаты“... Затѣмъ Аракчеевъ обращается къ М—су съ такою рѣчью: „знаешь ли ты, что ты долженъ считать за честь, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ! Ты долженъ быть моимъ правою рукою, а ты хочешь быть добрымъ человѣкомъ, хочешь жить дружно съ офицерами, съ мужиками! Ты долженъ быть тамъ (въ волостныхъ поселеніяхъ) какъ собака на цѣпи! тогда будешь настоящій мой адъютантъ“. Такія отношенія, конечно, не могли привязать М—са къ его начальнику, и адъютантъ подалъ просьбу объ отставкѣ. „Ее (отставку) долго волочили, говоритъ М—съ, графъ бѣсился и прислалъ мнѣ сказать, что меня отставить безъ чина и мундира, ежели я буду настаивать о выходѣ прочь съ столь завиднаго поста“... М—съ однако не смущался и „по опыту зная мерзкій, мстительный характеръ

¹⁾ Маякъ 1845 г., т. XXIII, кн. 46-я, смѣсь, стр. 83, откуда мы беремъ и другія свѣдѣнія для настоящаго очерка изъ статьи Васильева, основанной на подлинныхъ бумагахъ А. И. Мартоса.

Аракчеева, настоятельно просилъ отставки по болѣзни". Въ январѣ (1818 г.) отставка была получена, и М—съ засѣль на свободѣ доканчивать записки о военной своей службѣ, которые началь, повидимому, еще въ 1816 г.¹⁾, послѣ оставленія инженерной службы. Записки кончены были 1 августа 1818 г., а въ маѣ этого же года И. А. М—съ писалъ къ И. Р. М—су, изъ Петербурга: „не будучи долгое время въ Петербургѣ, я всегда былъ развлеченъ или службою, или тѣми непріятностями, коими часто, очень часто, бросали на меня; но въ сіи промежутки мои чувства искренности... преслѣдовали васъ всегда, какъ собственная тѣнь ваша... Мнѣ остается просить у васъ тысячи извиненій, вы ихъ вѣрно простите (sic), а я даю вамъ слово честнаго человѣка впередъ быть исправнѣ; и какъ можно чаще и болѣе писать вамъ.—Вы, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, теперь живете въ мѣстахъ благословенныхъ, въ счастливѣйшемъ климатѣ, вамъ должно наслаждаться совершеннымъ здоровьемъ. Къ сожалѣнію, изъ вашего письма къ батюшкѣ я вижу противное, и потому, по нашимъ военнымъ законамъ, позвольте предписать вашему здоровью, дабы оно ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливалось оставлять васъ, въ противномъ случаѣ дѣлается ему и тому сыну ескулапа строжайшій выговоръ, кто васъ пользуетъ. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ гораздо полезнѣе не очень дружиться съ медициною; эта приманчивая наука, къ сожалѣнію, болѣе дѣйствуетъ на удачу; лекаря часто пробуютъ, видяъ больного, который расположенъ ихъ слушать, который охотно вѣряетъ себѣ, тогда сыны хирурги, вооружившись доспѣхами фармасико-физіолого-паталого-медику-физико-чертовщиной, одѣвшись въ ризы важности, щупаютъ пульсъ, пишутъ рецепттуру..... Я вижу, почтеннѣйшій И. Р., вы прочитали мои строки, сердитесь, называете меня легковѣрнымъ, даже пустомелею. Но наши предки, сыны свободной Малороссіи, наши Хмельницкіе, Скоропадскіе отъ чего доживали до глубокихъ лѣтъ, мастистой старости?—Спокойная жизнь, свобода, милая родина, прогулки верхомъ, пріятный столъ, за которымъ доб-

¹⁾ Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542..

рые друзья и старое вино придаютъ лучшій аппетитъ, потомъ въ садъ, смотришь наступиль и вечеръ, солнце закатывается за горы, сама природа проситъ дѣтей своихъ посѣтить богатыя поля, нивы, роскошные луга.... Вотъ и время взять отдыхъ. Тутъ у меня и хорошая книга, она занимаетъ—и я счастливъ. Великой изъ малороссіянъ Мазепа умеръ въ глубокой старости! Я посѣтилъ его гробъ на Дунаѣ, въ городѣ Галацахъ¹⁾... Простите меня, почтеннѣйшій И. Р., я очень забылся, мое воображеніе совершенно отвлекло меня, что мнѣ хотѣлось писать, но дѣлать нечего—у всякаго свои страсти. Я знаю, что вы не охотникъ до новостей, а потому и умалчиваю, что дѣлается за предѣлами; въ Петербургѣ же все довольно изрядно, особенно кто привыкъ видѣть только красивую наружность“...

Письмо это, юное по складу мыслей, интересно тѣмъ, что М—сь въ немъ упоминаетъ о Хмельницкомъ, Мазепѣ, Скоропадскомъ, которые повидимому его немало интересовали, и онъ о нихъ гдѣ-то и что-то читаль. Въ это время М—сь занимался уже и писательствомъ: въ бумагахъ его найдено составленное въ 1818 г. „изложеніе событій со времени смерти Ивана Грознаго до царствованія Михаила Федоровича включительно²⁾“. А вслѣдъ затѣмъ, онъ занялся переводомъ Квинта Курція и напечаталъ его, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма А. И. М—са къ тому-же И. Р. Мартосу.—„Зачѣмъ я не имѣю дара безподобнаго Попе, божественнаго Данте, острого, пріятнаго Вольтера? Зачѣмъ долженъ пресмыкатся предъ гѣніемъ Ломоносова и только что дивиться Кострову? Зачѣмъ я не они? или хоть миліонная бы доля ихъ? Тогда два слова—и вы бы простили меня, два слова—и улыбка ободренія вашего заставила бы меня отправить въ герольдію упреки совѣсти че-

¹⁾ Въ своихъ Запискахъ М—сь упоминаетъ, что Мазепа похороненъ въ Галацахъ (№ 7, стр. 345), приводить цѣлую тираду въ похвалу сему гетману, его покровительству кievской академіи и проч. Приводимое выше письмо заключаетъ въ себѣ такую же тираду въ похвалу Мазепѣ, причемъ послѣдній сравнивается съ Вадимомъ, который, продолжаетъ М—ст., „и теперь живъ на грозныхъ башняхъ Новгорода“... Новѣйшія свѣдѣнія о могилѣ Мазепы въ Галацахъ—см. въ газетѣ *Южанинъ* 1891 г., № 263.

²⁾ Майкъ 1845 г., статья Васильева.

ловѣка виноватаго и совершенно праваго. Ежели-бы вы, почтенійшій И. Р., съ горь кіевскихъ¹⁾ на минутку волшебствомъ переселились въ холодную столицу нашу и взглянули-бы на бѣдняка, изнемогающаго подъ ярмомъ болѣзней, бѣдняка физически отнятаго отъ свѣта, вы бы сказали, что я правъ противъ васъ, что ждалъ маленькаго облегченія правой руки, чтобы накидать вамъ и поздно и нѣсколько несвязныхъ словъ, вы бы удостовѣрились въ той преданности вѣчной и никогда неизменящейся, которую я къ вамъ чувствую, вы бы расхвалили меня и разбранили бы медиковъ петербургскихъ, коихъ здѣсь толпы, кои имѣютъ академію свою... и отправляютъ въ елисейскія поля. Я надѣюсь остаться въ семъ лейбніцовомъ свѣтѣ, столь искусно описанномъ въ Кандидѣ, и потомъ сдѣлаться порядочнымъ членомъ общества, по крайней мѣрѣ воспріявъ силу богатырскую, раззнакомлюсь съ посланникомъ боговъ мифологии... Годъ моей отставки былъ самымъ полезнѣйшимъ моей жизни, не говорю пріятнѣйшимъ, ибо есть такія струны въ человѣческомъ сердцѣ, что ненарочно тронувшись за одну, въ секунду разстрагиваешь цѣлую гармонію. Я всегда долженъ быть ждать того и никогда не прощу себѣ, что прѣѣхалъ въ П.-Бургъ; теперь со вступленіемъ на новую мнѣ дорогу, которая мнѣ лѣстить въ будущемъ, удаляюсь отъ предметовъ самыхъ непріятныхъ и глупыхъ. Въ теченіи года отставки я всѣ дни посвятилъ себя изученію древнихъ авторовъ, всегда съ охотою и безъ скуки. Не удовольствуясь чтеніемъ, я перевѣль исторію Александра Великаго, Квинта Курція, которая уже печатается, съ портретомъ героя и географическою картою походовъ македонскихъ армій; половина первого тома готова и идетъ очень исправно²⁾). Не мое дѣло хвалить и автора и переводчика; первый ставится величайшимъ писателемъ изъ древнихъ,

¹⁾ И. Р. М—съ жилъ въ это время въ Кіевѣ, въ лаврѣ.

²⁾ „Квінта Курція, Історія сбъ Александра Македонскому, съ дополненіями Фрейнгейміуса. Черезъ А. Мартосъ. 2 ч. Спб. Т. Академія Наукъ. 1819. 8 д. 15 р.“ Переводъ посвященъ гр. Н. Ш. Румянцеву, который благодаря М—са за „таковой подарокъ“, просилъ переводчика „коротеимъ знакомствомъ сблизиться“. Ст. Васильева въ Маякѣ.

или лучше сказать первѣйшимъ историкомъ; перо Кв. Курція не уступаетъ Титу Ливію, выше Тацита, Полібія, Діониса Галікарнасскаго, слѣдовательно исторія Карамзина, печатанная крупными литерами и мелкими примѣчаніями.... не годится и въ деньгики въ сравненіи Кв. Курція. О переводчикѣ и рта раззинуть не смѣю, люди просвѣщенные будуть моими судьями, всякую здравую критику прійму съ отмѣнною благодарностью; съ педантовъ же и школьныхъ умовъ буду смѣяться, точно такъ, какъ съ толстыхъ, лѣнивыхъ кіевскихъ монаховъ . . .

.

Дайте свободу мысламъ людей, любите человѣчество, чтите церковь, это значитъ добродѣтель, и знайте, что религія есть дочь времени и что она всего должна ждать отъ отца своего.— За симъ маленьkimъ отступленіемъ отъ проформы писать письма, я положу перо, дамъ отдыхъ больной рукѣ и слѣдую (*sic*) продолженію. Я васъ усердно благодарю за извѣщеніе о моемъ отрывкѣ—*о коммерцii народовъ*. Эта піеса написана въ три часа времени; она есть только предметъ или предметы, о чёмъ можно писать томы. Но у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ расплодилось стихотворцевъ, журналистовъ и подобной сволочи, и люди молодые объявили войну терпѣнію и занятіямъ важнымъ и полезнымъ. Въ слѣдующемъ письмѣ позвольте побесѣдовать съ вами о литературѣ, о состояніи ея у насъ и о критикѣ, которую пріуготовилъ на *Исторію Суворова*, соч. Е. Б. Фукса и которую вамъ доставлю, только выйдетъ изъ печати“...

Какъ изъ „Записокъ“, такъ и изъ писемъ личность А. И. М—са вырисовывается довольно опредѣленно: одаренный живымъ воображеніемъ и любознательностью, М—съ, какъ видно, много читалъ, былъ знакомъ съ философіей к. XVIII в., много мечталъ и—долженъ быть заслужить у старшихъ название „горячей головы“... Не чувствуя силъ выносить гнѣтъ Аракчеева¹⁾,

¹⁾ Да и трудно было вообще служить у Аракчеева человѣку, который въ дневникѣ своемъ записывалъ (1817 г., 31 мая) такие случаи изъ жизни: „Будучи въ военномъ судѣ, подписалъ сентенцію о смертной казни иѣкоторыхъ подсудимыхъ, первый разъ въ моей жизни. Дай Господи, чтобы это было и последній. Законъ правды установилъ право отнимать жизнь у равныхъ себѣ; я правъ не-

М—съ оставилъ службу и занялся писательствомъ по разнымъ отраслямъ знаній. Разсужденіе „о коммерціі народовъ“ перемѣшивались у него съ Александромъ Македонскимъ, Суворовымъ... Наконецъ остановился онъ на исторії Малороссіи, отъ молодыхъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ „милой родинѣ“, къ Хмельницкимъ и Скоропадскимъ... Рѣшеніе писать исторію Малороссіи безъ всякой въ тому подготовки указываетъ, какъ М—съ легко увлекался мыслью о какой либо литературной работѣ и спѣшно старался послѣднюю привести въ исполненіе, не соразмѣряя своихъ силъ съ задуманнымъ трудомъ... Мы не знаемъ, когда именно М—съ началъ писать свою исторію Малороссіи¹⁾, но къ половинѣ 1822 г. уже были готовы три ея томы, заканчивавшіеся смертью Хмельницкаго, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма тридцатилѣтняго историка своей родины къ И. Р. Мартосу: „Оченъ давно, почтеннѣйшій И. Р., я занимаюсь исторіею нашего общаго отечества, и благодаря судьбѣ, три тома, заключающіеся смертью Богдана Хмельницкаго, уже давно въ здѣшней цензурѣ; ожидая разрѣшенія сей старушки, тотчасъ примусь печатать ихъ. По плану моей исторіи, она составится изъ пяти томовъ, т. е. до уничтоженія гетманства; пятая часть со всѣми подробностями революціи Мазепиной, извлеченная изъ источниковъ вѣрныхъ, равномѣрно давно кончена, слѣдовательно только передѣлываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержитъ ходъ произшествій всѣхъ гетмановъ отъ Богдана, столь противоположно описанныхъ малороссіянами и хрониками польскими, но становится все занимательнѣе. Сie зависить, ежели позволено выразить (sic), отъ доброты материала. Я надѣюсь получить скоро сочиненіе нѣкотораго La Croix, бывшаго секретаремъ французской миссіи въ Царградѣ въ 1660—80 годахъ, самое интересное, ибо касается до Георгія Хмельницкаго, со-

редъ своей совѣстью, ибо настоящіе смягчить наказаніе двѣхъ несчастныхъ, кои были менѣе виновны.—Да послужатъ сіи строки напоминаніемъ инѣ и тѣмъ, кого люблю душою, объ обязанностяхъ честнаго человѣка”...

¹⁾ Изъ сіёднѣйшій, сообщаемыхъ Васильевымъ, можно думать, что М—съ началъ писать свою исторію въ 1820 г. См. ниже.

держащагося плѣнникомъ у султана и послѣ возведенаго вторично въ сань гетманскій. Авторъ описываетъ, какъ самови-децъ, разные любопытные случаи относительно сего человѣка, непохожаго на отца своего,—и кто лучше знаетъ людей, какъ не современники? Твореніе La Croix содержитъ въ себѣ восемь томовъ *in octavo*, печатано при жизни автора въ Парижѣ и столь рѣдко, что его вѣтъ даже въ императорской библіотекѣ¹⁾. Изъ такихъ материаловъ можно строить зданіе исторіи, которая любить истину и не терпитъ вымысловъ,—вотъ причина, что люди небольшіе волокутъ (*sic*) за Кліо!—Съ искреннею призна-тельностью и нетерпѣливо ожидать буду вашего манускрипта, который безъ сомнѣнія принесетъ мнѣ немалую пользу. Я знаю о трудахъ г-на Бант.-Каменского и радуюсь, что онъ при-нялъ на себя распахать дикое поле дѣеписаній Украины. Больше оратаевъ, больше имъ славы! Можетъ быть, съ нимъ удостоимся получить вѣнцы, опредѣленные мудрымъ юнгчиномъ восьмыхъ степеней мандариновъ. Будучи спокоенъ на счетъ расположе-нія плана исторіи, я располагаю украсить ее портретами лю-дей великихъ: изображеніе Богдана Хмельницкаго и Мазепы уже нарисованы и литографированы. Ежели вамъ угодно будеть имѣть ихъ прежде книгъ, я поставлю пріятнѣйшую обя-занность съ первою почтой ихъ доставить вамъ. Крайне трудно сіи вещи получать не на мѣстахъ, а въ отдаленной столицѣ, но зато они здѣсь отрабатываются отлично хорошо.—Сверхъ обѣщанного вами манускрипта, я имѣю самую наиубѣдитель-нѣйшую просьбу, которая занимаетъ меня слишкомъ давно. Вы уже догадываетесь, что я говорю о Словородѣ. Мы о немъ мало знаемъ или лучше совсѣмъ не знаемъ²⁾. Пріятно слы-шать о образѣ жизни и о правилахъ сего малороссійскаго ци-ника; и я скорблю, что не имѣль здѣсь случая достать какое либо повѣствованіе о семъ удивительномъ мужѣ. Позвольте про-

¹⁾ Говорится о книгѣ Лякруа—*Guerres des Turcs avec Pologne, la Moscovie et la Hongrie*, изданной въ 1689 г., (Paris u La Haye), по французски, въ 1705 г.—по англійски и въ 1775 г.—по нѣмецки.

²⁾ Въ это время въ русской печатной литературѣ о Словородѣ имѣлась лишь одна статейка, напечат. въ Україн. Вѣсти. 1817 г., № 4, стр. 106—131.

сить вашихъ свѣдѣній о немъ; предметъ обильный, заслуживающій шера вашего, и я въ полной увѣренности, что ежели возмете на себя трудъ изложить о Сковородѣ что-либо, то сіе описание будетъ драгоцѣнныи камень въ коронѣ царства исторіи украинской! Именемъ друзей просвѣщенія еще разъ прошу васъ не отказать въ сей необходимѣйшей просьбѣ. Предшественники автора Сковороды св. Дмитрій Туптало и Єоанъ Прокоповичъ мною разобраны (гдѣ?) подробно; жаль упустить новѣйшаго¹⁾.

Въ этомъ письмѣ М—сь говоритъ, что онъ занимается исторіей Малороссіи очень давно. Есть указаніе, что М—сь началъ интересоваться исторіей Малороссіи съ молодыхъ лѣтъ; уже въ 1810 г., будучи въ Молдавіи, М—сь розыскивалъ у Сочавы мѣсто, гдѣ былъ убитъ Тимофей Хмельницкій, какъ видно изъ нижеприводимаго отрывка написанной М—сомъ исторіи Малороссіи; тогда же въ 1810 г., переходя Галацъ, М—сь посѣтилъ тотъ греческій монастырь, въ которомъ похороненъ Мазепа, съ цѣлью видѣть могилу послѣдняго. Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что уже въ молодости М—сь былъ знакомъ съ подробностями женитьбы и смерти старшаго сына Богдана Хмельницкаго и зналъ, гдѣ умеръ и похороненъ Мазепа. Очень можетъ быть, что по выходѣ въ отставку М—сь еще ближе познакомился съ тогдашней печатной литературой по исторіи Малороссіи, тѣмъ болѣе, что она была вовсе не велика. До 1822 г. въ печати имѣлись: 1) Краткая лѣтопись Малая Россіи изд. Рубана, 1777 г., 2) статьи о Малороссіи въ Географич. словарѣ Россійск. госуд., Максимовича, 1788—89 г., 2) Отрывки изъ историч. сборника Миллера, въ Новыхъ Ежемѣсячн. Соч., 1792—95 г., 4) Лѣтопись о през. браини (Грабянки), въ Россійск. Magaz., 1793—94 г., 5) Исторія о Малой Россіи М. Антоновскаго, въ IV-й кн. Георги, 1799 г. и 6) въ Словарѣ Щекатова статья „Малороссія“ (ч. IV, отд. I, стр. 22—172), 1805 г.—Изъ этого коротень资料аго перечня видимъ, что какой либо системати-

¹⁾ Подлинныи письма А. И. М—са, изъ которыхъ приведены здѣсь отрывки, находятся въ нашей б—кѣ.

ческой исторіи Малороссія въ это время не имѣла, хотя потребность въ такой исторіи уже существовала¹⁾. Потребность тогдашняго общества въ систематической исторіи Малороссії видна и изъ того, что одновременно начали писать такую исторію два человѣка, принадлежавши къ совершенно различнымъ группамъ общества.—Лѣтомъ 1822 г. А. И. М—сь пишетъ своему родичу, что три тома его исторіи Малороссії находятся уже въ цензурѣ, между тѣмъ какъ другая исторія Малороссії, разрѣшенная цензурою уже въ февралѣ 1821 г., въ этотъ моментъ была уже и напечатана. Мы говоримъ объ „Исторіи Малой Россії“ Бантышъ-Каменского.

Не смотря на категорическое заявленіе М—са, что по полученніи изъ цензуры своей исторіи Малороссії, онъ начнетъ ее печатать, исторія эта напечатана не была. Были напечатаны только двѣ главы изъ Ш-го ея тома, въ Сѣверн. Архивѣ 1822 г., (№ 13, стр. 1—18 и № 14, стр. 99—125) и 1823 г. (№ 6, стр. 461—479), причемъ одна глава заключаетъ въ себѣ описание сраженія подъ Берестечкомъ, а другая—женитьбы и смерти Тимофея Хмельницкаго. Знакомясь съ источниками, которыми М—сь пользовался для написанія этихъ двухъ главъ, мы видимъ здѣсь ссылки на Пасторія (*Bellum Scythico-Cosacicum*, изд. 1652 г.), на Шевалье (*Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne*, изд. 1663 г.), на „Польск. лѣтоп.“(?) и на „Малорос. лѣтоп.“, съ указаніемъ на стр. 244 и друг. Въ послѣдней лѣтописи называется „Исторія о през. брані“ (Грабянки), по печатному ея изданію Туманскаго, какъ это видно изъ приводимаго М—сомъ, при описаніи Берестечскаго сраженія, свидѣтельства Пуффендорфа, цѣликомъ взятаго изъ „Исторіи о през. брані“, (по изд. 1854 г., стр. 100).—М—сь, повидимому, не же-

¹⁾ Эта потребность видна между прочимъ и изъ переписки тогдашнихъ любителей малорусской старини А. И. Чепы и В. Г. Полетики. Послѣдний пишетъ первому, въ 1809 г.: „Вездѣ стараемъ я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской всеоружіи относящіяся.. Дѣ сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего“. Чепа отвѣтываетъ: „Ежели вы пріймите великий трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—исторію Малороссія, то тѣмъ одолж ите современниковъ“... Кіевск. Стар. 1892 г., № 1, стр. 52—53.

лалъ ограничиваться одними печатными источниками, но искалъ и рукописныхъ, на что указываетъ его переписка съ митрополитомъ Евгеніемъ; розыскивалъ М—съ и старопечатныя книги, въ которыхъ надѣялся найти свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ козацкой Малороссії¹⁾. Но исканія М—са, какъ видно, были неуспѣшны, и ему приходилось удовлетворяться источниками болѣе или менѣе общеизвѣстными.

Написанная М—сомъ історія не была напечатана бroitno вслѣдствіе появленія въ 1822 г., т. е. въ тотъ моментъ, когда М—съ собирался приступить къ печати, уже готовой „Історіі Малой Россії“ Бант.-Каменского. Очень вѣроятно, что М—съ не рѣшился конкурировать съ книгою, написанной съ большимъ запасомъ архивныхъ свѣдѣній, которыхъ у него, кажется, не было вовсе, и притомъ такъ роскошно (для того времени) изданной²⁾...

Имѣя теперь въ рукахъ только двѣ главы изъ всей М—совой історіи, трудно дать о ней болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе. Но сравнивая, напр., эпизодъ о трагической кончинѣ Тимофея Хмельницкаго по изложенію М—са³⁾ съ разсказомъ о томъ же предметѣ Б.—Каменского, мы видимъ, что М—съ описываетъ это событие и подробнѣе, и живѣе, видно, что писательскаго мастерства у М—са было гораздо болѣе, чѣмъ у автора „Історіі Малой Россії“. Весьма вѣроятно, что

¹⁾ Малъ, укаz. книга, стр. 89. Здѣсь и честь получить и по оному во всѣхъ кіевскихъ бібліотекахъ искалъ требуемыхъ вами книгъ (рукописныхъ?), но не могъ найти. Лаврская б-ка вся стерѣла въ 1718 г., а академическая дважды горѣла, въ 1780 и 1811 гг. А потому почти ничего уже старого (изъ рукописей?) въ нихъ не осталось. Вирши Кассіана Саковича на погребеніе гети. Сагайдачнаго (изд. 1622 г.) видѣль я въ Спб. б-кѣ пок. канцлера гр. Румянцева. Они кратки и ничего не имѣютъ историческаго, кромѣ ліитературныхъ похвалъ за храбрость. А ланегирика на погребеніе митроп. Коссова я нигдѣ не видѣль.

²⁾ На книгу Б.—Каменского была напечатана въ Сынѣ Отеч. 1823 г. (№ 3, стр. 130—138) рецензія, которая по словамъ Н. Полеваго (Моск. Телегр. 1830 г. № 17, стр. 79) принадлежитъ Мартосу (конечно, А. И.) Къ сожалѣнію, мы не могли добѣть указанной книжки С. О-ва, чтобы познакомиться съ той рецензіей.

³⁾ Въ виду большой рѣдкости теперь Булгаринскаго Сѣвера. Архива, мы перепечатываемъ здѣсь, въ приложеніи, главу изъ історіи М—са, въ которой описывается женитьба и смерть Т. Хмельницкаго.

написанная М—са исторія Малороссіи болѣе полюбилась бы читателю двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, чѣмъ исторія Б.—Каменского, но въ научномъ отношеніи послѣдняя, конечно, должна была имѣть значительный перевѣсъ... Какъ мы видимъ изъ письма М—са, писанного въ 1822 г., его исторія состояла изъ пяти томовъ и заканчивалась уничтоженіемъ гетманства; первые три тома, въ которыхъ исторія доведена была до смерти Хмельницкаго, были ~~составлены~~ окончены и отданы въ цензуру; были кончены и послѣдніе два тома, но четвертый изъ нихъ передѣлывался... Была ли окончена эта передѣлка—неизвѣстно; вѣрнѣе, что неѣть, такъ какъ въ сентябрѣ 1822 г. М—съ получилъ мѣсто въ Сибири, куда вслѣдъ затѣмъ и уѣхалъ¹⁾. Въ Сибири М—съ пробылъ до конца 1826 г.; затѣмъ, въ началѣ 1827 г. получилъ мѣсто прокурора въ Новгородѣ, пробылъ тутъ до нач. 1832 г. и вышелъ въ отставку. Черезъ годъ (въ апрѣлѣ 1833 г.) М—съ поступилъ на службу въ комиссаріатъ, а съ 1837 г. до дня смерти, 13 августа 1842 г., занималъ мѣсто управляющаго ставронольскою комиссаріатскою комиссией.

Со времени возвращенія изъ Сибири и до конца своихъ дней М—съ безпрерывно занимался разными литературными работами. Въ 1827 г. онъ напечаталъ *Письма о восточной Сибири*, а въ 1841 г.—переводъ *Исторіи семилѣтней войны въ Германии*, соч. Архенгольца. Кромѣ того, по сообщенію Васильева, М—съ оставилъ послѣ себя нѣсколько литературныхъ работъ, изъ которыхъ часть (статьи по древней и русской исторії) была напечатана послѣ его смерти, въ *Маякѣ*²⁾. При перечисленіи этихъ работъ М—са, Васильевъ говоритъ: „Въ 1839 г. (М—съ)

¹⁾ Хотя Васильевъ и говоритъ что М—съ получилъ мѣсто въ Сибири въ сентябрѣ 1821 г., но думается, что этотъ годъ указывается винъ ошибочно, такъ какъ въ письмѣ своемъ къ И. Р. М—су, писанномъ 20 июня 1822 г., изъ Петербурга, А. И. М—съ ни слова не говоритъ о получении мѣста въ Сибири.

²⁾ Перечислены литературные работы М—са, Васильевъ говоритъ: „кромѣ всѣхъ поименованныхъ сочиненій имѣются многія мелкія, различаго рода содержавшія статьи, кои по обстоятельствамъ, независящимъ отъ владѣтелей этихъ рукописей, не могутъ быть напечатаны“. Изъ чтенія „Записокъ“ М—са, напечатанныхъ въ Русск. Арх. 1893 г., можно догадываться, что „обстоятельства“ здѣсь разумѣются цензурнаго свойства.

окончилъ исторію Україны, надъ которою трудился слишкомъ девятнадцать лѣтъ¹⁾. Изъ дальнѣйшаго сообщенія Васильева слѣдуетъ видѣть, что М—съ представилъ тогдашнему министру нар. просвѣщенія Уварову первые три тома своей исторіи (т. е. тѣ, которые были уже въ цензурѣ?) съ ходатайствомъ представить его трудъ вниманію государя Николая Павловича, причемъ вѣроятно имѣлъ въ виду получить средства на изданіе этого труда. Прежде представленія рукописи государю, Уваровъ поручилъ специалисту (конечно, Устрялову, къ которому онъ обыкновенно обращался въ такихъ случаяхъ)—дать заключеніе объ ученомъ значеніи сочиненія М—са. Заключеніе дано было въ пользу автора²⁾, причемъ изъ этого заключенія видно, что М—съ представлялъ министру только три тома своей исторіи

¹⁾ Значитъ писать исторію Малороссіи М—съ началъ въ 1820 г.?

²⁾ Заключеніе это, приведенное Васильевымъ, перепечатываемъ здѣсь, какъ единственное пока свидѣтельство о характерѣ *своей* исторіи Малороссіи Мартоса.

„Исторія Малороссіи г. Мартоса излагаетъ произшествія отъ начала сей страны до присоединенія ся къ Россіи. Авторъ хотѣлъ, повидимому, пополнить недостатокъ книги г. Бантышъ-Каменскаго, который свою исторію Малороссіи начинаетъ временами Хмельницкаго и оканчиваетъ 1803 годомъ. И дѣйствительно, соединивъ трудъ г. Мартоса съ сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго, мы можемъ имѣть уже довольно полную исторію Україны. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣніемъ моимъ рукою заслуживаетъ полное уваженіе. Внутреннее достоинство ся заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изѣясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво, излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, не рѣдко подчиняющій вещи и лица своимъaprіорическими убѣждѣніямъ. Это немаловажное достоинство въ наше время, когда всякой спѣшить, такъ называемыми „высокими воззрѣніями“, вѣкамъ и поколѣніямъ навязать такія виды и тѣкъ ходъ жизни, о какихъ эти вѣка и поколѣнія вовсе ничего не знали. У автора одна направительная идея, какъ и должно быть, не его собственная, а идея жизни и судьбы малороссійского народа, т. е. что народъ сей и по происхожденію, и по духу, и по вѣрѣ своей всегда былъ частію великаго цѣлого—Россіи, и силой естественного влечения, долженъ былъ не смотря на временное свое отдѣленіе отъ ней, опять войти въ историческую ея орбиту и составить съ ней одну душу и одну мощь.—Формы изложенія у г. Мартоса тоже просты: онъ слѣдуетъ естественному ходу событій, безъ всякого искусственного распределенія вещей. Можно было бы однажды пожелать, чтобы авторъ былъ несолько братче въ эпизодическихъ повѣствованіяхъ: иногда онъ слишкомъ много говорить о событіяхъ, выходящихъ изъ круга малороссійской исторіи и имѣющихъ къ ней весьма посредственныя отношенія. Такъ, напримѣръ, въ 1-й части онъ безъ нужды входитъ въ длинное описание временъ предшествовавшихъ козачеству въ нашихъ странахъ,

Малороссії („до присоединенія ея къ Россії“). Поэтому слѣдуетъ думать, что послѣдніе два тома этой исторіи не были окончены и послѣ сибирской службы ея автора...

О результатахъ представленія рукописи М—са государю Николаю I, въ статьѣ Васильева читаемъ: „Государь императоръ удостоилъ наградить сочинителя брильянтовымъ перстнемъ“. Исторія эта, дополненная указаніемъ источниковъ (какъ то находилъ нужнымъ Устряловъ), не напечатана еще доселѣ. Изъ содержанія и изложенія этой исторіи видно, что сочинителю (ея) стоило огромныхъ трудовъ собрать необходимые материалы, источники, которые въ настоящемъ исправленномъ состояніи указаны всѣ безъ исключенія и тѣмъ самимъ много говорятъ въ пользу сочинителя“. Вотъ и все что мы знаемъ объ исторіи Малороссіи, написанной А. И. Мартосомъ. Гдѣ находится въ настоящее время ея рукопись—неизвѣстно. Судя потому что рукопись „Записокъ“ М—са куплена была, однимъ собирателемъ, въ Ярославлѣ, на базарѣ, (Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542),

тогда какъ о происхожденіи казаковъ онъ говорить мало и неудовлетворительно. Отъ того нѣкоторымъ частямъ его сочиненія не достаетъ стройности. Слово автора, хотя и не отличается художественной обработкой и мѣстами тяжелъ, однако ясно и что, по современному состоянію нашей литературы, составляеть уже достоинство, не широковѣщательное, не напыщенъ и не пустозвученъ. Но вотъ важный и самый существенный ученый недостатокъ исторіи г. Мартоса: онъ вовсе не показываетъ источниковъ, откуда заимствовалъ факты; у него нѣть ни одной ссылки, ни одного указанія на материалы. Многіе предметы, имъ излагаемые, конечно довольно общезвѣстны тѣмъ, которые предварительно уже знакомы съ исторіей Украины; но эта извѣстность не освобождаетъ историка отъ обязанности утверждать ихъ цитатами. Иначе читатель въ правѣ подумать, что онъ критику подчиняетъ преданіямъ, а не преданія критикѣ. Г. Мартосъ также не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіанъ, какъ извѣстно, очень оригинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронология не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида. Изъ всего вышеписанного оказывается, что трудъ г. Мартоса не есть въ полномъ смыслѣ, художественное созданіе, но смотря на то, что, при недостаткѣ дѣльныхъ въ нашей литературѣ твореній, онъ занялъ бы у насъ, въ особенности какъ дополненіе къ исторіи г. Бантышъ-Каменского, весьма почетное мѣсто, если бы только авторъ соблюдалъ одно изъ важнѣйшихъ условій исторического творенія—показаніе источниковъ, чѣмъ таکъ богатъ его предшественникъ г. Бантышъ-Каменский“.

можно думать что и рукопись М—своей исторіи Малороссії тоже где нибудь затерялась, если не погибла совсѣмъ...

Какъ видимъ, авторъ этой исторіи принадлежалъ къ числу тѣхъ прямыхъ, живыхъ и образованныхъ людей, которые своими идеями всегда полезно вліяютъ на современное имъ общество. Такихъ людей исторія не должна забывать. Не долженъ быть забыть А. И. Мартосъ и какъ одинъ изъ изыскателей малорусской ста-ринны, потому что онъ прилежно и съ любовью изучалъ эту ста-рину, чтобы затѣмъ знакомить съ нею своихъ современниковъ.

Ал. Лазаревский.

Отрывокъ изъ исторіи Малороссії, составляемой А. Мартосомъ. (Томъ III. Глава V. 1652—1653).

Разрывъ мира.—Заселеніе слободскихъ полковъ.—Знаменитая битва при Батовѣ.—Сынъ гетмана вступаетъ въ бракъ съ дочерью молдавскаго господаря.—Смѣлый отвѣтъ Богдана Хмельницкаго депутатамъ польскимъ.—Кончина польского сенатора-воеводы Киселя.—Молодой Хмельницкій убить въ Молдавіи.—Богунъ разбиваетъ поляковъ.—Богданъ Хмельницкій въ окружностяхъ Жванца поражаетъ всю королевскую армию.—Свиданіе Хмельницеаго съ Ioанномъ-Казимиромъ и подтверждение Зборовскаго трактата.

Бѣлоцерковскій миръ по существа своему не могъ быть ни про-ченъ, ни продолжителень. Польскіе полки заняли сначала зимнія квартиры въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а послѣ въ Нѣжинѣ и по всѣмъ украинскимъ городамъ, въ стародубскомъ округѣ, отъ Сулы за Мглинъ до литовской границы. Народъ ропталъ на миръ и на Хмельницикаго, который, всегда дѣйствуя самымъ осторожнымъ образомъ, выжидалъ удобнаго времени къ отмщенію за причиненные ему оскорблениа. Онъ позволилъ козакамъ и крестьянамъ селиться на лѣвомъ берегу Днѣпра въ южныхъ предѣлахъ Россійскаго государства, на обширныхъ равнинахъ, принадлежавшихъ Россіи и оставшихся въ запустѣніи со времени первого нашествія татаръ. Дворъ москов-скій, радуясь симъ новымъ выходцамъ, предоставилъ имъ во владѣніе тамошнія поля, где въ короткое время выстроились города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Изюмъ, Ахтырка, Острогожскъ и другіе, даже до рѣки Дона. Українцы вмѣстѣ съ собою принесли туда и свои военные постановленія, и такимъ образомъ положили основаніе селеніемъ славныхъ слободскихъ козаковъ: первый шагъ Хмельницкаго къ присоединенію Малороссії къ Россійской державѣ.

Хмельницкій по окончаніі войны желалъ исполнить прежнее свое намѣреніе, женить своего сына Тимофея, на дочери молдавскаго господаря. Весною 1652 года онъ послалъ въ Яссы депутатовъ, чтобы съ угрозами напомнить сему князю объ его обѣщаніи. Но господарь, не располагая сдержать своего слова, убѣдительнѣйше просилъ короля польскаго воспрепятствовать требуемому Богданомъ бракосочетанію. Въ слѣдствіе того король выслалъ для подкрайленія господаря Молдавіи 10-ти тысячный польскій коршу́съ, подъ начальствомъ на-польнаго гетмана Калиновскаго, личнаго врага Хмельницкому.

Хмельницкій крайне огорчился столь оскорбительными дѣйствіями враговъ своихъ. Онъ писалъ къ гетману Калиновскому, жалуясь на сей поступокъ, тѣмъ болѣе для него странный, что невозможно было предвидѣть, почему республика опасается женитьбы его сына, выгодной единственно для его фампліи, и заключалъ письмо тѣмъ, что ежели король и республика полагаютъ бракъ сей вреднымъ для нихъ, то должны отнести прямо къ нему. Но всѣ представлениія были тщетны. Калиновскій, не остановивъ движенія войскъ своихъ, избралъ позицію при уроцищѣ Батовѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ Брацлавля и столь славномъ въ послѣдствіи. Онъ повелѣлъ своему брату, расположившемуся съ войскомъ въ Нѣжинѣ и по другимъ заднѣпровскимъ городамъ, выступить въ поле и стараться ударить въ тылъ козакамъ. Сіи польскіе полки на походѣ дѣлали ужасныя насилия и грабительства жителямъ. Хмельницкій, разраженный поступками Калиновскаго, вторично остерегъ его слѣдующимъ образомъ: «чтобъ гетманъ польскій не прогнѣвался, если польскому войску случится какая нибудь непріятность отъ веселаго свадебнаго общества». Предостереженіе сіе поляки сочли покорностью, и съ веселымъ духомъ ожидали приближенія украинцевъ. Къ брату Калиновскаго, стоявшему на Днѣпрѣ и позволившему своему войску обижать козаковъ, послалъ Хмельницкій въ даръ коня, у коего обрѣзъ и хвостъ и гриву, приказалъ изъ сихъ волосъ сплести веревку и обвить оною коня.

Между тѣмъ Хмельницкій быстро подаваясь впередъ, скоро явился предъ непріятелемъ. Поляки, увидѣвъ козаковъ, изъявили удовольствіе и готовность сразиться съ ними и бросились впередъ на полѣ мили, оставя обозы въ беспорядкѣ, и лагерь съ небольшимъ прикрытиемъ. Татары, составлявшіе передовую стражу Хмельницкаго, искусно отступая, успѣли заманить непріятеля еще далѣе. Хмельницкій воспользовался удачею своей хитрости; немедленно отрядивъ

сильный корпусъ козаковъ на лагерь, повелѣлъ, не занимаясь пустою перепалкою, броситься съ пиками на лагерную стражу и зажечьпольскіе обозы. Приказаніе сіе исполнено въ точности. Непріятель, сразившійся съ татарами, вдругъ изумился, увиди позади себя козаковъ, а вскорѣ и весь лагерь въ пламене. Оставалось одно средство, броситься черезъ рѣку Собъ, впадающую въ Бугъ; но Хмельницкій въ семъ мѣстѣ ожидалъ поляковъ. Онъ зналъ всю важность сего пункта, и еще въ началѣ сраженія занялъ оный, отразивъ оттуда легкую непріятельскую пѣхоту. Здѣсь произошла жестокая сѣча; татары и козаки, состоявшіе изъ одной только конницы, сдѣлали въ виду главнаго своего предводителя нѣсколько блистательныхъ атакъ, смиливъ непріятеля, врѣзались въ его ряды и никому не давали пощады.

Напольный гетманъ Калпновскій, защищаясь мужественно и уже дважды раненый, убитъ; татаринъ отсѣкъ ему голову и въ пылу сраженія принесъ ее на пѣхѣ Богдану¹⁾. Изрублены: староста Красноставскій, второй предводитель Орживольскій, Пріемскій, Маркъ Собѣсскій, Косаковскій, Рекъ, Молчанскій, Саконскій, Шенейхъ и множество другихъ знаменитыхъ дворянъ²⁾; остальные загнаны въ болото и тамъ перебиты изъ карабиновъ. Едва 10 человѣкъ спаслось отъ мщенія разъяренныхъ враговъ. Балабанъ былъ освобожденъ Карасбеемъ, Грудзенскій и Сокольницкій обязаны жизнью великодушію внука Тогай-Бея; Кальницкій, Брасилскій, Ручацкій и Корицкій почти чудеснымъ образомъ спаслись отъ смерти³⁾. Юный Самупль, сынъ гетмана Калиновскаго, спасаясь бѣгствомъ отъ грозныхъ враговъ, упалъ съ моста въ селеніи Бубновѣ и утонулъ. Въ Батовскомъ дѣлѣ татары успѣли захватить множество польскихъ дворянъ, кроме показанныхъ; но Хмельницкій приказалъ ихъ предать смерти. Здѣсь, по словамъ авторовъ, онъ желалъ отмстить за непомилованіе козаковъ въ несчастномъ сраженіи у Берестечка. За батовскою побѣдою послѣдовало умерщвленіе крестьянами всѣхъ польскихъ пановъ и старостъ, пріѣхавшихъ въ свои помѣстья на Украину. «Батовское пораженіе, пишетъ современный писатель Пасторій, будеть вѣчнымъ пятномъ для польской республики и должно быть оплакиваемо всѣмъ королевствомъ»... Хмельницкій сопутствуемый татарами, подошелъ даже къ Каменцу, дабы съ сей стороны прикрыть границы

¹⁾ Pastorius, lib. XI, pag. 199 и 291.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

и дать время своему сыну пройти въ Молдавію. Тогда татары разсыпались по Польшѣ и наполнили онуя такимъ ужасомъ, что знатные вельможи даже въ Данцигѣ готовились искать своего спасенія. Слава Батовскаго сраженія разнеслась повсюду; она сдѣлала господаря молдавскаго гораздо снискодительнѣе. Молодой Хмельницкій съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ козаковъ вступилъ въ Молдавію, достигъ Яссъ и былъ отлично принятъ. Господарь отдалъ за него въ супружество doch свою княжну Ирину, и бракъ празднованъ великолѣпнѣйшимъ образомъ въ присутствіи бояръ и среди шумныхъ воскликаній народа.

Послѣ сего происшествія Хмельницкій написалъ королю польскому жалобу на гетмана Калиновскаго, притворясь, будто ему вовсе неизвѣстны пропски, и обудившіе короля начать военные дѣйствія, и всѣ сіи происшествія относили на щеть Калиновскаго, который съ полкамъ хотѣлъ воспрепятствовать поѣздкѣ его сына въ Молдавію. «Богъ, (писалъ Хмельницкій къ королю), не возбраняетъ своимъ тварямъ ни воды, ни пищи; но Калиновскій хотѣлъ присвоить себѣ источники лучшія, а моему сыну оставить негодныя. Сей поступокъ раздражилъ моего сына и его дружину». Письмо оканчивалось нѣкоторыми извиненіями въ прошедшемъ и покорною просьбою о прощеніи. Нѣсколько времени письмо оставалось безъ отвѣта, но гетманъ настаивалъ и получилъ отзывъ, что ему дано будетъ испрашиваемое прощеніе не иначе, какъ на условіяхъ отказаться отъ союза съ татарами и отдать своего сына Польшѣ аманатомъ.

При семъ требованіи Хмельницкій въ гнѣвѣ не владѣя собою, забылъ обыкновенную свою политику: положивъ руку на саблю, онъ сказалъ депутатамъ: «вотъ мнѣ защита отъ того, кто осмѣлитъся нарушить мое спокойствіе! Знаю я вижу теперь, что всѣ ваши замыслы клонятся къ моей нагубѣ. Да будетъ вамъ извѣстно, что дружбу татаръ я всегда предпочитаю вашей, и никогда сынъ мой не будетъ заложникомъ въ Польшѣ; онъ только что женился и вы своими пропсками ищете его гибели. Посовѣтуйте королю вѣрно соблюдать Зборовскій договоръ, утвержденный его клятвою и запечатленный нашою кровью! Симъ отвѣтомъ послы отпущены были изъ Чигрина.

Въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ скончался сенаторъ-воевода Адамъ Кисель, родомъ изъ Брусилова, благороднѣйший посредникъ въ дѣлахъ козаковъ съ польскимъ королевствомъ и ресиубликой. Онъ происходитъ отъ древнаго рода Святольда. Лѣтописи говорятъ, что онъ былъ мужъ благочестивъ, спры русской великий побор-

никъ, въ словахъ сладокъ, Українп пріятель. Хмельницкій горестно оплакивалъ сію потерю. Чувствительный и благородный гетманъ, желаю, чтобы и соотчиши раздѣлили съ нимъ сію истинную печаль, да знатъ новсемѣтно народу о смерти воеводы. Всѣ жители українскихъ полковъ не менѣе гетмана проливали слезы, извѣстившись о кончинѣ Киселя и возглашали: *да будеть ему вѣчна память!* похвала лестная отъ народа враждебнаго Польшѣ. Не долго еще дѣйствовали на сеймѣ примѣры добродѣтели покойнаго сенатора. Поляки примѣтно отставали отъ своей древней умѣренности, постоянства и строгости нравовъ. Одержанная при Берестечкѣ побѣда, вселила въ магнатахъ желаніе сдѣлать козаковъ своимъ рабами. Непрѣистно, тщеславіе или любовь къ отечеству побуждали Киселя стараться во всякомъ случаѣ возстановлять добре согласіе между козаками и республикою; но только поступки его были справедливы, а дѣйствія сейма всегда насильственны. Сей сенаторъ въ послѣднія минуты своей жизни увѣрялъ согражданъ, что намѣренія его были всегда непорочны и что никто еще въ польской республикѣ не былъ столько ей преданъ¹⁾). Непосредственно за ѿю драгоцѣнною утратою, новый ударъ поразилъ сердце правителя козаковъ. Онъ получилъ роковое извѣстіе о смерти своего старшаго сына, составлявшаго всю его надежду, и убитаго вскорѣ послѣ бракосочетанія, въ Яссахъ, въ замкѣ Сочавѣ, лежащемъ при подошвѣ горъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Молдавіи. Несчастный отецъ, столь уважаемый за предѣлами отечества, былъ нѣсколько дней неспособенъ ни къ составленію плана военныхъ дѣйствій, ни къ начальству надъ гражданами. Украина безмолвствовала при видѣ отчаянной его горести. Основываясь на лѣтописяхъ, скажемъ вкратцѣ о смерти Тимоѳея. Послѣ совершенія брака его съ княжною молдавскою, сіе цвѣтущее государство начало наслаждаться столь нужнымъ для него спокойствiemъ, подъ сѣнью дружбы козаковъ и мужественнаго ихъ начальника. Сей блестательный союзъ предвѣщалъ миръ и тишину; но предположенія человѣческія рѣдко исполняются. Когда новобрачные отправились въ Чигринъ къ своему родителю, новый непріятель явился предъ вратами Яссы. То былъ неспокойный князь Рагоцій, который искалъ повсюду приключеній и страшился за свою Трансильванію. Онъ видѣлъ, что не можетъ расторгнуть столь опаснаго для его видовъ союза украин-

¹⁾ Почтенный сенаторъ имѣлъ пробываніе въ Києвѣ, въ собственномъ домѣ на горѣ, называемой отъ него Кисилевкою.

скаго гетмана съ господаремъ молдавскимъ, а потому рѣшился перемѣнить образъ правленія въ Молдавіи и дать ей новаго правителя. Рагоцій соединилъ свои полки съ недовольнымъ молдаваниномъ Радуломъ, имѣвшимъ сильную партію въ княжествѣ, и изгналъ господаря Василія изъ его столицы. При первомъ извѣстіи, Тимоѳей Хмельницкій съ отрядомъ, состоявшимъ изъ семи тысячъ козаковъ, и съ полковникомъ Николаемъ Федоровичемъ быстро явился подъ стѣнами Яссъ, взрубилъ венгерскія и матежныя молдавскія войска и посадилъ своего тестя Василія на княженіе. Но сей успѣхъ былъ непродолжителенъ; отважный Рагоцій вскорѣ снова началъ на него и послѣ упорного боя, принудилъ уступить ему поле сраженія и предать жребій Молдавіи. Тимоѳей сначала удалился въ горы, а оттуда въ крѣпкій замокъ Сочаву, рѣшившись ожидать въ немъ перемѣнъ обстоятельствъ, и далъ знать своему родителю объ опасности своего положенія. Между тѣмъ Рагоцій, присоединивъ къ себѣ нѣкоторые отряды поляковъ и людей, преданныхъ Радулу, облегъ со всѣхъ сторонъ Сочавскій замокъ. Всѣ его нападенія были отражаемы мужественно, пока смерть не прекратила дни юнаго героя. Въ одномъ жаркомъ сраженіи ядро оторвало ногу Тимоѳею, и сей несчастный случай способствовалъ успѣху князя Трансильванскаго. Тогда все пришло въ беспорядокъ; храбрость козаковъ ослабѣла отъ горести. Одни думали тотчасъ сдать городъ венгерцамъ, другіе намѣривались защищать оный до послѣдней капли крови. Въ семъ отчаянномъ положеніи теща Тимоѳея Хмельницкаго явила твердость превыше своего чола. Онаувѣщевала осажденныхъ защищаться до послѣдней крайности, отражая силу силою. Козаки поклялись повелительницѣ—иноземкѣ, умереть людьми свободными, и снова начались страшныя битвы. Но, болѣе и болѣе отовсюду стѣсняемые и отрѣзываляемы, неожидая помощи отъ гетмана, они вступили въ переговоры и получили честную капитуляцію, сохранивъ оружіе свое и знамена. Козаки увезли съ собою и тѣло убитаго полководца. Твердость защищавшихся привела въ недоумѣніе князя Рагоція: онъ съ ужасомъ взиралъ на грозные ряды отступавшихъ козаковъ, кои, изъ недовѣрчивости къ непріятелю, составили твердое прикрытие вкругъ тѣла своего военачальника.

Совершивъ половину пути отъ Сочавскаго замка къ Днѣстру, козаки были атакованы превосходнымъ числомъ поляковъ, подъ начальствомъ пана Могильницкаго. Они составили надежное прикрытие для защиты своихъ раненыхъ и гроба военачальника, и съ отчаянною рѣшиимостію ударили на непріятеля, произвели ужасное кро-

вопролитіе въ рядахъ поляковъ; заставили ихъ бѣжать въ горы и взяли въ плѣнъ самого начальника, котораго привели въ Чигринъ къ своему гетману.—Путешественникъ не можетъ теперь указать съ точностью мѣста, гдѣ убитъ Тимоѳей Хмельницкій. Тамошніе жители даже не знаютъ о семъ происшествіи. И посѣтилъ Сочаву, спустя полтора вѣка послѣ смерти сего юнаго воина, подававшаго о себѣ великую надежду. Но все перемѣнилось: думаю, что перемѣнились и мѣста, гдѣ сыны Украины оспаривали владѣніе надъ богатою Молдавіею, а послѣ сражались за свою свободу.

При такихъ обстоятельствахъ, Польское правительство, воспользовавшись волненіемъ нѣкоторыхъ городовъ Украины, недовольныхъ строгостю своего гетмана, выслало Чарнецкаго ослабить козаковъ. Генераль республики не успѣлъ или не хотѣлъ, содржать воинства своего въ предѣлахъ послушанія и порядка. Воины его грабили, жгли, умерщвляли все, на штуки встрѣчавшееся. Славный полковникъ Богунъ (тотъ самый, который былъ избранъ полководцемъ въ критическую минуту, по удаленіи гетмана въ кровавой битвѣ при Берестечкѣ), отправленъ Хмельницкимъ встрѣтить и удержать Поляковъ. Богунъ искусными движеніями вовлекъ непріятеля въ невыгодное для него мѣсто, нечаянно напалъ на него близъ Монастырищъ, на границахъ нынѣшней Киевской губерніи, разбилъ его и овладѣлъ всѣмъ станомъ. Въ семъ упорномъ сраженіи Чарнецкій получилъ двѣ раны пулами, и Богунъ достойно воздалъ непріятелю за зло, причиненное украинцамъ.

Уже мирный договоръ былъ нарушенъ и съ обѣихъ сторонъ надлежало приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Ioannъ Казимиръ вознамѣрился внести войну въ сердце Украины. Онъ принялъ предводительство надъ пятнадцатитысячною регулярною арміею и пошелъ къ Жванцу, мѣстечку, лежащему на лѣвомъ берегу Днѣстра, разстояніемъ на пушечный выстрѣль отъ Хотинской крѣпости. Въ семъ мѣстѣ находится переправа въ Молдавію. Полагали, что Хмельницкій пойдетъ въ ту страну мстить за смерть своего сына, убитаго въ Сочавѣ. Гетманъ, проникнувъ намѣреніе короля, нарочно распустилъ слухъ, будто не знаетъ о произшествіяхъ въ Сочавѣ, и идеть избавить сіе мѣсто отъ осады князя Рагоція и Радула. Ему хотѣлось уловить короля въ мѣстахъ, разоренныхъ войною, которыхъ по своему положенію и по духу тамошнихъ жителей дѣлали успѣхъ козаковъ несомнѣннымъ. Такимъ образомъ Ioannъ Казимиръ самъ содѣствовалъ исполненію предначертаній своего противника.

Едва Поляки заняли позицію при Жванцѣ, какъ Хмельницкій и татары явились въ виду передъ ними. Іоаннъ Казимиръ ждалъ отчаяннаго нападенія; онъ укрѣпилъ свой лагерь, поставилъ на оба крыла обозы, и лучшую пехоту помѣстилъ между рядами оныхъ. Но Хмельницкому нужно было выиграть время. Онъ руководствовался всегдашимъ своимъ правиломъ, не презирать непріятеля, сколь бы онъ не былъ малочисленъ; усилилъ передовую свою стражу; часто дѣлалъ наступательныя движения; грозилъ,—но не нападалъ. Послѣдствія оправдали его дѣйствія. За глубокою осенью наступила ранняя зима; выпалъ первый снѣгъ, и Хмельницкій съ ханомъ крѣпко облегли войско польское, прежде сего благоустроенное, а нынѣ утомленное ненастнымъ временемъ и мучительными работами. Въ польскомъ лагерѣ оказался голодъ. Хмельницкій, всегда осторожный, не хотѣлъ еще атаковать враговъ своихъ. Въ короткое время однаждытъ тысяча человѣкъ изъ арміи короля сдѣлались добычею холодной смерти. Конница его также потеряла много въ безпрѣстанныхъ вылазкахъ, для отраженія козаковъ, нападавшихъ на обозы.

Іоаннъ Казимиръ находился въ крайней опасности. Онъ не страшился Богдана, великодушнаго своего непріятеля, (такъ онъ называлъ его); ханъ крымскихъ татаръ отравлялъ дни сего государя печалію. Король потребовалъ свиданія съ Хмельницкимъ и предложилъ перемирие. Военные дѣйствія прекратились. Хмельницкій почтительно представилъ королю и просилъ его величество о подтвержденіи Зборовскаго трактата!...

Король далъ клятву сохранить Зборовскій миръ, и два врага сдѣлались въ сію минуту искренними друзьями. Іоаннъ Казимиръ заплатилъ свой выкупъ хану и далъ въ заложники сенаторовъ: Ланскорунскаго и Осолинскаго, подкоморія сеномирскаго.

Такъ кончилось знаменитое дѣло при Жванцѣ. Іоаннъ Казимиръ покорился необходимости, и Зиновій Богданъ, болѣе снисходя, нежели примиряясь, уважая въ королѣ врага, доведеннаго до крайности, но почтеннаго и мужественнаго, безъ потери своихъ людей возвратилъ Украинѣ независимость и надежду на лучшую будущность.

Въ сіи двѣ кампаніи Хмельницкаго, военная наука сдѣЛАла новые успѣхи: удостовѣрились, что не надобно упускать случая, пользоваться хотя малымъ превосходствомъ, но должно неутомимо преслѣдоватъ непріятеля и не давать ему опомниться, раздѣлять силы и опять соединять оныя. Такъ дѣйствовалъ козачій военачальникъ при Батовѣ, при Монастырищѣ и у Жванца.

Искусный въ хитростяхъ малой войны, онъ хотѣлъ въ послѣднемъ сраженіи сдѣлать побѣду рѣшительную, и потому слѣдовалъ медленнымъ, правильнымъ расчетамъ, зная, что вся ложныя военные предположенія и планы падаютъ всегда на несчастное человѣчество. Геній Хмельницкаго и ошибка его венріятелей сдѣлали перевѣсъ въ иеровной борьбѣ двухъ народовъ. Человѣкъ не съ такимъ гениемъ, какъ Хмельницкій, могъ бы запутаться въ подробностахъ малой войны при составленіи плана кампаніи, раздѣлявшагося на множество отраслей, сообразно съ духомъ козаковъ и союзныхъ имъ татаръ; другой бы изнемогъ отъ столь многихъ пренятствій и покорился превышающимъ силамъ. Хмельницкому представлено было восторжествовать надъ всѣми сими преградами. Въ послѣднемъ походѣ онъ явилъ себя великимъ полководцемъ и великимъ полптикомъ—качества столь рѣдкія въ одномъ человѣкѣ.

Строгость и подчиненность въ его полкахъ, воинское воспитаніе юношества, родъ наказаній и награжденій, внушающее мужество, осуждали слабость духа и составили изъ козаковъ непобѣдимое войско. При Богданѣ Хмельницкому военное дѣло у козаковъ не почиталось уже промысломъ набѣговъ, но искусствомъ людей образованныхъ, и польское правительство, взирая на военные и политическія учрежденія козаковъ, устрашилось оныхъ, и напрягло всѣ свои силы, чтобы составить новые союзы, новыя арміи, дабы подавить и уничтожить новорождающееся на границахъ Польши государство, которое въ самомъ младенчествѣ уже осмѣлилось бороться со всѣми силами республики, и надъ оными не одинъ разъ торжествовало.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Прошло около двухъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ первого выпуска „Соврем. малор. этнографії“. Одинъ изъ дѣятелей этнографії, сочиненія которыхъ были нами разобраны, И. И. Манжура скончался. П. В. Ивановъ и Я. П. Новицкій дали новые цѣнныя сборники—первый продолженіе разработанного нами сборника малорусскихъ легендъ (нап. въ Этногр. Обозр. 1892 и 1894 д.), второй—сборникъ малорусскихъ, преимущественно историческихъ пѣсенъ (изданъ въ VI т. Сборника харьк. истор.-фил. общ. 1894 г.). Послѣ Манжуры осталось еще три сборника: небольшой сборникъ сказокъ и присловій (нап. въ VI т. Сборн. харьк. ист.-фил. общ. 1894 г.), обширный сборникъ пѣсенъ, большею частью впрочемъ известныхъ (принадлежитъ харьк. ист.-фил. обществу, предположеніе къ изданію по частямъ) и сборникъ народныхъ циничныхъ рассказовъ, неудобный для печати, мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно.

Настоящій выпускъ составляетъ продолженіе первого. Въ него войдутъ этнографическія статьи и сборники, русскіе и польскіе. Послѣдніе не такъ многочисленны и не такъ важны, чтобы выдѣлять ихъ въ особый выпускъ, какъ первоначально я предполагалъ. Польскіе сборники даютъ лишь сырой матеріалъ: мы посвятимъ имъ двѣ или три главы въ видѣ библиографического обзора.

П. И. ЖИТЕЦЬКІЙ.

Въ III т. „Исторії русской этнографії“ А. Н. Пыпина (стр. 375—376) находится біографія Пав. Игн. Житецкаго и краткій обзоръ его историко-литературныхъ и филологическихъ трудовъ. Въ исторіи изученія малорусскаго языка сочиненія г. Ж. имѣютъ важное значеніе; но собственно къ этнографії они не относятся. Исключение можно сдѣлать лишь для послѣдняго труда г. Ж. о думахъ. Этотъ трудъ прежде всего историко-литературный; но и для этнографії онъ не лишенъ значенія.

„Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“ печатались по частямъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1892 г., причемъ трудно было усльдить за ходомъ мысли автора, и отдельныя части казались безсвязными. Въ 1893 г. „Мысли“ вышли отдельной книгой (въ 249 стр.) съ посвященіемъ памяти А. А. Котляревскаго, и въ такомъ видѣ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе. Сочиненіе это, несомнѣнно, стоило автору многихъ лѣтъ труда и тщательныхъ размышленій, и потому, естественно, мы должны отнести къ нему съ надлежащей внимательностью. Настоящая наша статья предупреждена цѣлымъ рядомъ краткихъ журнальныхъ критическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ наиболѣе характерными представляются слѣдующія:

Проф. Соболевскій во II кн. „Живой Старинѣ“ 1893 г. напечаталъ очень краткую (въ 4 страничкѣ) и въ тоже время очень высокомѣрную по тону замѣтку, въ которой утверждается, что „единственное достоинство этихъ мыслей (основное положеніе г. Ж. о связи думъ съ школьной наукой)—ихъ новизна“. Критикъ, очевидно, „новизну“ считаетъ какимъ-то недостаткомъ, точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути. Даѣше критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство: „Мы надѣемся защитить отъ него думы, говоритъ г. Соболевскій, и освободить отъ возведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами“ (Жив. Стар. стр. 250). Г. Соболевскій напрасно беретъ на себя роль защитника въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ подсудимаго. Въ дѣйствительности, г. Житецкій даетъ думамъ важную историческую постановку

и признаетъ за ними высокое значение памятниковъ совмѣстнаго творчества старинной малорусской интелигенціи и народа. Забота г. Соболевскаго объ отдѣленіи въ пѣсняхъ народности отъ литературныхъ вліяній, будто-бы приникающихъ народное творчество, отзывается чѣмъ-то ужъ слишкомъ устарѣлымъ.

Послѣ „критики“ г. Соболевскаго пріятно остановиться на краткой, но достаточно содержательной рецензії г. Ягича въ Archiv für. slav. Philol. XV Heft 4 стр. 613—614). Рецензентъ находитъ, что „Мысли“ прекрасно написаны (das hübsch beschriebene Buch) что авторъ—„основательный знатокъ малорусской исторіи и народной словесности“ (gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhange mit der Geschichte und den culturellen Einflüssen), добавляетъ, что книга написана съ одушевленіемъ (sehr anziehend mit einem gewissen poetischen Schwung geschribenen Werke) и въ частности одобряетъ мысль г. Ж. о связи думъ со школой наукой (ein hübscher Gedanke).

Съ Ягичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой, но мѣткой и содержательной рецензії въ VI кн. „Вѣстника Европы“ 1893 г. И г. Пыпинъ признаетъ научныя заслуги г. Ж., называетъ его изслѣдованія „замѣчательными“ и въ частности о „Мысляхъ“ говоритъ, что это изслѣдованіе даетъ много любопытнѣйшихъ указаний, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особынностей формы, они опираются на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Нѣсколько специальныхъ замѣтокъ о малорусскихъ думахъ, по поводу сочиненія г. Житецкаго, будетъ сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящей статьѣ ограничиваемся краткими замѣтками, насколько это необходимо для полноты общаго обзора современной малорусской этнографіи.

Первая глава названа: «строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ» (стр. 1—38). Изученіе формальной стороны малорусской народной поэзіи, въ частности думъ, почти непочатое поле; одинъ Потебня (а за нимъ отчасти и г. Нейманъ) работалъ въ этой трудной области; все, что сдѣлано Потебней въ этомъ направлениі, весьма цѣнно въ науч-

номъ отношеніи; въ особенности цѣнны его обширныя замѣчанія о размѣрѣ малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ, и о запѣвахъ. Г. Житецкій выдѣлилъ для спеціального изслѣдованія думы. Онъ говоритъ о неравномѣрности и подвижности стиховъ въ думахъ, обилії глагольныхъ риѳмъ, слитныхъ предложеній и синонимическихъ глаголовъ. Выборъ темы очень удачный; къ сожалѣнію, г. Житецкій обходитъ молчаніемъ та-кія важныя формальныя стороны, какъ повторенія, сравненія, общія мѣста, излюбленные тропы и фигуры. При опредѣленіи формальныхъ особенностей думъ не обращено вниманія на сродныя и сходныя явленія въ славянскомъ эпосѣ¹⁾). Наконецъ, авторъ не выдерживаетъ формальной стороны изслѣдованія и въ концѣ главы переходитъ отъ поэтическаго стиля къ фактическому содержанію думъ. Кое-какія мелочи представляются не совсѣмъ ясными или недостаточно обоснованными въ научномъ отношеніи; такъ, примѣръ „проклятій“ въ думѣ на стр. 21 мнѣ представляется неудачнымъ. Здѣсь простое порицаніе вѣры бусурманской; проклятие имѣетъ своеобразный характеръ; встречается оно изрѣдка и въ думахъ, напр., въ думѣ про вдову и трехъ ея сыновей и въ думѣ про Коновченка. Что касается до архаизмовъ въ лексическомъ составѣ думъ, то авторъ говоритъ о нихъ лишь мимоходомъ, и эта сторона думъ требуетъ спеціальной филологической разработки. Желательно видѣть болѣе цѣльный и болѣе подробный подборъ эпитетовъ; если бы малорусскіе эпитеты въ думахъ были сопоставлены и сличены съ сербскими и болгарскими, въ такомъ случаѣ они получилибы весьма цѣнное научное освѣщеніе, и отчетливо опредѣлилось бы, насколько они національны и насколько общенародны. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о присутствії въ думахъ книжныхъ церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи, причемъ указываетъ на признаки школьніхъ вліяній въ языкѣ и стилѣ думъ. Какъ бы переходомъ къ по-следующимъ главамъ служить слѣдующее основательное замѣчаніе:

¹⁾ Автору, повидимому, неизвѣстны цѣнныя труды по этой части Миклошача и Замы.

чаніе г. Житецкаго, подтверждаемое не только думами, но еще въ большей степени колядками. „Въ старинной Малороссії было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ и обратно; много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи“. Авторъ допускаетъ вліяніе школьной прозы на языкъ думъ и, обратно; вліяніе поэтическаго стиля думъ на школьную рѣчу.

Гораздо интереснѣе слѣдующія двѣ главы—о странствующихъ школьнікахъ въ старинной Малороссії и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Эти двѣ главы тѣсно связаны между собой и составляютъ какъ бы цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, любопытное по основной идеѣ о взаимодѣйствіи школьніхъ виршъ и народныхъ пѣсенъ. Здѣсь много драгоценныхъ фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ отчасти изъ богатыхъ матеріаловъ въ „Кiev. Старинѣ“, отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Императорской публ. бібл., архивѣ Е. Н. Скаржинской, въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ и въ кіево-михайловскомъ монастырѣ.

Во II гл. г. Ж. говоритъ о главныхъ составителяхъ вирш—странствующихъ школьнікахъ и мандрованныхъ дьякахъ-пиворѣзахъ, обѣ отношеніи ихъ къ народу и, обратно, народа къ пиворѣзамъ. Въ III обширной главѣ авторъ говоритъ о правоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ виршахъ. Изъ виршей правоучительного содержанія отмѣчены вирши о смерти, страшномъ судѣ, правдѣ и кривдѣ; въ видѣ отдѣльного экскурса говорится о значеніи матери въ малорусской народной словесности и приведена дума о вдовѣ и трехъ я сыновьяхъ; связь этой думы съ виршами представляется сомнительной. Въ отдѣлѣ вирш нравоописательныхъ разсмотрѣны рождественскія, воскресенскія и интермедіи, съ историко-бытовыми замѣтками о роляхъ крестьянина, козака и запорожца въ вертепной драмѣ. Въ отдѣлѣ историческихъ вирш отмѣчены „острожскій ламентъ“, *Duma kozackaia* и нѣкот. др.

Г. Житецкій рассматриваетъ вирши, какъ памятники самостоятельные и оригинальные, и часто даетъ къ нимъ историко-

бытовое коментаріи. Многое въ книгѣ г. Ж. получить совсѣмъ другое освѣщеніе, если принять во вниманіе, что и для малорусскихъ виршъ были свои западные образцы и оригиналы—мистеріи, легенды, пѣсни вагантовъ.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не сгруппировалъ всѣхъ данныхъ относительно главныхъ мотивовъ нравоучительныхъ виршъ. Подборъ извѣстныхъ вариантовъ хотя бы одного мотива, напримѣръ, о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, даль бы точку опоры будущимъ изслѣдователямъ опредѣлить основной характеръ и частныя детали по сравненію пѣсень этого разряда у разныхъ народовъ.

Мнѣ представляется нѣсколько опаснымъ дѣлать бытовыя пріуроченія пѣсни „Нема въ свити правды“, въ томъ смыслѣ, что „къ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей (стр. 68). Можетъ быть такъ, и можетъ быть иначе; никакіе прочные выводы не могутъ быть сдѣланы до подбора материала, опредѣленія литературныхъ источниковъ пѣсни, вообще до обстоятельного, по возможности сравнительного литературного ея изученія. Къ тому же материалъ въ значительномъ количествѣ уже подобранъ въ концѣ „Политическихъ писенъ украин. народа“, и изслѣдованіе поставлено на твердую почву въ трудахъ акад. *Веселовской* и г. *Мочульской* (въ диссертациі о Голубиной книжѣ).

Сочиненіе г. Ж. должно поднять вирши въ глазахъ людей науки, не только въ научномъ отношеніи—г. Ж. даетъ для этого новую точку зрѣнія, по сближенію виршей съ народными пѣснями,—но и въ отношеніи художественному; г. Ж. приводить изъ неизданныхъ виршей весьма поэтические отрывки. Авторъ мѣстами называетъ вирши и псальмы „трогательными“ и даже „глубоко-трогательными“, по поводу одной замѣчаетъ, что ее нельзя ни слушать, ни даже читать равнодушно. Дѣйствительно, между псалмами есть художественные, и нѣтъ ничего удивительного, что лучшіе люди старой Малороссіи дорожили ими. Поэты-мыслители иногда сходятся и подаютъ другъ другу руки, не смотря на вѣковые промежутки времени, на большое различіе въ національномъ положеніи. Никто не станетъ утвер-

ждать, что Пушкинъ изучалъ малорусскія вирши XVII в., что онъ черпалъ что-либо изъ этого схоластического, забытаго, давно изсякшаго литературного источника. Ни заимствованія, ни вліянія не было; а совпаденіе вышло, и, что въ особенности любопытно, совпаденіе вышло между лучшими виршами и лучшими Пушкинскими стихотвореніями, что, вѣроятно, обусловлено извѣстной высотой художественнаго творчества. Въ малорусской виршѣ поэтъ жалуется, что онъ, проживая на чужбинѣ, „якъ орелъ понадъ моремъ повитремъ носится“; т. е. ему негдѣ опуститься, негдѣ отдохнуть, и гибель грозитъ при малѣйшемъ упадкѣ силъ—прекрасный образъ горемыки на чужбинѣ, безъ поддержки рода-племени. У Пушкина „вскормленный на волѣ орелъ молодой“ зоветъ изъ темницы узника туда, „гдѣ синѣютъ широкіе края“. Далѣе Пушкинъ вспоминалъ объ орлѣ, когда говорилъ о толпѣ холодной, которая была своего рода чужбиной, о той толпѣ, надъ которой онъ, какъ орелъ носился. Возьмемъ далѣе слѣдующій отрывокъ:

Годи вамъ шумиты, зелены луги!
Годи илиты сердцю моему съ несносною туги!
Якъ цветы прекраснія скоро одцвигаютъ,
То такъ насъ молоды лита скоро побидаютъ...
Віють вітри въ степу — запрету не мають:
Идуть мысли въ день и нощи — спокою не дають.

Послѣдній образъ геніальный; для созданія его требовалось большое художественное дарованіе. Сравнимъ этотъ образъ съ слѣдующимъ превосходнымъ стихомъ Пушкина:

Зачымъ крутицца вѣтъ въ оврагѣ,
Волнуетъ степъ и пыль несетъ,
Когда корабль въ подвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ. . . .
* * * * *
Затѣмъ, что вѣтру (и орлу,
И сердцу дѣву) нѣть закона.

Кромѣ художественныхъ чертъ, въ виршахъ разбросано много мѣткихъ бытовыхъ и историческихъ подробностей (см. стр. 81, 89, 97, 131—136).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что старинная вирша о пекельномъ Маркѣ (стр. 98) представляетъ простую передѣлку

весъма распространенной сказки о томъ, какъ солдатъ (мужикъ) разогналъ чертей въ аду. Объ этомъ мотивѣ см. „*Kiev. Star.*“ 1886, VI. 445, *Zbiór Wiadomości* VII, 301, *Добровольская, Смолен.* сборн. I, 285, *Афанасьевъ* IV, 494, *Караджича* (Пришовѣдки) 301, братенская сказка въ *Кропоткина* II 77.

Г. Ж., отмѣчая вліяніе виршъ на думы, между прочимъ останавливается на вертепѣ, но лишь на второй, бытовой его части. На первой части вертепа авторъ не останавливается, считая ее драматизированнымъ воспроизведеніемъ рождественскихъ виршъ. Есть еще одна сторона, совсѣмъ не отмѣченная г. Житецкимъ, это обратное вліяніе драмъ на вирши, доходящее даже до вырожденія мистеріи въ вирши.

Глава IV—„отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ“—мнѣ представляется неясной. Я не нахожу никакой внутренней связи между пѣснями о матери невольницѣ и думой о Марусѣ Богуславкѣ, между думами о Федорѣ Безродномъ и думами объ Ивасѣ Коновченкѣ. Авторъ говоритъ, что творцы думъ пользовались готовымъ пѣсеннымъ материаломъ. Замѣчаніе это приложимо ко всѣмъ брупнымъ произведеніямъ народной словесности, напр., колядкамъ. Въ думахъ личное творчество обнаруживается сильнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли словесности, именно въ зависимости отъ сильного вліянія интеллигентіи, въ частности школы. Есть пѣсни (именно свадебныя), которая всецѣло держится на обрядовой традиції. Авторъ говоритъ: „то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою не-высохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенародного созерцанія козацкой славы“ (138). Здѣсь пѣснямъ дано слишкомъ рѣзкое противопоставленіе думамъ. Есть пѣсни, по силѣ чувства, по яркости образовъ, ничуть не уступающія думамъ—таковы многія пѣсни балладныя и семейно-родственныя. Мнѣ кажется, что о мотивахъ можно говорить въ томъ только смыслѣ, въ какомъ говорилъ о нихъ *Потебня* во II т., „Объясн. малор. пѣсень“, т. е. какъ объ отдѣльныхъ простѣйшихъ эле-

ментахъ, напр., похвальба, неповиновение матери, способы по-гребенія, обращенія къ коню, къ бандурѣ и т. д. Говорить же объ отраженіи пѣсенъ въ думахъ невозможно по той причинѣ, что мы ничего не знаемъ о характерѣ и составѣ малорусскихъ пѣсенъ XVI и XVII вѣковъ; въ сравненіе вводятся пѣсни, записанныя въ текущемъ столѣтіи, неизвѣстнаго происхожденія, не подвергавшіяся научному изученію. Уважаемый авторъ на стр. 143—144 ссылается, напр., на пѣсни о смерти козака и вводить ихъ въ разрядъ думъ о порубаныхъ козакахъ. Я позволю себѣ здѣсь сослаться на свою попытку сравнительно-литературного изученія этихъ пѣсенъ въ 1 кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г., причемъ мнѣ пришлось прійти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, въ смыслѣ историко-бытоваго и національного характера этихъ пѣсенъ. На мой взглядъ, эти пѣсни стоять совсѣмъ въ сторонѣ отъ малорусского эпоса.

Пятая глава—„творцы и пѣвцы думъ“ состоить изъ отдельныхъ экскурсовъ, трудно поддающихся обобщенію. По крайней мѣрѣ, первый экскурсъ—„идея матери вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ“—выходитъ изъ рамокъ изслѣдованія. Авторъ творцами думъ считаетъ „шпитальныхъ старцевъ“. Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: въ думахъ столько силы, жизни, опыта, что создать ихъ не могли шпитальные старики, по свидѣтельству Загоровскаго (†1580), „особы убогіе а здоровья неспособна люди“, какими они оставались всегда, вплоть до настоящаго времени, по даннымъ историческихъ актовъ. Инициатива въ созданіи думъ могла принадлежать и „старцямъ“, но не шпитальнымъ, а былевымъ каликамъ-перехожимъ, страшущимъ бѣднякамъ воинамъ-пѣвцамъ.

Послѣдняя глава (VI) состоить изъ старинной записи думъ, по рукописи начала текущаго вѣка, принадлежавшей А. А. Котляревскому, съ перечисленіемъ варіантовъ. Всѣхъ пѣсенъ въ рукописи 16; изъ нихъ три думы (атаманъ Матіашъ, вдова Ивана Сирка и разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ) равѣе извѣстны были въ небольшихъ извлеченіяхъ Костомарова въ „Русской Мысли“. Подстрочные указанія варіантовъ не совсѣмъ полны. Такъ, оставлены въ сторонѣ варіанты думъ въ польскихъ этно-

графическихъ сборникахъ, и все-какіе изъ русскихъ источниковъ, напр. вар. думы обь Алексѣй Поповичѣ въ „Кіев. Стар.“ 1885 г. II 215.

При всемъ томъ „Мысли“ г. Ж. составляютъ цѣнныій вкладъ въ научную литературу о малорусскихъ думахъ.

В. П. Милорадовичъ.

Имя В. П. Милорадовича не встрѣчается въ „Ист. рус. этн.“ г. Пыпина, и это вполнѣ естественно, такъ какъ первый этнографическій трудъ г. М.—сборникъ свадебныхъ пѣсенъ—напечатанъ въ Кіев. Стар. 1890 г. подъ инициалами В. М., и полную подпись автора мы находимъ впервые лишь въ 1893 г., при томъ въ такомъ малодоступномъ органѣ печати, какъ Полтавскія Губ. Вѣдомости. Г. Милорадовичъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ этнографовъ, непосредственно черпающихъ изъ народныхъ усть; это этнографъ Лубенщины, точно съверной части лубенскаго уѣзда. Этнографическія записи г. М. отличаются подробностью, обилиемъ интересныхъ мелочей, а изложеніе ихъ въ печати искусной группировкой. Эти достоинства обусловлены крупнымъ образовательнымъ цензомъ автора и его хорошимъ личнымъ знакомствомъ съ народомъ.

Василій Петровичъ Милорадовичъ родился въ 1845 году, дѣтство провелъ въ х. Пручаяхъ прилукскаго уѣзда, въ верстѣ отъ Сокиренецъ, подъ впечатлѣніемъ думъ Остапа Вересая, „Записокъ о южной Руси“ Кулиша и затѣмъ „Основы“. Въ 1869 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ, былъ нѣкоторое время помощникомъ присяжнаго повѣренного при полтавскомъ окружномъ судѣ, съ 1875 г. мировымъ судьей въ лубенскомъ уѣздѣ и оставался въ этой должности до 1890 г.—до закрытія мировыхъ учрежденій съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Что г. М. не только хорошо ознакомился съ крестьянами, но пользовался съ ихъ стороны уваженіемъ и любовью, видно изъ благородственнаго адреса, поднесеннаго ему при выходѣ въ отставку жителями м. Лукомья. Одно время г. М. испо-

няль должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, до избрания въ послѣднюю должность М. Т. Симонова (Номиса).

„Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ у. полтавской губ.“ напечатаны въ приложеникъ 7, 8 и 9 кн. „Кiev. Стар.“ 1890 г. Всѣхъ пѣсень 259 №№, цифра крупная, сравнительно съ другими сборниками. Записаны пѣсни въ сѣверной части лубенского у., преимущественно въ м. Снѣтинѣ и въ окрестныхъ селахъ—мѣстности, неизслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсни распределены въ порядкѣ свадебнаго ритуала: сватовство, гильце и т. д. Языкъ совершенно чистый, правильный. Есть довольно большія пѣсни (напр. №№ 39, 67, 237). Вообще, по величинѣ и художественности свадебныя пѣсни, собранныя г. М., заслуживаютъ вниманія. Весьма пѣжными и своеобразными представляются пѣсни подъ №№ 64, 66, 82, 84, 104, 105, 112, 163, 242.

Статья *„Рождественскія святки въ сѣверной части лубенского уѣзда“* напечатана въ 42, 43, и 44 №№ Полтав. Губерн. Вѣдом. 1893 г. и потомъ вышла въ отдѣльныхъ оттискахъ. Описанію рождественскихъ праздниковъ въ южной части лубенскаго уѣзда по рѣкѣ Оржицѣ посвящено нѣсколько писемъ Номиса въ *„Основѣ“* 1861 г. Статья г. М. относится къ сѣверной Лубенщинѣ и трактуетъ о святкахъ гораздо подробнѣе, чѣмъ о томъ трактовалось въ живыхъ, но слишкомъ малочисленныхъ письмахъ Номиса. Статья г. М. раздѣлена на слѣдующія небольшія главы: Святвечиръ, Риздво, Колядки, Меланки, Щедривки, Гаданія, Новый годъ, Голодный святвеверъ и Орданъ. Въ главѣ о святвечерѣ отмѣчено семейное значеніе празднства и въ частности поминальный его характеръ. Кутью оставляютъ и для умершихъ. По любопытному народному вѣрованію, „на стѣнѣ бываютъ видны смутныя отраженія маленькихъ, какъ куклы, тѣней, спускающіхся къ столу“. Въ силу такого повѣрья набожные люди проводятъ ночь подъ Рождество въ чтеніи молитвъ. Въ главѣ о Риздвѣ говорится о праздничныхъ кушаньяхъ и внѣшнихъ приемахъ колядованія, въ частности 2—3 слова объ исказеніяхъ колядокъ, исказеніяхъ, любопытныхъ для изучающаго народную этимологію (вм. Назаретъ—лазаретъ);

но замѣчаніе автора, что Вифлеемъ передѣлывается въ „прекрасный клееть“, вѣроятно, ошибочно, въ виду того, что такому искаженію гораздо скорѣе могло подвергнуться слово Назаретъ. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 14 колядокъ на извѣстные мотивы о переписи городовъ, взятіи въ дань красной дѣвицы, о райскихъ пташкахъ, о строеніи церкви волохами (подробно разобраны во II т. „Объясненій“ Потебни). Авторъ указываетъ на сходныя колядки въ сб. Чубинскаго и Антоновича и Драгоманова. Вообще, всѣ колядки г. М. очень древняго склада и принадлежать къ лучшимъ образцамъ этого рода народной словесности. Одна колядка представляетъ сокращеніе и передѣлку думы про Ирася Коновченка. Есть и новые мотивы, напр., любопытный мотивъ о дѣвицѣ и косаряхъ. Въ главѣ о Меланіѣ находится интересное сообщеніе о мѣстныхъ перерожданіяхъ и разыгрываніи фарса объ ухаживаніи старого волокиты за дѣвицей. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 11 щедровокъ, съ своеобразной передѣлкой евангельскихъ повѣствованій; съ любопытными народно-психологическими и бытовыми подробностями (напр. о причинахъ неудовольствія дочери па родителей за подарки), между прочимъ, одинъ сравнительно не важный варіантъ стиха о грѣшной душѣ. Въ главѣ о гаданіяхъ подъ новый годъ большую частью говорится о гаданіяхъ, отличныхъ отъ описанныхъ у Чубинскаго. Въ послѣдней маленькой главѣ находится замѣтка о гаданіи по полету птицъ (о гаданіи по полету птицъ см. Сумцова, Культурн. переживанія § 127).

Вообще записи г. М. отличаются такими интересными въ научномъ отношеніи подробностями, что нельзя не пожелать продолженія ихъ, тѣмъ болѣе, что, судя по изданнымъ матеріаламъ, въ народной словесности малоруссовъ лубенскаго уѣзда еще хранятся любопытные отзвуки старины.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Колядки религіозно-апокрифического содержанія.

Рождество Христово, а равно и другіе связанные съ нимъ религіозные сюжеты занимаютъ мысль народа въ празднікъ, посвященный этому событию. Такія события, какъ рождение Спасителя, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ, бѣгство въ Египетъ и др. воспроизводятся очень часто въ колядкахъ, но не въ точныхъ формахъ евангельского повѣствованія, а видоизмѣненные по требованію шародно-поэтическаго созерцанія, или же подъ вліяніемъ апокрифовъ. Послѣдніе вообще очень легко и охотно воспринимаются народомъ, благодаря тому, что въ нихъ Священная исторія поолнена фактами народнаго міровоззрѣнія.

Мнѣ удалось собрать нѣсколько интересныхъ колядокъ, трактующихъ религіозные сюжеты, но по даннымъ апокрифическихъ сказаний. Въ нижеприведенныхъ колядкахъ, почти во всѣхъ, мы встрѣчаемся съ странной формой соединенія нѣсколькихъ апокрифовъ съ пріемъсью народнаго творчества.

Колядка I.

Ой учера извечера Богъ народывъ,
Шо который вебо и землю сотворывъ.
Породыла Дѣва Марія Іисуса Христа;
Породыши, въ шовкови пелюшки сповыла,
Въ золоти ясълка вложила.—
Десь узяюсь схода сонца три волы,
Вси три жъ воны одинимъ духомъ дыхали.
Десь узялись схода сонца три цари;
Вси три жъ воны одну раду радылы,

Чимъ це дати дарити.
 А першій царь скятымъ миромъ мирававъ,
 А другій царь златомъ-срібломъ дарувавъ,
 А третій царь золотую квітку въ ручки давъ.
 Тожъ не квітка, тожъ першій день Рожество—
 Всюму миру хрещеному радисно.

(С. Молодецкое, уманск. уѣзда).

Эта колядка соединила сказания о Рождествѣ Христовомъ съ поклоненiemъ волхвовъ. Эпизодъ о появленіи трехъ волхвовъ заимствованъ изъ апокрифа, легшаго въ основаніе стариннаго малорусскаго „Казаня на Рождество Христово“, изданнаго Ом. Калитовскимъ, стр. 13¹⁾). Поклоненіе же волхвовъ передается согласно съ „Сказаниемъ Афродитіана“ (Порфириевъ. „Апокрифич. сказ. о новозавѣтныхъ лицахъ и событияхъ“, 151—155). „Шовкови пельюшки“ и „Золоти яселька“—элементы народнаго творчества. „Квітка—першій день Рожество—это олицетвореніе праздника, встрѣчающеся и въ другихъ колядкахъ (Чубинск. III, 451, № 80).

Настоящая колядка полное варіантовъ Чубинскаго (Ш, 355, № 83, 84); Головацкаго же колядка (ч. III, 23, № 40) только вначалѣ касается Рождества Х—ва, а затѣмъ переходитъ къ другому событию, нареченію имени дарями.

Колядка о чудесахъ, бывшихъ при рождении Христа.

II.

Зъ нового нарождения Божого Сына,
 Его же днесъ породила Дѣва - Марія;
 Гоже начь Христосъ нырдився зъ Давы, зъ Павлии.
 Нихто же того не доѣнае Божой тайны;
 Нихто же того не дознавъ:
 Тилько два знало ..
 Мале дати новорожденне
 Воздухомъ крыла.
 Проძивали три ангели зъ небесъ летячи,
 Тениной ночи, лсномъ звезды.
 Христа глядючи..

¹⁾ Сумцовъ. „Очеркъ исторіи южно-руссскихъ апокрифовъ, сказаний и пѣсенъ“, стр 65.

И въ городи Іерусалыми
 Тамъ дыво стало:
 Мале дитя новорождение
 Світь осіalo.
 Осіло небо-землю, малы дитя;
 Днесь показало всякое древо разны свиты.
 Ой на Архангела Гавріила рики облыли.
 А въ Рождестви Христовимъ салы зацвилы. —
 Ой кланяйтесь люди царю й Богу,
 Вдарайте низькій поклонъ Ёму додолу!

(С. Молодецкое, уманск. у.)

Наша колядка послѣ 6-го стиха имѣеть пропускъ, который пополняется вариантомъ Чубинскаго, III, 368, № 92 А.

„Нихто того не дознае
 Зъ Божой тайны!
 Якъ дознало два аигелы,
 Зъ неба летачи
 Темнои ночи, яснои звезды,
 Христа глядяча“.

Чудеса, о которыхъ говорится въ концѣ колядки, могутъ быть названы чудесами только по отношенію къ нашей, русской природѣ; о такихъ именно чудесахъ въ изданной апокрифической литературѣ не упоминается. Но, пожалуй, источникомъ для этихъ колядскихъ чудесъ могло послужить слѣдующее мѣсто въ „Четвыхъ - Минеяхъ“ Макарія: Сотвориша же и чудеса велия по вселенней во время Рождества Христова. Въ самый ботай часъ, въ онъже чистотою запечатлѣнная дѣвическая врата Господь нашъ пройде, абиє источникъ воды въ той же пещерѣ истече отъ камене... а въ земли іудейстїй винограды Енгадстїй прозябоща зимъ сущей „(Чет. Мин“. Макарія, изд. Синода 1880 г. 25 дек. стр. 167 на обор.).

Колядка соединяетъ нареченіе имени съ близствомъ во Египетѣ

III

Ой въ Русалими, у Вифлееми.
 Грай, море, грай!
 Радуйся, земле,
 Сысь Божій народъвса!
 Пресвата Дѣва тамъ Христа мала;
 Грай, море, грай!

Радуйся, земле,
Сынъ Божій народиася!
Въ ризы сго вносиала.

(Припѣвъ).

Таюъ вси святы по-за стиль смы.

(Припѣвъ).

Взялы пысаты, взялы читаты,
(Прин.)Далы они (и)мя святого Петра.
(Прин.)Пресвятая Дѣва того мя не хотѣла.
(Прин.)Взялы читаты, взялы пысаты,
(Прин.)Яко Ему мя даты.
(Прин.)Далы воны мя святого Павла.
(Врипѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ).

Пресвятая Дѣва того мя не хотила.

Взялы пысаты, взялы читаты,

Яко Ему мя дати.

Далы воны мя Иисуса Христа.

Пресвятая Дѣва то мя злобыла.

До престолу приступила,

Приступила—въ ризы завыла,

Занесла Его въ церкви - косцелы.—

Ягилски сыны Христа глядили:

„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?“

Занесла-мъ Его въ высоки горы.

Ягилски сыны горы скопали,

Горы скопали, Христа не взяли.

„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?“

Занесла-мъ Его въ скалы высоки.

Ягилски сыны скалы злупали.

Скалы злупали, Христа не взяли.

„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?“

Занесла-мъ Его въ лисы густыи.

Ягилски сыны лисы зрубали,

Лисы зрубали, Христа не взяли.

„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?“

Занесла-мъ Его въ травы шовкови.

Ягилски сыны травы скосили,

Травы скосили, Христа не взяли.

„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?“

Занесла-мъ Его въ церкви-косцелы.

Ягипски сыны въ церквахъ вынайшли,
Въ церквахъ вынайшли, на муки взяли.

(С. Рыхта, каменецкаго уѣзда).

Въ первой части просто сказалось народное творчество. По замѣчанію А. Потебни, „Святые судятъ имя Христу, какъ судится доля“. (Обз. поэтич. мотивовъ колядокъ и щедровокъ. Р. Ф. В. 1887 г. № 1, 33).

Вторая половина имѣеть въ виду апокрифъ—бѣгство во Египетъ. Эта колядка чаще раздѣляется на двѣ: 1) на нареченіе имени и 2) преслѣдованіе Христа: варіанты ея довольно многочисленны. (См. Чубинск. III, 333, № 62 А; Головацк. II, 12 № 16; 13, № 19; 39, № 59; 27, № 37, III, 23, № 30; 102, № 2; II, 25, № 35; 26, № 36; III, 25, № 32; 112, № 5).

Колядка IV.

Розитрай, Давиде,
Богъ изъ тебѣ пріиде,—
Отъ Сигона до Корона
Сынъ Маріинъ пріайде.
Вдарте, струны, смило,
Веселыся, Диво:
Сынъ Маріанъ возлюбленный
Взялъ на себѣ тило.
Есмыъ изумиуся,
Що Богъ парадиуся,
Зоставиши престолъ въ неби,
На землю явыся.
Гиродъ—царь проклятый
Ставъ барзо рицаты;
Винъ же думавъ, що Богъ прыйшовъ царство отберати.—
Гироде-враже,
Всаке тее скаже,
Що Ирода Виеліимъ
На викъ никовъ звяжо.—
Ката выплендрутъ,
Смерть дытага готовуть;
На гори, на Коліи
Дитокъ презентуютъ.
Дуки обступылы,
Бога прогнивылы,
14 тысячъ дитокъ выгубылы.
Тамъ матка стояла,

Зъ жалю умливала;
 Вона своихъ четырохъ сынивъ
 Смерти дожидала.
 Мы благодаримо,
 Дары прыносимо,
 Рожденому, бессмертному
 Поклонъ ударимо!

(с. Молодецкое, уманск. у.).

Колядка V.

Шо то е въ свити за предыдна новина,
 Шо Дива Марія сына родыла.
 Ова Ёго породыла,
 Она Ёго увидыла Пречиста Дива.
 Ёзылъ старушись при жлоби стойти,
 Для Иисуса Христа целены строить,
 А Марія сповыдае
 И до себе прыгортас:
 „Сусе, сыве май!“
 Ангельские хоры слично загралы,
 Новорожденному поклонъ отдали
 И рожденному у яслихъ
 Богу едыному... есть миръ на земли.
 Ишло три крулевны съ подарунками;
 Шла предъ вымы звезда облаками.
 Войшовъ Иродъ тай пытае,
 Ще й до себе завертае:
 — „Куды-жъ вы йдете?“
 — Ой мы йдемо до Иисуса Христа,
 Дороги подарки мы Ёму несемо.
 — „Ой прошу-жъ вась—исходить
 И до иене повернить, идучи съ пути.“
 — Мы жъ тамъ булы, поклонъ отдали,
 До цара Ирода мы повертали.
 Насъ ангель провожае,
 Отъ Иисуса повертае на иначую путь.
 А Иродъ сомливый дуже сумувавъ;
 Взявъ свое войско стройно оготувавъ,
 Казавъ дитки убываты
 Кровъ невынну продываты,
 Христа шукаты.
 Иродъ проблатный дитей убывае;
 Несчастльви матки плачутъ и рыдаютъ;
 — „Ой, дытынко мои мыла!
 Що-жъ ты злого наробыла,
 Печале моя!“

Колядки №№ 4 и 5 имъютъ сходство съ галицко-русскимъ апокрифомъ-пѣснею, изданной Калитовскимъ, стр. 22—25.

(См. варианты у Чубинск. III, 328, № 56, 374, № 98 А; 378, № 101, 102, 103).

Колядка VI.

На Осіанъски гори церкви стоять;
Въ тыхи церкви три гроба лежить.
Аллиуя. аллиуя, Господи, помылуй
Три гроба лежить.
(Пріп'євъ повторяется послѣ каждого стиха).
Въ*першымъ гроби самъ Господь лежить;

(Пріп'євъ).

Въ другомъ гроби Дива-Марія;
Въ третимъ гроба отецъ Миколай.
Надъ Господомъ свечи палаютъ;
Надъ Дивою-Маріею ангели поютъ;
Надъ Миколаемъ книги читають,
Книги читають, правды шукаютъ.
Не найшли правды, та найшли кривду:
Сынъ на батька руку здѣймае,
А братъ ва брата камень готове;
Сусида на сусида яму воняе.
Сегодня копавъ, завтра самъ упавъ.
Шо теперка есть за новына
Шо (у) Рождеству Христовому
Рожа зацвила;
Съ тои рожи пташка злетила
Та полетила по-пидъ небеса,
Взялы небеса растворылыша,
Мы Рождеству поклонылыша!

(С. Молодецкое, уманск. у.).

Колядка VII.

Дива Марія по підъ гору шла;
Аминь, аминь, аллиуя,
По-підъ гору шла;
(Пріп'євъ послѣ каждого стиха).

Здѣбало іш два-три жідова:
— „Дива-Марія, де Христа дила?“
— Запесла Єго въ густын лозї;
Лозы зрубали, Христа не найшли.
— „Дива-Марія, де Христа дила?“

— Занесла Ёго въ Чорное море.
Пішла жідова море вилывать,
Христа доставать.
Море заграло—жидиъ забрало.
А Исусъ Христосъ на Сіяньки гори;
На ти гори церковка стоять,
А въ ти церковци три престола стоять;
А на тихъ престолахъ три гроба лежать
Въ первымъ гроби Иванъ Крестытель,
А въ другомъ гроби Сусъ Христосъ лежить,
А въ третимъ гроби Божа-Мати.
Надъ Иваномъ Хрестытелею книги читають,
А надъ Дивою-Марією скички падають,
А надъ Сусомъ Христомъ рожа зацвала;*
А съ той рожи вилетивъ иташокъ;
Полетинъ же той иташичкою по-підъ небеса.
Ёму небеса растворылси;
Ёму вси святни поклонылси.

(Балта)

Три гроба колядокъ, по замѣчанію проф. Сумцова, есть народная переработка апокрифического сказанія о трехъ крестныхъ древахъ. (Сумцовъ. „Очеркъ ю. р. ап. сказаній“, 86, 87).

„Кривды“ колядки VI имѣютъ сходство съ выраженіемъ апокрифа: „О горе тому, иже свадить дворъ з дворомъ или сусѣда с сусѣдомъ и брата з братомъ¹“.

„Иташокъ“, который летить въ небеса, по замѣчанію галицкой колядки, есть Сынъ Божій: „Не е то иташокъ, лемъ самъ милый Господь.“ (Головацк. II, 7, № 9).

Колядка VIII.

На Рождество по вечери
Шовъ Господь въ вечори;
Ишовъ Господь дорогою,
Здывавъ дивку въ водою.
Дай, дивко, воды пыти,
Сластны уста закронити.
— „Не дамъ воды напытися,
Бо це вода не чиста,
Накрапала зъ клину листа
Зъ клину листа накрапала,

¹) Тихонравовъ. Памятн. отреченн. р. лит. „Епископія о недѣлѣ“, 320.

А зъ быстрыхъ рикъ настиказа.“

— Ты, дивко, сама нечиста:

Ця вода пречиста;

Бо ты сына породила,

У цій води уточнила.

— Стала дивка—остовнила,

Зъ плечей видра упостила.

— „Чикай, дивко, не лякайся,

Иди до церкви—сповидайся,

За все грихи признавайся....

Сами звоны зазвынлись,

Сами врата растворылись,

Сами свечи засвятись,

Сами книги разложылись.

Тилько дивка къ храмъ вступила,

Тыра земля разсгунилась.

Гришка дивка провалылась.

Святій Петре, святій Іавле,

Берить ключи пекельни,

Пускайте души спасенни,

Тилько тон не пускайте,

Що въ недило рано ила,

А въ п'ятницю писень нила,

А въ суботу ве винвалишь,

Отню й пеньци ве укоралась.

(С. Молодецкое, уманск. у.).

Эта колядка представляетъ изъ себя художественно народную переработку Евангельского сказанія о Самарянкѣ, и сведеніе въ одно апокрифовъ объ іерействѣ И. Христа, „Хожденія Богородицы по мукамъ“ и “Листа Небеснаго“.

Мотивъ изъ „Хожденія Богородицы по мукамъ“ варьируется въ двухъ щедривкахъ.

Щедривка I.

Ой сивъ Христосъ та вечераты.

Щедрый вечиръ!

Добрый вечиръ!

(Пріпівъ поспѣвъ кажд. стиха).

П ишша до Ёго та Божая Маты;

— „Огдай, Сыну, та раиській ключи

Одымкнуты рай к пекло,

Выпускати грешна души;

Тилько пе винускати идном души,

Що отиа и матиръ та налаяла,
Не налаяла, а подумала.

(Балта).

Щедрик II.

Ой на ричца на Орданн;
Щедрый вечиръ!
Святый вечиръ!
Тамъ Марія рымы прала;

(Прип.).

Суса Христа словывала.
Прышовъ до Нен Сынъ Іи:
— „Ой дай, Ненько, лекельный ключи
Выпускати гришини души;
Тилько той не выпустыты,
Що въ недию рано ила,
А въ пъятницю писни пила,
Въ суботу не вмывалась,
Рано венъци не клаялась.

(Балта).

Колядка IX.

Паслы пастыри вияци на гори,
Зобачили Матиръ-Божку на скали.
Спаси Боже!
На той скали стонку знаты,
Де стояла Божа Маты.

(Прип.).

Тамъ воду беруть,
Всімъ вирнымъ дають
Спаси, Боже!

(Волинск. г. около Почаева. Сообщила Н. И. Лашкова).

Колядка опоэтизировала появление известного почаевского источника; а, может быть, въ содержание ея вошло апокрифическое сказание о Рождествѣ Христа. „Ноги Богородицы погрузились въ камень, „яко у тѣсто; позналъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесъ лежить той камень, а въ немъ стопи погъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ-подъ того камня истекла керныца, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медъ... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое.“ (Калитовскій, 12¹).

¹⁾ Сумцовъ. Очеркъ ю.-р. апокриф. сказ. 65.

Колядка X.

Стоить береса тонка, высока,
Листомъ широка.
 Ой, Дай-Боже!
На ти березы съвъ сокиль сидѣть;

(Прин.)

Ой сидѣть же винъ та далеко выдѣть;
Ой выдѣть же винъ на мори корабли;
На ти мъ корабли Панна Марія
Шила кошую своему крулю:
Коло комира мисяцъ та зора;
Коло пазушки золоти ланцушки;
Коло рукавицнъ—разни пташечки;
Коло пелыны туры-гулани.
Мисяцъ та зора будутъ свитны,
Золоти ланцушки будутъ бражчаты,
Разни пташечки будутъ спиваты,
Туры-гулани будутъ гуляти

(С. Молодецкое, уманск. у.).

Въ этой поэтической колядкѣ сочетался и апокрифъ объ искусствомъ ткань Богородицы (Первоевангеліе Іакова, гл. X), и сказание, передаваемое І. Голятовскимъ въ „Небѣ Новомъ“, гл. 8, что Пр. Дѣва соткала Іисусу одежду; одежда эта росла съ возрастомъ Іисуса¹⁾“.

Рубашка вышита искусственнымъ узоромъ, который буквально живеть и играеть передъ нами:

„Мисяцъ та зора будутъ свитны,
Золоти ланцушки будутъ бражчаты,
Разни пташечки будутъ спиваты,
Туры-гулани будутъ гуляти.“

Этотъ пріемъ народнаго живописанія есть остатокъ того первобытнаго времени, когда слово и возникающей изъ него образъ еще отождествлялись. Это тотъ же пріемъ, которымъ изображенъ *щитъ Ахиллеса*.

Хр. Ящуржинскій.

¹⁾ Сумцовъ. Очеркъ ю р. апокріф. ск. 160.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѡЕОДОРА КИСТЬЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.¹⁾).

Въ 1813-мъ году мать, утомясь завѣдываніемъ чужимъ хо-
зяйствомъ и благодаря притѣсненіямъ нѣкоторыхъ недоброже-
лателей, перешла со всѣмъ семействомъ въ свой домъ. Между
тѣмъ назначенное матери графомъ за службу въ видѣ пенсіи
и на половину не выполнялось. Здѣсь матери по хозяйству по-
могала дочь ея Настасія. Мать прикупила еще три огорода,
сѣнокосъ и поля на всѣ три руки, наняла двухъ батраковъ и
начала заниматься хлѣбопашествомъ. Трофимъ, ея прежній рас-
порядитель, вышелъ на свое хозяйство. Черезъ пять лѣтъ у
матери уже было обширное хозяйство, особенно много было ро-
гатаго скота: коровъ, воловъ лучшей породы на два плуга, мно-
го овецъ, которыхъ она продавала по пятидесяти штукахъ одно-
временно, помлю, помѣщику Ивану Товстолѣсу. Когда я уже
окончилъ ученіе и сдѣлался священникомъ, то, бывая у дяди
по женѣ о. Трофима Эсманскаго, вмѣстѣ съ нимъ бывалъ и у
его прихожанина, помѣщика Товстолѣса. Онъ между разгово-
ромъ шутилъ: да я вашу мать очень хорошо помню; она моя
овечья сваха: у нея я купилъ для развода пятьдесятъ штуки;
нѣсколько лѣтъ онѣ хорошо велись, а послѣ случилась болѣзнь,
и онѣ всѣ погибли. Въ нашей мѣстности это периодически
бываетъ; вслѣдствіе этого и крестьянне, хотя и имѣютъ боль-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 1.

шую нужду въ разводѣ, часто подвергаются лишению ихъ, а это бываетъ оттого, что годами на травѣ бывають пагубныя росы.

Учить насъ ходилъ на дому одинъ изъ экономическихъ писарей, Ильинецъ, парень скромный и обладавшій хорошимъ почеркомъ. Онъ передалъ намъ, что въ экономіи получено извѣстіе, что молодой графъ Андрей Ильичъ Безбородко умеръ за границей въ Польшѣ и что, по завѣщанію, тѣло его привезутъ для погребенія въ Домницкій монастырь. Мать отправилась по дѣламъ къ управляющему, вслѣдствіе неполученія полностью провизіи и денегъ, назначенныхъ по службѣ, и тамъ узнала, что дѣйствительно молодой графъ умеръ въ чинѣ полковника, командуя козачкимъ полкомъ. Вѣроятно, онъ только числился командиромъ: по своему болѣзnenному состоянію и идотизму онъ не могъ самъ управлять, но, конечно, имѣть тогда право, по рангу отца. Тѣло его, не помню, какъ скоро, было перевезено, какъ говорятъ, въ оловянномъ гробѣ въ Домницу и здѣсь въ Соборной церкви Рождества Богородицы было погребено на лѣвой сторонѣ. Здѣсь вверху находится икона св. Андрея Первозванного, предъ которой горитъ во время богослуженія неугасаемая лампада, а внизу вдѣлано въ стѣну позлащенная таблица съ черными словами, означающими годъ рожденія, службу, чины, годъ, число и мѣсто смерти: онъ умеръ въ мѣстечкѣ Заркахъ въ Польшѣ. По предписанію изъ Петербурга, погребеніе было устроено на изждивеніе Столынинской экономіи. Оно было великодѣльно: было приказано, чтобы при погребеніи присутствовали всѣ люди столынинской экономіи, бывшіе близкими къ графу, а также управляющіе экономіями черниговской и полтавской губерній. Говорятъ, болѣе недѣли шло приготовленіе. Въ издержкахъ, нужныхъ на угощеніе, не было остановки. Изъ Столынаго привозились вина, которыхъ послѣ выѣзда графа тамъ оставалось большое количество, и все, что было нужно, ибо со смертію графа кончилась и угасла фамилія Безбородка. Главными распорядителями здѣсь были Мялорадовичъ, Богунъ и столынинскій управляющій Роговичъ. Окончивши погребальную церемонію и угостивши великодѣльно все духовенство, архимандритовъ, протоіереевъ, іереевъ, монаховъ,

причты, а также дворянство и весь стекшійся по сему случаю людъ и раздавши духовенству приличные графскому достоинству подарки и награды, распорядители возвратились въ Стольное, а вмѣстѣ съ ними и большая часть высокопоставленныхъ гостей. Здѣсь Милорадовичъ объявилъ, что онъ и князь Викторъ Павловичъ Кочубей назначены графомъ Ильей Андреевичемъ опекунами надъ малороссійскими экономіями, а помощникомъ ихъ—главноуправляющей. При этомъ онъ сказалъ, что едва ли уже графъ пріѣдетъ въ Стольное, по причинѣ разстройства здоровья, и что теперь по всѣмъ дѣламъ должно обращаться къ главноуправляющему. Когда изъ Стольного отбыли всѣ гости, Милорадовичъ и Богунъ стали провѣрять все имущество, и контора дня три дѣлала опись всему наличному имуществу, подъ предсѣдательствомъ Богуна и Роговица. Составлены были новыя расписанія обѣ оставшихся служителяхъ, обѣ увольненіи большей половины прежняго штата и о назначеніи имъ пособія. По приказанію Милорадовича, матери моей было назначено пособіе, въ родѣ пенсіи, состоявшее изъ достаточнаго количества провизій для нея съ семействомъ и 50 рублей.

Въ экономіи докторомъ по прежнему остался Гаврило Васильевичъ Самарскій. За нимъ въ назначенные дни или въ экстренныхъ случаяхъ отправлялись изъ экономіи лошади.

При отъїздѣ Милорадовичъ по секрету объявилъ моей матери, что графъ опасно боленъ и что на выздоровленіе его нѣть надежды.

Послѣ сего въ графскомъ домѣ послѣдовали большія перемѣны: парадныя ворота были забиты, служеніе въ дворцовой церкви прекратилось, священникъ Давіилъ Игнатовичъ умеръ; входъ въ садъ запрещенъ, всѣ фортки и ворота забиты; не стало прежнихъ франтовски одѣтыхъ камердинеровъ, лакеевъ и кучеровъ, которые теперь стали похаживать въ бекешахъ, а другіе и въ свиткахъ, изысканнѣе только пошитыхъ.

Насъ стали приготавлять къ отправкѣ въ Макошинъ къ какой-то золотошвеѣ, живущей въ прежде бывшемъ монастырѣ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ и меня отправили вмѣстѣ съ сестрами Анастасіей и Маврой. По пріѣздѣ туда насъ по-

мѣстили въ занимаемомъ ею маленькомъ домикѣ съ маленькой кухней. Была тутъ же учителька по имени Ирина Ивановна, изъ дворянъ, поступившая сюда изъ упраздненнаго Кербитовскаго монастыря. Это была женщина лѣтъ 30, небольшаго роста, довольно приличная изъ себя, сильно нахрамывавшая на одну ногу. Мы привяты были ею съ особеннымъ благоволеніемъ. Вскорѣ еще прибыли изъ Столънаго двѣ дѣвочки Марченковыхъ, и еще дѣвочки. Кромѣ того ходили еще двѣ макопинскія поповны, дочери свящ. Артемія Крестинскаго, дѣвочки очень красивыя, и родственникъ ихъ Троцкій. Ученіе наше было такое: поутру поучивши насъ читать, она заставляла дѣвочекъ писать сначала заполочью утиральникъ по сдѣланнымъ узорамъ, а намъ—мальчикамъ—задавала уроки читать или линеила тетради и заставляла писать, а сама уходила къ священнику Платону Иверскому, недавно посвященому, и молодой его попадѣѣ, гдѣ часто оставалась обѣдать, откль присыпала прислуго, и намъ давали обѣдать. Послѣ обѣда мы бѣгали по огромному цвінтарю, ибо дворъ поповъ былъ подалѣе отъ цвінтаря, ловили мотылей, драли воробьевъ и прочихъ птицъ, сбирали подъ церковью воскъ, бѣлый, зеленый и желтый, дѣлали крестики и усыпали ихъ блестящими крылышками букашекъ. Здѣсь было иѣсколько деревъ, на которыхъ не дозрѣвало ни одно яблочко, ни одна грушка. Когда мнѣ лѣтъ черезъ пятьдесятъ пришлось священникомъ наблюдать оній приходъ Макопинскій, я нашелъ церковь почти въ томъ же состояніи; новинку составлялъ только подведеній каменный фундаментъ. Изъ прежнихъ, кажется, 20-ти деревъ стоять еще три большія груши, такъ что я на память рвалъ съ нихъ упѣлѣвшіе плоды и даже натрусили принесъ въ квартиру. Груши эти, полежавши дня три, оказались отличны.

Церковь сія знаменовалась чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, въ полъ-аршина вышиною и болѣе полторы четверти шириною, въ прекрасной серебряной ризѣ, украшенной вѣнцомъ съ алмазными каменьями. По преданію, къ ней изъ дальнихъ губерній прѣѣзжали богомольцы, особенно женщины, несчастныя

въ семейной жизни отъ своихъ мужей. Еще въ то время, когда мы учились, пріѣзжали изъ курской, полтавской губерній и другихъ въ богатыхъ экипажахъ и останавливались у священника Иверскаго. Въ то время онъ жилъ богато и роскошно. Впослѣдствіи, лишившись жены, онъ распьянствовался, но по его богатству и уму онъ былъ членомъ сосницкаго духовнаго правленія. Его двѣ дочки, вышедши замужъ, сдѣлавшись священницами, унаследовали его страсть. Онъ были весьма красивыя женщины.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, за нами присылали лошадей и брали нась въ экономической дворецѣ. Зимою здѣсь для нась отапливали комнаты, въ коихъ постоянно никто не жилъ, но которые существовали только для пріѣзда управляющаго, ревизоровъ, а также для исправника или засѣдателя, если случались судныя дѣла.

Насъ поили чаемъ, готовили обѣдъ. Чего особенно обильно здѣсь было, такъ это свѣжей рыбы, т. к. вблизи Десна, свои озера, невода и крестьяне. Къ тому же и домашней птицы было довольно. Приставленная для присмотра за нами женщина водила нась въ церковь, находившуюся близъ самаго дворца надъ Десной или, правильнѣй сказать, надъ лиманомъ, прорѣзавшимся отъ Десны. Въ этой церкви священствовалъ Артемій Крестинскій, дѣдъ нынѣшнихъ Крестинскихъ. Впослѣдствіи оставлена была одна церковь, и Крестинскій перешелъ въ Величковку, на родовой приходъ отца. Зимою, помню, въ амбарахъ стояли старыя лодки, часто наполненные большою рыбой, наловленной для продажи. Я мало гдѣ видѣлъ крупную рыбу такой величины: лещовъ, щукъ, судаковъ, окуней и пр.

Въ понедѣльникъ насъ рапо отвозили въ школу съ привизію, и мы занимались самымъ ничтожнымъ ученіемъ; только дѣвицы постоянно шили въ пяльцахъ.

Церковь здѣшняя, Покровская, богата ризницею, собственно разными шитыми золотомъ ризами и подrizниками; богата также и сосудами серебряными, собственно потому, что здѣсь былъ женскій монастырь, славившійся по чудотворному образу. Благодаря прежнему богомольному ихъ служенію и

увеличению рассказовъ о чудодѣйственной силѣ иконы, сюда стекалась масса богомольцевъ. Видно, здѣсь были пожертвованія отъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, на одной изъ лжицъ отчеканены слова: „за упокой убѣнной княгини Софії“. Тоже значитъся на чашѣ и дискоѣ. О какой княгинѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Здѣсь есть крестики около иконы съ мощами. Въ прежніе годы въ монастыряхъ было въ обычай доставать св. мощи для привлечения народа. Здѣсь невдалекѣ отъ Макошина существовалъ, ближе къ селенію Слободкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Макошина, Макошинскій монастырь съ каменными постройками—церковью и колокольней, въ которомъ жилъ патріархъ Паисій, возвратившійся впослѣдствіи въ Грецію. Здѣсь нынѣ находятся только груды кирпичей и прочаго мусора. Мѣсто это очень живописно. Развалины эти были куплены за безцѣнокъ для строившагося въ Сосницѣ каменнаго тюремнаго замка.

Церковь Макошинская, находящаяся отъ берега Десны на разстояніи четверти версты, по архитектурѣ довольно красива, съ тремя высокими куполами, въ два яруса. Надъ женскимъ предѣломъ хоры, гдѣ во время многолюдія поютъ дѣячки; напрѣвъ хорошій отъ прилива лицъ, воспитывавшихся въ Мѣнскомъ училищѣ, изъ котораго чаще всего бываютъ головы, писаря и засѣдатели; а также старости и совѣтные суды. Другую достопримѣчательность этой Покровской церкви составляетъ картина на холстѣ во всю стѣну въ предѣлѣ женскомъ, изображающая страшный судъ или пришествіе Спасителя судить живыхъ и мертвыхъ. Подобную картину я видѣлъ въ Лаврской большой церкви, въ лѣвомъ предѣлѣ, только писанную просто на стѣнѣ. Приходящіе богомольцы часто останавливаются передъ нею, и дѣячокъ или другой какой-нибудь письмакъ разсказываетъ имъ по своему, какъ понимаетъ. Здѣсь была колокольня огромная, хотя тоже деревянная. Во второмъ ярусѣ оной была небольшая церковь во имя Рождества св. Иоанна пророка Предтечи и знаменитый колоколь болѣе ста пудовъ. Это все остатки монастыря, умѣвшаго стяжать громкую славу. Колокольня сія сгорѣла во время грозы около 30-го года сего столѣтія. Въ колокольнѣ и въ церкви тамошней все сгорѣло. Здѣсь 24-го іюня собирается

на площади близъ колокольни незначительный торгъ, къ вечеру оканчивающійся пьянствомъ и кострами, горяющими ближе къ Деснѣ, гдѣ большое пространство.

Знаменательное событие нашей школы. Учителька наша вмѣстѣ съ попадьей уѣхала въ Рыхлы на богомолье. Извѣ Стольного намъ прислали большихъ грушъ. Вся наша школа на общемъ совѣтѣ рѣшила, что и мы будемъ говѣть; меня назначили священникомъ. Извѣ грушъ, бывшихъ въ то время достаточно мягкими, надавили цѣлую сахарницу соку вмѣсто вина. Послѣ обѣда мы стали приготавляться къ исповѣди въ комнатѣ, спальнѣ учительки. Мнѣ сдѣлали эпитрахиль изъ шитыхъ рушниковъ и поочередно подходили ко мнѣ къ исповѣди. Настасія исправляла должностную дѣячку, зажигала и тушила свѣчи, курила ладономъ. Послѣ исповѣди уже всѣ положили не Ѿсть. Это было въ концѣ августиа. На завтра поутру устроили мнѣ ризы изъ платковъ, надѣли длинную рубашку вмѣсто подризника, эпитрахиль сдѣлали изъ шитаго рушника. Настасія и прочие читали и пѣли. Во время моего приготовленія къ причастію двери были затворены или закрыты платкомъ.

Наконецъ, двери отворились, и я вышелъ съ мою чашею, произнося подсказанныя мнѣ слова: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“. Всѣ подходили по очереди, и я вливалъ имъ въ ротъ по три ложечки. Затѣмъ они запивали, а послѣ того раздѣвали меня и поздравляли другъ друга съ принятіемъ тайнъ.

Чего только дѣлство не выдумаетъ, но оно крѣпко запечатлѣвается.

Мы пробыли болѣе года въ Макошинѣ. Къ Рождеству за нами изъ экономіи прибыла кибитка зимняя, и мы на праздникѣ отправились въ Стольное, вѣроятно, въ концѣ 1813 года. Пробывши праздники, я больше уже не возвращался въ Макошинъ.

Въ домѣ отца Василія Воронкевича прибыли его родственники четыре мальчика Воронкевичи, сироты, бывшіе до того на воспитаніи въ деревнѣ Рогозкахъ въ домѣ тоже родственника онекуна Тимоновича. Здѣсь, въ Стольномъ, договоренъ былъ учитель изъ Березнаго, Щербацкій, не окончившій семинаріи, къ

которому и я былъ зачисленъ въ число учениковъ. Отсель уже начинается моя наука для поступленія въ уѣздное училище. Таковое ученіе происходило въ домѣ Воронкевича въ отдѣльной комнатѣ. Здѣсь приготовлены были книжки, нужные для поступленія въ уѣздное училище, но мнѣ по нимъ весьма трудно было учиться послѣ славянскихъ книгъ. Воронкевичи то были уже нѣсколько подготовлены, особенно старшіе, Андрей и Василій. Помню, долго была темна вода во облацѣхъ воздушныхъ, пока немного не пріучился къ реформѣ и новому порядку науки, что называлось тогда „заправлять для поступленія“ въ уѣздное духовное училище. Они, Воронкевичи, воспитывались въ такомъ домѣ, гдѣ были гувернери и гувернантки. Благодаря этому они отлично танцевали, а Андрей порядочно игралъ на скрипкѣ. Мнѣ пришлось быть съ ними года четыре неразлучными по наукѣ и квартире. Пробывшіи въ Стольномъ до каникулъ, мы выѣхали въ началѣ іюля въ Березное, въ собственный ихъ, Воронкевичей, домъ. Они были тамошніе жители. Отецъ ихъ былъ военный штабъ-лѣкарь Михаилъ Воронкевичъ, оставившій года за три предъ симъ ихъ сиротами, такъ какъ и мать ихъ вскорѣ умерла. У нихъ была еще сестра Марія Михайловна, тоже поступившая отъ Тимоновича въ о. Василію Воронкевичу и вышедшая впослѣдствіи замужъ за Николая Ивановича Симентовскаго въ Волосковцы и нынѣ уже вдова. Надобно сказать, что въ живыхъ отъ всѣхъ четырехъ Воронкевичей и ихъ сестры не осталось ни роду, ни племени, а также угасъ богатый по состоянію родъ Тимоновичей въ Рогозкахъ, и имѣніе продано съ аукціона за казенные и частные долги. Его купилъ Василенко, нынѣ умершій и оставившій капиталъ и состояніе тысячу на сто какому-то племяннику.

По прибытіи въ Березное мы помѣстились въ домикѣ, уже довольно старомъ, состоящемъ изъ трехъ и кухни. Тутъ уже къ намъ договоренъ былъ учитель изъ философіи, тамошній священническій сынъ Николай Петровичъ Гордіевскій, изъ хорошихъ студентовъ. Онъ перешелъ и жить къ намъ, потому что по окончаніи каникулъ онъ обязанъ былъ уже устроить въ Черниговѣ квартиру и оставаться домашнимъ учите-

лемъ, потому что и Воронкевичи всѣ поступили въ духовное училище. Мы обязаны были поутру входить въ его спальню, гдѣ онъ, сидя или полулежа на кровати, выслушивалъ наши уроки. У него всегда былъ большой запасъ грушъ и яблокъ, и онъ при неудачномъ отвѣтѣ или повтореніи разъясненія и незнаніи бросалъ обгрызками яблока или груши въ лобъ, и это иногда продолжалось не менѣе часа, послѣ чего онъ отпускалъ насъ сиѣдать или побѣгать по саду, который былъ обширенъ, но старъ. Было два сада. Когда стали поспѣвать яблоки, установился такой порядокъ, что кто раньше встанетъ, тотъ соберетъ наиболѣшія. Каждый складывалъ свою добычу на горѣ въ особый рядъ, готовя запасы къ Чернигову. Я имѣлъ равную часть въ сборѣ, но когда пришлось приготовлять яблоки къ отправкѣ въ Черниговъ, они изъ моей кучи взяли львиную часть, оставивъ мнѣ что похуже.

Въ этомъ году умеръ старый графъ Илья Андреевичъ. Извѣстіе это было прискорбно для матери. Экономія отказалась выдавать матери положенное графомъ жалованье, лишивъ ея и провизіи, кромѣ положенной на дѣтей, да и ту стала выдавать въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Многихъ брала зависть, что у матери идетъ хорошо хо-
зяйство и имѣются деньги, по тогдашнему времени рѣдкія,
большія. Она имѣла, по ея словамъ, около пяти тысячъ ассигнаціями. Мать успѣла уже пріобрѣсть дней 30 поля и много
имѣла уже въ залогѣ: она дала (не разобрано) тысячу рублей ассигн.
подъ залогъ полей; это былъ крючокъ, занимавшій у разныхъ тем-
ныхъ личностей, жиль въ Стольномъ на широкую ногу, пород-
нился съ одной изъ лучшихъ фамилій, женившись на дочери
Ивана Ивановича Даниловича, маюра-помѣщика,—Анастасіи,
славившейся добротой и красотою. Вследствіе его развратной
жизни, ея супружество было несчастливо; она вскорѣ умерла,
оставивъ малолѣтняго сына, который оказался золотушнымъ и,
будучи оставленъ безъ воспитанія, умеръ лѣтъ двадцати. Дядьки
его Даниловичи, раздѣливъ имѣніе, тоже зазнавшись съ казнью,
позалагали имѣніе, и оно перешло въ разныя руки, особенно
къ родственнику Григорію Петровичу Даниловичу, нынѣ же къ

внукамъ его по дочери—Шевелямъ. Одинъ изъ нихъ, старшій, Григорій Ивановичъ Даниловичъ удержалъ въ порядкѣ имѣніе, получивъ часть въ Степановкѣ, и, женившись въ Кисилевкѣ на Александрѣ Федоровнѣ Ковтуновой, имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Онъ рано умеръ, жена же его увеличила хозяйство, и сыновей по праву воспитала въ кадетскихъ корпусахъ. Одинъ изъ нихъ, младшій, Григорій, нынѣ генераль-лейтенантъ и директоръ какого-то военного корпуса или училища¹⁾. Старшій померъ, оставилъ вдову и пять дѣтей.

Въ семъ годѣ войска возвращались изъ за границы, послѣ разгрома Наполеоновской арміи и его замысловъ.

Въ Стольномъ квартировала рота 36-го Егерскаго полка; командиръ оной штабсъ-капитанъ Евдокимъ Іолевъ сынъ Лазаревъ сталъ юзжать въ домъ матери и, наконецъ, свататься. Мать по совѣту нѣкоторыхъ личностей рѣшилась выйти за него замужъ. Эта ея ошибка разстроила ея семейное счастіе. Сначала жизнь была спокойна. Онъ любилъ вездѣ побывать и чаще всего въ гостяхъ, нужно было и къ себѣ почаще приглашать и угождать. Да и вообще тогдашніе Стольнинскіе паны вели въ то время жизнь разгульную, а это было на руку отчиму. Хозяйство стало приходить въ упадокъ, а расходы были не по доходамъ; деньги въ годѣ, въ два улетучились и оставались только на долгахъ, особенно у пановъ, съ которыхъ почти не было надежды получить. Между тѣмъ отчимъ сталъ жестоко обращаться съ матерью, нерѣдко бить и тиранизировать безъ милосердія. Маленькая дѣвочка Елизавета, пріѣхавшая съ нимъ, уже двухъ лѣтъ, была почти заброшена. Порядочная прислуга отъ его жестокостей не могла удержаться. Жизнь была самая плачевная. Только тогда и миръ, когда онъ назоветъ гостей. Онъ требовалъ, чтобы всего было достаточно, особенно, чтобы хорошая была попойка, а для пунша хороший спиртъ, въ которомъ тогда не было недостатка, такъ какъ въ Стольномъ было болѣе де-

¹⁾ Генераль-адъютантъ Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, воспитатель Императора Николая II и Наслѣдника-Цесаревича Георгія Александровича, въ то время, когда писались эти воспоминанія, состоялъ директоромъ петербургской 2-й военной гимназіи.

сяти винокуренъ. Пьянство въ селеніяхъ было въ высшей степени распространено: кварта горѣлки стоила восемь грошей, нынѣшнихъ четыре копѣйки серебромъ.

Послѣ каникулъ 1814 года изъ Березного я выѣхалъ съ Воронкевичами въ Черниговъ. Первая квартира нанята была учителемъ за мостомъ Краснымъ, съ базару, по большой улицѣ, близъ церкви Богоявленія¹⁾, на правой сторонѣ, въ самомъ концѣ узкой улицы, у дворянки старухи Настасії Маляревской. Насъ всего было человѣкъ семь, а учитель восьмой: два мальчика было изъ его родни. Насъ два оставались въ квартирѣ и приготавлялись для поступленія въ инфіму. Учитель Гордіевскій поутру задавалъ намъ урокъ и, пришедши изъ класса, выслушивалъ. Затѣмъ приносили тарелки и ложки, и мы садились за обѣдъ, помнится, не скучный, потому что говядины было довольно и приготовленіе было хорошее; въ постные дни—рыба, а вечеромъ борщъ и гречневая каша съ саломъ или масломъ. Учитель нашъ былъ уже послѣдній годъ въ „філософії“, лѣтъ 25-ти. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и занимался съ учениками старатально. Я, помню, тамъ былъ меньше всѣхъ, и потому нерѣдко случалось терпѣть обиды отъ всѣхъ; притомъ я былъ слабаго здоровья, отъ чего сдѣлался боязливъ и трусивъ, а это имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее развитіе, хотя, въ счастію, я еще находился подъ лучшою защитою учителя, какъ скромный и боязливый мальчикъ.—Цѣлый годъ прошелъ въ квартирномъ ученіи. По обычаю мы їздили на Рождество и Воскресеніе домой, и я изъ Березного отправлялся въ Стольное. Меня очень всѣ жалѣли, даже отчимъ дѣлался тихимъ человѣкомъ. Онъ былъ толковый человѣкъ, хотя изъ сдаточныхъ, но былъ грамотенъ, писалъ хорошимъ почеркомъ, умѣлъ рассказывать повѣсти и сказки весьма отчетливо. Вообще въ бытность мою дома онъ дѣлался сноснымъ заставлять дѣлать меня ариѳметическія задачи или читать книгу и, правда, никогда пальцемъ меня не тронулъ.—Надобно сказать, что тогда весьма много поженилося изъ сего полка, почти

¹⁾ Нынѣ здѣсь церковь каменная во имя Николая.

во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ войска имѣли квартированіе. Всѣ они были люди разгульные. Многіе изъ нихъ пріѣзжали гостить, и двя по три, по четыре гостили у насъ и по Стольниковскому дворянамъ. Потомъ отчимъ съ матерью отправлялись взаимно гостить, а мы съ сестрами хозяйствовали, какъ умѣли. Иногда приходили къ сестрамъ ихъ подруги и приглашали насъ. Мы тогда отправлялись гостить. Самое угощеніе состояло изъ чая, всегда зеленаго, въ родѣ желтенькой водицы, чуть-чуть сладкаго, котораго давали по чашечкѣ, много по двѣ; затѣмъ угощали орѣхами собственного сбора, правда, спѣлыми и хорошо высушенными, не уступающими каленымъ, а также пряничными орѣхами, медовыми вареньемъ, пастилой медовой. О сахарѣ тогда и рѣчи не было: угощеніе составляли варенный медъ и пиво, имѣвшіе тогда цѣну шесть гривенъ, нынѣшня 15 копѣекъ сер., за двойное ведро, а квarta восемь копѣекъ, нынѣшня двѣ копѣйки, а часто и хорошая наливка. О винѣ и помину не было.

Играли въ жмурки, въ жгута, иногда плясали, кто какъ умѣлъ.

Хожденіе въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было безусловное, необходимое; впрочемъ, я нерѣдко освобождался по слабости здоровья; а когда и бывалъ, то для этого запрягали лошадь, которая привозила и отвозила меня изъ церкви.

Съ крещенія отправляли насъ въ Черниговъ съ нагруженюю разными харчами повозкою. Мнѣ давали, кромѣ харчевыхъ, денегъ на мой расходъ, но я боялся держать у себя деньги, а всѣ отдавалъ учителю, а онъ покупалъ поутру сбитень, стаканъ или два, самъ расплачивался. Если же у меня были деньги, то ихъ непремѣнно уворовывали.

Такъ цѣлый годъ до каникулъ продолжалось мое ученіе въ квартирѣ. Погостивши во время каникулъ недѣлю въ Стольномъ, я опять пріѣзжалъ къ Воронкевичамъ въ Березное, гдѣ тотъ же учитель занимался съ нами. Въ это время всѣмъ распоряжалась сестра ихъ Марія, а учитель уже не жилъ въ домѣ, а только приходилъ каждое утро изъ дома своего. Домъ его былъ за базаромъ, возлѣ моста на Черниговъ, близъ Золо-

таря. Здѣсь онъ обѣдалъ, а послѣ обѣда заставлялъ писать и дѣлать латинскія сочиненія, т. е., написавши цѣлую рѣчъ и поставивши на верху слова въ именительномъ падежѣ, заставлялъ составлять рѣчъ латинскую, согласно русской.

Дома въ Стольномъ я нашелъ большую перемѣну. Клуня, наполнившаяся прежде хлѣбомъ, теперь на половину была пуста, въ хозяйствѣ всего уменьшилось, скота рабочаго почти на половину. Жизнь семейная была въ сильномъ разстройствѣ. Одно только удовольствіе и было погулять въ своемъ саду или же отправиться въ графскій садъ, гдѣ иногда я проводилъ цѣлый день, часто заходилъ къ Страховскому, который былъ старше меня года на три. Съ нимъ мы гуляли въ саду, гдѣ ловили удками рыбу въ тамошней рѣкѣ. Рыба шибко хваталась на крючки. Попадались на крючки караси, небольшіе: самые большие были въ ладонь. Во время купанья на берегу мы ловили руками карасей, въ печерахъ же линовъ въ полфунта, фунтъ и болѣе и тогда отправлялись къ намъ въ домъ, гдѣ въ саду готовили уху и жаркое изъ пойманной рыбы. Вечеромъ составляли совѣтъ и на другой день съ разсвѣтомъ отправлялись въ лѣсъ его же, Страховскаго, за орѣхами и грибами, которыхъ много приносили домой и тамъ жарили. Компания наша состояла изъ его, Страховскаго, сестры его Стефаниды Федоровны, двухъ моихъ сестеръ и меня. Здѣсь невдалекѣ былъ и нашъ хуторъ, именуемый Лазебный. Впослѣдствіи онъ былъ проданъ, такъ какъ изъ него пользы никакой не получалось. Эти лѣса находились верстахъ въ шести отъ Стольнаго по блистовской дорогѣ. При заходѣ солнца мы возвращались домой и заходили въ домъ Страховскихъ, такъ какъ они жили по дорогѣ; отъ нихъ же до нашего дома было еще съ версту. Здѣсь мы были угождаемы. Они были довольно богатые люди и имѣли семейство десять крестьянъ. Изъ ихъ семейства девица Стефанида была очень добрая девка, очень набожная и бывшая въ большой дружбѣ съ моей сестрой Анастасіей. Онѣ съ каждою весной отправлялись пѣшкомъ на богоугодные въ Киевъ и другіе тамошніе пограничные монастыри, проходили по мѣсяцу и болѣе, а на другое лѣто отправлялись въ Рыхловскій монастырь, а

оттоль въ курскую губернию, въ Софроньеву пустынь и Ильинскую, заходили въ Петропавловский глуховский монастырь. Таковое путешествие продолжалось до двухъ мѣсяцевъ.

Стефанида Страховская умерла дѣвицею лѣтъ 23-хъ. Она была очень добронравна. Ея братъ былъ характера немногого развратнаго, очень даровитъ, но рано пристрастился къ горячимъ напиткамъ и вольной жизни. Онъ впослѣдствіи женился значительно позже меня въ Березномъ, но не отличался доброю жизнью и умеръ въ раннихъ лѣтахъ, оставивъ сына и дочь. Первый убитъ въ нижнемъ чинѣ подъ Севастополемъ, а дочь вышла замужъ за чиновника. Братъ же его Михаилъ, совершенно похожий на умершую сестру Стефаниду, не окончилъ гимназіи, а изъ третьаго класса поступилъ въ Черниговъ на службу въ губернское правленіе. Вскорѣ онъ отправился въ Петербургъ, а нынѣ служить вице-губернаторомъ въ Петрозаводскъ, куда вызывалъ на службу и зятя своего года два назадъ. Неизвестно, какъ онъ тамъ служить, но здѣсь онъ, бывши становымъ, сильно пьянствовалъ.—Михайло Федоровичъ Страховскій человѣкъ семейный, но семья его живеть здѣсь. Когда онъ пишетъ въ Стольное, то всегда передаетъ мнѣ поклонъ. Я съ нимъ больше сошелся, когда онъ прїѣжалъ изъ Петербурга. Онъ имѣлъ чинъ надворного совѣтника и два ордена. Онъ изъ Стольнаго прїѣжалъ во время проѣзда преосвящ. Павла. Преосвященный пригласилъ его въ свою карету. Послѣ обѣда у меня и выѣзда Преосвященнаго онъ прожилъ еще дня два.

Послѣ каникулъ, вѣроятно въ 1816 году, я отправился прежнимъ порядкомъ на Березное, откуда виѣстѣ съ Воронкевичами и учителемъ Гордіевскимъ отправились въ Черниговъ на прежнюю квартиру къ Маляревской, въ уличкѣ близъ церкви Богоявленія, нынѣ каменной Николаевской съ училищнымъ церковнымъ каменнымъ домомъ и прочими службами. Прежде это была убогая деревянная церковь; нынѣшняя же церковь состоялась изъ двухъ приходовъ, Николая и Богоявленія. Въ сю церковь по близости мы ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днамъ на богослуженіе. Весьма припоминается мнѣ здѣшній причтъ—священникъ Василій Яроцкій, жившій на углу противъ

церкви, гдѣ нынѣ домъ и аптека Завурвальда; діаконъ Пере-возчиковъ, сосѣдъ нашъ по квартирѣ, оба слабенькие: первый гнусиль, а второй возлегласовалъ. Изъ прихожанъ помню учителя гімназіи, впослѣдствіи директора оной, Василія Гавриловича Самарскаго. Онъ былъ высокаго роста, уже не молодыхъ лѣтъ, и всегда ходилъ съ большою тростью. Жена его была подобна ему по росту. Онъ любилъ въ каждое служеніе читать изъ книги поученія, въ которыхъ мы вслушивались не столько для наученія, сколько для скопировки его произношенія и жестовъ. Помню, онъ читалъ проповѣдь въ недѣлю разслабленнаго человѣка: „не имамъ человѣка да ввержетъ мя во купель и инъ прежде меня слазитъ въ оную“... Мы же копировали у себя на квартирѣ: „чловѣчицу имамъ подобную мнѣ по тѣлу и душѣ, съ апетитомъ слушающу мои поученія и чуть не плачущу отъ умиленія“.

Онъ былъ родной братъ березининскаго доктора Самарскаго; впослѣдствіи онъ былъ мнѣ полезенъ, о чёмъ будетъ сказано ниже.

При поступленіи моемъ въ черниговское духовное уѣздное училище учителемъ латинскаго языка и русской грамматики былъ у насъ Василій Григорьевичъ Левчаковскій, впослѣдствіи родственникъ. Моя теща, Есманская Параскевья Яковлевна, урожденная Левчаковская, синявскаго священника дочь. Яковъ и Григорій Левчаковскіе были ея родные братья. Послѣдній былъ священникомъ въ Носовкѣ. Не знаю, какъ они попали въ священники; отецъ ихъ былъ крестьянинъ Скоропадскаго, и они уроженцы и жители его селенія Чепелева, сосницкаго уѣзда. Третій братъ, меньшій, Стефанъ остался въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ я уже былъ священникомъ, онъ, бывая въ торгу въ Синявкѣ, постоянно заѣзжалъ къ отцу Петру Прокоповичу, а послѣ сталъ и у насъ бывать. Онъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, полагаю, лѣтъ семидесяти, но здороваго сложенія. Уже послѣ его смерти заѣзжалъ иногда его сынъ и привозилъ свои деревянныя издѣлія: ведра, дижки, боченки. Онъ совсѣмъ не былъ похожъ на отца по крѣпости и тѣлосложенію. Они были люди очень бѣдные, жили только руководствиемъ, чѣмъ и кормились.—

Помню, что я старался учиться, но былъ хилаго здоровья, запуганъ семеною обстановкою вслѣдствіе отчима и непорядочной его жизни.—При поступленіи Левчаковскій замѣтилъ мое стараніе и въ одно время, когда послѣ обѣда мы въ его присутствіи въ классѣ дѣлали упражненія, онъ, просмотрѣвши мое упражненіе, приказалъ переписать почище и поразборчивѣе, самъ мнѣ починилъ перо и полинеилъ; когда же я подалъ, онъ сверху написалъ: „de loco et eratis Domini Shelechovsky“, а посмотрѣвши его задачу или упражненіе, написалъ: „Sura melius“, меня же посадилъ на его мѣсто девятымъ на первой партіи и отдалъ мнѣ егат'у. По греческому языку и прочимъ предметамъ былъ у насъ Янчевскій. Они оба послѣ преобразованія поѣхали въ кіевскую духовную академію. Янчевскій уже послѣ выбытія моего былъ профессоромъ въ Черниговѣ, а Левчаковскій выбылъ изъ духовнаго званія и былъ при Кишиневскомъ главномъ начальникѣ правителемъ канцеляріи. Впослѣдствіи женился на дворянской дочери Каменицкой въ с. Мринахъ нѣжинского уѣзда, гдѣ имѣлъ порядочное состояніе. Онъ тамъ умеръ въ чинѣ коллежскаго асессора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ЮЖНОРУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ.

(МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ЮЖНОРУССОВЪ).

Пѣсни народа составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, въ которыхъ проявляются заразъ и творческія способности народнаго духа, и его самосознаніе. Высказанный въ пѣсняхъ взглядъ на извѣстную историческую личность или событие, на отношеніе своего народа къ другимъ народамъ, на свое собственное положеніе въ семье, въ обществѣ, па свои собственные чувства и т. п., обнаруживаетъ предъ нами глубочайшіе извины и движенія народнаго самосознанія въ данный періодъ времени. Форма пѣсни, ея слогъ, слова, выраженія, обороты, ея голосъ—то размашистый, широкій, свободный, игривый, то склоненный, утлый, какъ бы болѣзnenный,—такое или иное сочетаніе голоса со словами—обнаруживаютъ творческій духъ народа. Отсюда слѣдуетъ, что для этнографа содержаніе пѣсни и выраженіе ея въ словахъ, какъ свидѣтельствующія и о самосознаніи и творчествѣ народа, несравненно важнѣе ея голоса, свидѣтельствующаго только о творческихъ способностяхъ народнаго духа. Истина эта—сознательно или безсознательно, неизвѣстно—повліяла на нашу этнографію въ томъ смыслѣ, что она и при собираеміи пѣсенного материала, и при его обработкѣ почти все свое вниманіе обратила на содержаніе и словесную форму пѣсни; голосъ же пѣсенъ какъ-бы игнорировался ею. Взамѣнъ этого голосъ народныхъ пѣсенъ отнесенъ былъ къ области музыки, а эта послѣдняя если и оперировала его, то, ра-

зумѣется, оперировала съ точки зрењія музыки, а не этнографіи. Но, само собою понятно, такое отдѣленіе голоса отъ словъ, во-первыхъ, неестественно. Голосъ составляетъ иѣчто такое тѣсное со словами, что самое название *пѣсня* получила отъ *пѣнія*. Отнимите вы отъ пѣсни голосъ, то есть ея пѣніе, и вы не будете имѣть права назвать ее пѣснею: это будетъ стихотвореніе. А много ли намъ извѣстно народныхъ стихотвореній? Гомеръ, начиная свои бессмертныя поэмы (которыя въ сущности суть то же, что и наши былины или думы), обращается къ Музъ съ словомъ *востой*, чѣмъ ясно выражена мысль, что эти поэмы пѣлись, что онѣ собственно говоря—пѣсни. Не то же ли и у насъ на Руси? Наши великорусскія были и духовные стихи, которые въ дѣствѣ представлялись намъ какъ простыя, мертвыя народные стихотворенія, впослѣдствіи оказались живыми пѣснями, и какими дивными! А малорусскую думу можно ли представить себѣ безъ пѣнія?

Во-вторыхъ, игнорированіе голоса пѣсенъ этнографомъ и ненаучно. Устраниая цѣлую область предметовъ (голосъ) отъ своего изслѣдованія, этнографъ лишается цѣлаго ряда фактовъ, могущихъ такъ или иначе способствовать разъясненію данного вопроса. Возьмемъ, напримѣръ, сличеніе варіантовъ извѣстной пѣсни (съ голосомъ), записанной въ одномъ и томъ же племени, съ варіантамисосѣднихъ племенъ,сосѣднихъ народовъ,сосѣднихъ расъ. Сличеніе можетъ обнаружить фактъ самостоятельности или зависимости въ области поэзіи и пѣнія, а въ случаѣ зависимости указать степень ея и посредство въ передачѣ; сличеніе можетъ обнаружить фактъ сходства или различія въ выраженіи впечатлѣнія по поводу одного и того же события у различныхъ народовъ; можетъ обнаружить фактъ высокой даровитости или убожества данного народа: его мощь, широту, свободу, мягкость, нѣжность, или противоположныя качества и т. д. Иногда одно слово, одинъ голосовой переливъ можетъ раскрыть предъ этнографомъ цѣлую картину изъ физіономіи данного народа.—Кромѣ иѣкоторыхъ мелкихъ статей по народной русской музыкѣ, у насъ существуетъ, какъ извѣстно, капитальное изслѣдованіе *П. Сокальского: Русская народная музыка* (в-

ликорусская и малорусская). Въ этомъ труде авторъ касается нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сейчасъ нами вопросовъ: напр. изученіе мелодіи русской народной пѣсни даетъ ему возможность видѣть, что въ отношеніи музыкального творчества русской народъ стоитъ въ весьма близкой и, можно сказать, непосредственной связи съ тѣмъ „азіатскимъ востокомъ, который служилъ колыбелью арійского племени“ (индоперсы)¹⁾ и т. п. Тѣмъ не менѣе и этотъ авторъ, имѣя въ виду русскую музыку собственно въ ея мелодическомъ и ритмическомъ строеніи, этнографическихъ вопросовъ касается только слегка, мимоходомъ. „Разъясненіе такихъ вопросовъ подвинется впередъ только тогда, говорить онъ, когда начнетъ разрабатываться сравнительная музыкальная этнографія... Но такой науки пока еще неѣть, да и материалы для нея пока еще находятся въ зародышѣ, ибо они не подвергались научной критикѣ и часто не отличаются достовѣрностю²⁾“. Но если такой науки и вообще не существуетъ, то тѣмъ труднѣе ея происхожденіе у насъ, въ Россіи, где такъ рѣдко встрѣчаются и просто музыканты, а музыканты-этнографы и подавно.

Указанное выше игнорированіе голоса нашихъ пѣсенъ, очевидно, происходило не по другимъ причинамъ, а именно по отсутствію у нашихъ этнографовъ специальной музыкальной подготовки. Послѣднее обстоятельство сказалось даже въ накопленіи сырого пѣсенного материала. Если сравнить количество изданнаго текста пѣсенъ съ количествомъ записанныхъ напѣвовъ ихъ, то—не смотря даже на довольно увеличившійся въ послѣдніе годы притокъ нотныхъ изданій (имѣемъ въ виду главнымъ образомъ южнорусскія пѣсни)—окажется между ними громадная разница. Да и изъ обнародованного голосового материала многое, издаваясь не съ научными цѣлями и познаніями, подвергалось въ угоду „красотѣ“, законченности формы, аранжировкѣ и т. п., различнаго рода „исправленіямъ“; а посему и не всегда можетъ служить надлежащимъ материаломъ для этно-

¹⁾ Глава XVI.

²⁾ Страница 158.

графа. Съ этой точки зрењія всякая точная и буквальная запись пѣсень съ напѣвами, или однихъ напѣвовъ на прежде собранныя пѣсни, (какъ напр. *A. Рубца: 216 народныхъ украинскихъ пѣсенъ*), несравненно желательнѣе и цѣннѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ различная роскошная 3 и 4-хъ голосная изданія съ аккомпаниментомъ (въ родѣ: *B. Соколовъ. 25 малорусск. пѣсень на 4 голоса. Москва*). Съ этой же точки зрењія, полагаемъ, не лишними окажутся и наши записи, приводимыя ниже.

Но прежде чѣмъ приводить самыя пѣсни, сдѣлаемъ нѣсколько техническихъ замѣчаній относительно выраженія напѣва пѣсень въ нотахъ. Дѣло касается *размѣра* и *такта* въ народныхъ пѣсняхъ. Кому приходилось транспонировать русскую народную пѣсню (великорусскую или южнорусскую) съ голоса на ноты, тотъ не могъ не заметить, что она не поддается тому симметричному расчислению на такты, какое мы видимъ въ европейской музыкѣ. Въ то время какъ въ послѣдней разъ опредѣлившійся размѣръ выдерживается до конца и такты выдѣляются сами собою, въ русской народной пѣснѣ не только предполагаемый размѣръ часто не выдерживается и такты спутываются, но и опредѣлить-то самый размѣръ и выдѣлить такты иногда бываетъ очень трудно, а иногда просто не возможно. Не взирая на это, наши музыканты (даже нѣкоторые изъ записныхъ), укладывая напѣвъ на ноты, стремились во что бы то ни стало одѣть его въ формы нѣмецкаго покроя. Но такъ какъ это не легко было сдѣлать, ибо пѣсня не поддавалась добровольно, то нерѣдко приходилось насильно въ одномъ мѣстѣ вырѣзывать, въ другомъ прибавлять, въ третьемъ разглаживать и т. п. Наконецъ, пѣсня была одѣта. Что же оказалось? Оказалось, что форма, въ которую облекли нашу пѣсню, пришла ей не по внутру, что... мы сами себя не познали.

Дѣло въ томъ, что позднѣйшиe самостоятельные труды надъ нашей пѣсней (Сѣровъ, Арнольдъ, Ларошъ, Сокальскій) показали, что народная русская музыка создалась внѣ вліянія эллино-римской цивилизациіи, что она—самостоятельный стволъ отъ общаго корня, колыбели человѣчества въ Азіи, что она еще только на пути развитія (Сокальскій „Русская музыка“). Посему то, что

свойственно европейской музывѣ, нельзя примѣнять (по крайней мѣрѣ всегда) къ русской народной музыкѣ. Такъ точно и въ данномъ случаѣ. Сопоставляя замѣчаніе Потебни, что „единственный народный метръ есть полустишие“, съ своими изслѣдованіями, Сокальскій находитъ, что и „истинный народный тактъ есть полустихъ“ (*ibid.*, стр. 280). Отсюда „самое правильное было бы укладывать пѣсню въ ноты и тактъ, отдѣляя тактовыми черточками одно полустишие отъ другого. Никогда не слѣдуетъ забывать, что внося въ русскую пѣсню наши тактовые черточки, мы вносили въ народную пѣсню и наши, ей чуждые, акценты“ (*ibid.*).

Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, мы постарались примѣнить его къ нашимъ записямъ пѣсенъ. При этомъ обнаружилось два явленія: а) и великорусская и южнорусская пѣсня не всегда чужды формъ современной европейской музыки въ видѣ размѣра и такта; б) южнорусская пѣсня чаще приближается къ нимъ, чѣмъ великорусская. Первое, очевидно, объясняется тѣмъ, что русская музыка не только древнѣе такта, но и современнѣе ему (Сокальскій. *Ibid.*); слѣдовательно, если пѣсни болѣе древнаго происхожденія должны имѣть по преимуществу тактъ въ видѣ полустишия, то въ пѣсняхъ болѣе позднаго происхожденія естественно встрѣтить размѣръ и тактъ въ современномъ европейскомъ смыслѣ. Второе явленіе объясняется вообще изъ большаго (сравнительно съ великорусской) сходства южнорусской музыки съ западноевропейской (достаточно указать на *сводный тонъ*, *хроматизмъ* и *мажоръ* въ народной малорусской музыкѣ).

Изъ приводимыхъ ниже пѣсенъ № 1 раздѣленъ у насъ оп полустишию, хотя въ немъ ясно проглядываетъ обычный размѣръ въ $\frac{2}{4}$. Точно также № 3 можно легко уложить въ размѣръ $\frac{2}{4}$, № 4—въ размѣръ $\frac{3}{4}$, № 5 (если первыя три ноты вынести за тактъ)—въ $\frac{5}{4}$, № 6 (если вынести за тактъ первыя двѣ ноты)—въ $\frac{7}{4}$. Въ №№ 9 и 10 дѣленіе на полустишие не примѣнимо. Что касается №№ 2, 7, 8 и 11-го, то они не укладываются ни въ одинъ изъ извѣстныхъ намъ размѣровъ обычной европейской музыки и могутъ быть раздѣлены только по полустишиямъ.

1. Дума про Савву Чалаго.

Allegro moderato.

3. Чы бачышъ ты, старый сидый, а що Сава робыть?
Де піймае козаченька, та въ кандалахъ водыть!
5. Чы не можешъ ты, старый сидый, Савы препыныты
Щобъ переставъ козаченькивъ въ кандалахъ водыты?
Чы не можешъ ты, старый сидый, Сави що сказать,
Щобъ переставъ Сава панокъ козакивъ грабуваты?
10. Та й не знатъ же козакъ Сава объ своей обиды.
Прыихасть а панъ Сава одъ царя до дому,
Та пытается челяденькивъ, чы все добре въ дому?
— Усе добре, усе добре, тилько одно страшно:
Выглядываютъ гайдамаки изъ-за горы часто.
15. — Нехай воны выглядываютъ,—я ихъ не боюся:
Есть у мене ясна зброя—одъ ихъ одыбьюся.
Сидыть Сава конецъ стола, та й лыстонъки пыше,
А Савыха у лыжечку дытыну колыше.
Сидыть Сава конецъ стола, та й листы чытае,
20. А вже Гнатко зъ Кравчыною двери одчынае.
— Здоровъ, Сава, здоровъ, пане! Якъ ты проживаешьъ?
Издалека гостей маешъ—чымъ ты ихъ вытаешъ?
— А чымъ же васъ, мылы браття, буду угощать?
Жена сына породыла —буду въ кумы браты.
25. Не прійшли мы, пане Саво, до тебе кумоваты,
А прійшли мы до тебе съ плечъ голову знаты!
— Ой пиды, хлоиче, пиды, малый, та вточи горилки:

Нехай выпью за здоровъя до своеи жинки.

Пиды, хлопче, пиды малый, та накопай меду

30. Тяжко мени на серденьку, мабудь я не буду:

Ять кынувсь а панъ Сава до своеи зброя,—

Оглянувшись—а головка доли.

Сыдить Савыха у лыжечку, сильно проклинае:

35. Водай же вы, гайдамаки, на вики пропали!

Що вы моего пана Саву изъ свита зогнали!

Дума про Савву Чалаго, судя по количеству существующихъ варіантовъ ея, принадлежить къ наиболѣе любимымъ и распространеннымъ въ народѣ думамъ. Намъ известны, кроме приведенного сейчасъ, слѣдующіе варіанты ея: Максимовичъ, Сборникъ Украинскихъ пѣсень. Москв. 1834 г. стр. 90 № 14; Закревскій, Избранныя малор. и галицк. пѣсни и думы. М. 1860 г.; Чубинскій, Труды этн. эксп. V, III, № 53; Головацкій, Галицкая пѣсни. III, I, стр. 9—10 №№ 7 и 8; Головацк. I, стр. 18 № 14; Лисенко, Украинская пѣсни, вып. II, № 3 стр. 8; Коцишинскій, Писни думки etc. Киевъ. 1885 г. ч. II, стр. 24 № 61; Рубецъ, Сборникъ малорусскихъ пѣсень въ количествѣ 100 (пять выпусковъ=1 томъ), стр. 140 № 89. Напѣвъ думы помещенъ у гг. Лисенко (*ibid.*), Коцишинского (*ibid.*), Рубца (*ibid.* и въ Сборник. „216 украинскихъ напѣвовъ“, № 73). Чтобы выяснить взаимоотношеніе этихъ варіантовъ, намъ кажется, слѣдуетъ сопоставить ихъ содержаніе съ дѣйствительнымъ историческимъ фактамъ. Какъ известно, Савва Чаленко или Чалый, малороссъ, родомъ изъ села Молопишъ (надъ Днѣстромъ), служилъ сначала поручикомъ милиціи мѣст. Рашкова въ отрядѣ Верлана, дѣйствовавшемъ въ духѣ народнаго возстанія противъ поляковъ. Затѣмъ онъ измѣнилъ народу, принялъ въ 1736 г. присягу на вѣрность рѣчи послополитой, сдѣланъ былъ затѣмъ полковникомъ и сталъ, уже обратно, нападать, грабить и вѣшать народъ. Эта измѣна вызвала протестъ и месть въ народѣ, хотя долго не находилось достойнаго храбреца для выполненія послѣдней. Наконецъ вызвался „Медвѣдовскаго куреня козакъ“ Игнатъ Голый. Захвативши съ собой Кравчину и другихъ товарищѣй, онъ, въ ночь подъ Рождество 1741 г., ворвался въ

собственное село Саввы—Степашки и умертвилъ его¹⁾. Тоже самое приблизительно передаютъ и указанные нами варіанты думы о Савве. Общія черты почти всѣхъ варіантовъ это—дружба Саввы съ ляхами и пиръ („обидъ“) въ Немировѣ, „обдираніе“ и „разбиваніе“ имъ церквей и „козаченькивъ“ и, наконецъ, съ различного рода подробностями, смерть его отъ Игната Голаго „зъ Кравчиною“. Какой изъ этихъ варіантовъ послужилъ прототипомъ для прочихъ, решать не беремся, такъ какъ это дѣло требуетъ специального изслѣдователя. Мы только замѣтимъ, что въ варіантѣ г. Максимовича находится и довольно большой прологъ, который въ другихъ варіантахъ или сокращается (какъ и въ нашемъ), или совершенно отсутствуетъ. Нашъ варіантъ—сжатый, но достаточно содержательный. „Ой бувъ Сава въ Немирови *о з царя* на обиди“ (ст. 9. У Чубинск.: въ „ляховъ“). Ср. также ст. 11)—очевидно, анахронизмъ. Мелодія нашего варіанта, имѣя вѣкоторое сходство въ общемъ съ мелодіею, помѣщеною у Рубца („100 пѣсенъ“) и Лисенко, отличается эпической величавостью и чисто народнымъ характеромъ. И текстъ и мелодія записаны нами въ Добруджѣ отъ „бабки“ Х.

2. Ой Боже нашъ, Боже нашъ (Черноморская).

Andante, см. animato.

Oй Бо же нашъ, Бо же нашъ, ой Бо же нашъ ми ло сты вай!

Що мы по ро ды лысь, ай у сви ти ве ща слы ви?

3. А що мы служили и въ поли и на мори,

Теперь остались пиши й наги, босы й голы!

5. Та мы-жъ думали, щобъ намъ земли заслужыты,

А щобъ у вольности та хочъ вика дожыты.

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 87 г. № 11: Савва Чаленко, д-ра Антонія I. См. также Кіевск. Стар. 91 г. № 10: С. Чаленко и Игнатъ Голый, Щербины.

Дарувавъ намъ царь землю одъ Днистра та до Богу,
А границею по Бендерську дорогу.

- Дарувавъ намъ царь землю, а теперъ одбырае,
10. А насть, запорожцівъ, на Кубань высылае.
Ой ходимо, братъца, на Кубань ричку жыты,
Та будемо жыты, та Бога хвалыты;
Тамъ будемо жыты и рыбу ловыты,
Черкесына, якъ зайця, по горамъ гоныты.

3. Ой тысяча симсотъ (Черноморская).

Moderato.

Ой ты ся ча сим сотъ де въя по сто ня то го ро ку,
Ой вышовъ ука зъ видъ на шой Циры ци зъ Шетер бугга го ро-
го ро да.

4. Бувай же здорована, Дніпръ рика мутна!
Пидемо въ Кубань, крашои напъемсн¹);
Бувайте здорови, вси курини наши—
Туть вамъ безъ насъ повалиться!
8. Тамъ будемо пыты, тамъ будемъ гулаты
И рыбу ловыты²);
А старого черкаса, превражого сына,
Будемъ по скалахъ гоныты.

¹⁾ 5-й стихъ поется такъ:

Пи де шо въ Кубань, кра шо и на пъеи ся.

²⁾ 9-й стихъ поется такъ:

И ри бу до въ ты.

Указанныя двѣ пѣсни одна другую дополняютъ. Послѣ разоренія Новой Сѣчи (въ 1775 г.) генер. Текелемъ, запорожцы, оставшись въ неопределѣленномъ положеніи, разсѣялись по селеніямъ и городамъ Малороссіи. Между тѣмъ новообразованная Потемкинъ Новороссійская провинція требовала охраны со стороны татаръ и турокъ, особенно въ виду приближавшейся войны съ послѣдними (1787—91 гг.). Въ виду этого Потемкинъ поручилъ запорожскимъ вожакамъ (Сидору Бѣлому, Автону Головатому, Захарію Чепъгѣ и др.) организовать новое запорожское войско, которое и было скомплектовано въ 1787 г. подъ названіемъ „войска вѣрныхъ козаковъ¹⁾“. Въ награду за отличную храбрость, обнаруженную запорожцами въ открывшейся русско-турецкой войнѣ, Потемкинъ (пожалованный въ это время „гетманомъ черноморскихъ екатеринославскихъ козачьихъ войскъ“) назначилъ имъ, съ разрѣшенія Императрицы, въ 1790 г. для поселенія „привольныя мѣста“ между рр. Бугомъ и Днѣстромъ и отъ себя подарилъ еще болѣе привольную (главнымъ образомъ рыбной ловлей) „округу Еникольскую съ Таманомъ“. Не смотря на военное время, запорожцы въ томъ же 1790 г. стали селиться между рр. Днѣстромъ и Бугомъ и за два года успѣли образовать вокругъ Слободзеи до 25 селеній²⁾. Объ этомъ именно фактъ назначенія земли и поселенія на ней запорожцевъ говоритъ первая половина пѣсни „Ой Боже нашъ“. Но положеніе запорожцевъ на этой землѣ было тѣгостно и непрочно, особенно послѣ смерти Потемкина (1791 г.), и они отправили въ Императрицѣ депутацію съ просьбой поселиться на пожалованныхъ имъ Потемкинъ земляхъ на Тамани. Отвѣтомъ на это прошеніе были двѣ Высочайшия грамоты—отъ 30 іюня и 1 іюля 1792 г., разрѣшившия запорожцамъ перебираться на Кубань³⁾. Въ томъ же году запорожцы стали селиться,

¹⁾ Щербина. Кубанское козач. войско. Вор. 88. Стр. 37. См. также Исторію Самоуправл. у Кубанск. коз. Егоже. Кіевск. Стар. 1884, 1—4.

²⁾ Щербина. Куб. коз. войско стр. 45—46. См. также: Задувайская сѣчь Кондратовича, Кіев. Стар. 1883, 1.

³⁾ Щербина. Куб. коз. войско. Стр. 49. См. также: Матеріали для исторіи, Запорож., Кіев Стар. 1882 г. № 8.

и вскорѣ окончательно устроились, въ мѣстахъ, въ которыхъ они когда-то жили, гораздо раньше „руйновання Сичи“ (какъ это видно изъ указа Елизаветы Петровны отъ 11-го іюля 1745 г.¹).

Эти грамоты Императрицы Екатерины II и послѣдующее затѣмъ переселеніе запорожцевъ на Кубань изображаетъ пѣсни „Ой тысяча симсотъ“ и конецъ пѣсни „Ой Боже нашъ“. Какъ видно, наши варіанты заключаютъ въ себѣ нѣкоторые анахронизмы. Прежде всего грѣшилъ противъ истины выраженіе пѣсни „Ой Боже нашъ“—„дарувавъ намъ царь землю“ (ст. 7): естественнѣе было бы ожидать „царыца“ (какъ въ пѣснѣ „про Руйновання Сичи“) или „батько“, „гетьманъ“ (Потемкинъ). Въ при водимомъ г. Кондратовичемъ въ „Кievsk. Стар.“ 1883 г. 1 кн. варіантѣ рассматриваемой пѣсни, этотъ вопросъ обходится употребленіемъ безличного выраженія: „дарували жъ намъ землю“. Подобный же анахронизмъ составляетъ 1-й стихъ второй пѣсни: „указъ одѣ царыци“ вышелъ, какъ мы замѣтили, не „1795 г.“, а 1792 г. Записанный г. Кондратовичемъ варіантъ ея (Кievsk. Стар. 83 г. № 1) ошибается только на одинъ годъ („1791 г.“).

Кромѣ варіанта къ пѣснѣ „Ой Боже нашъ“, записанного г. Кондратовичемъ, мы нашли еще одинъ варіантъ у Чубинск. V, III, № 6. Замѣчательно, что послѣдній имѣетъ чисто бытовой характеръ, безъ всякихъ историческихъ указаній. Это даетъ намъ возможность заключить, что варіантъ Чубинскаго—самый древній, и что онъ послужилъ канвой, которой воспользовались Черноморцы для своего настоящаго положенія. Равнымъ образомъ, думается намъ, какъ нашъ, такъ и г. Кондратовича варіантъ пѣсни „Ой 1795 року“—не первичной формациі. Можно полагать, что предедентомъ обоихъ этихъ варіантовъ послужила пѣсня, составленная, на тотъ же случай, Антономъ Головатымъ: *Ой годи намъ журытыся, пора перестаты*²). Мелодіи обѣихъ пѣсенъ „Ой Боже нашъ“ и „Ой 1795 року“ (голосовыхъ варіантовъ къ нимъ мы не нашли) полны глубокой гру-

¹) Эварницкій. Истор. Запор. коз. 1892 г. стр. 20.

²) См. Максимовичъ. Сборн. Укр. пѣсень 1834 г. стр. 133 № 50. См. также: Закревскій. Избранны. малор. и гал. п. 1860 г. стр. 22 № 16 („Черноморца“).

сти и лиризма. Текстъ и напѣвъ первой пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ „бабки“ Х.; а текстъ и мелодія второй—отъ знатока-собирателя пѣсенъ и т. п. произведеній старины, Л. С. Мацѣевича, преподавателя Одесской дух. семинаріи, который слыхалъ эту пѣсню въ Киевской губерніи.

4. Ой у лузи при берези („Про голоту“. Козацкая, бытоваia):

Andante.

Ой и пье винъ горилочку и солодкий медъ;—
Позволь, батьку отамане, известы наметь. (2).

5. Якъ извелы козаченьки голубый наметъ,
Поспадалы у намети, пьють солодкий медъ. (2).
Которыи богатіи, то у намети силы;
А убоги сиромахы та не посмилы.
А убоги сиромахы та не посмилы ¹⁾:

10. Взяли кварту, а другу жарту, та й на доши силы.
А багачъ иде, а дукарь иде, тай посмихается:
За що цая голотонька напывается?
Ой икъ гуинувъ панъ отаманъ на козакы:
Берить, берить цего багача тай на кулакы!

15. Одынъ бере, та за чубъ веде, а другой дула бье:
Не йды, ве йды ты, багачу, де голота пье!

Пѣсня эта представляетъ характерную бытовую картину изъ древней украинской козацкой жизни. Мы нашли три варианта ея у Чубинск. (Труды, V, стр. 955 № 41) и два у г. Лисенко (Украин. п. вып. IV № 6, А и Аа, съ напѣвомъ), начи-

¹⁾ Это повтореніе вызвало напѣвомъ пѣви.

нающихся приблизительно такъ: „темна хмара наступыла, ставъ дошыкъ иты“. Мелодія варіанта г. Лисенко (А, Аа и Б) имѣеть сходство съ нашей только въ общемъ узорѣ. И текстъ и напѣвъ нашей пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ упомянутой „бабки“.

5. Писня про Чайку. (Чумацкая).

Andantino.

Oй го ре ті и чай ци, та го ро і й не-
бо зи, Ой що вы ве ла ча и на та въ сто пу
при до ро зи.

3. А тамъ чумаки ишли, та чаичку сигналы,
А маленькии чаинята зъ собою забрали.
5. А прылетила чайка зъ далекого краю,
Та травыченьку прогортае, чаинять шукае.
Та траву прогортае, чаинять шукае:
Ой тутъ булы чаинята, а теперь немае.
И траву прогортае, и въ дорогу бѣться,
10. А сидѣть чумакъ на важныци, зъ чаички смѣяться.
Ой вы, чумаченъки, та вирне товарыство!
Та возьмить мене изъ собою: буду вамъ слугою.
Та буду волы часты, та буду прыгоняты,
Та вернить мои чаинята, бо я ихна маты.
15. — Та годи тоби, чайко, та шукать дитея въ роси,
Бо чумакы чаинята поварылы въ каши.
— Та бодай тіи чумакы та въ Крымъ не сходылы,
Що воны жъ мои чаинята въ каши поварылы!
Та бодай тіи чумакы на вики пропалы,
20. Що воны жъ мои чаинята изъ свита зогналы!

Эта прекрасная высокохудожественная народная пѣсня чрезвычайно распространена среди живущихъ въ Добруджѣ малороссовъ (гдѣ мы и записали ее отъ той же старушки X.). Можно сказать, ни одна „вечеринка“, въ которой участвуютъ женщины, не проходитъ безъ тоо, чтобы эта пѣсня не исполнилась хоромъ (въ унисопѣ), вызывая слезы у присутствующихъ. Довольно полные и близкіе къ нашему варіанты (два) ея помѣщены въ Сборникѣ Чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченко (Кievъ 1874 г.) и (одинъ—отдаленный и не полный) у г. Лисенко (Оборн. пѣсенъ ч. Ш, № 8). Мелодія пѣсни, кромѣ записанной нами, приведена еще у г. Лисенко (*ibid.*); но сходства между ними нѣтъ, если не считать общей канвы. Настоящую пѣсню про чайку, народную и чисто бытовую, не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это приходилось встречать, съ другою, болѣе распространеною въ Южной Руси, пѣснею про Чайку же (*Ой бида бида чайши небози... Кыны, кыны...*), которая (пѣсня) будто бы изображаетъ, подъ видомъ чайки, Малороссию, и сочиненіе которой приписывается различнымъ лицамъ¹⁾.

6. Ой по морю по сынему (про Мыхайла?).

Moderato.

Oй по морю по сынему со киль гъ ор-
ломъ ку пасть са, со киль ор ла пы та еть си:

Чы бувъ ты, орле, на України,

5. Чы чувъ ты, орле, объ новыни? (2)

Чы чувъ, орле, ту новыну,

¹⁾ А propos. Въ виду тѣхъ недоумѣній, которыя возбуждаетъ эта послѣдняя пѣсня (см. Киевск. Стар. 1891, № 12 стр. 482), считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о ней нѣсколько словъ. Загревский (Избран. малор. и гал. п. и д. 1860 г. стр. 37 № 37) въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ говоритъ слѣдующее. „Наивно изображаемая въ этой пѣснѣ участъ бѣдной чайки... есть аллегорическое подобіе Україны, наход-

- Що йдуть лашы та на войну? (2).
 Ой не чувъ я, только бачывъ,
 Що йдуть лашки на три шляшки,
10. А тусары на четыри,
 А москали стени вкрылы,
 А козакы уси горы, (2).
 А козаченьки горы вкрылы,
 Шабелькамы заиснылы,
15. Шапочкамы закрасылы.
 А попереду кинь турецкий,
 На коныку сынъ отецкий: (2).
 Въ правомъ боци свича горыть,
 А зъ ливого ричка бижыть; (2).
20. Горыть свича восковая,
 Бижыть ричка кровавая, (2).
 А по тій ричци орда скаче,
 А по сынови маты плаче. (2).
 Та не плачъ, маты, не журися,
25. Бо вже твій сынъ оженывся, (2).

дившайся въ XVI и XVII стол. такъ сказать на распутіи между тремя сильными державами - Россіей, Польшею и Турціей... Князь Цертелевъ, а за нимъ и г. Максимовичъ приписываютъ сочиненіе ея Хмельницкому. Но это едва ли справедливо: доказательствъ нѣтъ, а на одно уѣреніе полагаться нельзя... Знаменитый панъ Конисский въ своей Исторіи Руссова (стр. 201) приписываетъ ее Гети. Мазепѣ...; но онъ объ этомъ обстоятельствѣ повѣствуетъ только съ разсказовъ. Трудолюбивый Бантышъ-Каменскій говоритъ, что пѣсня о Чайкѣ сочинена послѣднимъ кошевымъ Запорожскимъ Петромъ Кальнашемъ. Но ссылки тоже нѣтъ. Вирочемъ, сіе указаніе, судя по слогу пѣсни, есть самое «вѣроятное». — Коцюбинскій въ своемъ сборникѣ (Писанія, думки etc. Кіев. 85 г.) дѣлаетъ такое привѣчаніе къ разматриваемой пѣснѣ: «старожилы въ Батуринѣ приписываютъ ее Мазепѣ». Наконецъ, Н. Костомаровъ въ монографіи „Богданъ Хмельницкій“ опять приписываетъ ее Богдану Хмельницкому, хотя и не категорически. „Вѣроятно въ эти грустныя минуты, говорить ошъ, гетманъ поэзъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птенцами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ“ (т. III, стр. 241). — Въ виду такого разногласія изѣнѣй относительно происхожденія рассматриваемой пѣсни, изѣнѣй и бездоказательныхъ, и другъ друга взаимно уничтожающихъ, слѣдуетъ — за отсутствиемъ болѣе точныхъ данныхъ — или согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ Закревского, или признать ее произведеніемъ неизвѣстнаго творца.

- Та взявъ соба паняночку—
 Въ чистомъ полы земляночку (2).
 Безъ дверецъ и безъ виконца.
 Лежыть твій сынъ проты сопца, (2)
 30. Та на кублынку головою,
 Прыкрывъ лычко муравою. (2).

Варіантовъ этой пѣсни обнародовано уже довольно много. Укажемъ извѣстные намъ: Максимовичъ, сборн. 1834 г. стр. 149 № 14; Закревскій, Избран. думы стр. 85 № 121; Чубинскій, V, III стр. 22; Головадцкій, III, I стр. 7 № 5; I, стр. 98; II, стр. 600; Метлинскій, стр. 447; Лисенко, вып. IV, стр. 12 № 4; Рубецъ, Сбор. 100 пѣс. (5 вып. 1 т.) стр. 22 № 11. Одни изъ этихъ варіантовъ начинаются, подобно нашему, словами: „Ой по морю“ (Чубинск.); другіе—словами: *Водоколь пдешъ*¹⁾ (Максимов., Закревскій, Головац. и друг.). Одни изъ нихъ, подобно нашему, сохраняютъ неопределенный характеръ, т. е. представляютъ одну изъ картинъ украинской жизни эпохи Богдана Хмельницкаго или послѣдующей за нимъ (Чубин.); другіе же пріурочиваются къ имени *Михайла* (Максим. Закревск., Головацк. и др.). Въ послѣднемъ случаѣ козакомъ убитымъ является Михайло (ст. 6), все дѣйствие совершается *на Дунаи* (ст. 4) и (въ ст. 10) участвуютъ въ дѣлѣ, кромѣ другихъ, и *татары*. Какой варіантъ лежитъ въ основѣ всѣхъ варіантовъ этой пѣсни—тотъ ли, который представляетъ общую картину козацкой жизни и который затѣмъ былъ пріуроченъ къ частному событию? или обратно: пѣсня про Михайла съ течениемъ времени обратилась въ общую пѣсню? Кого нужно разумѣть здѣсь подъ именемъ Михайла? Имѣеть ли разматриваемая пѣсня какое-либо историческое значеніе? Рѣшить всѣ эти вопросы на основаніи тѣхъ данныхъ, которыхъ у насъ подъ руками, мы не въ состояніи.—Пѣсня (съ напѣвомъ) записана въ Добруджѣ отъ той же старушки.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ Закревскій и Головадцкій слѣдуютъ орфографіи Максимовича, у котораго, ё, и, ё, ё=а (i).

7. У Одеси на базарі. (Семейная-шуточная).

Allegro moderato.

у о де си на ба за ри жин кы му жей
и про да вл лы, А я сво го на лы га ла, тай до возі
пры вя за ля, Тай ста ла я, по ду ма ла.

А чы ёго та продаты,
А чы ёго проминяты?
Чы за волы половіи,
Чы за кони вороніи,
Чы за тіі червоночыкы
Золотіи?

Изъ волыкамы—гоныться,
А зъ коныкамы—водыться,
А зъ червоночыкамы—носыться:
А мій мылый
Чорнобрывый
Мини знадобыться!
Вивъ надре, винъ насie,
Винъ намеле, напетлюе,
Оберниться й поцилуе,
Винъ намеле, напетлюе,
Оберниться й поцилуе,—
Такъ годыться!

Только одинъ варіантъ этой пѣсни (текста) мы нашли у Чубинск. V, II, стр. 529 № 130, при чмъ вмѣсто „у Одеси“ тамъ стоитъ „у Кыеви“. Очевидно Українська пѣсня занесена была на югъ и здѣсь подверглась измѣненію. Мелодія ея ги-

рива и не лишена изящества. Записана пѣсня въ Добруджѣ оть той же старушки.

8. Де бѣ я, де бѣ я.

Moderato.

Ой пиду я у зеленый садъ гулять,—
Слышу й выжу, про мни люди говорять.

5. Полно, полно, зли ворогы, говорить:
Сама знаю, что въ досадѣ треба жыть.
Ночъ приходыть—я слезами пролежу;
День наступыть—я въ досадѣ прохожу.
Полно, полно, зли ворогы, досаждать:

10. Сама знаю, что зѣ досады помирать.
Ой пиду я на ярмарокъ на торжокъ,
Та й куплю а бумажечки листокъ.
Та куплю я листъ бумагу гербову,
Та й спышу я всю досадоньку свою, (2)
15. Та й одышлю у *Россію* у *Москву*.
Ой хто ціи дрибны листы прочыта,
Той усю мою досадоньку узна.

Эта пѣсня—если судить по ея содержанію—принадлежитъ къ числу пѣсенъ позднѣйшей формациі: фабричный (или солдатскій) духъ такъ и вѣеть оть нея. Если же разсматривать ее со стороны языка, то она, несомнѣнно, пѣсня русская; и малороссы, значитъ, недавно переняли ее, если не успѣли вполнѣ переработать ея языкъ. Тоже нужно сказать и относительно мелодіи ея (характерный хроматизмъ вначалѣ II периода—не намъ принадлежитъ: старушка иногда пѣла съ хроматизмомъ и первый тактъ).

I отд.

На основаніі 15-го стиха п'есни можно заключать, что украинскіе жители Добруджи (гдѣ записана эта п'есня отъ упомянутой старухи) переняли ее или отъ живущихъ тамъ русскихъ раскольниковъ, или отъ русскихъ солдатъ въ войну 1877—78 г.г.

9. Гандзю моя, Гандзю. (Гаевка).

Ad libitum.

Moderato.

Allegro.

Moderato.

Allegro.

Ганд зю мо я, Ганд зю, що бе ту шы чко, Повѣдзь ми
прав ды, мо я ду ши чко ши чка: Я ки въ те бѣ та безъ ме не
го сти бу лы, го сти бу лы? И ванъ бувъ зъ Кра ео
ва, ку че ря вый Мар(ы) ко зъ видъ Льво ва, А Мы хай мо
сердце
Прыдыбайло, { зъ Гай во ро на, зъ Гай во ро на.

Гандзю моя, Гандзю,
Щебетушычко!
Повѣдзь ми правды, (2)
Моя душышко: (2)
А що въ тебе та безъ мене
Гости илы? (2)
Иванъ ивъ—свыныу
Кучерявый Мар(ы)ко—куратыну.

А Мыхайло-Прыдыбайло,
 Мое серце сподобало,
 Изо мною, молодою,—
 Рыбу лыныну (2)
 Гандзю мои и т. д.
 А що въ тебе та безъ мене
 Гости пылы? (2)
 Иванъ пывъ—пывыше,
 Кучеравый Марко—горилыше,
 А Мыхайло-Прыдыбайло,
 Мое серце сподобало,
 Изо мною, молодою,
 Медъ-вино пывъ (2).
 — Гандзю моя и т. д.
 А де-жъ въ тебе та безъ мене
 Гости спалы? (2)
 — Иванъ спавъ—на земли,
 Кучеравый Марко—въ соломи,
 А Мыхайло-Прыдыбайло,
 Мое серце сподобало,
 Изо мною, молодою,—
 Въ перыни. (2).
 — Гандзю моя и т. д.
 Якъ видъ тебе та безъ мене
 Гости пишли? (2)
 — Иванъ шовъ граючи,
 Кучеравый Марко—скачучы,
 А Мыхайло-Црыдыбайло,
 Мое серце сподобало,
 А видъ мене, молодои,—
 Плачучы. (2).

Мы нашли только одинъ варіантъ настоящей пѣсни (текста) у Головацкаго (III, II стр. 179), въ числѣ собранныхъ имъ гаевокъ (веснянокъ) жолновск. уѣзда (Ср. также сходную съ ней по идеѣ у Булгаковскаго: Записки Импер. Р. Географ. общ. по отд. этногр. т. XIII, вып. II, Пинчукі. Этногр. сборн., стр. 123 № 24). Можно полагать, что вар. Головацкаго и есть основной вар. этой пѣсни, а нашъ—представляетъ малорусскую

**

передѣлку ея. Мелодія ея оч. оригинальна и не лишена извѣстнаго рода элегантности. И текстъ и мелодія записаны нами отъ упоминавшагося уже Л. С. Мацѣевича, который слыхалъ ее въ 1868 г. въ Киевск. губ., въ селѣ Кашперовкѣ, отъ 80 лѣтнаго старика.

10. Коло млына. (Веснянка).

Allegretto.

Ко ло млы на кры мы ны на За цви ла ка лы на:
за ду ма лавъ са ду спа ты мо ло да див чы на.

Задумала въ саду спаты
Помежъ яблонькамы,
Всю нищенку размовляты
Съ тымы панычамы.

* *

Ой дай мини, моя маты,
Вышту сорочку:
Граютъ хлопци на дудочку
Въ вышневимъ садочку.

* *

Ой дай мини, моя маты,
Ружевую бынду,
Не зачинай, мамцию, двери,
Бо я скоро прыйду.

* *

Чужа дочка невисточка
Сыдѣть на лавонци:
Ой не пускай, маты, дочки:
Дочка любить хлопцивъ.

* *

Ой бодай ты, невисточко,
Зъ лавовъкы не встала,
Шо на мою дытынонъку
Неславонъку склада.

Варіантовъ этой пѣсни мы не встрѣчали. Судя по содер-
жанію и напѣву ея—она принадлежитъ къ числу веснянокъ.
Она любезно была передана намъ г. Т. С. Вышинскимъ, учи-
телемъ пѣнія въ Одессѣ, который записалъ ее въ уманскомъ
уѣздѣ.

11. Ой дежъ ты бывалъ? (Шутливая).

Ad libitum.

Oй дежъ ты бы валь, па не то ва ри шу? Oй дежъ ты бы-

валь па не то ва ри шу?

серде Ма-ри сю.

Allegro.

Въ Варшави на спави, серде Ма-ри сю.

- А що ты тамъ робывъ, пане товарышу? (2).
 -- Пывъ, гулявъ, въ карты гравъ, серце Марысю. (2).
 — Можетъ тебе тамъ были, пане товарышу? (2).
 — Охъ были, охъ были, серце Марысю! (2)
 — А чымъ же тебе были, пане товарышу? (2)
 — Кулакамы пидъ бокамы, серце Марысю! (2)
 — А можетъ ты боленъ, пане товарышу?
 — Ой боленъ, ой боленъ, серце Марысю!

- А може ты помрешъ, пане товарышу?
- Ой помру, ой помру, серце Марыю!
- Якъ по тоби дзвоныть, пане товарышу?
- Дзинь-дзинь дзинь! бомъ-бомъ-бомъ! серце Марыю.
- Якъ по тоби плакать, пане товарышу?
- Ой-ой-ой! охъ-охъ-охъ! серце Марыю!
- А дежъ тебе поховать, пане товарышу?
- У костели подъ престоломъ, серце Марыю.
- Якъ же тебе помынатъ, пане товарышу?
- Стаканамы, бутылкамы, серце Марыю?

Варіанты этой пѣсни (текста) помѣщены у Шейна (Матеріалы для изуч. быт. и яз. р. н. СЗ. кр. т. I, ч. I № 628. См. въ Сборн. русск. яз. и слов. Импер. ак. н. т. 41) и Головацкаго (т. I, стр. 83 № 39 и т. III, I стр. 491 № 23). Полагаемъ, что относительнымъ прототипомъ указанного вар. послужилъ варіантъ Шейна, записанный въ Изабелинской волости Гродненской губ. Нашъ вар. представляетъ пѣсню въ бѣглой малорусской передачѣ, съ удержаніемъ многихъ бѣлорусскихъ выражений и оборотовъ. И текстъ и мелодія пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ псаломщика Т. Мелодію ея мы часто встрѣчали въ солдатскихъ пѣсняхъ; но такъ какъ въ тоже время намъ удалось слышать эту пѣсню съ подобнымъ же напѣвомъ отъ бѣлорусса, то полагаемъ, что приведенная здѣсь нами мелодія составляетъ оригинальный напѣвъ пѣсни.

В. Выстровъ.

ПАМЯТИ ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО.

(1717—1795).

Въ столѣтнью годовщину смерти Георгія Конисскаго (13-го февраля настоящаго года) мы считаемъ наиболѣе умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о нравственномъ складѣ его понятій, насколько они выражились въ литературныхъ произведеніяхъ его.

Въ тотъ самый годъ, когда поступилъ онъ въ киевскую академію (1728), появилась въ ней драма подъ заглавиемъ: „Милость Божія, Україну чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“. Въ драмѣ этой Хмельницкій говоритъ длинную рѣчъ, въ которой изображаетъ идеальные черты козака. По его мнѣнію, козакъ долженъ искать не богатства, а славы, долженъ вести жизнь умѣренную и простую, долженъ любить свою же младшую братію, не отвимая у нея хуторовъ, млиновъ, лѣсовъ и т. п. Безъ сомнѣнія, автору драмы были очень хорошо из-

Епифаний

вѣсты всѣ эти уклоненія отъ идеала, и онъ хотѣлъ бы удалить ихъ изъ дѣйствительной жизни авторитетнымъ именемъ Богдана Хмельницкаго.

Но время брало свое...

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе старшина козацкая „выдирала“ земли у посполитыхъ и козаковъ, добиваясь всѣми правдами или, лучше сказать, неправдами закреѣщенія, какъ посполитаго люда, такъ и низшихъ слоевъ козачества. Сидя на своихъ „урядахъ“, т. е. занимая извѣстныя должности, она имѣла въ своихъ рукахъ всѣ средства производить на эти слои рѣшительное давленіе, которое часто доводило болѣе бѣдныхъ козаковъ до того, что они отказывались отъ всѣхъ козацкихъ правъ, предпочитая имъ положеніе подданныхъ. Съ другой стороны, еще со временъ Петра Великаго все козацкое сословіе обременено было многими тягостями: козаковъ отправ-

ляли тысячами на канальскія работы, употребляли ихъ для постройки крѣпостей, для проведенія линій, при чемъ они должны были своимъ портдкомъ нести военную службу, участвовать въ военныхъ походахъ, которые не всегда имѣли прямое отношеніе къ непосредственнымъ нуждамъ страны. Не удивительно, что въ средѣ самихъ козаковъ явилось охлажденіе къ военной службѣ; бывали даже случаи уклоненія отъ нея посредствомъ продажи грунтовъ и приписки въ подданство къ „державцамъ“. Все это указывало на близость того момента, который неизбѣжно долженъ былъ наступить, т. е. полного закрѣпощенія посполитыхъ при Екатеринѣ Второй (1783 г.). Такъ мало по малу перестраивалась жизнь малорусского народа на новый ладъ. Старые идеалы ея, которые связаны были съ именемъ козака, борца за народную свободу, утрачивали свою притягательную силу, становились просто пепонятными для новыхъ поколѣній, и это ощущительнымъ образомъ обнаружилось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей къ концу первой половины XVIII в. Такъ, въ интерлюдіяхъ, приписываемыхъ Конисскому, вовсе нѣть запорожского козака, играющаго важную роль въ Вертерной драмѣ,—нѣть даже вообще козака, занимающаго не послѣднюю роль въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго. Ни Конисскій, ни литературные современники его не указываютъ на нравственные требования козацкаго долга, который въ сознаніи козацкой старшины казался уже чѣмъ-то устарѣлымъ и простонароднымъ.

Тѣмъ не менѣе, малорусскіе писатели не отказывались, стоя на почвѣ религіознаго міровоззрѣнія, затрагивать щекотливые вопросы современной имъ жизни. Это мы и видимъ въ драмѣ Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“, написанной имъ, когда онъ въ санѣ іеромонаха былъ уже преподавателемъ пітики въ кievской академіи (1745—1747 г.)¹⁾.

¹⁾ Драма напечатана въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова кн. VI по рукописи Императ. публичной библіотеки № XIV О. 2.—Время появленія пьесы здѣсь обозначено 1747-мъ годомъ,—въ рукописи же Киевской Духовной Академіи № 3, 58 пьеса помѣчена 1746-мъ годомъ.

Дидактическая основа драмы заключается въ мыслѣ о вѣчности или, точнѣе говоря, о вѣчномъ воздалїї въ будущей жизни, но эта мысль развивается въ примѣненіи къ малорусской дѣйствительности. Это любимая тема Георгія Конисскаго. Къ ней нерѣдко обращается онъ и въ лирическихъ произведеніяхъ своихъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, написанномъ тоже въ молодые годы его жизни, онъ говоритъ:

„Пойда на поле, что можешь узрѣти:
всѣ смина суть землю покрыты
влажной и теплой, ради перемѣни
лежать разливни.

Смотри жь весною, когда солнце блеснетъ,
все тое, аки отъ гроба, воскреснетъ,
стебль, листъ, цвѣтъ и духъ ляются повсюду
невѣсть откуду.

А какъ будуща вѣна весна становится,
все наше племя отъ гроба возстанетъ
невѣстъ откуду, и въ плоть превратится,
и духъ вселится.

И единъ убо вознесется въ славу,
другій на многихъ восприметь державу,
инымъ хочь меньша да неисказана
часть будетъ данна.

Будеть и Лазарь, лежалій въ гною,
лежать на ложи вѣчного покоя,
обступать его ангели поюща,
ве лси гриауща.

Являтся жь тогда и грѣшница скверна,
смрадни, безлички, какъ головня черне,
являтся токмо и тотъ часъ исчезнутъ
въ адово бездну¹⁾.

Въ этомъ стихотвореніи обрисованъ, можно сказать, весь планъ драмы Конисскаго, въ которой встрѣчаются тѣ же поэтические символы вѣчности, какъ и въ стихотвореніи. Начинается она размышеніемъ земледѣльца, который выходитъ на свое поле осматривать всходы.

„Слава Богу“, говорить онъ, „не дармо весну працювали,
И долини и горбы пашнѣ поровняли,
Не умерло, знать, въ земли зерно анѣжало,
Ба умерло все, да всежъ и пооживало“.

¹⁾ Рукопись Кіевской Духовной Академія № J. Ш. 83. 3.

Возвращаясь домой, онъ вспоминаетъ слова священника, сказанныя въ церкви, что

и тѣло наше хочай гноемъ станетъ.
но по смерти, яль зерно, на страшній судъ встанетъ“.

Онъ только затрудняется понять,

„где бъ тое тѣло
взялося, которое на порохъ истлѣло“.

Встрѣчаетъ онъ на дорогѣ священника и высказываетъ ему свое сомнѣніе. Священникъ поучаетъ его о праведномъ возданіи Божиемъ въ будущей жизни добрымъ и злымъ людямъ. Дѣйствіе заканчивается кантомъ, въ которомъ выражается увѣренность, что настанетъ часъ,

„когда всяко отъ насъ
всеприметъ награду
мудри чи отраду“.

Во второмъ дѣйствіи выступаетъ на сцену нѣкій Гипоменъ, ограбленный Діоктитомъ. Жалуясь въ судъ на Діоктита, Гипоменъ не нашелъ тамъ правды. Въ очаяніи отъ преслѣдованій Діоктика онъ не знаетъ, гдѣ ему „подѣтись“. Діоктитъ приказываетъ слугамъ своимъ бросить Гипомена въ темницу.

„Гвалть, панове“, кричитъ несчастный Гипоменъ, „люде,
виноватъ ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде!“

На это Діоктитъ ему отвѣчаетъ,

ЧТО „на судѣ и самъ онъ засѣдаєтъ“.

ЧТО „будетъ онъ отъ должности отрѣшеній.“

Да будуть судить его единомысліи.

А буди бы сталъ на мене апелевать вишне,

И въ вишнемъ судѣ маю патроновъ измѣнишe.

Нехай только кто схощеть правду защищати,

А сей мой Юда малой (при этомъ Діоктитъ „капшукомъ трусятъ“)
можетъ показати:

Оскілько очи дарми, руци плѣно мздово“.

Не желая однако жъ „съ харпакомъ“ судиться, Діоктитъ рѣшается избрать простѣйшій путь для уничтоженія своего безсильнаго противника.

„Лучше“, говоритъ онъ, „прибю его въ смерть,
а тое самое

За голову заплачу а хочай и вдвое“.

Въ третьемъ дѣйствіи „Терпѣніе“ просить Бога Гипомену „отъ бѣдъ освобожденія“, Діоктиту-же „отищенія“, а „Отрада“

объщаетъ, что то и другое наступить для нихъ въ будущей жизни. Тамъ, говоритъ она, Богъ

„За лѣсокъ воздастъ прекрасній рай и ѿлій,
За міною превисиреня круги со свѣтили,
За пляцікъ узкій, за домокъ убогій
Отведеть въ небеснія жилища чертога“.

Въ четвертомъ дѣйствіи избитый и измученный Гипоменъ умираетъ. Хоронятъ его нищіе и, въ благодарность за его щедролюбіе, когда онъ былъ въ счастіи и въ довольствѣ, „высыпаютъ“ надъ нимъ „большую могилу“. Между тѣмъ, и дни Діоктика уже сочтены. Заболѣлъ онъ отъ пьянства, при чемъ ему кажется, что онъ

„не лишнее выпилъ, по гавсту въ вачалѣ
водки сердечной з другомъ испили, а далѣй
вина може съ полу ведра, наконецъ сливянки
росхожой не болѣе было какъ по чтири скланки
да се же не первина пить и поболѣе пивалось,
теперь мнѣ не вѣдоу что такое сталоось:
дайте инѣ толко водки и мякое ложе,
какъ виню, а ось (sic) мнѣ поможе“.

Не помогла водка и мягкое ложе. Умеръ Діоктиль въ страшныхъ мукахъ.

Въ пятомъ дѣйствіи оба противника, подобно Лазарямъ—богатому и убогому, о которыхъ поетъ пародная пѣсня, встречаются на томъ свѣтѣ. Горько жалуется Діоктиль на свою печальную участъ:

„Попливутъ лѣта, аки краткіе години,
а грѣшникамъ не будетъ въ мукахъ перемѣни.
Протекутъ тисяцами и тмами темъ вѣки,
а грѣшніи пребудуть въ адѣ человѣки.
Не станеть числа далѣй, забудемъ начатку,
а и тогда не дождемъ мученій остатку“.

Въ прологѣ къ своей драмѣ авторъ говоритъ:

„Конѣковъ свойственна должностъ сицевал,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя“.

И дѣйствительно, въ драмѣ Конисскаго мы узнаемъ нравы того времени, когда на всемъ пространствѣ Малороссіи выступили низменныя рабовладѣльческія страсти, не сдерживаемыя судомъ общественнаго мнѣнія, подорванного многими годами политическихъ тревогъ и всякаго рода случайностей. Конечно,

съ современной точки зрењія можно было бы многаго пожелать отъ драматического произведения, которое „нравы представляеть“, но мы не должны забывать, что это была духовная драма псевдоклассического строя, предназначенная для представлениј въ стѣнахъ школы, которая, впрочемъ, какъ оказывается, вовсе не чуждалась жизни. Говоримъ это въ виду ходячихъ и, сказать правду, одностороннихъ и не продуманныхъ мнѣній о томъ, что въ стариной нашей школѣ господствовала непроглядная тьма схоластики, мѣшавшая ей видѣть то, что происходило въ жизни...

Тѣ же реальная картины жизни мы видимъ и въ поученіяхъ Конисского, написанныхъ тридцать лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже архіепископомъ Могилевскимъ. По обыкновенію, онъ связываетъ эти картины съ идею воскресенія нашего въ будущей жизни. Такъ, въ одномъ изъ поученій въ день Воскресенія Христова (1787 г.) онъ говоритъ: „воскресеніе Христово есть воскресеніе наше... о чёмъ, хотя я уже не однажды говорилъ въ радостнѣйшій праздникъ сей, однако и теперь хлѣбъ сей вамъ предложу¹⁾“. Пересматривая сборникъ поученій Конисского, писанныхъ его собственою рукою, мы нашли, что не въ одинъ „радостнѣйшій праздникъ“ Воскресенія Христова онъ является предъ слушателями своими съ хлѣбомъ этимъ „не скучливымъ на всякий день ядущему“. Такъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ день Нового года (1788 г.), онъ снова возвращается къ развитію мысли о вѣчности, „числа лѣтъ не имѣющей“. Это одно изъ прекрасныхъ поученій, въ которомъ высказаны тѣ самыя мысли, что и въ драмѣ „Воскресеніе Христово“. „Къ вѣчности, говорить проповѣдникъ, я рожденъ есмь. Какъ-же стану имѣніе собирать, domы огромные безъ потребы созидать, владѣнія распространять, не имѣя въ томъ нужды убѣдительной, особливо, если тіе domы созидаю на развалинахъ нищихъ и сиротъ, если владѣнія мои тягость неудобосносная и разореніе подданнымъ моимъ: принуждаю ихъ мякинами давитися, дабы самъ, продавши хлѣбъ ихъ, пресыщался и уничтожался въ шумныхъ на всякий день компаніяхъ; пять сотъ умене собакъ гончихъ, да пять сотъ же и крестьянъ моихъ отъ

¹⁾ Рукопись Киевской духовной академіи № J, I, 31.

глада померло. И се ли пріуготовленіе мое къ вѣчности?... Не помышляю о томъ, что въ вѣчности мнѣ будеть дѣло не съ собаками, но съ подданными моими, что они будутъ мнѣ и судіи и мстители". Въ томъ-же поученіи Конисскій изобличаетъ тѣхъ людей, которые говорять: „я другого корени есмь отъ простолюдиновъ", —которые, „сдѣлавшись судьями, защитниками обижденныхъ, пособляютъ обидчикамъ ихъ,— сдѣлавшись воровъ и мошенниковъ истребителями, одно влагалище, одинъ мѣшечъ имѣютъ съ ними".

Таковъ былъ нравственный образъ одного изъ лучшихъ представителей стариннаго образованія нашего. Какъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, такъ и подъ конецъ ея, онъ остался вѣренъ самому себѣ, вооружаясь противъ неправды и насилия, защищая обижденныхъ и угнетенныхъ. Не задолго до своей смерти, оглядываясь на свою прошлую жизнь, онъ самъ для себя составилъ надгробную эпитафию, въ которой съ грустною ироніею, свойственной душевному складу украинца, говоритъ о себѣ такъ:

Градъ Нѣжинъ—колыбель, градъ Кіевъ— мой учитель,
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святителемъ.
Георгій имя миѳ, я изъ Конисскихъ дому
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому:
Сел-то падали закрыть здѣсь грѣшны кости,
Седынь сотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый".

П. Житецкій.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ.

Два неизданных письма Т. Г. Шевченка.

(Съ сохранениемъ правописанія подавшника и съ примѣчаніями М. К. Чалаго).

I.

Къ И. М. Сошенку.

Посылаю тоби мій искренний друже де що моєї никчемної работы. А любій панночи Ганнуси ¹⁾ замись мазурокъ Шопена наши писни. Нехай грає та веселює, та нерадыць съ панною валентиною, вона і доброму не научить ²⁾.

Напиши миши свій адресъ, и напиши якъ зовуть пани и пана Красковскихъ ³⁾ и якъ зовутъ Чалого и Чалыху. Андріевскому ⁴⁾ самъ запесы рисунокъ и гарненько поклоньсь йому одь мене.

Незабувай искренняго твого друга Т. Шевченка.

Адресъ. Въ С.-Петербургъ въ большой морской въ домъ графа Уварова Его Высокоблагородію Михайлу Матвієвичу Лазаревскому.

¹⁾ Ганнуса—младшая племянница Сошенка, съ которой Т. Г.—чъ познакомился въ Кіевѣ въ августѣ 1859 г.

²⁾ „Валентиной“ названа знакомая Сошенкамъ дѣвица Леонтина, которую поэтъ случайно засталъ у панъ и много съ нею шутіль, говоря все время по польски. Панская рѣчъ въ устахъ паніи Шевченка польшъ не понравилась: „pan Szewczenko nie zle mówi popolsku, ale w jego mowie zawsze jest coś chłopskiego“—выразилась она о немъ. Т. Г.—чъ составилъ о ней мнѣніе, какъ о вѣгриной и пусть дѣвцѣ.

³⁾ Іванъ Давиловичъ Юскевичъ-Красковскій—учитель 1-й кіевск. гімн. На каляунѣ выѣзда III—ка изъ Кіева въ 1859 г. г-жа Красковская весь вечеръ усмѣждала слухъ его пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ.

⁴⁾ Маркъ Александровичъ Андріевскій—чиновникъ канцеляріи генераля губернатора. По ходатайству его поэтъ былъ оправданъ отъ гнуснаго доноса черкасскаго исправника Табачникова.

II.

Къ М. К. Чалому 1).

2 декабря (1860)

Во имя Госиода вибачайте миши за те що я вамъ пишу теперъ коротенько ей богу николе. Передайте индъ росписку Книгареви 100 экз. Кобзари некай винъ продає його по 1—50 коші съ вичатомъ 20 процентовъ за комисію—и некай заплатить за транспортъ. Ни-зенько кланяюсь вашій жинци, а купно и вамъ. Якъ зайде до васъ братъ варфоломей то привитайте и порадьте що йому зробить съ Присею и Ганнусею ²⁾.

До мене що день приходыть Орловскій ³⁾, здаєця зъ його будуть люди. Бувайте здорови некай вамъ богъ помога на все добре. Щирій вашъ Т. Шевченко.

Чомъ ота сука соха не обизвиця до мене ⁴⁾?

Письмо Т. Г. Шевченка. Въ бумагахъ покойнаго одесскаго книго-продавца-издателя Василія Ивановича Бѣлаго встрѣтилось намъ письмо Т. Г. Шевченка, которое В. И. предполагалъ, вѣроятно, напечатать въ

¹⁾ Изъ пяти писемъ, полученныхъ мною въ 1859—61 годахъ отъ покойнаго Т. Г.—ча, четыре помѣщены къ юньской книжѣ „Основы“ за 1862 годъ, пятое винѣ помѣщаемое въ „Старинѣ“ оставалось по сіе время непечатаннымъ.

²⁾ Дочери В. Г. Шевченка воспитывались сперва въ частномъ пансіонѣ Г—жи Саарь; а затѣмъ младшая Ганнуса цѣлый годъ училась у жены И. М. Сошенка.

³⁾ Упоминаемый здѣсь Орловскій—нашъ кіевскій художникъ—воссоздатель красоты украинской природы В. Д. Орловскій, бывшій ученикъ 2-ї кіевской гімназіи. При отправлениі его въ академію я снабдилъ его письмомъ ко Т. Г.—чу. 16 октября 1860 года писалъ я ему: „Рекомендую вамъ, уважаемый Т. Г.—чъ, будущаго дѣятеля на поприщѣ русскаго искусства. Желаю посвятить всего себя исключительно однай живописи, Орловскій, оставилъ гімназическую нашу премудрость, начѣртъ поступилъ въ Академію Художествъ. Судя по его работамъ за послѣдніе два года, подъ руководствомъ вашего общаго друга И. М. Сошенка, и по той страсти, съ какою онъ предавался любимымъ занятіямъ, можно надѣяться, что изъ него современемъ выйдетъ замѣчательный художникъ. Соха присоединяетъ и свою просьбу къ моей.“

Примите же, дорогой землякъ, этого симпатичнаго юношу подъ свое покровительство, укажите ему дорогу, по которой онъ долженъ идти... и проч.

⁴⁾ Тутъ дѣло идетъ о Сошенкѣ. Въ другомъ письмѣ отъ 4 Января 1861 года, Т. Г.—чъ увѣдомляетъ меня, что „старе ледающа таки спромоглося на аркушъ паперу та вже такъ його змережавъ що й курци нема де клюнуть. Та такъ по письменному, що я насылу второпавъ.“

задуманномъ имъ малорусскомъ сборникѣ; по крайней мѣрѣ, письмо это найдено нами въ числѣ прочихъ материаловъ, собранныхъ для этого сборника. Писано оно на листѣ почтовой бумаги большого формата; подпись изображаетъ инициалы имени и фамилии поэта, но кому именно адресовано, когда и откуда писано—изъ письма не видно. Въ бумагахъ некоинаго В. И. Бѣлаго сохранилась только маленькая замѣтка карандашемъ, что письмо это писано къ другу поэта, Федору Матвѣевичу Лазаревскому. Это отчасти подтверждается и самимъ содержаниемъ письма, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ близкихъ адресату «Васыля и Михайла»—по всей вѣroятности, братьевъ его Василія и Михаила Матвѣевичей Лазаревскихъ, упоминаетъ объ Оренбургѣ, гдѣ именно служилъ Ф. М. Лазаревскій, занимая во время ссылки Шевченка довольно видный постъ, и объ оренбургскихъ знакомыхъ и пріятеляхъ: Залецкомъ—вѣроятно Брониславъ Залѣскому, съ которымъ познакомился и сдружился Т. Г. во время ссылки, и Поспѣловѣ—прапорщикѣ корпуса флотскихъ штурмановъ, участникѣ Аральской экспедиціи подъ начальствомъ лейтенанта Бутакова («Кiev. Ст.» 1893 г. кн. 2 ст. 246), передаетъ поклонъ К. И. Г.—по всей вѣроятности, генералу Карлу Ивановичу Герну, у котораго Т. Г. жилъ въ Оренбургѣ на слободкѣ по возвращеніи съ Аральской экспедиціи. (Чалый—Жизнь Шевченка, ст. 74 и 80), и Костромитинову—также оренбургскому пріятелю. Кто именно упоминаемый въ письмѣ «Старый Татарынъ», съ которымъ въ Малороссіи случилось непріятное приключение,—догадаться не можемъ.

Содержаніе письма отчасти указываетъ и на то, когда и откуда писано письмо. Несомнѣнно, что оно писано послѣ 1-й Аральской экспедиціи, въ которой участвовалъ Т. Г., т. е. послѣ 1849 года, такъ какъ поэтъ вспоминаетъ объ Аральскомъ морѣ, какъ объ извѣстномъ ему (ногане А. море), а изъ біографіи Шевченка (Чалый, ст. 75) извѣстно, что по возвращеніи Шевченка изъ экспедиціи въ Оренбургѣ, онъ вскорѣ сосланъ былъ въ Новопетровское укрѣпленіе, такъ что, по всей вѣроятности, письмо это послано изъ Новопетровска, тѣмъ болѣе, что Т. Г. рекомендуетъ въ письмѣ подателя сотника Ханирова, служившаго именно въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Установивъ такимъ образомъ, хотя приблизительно, время и мѣсто, когда и откуда было послано это письмо, полагаемъ, что оно не лишено нѣкотораго значенія для біографіи незабвенного Кобзаря, ибо, не смотря на нѣсколько шутливый тонъ, свойственный поэту даже въ такое злополучное время, какъ во время ареста (Чалый ст. 63 п

65), письмо это содержитъ однажды указаніе на то, что поэтъ нашъ во время пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи очень нуждался (обнищахъ до зіла) и жаловался на свою тяжкую жизнь (якъ бы и сказавъ, что мини тутъ добраe, то тяжко збреваe бы). Приводимъ это письмо съ сохраненіемъ въ точности орфографіи подлинника.

Г. Одесса.

М. Комаровъ.

„Что ефго значитъ, что я сегодня
и не винница? а тебя ждала! ждала! Варила
шоколадъ на цельномъ молокѣ, а ты не
пришелъ!“

Изъ частнаго письма.

Это значитъ (спричъ эпиграфъ сей) что я прошедшаго года ждалъ отъ васъ, не то чтобы письма по крайней мѣрѣ доброго слова, и вельми ошибся. Спрашиваю L и Z не видали ли такого и такого? нѣтъ говорятъ, а я было уже и руку протянулъ за письмомъ. Не только не видали и не слыхали! Шо за недобра мати думаю? Чи не вмеръ винъ тамъ думаю. Такъ же ни, бо въ осени вторикъ питаюся у Костромитенова, де кажу такій и такій? Чи не вмеръ кажу часомъ. Та ни! живисинъкій и здоровисинъкій. Такъ думаю певно розсердывся, а сердца здаеця нема за що? Та напиши до мене хочъ слово. А тымъ часомъ привитай оцего доброго и благородного сотника Хайрова. Мы знимъ укуни жили два года и не разу не лаялись, а це я думаю притча во язычихъ. Та ще скажи менн чи не бачивъ ты Посиѣлова. Якъ винъ вернулся изъ Раима, и кто такій попхавъ съ пароходами на те погане А. море. Та ще скажи будь ласковъ Залецкому, якъ верница винъ въ Оренбургъ что все посланное имъ мнѣ, получено съ благодарностью, та якъ побачишъ Костромитенова то поклонись ему гарненько. И старому тому Татаринови шо въ Малороссіи якась найничка вихтемъ його умыла, за те шо винъ іі хотив тее... помацать. Та ще отъ що. Якъ будешъ писать до Васыля и Михайла то кланяйся имъ, и спитай у Михайла чи пославъ винъ те шо я просивъ до Лизогуба въ Ч. губернію бо я й доси ничогисинъко не знаю, а обнищахъ до зіла. Про себѣ якбы я сказавъ шо мини тутъ добраe, то тяжко збреваe бы. Нехай тоби оцей добрый чоловикъ про мене расскаже; винъ мене добре знае. Кланяйся доброму К. И. Г. и всамъ кто мене тамъ знае, оставайся здоровъ. Нехай тоби Богъ помогае на все добраe. Не забудь написать до Михайла.—Ампнъ.

2 августа.

III.

Къ біографії Т. Г. Шевченка. Въ 1886 г., въ Одесѣ, при посредствѣ одесскаго старожила и литератора Николая Григор. Троицкаго, познакомился я съ Петромъ Алексѣевичемъ Поповымъ. П. А. Поповъ кончилъ лицей въ 1830 г. (5 вып.). По выходѣ изъ лицѣя Поповъ былъ секретаремъ сперва въ одесскомъ церзурномъ комитетѣ, а потомъ въ одесскомъ строительномъ комитетѣ. Вышедши въ отставку, жилъ себѣ на югѣ—то въ Одесѣ, то въ Кинешевѣ, то въ Аккерманѣ. Живѣли доселѣ—не знаю; но въ Одесѣ его теперь неѣтъ. Бесѣдуя съ П. А. Поповымъ, я узналъ, что онъ знакомъ былъ съ Т. Г. Шевченкомъ, и попросилъ его разсказать, какъ произошло это знакомство. П. А. Поповъ съ удовольствиемъ согласился. По окончаніи нашей бесѣды и свиданія, я послѣдній записать, что у меня осталось въ памяти изъ рассказа Попова о Шевченкѣ—и эту тогдашнюю мою запись считаю не лишнимъ теперь сообщить; авось она пригодится для *біографії Шевченка*.

Познакомился я съ Т. Г. Шевченкомъ въ Москвѣ, въ августѣ 1860 г. у Пурлевскаго. Пурлевскій былъ агентомъ Платона Семеренка—по сахарному заводу, а Шевченко, какъ известно, имѣлъ связи съ Семеренкомъ. Понятно, почему въ Москвѣ Шевченко знакомъ былъ съ Пурлевскимъ и часто ходилъ къ нему.

Я тоже близко знакомъ былъ съ Пурлевскимъ еще изъ Одессы—рассказывалъ П. А. Поповъ—и, будучи въ Москвѣ, частенько навѣщалъ его. Вотъ однажды Пурлевскій и говоритъ мнѣ: приходите завтра обѣдать,—у меня будетъ Шевченко. Я, конечно, былъ радъ этому. Прихожу. Застаю Шевченка. Онъ одѣтъ былъ во что-то въ родѣ пиджака. Мы обѣдали. Въ разговорѣ я между прочимъ сказалъ Шевченку, что едва-ли правдоподобенъ фактъ въ его повѣсти «Катерина»,—что будто отецъ и мать прогнали Катерину. Но Шевченко утверждалъ: это—такъ; это—такой былъ случай.—Показывалъ Пурлевскій мнѣ данный ему Шевченкомъ рисунокъ изъ его подневольной жизни: стоять Шевченко съ связанными вверху руками, раздѣтый по животъ, а—сзади солдаты бьютъ его розгами съ обѣихъ сторонъ. Подпись: *оттакъ мы, оттакъ нась!*¹⁾.

Говорилъ Шевченко, что выраженіе въ концѣ поэмы его *Кавказъ*: *Мій Якове любый!*! относится къ Якову Яковлевичу²⁾ де Баль-

¹⁾ Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ правдивости этого извѣстія, такъ-какъ по всѣмъ даннымъ можно смѣло утверждать, что Шевченко никогда наказывалъ тѣлесно не былъ. Интересно было бы установить, былъ-ли вообще подобный рисунокъ писанъ Шевченкомъ. Ред.

²⁾ Вѣриѣ—Петровичи.

мену. Это былъ молодой человѣкъ, сынъ эмигранта, вышедшаго еще при Александрѣ I. У нихъ было имѣніе въ полтавской губерніи близъ Сенжаря. Въ этомъ семействѣ бывалъ Шевченко. Они его очень любили. «И я горячо любилъ это семейство,—говорилъ Шевченко;—а они считали раемъ, что я у нихъ бываю; живи съ нами постоянно, неразлучно—говорили они. Такъ этотъ молодой человѣкъ де-Вальменъ погибъ на Кавказѣ во время известнаго Воронцовскаго похода на дарю въ 1845 г. Шевченко горько оплакивалъ гибель своего молодого друга»....

Больше ничего нѣть въ моей записи изъ разсказа П. А. Попова о Шевченкѣ. Объ одномъ жалѣю,—что я всего одинъ разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ П. А. Поповымъ и поэтому не могъ пополнить и провѣрить записанныхъ мною его воспоминаній о Шевченкѣ дальнѣйшими разспросами...

Сообщ. Левъ Мацѣевичъ.

ПІСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Много лѣтъ назадъ Т. Гр. Шевченко продиктовалъ мнѣ стихотвореніе, заставилъ выучить его наизусть и научалъ, какъ его декламировать. Не помню, называлъ ли онъ автора стихотворенія, но, кажется, нѣть; одно помню, что своимъ онъ его не называлъ, да и языкъ, слогъ, стихъ, самая манера, которой написано стихотвореніе, конечно, не его. Однако, чье же оно? Какъ я ни старался узнать это, какъ ни разыскивалъ, было ли оно напечатано, не достигъ никакихъ результатовъ. Можетъ быть, Вы сочли бы полезнымъ его напечатать и тѣмъ вызвать указанія со стороны лицъ болѣе чѣмъ я, свѣдущихъ въ малорусской литературѣ. Стихотвореніе по содержанію заимствовано изъ цикла разсказовъ о юномъ и Яремѣ, о которомъ была специальная статья проф. Аристова.

Хома та Ерема.

Хома зъ Еремою йдучи
Найшовъ часы;
У руки ихъ тыхевъко взявъ
И промовлявъ:
И що воно за штука,
Що стукає та й стука?
Дывися, папе-бра,
Отде хиба мара?
Та й цокас жъ та й цока,
Цобый ёго морока:
На що воно здалось
И вадкила взалось?

Кому воно въ пригоди?
Кумедія тай годи!
Визьму тай розибю
Врагову маню.

Хомо, Хомо, дурний еси!
Не бый, а лучше продасы,
Бо то часы.
Це тво, щобъ ты, брате, знаявъ,
Що, якъ живить и пивень намъ,
Росказує панамъ,
Колы пора трапезовать,
Колы лягать,
Колы вставать,
Або колы гулять.
Поповичъ нашъ, учений страхъ!
Росказувавъ, що въ сихъ часахъ,
Якъ у мынахъ,
Або ще й бильше е колись—
Не знаю вже, який иль бисъ
Туды записъ!
Часы си срибны, такъ за выхъ
И грошики узять не грихъ
Зъ панивъ дурныхъ
Ходимъ же, братику Хомо,
Отци дзыгари продамо,
А гроши пропъемо!

Ал. Маркевичъ.

Для чего и въ какой обстановкѣ пріезжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году. Въ лѣтописи Самовидца записано: «Свѣтл. кн. Александръ Меншиковъ въ 1719 г. былъ на Украинѣ и въ слободахъ, со всімъ домомъ своимъ, до которого первѣе въ Шептаки за Десну, замою, а потомъ въ Гадячъ, по Воскресеніи Господнемъ, ъздилъ гетманъ Скоропадскій»... Въ другой лѣтописи значится подъ тѣмъ годомъ: «Кн. Ал. Меншиковъ былъ на Украинѣ въ постѣ великій, которого гетм. Скоропадскій съ старшиною встрѣчалъ въ Шептакахъ и тамъ пріїмовалъ соленитеръ; онъ же Меншиковъ юстиль въ Гадячемъ и на мнозе его вымысловъ требованія отвѣтствовалъ гетманъ письменно»... (Сборн. Лѣтоп., изд. Кіевск. Арх. Ком., стр. 54). Бант.-Каменскій (III, 134), указывая тотъ же 1719-й годъ, говорить: «Страстъ къ обогащенію привлекла кн. Меншикова въ Малороссію. Для совѣщаній съ нимъ о драгунскихъ полкахъ, расположенныхъ около Стародуба, Скоропадскій ъздилъ въ Шептаки и въ

Гадячъ». Эти отрывочные свѣдѣнія говорятъ, что Меншиковъ пріѣжалъ въ Малороссію и прожилъ тутъ съ конца 1719 г. до полов. 1720 г., а м. б. и дольше; пріѣжалъ онъ въ Малороссію, судя по этимъ замѣткамъ, будто бы для разговоровъ о расквартированіи драгунскихъ полковъ, хотя Б.-Каменскій вскользь и называетъ главный мотивъ пріѣзда.—Свѣдѣнія эти требуютъ поясненія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что Меншиковъ пріѣхалъ въ Малороссію въ к. 1719 г., потому что весною слѣдующаго года должно было быть начато, согласно царскому указу, «обмежеваніе» отданной Скоропадскимъ Меншикову Почепской волости—дильскомъ Лосевымъ. При этомъ Меншиковъ имѣлъ въ виду, при помощи своихъ прислужниковъ, въ родѣ Гудовича, примежевать къ Почепской волости—сотни Мглинскую и Бакланскую и часть Стародубской... (Опис. Стар. Малор., I, 279). Для исполненія этого намѣренія нужно было на Скоропадскаго оказать извѣстное давленіе, чтобы предупредить мѣстные протесты. Вотъ съ этой то цѣлью и пріѣхалъ въ к. 1719 г. въ Малороссію Меншиковъ, со всѣмъ домомъ своимъ; пріѣхалъ онъ сначала въ Шептаки (около Н. Сѣверска), гдѣ былъ встрѣченъ «солленхтеръ» гетманомъ; за симъ отправился въ Нѣжинъ, гдѣ прожилъ до фоминой недѣли 1720 г., когда отправился въ Гадячъ для того, (какъ можно догадываться) чтобы отвлечь сюда гетмана съ старшиной на то время, когда Лосевъ будетъ «обмежевывать» Почепщину.... А въ какой обстановкѣ пріѣхалъ по этому случаю въ Малороссію Меншиковъ, объ этомъ говорятъ слѣдующія свѣдѣнія.

Когда Меншиковъ собрался переѣзжать изъ Нѣжина въ Гадячъ, то объ этомъ былъ извѣщенъ «господарь Гадяцкого замку», которымъ тогда былъ Михайло Турковскій (впослѣдствіи генер. писарь), для приготовленій. Въ чемъ заключались между прочимъ эти приготовленія, показываетъ слѣдующее письмо Турковскаго къ гетману.

«Яневелможний премилостивѣйшій мой доброцѣю. Прибывши недавно зъ Нѣжина отъ свѣтлѣйшаго князя его мил. г. енерала фелть маршала и кавалера Александра Даниловича Меншикова г. примеръ маіоръ Володимерскаго полку Александеръ Тимофѣевичъ Ржевскій обявилъ мнѣ, же его княжая свѣтлость наступающій свѣтлого Христова воскресенія праздніе въ Нѣжинѣ отправовати мѣетъ, отколъ фоминой недѣлѣ намѣренъ прибити зо всѣмъ своимъ штапомъ въ Гадячъ, где по указу велможности вашой на штапъ при его свѣтлости будучій квартери опредѣлены суть, также провіанту и фуражу зъ потребу прауготовлено, а особне для квартированія его княжой свѣтлости

дворъ его мил. пана судії войскового генералного (Чарныша) належите есть очищенный. Зъ нимъ же г. примеръ маюромъ отправленный передомъ въ Гадячъ, для вареня пива и полпиза, двору его свѣтлости пивоваръ прекладалъ такъ пану полковнико (Милорадовичу), яко тежъ и миѣ, же мѣеть его свѣтлости указъ приуготовити тридцать варовъ пива и якъ належить въ ліодовняхъ спратати, тля чего поневажъ солоду приспособити належитъ, того ради по совѣту и со-гласію зъ паномъ полковникомъ расположилисмо по сотняхъ потребные солоды, хмѣль и бочки пивные собрати. Его жъ княжой свѣтлости указомъ прекладалъ менений г. маюръ, жебы всѣ улицы въ Гадячомъ належите были вымощени, на що приуготовленые для оправленя опалого города дубовые палѣ употреблены суть, зъ якихъ немалымъ числомъ людей войсковыхъ, яко тежъ и посполитихъ мосты (замощеніе) по улицахъ дѣлаются. О семъ служебничо доносячи велможности вашой, премилостивѣйшаго моего пана патрона и добродѣя найнизший подножокъ Михайло Турковский. Зъ замку Гадяцкого. 30 апрѣля, 1720 року».

При этомъ интересномъ письмѣ, показывающемъ, какъ могъ властно распоряжаться въ Малороссіи Меншиковъ, приложенъ слѣдующій за симъ поименный списокъ «штаба» и разнаго рода служителей, которые, въ количествѣ почти ста, сопровождали Меншикова, получая при этомъ «шорціоны и раціоны».

Сообщаемые здѣсь документы, въ новѣйшихъ копіяхъ, принадлежать къ числу бумагъ М. О. Судченка.

А. Л.

Реестръ обрѣтающимся при генералу фельдмаршалу, кавалеру, светлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову штапу и другимъ служителямъ, а именно:

Флигель адютанты. Федоръ Щербаковъ, Степанъ Несторовъ, поручикъ Федоръ Коржавинъ, прaporщики — Алексѣй и Семенъ Полчинниковы. Докторъ. Балтазаръ Виль. Лъкаръ. Яганъ Шулцъ. Секретари. Яковъ Веселовскій. Яганъ Гардинъ. Нотаріусъ. Федоръ Зеленой. Регистраторъ. Евдокимъ Ададуровъ. Канцеляристы. Данилъ Евстафіевъ. Петръ Барашовъ. Андрей Яковлевъ. Дмитрій Карповъ. Дмитрій Спировъ. Денщики. Петръ Мизиринъ. Андрей Михайловъ. Терентій Давыдовъ. Андрей Звѣрковъ. Глѣбъ Веревкинъ. Михайло Лодыгинской. Ерофей Самсоновъ. Ларіонъ Выходцовъ. Евтихъ Подчерковъ. Василій Веселовъ. Марта 21 дня 1720 году. Адьютанть Федоръ Щербаковъ.

Сії вищеписанні всѣ получаютъ подлугъ уставу царскаго величества указанніе порціони по своимъ рангамъ. А сверхъ сихъ офицерскихъ рационаовъ свѣтлѣйшаго самаго князя его милости прибуло дарованіи въ коней десять зъ слишкомъ, на которыхъ указаніи получають рациона.

1720 году, марта 23. Ростпись юфъ швадрона капраломъ и рядовымъ драунамъ, которые при его светлости обрѣтаются въ Нѣжинъ.

Капралы. Иванъ Новогородовъ, Алексѣй Белковъ. *Драуни.* Никифоръ Козловъ, Андрей Чумичевъ, Никифоръ Константиновъ, Прокофій Кнутинъ, Ефимъ Гриновъ, Ісаї Ишинъ, Андрей Ишинъ, Прокофій Помогаевъ, Гаврило Романовъ, Семенъ Малонѣевъ, Володимеръ Кириловъ, Филимонъ Денюкинъ, Савелій Кириловъ, Павель Нешашевъ, Мина Котящевъ, Василій Поповъ.

Сії вищеписанніе сами порціони получаютъ безъ рационаовъ.

Имена служителемъ дому его светлости, которые изобрѣтаются въ походѣ.

При его светлости. Сава Василіевъ, Иванъ Набоковъ, Михайло Тарицынъ, Гаврило Лукинъ, Тихонъ Поляковъ, Иванъ да Евстратъ Копіевъ. *При канцеляріи.* Иванъ Соболевскій, Артемій Дубасовъ. *Сторожъ* Емеліанъ Ивановъ. *Пловчіе.* Иванъ Бориславской, Данило Ежовскій, Астапъ Вороновскій, Григорій Коновецъ, Семенъ Димитревъ, Яковъ Фоминъ, Петръ Фоминъ, Филиппъ Ивановъ. *При сребрѣ.* Михайло Ивинской, Дорофей Сирковской. *Пажи.* Давидъ Михайлова, Иванъ Хвостовъ, Александъ Пробишевской, Михаилъ Хомяковъ, Василій Дурной, Сергѣй Яковлевъ. *Бандуристъ* Кондиревскій. *Хлопци.* Крестьянъ, Яганъ, Гаврилъ. *Французы* Морель, танцмейстеръ Петръ Калмикъ. *Гайдуки.* Василій Оглоблинъ, Трофимъ Малиновъ, Иванъ Восиковъ. *При казеннай.* Иванъ Мазай, Федоръ Изволовъ. *Мушки* (мундшнеки?) Петръ Струнинъ, Евтихій Подчартковъ. *Портніе.* Антонъ Каширевъ, Фома Сапожниковъ, Михайло Трединъ, Яковъ Горюховъ, Никифоръ Контеевъ, Федоръ Лобиревъ. *При конюшнѣ.* Федоръ Ушковъ, *каретникъ* Федотъ Пахомовъ, *шорникъ* Ефимъ Емельяновъ, Якубъ Турчаниновъ, Фотинъ Шивинъ, Фридрихъ Гантъ, Юрій Воличъ, Семенъ Кривцовъ, Иванъ Хохоль, Алексѣй Петровъ, Филимонъ Константиновъ, Ларіонъ Быковъ. *Повара.* Кухніистръ Яганъ Мрацишъ, Василій Облощенокъ, Иванъ Прокофьевъ, Герасимъ Андреевъ, Кузма Борисовъ, Матвій Потакинъ, Ілія Федосьевъ, Никита Ісаевъ, Герасимъ Морозовъ, Тихонъ Ладожниковъ, Василій Копюшевъ. *Хлѣбники.* Макаръ Родіоновъ, Алексѣевъ Гуляевъ, Гаврило Садовниковъ.

Скатерники. Денисъ Михайловъ, Никита Васильевъ, Юрій Карель, Емельянъ Юрьевъ. *Рязники.* Войцехъ Жижленскій. *Пивовары.* Борисъ Садовниковъ, Обросимъ Семеновъ. *Конфектній майстеръ* Мотисъ Холмъ, при немъ изъ гребціовъ Иванъ Поповъ. *Гребци.* Тимофей Емельяновъ, Василій Тентяковъ, Гаврило Грицкой, Григорій Конищевъ, Алексѣй Цыганъ, Иванъ Круковъ, Иванъ Зубчаниновъ, Прокофій Оковъ, Осній Алексѣевичъ Балберъ, Карлъ Бекеръ. *Парукъ махиръ.* Николай зъ учениками.

При г. полковнику Колтовскому два человѣка служителей. Всего 93 человѣка.

Марта 23 дня, 1720 году.

А еще сверхъ сихъ прибывають часто и порціоновъ всѣ требуютъ. Сіи вышписанные безъ раціоновъ получаютъ».

„Листъ“ піечерского архімандрита Іннокентія Гизеля на
сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. «Всѣмъ вобецъ
и кождому зособна, хотячому видѣти, албо чтомое слышати, якъ въ
духовъномъ чину, преосвященнійшимъ архімандритомъ, всечестнымъ игу-
меномъ и монастырей строителемъ, пречестнымъ протопопомъ, чер-
нимъ іереемъ, парохіальнымъ и всякой годности церковънимъ осо-
bamъ, яко и въ мирскомъ, існевелможности, велможнимъ, благород-
нимъ, славетънимъ, его царского пресвѣтлого величества бояромъ,
околничимъ, вождамъ войськъ, воеводамъ, столникомъ, полковъникомъ,
головамъ, сотникомъ, асауломъ, атаманомъ, такъ же войтомъ, бур-
мистромъ и всякой кондїци, титули и годности, такъ стану рицер-
ского, яко и посполитого людемъ, повсюду знайдуючимся, побожнимъ
хрестіаномъ, моимъ велце милостивимъ іаномъ, стосуючися до листу
свѣдочного и причинного святѣйшаго господина отца и пастиря на-
шего Яакова, Божію милостію архієпископа Константинопольскаго и
вселенскаго патріархи, за нижей менованною особою и я, Іннокентій
Гизель, милостію Божію архімандрита святія великія чудотворнія
Лаври Кіево-Печерскія, молитвы мои и поволнія услуги залезивъши,
виношу покорную прозбу мою за озателько сего письмени моего уч-
тивою Анною Григорьевою, которая доставъши при збуреню Ка-
нева въ неволю бѣсурманскую зъ сыпомъ и сама, зъ волѣ Бога Все-
держителя и милосердія побожныхъ православныхъ хрестіанъ, выкуп-

лена одъ оныхъ зоставши на свободѣ и сына подняла на окунѣ, ко-
торого не маючи откоЛъ узати, удається до людскихъ всіхъ мил-
остей, жебручи милосердїя и політованія.... кого. Рачьте теди, ми-
лость ваша, зичачи собѣ кождий милости у Всемилостивого Творца
получити и сю просящую милостынею святою, що кому Господь Богъ
подастъ до сердца, для вы свобоженія неволника сына ласкаве вспо-
могати. Святобливпій той учинокъ свободою вѣчною небесною Царь
неба и землѣ милостямъ вашимъ ногородить и я узнанную важность
причини моей милостивими и поволними услугами моими всполь
зъ дознавающими милосердїя вашего завдячати готовъ естемъ, а для
тимъ лбшої вѣри рукою власною подписую, при звіклой печати
манастирской. Писанъ въ монастирѣ Печерскомъ Кіевскомъ, року
1681, сентября 27. Інокентій Гизель, архимандризъ Печерскій».
(Съ подлинника, наход. въ бумаажѣ М. О. Судъенка).

Сообщ. А. Л.

Свидѣтельство современника о Наливайкѣ. Нечатаемый ниже
отрывокъ заимствованъ изъ исторического очерка царствованія Си-
гизмунда III, кн. Станислава - Альбрехта Радзивилла, канцлера вел.
кн. Литовскаго, очерка, изданного въ переводѣ съ латинскаго Ф. Кот-
лубаємъ (Ateneum, 1848 г., № 3). Въ виду скучности и недостовѣрности
свѣдѣній о Наливайкѣ, этотъ разсказъ современника имѣть немалое
значеніе.

«О козакѣ Наливайкѣ. Во время отсутствія короля ¹⁾ изъ
Польши произошло возстаніе козаковъ. Вождь ихъ назывался Нали-
вайко. Онъ съ собранной чернью разорялъ города, замки и села,
вымогаа деньги. Пришелъ онъ также и къ Олыкѣ, къ моему отцу.
Съ нимъ вели переговоры въ мѣстечкѣ, виѣ замка. Онъ же-
лалъ узнать, почему его не пустили въ замокъ, и когда одинъ изъ
дворянъ приводилъ различныя причины, по которымъ это было не-
возможно, отвѣчалъ: «Вы думаете, что я не былъ въ замкѣ? былъ и
даже передѣтымъ слугой. Вѣдь когда недавно вы возвратились изъ
обоза, то отдали подержать верхового коня мужику, несшему дрова
въ кухню. Это былъ я, и потому и знаю, что тамъ дѣлается». Всѣ
остолбенѣли, пораженные смѣлостью этого человѣка».

«Замойскій поручилъ гетману Жолкѣвскому, въ то время каш-
теляну Львовскому, собрать войско и усмирить бунтовицковъ. Узнавъ

¹⁾ Сигизмундъ III.

объ этомъ, Наливайко возвратился на Русь, гдѣ въ ожесточенномъ сраженіи долго и упорно бился съ нашими, пока наконецъ Жолкѣвскій не побѣдилъ и не захватилъ бунтовщика (подъ Дубнами въ 1596 г.), который былъ мученъ въ Варшавѣ разными пытками. Осужденъ онъ былъ также на лишеніе сна, и это наказаніе, какъ онъ признавался, было для него самымъ тяжкимъ. Наконецъ ему была отрублена мечемъ голова, а также и другимъ, сражавшимся подъ его знаменами. Это было началомъ того, что мы видимъ теперь — предвѣстіемъ будущей измѣны козаковъ. И справедливо Рѣчъ Посполитая наградила великими почестями Жолкѣвскаго за то, что онъ съ великимъ мужествомъ, при Божьей помощи, покончилъ съ этимъ дѣломъ.

Сообщ. Е. К.

Святочная народная драма „Тронъ“ (въ херсонской губ.).

Народная драма о царѣ Максимилианѣ и неокорномъ сыне его Адольфѣ широко распространена по всей Россіи и пользуется популярностью болѣе всего, если не ошибаемся, въ военной средѣ. «Царя Максимилиана» представляли матросы во время кругосвѣтного путешествія нынѣ царствующаго Государя Императора (о чёмъ разсказываетъ ви. Ухтомскій въ I т. своего описанія этого путешествія). Проф. кievской духовной академіи Н. И. Петровъ сообщаетъ намъ, что «Максимилиана» на его память представляли въ началѣ 50-хъ годовъ солдаты въ Макарьевѣ костромской губ. въ казармѣ, а отъ солдатъ переняли ученики тамошняго духовнаго училища. Пьеса эта извѣстна и на югѣ Россіи. Въ «Кievской Стар.» (1887 года № 12, стр. 798—799) помѣщена была замѣтка о «Царѣ Максимилианѣ» въ Ковлѣ (волынской губ.); въ ней находимъ свѣдѣніе, что названная пьеса существуетъ, наряду съ колядованіемъ и святочнымъ переряживаніемъ, въ средѣ мѣщанъ-парней, что она занесена въ этотъ городъ пришлымъ солдатомъ, и что языкъ ея смѣшанный: великорусско-малорусско-польскій. Н. И. Петровъ обязательно предоставилъ въ наше распоряженіе списокъ «Максимилиана», сдѣланный въ 1864—5 учебн. году студентомъ кievской академіи Ю. И. Татаровыемъ въ черкасскомъ у. кievск. губ. По этой записи (въ ней воспроизведена и бытоваѣ обстановка, при которой авторъ узналъ о пьесѣ) «Царя Максимилиана» пропагандируетъ въ малорусской средѣ какой-то великороссъ Микифоръ, который при этомъ трунитъ надъ нелѣннымъ, по мнѣнію его,

обычаємъ колядованья у малороссовъ. Вслѣдствіе того, что пьеса передается здѣсь со словъ этого Микифора, она лишена всякаго мѣстнаго колорита, характерныя, по замѣчанію г. Татарова, рѣчи гробокопателя списаны не были по причинѣ быстроты рѣчи при устной ихъ передачѣ. Званіе Микиты по записи неизвѣстно.

Мы имѣли въ своихъ рукахъ послѣдовательно три списка «Царя Максимилиана» изъ херсонской губ.—два изъ александрийскаго и одинъ изъ елисаветградскаго уѣзда. Сходство ихъ по составу дѣйствующихъ лицъ по сюжету и по языку, который всего лучше можно назвать солдатскимъ, съ великорусскими, извѣстными намъ, варіантами, а въ томъ числѣ и съ варіантои г. Татарова, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ нашихъ мѣстахъ «Царь Максимилианъ»—явленіе заносное изъ Великороссіи, по всей видимости—при посредствѣ солдата. Но, подобно тому, какъ и въ Кіевѣ (если судить по замѣчанію о языке тамошняго «Максимилиана»), и въ херсонской губ. «Царь Максимилианъ» въ иѣкоторой степени подвергся усвоенію господствующей малорусской средой. Въ нашихъ мѣстахъ пьеса эта извѣстна подъ именемъ «Тронъ»; разыгрывается она сельскими парубками на святкахъ въ панскихъ и крестьянскихъ домахъ; мы лично присутствовали на одномъ изъ такихъ представлений въ с. Онофрьевѣ александрийскаго у., но внѣшнія подробности его достаточно извѣстны. Въ настоящее время мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи полный списокъ «Трона» изъ м. Ровнаго елисаветгр. у. (запис. со словъ Тихона Веретеникова). Назовемъ дѣйствующихъ лицъ пьесы по нашему списку. Дѣйствіе открываетъ козакъ слѣдующей рѣчью: «Здрастуйте, господа, и послушайте, что я буду говорить про себя. Когда я былъ маленькимъ младенцемъ, я видѣлъ большое чудо: когда ангелы летѣли, слава въ Вышихъ Богу пѣли, то я этого страху сильно испугался, ото сырой земли на воздухъ приподнялся, и тамъ мене дарили сребромъ и златомъ, по и этого сребра и злата не принимаю,—васъ, господа, всѣхъ съ Рождествомъ Христовымъ поздравляю». Хоръ поетъ: «Рождество Твое Христе Боже». Затѣмъ послѣдовательно, хотя нерѣдко и безъ видимой внутренней связи, въ пьесѣ выступаютъ: царь Иродъ, воинъ, смерть, король Мамай, царь Максимилианъ, стражъ, царскій сынъ Адольфъ, барышня, пажъ, гробокопатель, еврей Аврумъ, арапъ, лѣкарь и гетманъ. Пьеса не представляетъ собою послѣдовательного развитія одной темы, и по этой причинѣ затруднительно передать ея содержаніе; она является рядомъ различныхъ сценъ, связанныхъ часто механически. Сначала центромъ дѣйствія является избіеніе Иродомъ

младенцевъ и его трагическая смерть. Потомъ дѣйствіе сосредоточивается на царѣ Максимилианѣ (который, къ слову сказать, тотчасъ за смертью Ирода, занимаетъ его престолъ) и на мученической смерти за христіансскую вѣру сына его Адольфа, мужественно отказывающагося поклониться «камерическимъ богамъ» (кумирамъ); при этомъ случаѣ въ качествѣ вводнаго персонала, выступаетъ иѣская «барышня», которая распѣваемыи ею романсами («Смутны пташки канарейка» и «Прощаюсь ангель мой, съ тобою») выражаетъ сочувствіе свое принцу и падаетъ подъ мечемъ Максимилиана. Слѣдуютъ комическія сцены при участіі гробокопателя и жида, о которыхъ подробнѣе скажемъ послѣ; затѣмъ—появленіе арапа, взаимная перебранка между нимъ и Максимилианомъ; появленіе Мамая, который рекомендуется присутствующей публикѣ слѣдующимъ образомъ: «я не есть русской, я не есть хранцузской, я есть король Мамай; ежели у москвѣ царствѣ нѣтъ хлѣба, то мнѣ присылаютъ съ Молдавіи, съ Валахіи Малой, а я съ этого Цареграда сдѣлаю прахъ». Онъ пришелъ на Максимилиана войной и грозно требуетъ даровъ, но также складывается свою голову отъ руки Максимилиана. Далѣе—снова комическія сцены между лѣкаремъ и гробокопателемъ; первый изъ нихъ самъ о себѣ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «... я есть лѣкарь, всѣми дѣлами аптекарь, лѣчить лѣчу, кровь мечу, чири вырѣзаю и болячки вставляю, ко мнѣ присылаютъ на ногахъ, а я отсылаю на костиляхъ, на тотъ свѣтъ поземски (?) отсылаю, а съ того свѣта благодарность получаю». Выходъ гетмана и комическіе сцены съ участіемъ царя Максимилиана, жида и старика заканчиваются пьесу.

Покончивъ общее ознакомленіе съ содержаніемъ «Трон», обращаемся къ тѣмъ чертамъ, которые составляютъ мѣстную особенность нашего варианта и сообщаютъ ему иѣкоторый интересъ. Первая изъ этихъ чертъ—вводные лица: дидѣ-гробокопатель и жиѣ, разыгрывающіе сцены, которые напоминаютъ собою не то подобныя же сцены въ вертепной драмѣ, не то пасхальную кукольную комедію. Они говорятъ уже не солдатской рѣчью, которой изъясняются остальные персонажи «Трон», а малороссійской. Слѣдуетъ сказать правду, что комизмъ этихъ сценъ не высокаго достоинства,—площадной, плоскій и поверхностный. Приведемъ лишь иѣкоторые обращенія. Собираясь къ царю, дидѣ обращается къ смерти съ просьбой: «стара, давай грибинца причисацца, бо треба до чаря являцца»; смерть отвѣчаетъ: «та на, иди къ бисовому батькови, шобъ тебе перва куля не мынула». Изрѣдка въ рѣчахъ слышатся поговорки, или приказки. Такъ, дидѣ

обращается къ Авруму: а иди сюды, табаку змелемъ, понюхаемъ, та рѣду послухаемъ; или еще—дидъ говоритъ: «туруру, туруру, натурурукавъ царь три мишки гречачои вовны, та вси три не повны, и завазать ныльзя». Дѣдъ: какъ говорится,—«недочува», да и изъ ума выжилъ, должно быть: царь приказываетъ ему похоронить мертваго тѣла несчастныхъ жертвъ его жестокости, а дѣдъ плететь ему нескладицу о пчелахъ и о плугѣ; но дидъ—охотникъ выпить и закусить: «якъ бы царь бувъ добрый, то давъ бы крючочекъ горилочки а вареничокъ на закуску». Онъ и видомъ подгулялъ немногого. Царь говоритъ ему: «Вояка, ты старинушка, хорошъ, такъ чего же у тебя на бокъ нося скривился?» Дидъ, «Та це, чарю, дивчата любылы, та на бикъ носа скрывылы! Жидъ рекомендуется публикѣ такъ: «я не есть русской, не есть французской, я есть Нусько корсуньский»; желая сказать «Ваше Высокоблагородіе», онъ говоритъ «Ваше Полубородіе»; царь Максимилианъ, въ угоду гетману, вымогаетъ у жида деньги, водку, коней, жену его Хайку и заставляетъ танцевать въ шабашть; это подаетъ поводъ вывести его скучность и трусливость. Жидъ говоритъ прибаутками: «яки у жида гроши, говорить онъ, бувъ одынъ пятакъ, та й той отдавъ Хайци на табакъ», а когда угрожаютъ ему смертью, онъ кричитъ: «ой веймиръ... якъ маєте жида убывать, мае винъ вамъ уси гроши oddать, у жида грошай... три шкатулки: въ одній пусто, въ другій густо, въ третій ныманичого»; когда требуютъ коней, онъ отговаривается такъ: «яки у жида кони? у моего брата Морхы-Лейбы одынъ бувъ кинъ, Хайка вела за повидъ, а мій братъ Морхы-Лейба за ребра, а я дыржалася за хвистъ, щобъ мы впавъ пидъ мистъ»; нѣсколько ниже онъ говоритъ, что его кони «сами навколишни йиздять»; свою жену жидъ изображаетъ слѣдующими чертами: «яка въ жида Хайка? Хайка вошива, паршива, подъ приспекомъ воши бье» (била?); потомъ напуганный снова, говоритъ о ней иначе: «у жида Хайка хороша, пригожа, убирить іи,—барышня буде». Нѣкоторыя шутки въ пьесѣ непристойны.

Въ «Тронѣ» находимъ не одни романсы, а также нѣсколько малороссійскихъ пѣсень. Слабый, едва замѣтный отголосокъ колядокъ или, скорѣе, рождественскихъ виршей слышится въ пѣснѣ, заполняющей промежутокъ времени между приказаниемъ Ирода объ избеніи младенцевъ и возвращенiemъ посланного для этого воина: «Днесъ поюще, купно играуть (sic) Царь нарожденъ, славы выхваливать, поюще и суще, слава въ вышихъ глаголюще (bis), когда Іосифъ обрученъ быль Дѣвѣ, тогда услышаль отъ ангела слова: возьми От-

роча и Матерь Его, бѣги во Египетъ отъ проклятого. Царь па ослати во Египетъ подступаетъ, Иродъ войско свое разсылаетъ. Быль бы убіень Царь нарожденъ, отъ Маріи Дѣвы днесъ воплощенъ». Въ сценѣ діда съ лѣкаремъ поется уже завѣдомо малороссійская пѣсня: «Гай, гай зелененький, тимъ я тебе полюбила, що ты молоденъкъ» и пр., впрочемъ, безъ всякой связи съ ходомъ дѣйствія. Сцена между Максимилианомъ и жидомъ начиняется также малороссійской въ мѣстномъ херсонскомъ смыслѣ пѣсней: «Я въ пана гетмана цвѣты сорывала. Собирался панъ гетманъ до жида на шабашъ. Здоровъ, здоровъ, жиде, здоровъ, скурвый сыне, мы слыхали про жида,— у жида денегъ много». Наконецъ, въ концѣ пьесы, передъ тѣмъ, какъ жидъ усаживается на тронъ, поется известная малороссійская пѣсня «Ой хотила вража баба та й заботити».

Было бы очень интересно узнать, какъ усваивается «Максимилианъ» въ другихъ мѣстностяхъ юга Россіи, и не входитъ ли эта пьеса въ соотношенія съ колядками, виршами, остатками вертепной драмы и тому подобными произведеніями южно-русского народного творчества.

В. Ястребовъ.

Сказка о котофѣ. «Бувъ соби чоловикъ зъ бабою, и бувъ у ныхъ еденъ сынъ Иванъ да и той дурный. Отъ и тыи старыи по-мерлы. Остався Иванъ еденъ на свити, сырота и китъ зъ нымъ. Иванъ бувъ дуже ледащій, не згодливый ни до якой роботы. Винъ все лежавъ на печи. Въ хати не топляно килька днівъ, холодно.. то винъ въ пичъ влизе тай седыть, гріется... И все за его робывъ китъ: де що достане для него, накормыть, бо китъ бувъ розумнійшій за Ивана.

— Може-бѣ ты, Иване, чого небудъ зъивъ? пытае китъ.

— Чому? може-бѣ и зъивъ, колыбѣ-то було що исты, каже Иванъ. Той принесе ему хлиба, сала.

— А може-бѣ ты, Иване, чого небудъ напывся?

— Чому? може-бѣ и напывся, колыбѣ-то було що пыты
И такъ у ныхъ все...

Отъ одного разу нагодовавъ китъ Ивана, накормивъ его, напы-
въ тай пытае:

— Може-бы ты женывся, Иване?

— Чому, каже Іванъ... Може-бы я и женывся, колыбъ-то хто
высватавъ мини яку панну—гарну, та богату.

— Добре, каже китъ, я тоби высватаю.

Китъ наготовивъ Івану богато всякои ижи и пытъя, поки винъ
зъ свативъ вернется... Отъ винъ побигъ дорогою и забигъ до злот-
ника... Забигъ по дорози до злотника и,—звыняйте за це слово,—
взявъ та позолотывъ соби хвостыка. Прыбигае винъ въ таку страну,
де нема котивъ. Якъ побачили люде, що таке до ныхъ прыбигло,—
маленьке, хвостате зъ усами, а хвостыкъ позолоченый,—тай стали
бигаты за котомъ, дывитися на ёго... Дывуються люде, що винъ
такій цикавый.

-- Хто ты такій? пытають его.

— Я Котофей, каже китъ.

— Ще мы не чулы, кажуть люде, щобъ такій бувъ на свити.

— Ось якъ бачите.

— А за чимъ-же ты, Котофей, прышовъ до насъ?

— Хочу высватати для свого Івана гарну та богату панну.
Кажить но вы мини тешера, де у васъ тутъ есть богатий панъ и
щобъ у ёго була соби гарна дочка?

— Тыни ему показали на такого пана, богатаго... (такъ якъ
нибы королыкъ, що колысь бували... теперъ вже воны по троху пе-
ревелися). Пришовъ Котофей до пана тай каже:

— Я, проше пана, пришовъ до васъ въ сваты, до вашої пан-
ни. Выдайте вы свою панну за моего пана Івана.

— А хто-жъ буде твій панъ?

— Винъ сырота, остався на свити еденъ—безъ батька и ма-
тери. Треба ему теперъ женыться, то винъ пославъ тепера мене
въ сваты.

— А чому жъ винъ самъ не прышовъ?

— Бо винъ дуже важный панъ, то винъ не хоче.

— А чи богатий твій панъ?

— Занадто богатий... такій, що и не прыведы Господы.

— Нехай-же винъ мини гостынця якого ныбудь прешле, колы
винъ такій богатий.

— Добре... пождить трохи, ось незабаромъ прышле вамъ та-
кого гостынця, що вы ще и не чулы.

— Добре, будемо ждать, що то за гостынець такій.

Отъ воны поговорыли обо всему и китъ збирається до дому.

— А колыжъ буле весилке? пытає той панъ.

— Я, каже китъ, дамъ знаты, якъ мы прыготовысся.

Отправляеться китъ до дому, бижить соби лисомъ и встречается зъ вовкомъ на дорози.

— А де ты бувъ, Котофей, пытае вовкъ. Хто тоби хвостыка позолотывъ?

— Злотникъ, каже китъ.

— Може-бъ и мини позолотывъ?

— Едному тоби не позолотить; а якъ-бы зобралось васъ хоть копа, то може-бъ и позолотывъ, а едному-то не буде, бо для его малый зарибокъ.

Отъ той вовкъ якъ почавъ ревты, то набигло ихъ бильшъ якъ копа, а китъ дожидае, поки воны зберутъся, щобъ до злотника повесты. Отъ воны зибралися и пишли до злотника, а китъ попереду дорогу показуе да тыльки хвостыкомъ помахае. А вовки ничего не знаютъ, идуть соби да утишаются. Приводыть винъ ихъ до своего свата на дзидинокъ кроль браму... а огорожа кругомъ... нигде не вылизутъ... Заразъ казавъ браму зачинты и до пана пришовъ. Каже свату:

— Зять приславъ вамъ гостынця, що вы ждалы.

— А дежъ винъ?

— А тамъ на двори.

Панъ вышовъ, подывывся тай охолонувъ, що стыльки вовкивъ. Винъ казавъ слугамъ браты ружа и давай ихъ быты та стреляты и такъ ихъ выбылы до единого и стали шкуры здыматы, а Котофей побигъ до дому. Бижить винъ, стричае на дорози въ лиси тамъ само зайца. Каже на его:

— А де ты, Котофей, бувъ? Хто тоби хвостыка позолотывъ?

— У злотника. Винъ всимъ може позолотыти.

— Може-бъ и мини позолотывъ?

— Не буде единому золотыти, якъ бы васъ съ копа, то можебъ и позолотывъ.

Допиро ставъ заяць кумавкаты, кричаты... то назбигалося ихъ бильшъ, якъ копа, и винъ ихъ повивъ зновъ до свата. Загнавъ зайцивъ на дверь, казавъ зачинты браму и пишовъ до свата знаты даваты, що зять приславъ гостынцевъ на весилье. Побачивъ сватъ, що стыльки зайцивъ, зраднійшавъ, що буде печенья и шубы; казавъ, щобъ выбыты вси зайци, а Котофей вже зновъ побигъ до дому. (И такимъ образомъ Котофей много всякаго звѣря доставилъ своему свату).

Прыбигає Котофей до дому и застасе Ивана Печерецького--
тыльки що живъ. Каже:

— А що ты ще живъ, Иване Печерецькій?

— Чуть живий... Якъ не дасы исты, то вже хутко умру.

Побигъ заразъ китъ до хатъ, доставъ хлиба, прынисъ и давъ
ему исты, и скоромного также доставъ ему—салы и всякого. Подавъ
ему въ пичь, той поивъ..

— А що тоби лучше стало, Иване Печерецькій? пытає Ко-
тоФей.

— Трошкы полегшало, але не зовсимъ.

Той ще прынисъ сала и наварывъ галушокъ и ставъ его цан-
гомъ кормыты цилый мисацъ.

— А якъ тоби, Иване Печерецькій?

— Нещо, теперъ дужшій ставъ. Ну, що? нашовъ мини жинку?

— Нашовъ?

— А дежъ вона? Чому не прывивъ сюды?

— Якій ты дуже розумный... Щей хочешь щобъ сюды при-
весты. Збирайся но ты, Иване Печерецькій, до ней, въ дорогу.

— Може далеко? то я лучше не пойду.

— Ни, недалечко...

— Добре, каже, може я якъ небудь и вылизу зъ печи.

Побигъ китъ до свата и каже іану, що—

— Ми вже зовсімъ прыготувалися весилье робыты...

Іанъ сказавъ, щобъ вони чрезъ три дни прыготувалися вже
йтъ въ церкву.

Китъ заразъ побигъ назадъ и заставъ Ивана Печерецького ще
дужимъ, бо винъ ще не вси харчи зъивъ, що булы для его наго-
товляны отъ Котофея, и винъ мавъ ще чимъ живытыся.

— Гей, Иване Печерецькій, вылазь но зъ печи, бо вже тоби
наставъ часъ женытыся, то тоби треба въ церкву ити.

— Ой, каже, може-бъ другимъ колы часомъ, бо нехочется
вылазити зъ печи. Змылуйся, каже, нехай завтра буде весилье.

— Ну, нехай завтра.

На другій день зновъ не хоче Иванъ вылазити зъ печи, спо-
добалося ему дуже тамъ лежати.

— Чи не можна, каже, ще отложити на день.

Отложивъ ему Котофей и еще день. На третій день прыставъ
до его, щобъ винъ безпреминно вылизавъ зъ печи, бо треба да
шлюбу. А Иванъ все не хоче. Отъ вытащивъ Котофей Ивана тай-

нема ему въ що одягнутыся. Надивъ винъ на себе якуюсь дранную одежду и отправылъся до свата. Думае Котофей: «не гарно що у Ивана Печерецького одежини людской нема... Тай прыдумавъ. Прышли вони до рики и наказавъ Котофей Ивану, щобъ винъ, якъ тыльки забачить, що будуть до его бигти люде, то щобъ раздягнувшись упавъ въ воду, одежину кинувъ въ воду и кричавъ «ой, ратуйте, топтыться Иванъ Печерецький!» Зостався Иванъ на мости, а Котофей побігъ до палацу и сказавъ свату; що женыхъ топтыться, щобъ люде ратовалы. Сватъ казавъ слугамъ кони свои запрягати и ихаты ратовать зятя скоро, скоро, щобъ застать живого. Заразъ запрягли кони, поихали и достали зятя зъ рики. Повезли его заразъ въ баню, тамъ обмылы, обчистылы и нарядылы въ паньску одежду. Отъ посадылы вже его за столомъ якъ нибы пана якого, тай ставъ Иванъ дремати, бо то пришла сама та пора, що винъ дремавъ на печи. Сватъ каже до Котофея:

— Чого-то нашъ зять такій смутний?

— То винъ зажурывся, каже Котофей, що на ему нема вже тої одежи, що була на ему та водою поплыла.

Заразъ казавъ сватъ даты ему саму яко найлучшу одежду. Потымъ поблагословылы молодыхъ и повинчалы. Отъ вони попылы, поили трохи и пора вже выбиратыся до дому въ дорогу.

— А що въ тебе въ дома е? пытає молода жинка своего чоловика.

Иванъ хотивъ сказаты, що закутокъ... а Котофей каже:

— Все есть: и палацъ, и волы, и кони, и все, що тильки потрібно для хозяйства. Тильки жинки не було, тай та теперъ есть.

Отъ повкладалыся, позбиралысь вже, тай поихали, а Котофей каже:

— А я побіжу напередъ, щобъ вамъ все прыготовыты.

Отъ біжитъ винъ тай бачить пасеться стадо коней. Пытає:

— А чій то кони?

— Ажежъ пана Дубецького, кажуть ему пастухи.

— Не кажить вы що пана Дубецького, бо васъ будуть дубасыть дубынкою. По сій дороги буде хутко ихаты король, то винъ дуже не любить пана Дубецького. Якъ винъ спытає: «чій то кони», то вы лучше скажить, що пана Печерецького. Буде лучше... Може винъ вамъ ще и награду дастъ за те...

Біжитъ винъ дальше—ажъ пасеться гуртъ овечокъ.

— А чій то овечки?

Кажуть, що пана Дубецького, а Котофей имъ сказавъ, що панъ Дубецький зовсімъ здуривъ и заказавъ вси свои овиці пану Печерецькому. И т. д.

(Такимъ же образомъ онъ научилъ, что говорить пастухамъ воловъ, коровъ, свиней, гусей, утокъ и пр.).

Отъ прыбигає вже Котофей ажъ до палацу пана Дубецького, тай каже, що іде король зъ свого весилья и певне заиде до васъ на полудень, то вы прыговоўтесь... а самы де небудъ сковайтесь, бо король новый дуже серлытый щось, то щобъ часомъ не втрапылось вамъ одъ его. Котофей заразъ накръчавъ на кухаривъ и сталы воны прыговоўляться. Прывотовылъ, понастановлялы исты и пыты и вже тыльки дожидають весилья. Котофей пытає пана Дубецького и пани Дубецькую:

— Чому вы не поставылы на стиль печерецкіи ръбы?

— Такои ръбы у насъ нема, кажуть тыи.

— А якъ нема, то ховайтесь-же вы прытнійше, бо король дуже любить печерецьку ръбу, то винъ вамъ задастъ...

— А куды-жъ мы сковаемся? пытає Дубецький.

— Ось лизьте въ ту дуплынасту лычу, то може не найде.

Отъ сковався панъ зъ паню въ дуплынасту лыпу и наказалы слугамъ, щобъ неказалы де воны, щобъ имъ ще бильшъ не втрапылося. Іде король и доизжаете до пастухивъ и пытає, «чій се товаръ»?

— Ажъ же-пана Печерецького, кажуть ему.

И давъ винъ кождому награду по рублю. А Котофей все мотається коло палацу. Пріхало вже и весилье, расположились: кони—на стайні, а самы пишли въ палацы и сталы тамъ исты и закусоваты; а музыка грає...

Котофей казавъ, щобъ напоити слугъ и поставыты имъ богато горилки, такъ щобъ воны перенілися. Отъ якъ попъянили слуги зовсімъ, винъ казавъ, щобъ салютъ робыти молодымъ. Шобралы слуги ружа и давай палити. А Котофей каже:

— Не такъ вы стреляете. Треба стреляти не вверхъ, а въ лычу, то буде голоснійше.

Сталы воны въ лыпу стреляти тай забыли пана съ панею и зхоронили Допиро Іванъ Печерецький зъ жинкою и Котофеемъ восталися тамъ пановати и доси поживають и насъ до себепрізывають».

(Записана сказка въ с. Боровичахъ, луцкаго уѣзда, волинской губернії).

Ф. Кудринский.

Дополнение къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ.

Къ свѣдѣніямъ, уже сообщеннымъ о кіевскомъ полковнике Танскомъ¹⁾, слѣдуетъ добавить, что по смерти Палѣя бѣлоцерковскіе полчаде обратились къ кн. Дм. Голицыну съ слѣдующимъ ходатайствомъ о назначеніи на мѣсто умершаго—зятя его Танского.—«Мы, полковые особы, яко тежъ сотники и товариство полку бѣлоцерковскаго... просимъ донести до царскаго величества... пжъ мы осталися отъ своего полководцы, небожчика блаженной памяти Симеона Палѣя, который еще за живота своего казалъ, намъ, сотникамъ, атаманамъ и знатному товариству зѣхатися до Хвастова, который то небожчикъ видачи себѣ ближне къ смерти апежели живыиъ быти, вручаетъ при всѣхъ настѣ начальныи клейноты осударевы: пѣрпачь и знаменіе царскаго величества, наданніе на полковництво сыну своему пану Антонію Танскому. Теди и мы недлугъ желанія небожчика славной памяти Симеона Палѣя, полковника бывшаго, всѣ единимъ голосомъ призовляемся, жѣбы намъ панъ Танскій былъ за полковника бѣлоцерковскаго, котораго мы добре свѣдоми, икъ у разумѣ его, такъ и рицерскомъ дѣлу, по указу его царскаго величества бодрость (бодро?) громличи не разъ непріятелей на лицу марсовомъ, и жѣбы Михайло, бывшій за измѣнника Мазепы, полковникомъ не знайдовался въ нашемъ полку бѣлоцерковскому²⁾...»

Назначенный кіевскимъ полковникомъ въ 1712 г., Танскій, несмотря на жалобы Скоропадскаго, писавшаго царю, что кіевскій полковникъ его не слушаетъ, пользовался однакожъ въ Петербургѣ такою репутацией, что, когда А. И. Румянцевъ прїѣхалъ въ 1723 г. въ Малороссию на слѣдствіе по Полуботковому дѣлу, то хотѣль было «подчинить» генеральную канцелярію «въ вѣдомство» Танского, т. е. передать послѣднему власть наказнаго гетмана... Намѣреніе Румянцева не осуществилось только случайно, какъ видно изъ слѣдующаго его письма къ Танскому. «Благородный и почтенный господинъ полковникъ. Ваше благопріятное письмо чрезъ посланного отъ васъ есаула исправно получиль, за которое благодарствую, токмо сердечно сожалѣю о вашемъ приключившемся несчастіи и о болѣзни вашей.

¹⁾ „Кіевск. Старина“ 1894 г., № 4.

²⁾ Изъ бумагъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ б—ку кіевскаго університета. Прошеніе подписано полковою старшиною и сотниками, причемъ въ числѣ послѣднихъ значилъ и Карлъ Чеснокъ, сотникъ Мотовиловскій и будущій, довольно повѣстійный, полковникъ Командайскій.

Я напередъ сего до васъ писаљ, чтобы сюди немедленно были ѿне для чего иного, какъ токмо хотѣлъ подчинить въ вѣдомство ваше здѣшнюю генеральную войсковую канцелярію, о чемъ я и до его импер. величества писаљ, а нынѣ, какъ я увѣдомился о болѣзни вашей изъ письма, отъ того правлениія васъ освобождаю, изволите єхать въ домъ свой и имѣть отъ болѣзни своей пользу. За благопріятнѣйшій отъ васъ присланный ко мнѣ презентъ ныпремногу вашей милости благодарствую. Вашей милости зичливый слуга А. Румянцовъ. Февраля 17 дня 1724 г.¹⁾.

Наконецъ, говоря о женѣ Палѣя, мы упустили привести свидѣтельство о ней изъ записокъ старца Лукьяннова, отрывки изъ которыхъ когда-то напечатали въ Черниг. листкѣ (1862 г.). Въ этихъ запискахъ Лукьянновъ разсказываетъ, какъ, возвращаясь изъ Іерусалима въ сообществѣ московскихъ купцовъ, остановились они на отдыхѣ «въ Хвастовѣ, за городомъ, въ полѣ; а Палея въ тѣ поры дома не было... И Палеева жена прислала намъ въ таборы яловицу и балачай, и вина. И тутъ стояли мы весь день; а Шалеева жена брала купцовъ къ себѣ обѣдать и зѣло угостила; и говорила—для чего де до насъ турокъ не довели (провожавшихъ Лукьяннова и его товарищѣй до Паволочи, а отсюда вернувшихся отъ страха передъ «шалеевщиною»),—я бы де 500 (козаковъ) дала имъ провожатыхъ также ихъ проводить (обратно) чрезъ ладскую землю»... Изъ этого разсказа видно, что «Федосья Палѣева» была такою же властною полковницею въ отсутствіе мужа, какою за полстолѣтія передъ тѣмъ была властною гетманшею Анна Хмельницкая (третья жена Богдана), выдававшая въ отсутствіе мужа универсалы...

А. Л.

¹⁾ Изъ дѣла Черниг. двор. архива о родѣ Танскихъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Сергеевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1890. Т. II. Власти. вып. 1-й. Вѣче и князь. Спб. 1893 г.

Трудъ проф. В. И. Сергеевича, безъ сомнѣнія, составляетъ самый цѣнныи вкладъ въ науку исторіи русскаго государственного права за послѣдніе 2—3 года. Масса затронутыхъ вопросовъ, критическое отношеніе къ мнѣніямъ ученыхъ, высказывавшихся по тому или другому изъ нихъ, кропотливо-детальное изслѣдованіе источниковъ, осторожность въ выводахъ и пр. составляютъ неоспоримое достоинство труда почтеннаго профессора. Авторъ, правда, не задается ни обобщеніями, ни широкими выводами, онъ стремится дать «древности», т. е. то, что у нѣмцевъ называется. *«Alterthümer»*, детальное излѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи права, быта и пр. расположеннное въ извѣстномъ порядке, могущемъ дать болѣе или менѣе полную картину старой жизни въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. У проф. Сергеевича имѣется въ виду юридическая сторона этой жизни.

Первый томъ «Юридическихъ древностей», распадается на двѣ книги, изъ которыхъ первая трактуетъ о государственной территоії, вторая—о населеніи. «Наша древность», говоритъ проф. В. И. Сергеевичъ, не знаетъ единаго «государства Россійскаго»: она имѣеть дѣло со множествомъ единовременно существующихъ небольшихъ государствъ. Эти небольшія государства называются: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей, уѣздами: всего позднѣе возникаетъ для нихъ наименованіе «государство» (I). Волости состояли изъ городовъ и пригородовъ, при чемъ городъ являлся центромъ, «вокругъ котораго образуется окружность волости. Центральному пункту, натурально, принадлежить характеръ старшин-

ства: его жители старѣйшіе въ волости. Населеніе же пригородовъ молодшіе» (I, 5) Города составляютъ потребность мѣстнаго населенія и воздвигаются имъ въ видахъ защиты отъ нападеній беспокойныхъ сосѣдей». (I, 6).

Какъ образовались древнѣйшія волости государства? Проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ возраженія противъ мнѣнія ученыхъ (Соловьевъ и М. Ф. Владимірскаго - Буданова), предполагавшихъ племенное происхожденіе волостей, т. е. что каждое отдельное племя составляло особую волость. Авторъ, напротивъ, думаетъ, что «скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершился медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ. Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпримчивыхъ людей, которые нуждались въ нихъ, какъ и въ XVI вѣкѣ для «береженья». Въ составъ этихъ группъ могли входить и люди разныхъ славянскихъ племенъ и даже иноплеменники: со славянами могли соединится чудь и мери. Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли стремиться къ расширению своихъ владѣній и съ этой цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель. Для «береженья» своихъ пріобрѣтеній имъ приходилось ставить пригороды. Такой способъ возникновенія волостей проглядываетъ и въ ихъ организаціи. Центръ волости — городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выйти изъ города» (I, 10). Таково было первоначальное возникновеніе волостей. Дальнѣйшее же возникновеніе ихъ и выдѣленіе изъ старыхъ областей обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, главныя изъ которыхъ были: ростъ пригородовъ и стремленіе князей дѣлить волости на удѣлы, при чемъ князья удѣльные нерѣдко стремятся къ полному обособленію отъ волости старшаго князя (I, 11, и слѣд.). «Каждая волость, говорить проф. Сергѣевичъ, имѣла, такимъ образомъ, свою исторію; но по скучности нашихъ источниковъ полная исторія волостей едва-ли можетъ быть когда-либо написана. Что волости имѣли свою исторію и что дѣятелями ея были не только князья, но и населеніе, въ этомъ не можетъ быть, однако, ни малѣйшаго сомнѣнія» (I, 14). «Волости-княженія составляли самостоятельный государствъ. Все, что находилось въ предѣлахъ территории каждого такого государства, подлежало дѣйствію мѣстной власти, она производила на своей территории судъ и управление, давала указы и пр.» (I, 84). «Полная политическая особность волостей есть наша древность. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ

правомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдельные княжения. А отдельные княжения существуютъ у насъ еще въ XVI вѣкѣ» (I, 37).

Мы не будемъ слѣдить дальше за мнѣніями проф. Сергеевича относительно раннихъ попытокъ къ объединенію русской земли и о возникновеніи московскаго государства, хотя мнѣнія эти и представляютъ много любопытнаго. Огнѣтимъ только соображенія автора относительно происхожденія названія *русскаго* государства. Отмѣчая тотъ фактъ, что «древность продолжаетъ жить и въ Москвѣ» (I, 78), проф. Сергеевичъ говоритъ: «живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное государство очень долго, безъ малаго въ теченіе 200 лѣтъ, не имѣло своего собственнаго имени, а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ» (I, 79). Первый Иванъ Грозный употребляетъ названіе царства *русскаго*. Откуда же произошло это названіе? Шервоначально «русская земля есть земля Полянъ; она совпадаетъ съ Киевской волостью» (стр. 84). «Изъ Киева наименование русью стало распространяться и на другія славянскія племена». «Причины этого распространенія заключаются въ единствѣ языка и вѣры» (стр. 88). Сначала, впрочемъ, имя руси распространяется, какъ чисто народное наименованіе. У Полянъ первыхъ зародилось книжное просвѣщеніе и возникла литература, «остальные племена, знакомясь съ содержаніемъ кievской литературы, не могли не усмотреть своего племеннаго единства съ кievскою русью и тоже стали причислять себя къ руси». Такое же значеніе имѣло и то обстоятельство, что во главѣ русской церкви стоялъ митрополитъ кievскій (I, 88—89).

Вторая книга первого тома «Юридическихъ древностей» посвящена вопросу о населеніи древней Руси. Въ рецензії нѣть, конечно, возможности останавливаться не только на разборѣ, но даже на простомъ пересказѣ всѣхъ маѣній, которыхъ касается или которыхъ высказываетъ профессоръ Сергеевичъ. Мы только въ общихъ чертахъ перечислимъ нѣкоторые вопросы, которыхъ касается авторъ въ своемъ отдельѣ обѣ юридическомъ положеніи населенія древней Руси. Обзоръ племенного состава населенія въ «Юридическихъ древности» войти, конечно, не могъ.

Сообразно дѣленію въ древней Руси населенія на несвободныхъ и свободныхъ, дѣлить проф. Сергеевичъ и свой обзоръ. Къ несвободнымъ онъ относитъ полныхъ и кабальныхъ холоповъ. Вопросъ о происхожденіи холоповъ и ихъ юридическихъ правахъ — одинъ

изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ историко-юридической литературѣ, тѣмъ болѣе, что источники, изъ которыхъ черпаемъ мы свѣдѣнія, подвергаются самыми разнообразными толкованіями. Конечный выводъ проф. Сергѣевича о положеніи холоповъ таковъ: «надо думать, говорить онъ, что первоначально права господина не подлежали никакимъ ограниченіямъ. Ограничения появляются, надо думать, очень рано. Они существуютъ уже въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, въ эпоху Русской Правды, которая о нихъ, однако, ничего не знаетъ. Но наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ чрезвычайно отрывочны и скучны. Не подлежитъ сомнѣнію, что улучшеніе быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви» (I, 111—112). Кабальное холопство возникло гораздо позже, въ эпоху уже государства московскаго.

Что касается лицъ свободныхъ, то проф. Сергѣевичъ рассматриваетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) смерды, 2) закупы, 3) крестьяне, 4) изгои, 5) числяки, ордынцы и делюи, 6) закладни, 7) купцы, гости, посадскіе делюи, 8) бояре, вольные слуги, дѣти боярскія, путные бояре. Но это не были сословія. «Древняя Россія не знала сословій. Они народились только въ Московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые зародыши. До образованія единаго Московскаго государства все населеніе русскихъ княженій, съ точки зрѣнія права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ извѣстнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякой могъ быть воиномъ, чиновникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлею, промыслами и т. д. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, а потому онъ и выдѣлялся, какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «младшаго» человѣка. Такимъ образомъ, возникла цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того же рода свободныхъ людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимается на слѣдующую ступень и наоборотъ. Но возвышение «меньшихъ» не было дѣломъ легкимъ. Экономическая условія большинства «меньшихъ людей» были до того тяжелы, что ему не только никогда не удавалось подняться въ средній и высшій слой, а наоборотъ, многие изъ этого большинства, чрезъ посредствующую ступень най-

митовъ, спускались въ разрядъ рабовъ. Наши древніе памятники обозначаютъ однимъ словомъ все свободное населеніе со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: *люди и мужи*. «Изъ этого первоначального безразличія свободныхъ людей прежде всего начинаютъ выдѣляться люди, поступавшіе на службу князя. Подъ именемъ «дружины» и «княжихъ мужей» они начинаютъ противополагаться «людямъ» вообще (стр. 161—165).

Третья глава «Населенія» посвящена обзору «дворовыхъ чиновъ», а четвертая и послѣдняя исторіи положенія дьяковъ, игравшихъ большую роль въ Московскомъ государствѣ.

Первый выпускъ второго тома обнимаетъ судьбу «вѣча и князя» въ древней Руси. По словамъ самого автора, выпускаемый имъ трудъ не является простой перепечаткой прежней его монографіи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Напротивъ, «нынѣ издаваемый трудъ представляетъ лишь небольшую часть прежняго, и эта небольшая часть вся написана вновь, а нѣкоторые ея отдѣлы и по новому плану, и на новыя темы» (предисловіе). Тѣмъ болѣй интересъ, понятное дѣло, приобрѣтаетъ трудъ проф. Сергеевича.

Монографія проф. Сергеевича, «Вѣче и князь», вышедшая въ 1867 году, вызвала, какъ извѣстно, самое разнообразное отношеніе къ ней среди двухъ лагерей—славянофиловъ и западниковъ. Причиной этого было то, что монографія затрагивала цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ строю древней Руси. Этимъ, между прочимъ, при всѣхъ научныхъ достоинствахъ труда, и объясняется громадное значеніе монографіи проф. Сергеевича въ литературѣ исторіи русского права. Сущность взглядовъ проф. Сергеевича, высказанныхъ въ монографіи «Вѣче и Князь», не измѣнилась и теперь въ «Юридическихъ древностяхъ».

«Гдѣ и когда было вѣче?»—таковъ заголовокъ первой главы. «Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ, отвѣчаетъ авторъ. Они составляютъ душу волости. Рѣшенія принятія на вѣчѣ главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются къ исполненію и пригородами» (II, 2). Въ XII вѣкѣ вѣчевые думы дѣйствуютъ повсемѣстно. Когда же возникли они? «Вѣче не есть продуктъ указа какого либо князя, а явленіе обычной народной жизни, вызванное условіями тогдашняго быта древнихъ волостей» (II, 32).

«Въ началѣ исторіи, когда военное ремесло не обособилось еще отъ другихъ занятій и весь народъ входилъ въ составъ войска,

весъма натурально, что ему должно было принадлежать совсѣмъ иное значеніе въ решеніи общественныхъ вопросовъ, чѣмъ это сдѣлалось возможно позднѣе, когда образовалась отдѣльная отъ народа военная сила. Гдѣ сила, тамъ и власть; а въ началѣ исторіи народныя массы составляли силу. Вѣче, какъ явленіе обычнаго права, существуетъ съ незапамятныхъ временъ» (II, 33) и, какъ бытовое явленіе, существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ условія, вызвавшія его къ жизни (II, 34). Въ числѣ главнѣйшихъ причинъ, способствовавшихъ уничтоженію вѣча, проф. Сергѣевичъ называетъ татарское завоеваніе, которое создало первую централизованную силу на русской территоріи и притомъ силу такую, съ которой нельзя было входить въ договоръ, а которой приходилось подчиняться безусловно. Опираясь на татаръ, возвышались и русскіе князья (II, 34—38). «Что именно, говорить проф. Сергѣевичъ, татарское за-воеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсиливъ населеніе поборами и грабежомъ, подорвало въ корне участіе въ общественныхъ дѣлахъ, видно еще изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ нашествіе не коснулось, вѣчевые порядки сохраняются въ XIV и XV вѣкахъ; таковы новгородская и полоцкая волости» (II, 38).

Вторая причина исчезновенія вѣчевого строя лежала въ измѣненіи всего строя древней общественной жизни. Какъ учрежденіе городовое, вѣче предполагаетъ самостоятельность города, а теперь Москва поглотила города—волости. Измѣнился также и характеръ поземельной собственности. Явились большія владѣнія землей въ рукахъ царя, а съ этимъ вмѣстѣ выросла его денежная и военная сила. «Обладая такой силой, они не имѣютъ уже надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они могутъ приказывать» (II, 41). Такъ какъ территорія московского государства увеличилась, то вѣче дѣжалось уже не пригоднымъ въ томъ случаѣ, если бы царь пожелалъ посовѣтоваться съ народомъ. Явилась новая организація—земскіе соборы.

Вторая глава у проф. Сергѣевича посвящена изложенію вѣчевого устройства. Она касается состава вѣча, времени и порядка созыва его собраній, мѣста этихъ собраній, порядка совѣщаній и вѣчевыхъ решеній, ихъ исполненія, наконецъ, предметовъ вѣдомства вѣча: избрания князя, ряда съ нимъ, управлениія и суда Въ заключеніе главы, авторъ останавливается на разборѣ вѣкоторыхъ спорныхъ мнѣній, касающихся вѣча. Проф. Сергѣевичъ не соглашается, напр., съ мнѣніями Неволива и проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, дѣлившихъ

вѣча на законныя и незаконныя. Такое дѣление, говоритъ проф. Сергѣевичъ, «есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней жизни, несогласно съ существомъ дѣла» (II, 98). Не было также, по его мнѣнію, и «историко-юридического» различія между вѣчевыми правами жителей старшихъ и младшихъ городовъ (II, 102). Что касается мнѣнія Неволина, расширенного Бѣляевымъ, будто вѣче было верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ, то проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «мы не замѣтили ни одного мѣста, на основаніи которого можно было бы утверждать, что вѣче было обыкновеннымъ апелляціоннымъ судомъ» (II, 102).

Третья глава третьей книги (о вѣчѣ) излагаетъ вѣчевую жизнь пригородовъ.

Четвертая книга «Юридическихъ древностей» посвящена князю. Глава первая трактуетъ о «владѣтельныхъ князьяхъ», при чемъ авторъ разсматриваетъ договорное право при занятіи престоловъ и практическое значеніе этого права; книжеские сѣѣзы и прекращеніе договорного права. Глава вторая занимается распределеніемъ волостей между князьями. Общій выводъ проф. Сергѣевича по этому вопросу таковъ: «условія нашей древней жизни очень мало благопріятствовали тому, чтобы возникъ и устроился определенный порядокъ... Распределеніе столовъ происходило подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользовался безспорнымъ признаніемъ и относительное значеніе и историческая важность которыхъ были очень различны и весьма непостоянны... На распределеніе столовъ вліяли: интересы народа, выражавшіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявившіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ, начало старшинства князей. Но ни одинъ изъ этихъ интересовъ не имѣлъ силы самъ по себѣ» (II, 230 – 231). Въ дальнѣйшемъ авторъ разсматриваетъ распределеніе волостей между князьями въ такомъ порядкѣ: избраніе князей народомъ, начало отчины, распоряженія владѣтельныхъ князей, начало старшинства.

Послѣдняя, третья, глава рассматриваетъ служебныхъ князей, ихъ различные виды; князей, владѣвшихъ отчинами и неимѣвшихъ послѣднихъ.

«Глава дополнительная» озаглавлена такъ: «Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрењія теоріи родового быта». Проф. Сергѣевичъ приводитъ цѣлый рядъ солидныхъ

возраженій противъ родовой теоріи. Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработанного и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правового порядка. Мы говоримъ: всякий законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона нельзя жить. Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правиль, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила» (II, 336).

«Юридическая древности» проф. В. И. Сергеевича вызвали обширную рецензію Н. Н. Дебольской въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія» (августъ и сентябрь 1894 г.). Рецензія эта заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, пересказъ труда проф. Сергеевича и частичная замѣчанія и дополненія, большей частью, по мелкимъ вопросамъ. Замѣчаній этихъ, впрочемъ, очень немного, и они существенного значенія не имѣютъ.

Н. В.

Ізвѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. №№ 20 и 21. Симферополь. 1894. 8°. Въ №-ре 20-мъ.—III + 394 стр., а въ 21-мъ—140 стр.

Выпускъ 20-й Извѣстій заключаетъ въ себѣ опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и таврической губерніи вообще (Taurica), составленный правителемъ дѣлъ Арс. Маркевичемъ. Въ предисловіи къ указателю составитель его говоритъ, что «главный изъ недостатковъ его труда заключается въ недостаточной полнотѣ, которая объясняется составленіемъ указателя въ Симферополѣ, вдали отъ столичныхъ библіотекъ, и невозможностью пользоваться необходимыми справочными изданіями и пособіями. Въ Симферополѣ съ трудомъ можно найти даже мѣстные изданія за прежніе годы и неѣтъ полнаго экземпляра Таврическихъ губернскихъ вѣдомостей. Не имѣлъ составитель подъ руками и многихъ каталоговъ Межова, не имѣлъ въ распоря-

женію и многихъ періодическихъ изданій, особенно за прежніе годы. Второй недостатокъ указателя—отсутствіе оглавленій книгъ и во многихъ случаяхъ обозначенія касающихся до Крыма и Тавриды мѣстъ въ обширныхъ, многотомныхъ изданіяхъ... Во всякомъ случаѣ, говорить составитель, громадное большинство книгъ и статей, обозначеныхъ въ указателѣ, было разсмотрѣно имъ лично, а указанія дѣлались съ возможною точностью». Библіографическая работы—дѣло вообще очень копотливое, а при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ говорить г. Маркевичъ, дѣло и трудное, такъ какъ при неизмѣнномъ подъ руками книгъ—неточности неизбѣжны. Ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что составитель часто списывалъ заглавія книгъ, не имѣя послѣднихъ подъ руками, а пользуясь указаніями другихъ лицъ и работъ, слѣдуетъ объяснить крайне ошибочный скѣдѣнія указателя, напр., о лѣтописи Величка, о которой сказано, что она напечатана въ Кіевѣ, будто бы въ 1720 г., въ двухъ томахъ, 2-е изд. напечатано въ 1848 г.... Извѣстно, что лѣтопись Величка издана въ четырехъ томахъ, причемъ первый томъ напечатанъ въ 1848 г., а послѣдній въ 1864 г. Наконецъ, вторыхъ изданій ни одного изъ томовъ не было.

Нѣкоторыя книги указаны безъ всякихъ поясненій въ то время, когда заглавія тоже ничего не говорять о ихъ принадлежности къ материалу по исторіи Тавриды. Напр., Кирило-Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865.—Тоже и подъ № 418.—Указатель Порѣцкаго музея гр. Уварова. М. 1853.—Памятники, изд. Комис. для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевск. ген.-губернаторѣ—и только; ни года изданія, ни числа томовъ, а между тѣмъ изданіе состоить изъ четырехъ вищительныхъ томовъ... Затѣмъ многое можно было бы сказать о планѣ самой работы. Трудны и неблагодарны планы систематическихъ указателей; гораздо удобнѣе указатели хронологическіе съ присоединеніемъ къ нимъ затѣмъ указателей предметовъ и авторовъ. Впрочемъ, относительно указателя г. Маркевича обѣ этомъ говорить теперь поздно, а слѣдуетъ пожелать этому труду лишь исправленій, поясненій, дополненій и его продолженій.

Выпускъ 21-й Извѣстій заключаетъ въ себѣ продолженіе прежде начатыхъ статей—ордера кн. Пл. Зубова и описание дѣлъ таврич. истор. архива—и затѣмъ новыя статьи: 1) древнѣйшая книга Крымскихъ посольскихъ дѣлъ, М. Н. Бережкова, 2) нѣсколько словъ о мѣстности, прилегающей къ развалинамъ замка въ Гурзуфѣ, гр. А. А. Бобринскаго, 3) исторический очеркъ Крымско-татарского землевладѣнія, Ф. Ф. Лашкова, 4) слово при погребеніи кн. В. М. Долгорукаго.

рукаго-Крымскаго, 1782 г. и 5) письмо А. Я. Фабра къ Х. Х. Стевену, 1815 г.—Изъ этихъ статей обращаетъ на себя вниманіе начало работы г. Лашкова о Крымско-татарскомъ землевладѣніи. Какъ видно, авторъ близко знакомъ съ литературою предмета, не только печатнаго, но и архивнаго; тотъ и другой матеріалъ авторъ перечисляетъ довольно обстоятельно и даетъ читателю право ожидать отъ своего труда работы болѣе или менѣе обстоятельной, несмотря на трудность вопроса, которую вполнѣ сознаетъ и самъ авторъ, говоря: «время, въ продолженіе котораго развивается взятый для изученія вопросъ, обнимаетъ нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ протекла цѣлая историческая жизнь народа. Прослѣдить во весь этотъ періодъ обстоятельства, послужившія причиною образованія и уклада той или другой поземельной формы, весьма трудно, тѣмъ болѣе, что таковыхъ причинъ оказалось нѣсколько и притомъ самыхъ разнородныхъ... Кромѣ того, при изслѣдованіи вопроса необходимо разграничение сферы частно-хозайственного права на землю отъ общественно-политического. Вотъ почему задача оказывается настолько сложной, что невозможно преодолѣть всѣ затрудненія... О трудѣ г. Лашкова скажемъ подробнѣе, когда онъ будетъ оконченъ. Письмо Фабра къ Стевену заключаетъ въ себѣ тѣмъ болѣе любопытныя свѣдѣнія о древностяхъ Тамани, что они записаны восемьдесятъ лѣтъ назадъ.

**Семейство Разумовскихъ. А. А. Ваильчикова. Томъ пятый.
Приложеніе къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. Спб. 1894.**

8° VI + 398 стр. Съ портретомъ Н. К. Загряжской.

Пятый томъ столь известной книги «Семейство Разумовскихъ» изданъ подъ редакціей бывшаго профессора юрьевскаго университета Брикнера и заключаетъ въ себѣ дополненія къ біографіи кн. Андрея К—ча Разумовскаго. Дополненія состоять главнымъ образомъ изъ писемъ къ послѣднему разныхъ лицъ, между которыми письма гр. В. И. Коцубея представляютъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія для біографіи этого любимца кн. Безбородка и фортуны. Коротенькая біографія Н. К. Загряжской, одной изъ дочерей послѣднаго гетмана, даетъ лишь блѣдный очеркъ этой и умной, и остроумной женщины.

**Кіево-Братський училищний монастиръ. Исторический очеркъ. Н.
Мухина Кіевъ. 1893 г. ц. 2 р. 50 к.**

Братський монастиръ въ историческомъ отношеніи занимаетъ исключительное мѣсто въ средѣ другихъ кіевскихъ монастырей. Онъ не имѣть за собою и такой древности, какою можетъ похвалиться большинство другихъ кіевскихъ монастырей; не обладаетъ онъ и такимъ обиліемъ святынь, какими славились и нынѣ славятся другія обители нашего «русскаго Іерусалима». Значеніе Кіево-Братского монастыря совсѣмъ особое. Основанный въ эпоху величайшаго религіозно-нравственнаго возбужденія среди южно-руssкаго православнаго общества, Кіево-Братский монастыръ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія былъ призванъ стать во главѣ ревнителей православія вообще и православнаго духовнаго просвѣщенія въ частности. Служеніе этой высокой идеѣ составляло долгое время индивидуальную особенность исторической жизни Кіево-Братского монастыря, съ чѣмъ соглашается и на что нарочито указываетъ и авторъ разматриваемаго нами сочиненія (см. стр. 1—2, 23—25). Естественно, поэтому, ожидать, что авторъ «исторического очерка» о Кіево-Братскомъ монастырѣ обратить особенное вниманіе на индивидуальную особенность предмета своего изслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, въ разматриваемомъ сочиненіи этого нѣть.

Сочиненіе состоитъ изъ вступленія, пяти главъ и 25 приложе-
ній. Въ краткомъ вступленіи (стр. 1—8) говорится о современномъ и прежнемъ значеніи Кіево-Братского монастыря, намѣчаются періоды въ его исторіи и указываются источники и пособія, которыми пользовался авторъ. Въ первой затѣмъ главѣ (стр. 9—60) описываются обстоятельства основанія монастыря и его исторіи въ первый періодъ его существованія 1615—1631 г., когда монастырь устраялся; во второй главѣ (стр. 61—142) излагается исторія монастыря въ періодъ постепеннаго его роста (1632—1720 г.) въ союзѣ съ кіево-могилянскою коллегіею, къ концу этого періода получившею название Академіи; въ третьей главѣ (стр. 143—149) обозрѣвается судьба монастыря въ періодъ его постепеннаго упадка въ материальномъ отношеніи, заканчивающійся даже времененнымъ закрытіемъ монастыря (1720—1786—1799 г.); въ четвертой главѣ (стр. 200—271) изображается судьба монастыря въ теченіе настоящаго вѣка, когда монастырь жилъ самостоятельно отъ академіи, хотя и подъ общою съ нею властію и управлениемъ настоятеля и вмѣсть ректора; наконецъ,

въ заключительной—пятой главѣ (стр. 272—307) описывается современное состояніе Кіево-Братскаго монастыря, а въ приложеніяхъ (стр. 311—407) помѣщено нѣсколько болѣе или менѣе древнихъ документовъ, касающихся исторіи монастыря и *не погибшихъ еще въ печати*. Таковъ планъ сочиненія, который безспорно долженъ быть признанъ естественнымъ и хорошимъ.

По содержанію же своему, сочиненіе представляетъ преимущественно собраніе біографій всѣхъ настоятелей Кіево-Братскаго монастыря и подробный указатель всѣхъ измѣненій относительно имуществъ и вообще матеріальныхъ средствъ его содержанія. Отсюда и самая конструкція сочиненія выходитъ нѣсколько однообразной. Сдѣлавъ краткую характеристику извѣстнаго періода, авторъ затѣмъ перечисляетъ всѣхъ настоятелей монастыря, перемѣнившихъ въ теченіе этого періода, и здѣсь же указываетъ всѣ тѣ имѣнія и угодья, какія были приобрѣтены монастыремъ при томъ или другомъ настоятельѣ. Такимъ образомъ, сочиненіе даетъ одну только виѣшнюю исторію монастыря и почти вовсе не касается внутренней его исторіи. Понятно, что такая точка зрѣнія непримѣнима ко всякому вообще монастырю и тѣль болѣе къ *Кіево Братскому училищному монастырю*. Подъ сѣнью этого монастыря существовало Богоявленское братство, равно какъ этотъ же монастырь, можно сказать, вскориъ и выростилъ не менѣе славную кіевскую академію. Очень жаль, что авторъ мало обращаетъ вниманія на братство и академію, которыхъ были тѣсно связаны въ своей дѣятельности съ Кіево-Братскимъ монастыремъ и во всякомъ случаѣ были много обязаны ему, и вообще мало останавливается на внутренней жизни монастыря. Авторъ и самъ сознаетъ это и въ свое оправданіе ссылается на то, что «написать исторію Братскаго монастыря, которая обнимала бы и указанную (т. е. внутреннюю) сторону жизни его, а крайнею скучестю необходимыхъ для сего данныхъ—дѣло очень не легкое, пока почти невозможное». Однако же авторъ не воспользовался надлежащимъ образомъ даже тѣми источниками, какіе у него были подъ руками. Разумѣемъ «ламентациіи Кіево-Братскихъ монаховъ» и письмо Іоофана Прокоповича. Продуктивность автора въ отношеніи къ нимъ выразилась лишь въ томъ, что онъ приводитъ ихъ въ свое сочиненіе или цѣликомъ, или въ выдержкахъ, но не старается на основаніи ихъ нарисовать болѣе или менѣе полную картину внутренней жизни монастыря.

Кстати о выдержкахъ. Онѣ занимаютъ едва не четверть обширнаго труда и приводятся не всегда удачно авторомъ. Во 1) иногда вмѣсто нѣсколькихъ предложеній, которыхъ было бы вполнѣ достаточно для поясненія извѣстной мысли, приводятся цѣлые трактаты (см. стр. 29—30), а во 2) приведеніе обширныхъ выдержекъ въ текстѣ иногда является совершенно излишнимъ въ виду того, что онѣ заимствуются изъ документовъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ (см. стр. 48—49; 70—71 и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ вдается въ совершенно излишнія розысканія (напр., касательно имени основательницы монастыря, стр. 10, 11), или же въ совершенно ненужныя подробности (напр. о любви архим. Иннокентія къ природѣ стр. 234—238). Сами по себѣ нѣкоторыя изъ этихъ розысканій и подробностей весьма интересны, но въ исторіи Кіево-Братскаго монастыря имъ не мѣсто: здѣсь можно было бы ограничиваться простыми ссылками.

Въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи разматриваемое сочиненіе не вполнѣ безукоризненно. Встрѣчаются неправильные предложения (напр., стр. 87 первыя 2 строки сверху и слѣд.; стр. 254 прил. 2 и 255 первыя строки сверху, стр. 172 и др.) и неловкія выраженія (напр., стр. 3: «сюзная съ нимъ, т. е. монастыремъ, академія»; стр. 14: «имѣя средства къ дѣламъ благотворительности»; стр. 42: «побѣдоносная сила Богдана Хмельницкаго была мечемъ», «въ своемъ разъярѣніи на Україну и др.»).

Относительно приложений замѣтамъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, вопреки обѣщанію автора помѣщать здѣсь документы *неподавленіеся въ печати* (стр. 4), взяты авторомъ изъ печатныхъ изданий (напр., первые два документа).

Указанные нами недостатки нисколько не умаляютъ достоинствъ сочиненія, являющагося первымъ опытомъ въ своемъ родѣ. Мы отмѣтили всѣ замѣченные нами недостатки на случай могущаго быть второго изданія книги. Издание это весьма желательно. Достоинства разсмотрѣннаго нами сочиненія безспорно значительны. Авторъ работалъ преимущественно на основаніи сырого архивнаго матеріала. Сочиненіе въ общемъ читается легко и съ большимъ непрерывающимися интересомъ. Его можно рекомендовать всякому образованному читателю.

Ф. Тятовъ.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, издаваемыя Импер. Московскімъ Археологич. Обществомъ подъ ред. дѣйств. чл. А. В. Орѣшникова. №№ 1—12-й. Москва. 1894.

Періодическое изданіе Московскаго Археологическаго Общества въ 1894 г. издавалось безъ замѣтныхъ перемѣнъ противъ прошлаго года. Поэтому ограничимся указаниемъ въ немъ статей и извѣстій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ югу Россіи. Изъ статей мы остановимся на слѣдующихъ.

И. Е. Забѣлина «Замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Словѣ о Полку Игоревомъ» (№ 10). «Мѣсто это въ «Словѣ» читается такъ: «Рекъ Боянъ и ходы на Святослава пѣснотворца старого времени Ярославля Ольгова Когана хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Русской Земли безъ Игоря». Маститый московскій археологъ полагаетъ, что въ словахъ «и ходы на» заключается собственное имя пѣснотворца *Ходына*; что же касается слова *коганъ*, то онъ придаетъ ему значеніе, болѣе обширное, чѣмъ слово *князь*, и считаетъ возможнымъ, что оно могло обозначать также и *отца*; слово *хоти* въ лѣтописномъ языке могло значить *любимецъ* (собственно *любовникъ*); въ результатѣ все приведенное мѣсто «Слова», по толкованію г. Забѣлина, получаетъ слѣдующій смыслъ: «Рекъ Боянъ, и Ходына, Святославовы пѣснотворцы, (пѣснотворцы) старого времени Ярославова, Ольгова когана—отца любимцы». «Что же они, пѣснотворцы, рекли», — спрашиваетъ авторъ: «Они рекли свои припѣвки. Одинъ, Боянъ, когда-то сказалъ припѣвку: «Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю». Втори Бояну, другой пѣснотворецъ Ходына промолвилъ: «Зло ти тѣлу, кромѣ головы». А третій—пѣвецъ Игоревъ—приномнилъ и привелъ къ мѣсту ихъ старыя словесы именно для того, чтобы сказать: «А русской землѣ (тѣлу) тяжко и зло безъ (головы)—Игоря». Въ житіи св. Феодосія пещерскаго г. Забѣлинъ указываетъ подтвержденіе, что Святославъ дѣйствительно любилъ пѣснотворчество; имена же, созвучныя Ходынѣ, онъ находитъ у Вятычей и у западныхъ славянъ, и даже въ греческихъ надписяхъ черноморскаго побережья, а отголоски подобныхъ же именъ отыскивается въ мѣстныхъ названіяхъ.

Въ томъ же, десятомъ, номерѣ «Арх. Изв.» напечатана статья *A. O.* «Новые матеріалы по вопросу о загадочныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ». Таинственные значки, замѣчае- мые на монетахъ, относимыхъ къ св. Владимиру святому, Святополку и

Ярославу, возбуждали до послѣдняго времени недоумѣніе изслѣдователей; одни изъ послѣднихъ видѣли въ этой фигурѣ трезубецъ, другіе—свѣтильникъ или паникадило, третыи—хоругвь (*labarum*) и пр. Академикъ А. А. Куникъ усматривалъ въ ней родовой знакъ собственности.

Авторъ разсматриваемой статьи, *A. O.*, реферируетъ докладъ, присланный Московскому Археологич. Обществу статистикомъ вятскаго губернскаго земства *П. М. Сорокинымъ*. Въ докладѣ этомъ привлекаются къ изученію данныя этнографіи, именно—знаки собственности у вояковъ; эти знаки имѣютъ родовой характеръ и въ происходящихъ поколѣніяхъ подвергаются послѣдовательнымъ измѣненіямъ; соответственно этому и въ подтвержденіе мнѣнія Куника, разсматриваются и знаки на древнихъ русскихъ монетахъ, при чёмъ авторъ даетъ небольшой экскурсъ объ извѣстныхъ драгичинскихъ пломбахъ, которыхъ онъ признаетъ тоже знаками собственности, и воспроизводить любопытное изображеніе на одномъ древнемъ перстнѣ, аналогичное съ фігурой на монетахъ и съ нѣкоторыми изъ драгичинскихъ значковъ.

Статья И. А. Линниченка «Ново-открытое свидѣтельство о времени в. кн. Изяслава Ярославича» (№ 11) вызвана замѣткой краковскаго профессора Анатолія Левицкаго «Надпись на палліумѣ XI в.» помѣщенной въ журналѣ *Kwartalnyk Historyczny*, и представляетъ собою историческій комментарій къ любопытной записи въ одной рукописи XV в., хранящейся въ Курницкой библіотекѣ гр. Рачинскихъ и заключающей копіи разныхъ документовъ. Въ русскомъ переводе запись эта гласить слѣдующее: «Списокъ надписи на палліумѣ св. Адальберта. Молитвами св. Димитрія подаждь Боже всемогущій многая лѣта рабу Твоему Изяславу, князю Русскому, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, аминь. Господи, да будетъ во имя Твое». Проф. Левицкій пришелъ къ заключенію, что палліумъ, съ котораго была скопирована приведенная надпись, не принадлежалъ св. Адальберту (Войцѣху), ибо послѣдній не былъ архіепископомъ, а слѣдовательно и не могъ носить палліума; имя русскаго князя, по его мнѣнію, могло явиться на палліумѣ только потому, что Изяславъ приподнесъ его какому-нибудь архіепископу; краковскій ученый видѣть въ этомъ доказательство, что Изяславъ принялъ католичество. Это послѣднее заключеніе г. Линниченко оспариваетъ посредствомъ анализа современныхъ Изяславу политическихъ событий и отношений, полагая, что палліумъ привезенъ былъ изъ Рима гнѣзинскому архіепископу Богумилу, а Изяславъ далъ только драгоценную матерію

на облаченіе съ вышеприведенnoй надписью, которая въ XV вѣкѣ была переведена на латинскій языкъ; къ тому же на католическихъ палліумахъ не извѣстно надписей.

Н. Ф. Романченко въ статьѣ «Къ вопросу о древнемъ поселеніи въблизи Евиаторії» (№ 1), основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ 1893 году, склоняется къ мнѣнію, что въ окрестностяхъ названного города находился греческій городъ Керкинитида.

А. Н. Шварцъ въ замѣткѣ «По поводу одной Керченской вазы» (№№ 3—4) даетъ художественное толкованіе изображенію на вазѣ, открытой въ Керчи гр. А. А. Бобриńskимъ. Послѣдній отвѣчалъ г. Шварцу и давалъ свои объясненія (№№ 6—7).

Изъ мелкихъ замѣтокъ имѣютъ отношеніе къ Югу Россіи извѣстія о поѣздкахъ на о-ва Березань и Каменоватый, о раскопкахъ В. И. Гошкевича въ херсонск. губ., обѣ археологическихъ находкахъ въ Керчи, Феодосіи, Кіевѣ и кіевской губ. (бар. де Бай), въ Аккерманѣ, о коллекціяхъ древностей д-ра Ролле въ Каменецѣ-Подольскѣ, гр. Тышкевича въ Парижѣ, церковно-археологическомъ музеѣ въ Кіевѣ (пожертвованіе г. Леонардова), обѣ открытомъ г. Бѣляшевскимъ въ Варшавѣ описаніи Кієва XVII в. и др. древнихъ документахъ.

Въ журналѣ даются отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и отзывы о новостяхъ археологической литературы, къ сожалѣнію, очень краткіе.

Съ новаго года журналъ будетъ выходить подъ новой редакціей И. А. Линниченко и В. М. Михайловскаго, при участіи прежняго редактора. Пожелаемъ ему освободиться изъ-подъ зависимости газетныхъ репортеровъ, войдя въ ближайшія сношенія съ провинціальными членами Археол. Общества и приступить къ разработкѣ богатыхъ материаловъ, хранящихся въ архивѣ послѣдняго.

В. Ястребовъ.

О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Україну отъ польской неволи. И. Слѣпушкина. Издание 4-е Комиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ. Кіевъ 1894 г.

Изъ вышеизложеннаго видно, что книжка эта не новая и выдерживаетъ уже четвертое изданіе; впервые она появилась четверть вѣка назадъ, еще при жизни ея почтенного автора, имя которого памятно кіевлянамъ, и особенно дорого воспитанникамъ кіевской 2-й

гімназії, якъ лучшаго педагога, якъ доброго начальника, якъ безукоризненно честнаго чоловѣка; она появилась въ періодъ наибóльшаго развитія интереса къ роднй старинѣ, когда кіевская археографическая комиссія стала издавать лѣтописи и акты по исторії козачества, когда и С.-Петербургская комиссія предприняла печатаніе «актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», продолжая тѣмъ дѣло, начатое обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университете, когда эти серьезныя изданія изучалась не только спеціалистами, но и вообще весьма многими образованными людьми, когда даже преподаватели гімназій читали ученикамъ въ классѣ лѣтописи Самовидца, Величка, Грабянки и сообщали хотя краткія свѣдѣнія по исторіи южно-русской литературы, а между тѣмъ, для народнаго чтенія не было ни одной книги, чтобы ознакомить грамотныхъ людей съ важнѣйшимъ моментомъ въ исторії южной Руси. Въ это то именно время доброй памяти И. И. Слѣпушкинъ сдѣлалъ попытку удовлетворить этой назрѣвшей потребности. Этотъ трудъ автора отличается твердостью и определенностью взгляда, обстоятельностью и полнотой разсказа; при этомъ отъ начала до конца разсказъ согрѣть любовью автора и къ своему народу, и къ его герою и оканчивается трогательной картиной послѣдняго года жизни Хмельницкаго. Могутъ, конечно, сказать, что въ прошедшую четверть вѣка не мало вышло въ свѣтъ новыхъ матеріаловъ, появилось нѣсколько новыхъ работъ, намѣчаются новые точки зрењія на козачество и на самого Хмельницкаго и что, слѣдовательно, работа И. И. Слѣпушкина пожалуй уже и поотстала. Да, отвѣтимъ мы, дѣйствительно, исторія козачества начинаетъ перерабатываться, новое направленіе чувствуется уже; но все это такъ неопределено, такъ трудно предвидѣть тотъ окончательный выводъ, къ которому прійдетъ историческая наука, что заносить всѣ эти толки о козачествѣ и Хмельницкомъ въ книгу для народнаго чтенія едва-ли было бы благоразумно, ибо они препятствовали бы только ясному представлению въ народѣ о дѣлѣ Хмельницкаго. Поэтому, мы думаемъ, книга не потеряла еще своего значенія и сохранить его до тѣхъ поръ, пока не выяснится рѣшительно новая точка зрењія на события того времени на основаніи безпредвзятаго изученія историческаго матеріала и етрого научной оцѣнки дѣятельности героевъ.

Настоящее четвертое изданіе сочиненія И. И. Слѣпушкина сдѣлано Комиссіей народныхъ чтеній въ Кіевѣ, такъ какъ сочиненіе составляетъ собственность комиссіи (оно уступлено ей родственни-

ками и наследниками автора); это издание имѣетъ предъ прежними то преимущество, что снабжено портретомъ Богдана Хмельницкаго по гравюрѣ Гондіуса 1651 г., которая, какъ самая древняя и современная оригиналу, считается и самой вѣрной; снимокъ сдѣланъ превосходно; подъ нимъ находится факсимиile подписи гетмана, взятое комиссией изъ известной книги «Исторические дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ¹⁾». Брошюра одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для ученическихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Остается пожелать, чтобы и настоящее четвертое изданіе ея также быстро разошлось, какъ и три предшествовавшія, тѣмъ болѣе, что деньги, вырученныи отъ продажи изданія, идутъ на благое дѣло сооруженія народной аудиторіи.

И. Каманинъ.

Dr. G. Radde und E. König. Das Ostufer des Pontus und seine culturelle Entwickelung im Verlaufe der letzten dreissig Jahre. Gotha, 1894. (Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 112).

Заглавіе книги мало соотвѣтствуетъ ея содержанію: изъ 120 страницъ текста развѣ шестая часть относится къ культурному развитію восточнаго берега Чернаго моря за послѣднее тридцатилѣтіе. Въ сущности это выдержки изъ записной книжки ботаника, причемъ по случайнымъ поводамъ заносятся и личныя впечатлѣнія, вызванныя встречами съ людьми. Колонизация и вообще культура черноморскаго побережья и Кубанской области затронуты авторами лишь попутно, приводится нѣсколько отрывочныхъ цифръ, напр. о торговлѣ новороссійскаго порта въ 1885 и 1892 гг., нѣсколько случайныхъ замѣчаній объ отдаленныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, все это безъ внутренней связи и безъ дѣйствительного зна комства съ экономической жизнью края. Нѣсколько подробнѣе свѣдѣнія, сообщаемыя авторами объ Анапскомъ округѣ и въ частности о нѣмецкихъ колоніяхъ, а также о государевомъ имѣніи Абрау (къ западу отъ Новороссійска). Не лишены интереса, хотя и не новы, наблюденія авторовъ о хищническомъ истребленіи вѣковыхъ лѣсовъ по дорогѣ изъ Туапсе въ Майкопъ и печальному положенію переселенцевъ на Кубань.

¹⁾ Составили проф. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Киевъ 1885 г.

Приложенные въ книгѣ карты показываютъ распространеніе на Кавказѣ зубра и маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Языкъ сочиненія заставляетъ желать лучшаго, а транскрипція именъ собственныхъ довольно неудовлетворительна. Прибавимъ, что г. Радде—директоръ тифлисскаго музея для естествознанія, этнографіи и археологии Кавказа.

В. Ц.

Живописная Украина.

(Указатель рисунковъ изъ малорусского быта въ иллюстрированныхъ журналахъ за 1894 годъ).

По мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ искусства увеличивается число художественныхъ силъ и расширяется ихъ дѣятельность, а въ удовлетвореніе возрастающей въ обществѣ потребности въ художественно-литературныхъ позданіяхъ увеличивается число иллюстрированныхъ журналовъ,—южнорусскій край, въ его видахъ и типахъ, больше и больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе художниковъ и даетъ содержаніе для ихъ произведеній, появляющихся какъ на художественныхъ выставкахъ, такъ и на страницахъ иллюстрированныхъ изданий. Каково бы ни было достоинство этихъ произведеній, они также, какъ и статьи, посвященные южнорусскому краю, представляютъ собою материалъ для его изученія, рисунки (болѣе или менѣе удачно) въ образахъ то, что другіе дѣятели описываютъ въ своихъ статьяхъ. Въ виду этого, въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ предыдущихъ книгахъ «Кievской Старинѣ», обозрѣніямъ журнальныхъ статей, относящихся къ южнорусскому краю, мы сочли не лишнимъ перечислить относящіеся къ тому же краю рисунки, помѣщенные въ журналахъ за истекшій 1894 годъ, причемъ не претендуемъ на полноту этого указателя, такъ какъ мы не могли читать всѣ иллюстрированные журналы, а имѣли въ виду лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ такого рода рисунки помѣщались въ наибольшемъ количествѣ. Для удобства въ справкахъ, какъ названія журналовъ, такъ и фамиліи художниковъ располагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Артистъ.

Снимки съ картинъ:

- а) Куинджи А. И.—Чумацкій трактъ, № 3.
- б) Пимоненко Н. К.—Паробки, № 6.

Портретъ: А. А. Переяслава (малорусская актриса, ум. въ 1894 г.) № 4.

Всемірная Іллюстрація.

Снимокъ съ картины Костенко С. — Передъ звѣрицемъ (въ южно-русскомъ городкѣ), № 1329.

Оригинальные рисунки:

а) *Ижакевича И. — Странствующій философъ Сковорода на чути № 1350.*

б) *Менка В. В.—Уголокъ Малороссіи, № 1324.*

в) *Рильшина И. Е.—1) Хата въ Новороссіи. — 2) Типъ козака-пластуна (изъ книги «Русскіе художники. И. Е. Рѣпинъ»), № 1337.*

г) *Скирилло А.—Ярмарочные сцены въ Малороссіи, № 1341.*

д) *Ткаченко Н.—Святочныя гуляки въ Малороссіи, № 1301.*

е) *Трутовская К. А.—Малороссы на Ярмаркѣ, № 1303.*

Портреты и виды: Г. С. Сковорода, украинскій философъ (съ портрета, изд. П. Бекетовымъ). № 1350.—Столѣтіе Одессы (девять портретовъ и 27 видовъ), № 1337 и приложение къ № 1345.—Открытие памятника на могилѣ И. Г. Наумовича въ Кіевѣ, № 1343.—Борки, харьковской губерніи (три вида) №№ 1325 и 3727.

Живописное Обозрѣніе.

Снимки съ картинъ:

а) *Брандта И.—Нашали на слѣдъ, № 50.*

б) *Козановской М. А.—Сборъ свеклы, № 33.*

в) *Маковскую В. Е.—Соперница, № 8.*

Портреты и виды: Столѣтіе Одессы (четыре портрета и 16 видовъ), приложение къ № 35 и № 37.—Борки (видъ церкви), № 26.

Жизнь и Искусство.

Снимки съ картинъ:

а) *Генюко И. В.—1) Нагулялся, № 151.—2) Спортсмены, № 172.*

б) *Жлудкина Г. Г.—Задумалась, № 151.*

Оригинальные рисунки:

а) *Селезнева И. О.—1) Запорожецъ, № 51.—2) На Волыни, № 69.*

д) *Эртеля А.—Украинская ночь, № 172.*

Портреты: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, № 83.—М. К. Заньковецкая, № 125.—Н. К. Садовскій, № 125.—Професоръ В. Бецъ, № 305.—Должностныя лица Кіевскаго городскаго управлениія, №№ 51 и 111.

Виды: Кіевъ (четыре вида), №№ 4 и 211.—Одесса, № 248.—Борки, № 234.

З в Ъ з д а.

Рисунки:

- а) *Дейнеки*.—Возвращение съ поля, № 33.
 б) *Козачинская Ф.*.—На припекѣ, № 31.
 в) *Молдавская В.*.—Дьякъ и Солоха, № 25.
 г) *Оболенская Н.*.—Изъ поэмы «Полтава» А. С. Пушкина, № 27.
 д) *Скирилло А.*.—Пасха въ Малороссии, № 16.
Портреты и виды: Г. С. Сковорода, № 47.—Столѣтіе Одессы
 (одинъ портретъ и шесть видовъ).

Модный Свѣтъ.

Снимокъ съ картины Пимоненка Н. К.—Свадьба въ кіевской туб., № 26.

Рисунокъ Приходько И.—За прялкой, № 6.

Мозаика (приложение къ журналу «Новъ»).

Снимки съ картинъ Рильшина И. Е.—1) Запорожецъ.—2) Смѣющійся запорожецъ.—3) Запорожецъ въ степи.—4) Малороссійская девушка, № 2.

И н в а.

Снимки съ картинъ:

- а) *Брандта И.*.—Козакъ-бандуристъ, № 25.
 б) *Васильковская С. И.*.—Козачья левада, № 17.
 в) *Гороновича В.*.—Дѣдова хата, № 49.

Оригинальные рисунки:

- а) *Джитрієва-Оренбургская Н.*.—Карлъ XII на Днѣпрѣ, № 3.
 б) *Ижакевича*.—1) Рѣдкій гостинецъ, № 1.—2) По мягкому сиѣгу, № 5.—3) «Закуримъ», № 6.—4) Послѣ битвы, № 7—5) Маленькая говѣльщица, № 12.—6) Говѣльщики, записывающіеся при исповѣди, № 15.—7) Зарываніе на нивѣ костей, оставшихся отъ разговѣнья въ свѣтлый праздникъ, № 16.—8) Українскій кобзарь, № 23.—9) Водяная мельница, № 27.—10) У корчмы, № 29.—11) Въ засадѣ, № 31.—12) Приготовленіе запорожцевъ къ походу, № 34.—13) Веселая команія, № 35.—14) Рисунокъ къ роману Сенкевича «Огнемъ и мечомъ». № 36.—15) У кузницы, № 37.—16) Любопытный, № 40.—17) Доморощенный механикъ, № 42.—18) Маленький пѣнникъ, № 44.—19) «Причинна» Шевченка, № 50.—20) Промывка овчинъ зимой въ Малороссии, № 51.
 в) *Кравченко Н.*.—Въ степи, № 39.

г) *Крижицкаю К.* — На берегу Днѣпра № 12.

д) *Лебедева Н.* — 1) Царскій цущій подносить князю Даніилу Галицкому королевскую корону, № 7.—2) Владимиръ Мономахъ, пришедший въ Киевъ, чтобы наказать Святополка, выслушиваетъ моленія митрополита Киевскаго и мачихи своей; № 9.

е) *Храброва И.* — Сорочинская ярмарка Гоголя (восемь рисунковъ, перепечатанныхъ изъ изданной Марксомъ книги) № 18.

Портреты: Григорій Саввичъ Сковорода, № 41.—Гоголь, читающій «Ревизора», № 1.

Виды: Одесса (18 видовъ), №№ 35 и 39.—Борки (два вида), № 24.—Цамятникъ на могилѣ Наумовича въ Киевѣ, № 42—Преображенскій дѣвичій монастырь (Кievской губ.), № 31.

Н о в ь .

Снимки съ картинъ:

а) *Нитица - сына Э.* — Карлъ XII въ битвѣ подъ Полтавой № 20.

б) *Рейшана М.* — Концертъ у проѣзжей дороги въ Малороссіи, № 13.

в) *Портретъ И. П. Котляревскаго и видъ его могилы*, №. 22.

По морю и сушѣ.

Портреты. М. К. Заньковецкая, № 45.—М. И. Драгомировъ, № 53.—Одесскіе городскіе головы (два портрета), №№ 67 и 69.

Виды: Одесса (30 видовъ), №№ 43, 48, 50, 51, 54, 55, 57, 66, 67, 69, 70 и 71.—Окрестности Одессы (шесть видовъ), №№ 47, 56 и 68.

Р о д и н а .

Снимокъ съ картины Рѣпина И. Я. — Отвѣтъ Султану, № 9.

Рисунки:

а) *Кузнецова Н.* — Отъ грозы, № 28.

б) *Микшина М. О.* — Базарь въ Малороссіи, № 5.

в) *Пилотти Г.* — Еврейскій шабашъ въ городкѣ юго-западной Россіи, № 42.

г) *Полякова В.* — Иллюстраціи къ сочиненіямъ Н. В. Гоголя: «Ночь подъ Рождество» (четыре рисунка), №№ 1 и 2.—«Майская ночь или утопленница» (четыре рисунка), №№ 3—5.—«Страшная месть» (шесть рисунковъ), №№ 6—9.—«Пропавшая грамота (три рисунка), №№ 11—11.—«Остраница» (три рисунка), №№ 16—18.—«Тарасть Бульба» (десять рисунковъ), №№ 41—50.

- л) *Ризниченко Θ.*—По сосѣдамъ, № 6.
 е) *Саплин A.*—На покосѣ, № 24.
 ж) *Скириелло A.*—Егорьевъ день въ Малороссіи, № 17.
 Виды: Одесса, № 39.—Борки, № 44.—Святогорская Успенская общежительная пустынь, № 17.
-

С є в е р ъ.

Снимки съ картинъ:

а) *Казановской—Классъ M. A.*—Сборъ бураковъ, № 19.

б) *Маковской В. Е.*—Малороссійскій пейзажъ, № 19.

Рисунки:

а) *Валуйской Р*—«Тарасъ Бульба» Гоголя.

б) *Дмитріева · Оренбургской Н. Д.*—Запорожецъ на сторожевомъ посту въ XVII столѣтіи, № 25.

в) *Козачинской Θ.*—1) Нарѣбокъ, № 26. 2) Старый помѣщикъ, № 31.

г) *Матасова В. В.*—Мщеніе Ольги древлянамъ, № 50.

д) *Ткаченко Н.*—На ярмаркѣ, № 13.

е) *Шкарёва*—«Уточлена» Т. Г. Шевченко, № 9.

Портреты и виды: Т. Г. Шевченко, № 9.—Къ столѣтію Одессы (два портрета и три вида), № 35.—Борки (три вида), № 27.

Иностранные журналы.

Относительно иностранныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, которыхъ мы видѣли лишь незначительную часть, мы вслѣдствіе этого можемъ сдѣлать очень немногія указанія.

Польский журналъ «*Tygodnik Illustrowany*», въ которомъ когда-то помѣщалось много рисунковъ изъ малорусского быта, въ истекшемъ году далъ лишь снимки съ двухъ картинъ Юлія Зубера изъ галиційского быта: «*W tańcu*» (№ 237) и «*Zakochana*» (№ 255) три вида м. Славуты, Волынской губ. (№ 230) и виды Львовской выставки (№№ 235, 239, 244 и 250).

Въ чешскихъ журналахъ «*Světozor*» и «*Zlata Praha*» были помещены снимки съ картины Йосифа Брандта «*Powitanie stepu*», и кромѣ того въ первомъ изъ нихъ помѣщались хорошие фотографические снимки по фотографіямъ съ натуры къ статьѣ Fr. Řehořа «*Z cest po Haličské Rusi*», изображающіе виды разныхъ мѣстъ, постройки, типы, сцены, и т. п., въ количествѣ 48, въ №№ 21—23, 38—40 и 49—52.

Изъ нѣмецкихъ журналовъ въ «*Die Graphischen Künste*» были помѣщены превосходно исполненные снимки съ картинъ и сунковъ И. Е. Рѣшина, въ томъ числѣ нѣсколько изъ малорусскаго быта: Запорожцы, козакъ - пластунъ, Типъ козака, Деревенскій скрипачъ, Хата въ Новороссіи, Запорожскія пушки.

По сообщенію журнала «Новъ», снимки съ произведеній Рѣшина помѣщались также и во многихъ Американскихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Н. III.

Журнальное обозрѣніе¹⁾.

Въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи (№ 12-й 1894) помѣщено произведеніе южнорусскаго духовнаго писателя Феодосія Сафоновича— «мученіе св. великомученицы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ ея (стр. 598—614). Произведеніе это написано въ 1669 г., когда Сафоновичъ былъ игуменомъ Михайловскаго монастыря (1655—1676). «Повѣсть о преславныхъ чудесахъ» заключаетъ въ себѣ нѣсколько небеззънтересныхъ чертъ изъ религіозно-нравственнаго быта южнорусскаго народа въ XVII в.

Въ Восходѣ (№ 12-й 1894) помѣщены: 1) С. М. Дубнова— свѣдѣнія объ областныхъ кагально-раввинскіхъ сѣѣздахъ въ провинціяхъ Малопольской, Великопольской, Подоліи и Волыни въ XVII—XVIII в. в. (стр. 139—150). Тутъ же авторъ сообщаетъ свѣдѣніе о древнемъ еврейскомъ молитвенникѣ, заключающемся въ себѣ между прочимъ молитвы— «о убиенныхъ на Руси и Украинѣ въ 1648—49 г.» и «о Жертвахъ рѣзни и войнъ въ Польшѣ въ 1654—60 г.» и 2) Ис. Блюменфельда— По колоніямъ Херсонскаго уѣзда (стр. 1—18). Здѣсь сообщаются небеззънтересныя свѣдѣнія объ успѣшныхъ занятіяхъ евреевъ землемѣстіемъ...

Въ Русск. Архивѣ (№ 12-й 1894) въ небольшой статейкѣ о гр. П. А. Клейнмихелѣ (стр. 590—591), написанной по поводу столѣтія со дня рожденія послѣдняго, авторъ г. П. Б. упоминаетъ «о трудолюбіи и покорливости гр. К—ля во время его службы при его благодѣтелѣ графѣ Аракчеевѣ», говоритъ, что впослѣдствіи «имя гр. К—ля было грозно на всю Россію. Когда онъ прѣѣзжалъ отдыкатъ къ себѣ въ Почепъ²⁾ (Мглинск. уѣзда, Черниг. губерніи), то и губернаторъ мѣстный, и правители сосѣднихъ губерній по цѣлымъ часамъ дожидались въ его саду (?), пока онъ удостоитъ ихъ приглашенія къ себѣ».

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 12.

²⁾ Почепъ купленъ гр. К—лемъ у наследниковъ гр. А. К. Разумовскаго, послѣ чего дочь послѣдняго княгиня В. А. Репнича перевезла прахъ родителя своего изъ Почепа въ Н. Сѣверскій монастырь. См. Кіевск. Стар. 1894 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Въ Книжные Магазины Н. Я. ОГЛОБЛИНА

въ Киевѣ и С.-Петербургѣ въ теченіе 1894 года поступили
въ продажу слѣдующія книги по Исторіи:

Акты Холмогорской и Устюжеской епархій. Кн. II СПБ. 1895 г. ц. 2 р.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и негравничныхъ
отношений (1742—1767). Од. 1893 ц. 1 р. 50 к.

Архивъ Сенатскій. VI. Журналы и опредѣленія Прав. Сената 1744—
1746 г. СПБ. 1893 ц. 2 р. 25 к.

Архивъ Юго-Западной Россіи ч. 8-я Т. II.—Матеріалы для исторіи
мѣстного управления въ связи съ исторіею сословной организаціи Акты
Барскаго старов. XVII—XVIII в. К, 1894 ц. 2 р.

Бавтишъ-Каменскій Н. Н. Обзоръ вышнихъ сношеній Россіи (по
1800 годъ) ч. 1-я (Австрія, Авглія, Венгрія, Голландія, Данія Испанія)
М. 1894 ц. 2 р.

Барсуковъ Н. Жизнь и труды М. П. Погодина кн. VIII-я СПБ.
1894 ц. 2 р. 50 к. (за всѣ 8 кн. ц. 20 р.)

Бильдерлингъ А. Просвѣтители Россіи. Съ фоторисунками. СПБ.
1894 п. 3 р.

Бобринскій Аз. Курганы и случайная археологическая находки
близъ м. Смѣлы. Т. 2 й Дневники раскопокъ 1887—1889 г. и о кур-
ганахъ Звенигородского и Роменскаго уѣздовъ. СПБ. 1894 ц. 8 р.

Бороздинъ К. А. Россійскій царственный домъ Романовыхъ. Под-
пись. цѣна за 10 портр. СПБ. 1893 ц. 1 р. 75 к.

Бузескуль В. Научная литература по Греческой исторіи за по-
слѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ. I. Общія сочине-
нія по исторіи Греціи, М. 1893 ц. 40 к. Отт. изъ IV т. «Филологич.
Обзоръ» 1893 г.

Бумаги князя Гр. Ал. Потемкина Таврическаго 1788—1789 гг.
Напечат. подъ ред. Н. Ф. Дубравина. СПБ. 1894 д. Изд. Военно-Учен. Комит. Главн. Шт. Сборникъ В. Истор. материаловъ Вып. VII. 2 р. 25 к.

Будинскій П. Н. Къ исторії Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г. Харьк. 1893 д. 80 к.

Бѣлокуровъ С. Арсеній Сухановъ. Ізслѣдованіе ч. 1-я.—Біографія. (Съ 3 фототип. снимками) М. 1891 д. 3 р. Часть II.—Сочиненія (съ 2 фотозип. снимками изд. 2-е) М. 1894 д. 2 р.

Бѣллевъ Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и замѣтки по Византійскимъ древностямъ. Кн. II. Съ табл. и планами, СПБ. 1893 д. 4 р.

Васильчиковъ А. А. Семейство Разумовскихъ Т. V. Приложенія къ біографії князя А. К. Разумовскаго, Изд. А. Брикцера СПБ. 1894 д. 2 р. 50 к. за 5 т. 12 р. 50 к.

Фонъ Винклерь П. Русская Геральдика. Исторія и описаніе Русскихъ гербовъ съ изображеніемъ всѣхъ дворянскихъ гербовъ, внесенныхыхъ въ общій гербовникъ Всеросс. Имперіи, Вып. 3 (Съ 326 рис) СПБ. 1894 д. 3 р. Вып. 1 и 2 по 3 р.

Виноградовъ П. Учебникъ всеобщей исторіи ч. II. Средніе вѣка. М. 1894 д. 90 к. Изд. Кн. Маг. Дейбнера.

Виллеръ Р. Вліяніе Кальвіна и кальвінизма на политическія ученья и движенья XVI. вѣка. Церковь и Государство въ Женевѣ XVI в. въ эпоху кальвінизма. М. 1894. д. 3 р. 50 к.

Владимірскій Будановъ М. Материалы для біографії В. Стефановича (1607—1773) К. 1893 г. д. 20 коп.

Волховской М. Г. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (съ рас) СПБ. 1894. д. 50 к. Жизнеописанія русскихъ государей и замѣчательныхъ въ исторії людей (съ рис.) СПБ. 1894 д. Изд. Кузина Т. Ф. (Книгопродавца.)

Вишеславцевъ А. В. Рафаэль. Посмертное изд. съ 53 рис. СПБ. 1894 д. 8 р.

Вѣкоктъ на гробъ возлюбленного Государя—Императора Александра III. М. 1894 д. 10 коп.

Грегуаръ Л. Исторія Франціи въ XIXB. Т. II. Іюльская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. М. 1894 д. 4 р. Изд. Солдатенкова.

Гротъ Е. Я. Мадьяры и Славяне въ прошломъ. Историческія справки о Славізмѣ въ государствен. жизни Угріи Варш. 1893 д. 25 к.

Грушевскій М. Дополнительныя главы къ изслѣдованію «Барское Старовѣство, Истор. очерки» К. 1894 д. 50 к.

Гуревичъ Я. Г. Исторія Греціи и Рима. Изд. 6 е испр. СПБ. 1894 д. 1 р.

Давидъ Царевичъ Грузинскій Краткая исторія Грузіи. Съ предисловіемъ К. Н. Бѣгичева Тифлісь 1893 д. 80 к.

- Діонисій Архим. Можайські акти 1505—1775. СПБ. 1892 ц. 3 р.
Ізд. Общ. Древн. Письм. С. П.
- Дмитріевъ А. Пермская старина Вып. V Покорение Угорскихъ земель и Сибири. Пермь 1894 ц. 1 р.
- Елецъ Ю. Русская эскадра во Франція Въ Октябрѣ 1893 ц. 60 к.
- Иловайский Д. Смутное время Московского Государства. Окончаніе исторіи Россіи при первой династии. М. 1894 ц. 2 р.
- Іегерь Оск. Всеобщая история. СПБ. 1894 ц. за 4 т. 14 р.
- Каманинъ И. Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго К. 1994 ѿ. 90 к. Отт. изв VIII кн. «Чтений въ Истор. Общ. Нест. Лѣт.»
- Карцевъ Н. Историко философскіе очерки и соціологическіе этюды. СПБ, 1895 ц. 1 р. 25 к. Изд. Пооповой О. Н.
- Каталогъ Москв. Огдѣл Общ. Архива Главн. Штаба, Опись дѣлъ воинской комиссіи и кабинета. Вып. II (121 и 119 описи) Поль ред Масловскаго. (Съ предисл. и объясн. запискою) СПБ. 1891 ц. тоже Вып. III (193 и 194 Описи) 1892 г. ц. за 3. вып. 1—50
- Кондратьевъ И. К. Съдая старина Москвы. Историч. обзоръ и полный указатель ея достопамятностей. М. 1893 ц. 2 р. Изд. Морозова.
- Корпъ М. Ер. словарь миѳологіи и древностей. СПБ. 1894 ц. 50 к.
- Кояловичъ М. О. Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научными сочиненіямъ. Изд. 2-е СПБ. 1893 ц. 2 р. 35 въ перепл.
- Куторга М. С. Собрание сочиненій. Съ портр. авт. Т. I СПБ. 1895 ц. по подніскѣ 9 р. Изд. Шантелѣева.
- Лабандъ Государственный строй Германской имперіи. Од. 1894 ц. 15 к. Изд. «Бейленсона и Юровскаго «Междунар. Библ.» № 19
- Лакурь—Гайе Ж. Историческая чтенія. Исторія нового времени 1610—1789. Перев. съ Франц. съ 76 рис. въ т. СПБ. 1894 ц. 2 р. 50 к. Изд. Шантелѣева Л. Ф.
- Лампрехтъ К. Исторія Германскаго народа Т. I. Части 1 и 2. Перев. съ нѣм. П. Николаева. М. 1894 ц. 4 р. Изд. Солдатенкова.
- Лаппо-Данилевскій А. и Мальбергъ В. Древности Южной Россіи. Курганъ карагодеушхъ. Съ IX табл. рис. и 88 политики. СПБ. 1894 ц. Материалы по Археологии Россіи Изд. Импер. Археологич. комиссію № 13.
- Линниченко И. А. Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в. М. 1894 ц. 2 р.
- Липпертъ Ю. Исторія культуры въ З отд. съ 83 рис. въ т. Перев. съ нѣм. Острогорскій А. и Струве П. СПБ. 1894 ц 1 р. 60 к.
- Лихачевъ Н. Библиотека и архивъ Московскихъ Государей въ XVI. стол. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Ломиковскій В. Я. Словарь малорусской старины, составл. въ 1808 г. Подъ ред. и съ прямѣч. Лазаревскаго. К. 1894 д. 25 к.

Майковъ Л. Къ вопросу объ «Исторіи Русовъ». 30 к.

Масливскій Д. О. Записки по исторіи военного искусства въ Россіи. Вып. II. Царствованіе Екатерины Великой. 1762—1794 г (Съ планами, чертежами и схемами) СПБ. 1894 д. 6 р. за 2 кв.

Миклашевскія И. Н. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства ч. 1-я. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. М. 1894 д. 2 р. 25 к.

Мищенко Ф. Г. Изученіе античнаго мѣра въ зависимости отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Каз. 1893 д. 50 к.

Москва, ея святыни и памятники. М. 1894 д. 30 к.

Мостовскій М. С. Исторія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд 4-е дополн. описаніемъ главы, коридоръ Храма, какъ историч. памятника отечественой войны 1812 г. М. 1891 д. 75 к.

Нагуевскій Д. И. Труды Московскаго numизматического Общества (I. полутомъ) Рецензія. Каз. 1894 д. 30 к. Отт. изъ «Учен. Зап. Каз. Универс.» 1894 г.

Нибуръ Бартольдъ, его жизнь и дѣятельность Перев. съ нѣм. Л. О. Вейнберга. Съ прилож. письма Нибуракъ филологу. М. 1894 д. 60 к.

Обозрѣніе историческое. Сборникъ изд. подъ ред. Н. И. Карцева (1894 г.) Т. VII. СПБ. 1894 д. 1 р. 50 к.

Никитскій А. И. Исторія экономического быта Великаго Новгорода. М. 1893 д. 2 р. Изъ «Чтений въ Импер. Общ. Ист. и древн. Росс.»

Обозрѣніе Славянское годъ II Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію подъ ред. И. С. Пальмова. СПБ. 2894 д. Изд. СПБ. Славян. Благотворит. Общества.

Окольскій А. Фома Карлайлъ и Англійское Общество въ XIX стол. Варш. 1893 д.

Опись дѣлъ секретнаго повытья Моск. Отд. Общ. Архива Гл. штаба (47-я опись) подъ ред. и съ предислов. Масловскаго М. 1890 д. за 3. в. 1 р. 50 к.

Орловъ Н. А. Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г. СПБ. 1894 д. 1 р. 50 к.

Очеркъ историческій Смоленска. СПБ. 1894 д. 1 р.

Павловскій И. Ф. и Старковскій В. М. Полтавская битва и ея памятники. (Съ рис. планомъ города и картами военныхъ дѣйствій) Полтава 1894 д. 1 р.

Пискорскій В. Очерки по исторіи Западной Европы К. 1894 д. 50 к.

Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Т. III. (1704—1705) СПБ. 1893 д. 4 р.

Покотиловъ Д. Исторія восточныхъ Монголовъ въ періодъ династіи Минъ 1368—1634 (По Китайскимъ источникамъ) СПБ. 1893 ц. 3 р.

Пресняковъ А. Е. Царственная книга, ея составъ и происхождение. СПБ. 1893 ц. Отт. изъ 31-го Т. Зап. Истор. филог. Факультет. СПБ. Унив.

Регель В. источники Византійской исторіи Т. 1-й. вып. 1-й СПБ. 1892 ц. 1 р. 30 к. Regel W. Fontes regum Byzantinorum. Petrop 1892 г.

Ролавъ Личные мемуары. Перев. съ фр. Н. Г. Вернадской. СПБ. 1893 ц. 1 р. Изд. Истор. Общ. при Импер. СПБ. Унив.

Ростовцевъ М. И. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ. СПБ. 1804 ц. 60 к. Отт. изъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. Январь и Февраль 94 г.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 83-й. Политическая переписка Генерала Савари во время пребыванія его въ СПБургѣ въ 1807 г. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. Т. 86-й. Дипломатическая переписка изъ Парижского архива М—ства Иностр. Дѣлъ 1738, 1739, 1740 гг. СПБ 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 87-й. Политическая переписка Императрицы Екатерины II ч. 5-я 1768—1769. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ Р. И. И. Общ. т. 88-й. Дипломатическая переписка Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Подъ ред. А. Трачевскаго IV—1807—1808. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 89. Цосольство графа П. А. Толстаго въ Парижѣ въ 1807—1808 гг. Отъ Тильзита до Эрфурта. Изд. подъ ред. Шильдера Н. К. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ Импер. Р. Ист. Общ. Т. 90,—Бумаги Комитета Учрежденного Высоч. раскриптомъ 6 Декабря 1826 г. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборн. И. Р. Ист. Общ. т. 91. Дипломатическая переписка Авглійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ Дворѣ 1741—1842 г. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборн. Импер. Р. Ист. Общ. т. 92. Депеши марказа де-ла Шетарди и отвѣты на нихъ Франц. Короля и М—ства съ Ноября 1740 по Іюнь 1741 г. СПБ. 1794 ц. 3 р.

Сборн. Импер. Р. Ист. Общ. т. 93. Депутатскіе ваказы отъ дворянъ XV Оренбургской губ. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М—ства Иностранныхъ Дѣлъ. Вып. 5. М. 1893 ц. 1 р.

Семеновъ Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II.—Выводы и заключеніе. СПБ. 1894 ц. 80 к.

Сениговъ И. Какъ воевалъ Петръ Великій со Шведами. СПБ. 1893 ц. 20 к. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе»

Скворцовъ И. В. Русская история ч. 1-я СПБ. 1895 ц. 1 в. 35 к.

Слезинскій А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. (По неизд. конфірмаціямъ) Новгородъ. 1894 ц. 1 р.

Смить Томасъ. Путешествіе и пребываніе въ Россіи. Перев. введеніе и примѣчанія Болдакова СПБ. 1893 ц. 3 р. Изд. Гр. Шереметьева С. Д.

Собко Н. П. Словарь русскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (XI—XIX в.в.) Т. I. вып. 1-й А. (500 именъ) СПБ. 1893 ц. 3 р.

Старина Костромская. Сборникъ, издав. Костромск. губернск. ученой архивъ. Комиссіею. Кострома 1894 ц. 1 р. 50 к.

Тардаffъ А. Основы исторической критики. Перев. съ франц. М. Агѣевъ. Веронежъ. 1893 ц. 30

Торнау Н. Н. Учебный исторический атласъ 72 карты по всеобщей истории. СПБ. 1893 ц. 1 р. 50 к. тоже. съ объяснительнымъ текстомъ и указателемъ 2 р. СПБ.

Турцевичъ Ар. Русская история (въ связи съ исторіей Вел. Княж. Литовского) Вильна 1894 ц. 50 к.

Турцевичъ Ив. О важности изученія Римской государственности въ главнѣйш. характеристическихъ чертахъ ея. Нѣжинъ 1894 ц. 50 к.

Устимовичъ М. П. Ловичъ древняя ризиденція и владѣніе примасовъ Польши (Историч. замѣтка) Варш. 1894 ц. 60 к.

Форстенъ Г. В. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII стол. (1544—1648) Т. I: Борьба изъ за Ливанія. Т. II. Борьба Швеціи съ Польшей и Габсбургскимъ домомъ. Издѣданія СПБ. 1894 ц. 6 р.

Царствованіе Императора Александра III. Царя — Миротворца СПБ. 1894 ц. 20 Изд. Щепанскаго Ф. В.

Цыбульский С. Греческія монеты. Numismaticheskiy атласъ для школы и любителей греч. древностей СПБ. 1894 ц. 3 р. Изд. Фену и К°.

Чешихинъ Е. В. Краткая история Прибалтийского края. Изд. 2-е просмотр. и пополн. съ биографич. свѣденіями о Е. В. Чешихинѣ. Рига 1894 ц. 35 к.

Шарановъ С. Франція и Славянство. Рѣчь СПБ. 1894 ц. 30 к. Изд. Ледерле и К°.

Шефферъ В. Аенское гражданство и народное собраніе. ч. 1. Основы Государства и дѣление гражданъ въ Аенахъ. М. 1891 ц. 2 р. 75 к.

Шимко И. И. Патріаршій казенныи ораказъ его виѣшняи исторіа, устройство и дѣятельность. М. 1884 ц. 1 р. М. Дѣвичье поле, Архивъ М—ства Юстиціи у автора.

Эварицкій Д. И. Иванъ Дмитріевичъ Сирко славный кошевой атаманъ войска Запорожскыи низовыхъ казаковъ. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Эрбе. Французы и Руссие въ Крыму. Письма Франц. офицера къ своей семье во время восточной войны 1853—1856 гг. Перев. съ франц. С. Л. Халютицъ. Минскъ. 1894 ц. 1 р.

Юревъ М. Спорные вопросы Западно-Европейской историч. науки. М. 1894 ц. 1 р. 50 к. Изд. Кн. Маг. Гросманъ и Кнебель.

Ясинскій М. Н. Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи (Акты издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею т. XI—XVIII. Вильна, 1880—1891 гг.) К. 1893 г. ц. 30 к.

1—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТИНИКЪ

на 1895 годъ.

Съ октябрской книжки 1894 г. право изданія журнала «Русскій Вѣстникъ» перешло въ Товарищество «Обществъ Польза». Въ журналѣ примутъ участіе всѣ бывшіе сотрудники и редакторъ Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того возобновлены приглашенія выдающихся сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное участіе; изъ нихъ талантливый С. С. Татищевъ возобновляетъ имѣвшія такои успѣхъ еженѣсочная «Политическая Обозрѣмія» и дастъ рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ. намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе. П. П. Гаѣдичемъ,—новѣсть и новый романъ Ф. Головина (Орловскаго), который начать позатаніемъ съ Ноябрской книжки 1894 г. и новые подиличики на 1895 г. могутъ получить начало романа бесплатно, при заявленіи своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ Н. Ф. Дубровинъ—новый историческій этюдъ «Наполеонъ I въ современномъ. ему обществѣ и въ русской Литературѣ». Проф. Н. Любимовъ дастъ рядъ статей. Вице президентъ. Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: новѣсть «Перемелится мука будетъ» Д. М. Позняка, новый романъ Вс. С. Соловьевъ, новѣсть «Покинутый» Пронскаго и много другихъ произведеній.

Редакція и Контора. журн. «Русский Вѣстникъ» помѣщаются въ Товариществѣ «Общественная Польза» СПБ., (Больш. Подъяч., 39), куда и просить обращаться гг. авторовъ имѣющихъ подобность до до редактора, который принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ отъ 12 до 2 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книжекъ, выходящихъ каждого, 1 числа, въ 1895 г. стоить въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Допускается разсрочка взносовъ только чрезъ Главную Контру журн. «Русскій Вѣстникъ», Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять руб., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручительст. казнач. со взносомъ по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, впредъ до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихся допускается уступка и разсрочка платежа: при по подпискѣ вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждой книги уплачиваютъ по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза— 18 р. Въ прочія мѣста загран. подписка приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петербургѣ: для городск.—въ Конторѣ Журнала «Русскій Вѣстникъ» въ Товариществѣ «Общественная Польза» (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Нового Времени» (Невск. 38); въ Москвѣ: въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» — на Страст. бульв., въ книжн. магазинѣ «Нового времени» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи). И. городскихъ и иногородныхъ просятъ покорѣйше адресоваться прямо въ контору «Русскаго Вѣстника», Спб. Товарищество «Общественная Польза» Больш. Подъяч., д. 39 Статьи, присланныя въ редакцію, безъ условій, предствляются въ полное распороженіе ея относительно сокращеній, срока помѣщевія и оплаты. Стихотворенія и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращаются.

3-3

О БЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ иѣхъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою пѣлью, въ Универс. Извѣстія печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографические указатели для учащихся.
6. Библіографические указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для получеанія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro *venia legendi* и т. п., а также и са-мыхъ диссертаций.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торже-ственныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Материалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго со-держанія), съ отдѣлами — критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явлений ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются материалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Щѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложений (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Под-писчики Извѣстій, при выпискѣ приложений, пользуются уступкою 20%.

Подпись въ заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ кан-целярии Правлѣнія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иицогородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжномъ магазинѣ его же, или непосредственно въ Правленіо Университета Св. Владимира.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—3

Годъ 37-й, РАЗВЛЕЧЕНИЕ[“] Годъ 37-й

журналъ литературно-художественный и сатирическій съ карикатурами.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1895 годъ.

Вступая ВЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ годъ своего существованія, «РАЗВЛЕЧЕНИЕ» надѣется, что будетъ почтено тѣмъ же сочувствіемъ, которымъ пользовалось въ теченіе ТРИДЦАТИ ШЕСТИ лѣтъ. Съ своей стороны редакція, не возвышая цѣны, сдѣлаетъ все возможное для улучшения журнала, какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи и употребить всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы «РАЗВЛЕЧЕНИЕ» осталось неизмѣнно однимъ изъ популярнѣйшихъ журналовъ.

«РАЗВЛЕЧЕНИЕ» дастъ въ годъ пятьдесятъ №№, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 карикатуръ. Литературный отдѣлъ вмѣшаетъ въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода юмористическихъ мелочей, трактующихъ злобу дня. Въ то-же время редакція, проникнутая горячимъ стремленіемъ стоять на стражѣ общественныхъ интересовъ и рисовать полную картину нравовъ современного общества, дастъ въ журналѣ мѣсто различнымъ статьямъ и фельетонамъ, обсуждающимъ въ юмористическомъ тонѣ всѣ общественные дѣла столицъ и провинцій.

«РАЗВЛЕЧЕНИЕ» остается по прежнему самыи доступнымъ по цѣнѣ изъ всѣхъ русскихъ юмористическихъ журналовъ.

Условія подписки: на годъ ШЕСТЬ (6) рублей; на полгода (3) ТРИ рубля.

Пробный номеръ высылается за ТРИ семикопѣечныя марки.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ журнала «Развлечениe»: на Страстной пло-щади, въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. П. Печковской (Петро-вскіи линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинцій.

За исправную доставку журнала Контора отвѣтчаетъ только предъ лицами, выславшими деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва, журналу «РАЗВЛЕЧЕНИЕ».

Въ самомъ непродолжительномъ времени, съ разрѣшениемъ ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА при редакціи журнала «РАЗВЛЕЧЕНИЕ» будетъ открытъ общедоступный

КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

всѣхъ русскихъ и наиболѣе распространенныхъ иностранныхъ газетъ и журналовъ

3—3

1895 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 56-й г. изд.

НА

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

Съ 1-го Января 1895 году «НУВЕЛЛИСТЪ» вступаетъ въ 56-й годъ своего существованія. Сколько музыкальныхъ журналовъ въ теченіи этого времени рождалось на Руси! Но всѣ они, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ—умирали, не оставляя послѣ себя никакой памяти. Такъ ушли въ вѣчность «Музыкальный Свѣтъ», «Музыкальный Вѣстникъ», «Музыка и Театръ», «Музыка. Эхо», «Музыка. Міръ», «Музыка. Сезонъ», «Музыка. Мірокъ», «Гудокъ», «Звѣзда», «Баянъ» и много друг. Въ прошломъ году окончилъ свое существование посѣдѣвій музыкальный журналъ «Муза». Это доказываетъ, что никто изъ издателей не понималъ потребности общества, потребности семьи. Между тѣмъ какъ характеръ «НУВЕЛЛИСТА» и его программа настолько отвѣтчаетъ требованиямъ большинства публики, что существованіе его съ каждымъ годомъ упрочивается. Матеріялъ «НУВЕЛЛИСТА» настолько богатъ и разнообразенъ, что удовлетворяетъ и хорошаго музыканта, и скромнаго любителя.

ПРОГРАММА «НУВЕЛЛИСТА».

Въ 1895 г. «НУВЕЛЛИСТЪ» будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно каждое первое число тетрадями, заключающими въ себѣ: Салонныя пьесы извѣстныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. Новые танцы (польки, вальсы, мазурки, кадрили). Русскіе романсы для одного голоса съ аккомпанементомъ фортепіано. Легкія пьески для дѣтей для фортепіано и для скрипки съ фортепіано и Дѣтскія пѣсеньки.

Редакція «НУВЕЛЛИСТА» обратить также особое вниманіе на Дѣтскій отдѣлъ, пьесы котораго подъ руководствомъ опытнаго педагога Н. А.

Тивольского, будуть распределены по степени трудности съ обозначениемъ правильной аппликатуры.

Годовой экземпляръ «НУВЕЛЛИСТА» составить обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 стр. большого нотного формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества Музыкальныхъ пьесъ «НУВЕЛЛИСТЬ» дастъ:

ПРЕМИЮ

Полную оперу въ дѣлѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ указанныхъ редакцію.

Подписьная цѣна на годъ 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой 6 руб.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ журнала «НУВЕЛЛИСТЬ» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда, Б. Морская, 26. Въ Москвѣ въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ 10. Въ Кievѣ у Идзиковскаго. Въ Казани въ муз. магаз. «Восточная Лира».

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II годъ.

на 1895 годъ

II годъ.

на киевскую ежедневную, литературную, политическую и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ.

На 1 годъ.	на 6 м.	на 3 м.	на 1 м.
руб.	р.	к.	р.

Съ пересылкой и доставкой	8	5	—	3	—	1	—
Безъ доставки.	6	3	75	2	75	—	75

Для годовыхъ подпischиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. къ 1 юлю—2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписька принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кievъ, Прорѣзная ул. № 8 А.

Издатели: I. P. Мануковъ и M. E. Краинскій.

Редакторъ: M. E. Краинскій.

3—3

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
НА
„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“
ВЪ 1895 ГОДУ.

(33-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, «Саратовскій Листокъ» остается при той же программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе, сообразно съ запросами времени и интересами общества.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*

Издатель *И. Н. Горизонтовъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой въ Саратовѣ:	Съ пересыл. въ другіе города:
На годъ	7 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ	6 — 50 —
— 10 —	6 — — —
— 9 —	5 — 50 —
— 8 —	5 — — —
— 7 —	4 — 50 —
— 6 —	4 — — —
— 5 —	3 — 50 —
— 4 —	3 — — —
— 3 —	2 — 50 —
— 2 —	2 — — —
— 1 —	1 — — —
	На годъ
	8 р. — к.
	— 11 мѣсяцевъ
	7 — — —
	6 — 50 —
	6 — — —
	5 — 50 —
	5 — — —
	4 — 50 —
	4 — — —
	3 — 50 —
	3 — — —
	2 — 40 —
	1 — 20 —

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточными лацаньми редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписанчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е число каждого мѣсяца и не даетъ конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онегоріе.

Объявленія принимаются: на 1-й стравицѣ первые три раза 20 к. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовые объявленія пользуются особой уступкой.— Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской

имперіи, кромъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжск. губ., прививаются исключительно въ центральной конторѣ объявлений бывш. Метцль, въ Москве, на Мясницкой ул., въ д. Спириданова. Для этихъ объявлений такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

3-3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи
ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ.)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный материалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничивались однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а старались, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ газетѣ «Одесскія Новости» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы, искусства, науки и техники. Кромъ специально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-технический фельетонъ. Кромъ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подпісчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій номеръ» содержащий разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ «Одесскихъ Новостяхъ» областной отдѣлъ, который имѣеть въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромъ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣть отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочные сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ), переносить, такъ сказать, читателей какъ и самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, события, выдающихся людей, замѣ-

чательных зданий и т. д., такъ и въ ближайшія къ наимъ провинціи и города,—ставя впереди Одессы,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ деятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управлениія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Шепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулинъ, К. Н. Повосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ О. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣшли свое сотрудничество некоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывающейся на всѣ назрѣвающей потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во вѣтшемъ техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія, «Одесскихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенному домѣ Бродскаго на углу Ришельевской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки: Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ — р. 90 к. На 1 мѣсяцъ 1 р. — к.

» 3 » 2 > 50 > » 3 > 2 > 75 >

» 6 » 4 > 50 > » 6 > 5 > — >

На годъ 8 > — > На годъ 9 > — >

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для

годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНИЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманъ, Александровскъ, Аleshкахъ, Балтъ, Батумъ, Бендерахъ, Бердичевъ, Бердянскъ, Березовъ, Бершадъ, Богодолъ, Бериславъ, Болградъ, Бобруйскъ, Вин-

вицѣ, Вознесенскѣ, Верхеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Килии, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Киевѣ, Каховкѣ, Каменець-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевѣ Подольскѣ, Новомиргородѣ, Ново-георгіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргїевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симфероподѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Талькомъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Феодосії.

Редакторъ-Издатель *A. Старковъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

на духовно-академические журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИКЪ“ и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ“.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИКЪ“ имѣеть цѣллю удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ конечно прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства—знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприкосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Въ программу его входитъ:

1) Передовая статьи, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ разсужденія, представляющія научный богословскій матеріалъ въ общедоступной формѣ.

2) Статьи церковно-общественного характера, посвященные обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явлений, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ читателей, которые соблаговолятъ высказаться по взыскающимъ вопросамъ мысли и жизни.

3) Миѳівіа и отзывы—отдѣль, въ которомъ излагаются и подвергаются критическому замѣчанію факты и явленія церковно-религіозной мысли и жизни, какъ они отражаются въ текущей духовной и свѣтской печати.

4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣль, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.

5) Обозрѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы.

6) Лѣтопись событій въ Россіи и заграницей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и рассчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригиналныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Чтеніи» будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію «Полного собранія твореній Св. Иоанна Златоуста» въ русскомъ переводаѣ на льготныхъ для своихъ подпischиковъ условіяхъ. Именно, подпischики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подпischики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ подпischики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собрание, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библиотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Иоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

3 - 3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

СЪВЕРЬ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

(VIII-й годъ изданія.)

Подписчики СЪВЕРА въ 1895 году получатъ:

- 52 №№ прекрасно иллюстрированного журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цветную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помещены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: А. Н. Майкова. «Дѣль судьбы», Д. В. Григоровича. «Петербургскіе шарманщики» и Летерейный билетъ, такъ какъ этимъ произведеніемъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.
- 12 №№ отдельныхъ иллюстрированныхъ «Парижскихъ модъ» и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
- 12 отдельныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдельныхъ листахъ.
- 6 рисунковъ-чертежей для любителей выпиловки изъ дерева, кости и металла.
- 6 цветныхъ узоровъ для вышиванія.
- 12 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени княженія Иоанна Калиты по настоящій 1894 годъ: царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячные приложения.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

- 1 гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ. (Книжка въ форматѣ «Съвера»).
- 12 т. Ежемѣсячныхъ бесплатныхъ приложенийъ къ журналу:

„БІБЛІОТЕКА СЪВЕРА“:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 р.)

Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА.

Двойникъ. Повѣсть.

Натурщица. Повѣсть.

Во что бы то ни стало. Романъ. Игровъ. Повѣсть.

Мудреное дѣло. Романъ. Граждане лѣса. Повѣсть.

Сочиненія Квитко Осповьяненко:

„ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ“.

Сочиненіе Сильвіо Целлико:

„ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА“.

2 художественныхъ приложенія: 1) портретъ государя Императора, 2) покореніе Сибири Ермакомъ.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ,

въ краскахъ

1. „БИБЛИОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНИЙ“.

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса, «чѣмъ бы накормить свою семью»? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдастъ своимъ подписчикамъ книгу:

„ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ— въ конторѣ Печковской. 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи. 7 р. Съ пересылкою за границу. 11 р.

Разсрочка подписанной платы за «Сѣверъ» 1895 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

Для Гг. городскихъ подписчиковъ въ два срока:

Безъ доставки: при подпискѣ 3 руб., Съ доставкою: при подпискѣ 3 р. 50 к. 1 Іюня 1895 г. 3 руб. к., 1 Іюня 1895 г. 3 р. 50 к.

Для Гг. иногородныхъ подписчиковъ: въ два срока: при подпискѣ 4 р. и 1 Іюня 1895 г. 3 р.

Въ три срока: При подпискѣ 3 р., 1 мая 1895 г. 2 р. и 1 августа 1895 г. 2 р.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ), допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою помѣсячно.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки

гг. подписчики «Съвера» благоволять на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи «Съверъ»: Екатерининская, № 4.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(6-й годъ изданія.)

на общепедагогический журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1894 года въ «Русской Школѣ» помѣщены, между прочимъ слѣд. статьи: 1) Казнь Фортунки (очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. Михневича; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ. (Изъ моего дневника) Н. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. Семенова; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. К—ой; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. Гориневскаго; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ средне учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. Н. Зайкевича; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. П. Лесгафта; 9) О назначениіи и обязанностяхъ школьнаго врача Д-ра А. Виреніуса; 10) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. П. Каптерева; 11) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей Д-ра В. Якубовича; 12) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). А. Виреніуса; 13) О необходимости поднять уровень эстетического образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. Покровскаго; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. Ковалевскаго; 16) О самообразованіи учителя. М. Демкова; 17) Богатѣйшія библиотеки на земномъ шарѣ. А. Острогорскаго; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франції. Его-же. 19) Профессиональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра В. Святловскаго; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В. Барюковича; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. Его-же; 23) Обязательный минимумъ образованія. М. Песковскаго; 24) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. Вахтерова; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. Ларіонова; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. Абрамова; 27) Съезды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая иѣра. А. Тютрюмова; 28) Поставовлевія по народному образованію земскихъ собраний за 1893 г. И. Бѣловон-

скаго; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ арифметики. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) О загадочности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 32) Черченіе и рисование въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ М. Евсѣева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала «Русская Школа» за 1894 г. помещено около ста рецепций, а также печатались ежемѣсячная хроника народного образования Я. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Подписька на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Литовка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Нового времени» и Карбасникова. Подписька цѣна за годъ—въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для инигородчихъ съ пересылкою—семь руб.; за границу—девять рублей. Учителя же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За все эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народа. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «Артистъ» будеть по прежнему выходить
ежемѣсячно по той-же программѣ

Въ 1895 году въ журналѣ будуть помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическая статья, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей художниковъ и артистовъ, периодические обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическая произведенія, преимущественно современного репертуара, музыкальная произведенія, кореспонденціи, хрони-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и спички съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, гелотравюромъ, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автоматіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будуть напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова, Г. А. Мачтета, И. П. Гиѣдича, И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Лугового, Е. П. Гославского, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будуть принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсь, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. И. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ф. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гиѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гуастъ, М. А. Даыдовъ, В. П. Даиматовъ, М. М. Далякевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, В. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кацкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсь, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Ливиленко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковскій, В. М. Максимовъ, Д. Н. Мамицъ, (Сибириакъ), Э. Э. Материъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтеть, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Ниlusъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплѣтчиковъ, В. В. Подольскій, В. Д. Полѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицдони, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Сиѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чепихинъ, В. А. Чечотть, О. Н. Чумина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкінъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Федотовы и др.

Подписанная цѣна остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ 10 р., на полгода 6 р., съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода, 7 р.; съ пересылкой за гравицу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

Допускается разсрочка: При под- **1** р. до уплаты полной подписной пискѣ 2 р. и ежемѣсячно не менѣе **1** суммы.

Редакція и главная контора: Москва у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ.

Отдѣл. конторы: Петровскія линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Прянишникова.

Телефонъ редакціи № 890, Главной конторы № 1490.

3-3

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 60-й. ОБОЗРѢНІЕ Годъ изданія 60-й.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАСТЬ:

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно известныхъ русскихъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 3—4 хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и копіями съ картинъ выдающихся художниковъ.

Кромѣ того годовые подписчики получать бесплатно

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНИЙ.

12 книгъ избранныхъ произведений всемирной литературы. Романы, повѣсти, и разсказы: Додэ, Диккенса, Брейдъ-Гарда, Золя, Кеплинга, Мопассана, Свифта, Сервантеса, Сенкевича и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15 до 20 листовъ и заключаетъ цѣлое произведеніе одного изъ упомянутыхъ авторовъ съ биографіей и портретомъ.

40 номеровъ — «Новые романы и повѣсти современныхъ писателей» съ иллюстрациями известныхъ художниковъ, по образцу дорогихъ заграничныхъ изданій.

24 номера «Новѣйшихъ Модъ» известнейшихъ парижскихъ модныхъ мастерскихъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

40 номеровъ игръ, задачъ и ребусовъ. Физические и химические опыты, образцы работъ (съ чертежами и рисунками).

15 номеровъ «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій» (вышивки для бѣлья, платьевъ и костюмовъ), изъ коихъ нѣкоторые отпечатаны въ нѣсколько красокъ.

12 выкроекъ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ внимание своею практичностью и изяществомъ).

12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ извѣстныхъ композиторовъ для фортепіано и пѣнія (салонные пьесы, романсы и танцы).

4 номера «Образцовъ для вышиливанія» разныхъ изящныхъ предметовъ полезныхъ въ хозяйствѣ.

1 стѣнной календарь (съ картой Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ. Разсылается при первомъ номерѣ.

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

I) „Необходимая настольная книга для всѣхъ“.

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоить изъ большаго фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящномъ переплетѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужная свѣдѣнія въ особенности провинціальныхъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

- 1) «Возвращеніе изъ гостей» (Оригиналы ресованы извѣстнымъ художникомъ Н. Каразинымъ.
- 2) «Сокольничій на охотѣ» (должникомъ Н. Каразинымъ.
- 3) «Началась живопись», Н. С. Матвеева.
- 4) «Нападеніе волковъ», Н. Оболенского.

Кромѣ пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подписаніи чрезъ главную контору, новую большую акварельную картину (длина: $22\frac{1}{2}$ вершка, высота 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина.

„ЖЕРТВА ВОЛГИ“

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе годы, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой на скаккѣ)—
ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ деятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александъ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Феодоровна, 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александъ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Ioаннъ Сергиевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна бюста, на выборъ, для подписчиковъ Четыре рубля, а для неподписчиковъ Пять руб. (безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦВНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи) — 8 р. на полгода — 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб. 7 руб.— Въ Москвѣ: — 7 р. 50 к.

Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденихъ (въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору журнала: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявление высылается изъ конторы, по требование бесплатно.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“**НА 1895 ГОДЪ**

(придатъ шестої).

Журналъ „Труды Кіевской дух. Академіи“ выходитъ по прежде утвержденной программѣ — ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание 7 р., за гравицу — 8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ науки, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезавѣтительнымъ и по изложению доступный большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ издаваемъ подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 1/28 феєр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ТРУДЫ АКАДЕМІИ за прежніе годы продаются по уменьшенному цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 гг. по 9 р.; за 1885—1894 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. все экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

«Воскресное Чтеніе» за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за 18^{67/68} г. (т. I), 18^{68/69} (V), 18^{69/70} (XI), 18^{70/71} (XII), 18^{71/72} (XV), 18^{72/73} (XVII), 18^{73/74} (XVIII), 18^{74/75} (XIX), 18^{75/76} (XX), 18^{76/77} (XXI), 18^{77/78} (XXIV), 18^{78/79} (XXV), 18^{79/80} (XXVII), 18^{80/81} (XXVIII), 18^{81/82} (XXIX), 18^{82/83} (XXX), 18^{83/84} (XXXI), 18^{84/85} (XXXII), 18^{85/86} (XXXIII), 18^{86/87} (XXXIV); за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи». (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ И. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политической дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владимира. Н. И. Петрова. Честоваваіе памяти св. Владимира на югѣ Россіи и въ частности въ Киевѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. О. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Киевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія м. кіев. (450 стр.). 2 р.
Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-0). 2 р.

Библіотека творевій св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кирилана каролінскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес.. кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для вазидательного чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 гг.). Издание 4-е. Книга эта одобрена Особ-Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для виѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческими изложениемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ф. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. О. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересыпкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція просить обращаться непосредственно къ ней—къ Редакцію журнала «Труды Киевской дух. Академіи», въ Киевѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА.

4 за годъ **1** три мѣс.

Второе издание «Биржевыхъ Вѣдомостей» — безусловно независимый и самостоятельный органъ печати со строгой выдержанностью направлѣнія, стойкостью и послѣдовательностью взглядовъ. Свободная отъ иѣсческихъ вліяній эта газета является наиболѣе полнымъ.

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политический, столичной въ провинциальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденціи, и пр., — по своей полноѣ и съѣзжести совершаютъ отвѣщающими подобными же отдѣлами другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Съ цѣлью еще большого расширения всѣхъ ежедневныхъ отдѣловъ, съ ноября форматъ

ЕЖЕДНЕВНОЙ газеты **УВЕЛИЧЕНЪ** до теперешняго его большого объема, причемъ цѣлый рядъ

известнѣйшихъ русскихъ писателей, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ, вошли въ составъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сгруппировавъ окколо нашего изданія лучшія силы отечественной литературы, редакція увеличиваетъ съ декабря с. г.

ВОСКРЕСНЫЙ НОМЕРЪ газеты до размѣра десяти страницъ, изъ коихъ восемь (печатаемыя на бѣлой глазированной бумагѣ) будутъ всецѣло посвящены **беллетристикѣ, художественной научной и литературной критикѣ, беспѣдамъ, касающимся дома и семьи.**

Въ концѣ года будетъ данъ особый заглавный листъ съ перечнемъ поимѣннаго въ воскресныхъ номерахъ газеты литературного материала.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИКЪ

второго изданія «Биржевыхъ Вѣдомостей» получаетъ, такимъ образомъ, за нѣсколько лѣтъ, безъ всякой добавочной платы

цѣнную библіотеку новѣйшей русской беллетристики.

Въ теченіе наступающаго года появляется въ столбцахъ нашей газеты

СПЕЦІАЛЬНО НАПИСАННЫЙ для «Биржевыхъ Вѣдомостей» **новѣйшия русскія**

беллетристическая произведения слѣдующихъ, хорошо известныхъ русской читающей публикѣ, художниковъ слова:

Н. П. Аксаковъ, М. Н. Альбонъ, Сергеѣ Атава (С. Н. Терпигоревъ), К. С. Баранцевичъ, проф. Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка), П. П. Гиѣдичъ, И. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линеевъ, Н. С. Лѣковъ, А. А. Луговой, К. В. Лукашевичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Н. А. Соловьевъ, И. И. Ясинскій, (Максимъ Вѣлинскій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО

при газетѣ выпускается, какъ **БЕЗ-ПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ**, поочередно одинъ изъ

ТРЕХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

- 1) «Земледѣльческій Листокъ»,
- 2) «Фабрично-Промышленный Вѣстникъ»,
- 3) «Страховой Сборникъ»,

Желающимъ ознакомиться съ со-
держаниемъ 2-го изданія «БИРЖЕ-
ВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ», высылаемъ
за 14 коп. (почтовая марки) номера
за одну недѣлю включительно съ
пробамиъ воскресныхъ номеромъ.

—Новые годовые подписчики (безъ
рассрочки) внесшія до 15 декабря
деньги непосредственно въ главную
контру «Биржевыхъ Вѣдомостей»
въ С.-Петербургѣ, получать газету
бесплатно въ декабрѣ 1894 г. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ»

СО ВСѢМИ
приложениемъ и съ пересыпкой въ
Россіи:

На годъ 4 руб. на 3 мѣсяца 1 р.
» полгода 2 » » 1 » 35 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

С.Петербургъ, Невскій, пр. 28.
3-3

1812. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1895.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Годъ изданія 83-й. — (безъ предварительной цензуры) — Годъ изданія 83 й.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШАГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ,

Рядъ реформъ и постепенныхъ улучшенийъ въ газетѣ «Сынъ Отечества», произ-
веденныхъ съ переходомъ ея къ вынѣшнему издателю и при новомъ составѣ
редакціи, съ сохраненіемъ прежней ея скромной подписной цѣны, способствовали
тому, что газета, въ настоящее время, даетъ своимъ читателямъ въ ежеднев-
ныхъ номерахъ всегда своевременно руководящія политическія, научныя, econo-
mическихъ и др. статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызыва-
емымъ общественную жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, а также телеграммы,
корреспонденціи со всѣхъ мѣстъ Россіи, биржевые свѣдѣнія, судебныя отчеты,
литературные, театральные и музыкальные новости, рецензіи, спортъ и проч.
одновременно съ другими дорогими столичными изданіями, а потому газета «Сынъ

Отечества», въ обновленномъ видѣ, вполнѣ замѣняетъ собою

● ДОРОГОЕ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ. ●

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, подписчики получать:

1) Портретъ Его Императорскаго Величества Государя
Императора НИКОЛАЯ II.

Воспроизведенный въ 27 красокъ съ портрета, писанного известнымъ художни-
комъ В. И. Думитрашко.

- 2) 52 номера воскресныхъ приложенийъ, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльного иллюстрированного журнала; где появляются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
- 3) сорокъ номеровъ: «романы и повѣсти» (русскихъ и иностранныхъ писателей), что составитъ въ теченіе года нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 4) двѣнадцать номеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняютъ «модный журналъ».
- 5) стѣнной календарь (съ картою Россіи). Рассылаются при первомъ номерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкою по Импѣріи):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Новость для читателей: Съ 1 января 1893 г. при газетѣ «Сынъ Отечества», будетъ выходить новое ежемѣсячное изданіе, въ видѣ большаго литературнаго журнала:

„ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (12 БОЛЬШИХЪ КНИГЪ)

гдѣ будутъ печататься новые романы и повѣсти (русскихъ и иностранныхъ писателей). Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ форматѣ «Вѣстника Европы», отъ 20 до 25 листовъ, что составить въ годъ до 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. (На годъ (за 12 большихъ книгъ)—4 р. На полгода (за 6 книгъ)—2 р 50 к. **4 Р.**)
Гг. годовые подписчики могутъ получить при подпискѣ новые художественные изданія: 1) «ЖЕРТВА ВОЛГИ» (исторический эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина) Воспроизведена въ 23 краски съ картины извѣстнаго художника С. Верещагина. Размеръ картины: длина 23¹/₂ вершка, высота 16 вершковъ. 2) «Бурлаки на Волгѣ», профес. И. Рѣпина, а также другія картины за прежніе годы, уплачивая за каждый экземпляръ картины (съ пересылкою на склѣкѣ)—одинъ рубль.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

3—3

МОСКОВСКІЙ БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Открыта подписка на 1895 годъ.

Съ Января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный бібліографическій журналъ, органъ Московскаго Бібліографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВЪДЪНІЕ“.

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, юты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдельными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

1. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языке въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) материалы по библіографії вообще.

2. Хроника 1) Правительственные распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) периодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка.

3. Сбыванія на всѣхъ языкахъ.

4. Приложенія.

Подписьная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждого мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ счолна годовой взносъ,—бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ІЛЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
" " " подписанчиковъ на журналъ	6 р.
" " " всѣхъ остальныхъ	10 р.
" " " въ годъ для членовъ и подписанчиковъ	35 р.
" " " " всѣхъ остальныхъ	50 р.

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдельное объявление, въ размѣрѣ 1/4 страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщении Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., домъ Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. И. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С. Петербургѣ у Н. И. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ А. Д. Тороповъ.

3—3

Вышла первая (январская) книга
ЕЖЕМѢСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“
99

Содержание I. Три года. Рассказъ А. Н. Чехова.—Н. Великий. Новелла Элизы Ожешковой. Переводъ съ рукописи В. М. Л.—Ш. Практика жизни.

Повѣсть И. А. Солова.—IV. Стихотвореніе А. Монастырскаго.—V. Молодая любовь. Идиллія. Геврига Повтопидана. Пер. съ датскаго В. М. С.—VI. Хлѣбъ. Романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.—VII. Маленький приходъ. Романъ Альфонса Доде. Пер. съ французскаго М. Н. Р. Продолженіе.—VIII. Сравнительное обозрѣніе иѣкоторыхъ формъ народнаго сгда. Вс. И. Даневскаго.—IX. Нѣсколько словъ въ память Николая Михайловича Ядринцева. В. И. Семевскаго.—X. Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. В.-О. Ключевскаго.—XI. Мое научное и литературное скитальчество. М. М. Ковалевскаго.—XII. Памяти А. М. Иванцова-Платонова. М. С. Корелина.—XIII. Александръ Константиновичъ Шеллеръ. А. М. Скабичевскаго.—XIV. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Г. Б. Голлоса.—XV. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—XVI. Внутреннее обозрѣніе.—XVII. 1894 годъ въ политическомъ отношеніи. В. А. Гольцева.—XVIII. Современное искусство.—XIX. Библіографический отдѣлъ. Объявленія.

Принимается подпись на 1895 годъ. (Шестнадцатый годъ изданія)

Цѣна съ доставкой и пере-	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
сылкой во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 25

Допускается разсрочка при подпискѣ, къ 1 апр., къ 1 іюля и 1 окт. по 3 руб. Книгопродацовъ делается уступка 50 к. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ не допускается. Принимается подписка: въ Москвѣ.—въ конторѣ журнала, уг. Леонтьевскаго пер. и Б.-Некитинской, д. 2—24. Въ Петербургѣ—въ отдѣлѣніи конторы при книжномъ магазинѣ Н. Феву и К°. Невскій пр. д. Армянской церкви. Въ Кіевѣ—въ отдѣлѣніи конторы при книжномъ магазинѣ А. Идзиковскаго. г. Генрикъ Сениевичъ предоставилъ В. М. Лаврову право перевода своего нового исторического романа изъ первыхъ вѣковъ христіянства «Камо грядеша?» («Quo vadis?»). Начало этого романа появится въ первыхъ книжкахъ журнала «Русская Мысль» 1895 года. Первые главы романъ Додѣ «Маленький приходъ» разсылаются новымъ подписчикамъ на 1895 годъ.

При редакціи открыть.

Магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ.

Съ приемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

1—1

ЗАПИСКИ

ІМПЕРАТОРСКАГО Хар'ковського Університета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть офиціальная: извлечения изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы.

2) Часть неофиціальная а) научный отдѣлъ (ученые исследованія, сообщенія и наблюденія, публичные чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская хроніка (статьи и материалы по истории Харьковского Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложения, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ то: диссертации, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписанная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковского Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянко-Куликовский.

1—3

Открыта подписка на 1895 годъ

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,
издаваемый въ Одессѣ

„По Морю и Суші“

Нашъ журналъ вступаетъ въ пятый годъ своего существованія. Краткосрочная (въ теченіе Декабря мѣсяца прошлаго года) простоянія нашего изданія по случаю тяжкой болѣзни редактора, мы увѣрены, не могла поколебать довѣрія читателей къ нашему органу. Заручившись содѣйствіемъ новыхъ литературныхъ силъ, мы продолжаемъ наше дѣло съ твердою увѣренностью, что не только оправдаемъ вниманіе старыхъ нашихъ читателей, но существеннымъ улучшеніемъ изданія во всѣхъ отношеніяхъ привлечемъ симпатіи и новыхъ.

Журналъ „По Морю и Суші“ заключаетъ слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Хроника столичной, мѣстной и провинциальной жизни за недѣлю; 2) Популярно-научные статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Ро-

маны, повѣсти, рассказы, путешествія и стихотвореніи; 4) Обозрѣніе во-
восточной литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6)
Статьи и извѣстія по морскому и желѣзодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ;
8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Текстъ будеть иллюстрироваться портретами и др. рисунками. При
журналѣ периодически будуть выпускаться приложенія.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ“ съ приложеніями
(Съ пересылкой и доставкой):

На годъ . . . 4 руб. — На полгода . 2 руб.

Для старыхъ подписчиковъ, недополучившихъ №№ за Декабрь мѣсяцъ въ
1894 г., подписная цѣна на 1895 годъ 3 р. 70 к., а на полгода 1 р.
85 к.; старые подписчики, не подписавшіеся на 1895 г., получать четыре
№№, не дославные имъ въ Декабрѣ 1894 г.

№ 1-й будеть изданъ къ 15 Января с. г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ въ Редакціи журнала «По Морю и
Сушѣ» (Софіевская ул., д. № 18, кв. № 19).

1—2

Годъ тридцать третій (ХХХIII).

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 годъ.**

*Русский Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться по прежнему
ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ.*

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1894 годъ были напечатаны, между про-
чимъ: Клушинская битва Д. И. Иловайского, памятныя записи XV вѣка
Арх. Леонида, новооткрытыя челобитныя Патріарху Пикону, бумаги отно-
сящіяся къ Булавинскому бунту, мученическая кончина іеромонаха Кон-
стантина, взятие Берлина русскими войсками (1760), семейныя бумаги А.
Н. Корсакова, указы Павла Перваго, переписка гр. П. С. Потемкина съ
гр. Самойловымъ, бумаги А. Г. Тройницкаго, записки Н. Н. Муравьев-
Карского (1828—1835), письма братьевъ Кирилловскихъ изъ за границы,
исторія Евреевъ въ Россіи М. Ф. Шугурова, памятныя тетради С. М. Су-
хотина, письма и бумаги Пальмера, письма и. Ивановентія, и. Филарета,
Ивановентія Борисова, пр. Антонія, арх. Гурія, митр. Леонтія, Платона

Исидора, біографія И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Шоломисестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ф. Змѣева, проф. И. В. Помяловскаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ф. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанию «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

* * *

Въ 1895 году будуть напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственного архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рукскрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьевъ-Карского, Записки академика Стуцина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумаг сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавриила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписька на «Русский Архивъ» принимается.

- 1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.
- 2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Нового Времени».
- 3) въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ.

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ — двѣнадцать рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется приобрѣтать по уменьшеннй цѣнѣ первые 26 томовъ «Архива Князя Воронцова», содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска «Русскаго Архива» 1894 г.

Петръ Бартеневъ.

Юрій Бартеневъ.

скаранъ зосталъ. Въ разговорѣ о Кримскомъ купечествѣ сказывалъ запорожець: 1) башликъ кримскій 5 денегъ Кримскихъ да ихъ же 3 копѣйки, въ таларѣ Кримскомъ 20 башликовъ, а денегъ 100; 2) рубль пашъ тамъ въ Криму идетъ въ 6 зол. зъ двома, а иногда зъ 3-ма башликами; на таларѣ нашъ наддаются гривни, а иногда и 4 башлики; 3) червоній идетъ по 4 талари, а часомъ и по 5 копѣй; 4) талари бит. по 1 р. зъ 5 копѣйками 5) вино дешевшее не бываетъ якъ око по 2 денги, а дороже не бываетъ якъ по башлику. Сегодни у вечеру зговорена сестра моя Олеся за п. Якима Троцкого и хустки дани.

Понеделоекъ. 17. Сей день теплій и свѣтлій, и ночь таковажъ была. Отправилисмо въ Глуховъ машталѣра Матвѣя зъ обявленіемъ вчерайшой сватби до родителя, да писалемъ до Вѣжевскаго и Забари о розданію коней 6 Сварковцамъ. Обѣдалисмо обще всѣ и съ нами Троцкій зъ сестрою своею.

Вовтор. 18. Сей день быль свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Демяну далемъ 80 р. на покупку вина у Кримъ, о чомъ отъ его и дана пріемная карта. Мѣди далемъ на казанъ броварний котляру Роменскому 6 пуд. Несоору. Отъ Демяна принялемъ облѣковъ 3 и оніє Тарасу отдалемъ, а именно: Василя Дейнеки Засуцкаго на 4 р., Романчука Хмѣловскаго—на 4 р., Кам'янскихъ козаковъ—на 2 р. Да особливо жъ отбражемъ у его облѣки на Переяславскаго, на Кіевскаго, на Зазѣрскаго и на Лукомскаго должниковъ и на Іосифа Сироту.

Середа. 19. Сей день быль свѣтлій и теплій, передъ вечеромъ хмурно, ночь свѣтла и тепла. Получила родителка и я отвѣтний листъ отъ родителя съ Каменя писанный, въ которомъ зговоръ сестри Олесѣ зъ п. Якимомъ Троцкимъ благословитъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами Троцкій п. Якимъ зъ сестрою Глинскою. По обѣдѣ я у его билемъ и довольно гостилемъ. Зчислялисмо зъ п. Несторовичемъ пріемъ Тарасовъ, яко всего вийшло 259 р., въ якомъ числѣ на покупку воловъ пойшло 158 р. 25 к., а на футорное строеніе 98 р., недочоту 13 р.

Четвер. 20. Сей день былъ похмурний, такова жъ и ночь, и холодновати. Обѣдали зде, въ дому родителскому, многіе гости зъ здешнихъ Роменскихъ жителей, да у столу жъ сидѣлъ п. Якимъ Троцкій зъ сестрою мою Олесею и свадби ихъ публѣкованне таковиимъ способомъ учинилося.

Пятокъ. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ, только ядрана. Кушилемъ рибы Запорожской вялой у Ивана Запорожця, 15 головъ, по 7 гривенъ голова, въ томъ числѣ щукъ „ ляшовъ „ „, которихъ въ голову по 100 идетъ, да дробной „ „, якой въ голову идетъ по 500; и за то далъ 10 р. зъ полтиною; и съ того числа Несторовичу далъ голову дробной. Тарасу приказъ оставилъ въ 12 пунктахъ и на нужди футорніе далемъ ему 7 р., а недочоту 3 р., итого 10 р., а зъ облѣкамъ данными ему, о которихъ висше, 20 р. Господареви Юскови далекъ 1 р. для хорихъ людей нашихъ остаючихся, а сами поехалисмо обое зъ женою зъ Ромна и пріехали позно въ Лохвицю, и стали за городомъ въ гаю, у тютки п. Павловой, (Имшенецкой), которую поехавшую зъ Роменъ стрѣтилисмо.

Субота. 22. Сей дейнъ зъ ранку свѣтель, въ день малий дожчъ и громъ, въ ночь дожчевато. (*Выписка изъ бл. Августина*). Поехавши зъ гаю, пріехали въ Сухоносовку на обѣдъ, где и ночувалисмо. Тутъ застали Омеляна Иванова, новоустроеннаго старосту. Смотрѣлемъ пчоли, которой всеей на зиму оставляется 87, а вся добра.

Неделя. 23. Сей день былъ зъ ранку свѣтель и тепелъ велми, а у вечеру дожчикъ показался. Въ ночь великий громъ былъ и дожчъ малий. Посѣщалъ мене протопопъ отецъ Ёома, зъ которимъ и обѣдалисмо.

Понеделокъ. 24. Сей день былъ зранку мокрий, дожчеватий, о полднѣ вияснилось до вечора и въ вечерѣ; такъже и ночь была свѣтла и ядрана. Въ Сухоносовцѣ новоустроенному старостѣ Сухоносовскому Омеляну Иванову далемъ приказъ въ 24 пунктахъ, которого копія за его рукою, чили вмѣсто его дяка Сухонос., имѣется здесь. Ему же на росходи всякие далемъ 10 р., а за млинокъ на

церковь 5 р. Демяну до даннихъ на вино въ Кримъ 80 р. и ешо далемъ въ запасъ 7 червонныхъ. Отобѣдавши тутъ, пріехалемъ до Оробювъ за милю, а оттолъ до Лазурокъ за 2 милѣ, где и ночовалъ.

Вовтор. 25. Сей день былъ сперва мокроватъ, потомъ свѣтель и вѣтрянъ, къ вечеру тихъ, холоденъ, ночи половина таковажъ, другая похмурна. Отъ ночлѣга вчорайшого вставши и рушивши, уехалисмо 2 милѣ и пріехали до Яблунева въ полмилѣ до футорца сотницкого, а отъ футорца сотницкого полтори милѣ до Перерви-нецъ, куда пріехавши, тутъ обѣдали и ночовали. Ездилемъ по обѣдѣ смотрѣть сѣна Романомъ за гроши уробленного, якого всего скиртъ 29, а на тое витратилъ денегъ 35 р. и 57 к.

Середа. 26. Сей день былъ зранку мокрій и холодній, по обѣдѣ мало виаснился къ вечеру, але вѣтряний былъ, ночь погодна и холдна. Обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ передѣ вечеромъ виехавши оттуду, уехали милю до Бѣлоусовки, а оттолъ верстъ зъ 5 до футора Сухомузскаго, где и ночовалисмо. Туда на ночлѣгъ прїѣхалъ Кучарскій и обявилъ о резолюціи п. Петра Апостола, пол. Луб., состоявшоїся на прошенія родителскіе. Въ Перервиняхъ имѣючо-ся тепрь на лицу статку: вололъ робочихъ старихъ 8, воловъ робочихъ молодихъ 12, воловъ молодихъ неученыхъ 10, третяковъ зъ Кривой Руди пригнанихъ 7, бугай молодий 1, а старий бугайже 1, овесь старихъ 169, ягнятъ сеголѣтнихъ 36, свиней стар. съ подсвинками 20, малихъ 11. Мѣются сѣно укоситись отъ людей бравшихъ денги, а именно: по шинкарскому реестру 6 съ полтиною, а за тое возовъ сѣна 130, по реестру дворника Перер. 20 р. съ полтиною жъ, а за тое сѣна скиртъ 20 и пол. А за недодачу де-негъ, за кони лапніе отъ Демяна, 70 воз.

Четвер. 27. Сей день былъ вѣтрянъ и дожчеватъ, ночь тиха, однакожъ хмурна и холодновата. Кучарскому вручивши листъ до п. пол. Луб. Апостола писаний отъ родителя, поехалисъ и пріѣхавши до Денисовки, за 2 мил., тутъ обѣдалисмо зъ Константіемъ и женою его, тутейшими жилцями. По обѣдѣ поехавши, уехали болѣшъ 2-хъ миль до перевозу, до перевозу съ полъ милѣ до Горошина, отъ Го-

рошина съ полтори миль до футора моего Криворудского, где и ночовалисмо.

Пятокъ. 28. Сей день былъ зъ ранку свѣтель и тепель, у вечеру дожчъ зъ громомъ и холодъ, такова жъ и ночь холодна была. Увѣдомился я, что Кодинецъ сотникъ зъ людей моихъ въ турмѣ Лукомской бывшихъ, всвободивши бичкара моего Юрка, послалъ въ Кримъ по соль въ юлѣ, да коровникъ Иванъ Чепѣга робить у сотника за паробка дворового, тогожъ числа. Въ Криворудскомъ футорѣ воловъ робочихъ 15, бугаевъ 7.

Субота. 29. Сей день былъ то свѣтель, то дожеватъ, ночь похмурина и дожевата. Рано поехалисмо съ футора, а передомъ старости Омелянови далемъ приказъ въ 12 пунктахъ, о футорѣ до устроенія и на нужди футорніе 10 р. Уехавши миль около 4-хъ, стали въ селѣ Березнакахъ, у козака Ивана Шолудка, где и обѣдалисмо; а оттуду поехавши, уехалисмо миль зъ 2 до греблѣ у Лисой гори обрѣтающейся чернечой, тутъ черезъ Сулу переехавши, пріехали въ Лубнѣ и стали въ дворѣ сваттѣ нашей Троцкой (?) .

Неделя. 30. Сей день былъ мокровать и дожеватъ. Обѣдалемъ сегодня у п. Петра Апостола, полковника Луб., а по обѣдѣ былемъ у Троцкой и Петра Кулябки и пожевавши, поехалисмо назадъ черезъ Сулу мостомъ и уехавши верстъ зъ 4, пріехали до села Пѣсокъ чернечого, тутъ и ночовалисмо.

Понеделокъ. 31. Сей день былъ мокрий холодний и вѣтряний, таковажъ и половина ночи, а другая свѣтла. Поехалисмо рано зъ Пѣсокъ и уехали верстъ зъ 16, минули село чернечое монастыря Мгарского зовеное Вовчокъ и оттуду уехавши верстъ зъ 10, шляхомъ все Комишанскимъ, пріехали до футора Якуба Новѣцкого противъ Снѣтина, недалече шляху Ромодановскаго стоячаго, где и обѣдъ имѣлисмо. А по обѣдѣ зехавши на шляхъ Ромодановскій, ехалисмо онимъ зъ полтори милѣ и пріехали въ футору Корсуня, хоружого пол. Луб., а оттоль уехавши таєже полтори милѣ, стали на ночлѣзъ у степу, при байраку, на правой руцѣ.

М-ць септерврій. Вовтор. 1. Сей день былъ свѣтлій зранку и тихий, але холодній, передъ полуднемъ сталъ вѣтрянь, ночь тиха и

погодна. Уставши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 4 и пріехали до рѣчки Бодакви, которую переехавши, уехали шляхомъ же Ромадановскимъ миль больше двохъ и пріехали у футоръ нашъ Гамалѣевскій, где и обѣдалисмо. Тутъ я получилъ отъ Ивана Несторовича зъ приложенною калкуляцію реестровъ Тарасовихъ, по которой показуется заведшихся на немъ грошей 18 р., а не 3 р. Въ Гамалѣевскомъ футорѣ пчоли 80, а останется на зиму около 70. По обѣдѣ, передъ вечеромъ, поехалисмо и пріехали въ Андрѣевку, где и ночovalисмо.

Середа. 2. Сей день былъ погодный и свѣтлый, ночь похмурна мало, а мало свѣтла, але тепла. Игнать устроенъ старостою Перервинскимъ, которому и приказъ данъ въ 23-хъ пунктахъ, и денегъ 10 р. на спораженне потребностей тамъ, а онъ росписку далъ въ томъ за подписаніемъ попа Орановского. Нагорода ему въ годъ 7 р. и сукно. Черезъ егожъ писалемъ до Кучарского и вѣденіе о сѣнѣ мѣючомъ въ Перервинацахъ поставитись послалемъ, а писалъ, чтобъ онъ щиталъ въ Сухонос. дверника, въ Кривой Рудѣ таожъ и въ Перервинацахъ. Да черезъ егожъ писалъ до стар. Сухонос. о присилки у футоръ Гамалѣевскій 2-хъ воловъ, сала и бочки горѣлки. Поехавши отъ Андрѣевки, пріехали на обѣдѣ въ Роменъ, где застали родителку, братовъ здравихъ. Кухтикъ мой Иванецъ умре. Попу Орановскому около 2 р. давши, отпустилъ въ домъ его въ Коровинцѣ. Отъ Вѣжевского получена зъ Глух. вѣдомость: I—то, что въ Москву послали 2 вози воловихъ, а на тѣхъ возахъ тютюну пуд. 40, а папушъ въ нихъ 1975, вовни жъ бранки немитой пуд. 15 фунт. 2, а въ нихъ рунъ 200, да вовни жъ бранки митой пудовъ 16, фунт. 25, а въ нихъ рунъ 420, да еще митой же пуд. 3, фунт. 35, и того немитой пуд. 15, фунт. 2, митой пуд. 20, фунтъ 20, всей пуд. 35, фунт. 22 и денегъ 35 р. и гор. барило. 2-do, Карабутъ и Сивакъ за соллю и волами послани въ Кіевъ и имъ дани денги 50 р 3-to, коней 6 роздали Сварковцамъ на вѣру до прійдучого 1731-го году, сент. 1-го числа, 5 коней по 4 р., а одинъ за 3 р. и 5 копѣекъ. 4-to въ пасѣцѣ Уздицкой оставили иа точкахъ пчоли 357 на зиму.

Четвер. 3. Сей день былъ погодний и свѣтлый, ночь похмурна и къ свѣту дожчевата. П. Якимъ Троцкій, женихъ сестри моей, пріехалъ ѿда зъ Лубенъ. У лазнѣ милемся.

Пятокъ. 4. Сей день былъ вѣтряный и холодній. Іванъ Максимовичъ, запорожецъ, перехристъ, посланъ въ Кролевецъ на ярмарокъ, которому на покупки разнѣе далемъ 80 р., а онъ поехалъ зъ п. Петромъ Троцкимъ, черезъ которого писалемъ до родителя о своемъ обращеніи, а до Вѣжевскаго о его пріездѣ въ Кролевецъ на исправленіе покупокъ и проч. Принималемъ vomitorium и операцій вишнихъ было 9, нижнихъ 6. Родителка поехала и братъ п. Семенъ въ Андрѣевку. Послалемъ Омеляну Іванову, стар. Сухонос., на сѣно въ Кривой Рудѣ 8 р., черезъ Сухонос. мужика Маценка.

Субота. 5. Сей день былъ вѣтряный и холодноватъ, однакожъ сухъ, ночь похмурна. Писма отъ родителя до родителки и Кучарского привезены черезъ козака Быстрицкого, черезъ которого отпсалемъ до родителя, да тогдажъ и до Вѣжевскаго о покупцѣ чайника, мѣди, цѣни и соломоняку (?)

Неделя. 6. Сей день былъ мало не ввесь дожчеватъ, ночь похмурна и къ свѣту дожчевата. Обѣдалисмо сами у Ромиѣ у себѣ и съ нами протопопъ и Несторовичъ, а по обѣдѣ поехалисмо въ Андрѣевку, куда позно вже пріехали.

Понеделокъ. 7. Сей день былъ зранку свѣтель и погодний, только вѣтранъ, послѣ полдня дожчеватъ отъ перебѣгающихъ хмаръ, а потомъ самий вечеръ и ночь погоднѣ и свѣтліе. Обѣдалисмо въ Андрѣевѣ зъ родителкою и братами, по обѣдѣ ездилемъ до своего Гамалѣвскаго футора, где Тараса болнаго велми видѣлемъ и повернулемся завидно назадъ. Въ футорѣ Гамалѣвскомъ витрусиль пасѣчникъ пчоли 11, а осталось 69 на зиму. Братъ п. Семенъ послалъ своего слугу до Лубенъ, черезъ которого писалемъ до Кучарского.

Вовтор. 8. Сей день отъ поранку туманный и дожчеватъ, съ полдня свѣтель и тепель, только вѣтранъ, ночь тиха, свѣтла и погодна. Получилемъ писмо отъ Архипа первое, зъ Царицина писанное юл. 30-го, въ которомъ объявляетъ, что гор. куѣу по 23 р. (?) и по

2 а. (?) повезено на суднѣ въ Астрахань, а табаку пудъ по 3 а. и что горѣлку досипалъ зъ 2-хъ бочекъ, да что въ Царицынѣ съ вина и съ табаку взято пошлини съ пуда по 4 гривни. Писалемъ до Кучарского о бытіи его въ Лубняхъ и нарочно посланы писма къ ему.

Середа. 9. Сей день былъ свѣтлій, теплій и велими погодній, и ночь таковажъ. Обѣдалисмо зде въ Андрѣевцѣ и дновали и подпивали при собраніи прѣжджихъ п. Павловой и другихъ женъ, и поповъ болшъ 10.

Четвер. 10. Сей день былъ свѣтлій барзо и теплій только вѣтряний, ночь свѣтла и тепла. Сего дня тутъ продновалисмо, попи по обѣдѣ отпущеніи и поехали. Тіотка моя п. Павлова разговаривала о заборѣ имѣнія его отъ генер. Девейзбаха, о якомъ вѣдаетъ Назаръ мужикъ Андрѣяшевскій, бывшій тогда старостою, а теперь войтомъ Андрѣяшевскимъ, и другіе, яко то: стадникъ Гладкій и Мисникъ, стар. Андрѣяшевъ, умерли. Тотъ же Назаръ и другихъ показать можетъ. Брату п. Семену 6 р., а родителцѣ на раздачу попамъ 4 р. Тарасу до проїзде данныхъ 7 р. теперь далемъ на футоръ 6 р., итого 13 р. посля ревизїи.

Пятокъ. 11. Сей день былъ противъ вчорайшаго погодній, ночь половиною тиха и свѣтла, а потомъ мокра. По службѣ Божій поехалъ я зъ женою и дѣти и передъ вечеромъ пріѣхали въ Роменъ. Писалемъ до стар. Сухонос. о присилцѣ Дяденка въ Глуху по скуплѣ воловъ, о присилцѣ рѣчий прежде писанныхъ къ Тарасу и листъ до Худолѣя приложенъ о коняхъ.

Субота. 12. Сей день былъ зранку холодноватъ и похмуренъ, потомъ вскорѣ сталъ свѣтель и тепель, ночь погодна велими, свѣтла и ядрана. Родителка пріѣхала зъ Андрѣевки, а п. Якимъ Троцкій зъ Кролевца, Иванъ Запорожецъ и Мошанскій и писмо отъ родителя ко мнѣ о надѣяніи скорого пріезду въ Глуховъ князя Шаховскаго. Отецъ протопопъ Савѣцкій песящалъ мене и посида и поговоря, отойшолъ.

Неделя. 13. Сей день былъ зранку свѣтель и тепель до самого вачора, а у вечерѣ похмурно и черезъ всю ночь было похмурно жъ и тепло, однако безъ дожчу. Обѣдалисмо въ дому род.,

где приехавшій п. Якимъ Троцкій, отецъ протопопъ Ромен. и мы зъ братами были и Несторовичъ.

Понеделокъ. 14. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь та-
коважъ. Обѣдалисмо вкупѣ, а у вечеру виехалисмо зъ женою, опро-
важали нась родителка, брати, Троцкій и Несторовичъ до яру, съ
которими простишись, пріехалисмо до Борзенки, где и ночовалисмо.
Несторовичеви подарилемъ коня гнѣдого отъ четвернѣ.

Вовтор. 15. Сей день былъ до полъ 11-го часа предъ по-
луднемъ ясенъ и тепель, а потомъ прійшла жестокая туча зъ
ужаснимъ громомъ и гвалтовнимъ дожчемъ и за килка часовъ про-
шли, а другая у вечеру надойшла и тривала черезъ ночь съ дож-
чемъ мѣрнимъ, переходомъ. Поехавши зъ Борзенки, уехали миль зъ
двѣ до Смѣлого, а оттуду съ полъ милѣ доброй до Сухого Ромна,
где и обѣдали, а по обѣдѣ отъ Сухого Ромна уехали миль зъ 3,
недоежджаючи Грузкой, ночовали.

Середа. 16. Сей день былъ туманный зъ ранку, потомъ около
полдня и по полднѣ свѣтель и тепель, потомъ хмуренъ до вечора,
вечоръ и ночь вся дожевата. Отъ ночлѣга вставши, поехали и
проехали Грузкую, а мимо Козацкую пріехали до Хижокъ, отоль
лугомъ до Каменя и доехавши Сейму, за прорво становиско имѣли
и обѣдали, а по обѣдѣ переправивши возки човнами черезъ Сеймъ,
пріехали въ Каменскій родителскій дворецъ, где и заночовалисмо.
Юсю да Василь, служители, знову похоровались.

Четвер. 17. Сей день былъ зранку мокрий, а потомъ вѣт-
ряний и ясний, ночь тиха, хмурна. Неосторовичка явилась въ Ка-
менѣ, едучи зъ Глухова до Ромна, съ которою простишись и обоихъ
молодиковъ хорихъ, Юска и Василя остановивши, поехалисмо и
пріехали на обѣдѣ въ Тулиголови, где застали 3 куєи гор.

Пятокъ. 18. Сей день былъ зранку похмурний, а потомъ мало
мокрий, потомъ ясний и похмурний пополамъ, ночь ясна и холодна.
Пчоли 7 подрѣзовали зде въ Тулиг., а 2 убили, осталось 33, въ
томъ числѣ 3 худихъ. Поехалисмо посла полдня зъ Тулиг. и прі-
ехали передъ вечеромъ въ Глуховъ, где зъ род., швакгромъ п.
Яковомъ и сестрою п. судіною видѣлись. Тамъ въ Тулиг. видѣ-

лемъ карбъ Бутурлимовскаго мѣроочника, въ якомъ мѣрокъ жита накарбованніхъ отъ початку мѣроочництва его 450, а ярии 188.

Субота. 19. Сей день былъ сперва похмурень, а потомъ сильный дожчъ ишолъ, ночь вѣтряна. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ; у вечеру билъ у лазнѣ и кровь банками пускалъ.

Неделя. 20. Сей день былъ вѣтраний безъ дожчу, ночь вѣтряна жъ велми и холодна. Ездилемъ до п. гетмана и тамъ зъ братомъ п. Михайломъ увидѣвшись, по службѣ повернулемся и ездили до сестри на пастовникъ обос, где и обѣдали. Брать п. Марко пріехалъ зъ Стародуба.

Понеделокъ. 21. Сей день былъ вѣтраний и холодний, и похмурний, въ ночь гвалтовній дожчъ зъ градомъ. Рано билъ я на Бѣлополовцѣ у п. Михайла, а обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до графа Гвврила Ракгозѣнскаго и разговорували о футуру Гамалѣевскому, которого степу половину спряли Розбимовци и приговорили писать до самого Сави Рогозѣнскаго въ Москву. Родители на нужди веселніе брата Марка далемъ денегъ 200 р. и 70 ефимковъ.

Вовтор. 22. Сей день былъ вѣтраний и холодний, и похмурний, и ночь таковажъ, только безъ вѣтру. Ездилемъ на пастовникъ и обѣдалемъ у сестри и до вечора позабавившись, заездилемъ до швакgra п. Якова и оттуду въ домъ свой. Брать Марко поехалъ въ Роменъ, которому далемъ на 8 р. и баранокъ, да меншимъ братамъ послалъ 3 баранки, да себѣ тутъ велѣль шить шапку баранковую и соболюю.

Середа. 23. Сей день былъ похмурний и ночь Обѣдалисмо у себе и съ нами швакгеръ п. Яковъ. Сегодня захоровалемъ видомъ, яко на фебру, а въ самой рѣчи на горячку, и всю ночь былъ въ огнѣ.

Четвер. 24. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночь. Сего ранку зъ медіяни кровь пускалемъ 2 талѣрки и въ жару у весь день пробавилемъ.

Пятокъ. 25. Сей день... Грота употребилемъ и весь день лежалемъ въ жару великомъ.

Субота. 26. Сей день... Сегодня жаждой отради не было, въ жару безъпереривно.

Неделя. 27. Сей день... Жаръ во мнѣ и слабость еще що горшій умножился.

Понедел. 28. Сей день... Жаръ еще що разъ свою силу во мнѣ показываетъ, а я безмѣрно слабъ; холоденъ сталъ я съ понеделка на вовторокъ, зъ великимъ холоднимъ потомъ.

Вовтор. 29. Сей день похмурний быль зъ снѣгомъ и ночь похмурна. Кондзеровскій пріехавши ко мнѣ, теплою горѣлкою мои груди, серветку умочивши, обкадалъ, разовъ зъ десять, чимъ потъ мої порушилъ во мнѣ зъ премѣненiemъ жара. Потомъ въ день пришла мнѣ слабость безмѣрная зъ отчаяніемъ живота моего, потомъ стихъ мало, а потомъ потъ силній прийшоль мнѣ. Люка поехалъ до доктора Бока и привезъ мнѣ кордіяліе микстуру, якую началь я употреблять.

Середа. 30. Сей день билъ похмурний. Протопопъ зъ отцемъ Никифоромъ были и крестъ зъ мощами далъ мнѣ, а отъ вчорайшого дня стала мнѣ жаръ утоляться. Черезъ Люку послалемъ Боку 16 р.

М-ць Октовр. Четвер. 1. Сей день былъ похмурний и мокрий и ночь такова. Были сестра полковница (Толстая), п. Михайлова и Люка, а мнѣ полегше стало.

Пятокъ. 2. Сей день былъ похмурний и мокрий, и ночь такова. Снѣгъ випалъ на суботу. Еще отраднѣе мнѣ показалось. П. Михайло зъ Люкою рано были.

Субота. 3. Сей день былъ похмурний зъ дожчемъ, зъ крупами. Александръ билъ у мене, а мнѣ мало легше еще показалось.

Неделя. 4. Сей день былъ увесъ дожеватъ, ночь похмурна и темна. Рубчиха била зъ зятемъ, рано, зъ дочкию, а мнѣ легше стало.

Понеделокъ. 5. Сей день рано былъ дожеватъ, по обѣдѣ и великій дожъ ишоль, ажъ до самого вечора, ноччу такожъ дожъ ишоль гвалтовній.

Вовтор. 6. Сей день былъ увесъ дожеватъ, а ночь около полночи визвѣздилаась зъ морозомъ. Была у мене сестра п. Чернишева, а швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ пріехалъ зъ Новгородка.

Середа. 7. Сей день былъ погожій, къ вечеру хмуренъ и ночь таковажъ, толко суха безъ дожчу. Обѣдалъ со мною п. Яковъ швакгеръ и мнѣ ослаба противъ прежнего, а по обѣдѣ посѣщалъ мене Люка. Да пріездила сестра п. Чарнишева, зѣ тимъ что пасинки еи розездятся, да сего жъ дня и розехались.

Четвер. 8. Сей день былъ вѣтряний, сухий, а холодний и ночь таковажъ. Посѣщали мене швакгеръ мой п. Яковъ, Иванъ Мировичъ, который при генералу Генѣну, а пріехалъ сюда на время, Добронѣскій, а потомъ обѣ сестри.

Пятокъ. 9. Сей день былъ холодній, вѣтряній, снѣгъ ишоль сухий, ночь сперва вѣтряна, потомъ тиха да холодна. До Цѣщенского въ Криски отпсалемъ на писмо его. Сегодня тезоименитство мое было, родитель подарилъ атласъ, сестра Уляна Ивановна рушашку и 2 хустки, сестра п. судіная—хустку.

Субота. 10. Сей день былъ таковий, яковий и вчора, такъ же и ночь, снѣгъ велми ишоль. Посѣщали мене по обѣдѣ швакгри оба Полуботки и посида отехали позно.

Неделя. 11. Сей день былъ сухій холодний, снѣгъ малій ишоль, ночь холодаражъ, ставъ стався. Обѣдали у насъ швакгри и Мировичъ Иванъ, а по обѣдѣ были п. Михайло зъ панею, сестри обѣ, и Астровскій пяний. П. Михайло рассказывалъ, что по ревизіямъ въ Малой Россіи послѣства 101000. Тертичникамъ далемъ 12 р. съ полтиною, Пироговскімъ.

Понеделокъ. 12. Сей день былъ сухий, толко снѣгъ ишоль малій, такъ же и въ ночь, ишоль снѣгъ болшій. Сставъ здешній гораздо стявся и покрить сквозь снѣгомъ. Посѣщали мене п. Андрей швакгеръ, Иванъ Гамалѣя, сотникъ Воронѣжскій, Люка и Дмитриашко и обѣдали у мене, а по обѣдѣ забавилисмо эъ собою картачи, я, п. Андрѣй, жена и Астровскій. Усмотрѣль я, что у вечера приходитъ алтерацїя.

Вовтор. 13. Сей день снѣгъ болшій ишоль, и въ ночь морозъ сталъ, и снѣгъ ишоль же. Обѣдали у насъ швакгри оба, а пе обѣдѣ игралисмо въ карти. Дворника нового въ Калюжновскомъ футорѣ устроилемъ Уласа.

Середа. 14. Сей день былъ холодний, снѣгъ ишолъ сухій, ночь холоднажъ. Князь Шаховскій Алексей Ивановичъ пріехалъ въ Глуховъ, а потомъ у вечеру быль въ банѣ у нась, и я его видѣлъ и поздравлялъ. Обѣдали со мною швакгри мои, и по обѣдѣ въ карты забавлялисмова.

Четвер. 15. Получилемъ писмо Кам'янского, 28-го сент. писанное, зъ приложеннымъ реестромъ покупокъ, черезъ мужиковъ отправленныхъ. Сей день быль сперва погодний, а потомъ черезъ у весь день дожчъ ишолъ, въ ночь пересталъ быль, однакъ воздухъ мокрый, отчего снѣгъ истаялъ; громъ въ ночѣ. Родитель обѣдалъ у князя, а у нась швакгри, Мировичъ и Чарниши.

Пятокъ. 16. Сей день быль мокрый и ночь, для того что дожчъ ишолъ бозъ переривки. Грамота къ гетману писанная и черезъ князя Шаховскаго привезенная, читана публѣчно въ церкви Иліи пророка, въ якой написано, чтобъ не братъ въ скарбъ войсковий пчоляной и табачной десятинъ, такожъ зъ мостовъ и съ перевозовъ, а по публѣкацїи молебствіе и съ пушекъ троекратное стрелянне. Обѣдали у нась швакгри п. Яковъ и Мировичъ Иванъ, а п. Андрей послѧ пріехалъ.

Субота. 17. Сей день быль мокровать, дожчъ маленкий ишолъ, также и въ ночь, къ свѣту малий морозъ. Обѣдалемъ вкупѣ зъ родителемъ для его тезоименитства, который по обѣдѣ, стехалъ въ Роменъ для акту веселаго брату Марку чинячаго. 2 письма послали въ Роменъ, одно до матери, а другое до братовъ о себѣ.

Неделя. 18. Сей день быль зранку мало погодень и сухъ и морозецъ показался, однакъ передъ полуднемъ, якъ началъ дожчъ густий ити, то ажъ до самой ночи ишолъ, а въ ночь и дожчъ и снѣгъ, поки къ свѣту, самий уже снѣгъ покрылъ землю. Банкетъ быль у пана гетмана, где князь зъ протчими и старшина енер. кушали, а у нась обѣдали швакгри оба, по обѣдѣ забавлялисмоя домашніе картами.

Понеделокъ. 19. Сей день быль мокровать, снѣгъ отъ ночи шедшій къ свѣту покрылъ землю знову и такъ увесъ день тривало и въ ночь. Обѣдалисмо сами и съ нами Семенъ Заруцкій и Карпъ

Огієвський. Василь молодикъ отправленъ зъ двома Сварковцями противъ подводъ зъ Москви идучихъ, съ ними 5 коней, которому на дорогу далемъ 3 р. Въ Михайловцѣ дворовъ 216, въ Василювцѣ—81, въ Грунѣ—38, въ Щацѣ—13, въ Гутахъ—6, итого 350. Михайловская стаднина: кобилъ зъ лошат, 11, а яловихъ 32, лошаковъ 18, стрижать 15, лошатъ 12 дриг. 2 булан... товару рогатого 61, коровъ 31, воловъ 30.

Вовторникъ. 20. Сей день быль вѣлодотний, похмурний и ночь такова жъ, только къ свѣту противъ середи дожчъ. Обѣдалъ съ нами Семенъ Заруцкій, а вечерали швакгри, и въ карти играли. Грамоту къ государинѣ отъ гетмана и всего войска Запор. составили благодарственную о показанной милости въ отставки десятинь тютюнной и пчолной и збору зъ мостовъ и перевозовъ, на якой старшина и бунчуковіе подписывались.

Середа. 21. Сей день зранку дожеватъ быль, чего ради и снѣгъ увесь пропалъ, а потомъ пересталъ дожчъ, только воздухъ быль вѣлгодний черезъ увесь день и ночь, а въ ночь близкавица и громъ быль. Обѣдалисмо зъ Чуйкевичемъ Федоромъ и Кутневскимъ, а вечерали зъ швакграми. П. Войцеховичева зъ старшимъ сыномъ пріехала и стала въ дворѣ нашемъ. Вѣжевскій повернулся зъ Тулиголовъ и привезъ меду 2 мѣрницѣ, а гор. 2 куеи.

Четвер. 22. Сей день быль зъ воздухомъ мокроватимъ и ночь такова жъ. Швакгри мои обѣдали съ нами и Войцеховичка и вечерали. П. Адрѣй швакгеръ повечеравши, отехалъ въ Чернѣговъ. У Вѣжевского принялъ шинковихъ грошей 14 р. и 22 а., что у его и записалъ, да на должникахъ доправленыхъ 6 р., зъ лишкомъ 40 а. недоправленныхъ; всѣхъ принятинъ отъ Вѣжевского 21 р. Въ полковники Стародубскіе присланъ Александръ Ивановъ Дуровъ, мають бывшій въ полкахъ.

Пятокъ. 23. Сей день быль зъ воздухемъ мокроватимъ и ночь такова жъ, однако же безъ дожчу. Быль у насъ Македонскій, служитель сестринъ, который сказывалъ, что обехалъ мои подводы у Болховѣ прошлого четверга, которій ямщика за 6 р. наняли. Онъ же сказывалъ, что архіерей Кіевскій зъ консисторомъ

въ Москвѣ подъ арестомъ, якобы за нечиненное ими вначалѣ молелствіе о государинѣ. Сестра прислала напѣръ чаю. Рѣка здѣшняя Ясманъ 12-го сего октовор. замарзшая, разтаяла сего дня противъ завтрешишаго, совсѣмъ, отъ дождей частихъ бывшихъ.

Субота. 24. Сей день былъ погодний и мало былъ виаснился, а потомъ хмурами закрить, однакъ зѣ сухимъ воздухомъ у весь день былъ и ночь, а вночѣ вѣтеръ великий былъ. Обѣдалисмо зѣ п. Яковомъ швакромъ и Войцеховичевою. Жена заболѣла на колку. Семенъ Шохъ устронъ старочтою Крисковкимъ и приказъ ему данъ въ 14 пунктахъ, которого копія зде приложена.

Неделя. 25. Сей день былъ мокровать, бо дожчикъ перерившемъ проривался, ночь темна и хмурна. Сегодня въ первое я зѣ дому своего вѣхалъ и былъ у князя Шаховскаго, а обѣдалисмо у себе зѣ п. Яковомъ швакорамъ, Иваномъ Гамалѣю, (которий подпісался на уступной Крисковской) Соснѣцкимъ и Войцеховичемъ, а князь и проч. у обозного енер. Женѣ зѣ медіяни кровъ пускалъ Ходецкій ради болю ей. Доктору Боку 8 р. послалемъ вчорайшаго дня черезъ Вѣжевскаго.

Понеделокъ. 26. Сей день былъ надъ всѣ осѣнне погодній, свѣтлый, тихий и тепловатъ, а ночь мокровата, поневажъ зѣ вечора снѣгъ, а потомъ дождь малій ишолъ. П. Михайло братъ былъ рано у мене, а мы зѣ швакромъ п. Яковомъ и Войцеховичкою обѣдали. Михайло Гавриленко привезъ зѣ Чернѣгова доводачихъ отъ должниковъ 60 р.

Вовтор. 27. Сей день былъ похмурний, посля полдня и чрезъ всю ночь вѣтренъ збыть. Роману, стар. Тул., дали 2 р. кожухъ сѣвой и киндаѣкъ. Гроту лѣкарю далемъ 5 р. Обѣдалисмо вкупѣ зѣ п. Войцеховичевою. Получилемъ писмо зѣ Ромна отъ род. о виправѣ брата Марка сего окт. 22-го въ Стародубъ, а зѣ Перервинецъ о продаемихъ 2-хъ стѣнкахъ, одной за 5 р., а другой за 8 р.

Серед. 28. Сей день былъ похмурний, тихий, а тепловатъ, ночь пахмурна. Обѣдалисмо зѣ швакромъ п. Яковомъ, который и отехалъ въ Новгородъ. Попу п. Григоріевої отцу Петру на ея

потребу визичилемъ 5 р. Федорецъ брата Марка отправленъ зъ ли-
стомъ моимъ къ нему и зъ 10 р. Козакъ Перервинскій отправленъ
Артемъ, синъ козакъ Костѣ, черезъ котораго отвѣтвалемъ до ста-
рости Перер. о куплѣ стѣнокъ продажнихъ Шинкарской и Тара-
ненковой, на чмо и 10 р. послалемъ теперъ, а футоръ Кохна до-
волнѣй осмотрѣтъ и мене увѣдомить, о Свѣтличномъ описать до
Кучарского. 2-до, род. въ Роменъ писалемъ. З-тио, до стар.
Сухонос. о его молчаніи зъ упомненнемъ о виправѣ сюда и о Дядѣ.
Молодицъ Василь повернулся зъ людми зъ Москви отправленными
безъ возовъ и безъ покупокъ, якіе поскладали на семъ боку Бол-
хова въ деревнѣ. (*Слѣдуетъ богословская статья „о разнствіи
закона и евангелія“.*)

Четвер. 29. Сей день быль сперва съ туманомъ, потомъ зъ
хмарою и воздухомъ мокроватимъ, холоднимъ, такова жъ и ночь,
только къ свѣту морозъ прійшолъ. Жена ездila въ городъ до церкви
ст. Анастасіи, а я въ дому обѣдалъ.

Пятокъ. 30. Сей день зъ ранку зъ морозомъ и зъ хорошею
погодою, а потомъ хмуренъ сталъ, такова жъ и ночь, только зъ
морозомъ студенимъ. Купилемъ 2 квижки латинскихъ у поляка
Грифского-Concilium Tridentium за 60 а, другую Regn. de vib.
суган. (?), за 2 гривни.

Суббота. 31. Сей день быль передъ полуднемъ свѣтлий, по-
томъ холодний и похмурний и вѣтраний, таково жъ и ночь, только зъ
сильнымъ вѣтромъ, передъ свѣтомъ дожъ. Посѣщалъ мене отецъ
протопопъ Глух. и обѣдалъ у насъ, и Голубиха.

М-цъ Ноевр. Неделя. 1. Сей день быль похмурний дожче-
ватий, такова жъ и ночь. Рано ездилемъ до кназя, где и обѣда-
лемъ и дновалемъ въ посидѣнїѣ. Пазѣ дочери кристеръ (клистиръ)
приложили зъ тихъ мѣръ, что цѣлий тиждень въ констипацїи была,
и ажъ теперъ за кристерю оную пронесло. Мякининъ простился у
кназя съ нами, а имѣлъ ехать умершаго сына своего провозить на
погребеніе до Софроніевой пустини.

Понеделокъ. 2. Сей день быль похмурний и зранку съ ту-
маномъ а потомъ мокровать и ночь зъ дожчемъ. Іванъ Манджула

отправленъ самъ троть и дани ему 10 р. на дорогу. Алексѣй Полуденскій прїехалъ и писма привезлъ отъ род. и стар. Сухонос., которій пишетъ 1) что слобожане футора Криворудскаго послушество сотнику Кодинцу отдаются; 2) а футоръ строится; 3) где посѣяли жита, четвер. Луб. мѣри 6, а на зябль орутъ, 4) подъ Сухонос. посѣяль жита 20 чет. и еще мѣль сѣять; 5) Луб. дворъ шинковній устроенъ; 6) у Горла вѣтряній млинокъ купленъ; 7), за 13 зол купилъ лѣса до футора, на вирубъ. Обѣдалисмо сами въ дому, а у вечеру до князя ездилемъ и забавилъ.

Вовтор. 3. Сей день сперва быль похмурний, а потомъ до самого вечора, и мало не чрезъ всю ночь, сильный дождь ишолъ, посля дожчу вѣтеръ, потомъ къ свѣту вияснилось. Ездилемъ, впервое по хоробѣ, въ городъ и не заставши资料 самаго ясневел., самой панеи гетмановой кланялся и посидя у ея довольно, эть женою возвратились.

Середа. 4. Сой день быль погодний и ясний, такова же и ночь эть иорозомъ. Обѣдалисмо обое зъ женою у сестри Уляни Ивановны, а потомъ прїехалъ п. Михайло, братъ, съ панею своею, зъ которыми тамъ же у сестри почовалемъ, а жена въ дому, где черница старица умерла. Черезъ Ивана Алексенка, мужика Сухоносовскаго, писалемо до стар. Сухонос. Омеляна о припровожденю сюда виправи по первой дорозѣ, такъ же лою 10 пуд. и чтобы усмотрѣль, где бъ онаго болше, также и масла достать можно. Да черезъ его же послалемъ Грицку Дядѣ Сухонос. 30 талар. бит. на воли, да чрезъ его же писалемъ до Тараса, чтобы онъ обѣ увѣдомилъ.

Четвер. 5. Сей день быль погодний такъ же, а при вечерѣ похмурѣло и ночь хмурна и мокра была для того, что у ночѣ дождь силний ишолъ. Родитель прїехалъ рано зъ Ромна, долго по степу бѣдствовавши за утекшими конми, которыхъ заледво обискали, а я повернулся зъ пастовника и свидѣлся зъ Валкевичель, уже отсюду отездившемъ, который теперь и отехалъ въ Стар., а по обѣдѣ быль у насъ протопопъ Савѣцкій; по отходѣ его ездилемъ до князя и посидѣвши довольно, повернулся назадъ.

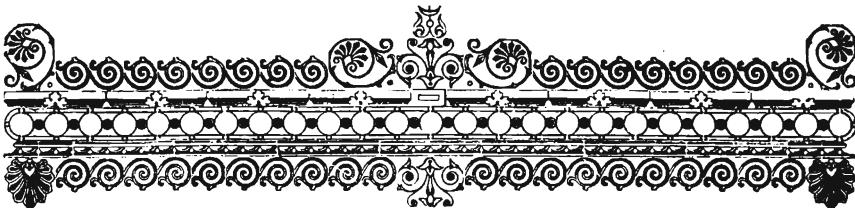
ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА Г. А. МИЛОРАДОВИЧА.

Подъ этимъ заглавиемъ съ настоящей книги „Кievск. Старины“ будетъ печататься въ приложениі Сборникъ историческихъ документовъ изъ Любецкаго архива графа Г. А. Милорадовича.

Предисловіе къ сему приложению и нужныя объясненія будутъ напечатаны въ концѣ года.

А. Л.

I. Бумаги Чарнышей.

1. Запись шляхцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женъ Евдокії Голубовнъ. 1710 г., 9 ноября.

Року 1710, мѣсяця ноеврія 9 днѧ. Вѣдомо чиню симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ тенеръ и въ потомкіе часи всякому таковому, кто бы потребовалъ зъ близкихъ, дальнихъ, кревнихъ моихъ и изъ звѣрности на тотъ часъ быти маючай о семъ, же Содѣтеля судбами при его жъ благословенії Бозскомъ и родителскомъ, поймуючи и въ доживотное сожителство еи мосцѣ благородную панну Евдокію Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейнентарскаго ясневелможного его милости пана Иоана Скоропадскаго, войскъ его царскаго пресвѣтлого величества запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни гетмановой родителскаго, вручаю въ вѣчнуу опеку двохъ синовъ моихъ съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою мою Еленою Гречановою спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матеръ еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ. При той зась опецѣ дѣтей моихъ, записую всѣ добра власнимъ коштомъ зъ праці моей и заслугъ войсковыхъ набутіє, то есть: дворѣ, въ злотѣ, въ сребрѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукняхъ, въ млинахъ, ставахъ, пасъкахъ, лѣсахъ, стенахъ, хуторахъ, биллѣ и прочіихъ угодіяхъ господарскихъ, подъ именемъ моимъ тенеръ въ мене обрѣтаючися и виредь сполне, подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи юабути, сподѣваючися (уховай Боже на мене термїну смертного безвременного или въ состарѣлости временно, аще би и безлотомне пришлося оста-

вити) за преречоними двома синами моими, все отъ мала до велика благородной панеи Евдокіі ровнимъ дѣломъ по половинѣ. Если же вседаровитій Господь подастъ сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіі заховавши половину, зъ половиною Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнімъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити, симъ рукоданимъ писаніемъ моимъ, зъ притѣсненіемъ власной печати сегнетовой, во вѣчніе роди ствержаю. Данъ въ Глуховѣ. Року и дня вышеописанного. На подлѣнномъ подписано: Іванъ Чарнишъ, полковникъ войска его царскаго пресвѣтлого величества запорожскаго Гадяцкай рукою власною подписуюся.

Его царскаго пресвѣтлого величества министръ и кавалеръ Андрей Измайловъ.

Року 1729, сентеврія 30 дня. Сие вышеописанное писмо отъ велможной ея милости панѣи Анастасії Марковнї Иоанновой гетманновой Скоропадской, дочери еи велможности панѣи Евдокії Константиновной Голубовни отъ покойнаго малжонка еи пана Ивана Чарниша, полковника Гадяцкаго, данное, въ ратушу Глуховскому при доношенніи презентовано и въ книги мѣськіе вписано, а дни увѣренія въ потомніе часы на семъ же писмѣ руками своими при печати враждовой подписануся. Року и дня вищеспецѣкованныхъ. Федоръ Омеляновичъ, сотникъ Глуховскій. Стефанъ Уманецъ, атаманъ Глуховскій. Іосифъ Ивановичъ, вoyer. (Съ копію).

2. Запись вдовы генеральнало судьи Ивана Чарниша Евдокіи Константиновны дѣтьямъ своимъ, на недвижимыя импнія. 1733 г.

Року 1733, іюня < > дня. Я Евдокія Константиновна Голубовна, Иванова Чарнишева, судѣна енералная, вдова, на всякомъ судѣ и урядѣ и на всякому правѣ, кому колвеckъ о семъ теперь и въ потомніе часы вѣдати потреба укажетъ, симъ моимъ доброволнымъ уступнымъ записомъ чиню вѣдомо, пжъ 1724 року, по указу блаженной и вѣчнодостойной памяти Петра Первого, императора и самодержца всероссійскаго, его императорскаго величества, мужъ май Иванъ Чарнишъ, судія войсковый енер., отехавши зъ Малой Россіи, зъ дому своего въ Санктпітербурхъ, оставилъ мене при малыхъ дѣтахъ безпомощну во всякихъ турбаціяхъ и клопотахъ отъ многихъ турбато-

ровъ и претендентовъ на имя его мужа моего вщатихъ, зъ которихъ я иниe судомъ, а вніe рада не рада миromъ, зъ урономъ здоровья моего и зъ знатнимъ коштомъ, сократила. А по смерти его, (который въ 1728 року, декабря 11, жизнь свою въ Москвѣ окончилъ), и бол-ше що разъ непрестанніе напасти отъ турбаторовъ чрезъ позви уста-вичне несучи, пришла уже во всеконечное изнеможеніе въ здоровию, а въ субстанціи въ крайнюю скудость и разореніе. Того ради завре-менно, хочай при остатку здоровья моего, однакъ при полномъ разумѣ, чрезъ сей мой доброволный запись, вливаю право мое, уступаю, за-писую и вовся во вѣчное и неотзовине часы даю, дарую и во владѣніе пущаю дѣтамъ моимъ: тромъ сынамъ Ивану, Семену и Якову Чарнишамъ, да тремъ дочерамъ Анастасію, Аннѣ и Еленѣ Чарни-шовнамъ половину всѣхъ добръ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи отпемъ ихъ Иваномъ Чарнишемъ, судію войсковымъ енер., зъ праци и зъ заслугъ войсковыхъ, такъ до понитя моего имъ въ мал-женствио, яко и въ малженствѣ со мною купно общими трудами его и мою працею, нажитомъ и всякимъ способомъ набутомъ, яко то въ селахъ Боркахъ, Митченкахъ, Сарахъ, Щѣпкахъ, Сваткахъ, Крут-кахъ и во всѣхъ въ тимъ селамъ принадежныхъ угодіяхъ, хуторахъ, поляхъ, пахотныхъ и сѣнокосныхъ, пасѣкахъ, степахъ, лукахъ, бай-ракахъ, левадахъ, гаяхъ, лѣсахъ, пущахъ, борахъ, дворахъ, млинахъ, ставахъ, гребляхъ, озерахъ и во всѣхъ другихъ, въ броварахъ, соло-довняхъ, винокурняхъ и всякимъ именемъ и прозваниемъ зовемихъ дворахъ недвижимыхъ, и въ движимомъ имѣніи, въ злотѣ, срѣбрѣ, клейнотахъ, перлахъ, сукняхъ, въ бидльхъ и въ пчелахъ, и во всѣхъ рухомостяхъ, що колвеckъ тилко движимимъ имѣніемъ назватись мо-жеть, во всемъ томъ едностойне, такъ въ недвижимомъ, яко движи- момъ имѣніи, подлугъ запису вѣчнаго мнѣ отъ отца ихъ, а мужа моего въ 1710 року, нояб. 9 дня, за подписаніемъ власной руки его и при печати, предъ государевымъ министромъ и кавалеромъ Андреемъ Измайлловымъ, въ той часъ въ Малой Россіи при гетману Скоропадскомъ минѣстерскими дѣлами иправившомъ, и за подписан-іемъ руки его минѣстерской данного, належную записанную и опре-дѣляемую; и по силѣ контентовъ того запису, имъ дѣтамъ моимъ шестомъ тую половину мою во всемъ вижеписанномъ имѣніи позволяю раздѣлно и нераздѣлно держать и владѣть вѣчными часи и якъ хотя на свой пожитокъ употребляти, и волно имъ есть и будетъ датъ, даровать, замѣнять и во всяkie крѣпости утвердить, однакъ въ чужіе руки не упуштать, чтобъ отческій ихъ домъ не звелся. Но еслибъ ко-

торому или которой и нужда была свою часть и жеребъ збути, то никому иному, токмо братъ брату, сестра сестрѣ, или братъ сестрѣ, сестра брату волни суть и будуть дать, даровать, замѣнить, продать и во всяkie крѣпости утвердить и записать вѣчными часи. А понеже въ томъ же записѣ покойного мужа моего зверхъ поминутой на мене опредѣленной половинѣ, зъ другой половины одна половина на пасынковъ моихъ Ивана и небожчика Петра, а другая половина на дѣтей моихъ вижемененныхъ опредѣлена и записана, теды и оную половину зъ другой половины имъ же дѣтямъ моимъ во вѣчность тутъ же при мененой моей половинѣ подтверждаю и уступаю, и записую вѣчными часи, а себе отъ всего того отдаллю вѣчными часи. А для лучшого и твердѣйшего имъ въ потомкіе часи, имъ шестомъ дѣтямъ моимъ, всѣхъ вижисанныхъ добрь владѣнія при семъ моемъ записѣ вручаю и отдаю имъ же дѣтямъ моимъ всѣ крѣпости къ онымъ добрамъ стягаючися, яко-то: высокомонаршую жалованную грамоту, гетманскіе унїверсалы и многие куничіе записи и мундѣменты, которыми всѣмъ особливый реестръ при семъ записѣ уступномъ моемъ отъ мене сообщенъ. Если жъ якіе въ тыхъ добрахъ, мною уступленныхъ, отъ кого произшли бѣ въ чомъ претенсіи и якіе суть въ судѣ енер. на мое имя и на мужа моего вщатіе, то уже мпмо мене оными всѣмъ дѣтямъ моимъ настоящіе и будучіе претенсіи отправлять и обстоювать, и всякие здѣлки чинить по разсмотренію и по совѣту кревшихъ моихъ. Внесенне же мое и отчистіе мои добра Подоловскіе, такожъ отъ покойной матки моей ясневелможной г-жи гетманової Анастасіи Марковны Скоропадской купленіе для мене грунта и мнѣ данніе, и потому теперь въ моемъ владѣніи зостаючися, при се-бѣ оставляю до смерти моей, а по смерти моей тимъ же вишписаніи дѣтямъ моимъ тромъ синомъ и тромъ дочерамъ и тое все въ ровный дѣль принять и вѣчными часи, якъ хотіа, по волѣ и подобавю своемъ, раздѣлно или нераздѣлно, владѣть по сему жъ моему запису. О которомъ то внесеню и объ отчистихъ моихъ добрахъ Подоловскихъ, тако жъ покойною маткою мою купленныхъ и мнѣ во владѣніе данныхыхъ (если Богъ мнѣ времѧ на то узпичить) при помоши его Божеской именнине завѣщаніе учинить не оставляю. Сей же запись уступный и права моего вливокъ чиню дѣтямъ моимъ по силѣ преречонного запису мужемъ моимъ мнѣ данного, для того, что оныи запись мужа моего и въ немъ выраженіе контента зъ 1710 ноябр. 9 по 1728, по смерть мужа его, имъ же мужемъ моимъ нѣгде не отмѣненъ и нѣ въ чомъ не премѣненъ во все его житіе, а по смерти его

отнюдь нѣакимъ и жаднымъ судомъ зъ оного 1710 году, чрезъ 23 лѣта по сейчасъ, не скассованъ и не отставленъ, но и паче всего смертію покойного мужа моего потвержденъ. И того ради я оному запису мужа моего согласуя, контента въ немъ впраженіе цѣло и ненарушно дѣтамъ моимъ вездѣ въ завше содержать и вовсѧ хранить, и иле волю отца своего остаточную со всякимъ усердіемъ, обстояніемъ и заступленіемъ исполнять, обрегать, боронить и защищать всячески материнско приказую, ибо тотъ записъ мужа моего, если взглядомъ опеки дѣтей моихъвшпть, теди до возрасту совершенныхъ лѣтъ мененныхъ часниковъ моихъ я привела общюю отца ихъ и мою працею, а моихъ дѣтей тожъ въ добромъ воспитаніи содержала я, въ наученіе школъ латинскихъ кіевскихъ давала и на нихъ належніе добра волею мою не роспорошила и подданныхъ въ маєтностахъ лишними чиншами не отягчила и не розгнала. Сего ради взглядомъ опеки оный записъ мужа моего нѣгдѣ кассованъ быти не можетъ. Взглядомъ половины въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, на мене отъ мужа моего опредѣленной, если разсудить, то не только тогда наличное мужъ мой имѣніе свое мнѣ записаль, но и чаемое, почитай тое, которое имѣлось набуты общюю его мужа моего и мою працею, и потому онъ, мужъ мой, что до понятія моего зъ набутого имѣ мнѣ половину записалъ, то вѣсто того зъ набутого зъ нимъ працею мою первоначальнымъ дѣтамъ своимъ сынамъ зъ половины половину же записалъ, а другую половину зъ половины дѣтамъ зъ нимъ прижитыи опредѣлилъ тимъ же записомъ. Зъ чего видно, что въ семъ контентѣ запису мужа моего не обѣ одной мнѣ рѣчь, по и о дѣтихъ а дѣтей родителемъ роспоражать, якъ хотя волно и сылно по своей волѣ ку подобанию и по своему разсмотрѣнію. Зачимъ и взглядомъ опредѣленія на мене и на дѣтей въ томъ записѣ мужа моего воля выраженная несовинна по праведному разсмотрѣнію быть въ премѣненіи, ибо свое имѣніе зъ праціи и заслугъ войсковыхъ набутое, воленъ былъ онъ, покойный мужъ мой, не токмо мнѣ женѣ своей и дѣтамъ своимъ, но мимо мене и дѣтей моихъ, кому чужому и не токмо часть или половину, но и все записать и вѣчне отдалить. А паче всего понеже тотъ записъ учиненъ и данъ мнѣ мужемъ моимъ предъ особливѣйшимъ урядомъ малороссійскимъ, то есть предъ государевымъ министромъ въ Малой Россії минѣстерскіе дѣла въ ту пору содержавшимъ и для совѣту при гетману бывшимъ и рукою его минѣстерской закрѣпленъ, потомъ и предъ ординарнымъ ратушнымъ урядомъ сотнѣ Глуховской, вскорѣ по смерти мужа моего презенто-

ванъ. Теди оныхъ и вышнамененыхъ ради причинъ запись оный мужа моего во исполненіе приводачи, я учинила сей мой уступный вѣчистий дѣтамъ моимъ власнымъ запись, за совѣтомъ кревныхъ моихъ зъ прошенія моего зде подпиравшихся. А я, яко, неграмотная къ сему моему запису печать мою приложила. (*Настоящій актъ никѣмъ не подписанъ, изъ чѣо можно думать, что онъ былъ толькъ проектомъ*).

З. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судии Ивана Чарниша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнишемъ. 1735 г., 4 іюня.

Я ипжеименованная, зъ сына ми нижесменившими же, даю сю мою доброволную расписку пасынку моему пану Ивану Чарнишу въ томъ, что я въ позосталихъ матки его, а мужа моего первой жени, такожъ въ оставшихся мужа моего, а его отца движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, поговоря между собою, полюбовно помѣрились и подѣлились ниже слѣдующимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіемъ, купленными и жалованными, и дворами въ полку Гадацкомъ и въ городѣ болшій дворъ съ прочими дворами имѣючи миси, уступила я ему пасынку моему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нинѣ отъ Гречанихъ, которій споръ долженъ онъ, пасынокъ мой, самъ очищать, а ежелибъ какимъ нибудь случаемъ оное село Борки по спору зъ Гречаними не оправдилось и отъ него пасынка моего взято имѣло быть, то тогда взять ему, пасынку моему, и дѣтамъ его въ нижесказанномъ селѣ Митченкахъ ровную часть зъ братами его, а моими сынами, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадацкомъ полку имѣющихихъ Гадацкихъ грунтовъ, ибо оне Гадацкие грунты имѣютъ быть при ему, пасынку, и дѣтахъ его противъ оставленныхъ на мою часть зъ сынами въ Лубенскомъ, Стародубовскомъ и другихъ полкахъ. А противъ того принялъ я себѣ зъ сына ми въ Іѣжинскомъ полку село Митченки, со всѣми къ нему принадлежащими и купленными и жалованными, и съ тѣми, какие имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, такожъ и дворъ Киевскій въ вѣчное же владѣніе, а движимое приданиое и данное зъ дому Захаревскаго, что имѣлось у мене и дѣтей моихъ, все безъ остатку, ему, пасынку моему, отдала, движимое же имѣніе мужа моего Ивана Чарниша, бывшаго судіи енералного, алмазніе вещи, деньги и прочое, что надлежитъ до женска полу, тое я удержанала при себѣ

зъ дѣтми моими, на часть мою и для видачи дочерей, а зъ движимого надлежащаго до мужска полу мужнаго имѣнія, платы, часовъ, ружья и конскаго убору и прочаго всего равную часть ему, пасинку моему зъ братами его, а моими сынами, я уступила и все безъ остатку принадлежащое на часть его ему пасинку моему отдала, и зъ сребраной, олованой и мѣдной посуди равную часть со мною и зъ синами моими и зъ дочерин онъ, пасинокъ мой, безъ остатку принялъ. Сторони же долговъ, какъ вынѣ имѣется Кропоткиново иска-
ніе о 1643 рубляхъ съ полтанскою, да и впредь которое показа-
ютъся на мужа моего, то онѣ долги, если по указу и по суду доведеться
платить, якъ сини мои, такъ и онъ, пасинокъ мой, равномѣрно пла-
тить равную часть должны безъ всякаго между собою спора. А о
грунтахъ, которое зъ насть кому достались по вышеписанному показа-
нію долженъ всякъ собою очищать и другъ друга къ той очистки
не спрашиватъ и всякие крѣости на тѣ грунта, кому чимъ въ сей
раздѣлки, показанно владѣть, между собою разобрали, владѣть. Объ
отнятыхъ маєтностяхъ, которое по жалованной грамотѣ достались были
мужу моему во владѣніе, онъ, пасинокъ мой, зъ синами моими
таковую между собою полюбовную постановили раздѣлку: ему, па-
синку моему, съ отнятыхъ маєтностей искать и стараться обѣ Сарахъ
и Круткахъ своимъ собственнымъ трудомъ и коштомъ, и буде полу-
чить, то ему и наслѣдію безраздѣльно обоима оними селами съ при-
надлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а синамъ моимъ
доискиваться другихъ отнятыхъ же маєтностей, а именно: Сватковъ
и Щѣпковъ своимъ собственнымъ коштомъ и буде получать, то имъ
синамъ моимъ оними владѣть вѣчно жъ со всѣми къ нимъ принад-
лежащими угодіями; жалованная грамота на маєтности хотя по силѣ
полюбовного нашего договору остается при мнѣ и синахъ моихъ, од-
нако жъ я коню за рукою мою и синовъ моихъ дать должна ему,
пасинку моему, съ такимъ обовязательствомъ, что когда пасинокъ мой
и дѣти его востребуютъ подлинной, то я, и по мнѣ сини мои должны
будутъ оную подлинную по первой присылки безъ всякой отговорки
дать подъ опасенiemъ за неприсилку штрафа. А онъ, пасинокъ мой, и по
немъ дѣти его должны за оною грамотою писать ко мнѣ, а по мнѣ,
до сиповъ моихъ и присыпать извѣстного и вѣрного человѣка съ
прописанiemъ того именно, что ему въ дачи оной грамоти можно
вѣрить и тотъ бы въ пріемѣ оной росписовался, которую онъ, па-
синокъ мой, и дѣти его знову должны возвратно ко мнѣ присыпать
и до синовъ моихъ, а я, и по мнѣ сини мои, въ полученіи оной

роспису дать присланному повинни. И впредь намъ, мнѣ, дѣтамъ моимъ, таожъ пасинку моему и дѣтамъ его вишеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватись вѣчно безъ всякого спору и намъ на него ни въ чемъ вишеписанномъ ни въ которого суда иниѣ ни впредь ни бить челомъ.

Въ подлѣнной подписано тако: Къ сей полюбовной раздѣлочной росписѣ вомѣсто Евдокії Константиновой дочери, Ивана Чарниша жеви, по ея прошенію бунчуковій товарищъ Михайлъ Скоропадскій руку приложилъ. Къ полюбовной раздѣлочной росписѣ Иванъ Чарнишъ руку приложилъ. Къ сей полюбовной раздѣлочної росписѣ Семенъ Чарнишъ за себѣ и за брата своего родного малолѣтнаго Якова Чарниша руку приложилъ. Къ сей полюбовной раздѣлкѣ я генералній подскарбій Андрей Марковичъ свѣдѣтелемъ быль и руку приложилъ. Зисимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе, что акть сей по просьбѣ бунч. тов. Ивана Чарниша въ книги мѣскія Глуховскія вписанъ, 1736 г., 6 сентября, при чемъ засвидѣтельствованіе подписаны: Даміанъ Турanskій, атаманъ Глуховскій. Значк. полку Нижинскаго товарищъ и правящій за войта ратуши Глуховской Романъ Яновичъ. Бурмистръ Глуховскій Матвій Дмитріевъ. Сотеній Глуховскій писарь Василь Жураховскій. (Съ копією).

4. Подписка бунч. товарища Ивана Чарниша, выданная мачихъ своей о миромѣбномъ окончаніи споровъ за наследство генер. суды Ивана Чарниша и первой его жены Елены Гречановны.

1735 г., 4 июня.

1735 г. іюня 4 дня. Я нижеслѣдуючимъ даю сю мою добровольную росписку мачихи моей панеи Евдокії Костянтиновой дочери Ивановой Чарнишевой, вдовствующей судиной енералной, тако же синамъ ея, а моимъ братамъ Ивану, Семену и Якову Чарнишамъ да дочерямъ ея, а моимъ сестрамъ, Анастасію, Анвѣ и Еленѣ, въ томъ, что я въ нозостальныхъ матки моей, таковоожъ въ оставшихся отца моего Ивана Чарниша, бывшого суди енералнаго, движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, поговора межъ собою полюбовно съ нею, мачихою мою, братами и сестрами моими, помирились и подѣлились нижеслѣдующимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленными и жалованными, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ Гадячи болшимъ дворомъ и прочими дворами имѣючимися, принялъ я во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нынѣ отъ Гречаныхъ,

который споръ я долженъ самъ очищать, а ежели бы какимъ нибудь случаемъ оное село Борки, по спору зъ Гречаными не-оправдилось и отъ мене взято имѣло быть, то тогда взять мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ равную часть зъ братами моими, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадацкомъ полку имѣючихся грунтовъ, ибо оные Гадацкие грунта имѣютъ быть при мнѣ и дѣтяхъ моихъ противъ оставленныхъ на часть ея мачихи моей и братовъ моихъ въ Лубенскомъ и Стародубовскомъ и другихъ полкахъ имѣючихся грунтовъ, а противъ того приняла она, мачиха моя, зъ сынами своими, а моими братами, себѣ въ Нѣжинскомъ полку село Митченки со всѣми къ нему принадлежащими, купленными и жалованными и съ тими, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій, въ вѣчное жъ владѣніе. А движимое приданное и данное зъ дому Захаревскаго¹⁾ что имѣлось у ея, мачихи моей, и въ дѣтей ея, тое все мнѣ она, мачиха моя, отдала. Движимое же имѣніе отца моего Ивана Чарныша, алмазныя вещи, деньги и прочее что надлежить до женска полу, тое она, мачиха моя, удержала при себѣ зъ дочерми своими, а сестрали моими, на часть свою и для выдачи дочери, а изъ движимого надлежащаго до мужска полу отца моего имѣнія, а именно: платя, часовъ, ружья и конскаго убору и прочего всего равную часть мнѣ изъ сынами ея, а моими братями она, мачиха моя уступила и все принадлежащее на часть мою мнѣ безъ осагатку отдала, а изъ сребряной, оловянной и мѣдной посуды равную часть съ нею мачихою моею, зъ братями и зъ сестрами моими я безъ остатку принялъ. Стороны же долговъ, какъ нинѣ имѣется Кропоткиново исканіе о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредъ которые покажутца на отца моего, то оные долги, ежели по указу и по суду доведется платить, якъ браты мои, а ея мачихи моей сыны равномѣрно платить равную часть со мною должны, безъ всякаго между собою спора, а о грунтахъ, которые зъ насть кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очистки и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякие крѣпости на тѣхъ грунты, кому чимъ въ сей раздѣлки показано владѣть, между собою розобрали. Объ отнятыхъ маєтностяхъ, которые по жалованной грамотѣ достались были отцу моему во владѣніе я и вышепомянутые братя мои таковую полюбовную между собою постановили роздѣлку:

¹⁾ Мать буач. тов. Чарныша Елена Степановна Гречаная была родоно племянницей Харьковского полковника Федора Захаревского.

мнѣ зъ отнятыхъ маєтностей искать и старатся объ Сарахъ и Крут-
кахъ, моимъ собственнымъ трудомъ и коштомъ, и буде получу, то мнѣ
и наслѣдию моему безраздѣльно обоими оными селами съ принадлежа-
щими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а имъ братамъ моимъ доиски-
вается другихъ отнятыхъ же маєтностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ,
своимъ собственнымъ коштомъ и буде получать, то имъ братамъ моимъ
владѣть оными жъ вѣчно со всѣми къ нимъ принадлежащими уго-
дії. Жалованная грамота на маєтности, хочай по силѣ полюбовного
нашего договору и остается при ней мачихѣ моей и сынахъ ея, од-
накожъ она, мачиха моя, за руками своею и сыновъ своихъ, копію
дать мнѣ должна съ такимъ обовязательствомъ, что когда я и по
мнѣ дѣти мои возтребуютъ подлинной, то она мачиха моя и по ней
сыны ея, а мои браты должны будутъ оную подлинную отдавать по
первой присылкѣ безъ всякой отговорки, подъ опасениемъ за не-
присылку штрафа, а я и по мнѣ дѣти мои должны за оною грамо-
тою писать къ ней мачихѣ моей и по ней до сыновъ ея и присы-
лать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаниемъ его и того
именно, что оному человѣку въ дачи той грамоты можно вѣрить и
тотъ бы въ пріемѣ оной росписывался, которую грамоту я и по мнѣ
дѣти мои знову должны возвратно къ ней, мачихѣ моей, и къ сы-
намъ еи присылать, и она и по ней сыны ея въ полученіи оной
росписку дать присланному повинны. И впредь намъ, мнѣ и дѣтямъ
моимъ, такожъ ея мачихѣ моей и дѣтямъ ея вышеписанною раз-
дѣлкою во всемъ доволствоватися вѣчно безъ всякого спору и мнѣ
на еи мачиху мою, а еи на мене, ни въ чомъ вышесказанномъ ни
въ которого суда нинѣ и впредь не бить челомъ. Къ сей полюбов-
ной раздѣлочной росписѣ бунчуковый товарищъ Іванъ Чарнышъ руку
приложилъ. При семъ раздѣлочномъ писмѣ секундъ маэоръ Іванъ
Семеновъ сынъ Неплюевъ свидетель былъ и руку приложилъ. Объ
уплатки долговъ, что здѣсь написано со мною значить тое, якъ брати
мои всякъ отъ себе по части, такъ и я отъ себе равную часть дол-
женъ платить Іванъ Чарнышъ. По прошенію бунчукового товарища
Івана Чарниша на полюбовномъ обозолной сторони писменномъ ихъ
опредѣленію во свѣдителство Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронѣж-
ской, своеручно подписался. (Съ подлинника).

*5 Внновая запись бунч. товарища Якова Чарниша женихъ своей
Марфы Шираевны. 1755 г., 25 февраля.*

Року 1745, фебруя 25-го дня. Я ниже подписанній обавляю
сімъ моимъ записомъ, кому вѣдать подлежатиметъ, что женившись

въ 1744-мъ году на сестрѣ бунчукового товариша Федора Ширая Марфѣ Стефановой дочерї, дѣвицѣ, взялъ за нею доволній посагъ въ клейнотахъ, золотѣ, сребрѣ, готовихъ денгахъ, сукняхъ, платы бѣломъ и въ протчемъ, на что все зъ яснимъ показаніемъ, что именно взято и зъ надлежащою, по силѣ правъ малороссійскихъ, денгамъ, золоту, сребру, жемчугу и другимъ клейнотамъ оцѣнкою совито, то есть у двое, а сукнямъ, платю бѣлому, лошадямъ и прочому безъ совитости, даль я реченному брату жени моей надлежащій записъ, которого посагу всего по исчисленію вишло на три тысячи восемьсотъ сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ. На противъ же того жени моей посагу, записать ей, по силѣ тѣхъ же правъ малороссійскихъ, вѣна на третей части недвижимого имѣнія моего не успѣлъ, затѣмъ что по смерти матери моей, которая недавно умре, не возмогъ еще тогда усмотреть совершенно всего своего недвижимого имѣнія, съ которого вѣкоторое опустѣло, и увѣдать можетъ ли третая часть оного моего имѣнія противъ посагу помянутой жени моей стоять и для того totъ записъ и на урядѣ сознать не возмогл. Нинѣ же разсмотря совершенно всѣ свои недвижиміе имѣнія, то есть маєтности, мелницы, хутори, поля пахотніе и сѣнокосніе, лѣси и прочіе всакіе угодія и смякая цѣну ихъ, чего стоять могутъ и уразумѣвша третью часть тихъ имѣній быть доволную противъ означенного жени моей посагу, съ тихъ имѣній, владѣемихъ мною раздѣлно зъ братомъ моимъ роднимъ по отцу бунчуковымъ товарищемъ Иваномъ Чарнишемъ, третью часть, а именно: слободу Подоловъ, въ сотнѣ Кролевецкой обрѣтающуюся, на купленныхъ матери моей друнтахъ поселенную, зъ полемъ пахотничъ и сѣнокоснимъ, зъ мелницами, гаими, лѣсами и зъ пасѣкою, и со всѣми надлежащими угодями, утвержденную височайшою жалованною грамотою, да въ городѣ Кролевецѣ комори и два дворы зъ подсусѣдками, записую въ вѣно помянутой женѣ моей Марфѣ Стефановой дочерѣ и утверждаю ей въ вѣчное владѣніе, ценою въ 3807 рубл. 40 ком., въ какой сумѣ и посагъ оной жени моей состоить, какъ висше показано. Хотя же о помянутомъ посагу жени моей даль уже и записъ предписанному жени моему брату Федору Шираю, о чёмъ вишише выражено, однаково понеже тотъ записъ еще на урадѣ за висшепоказаннымъ резономъ мною не сознанъ, для того и нинѣ тотъ же посагъ для лучшой впредъ твердости потвѣрждаю и пязнлю, что оній состоить въ слѣдующемъ: готовихъ ленегъ четыриста рублей, жемчугу болшого шесть шнуровъ, цѣна оному 150 рубл., жемчугу среднаго девять шнуровъ, цѣна оному 170

рубл., жемчугу малого одинадцять шнуроў, цѣна оному 80 р., крестъ алмазній, цѣна оному 70 р., ланцужокъ сроптовій у сороку червоннихъ, цѣна оному 108 р., перстенковъ алмазныхъ два, цѣна имъ 47 р., третій перстень шафѣровій, цѣна оному 34 р., серги алмазніе цѣна онямъ 13 р., другіе серги рубѣновіе, цѣна онямъ 15 р. Сребраной посуди: два пугари болшихъ, пивникъ, зъ кришками, подносъ и дванадцять кубковъ медовихъ, цѣна онимъ 90 р., чарокъ водчанихъ восѣмнадцать, цѣна онимъ 27 р., ложокъ дванадцать, цѣна онимъ 26 р., итого клейнотамъ, золоту и сребру, полагаючи по силѣ правъ малороссійскихъ цѣну вдвое, виходитъ 2458 р. Сукнѣ, а именно: еденъ парчевій, сутій, локоть тринадцать, а локоть парчи по 8 р., пузументомъ широкимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшипій хутромъ куничнимъ, ценою у 50 р., итого цѣна оному 154 р., другій кунтушъ парчевій, блакитній, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастымъ обложеній, цѣною у 12 р., подшипій хутромъ сибѣрковимъ, чорнимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу девятдесятъ сѣмъ рублей; третій кунтушъ парчевій, зеленій, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 80 р., итого цѣна оному кунтушу 157 р., четвертій кунтушъ парчевій, красній, локоть парчи по 2 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшипій хутромъ сибѣрковимъ бѣлимъ, цѣною у 16 р., итого цѣна оному кунтушу 52 р., пятій кунтушъ штофовій, красній, легкій, локоть по рублю, шырокою сѣткою обложеній, цѣною у 15 р., итого цѣна оному кунтушу 28 р., шестій кунтушъ штофовій, жолтій, легкій, локоть по рублю и по 20 коп., зъ карункою сребраною, цѣна 8 р., итого цѣна оному кунтушу 23 р. 60 к., семій кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, легкій, локоть по осми золотихъ зъ пузументомъ карунчастимъ, у 10 р., зъ лиштвами парчевими у 5 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р., 80 к.; осмій кунтушъ штофовій, зеленій, разноцвѣтній, легкій, локоть по семи золотихъ зъ пузументомъ золотимъ у 10 р., зъ лиштвами бархотными у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 30 р., 20 коп.; девятій кунтушъ штофовій, жолтій, разноцвѣтній, локоть по шесть золотихъ, зъ карункою пестрозолотою, цѣною 8 р., подшипій хутромъ сибїрковимъ бѣлимъ, цѣною у 12 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р. 60 к.; десятій кунтушъ коивацівій, зеленій, локоть по 80 к., зъ карункою пестрозолотою, цѣною у 8 р., подшипій хутромъ пековимъ, бѣлимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу 38 р., 40 к.; одинадцатій кунтушъ гранѣтуроўскій зеленій, локоть по 60 к.; подшипій хутромъ

расъмъ хрибтовимъ, цѣною у 27 р. 80 к.; дванадцатій кунтушъ голевій, жолтій, легкій, локоть девять, а локоть по рублю, лишви бархатніе цѣною у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 11 р. Сподници, а именно: первая, парчевая, бѣла, локоть 12, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., другая, парчевая, блакитна, локоть по 2 р., зъ сѣткою сребраною, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., третая красная, штофовая, разноцвѣтна, локоть по рублю, зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., четвертая, табинова, зеленая, локоть шесть, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., пятая гранѣтуровая, красная, локоть у 5 р., итого цѣна ей 12 р. 20 к. Шнуровки, а именно: первая, парчевая, сугай, зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 10 р., другая, парчевая, блакитная зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 8 р., третя, бархатная, красная зъ сѣткою сребраною, цѣна 4 р., четвертая, штофова, бѣла, зъ карункою честрозволотою, цѣна 2 р., 50 к.; пятая, штофова, жолта, зъ сѣткою сребраною, цѣна 2 р., 50 к. Запаски, а именно: первая, парчевая, сугай, цѣна 25 р. 50 к., другая, парчевая, бѣла, цѣна 8 р. 50 к., третя, штофова, жолта, разноцвѣтна, цѣна 6 р. 40 к., четвертая, штофова, бѣла, разноцвѣтна, цѣна 8 р., пятая, штофова, красная, разноцвѣтна, цѣна 4 р., шестая, штофова, бѣла, разноцвѣтна, цѣна 6 р., семая, табинова, зелена, цѣна четыри рубли. Запони, а именно: первая, штофова, красная, разноцвѣтна, локоть двадцать, а локоть по рублю, итого цѣна ей 20 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастая, локоть пяtnадцать, а локоть по талиру, итого цѣна ей 9 р. Колдри, первая, штофова, красная, разноцвѣтна, локоть четирнадцать, а локоть по рублю, итого цѣна ей 14 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастя, локоть девять, а локоть по талиру, итого цѣна 5 р. 40 к. Постгель полутабинкова, блакитна, локоть двадцать, а локоть по рублю, сѣтка золота у 20 р., итого цѣна ей 40 р. Шостелей бѣлихъ, зъ простирами, пять, а всякая по 5 р., итого цѣна имъ 25 р. Сорочокъ голанского и швабскаго полотна 60, зъ которыхъ у двохъ рукава шитіе золотомъ, всякую кладучи за лолтора рубля, цѣна имъ 90 р. Ручниковъ шитихъ заполоччу 15, кладучи всякій по рублю, цѣна имъ 15 р., ручниковъ московскаго полотна дванадцать, кладучи всякій по полтииѣ, цѣна имъ 6 р. Скатерть шленскихъ штука, а сервѣтокъ шленскихъ же двѣ штуки, цѣна имъ 20 р., скатерть простихъ 10; всякая по рублю, итого цѣна имъ 10 р., сервѣтокъ простихъ 60, всякая по гривнѣ, итого цѣна имъ 6 р. Шапка кунична, вершокъ

бархатній, цѣна ей 6 р., вершокъ шитій золотомъ, цѣна оному 6 р., шапка легка, бархатна, зъ вершкомъ наречевимъ, цѣна ей 3 р. Ка-рета новая, цѣна ей 50 р. Щугъ лошадей, цѣна имъ 100 р., цугъ шоръ зъ лѣнцами и кантарами, цѣна имъ 30 р. Итого всего безъ со-віості кладучи 1349 р. 40 к. А всей сумми виходитъ 3807 р. 40 к. Зъ движимого же моего имѣнія записую ей же, женѣ моей, вѣчно какіе у мене имѣются клейноты, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки, крестики, сребранную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловян-ніе и мѣдніе посуди, все безъ остатка, зъ доброй моей волѣ, попеже и права малороссійскіе записывать движиміе вещи жевѣ, такъ какъ кому постороннему, позволяютъ. Во утвержденіе же сего моего запису, оній рукою мою подписую и печать прилагаю. Яковъ Чарнишъ собственною своею рукою подписался и печать свою приложилъ.

Въ сему запису по прошенію бунч. тов. Якова Чарниша, пол-ковникъ Переяславскій Семенъ Сулима подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію Якова Чарниша, бунчукового то-варища, обозный полковий Лубенскій Иванъ Кулябка подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію бунч. товар. Якова Чарниша польку Переясловскаго Золотоносскаго сотникъ Костантъ Леонтовичъ подписался и печать приложилъ.

Засімъ слѣдуетъ засвідчительствованіе (22 марта, 1745 г.). сего акта въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи, со вписаніемъ его въ «книги мѣськіе Глуховскіе». Засвідчительствованіе подпісали. «Іванъ Стоянко, атаманъ Глуховскій, воїтъ Глуховскій Борисъ Даниловъ, бурмистръ Глуховскій Тимофій Степановъ, бурмистръ Глуховскій Яковъ Ивановъ». (Съ подлинника).

6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яко-вомъ Чарнишемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г. 4 іюня.

Року 1745, мѣсяца іюля 4 дня. Я нижайподписавшійся во всякомъ судѣ и правѣ, комубъ того теперъ и въ предѣ будущое время вѣдать подлежало, обявлю симъ моимъ доброволнымъ записомъ въ томъ, что я сего году, въ прошломъ февралѣ мѣсяци, женѣ своей Марѣ Степановой дочерѣ Шираевнѣ за унесение еї въ домъ мой, которое я по реестру, съ показаніемъ всякой вещы цены, принялъ, и въ приемѣ даль я отъ себе швагру моему, а еї жены моей брату родному бунчуковому товаришу Федору Шираю росписку, якъ въ денгахъ 400 рубляхъ, такъ доволныхъ разныхъ клейнотахъ, въ жем-

чугу, золотъ, сребръ, цинѣ, мідѣ, сукняхъ парчовыхъ, материал-
вихъ, въ хутрахъ дорогихъ и другихъ убюорахъ, въ плати бѣломъ,
въ поездѣ, въ лошадяхъ и въ прочемъ, какъ то въ прежнемъ сего
данномъ записѣ одѣ мене и въ помянутомъ реестре именно пока-
зано, всего на 3807 р. 40 к., и чтобы столко было противъ онаго
посагу зъ недвижимыхъ отческихъ и материнскихъ по раздѣлу зъ
братомъ моимъ бунчуковимъ товарищемъ Иваномъ Чарнишемъ, мнѣ
во владѣніе доставшихъся добръ, по правамъ малороссійскимъ, трет-
тюю часть записалъ, которій мой запись на урядѣ и записанъ, а
именно слободу Подоловъ со всѣми при ней имѣючимися угодіемъ,
зъ дворомъ жилимъ, подданными, съ купленными грунтами, гаями,
зъ полемъ пахатими со всѣми околичностми, и зъ мелницами, ко-
торое суть слѣдующіе: 1) греблю съ двома клѣтками о четырохъ ко-
лахъ, на рекѣ Ретѣ, въ 1717 году купленіе въ жителей и козаковъ
Кролевецкихъ Тихона и Павла Дейнеченковъ, зъ двома гайками,
ланомъ и нивою обрѣтаючимися, боръ, купленій отъ Ивана Ваку-
ленка и Павла Огієлка, при урочищи Мошкахъ, по великій Воро-
нѣжской шляхѣ стоячій и прочіе грунта, хуторъ Менковскій зъ
пастѣкою, зъ полями пахотными и сѣнокосными, зъ гаемъ и сѣно-
жатми, близъ которого положенія еще хуторъ зъ полемъ пахатнимъ
и сѣнокоснымъ зъ гаями, и лѣсами, прозиваемій Подолицкій; 2)
на той рекѣ Ретѣ мелница, прозиваемая Семенковская, о двухъ ко-
лахъ мучныхъ, со всѣкими угодіемъ, которую владѣла мать моя по
отцевѣ своему Константию Голубу; 3) Дулевскіе мелницы о четы-
рирохъ колахъ мучныхъ да пятомъ ступномъ, на рекѣ Ретѣ, купленіе
у Михаила Василевича Дулѣ, обывателя Кролевецкого, въ 1668-мъ
году; 4) мелница, прозиваемая Горишняя, о двухъ колахъ мучныхъ;
5) мелница въ ономъ же селѣ Подоловѣ, на рекѣ Свиднѣ, о двухъ
колахъ мучныхъ, купленная у козака Кролевецкого Григорія Гри-
горіевича Дейнеки и кромѣ оныхъ Корма-гай зъ лѣсомъ и зъ сѣ-
нокосами, близъ Подолова стоящіе, да въ городѣ Кролевци коморъ
пять и два двора съ подсусѣдками, а отъ кого что куплено, о томъ
имѣются у мене разніе крѣпости, въ коихъ обстоятельно ноказано
за вѣно помянутой женѣ моей Мареѣ Степановой дочерѣ и утвер-
дилъ ей въ вѣчное владѣніе, цѣною въ 3807 р. 40 к., въ какой сум-
мѣ и посагъ оной жени моей состоять, какъ выше показано. Да
сверхъ того, какіе, мене имѣются зъ движимого моего имѣнія клей-
ноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки и крестики,
себряную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловянаie и медніе посуди,

все безъ остатка записалъ реченої женѣ моей вѣчно, зъ доброй моей волѣ, по правамъ малороссійскимъ. А понеже нинѣ я извѣстился, что по челомъбитью бунчукового товариша Федора Чуйкевича, а по рѣшенію суда войскового генералнаго зъ тѣхъ записанныхъ женѣ моей Мареѣ Шираевнѣ недвижимыхъ добръ, мелницы прозиваеміе Дулевскіе отходять съ подъ владѣнія и тако противъ помянутого посагу записанная мною недвижимыхъ добръ треттая часть противъ означенной суммы за отшедшими мелницами виходить не будетъ, того рады въ награжденіе вишеписанныхъ отшедшихъ мелницъ онай женѣ моей Мареѣ Шираевнѣ, а въ дополненіе записанной предъ симъ треттой части моихъ недвижимыхъ добръ, записую въ городѣ Батуринѣ, на рекѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцы, дворъ шинковный, въ мелницахъ на рекѣ Веровци, два кола мучныхъ, а треттое ступное, кромѣ отшедшаго кола мучного съ подъ владѣнія моего, по челобитню попади Конотопской Мигалевской, а по рѣшенію суда войскового енералнаго и по конфѣрмаціи войсковой енералной канцеляріи, да въ сотнѣ Воронѣжской, Красній хуторъ, зъ мелницами сѣнокосами, зъ пущею и полемъ пахатнимъ, утверждаю ей въ вѣчное владѣніе и и сей мой запись, и прежний въ 1745-мъ году февраля 25-го данный, конфѣрмую зъ доброй своей волѣ, даъ во всякаго суда таковіе отъ мене данніе записѣ были ненарушимы, яко оніе правамъ малороссійскимъ нѣ въ чемъ непротивны, и оная записанная женѣ моей Мареѣ Шираевнѣ съ недвижимыхъ моихъ добръ треттая часть, яко-то слобода Подоловъ со всѣми при ней имѣюшимися угодіи, зъ дворомъ жилымъ, подданными, съ купленными грунтами, зъ полями пахотными, зъ гаями и со всѣми окличностми и мелницами на рекѣ Ретѣ, купленными у Павла и Тихона Дейнеченковъ, тако же мелницами Семенковскою, Горишанскою, да на рекѣ Свиднѣ мелницею и въ городѣ Батуринѣ, на рекѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, дворъ шинковный, мелница на рекѣ Веровци, о двохъ колахъ мучныхъ, и треттее ступное, кромѣ отшедшаго кола мучного, Корму-гай, хуторъ Менковщину, Подолщицкій, зъ пасѣкою, зъ пущами, зъ сѣнокосами, полями пахотными, да въ сотнѣ Воронѣжской хуторъ Красный зъ мелницами и со всѣми угодіи и прочтіе вишеписанніе всѣ пахатніе и сѣнокосніе и лѣсовіе угодіи, къ тому же движимое все мое имѣніе, какъ въ прежнемъ моемъ записѣ именно показано, за силу прежняго же и сего моего запису быть въ жены моей Мареѣ Шираевнѣ въ вѣчномъ и беспо-

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ „Кievской Старинѣ“ печатаются: самостоятельный изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристицъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣточъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе дрѣвніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналь, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнійшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнійшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 Г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

	СТР.
I. УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА Д. Багалъя.	265—294
II. СТАРИННЫЙ ПРОЕКТЪ ЗАСЕЛЕНІЯ УКРАИНЫ (1590 г.) Переводъ съ польского, съ предисловіемъ А. С.	295—341
III. СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ.	342—370
IV. ДѢТСКІЙ ЭДЕНЬ ДО ВКУПЛЕНИЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревен- скаго мальчика). М. Щ. (Продолженіе)	371—384
V. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГРАФА П. А. РУМЯНЦОВА- ЗАДУНАЙСКАГО.	385—404
VI. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ДВОРЯНСКАГО ЗЕМЛЄВЛАДѢ- НИЯ ВЪ ЦОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ (Изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина). Сообщ. Н. С.	405—417

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Молитва въ па- мять уманской рѣзы и письмо, касающееся того-же события. И. Галанта. б) Угроза генераль губернатора кн. Я. И. Ло- банова-Ростовскаго жителямъ и. Сиѣлого (роменск. у.) за ослушаніе 1811 г. Сообщ. Н. С. в) Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ полтавской и черниговской въ 1835 году Сообщ. Н. С. г) Гдѣ изготавлялись для малорос- сийскихъ козаковъ ружья въ полов. XVIII в. д) По поводу стихотворенія «Хома та Ярема» М. Комарова. е) Труды студентовъ Киевской духовной академіи въ южно русской исто- рии за 1893—94 годъ. ж) Поправки къ ст. Н. Ф. Сум- цова «Соврем. этнографія».	91—102
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Архивъ Юго-Западной Россіи часть 8. т. I. Материалы для исторіи мѣстного управления въ связи съ исторією сословной организациіи. Акты Барского старостства XV—XVI в. 2)—Часть 8, т. II. Акты Барского старостства XVII—XVIII в. 3) М. Грушевскій. Барское старство. Истори- ческие очерки. Н. М. б) Н. А. Карышевъ. Русская фабрично- заводская промышленность. С. Ч—го. в) Этнографическое Обозрѣніе. Изд. этногр. отд. Импер. общ. любит. естеств. антроп. и этнографіи подъ ред. Н. А. Янчука. 1894 г. В. Яст- ребова. г) Жизнь и труды М. П. Ногодина. Н. Барсукова, кн. VIII. А. Л. д) Какъ высокла наша степь А. А. Измаильского. А. Л. е) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга VIII. Изд. подъ ред. П. В. Вла- димирова. Е. К.	103—136
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (65—80). 2) Любецкій Архивъ. (17—32).	1—2
ОБЪЯВЛЕНИЯ.	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ - Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Киевъ, 1 Марта 1895 года.

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода¹⁾.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе Сковороды, по основнымъ чертамъ своимъ, должно быть названо идеалистическимъ. Хотя самъ Сковорода и училъ, что Царствіе Божіе, которое онъ проповѣдывалъ, не трудно, но на дѣлѣ достичь его было, конечно, очень не легко; для этого человѣку нужно было по возможности отрѣшиться отъ житейскихъ интересовъ и поставить главною цѣлью своей жизни внутреннее усовершенствованіе. Но чѣмъ большихъ жертвъ требовало оно отъ человѣка съ житейской, практической точки зрењія, тѣмъ больше и давало ему самаго важнаго въ жизни—счастія. Высшее же счастіе состояло въ полной побѣдѣ духа, дававшей и полный душевный миръ. Но являлся вопросъ, возможно ли было осуществить въ жизни эти *самыя высшія* требованія нравственнаго идеала Сковороды; являлась необходимость живого личнаго примѣра, который бы доказалъ возможность осуществленія его на дѣлѣ. И эту миссію принялъ на себя самъ Сковорода. Такимъ образомъ, въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью; онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. И это обстоятельство пріобрѣтаетъ особую важность, во 1-хъ, въ силу высокихъ требованій его нравственнаго идеала, а во 2-хъ, вслѣдствіе того, что Сковорода *сознательно, по принципу*, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ свой путь жизни и шелъ по

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 2.

немъ до конца, до самой своей смерти, не сворачивая ни направо, ни нальво, и даже умеръ такъ, какъ долженъ былъ умереть человѣкъ съ его взглядами на смерть. При своемъ широкомъ образованіи, умѣ, краснорѣчіи, онъ, какъ извѣстно, выбралъ себѣ самое низкое званіе—нищаго странника, но сдѣлалъ это не въ силу необходимости: наоборотъ, его таланты открывали ему возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней, особенно въ духовной іерархіи,—а совершенно сознательно, желая такимъ образомъ сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ всего народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Духъ его отдалъ, говоритъ біографъ Ковалинскій, отъ всякихъ привязанностей и, дѣля его пришельцемъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемирнаго, который, не имѣя юдства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы, простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго“ (1-е отд. стр. 5—6). Извѣстно, что много разъ Сковородѣ дѣлали весьма заманчивыя съ точки зрѣнія житейской предложенія: убѣждали его принять монашество, которое доставило бы ему вполнѣ обеспеченное положеніе, честь и славу; губернаторъ Щербининъ представлялъ ему на выборъ любое занятіе—но онъ опять отказался. „Милостивый Государь!—отвѣтилъ онъ ему—свѣтъ подобенъ театру; чтобы представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ, дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что я не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кроме низкаго, простого, беспечнаго, уединеннаго: я сю роль выбралъ, взялъ и доволенъ... Еслибы я почувствовалъ сегодня, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверь, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе“ (1-е отд., стр. 22). Самъ Ковалинскій дѣлаетъ по этому поводу еще нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, указывая, что Сковородѣ пришлое выдер-

жать здѣсь нѣкоторую внутреннюю борьбу. „Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его поперемѣнно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безнечному его нраву. Не тѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ свое снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбiemъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ чистосердечiemъ, оставить всѣхъ искательства суетныя, всѣхъ попеченія любостяженія, всѣхъ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію“ (1-е отд., стр. 6—7). И если мы припомнимъ ученіе Сковороды о счастіи, то увидимъ, что онъ шелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, взять на себя роль какъ бы праведника и руководителя болѣе слабыхъ. Онъ не разъ при этомъ сознавался, что нашелъ на этомъ пути то, чего искалъ, т. е. счастіе, хотя многіе склонны были считать его жизнь преисполненной всяческихъ бѣдствій и страданій. „Признаюсь, друзья мои, предъ Богомъ и предъ вами, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, что въ самую сию минуту, въ которую съ вами бесѣдуя, брошу нынѣшнее мое счастье, хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ во сто разъ и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды (намекъ на свою фамилію), нежели писать безъ натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживаетъ меня въ семъ состояніи петлѣнная рука Вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всѣхъ постороннихъ совѣтниковъ безсовѣтіе. И если бы я ихъ слушалъ, давно бы сдѣлался врагомъ Господеви моему. А

нынѣ рабъ Его есмь“ (2-е отд., стр. 119—120). Нѣкоторые (въ родѣ губернатора Щербинина) пускали въ ходъ доброжелательные совѣты; другіе же прямо осуждали ту жизнь, какую велъ Сковорода (говорили, что онъ ничего не дѣлаетъ и т. п.). И вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ двумя письмами, гдѣ развиваетъ свою теорію „недѣланія“, состоящую въ безпрерывномъ умственномъ трудѣ и внутренней работѣ сердца. „Мнози глаголютъ, пишетъ онъ Ковалинскому, что ли дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Забава, (увеселеніе) римски *oblectatio*, еллински *діатриба*, словенски глумъ или глумленіе есть кориа и верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни. Она есть центръ каждыя жизни. Всѣ дѣла коеажды жизни сюда тянутъ, будто стебліе преобразуясь въ зерно. Суть нѣкіе безъ центра живущіи, будто безъ гавани плывущіи. А я о растѣніиныхъ не бесѣдую. Своя коемуждо вѣдь забава мила. Азъ же по-глумлюся въ заповѣдяхъ Вѣчнаго. Ты вѣси, яко люблю Его и яко онъ возлюбилъ мя есть. Речеши, како 10 заповѣдей довлѣютъ въ долголѣтнюю забаву! Тфу! Аще бы и сугубый Маєусаиловъ вѣжъ, и тогда довлѣютъ. Ахъ! все омерзѣніемъ и во омерзѣніе исходитъ разиѣ святыни. Ахъ! Не всуе Давидъ: *дивна (де) свидѣнія твоя*. Все предваряютъ, все печатлѣютъ, всякой кончины суть концомъ и останкомъ безъ мерности. Вѣчная мати святыня кормить мою страсть. Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо проходять, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моей жизни. (2-е отд., стр. 46).

Въ письмѣ къ какому-то Артему Дорофеевичу Сковорода еще подробнѣе развиваетъ эту теорію (1779 г.). „Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ, пишетъ онъ: скажите мнѣ—что онъ тамъ (въ пустынѣ) дѣляетъ?“ Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я праздень и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ Кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка, продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, таять-

ся, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда?.. Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣмъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себя, за неключимъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущимся. Похожи на щоголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахѣ, не о пирогахѣ, о золотыхъ кошелькахѣ, не о деньгахѣ. Коликая жъ намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колюсъ, одной только души нашей не имѣмъ. Есть, правда, въ нась и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги или матрозскій алтына не стоющій козырекъ. Она въ нась разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета. Такая душа если въ бархатѣ одѣтась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируеть, не адъ ли ей?.. Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ. О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и нощь нечется Сковорода. Онъ любить сей родъ блиновъ паче всего. Даль бы по одному блину и всему Израилю, если бы былъ Давидомъ, какъ пишется въ книгахъ царствъ, но и для себя скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ¹⁾. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о внутренней работѣ сердца, о такомъ самоизнаніи, какому училъ въ своихъ трактатахъ Сковорода. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ письмѣ къ Ковалинскому Сковорода пишеть: „Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! *Всегда благословяще Господа, поемъ Воскресеніе его.* Далѣе объяснивъ, что Воскресеніе—это Біблія, Сковорода продолжаетъ: „тамо и самъ я покоюся, наслаждаюся, веселуюся. Шою съ Марономъ: *Deus nobis haec otia fecit*—Богъ напъ сіе

¹⁾ Рук. бк—и Ипп. Харьк. Университета.

празднество даровалъ... (2-е отд., стр. 193). Скворода такъ стремился къ внутреннему созерцанію и самопознанію, до такой степени отвлекался отъ всего земного и погружался въ духовное, что приходилъ въ состояніе глубокой радости, когда начиналъ говорить объ избранномъ имъ пути жизни. „Бесѣда двоє“ заканчивается такимъ именно сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это—радостная пѣснь души, страстно искающей правды и нашедшей наконецъ высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашиими тлѣнными очами, съ вашею старѣющею младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашего рыданія исполненною гаванью. Пойте ваши пѣсни людямъ вашего рода! Не прикасается Израиль гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему яко левъ возреветъ и яко вихрь духа возсвистетъ въ крылахъ своихъ и ужаснутся чади водъ... Радуйся кефо моя, Петре мой, гавань моя, гавань вѣры, любви и надежды! Вѣмъ тя, яко не плоть и кровь, но свыше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаешъ врата во блаженное царство свѣтлныя страны. Пятьдесятое лѣто плаваю по морю сему и сего достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже открылъ Господь Богъ мой. Радуйся градо-мати! Цѣлую тя, престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ отъ твоихъ же вертоградовъ—кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ Пасхи, въ свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ внїдохъ въ обѣтованную землю“ (2-е отд., стр. 80).

Извѣстно, что Скворода остановилъ свой выборъ на страннической жизни, совершенно свободной отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, только по оставленіи харьковскаго коллежіума въ 1766 году, когда и занялся составленіемъ своихъ философскихъ трудовъ, которые окончательно убѣдили его въ томъ, что онъ избралъ себѣ вѣрный путь. Тогда наступила полная гармонія слова и жизни. Но эта жизнь требовала подъема духа, ибо была постояннымъ, безпрерывнымъ подвигомъ, сама осуществляла ту борьбу плоти съ духомъ, о которой проповѣдывалъ Скворода. Она приводила подъ часъ Сквороду въ со-

стояніе релігіозного екстаза, возбужденія; отсюда витекали его сны и видѣнія. И тѣ, и другія имѣютъ чисто психологическое объясненіе; они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ его (который можетъ быть разсудочного происхожденія и примиряться съ холодностью чувства), а съ искреннимъ, глубокимъ экстазомъ на релігіозной почвѣ. Въ такомъ состояніи духа онъ создалъ между прочими и свою „Борьбу архистратига Михаила съ сатаною“, гдѣ внутренняя борьба въ человѣкѣ двухъ течений жизненного пути (спасительного и мірскаго) воплотилась въ образахъ и фигурахъ, имѣющихъ исключительно аллегорическое значеніе. И вотъ здѣсь то Сковорода изобразилъ и самого себя, какъ человѣка, избравшаго правый, истинный путь. Это путь душевнаго *мира*, которымъ, говорить здѣсь Рафаилъ, пошелъ и Варсава (такъ называлъ себя Григорій Саввичъ). „Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Илія, Аввакумъ и Филиппъ восхищены, не обрѣтонася въ мірѣ. Симъ путемъ вошелъ на гору Авраамъ вознести въ жертву Исаака и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ вошелъ на гору Фасга Моисей и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ возшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ, раздавъ и сущимъ съ нимъ по сковрадному блину. Симъ путемъ восходитъ въ горы Маріамъ, цѣлуетъ Елисавету и ублажается. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую апостолы и видятъ свѣтъ Воскресенія. Сей есть путь субботний, разумный, мирный... Сей путь есть радостенъ, но пустъ, пустъ, но радостенъ и виѣ его нѣсть спасенія; пустъ же, яко людемъ избраннымъ точно отверстъ міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчъ, суетнымъ. Сie есть клевета. Мнитъ же его паки быти горнимъ, сирѣчъ, горькимъ. И сіе клевета. Гора значитъ превосходство, не трудъ и горесть. Горе глаголющымъ сладкое горкое и вопреки (2-е отд., стр. 202—203). Нѣсколько раньше мы находимъ изображеніе жизни и душевнаго состоянія этого путника—Варсавы, т. е. Сковороды. „Любезная моя братія! говоритъ архангель Гавріилъ ангеламъ. Отвратите отъ содомлянъ ангельскія очи ваши и призирите на грядущаго предъ вами странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ

со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ; пришлецъ азъ есмь на землѣ... Воспѣвая обращаетъ очи то на десно, то налево, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленої, вкушаетъ пищу без-приправную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно и тѣми же Божіими видѣніями во снѣ и внѣ сна наслаждается. Возрастъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: *взялчутъ юнійшиe и утрудятъся юноты и избранными не кръпци будутъ; терпящіи же Господа обновлятъ кръпость, окрылатъютъ, яко орлы, потекутъ и не утрудятъся, пойдутъ и не взялчутъ.* День его вѣкъ ему и есть яко тысяча лѣтъ и за тысячу лѣтъ нечестивыхъ не прадастъ его. Онъ по міру наче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку, жезль его есть Господь страстей и вожделѣній его и радости его никто же возьметъ отъ него. Досталь онъ сей миръ, не яко же міръ доставать обычє. Онъ возлюбилъ путь и славу Божію. Сей есть истинный миръ и животъ вѣчный, а вѣсть его благовѣстіе. *Да слышитъ земля глаголы устъ моихъ!* Сей странникъ бродить ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается. *Праведныхъ души въ руцѣ Божіей,* у безумныхъ почитаются погибшими и заблудшими; оны же суть *въ мирѣ.* Хотя тѣлесная наличности досаждая беспокоять, но сей уронъ со излишкомъ награждаетъ, упованіе ихъ бессмертія исполнено и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходецъ поетъ? Какъ не слышать, восклінули архангелы. Онъ руками машеть и поетъ пѣснь сию; *на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ.* Онъ единъ намъ есть милѣйший позоръ паче всѣхъ содомлянъ. Мы же его познали. Сей есть другъ нашъ: *Данииль Варсава* (2-е отд., 200—201). Здѣсь мы находимъ чрезвычайно важное признаніе Словороды о томъ, какое счастіе доставлялъ ему сознательно избранный имъ путь материальныхъ лишеній, бѣдности, простоты, странничества.

О томъ, какъ произошелъ въ немъ этотъ внутренній переломъ, этотъ окончательный и безповоротный выходъ на новую

дорогу, самъ Сковорода разсказывалъ своему ученику и другу Ковалинскому такъ: избѣжавши моровой язвы въ Кіевѣ и поселившись послѣ этого въ ахтырскомъ монастырѣ, имѣя разженнныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязаль я въ сердцѣ моемъ, была нѣкая развязность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движение, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ которого вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкімъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутиль аки сыновнее любви увѣреніе и съ того часа посвятиль себя на сыновнее повиновеніе Духу Божію". Ковалинскій отъ себя прибавляетъ, что до этого момента сердце Сковороды почитало Бога, аки рабъ; съ этихъ же поръ возлюбило его, аки другъ (1-е отд., стр. 28). Здѣсь, въ этомъ признаніи, мы имѣемъ исторію душевнаго переворота въ Сковородѣ, причемъ точно указывается и моментъ событія (дѣло происходило въ 1770 г.), и ближайшій поводъ къ нему (перстъ Божій, спасшій его отъ кіевской чумы). По прошествіи 24 лѣтъ (въ годъ своей смерти въ 1794 г.) Сковорода передавалъ этотъ разсказъ Ковалинскому съ особеннымъ чувствомъ, давая понять, какъ близокъ къ намъ Богъ, какъ Онъ заботится о нась, хранитъ нась, подобно тому какъ кокотъ своихъ птенцовъ, собравъ ихъ подъ свои крылья, если только мы не удаляемся отъ него во мрачныя желанія нашей растлѣнной воли. Ковалинскій, съ своей стороны, въ объясненіе этого явленія, вспоминаетъ разсказы Ксенофonta и Пла-

това о генії Сократомъ, т. е. внутреннемъ тайномъ, необъяснимомъ побужденіи, которому онъ слѣдовалъ. Скворода также вѣрилъ въ такого генія или Минерву. Онъ пріучалъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайного гласа внутренняго, невидимаго и неизъясняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди чувствуя втайне и послѣдую движенію его ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятую онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайного руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ притчахъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко суді, въ непокорливыхъ, яко истителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говорить Св. Писаніе: нетлѣнныи Духъ Твой есть во всѣхъ... Онъ утверждалъ, что Сей былъ тотъ самъ геній, которому послѣдую во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго". (1-е отд., стр. 16—17). Ковалинскій къ этому прибавляетъ, что Геній—это разумная внутренняя сила человѣка; другіе подразумѣваютъ подъ нимъ изощренное чувствованіе добра и зла. У Сквороды это было соединеніе того и другого. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міровоззрѣніе, Скворода окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, обратилъ его въ религію, которую весь проникся и которую сдѣлалъ единственою цѣлью своей жизни. На ней сосредоточились всѣ его душевныя силы—воображеніе, мысль, чувство и воля. И такъ какъ все это было направлено къ внутреннему самопознанію, къ отысканію внутри себя Верховной Силы, съ волей которой онъ хотѣлъ совершенно слить свою собственную, то естественно, что онъ, подобно Сократу, пріобрѣлъ привычку постоянно прислушиваться къ голосу своей совѣсти, особенно въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ самомъ происходила борьба побужденій, стремленій и желаній. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій разсказъ о Сократѣ, когда его осудили на

смерть и друзья совѣтовали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчъ, онъ отвѣтилъ: „я нѣсколько разъ принимался ее писать, но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертью, пока не прійду въ многоболѣзненную и немощную старость“ (1-е отд., стр. 28).

Жизнь Сковороды представляетъ, можно сказать, идеальное соотвѣтствие съ требованіями его ученія безъ малѣйшихъ отступленій отъ него даже въ самыхъ незначительныхъ ненужныхъ подробностяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ систематическія сопоставленія его ученія и жизни. *Общій смыслъ жизни* Сковороды, какъ это мы только что видѣли, вполнѣ сходится съ сущностью его ученія. Тоже самое нужно сказать относительно отдѣльныхъ сторонъ его міросозерцанія. Намъ известно уже, что онъ отвелъ Библію первое мѣсто среди источниковъ познанія. И въ жизни онъ также не разставался съ этою книгой никогда, зналъ ее изумительно (и при томъ въ подлинникѣ); она была для него главнѣйшимъ основнымъ источникомъ, предметомъ постоянного изученія и размышленія; онъ вникалъ во всѣ тонкости ея текста, толковалъ ихъ и заявлялъ, что въ самомъ простомъ на видъ ея изреченіи скрывается часто глубокій смыслъ. „Библія, говоритъ онъ, есть нашъ верховнѣйший другъ и ближній, приводя насъ къ тому, что есть единое дражайшее и любезнѣйшее. Она есть для насъ предками вашими оставленный завѣтъ, хранящій сокровище Боговидѣнія. Боговидѣніе, вѣра, страхъ Божій, премудрость есть одно и тоже. Все это истинная премудрость“. „Простите, други мои, говоритъ Сковорода въ своемъ трактатѣ о душевномъ мирѣ, чрезмѣрной моей склонности къ сей книгѣ (т. е. Библіи). Признаю мою горячую страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ нравоучительнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю; они врачаютъ и веселятъ мое сердце, а Библію началь читать около 30 лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми моими полюбовницами (т. е. другими любимыми книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду хлѣбомъ и

водою, сладшайшей меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою къ ней природу. Убѣгалъ, убѣгаю и убѣжалъ, за предводительствомъ Господа моего, всѣхъ житейскихъ препятствій и плотскихъ вожделѣній, дабы могъ спокойно наслаждатись въ пречистыхъ объятіяхъ краснѣйшей паче всѣхъ дщерей человѣческихъ Сей Божіей дщери. Она мнѣ изъ непорочныхъ ложеснъ своихъ родила того чуднаго Адама, кой, какъ учитъ Павелъ, *созданный по Бозѣ, въ правдѣ и преподобіи истины*, и о коемъ Исаия говоритъ: *родѣ же его кто исповѣсть?* Никогда не могу надивиться пророческой премудрости. Самые праздные въ ней тонкости для меня кажутся очень важными. Такъ всегда думаетъ влюбившійся. Премногіе никакого вкуса не находятъ въ сихъ словахъ—*Веніаминъ волкъ хищникъ: рано ястъ еще и на вечеръ даетъ пищу; очи твои на исполненіяхъ водъ*—а мнѣ они несказанную въ сердце вливаютъ сладость и веселіе, чѣмъ чаще ихъ отрыгая жваніе жую. Чѣмъ было глубочае и безлюднѣе уединеніе мое, тѣмъ счастливѣе мое сожительство съ сею возлюбленною въ женахъ, и симъ Господнимъ жребиемъ я доволенъ. Родился мнѣ мужескъ полъ, совершенный и истинный человѣкъ, умираю не безчаденъ. И въ семъ человѣкѣ похвалюся, дерзая съ Павломъ: *не всуе текохъ*. Се то тотъ Господень человѣкъ, о коемъ писано: *не отемньютъ очи ею*“ (2-е отд., стр. 110—111). И лѣйствительно, занятія Библіей были для Скороводы умственной работой всей его жизни; къ ней направлялось все его философское любомудріе; она въ тоже самое время была для него и единственнымъ источникомъ познанія, ибо это послѣднее онъ отождествлялъ съ Богопознаніемъ; она была и цѣлью, и средствомъ познанія, она была сама истина, которую человѣкъ долженъ въ ней познавать посредствомъ разума и вѣры.

Выше мы познакомились съ учениемъ Сковороды о счастіи а указавъ, какой жизненный путь онъ сознательно выбралъ себѣ самъ, могли убѣдиться, что и тутъ было полнѣйшее соответствіе: Сковорода основалъ свое счастіе на внутреннемъ самопознанії, на своемъ душевномъ мирѣ; и тутъ на немъ самомъ оправдалась (по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени) справедливость

его теоріи, которая съ первого взгляда кажется только афоризмомъ (что истинное счастіе не трудно, ибо оно нужно всякому). Говоримъ „оправдалось“, потому что онъ несъ бремя жизни легко, никогда не отступая въ сторону отъ своего пути, и не только не жаловался на свою судьбу, но, наоборотъ, постоянно до глубокой старости и смерти былъ доволенъ и счастливъ, живя съ сознаніемъ, что избранный имъ путь былъ для него единственно правильный. Это былъ путь бѣдности и всяческихъ матеріальныхъ лишеній. Сковорода проповѣдывалъ необходимость освобожденія отъ тѣхъ путъ, которыя всецѣло захватываютъ человѣка и дѣлаютъ его рабомъ своимъ (богатство, почести, знатность рода), и самъ буквально все это примѣнилъ къ себѣ: его не соблазнили ни перспектива виднаго общественнаго положенія, ни даже тѣ обычныя удобства житейской обстановки, которыя могутъ быть оправданы какою угодно системою нравственности, между тѣмъ отказъ отъ нихъ очень труденъ и даетъ себя безпрерывно чувствовать. Всякій человѣкъ имѣетъ право на свой домашній уголь, на семью, на необходимыя средства для своего пропитанія. Сковорода, нисколько не возставая противъ всего этого, самъ добровольно отказался отъ нихъ, чтобы лучше сохранить необходимую свободу духа и дѣятельности. Такимъ образомъ, и здѣсь онъ шелъ не обычнымъ путемъ, а путемъ тяжелого, съ нашей точки зрѣнія, подвига. Отставъ отъ учительской должности въ Переяславѣ, онъ скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно переносилъ недостатки, „имѣя тогда только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки“ (1-е отд. стр. 4). Получивъ място учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ (въ 1759 г.), Сковорода „одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ, состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употребляя оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда весель, бодръ, легокъ, подвиженъ воздержанъ,

цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ виченія, обхожденіе безъ лести” (Ів. стр. 10-я). Въ этихъ словахъ ученика Сковороды Ковалинского онъ выступаетъ передъ нами, какъ живой. Здѣсь всякая фраза, всякое слово рисуетъ намъ или образъ жизни его, или нравственную физіономію, или характеръ. Въ своемъ образѣ жизни онъ не былъ аскетомъ; его вегетаріанство (употребляемъ современный терминъ) не было ни результатами суевѣрія, ни вицѣнимъ флагомъ его ученія; онъ относился къ этому дѣлу просто, здраво, разумно, безъ фанатизма: „не ълъ рыбы и мяса по внутреннему расположенню”, говорить Ковалинскій, и этимъ сказано все; т. е. самъ не чувствовалъ къ нимъ вкуса, но не считалъ ихъ вредными для всѣхъ, какъ это проповѣдуютъ современные вегетаріанцы. Еще вступая въ должность учителя харьковскаго коллегіума, онъ не захотѣлъ брать причитающагося ему жалованья, полагая, что удовольствіе, которое онъ находитъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду; сдѣлавшись же странникомъ, онъ окончательно отказался отъ денегъ, и такимъ бес无偿никомъ оставался до конца дней своихъ. Когда въ 1794 г. ученикъ и другъ его Ковалинскій, у которого онъ гостили некоторое время, провожалъ его въ Україну и хотѣлъ дать ему на дорогу денегъ (а предстоялъ ему, 74 лѣтиemuльному старцу, не малый путь изъ Орловской губерніи въ Харьковскую¹⁾), Сковорода решительно отказался. „Напутствуя его

¹⁾ Обыкновенно Григорій Саввичъ ходилъ пѣшкомъ; но тутъ путь былъ слишкомъ великъ — и онъ пожалѣлъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ чувствовалъ себя поздоровынь. О его страсти къ пѣшему хожденію свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Въ одно время по большой дорогѣ возвращался изъ Воронежа помѣщикъ Тевяшовъ (приятель Григорія Саввича, у которого тотъ подолгу проживалъ) въ свое имѣніе въ Карсѣ и видѣлъ по дорогѣ пѣшоходца, въ которомъ, къ удовольствію своему, узнавъ Григорія Саввича, идущаго съ своей вѣчной котомкой и палкой, къ нему въ

всѣмъ потребнымъ, разсказываетъ Ковалинскій, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чёмъ ѿхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря: „возьмите сie; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставить гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить... „Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ. Нежели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о нась и даетъ все потребное во благовременность?“ Другъ его замолчалъ съ приношенiemъ своимъ. (1-е отд., стр. 38). Но и здѣсь опять таки не было отрицанія общественной необходимости денегъ, какъ видно изъ объясненія самого Сковороды (на которомъ мы остановимся далѣе при разборѣ обвиненій его въ Манихейской ереси); онъ только примѣнялъ это требование къ себѣ, потому что выбралъ роль бѣдняка голыша нищаго. Но подобно тому, какъ Сковорода не былъ проповѣдникомъ аскетизма, такъ и въ своей личной жизни онъ не былъ аскетомъ. Онъ, правда, ѿль умѣренно и по большей части простую крестьянскую пищу, но не изнурилъ себя голодомъ; онъ былъ противъ пьянства, какъ излишества, но, какъ въ письмѣ къ Тевяшову, хвалилъ древне-римскія пирушки, приправленныя мудрой бесѣдой, такъ и самъ не отказывался отъ нихъ, когда его приглашали къ себѣ добрые друзья и знакомые по случаю различныхъ радостныхъ событій своей жизни—именинъ, свадебъ и т. п. Мало того: тѣ же близкіе къ нему люди постоянно доставляли ему подарки, выражая этимъ свое расположение къ

гости. Добрый помѣщикъ несказанно обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ усадить Сковороду съ собой въ карету, чтобы ѿхать вмѣстѣ, но никакъ не могъ его въ томъ убѣдить. „Ни пане, не треба менi привыкатъ къ сѣму, се—моe, а то—твоe изжай соби зъ Богомъ, я ще може дожену тебе—онъ тамъ на горци“. Между тѣмъ въ это время наступала грозная туча съ бурей, обѣщавшая проливной дождь, и дѣйствительно Сковорода догналъ Тевяшова и, къ удивленію послѣд资料, былъ весь сухъ, тогда какъ небыло по дорогѣ мѣста, гдѣбы укрыться отъ дождя. Какъ это ты, Григорій Саввичъ, ухитрился укрыться отъ дождя, спросилъ его Тевяшовъ? Эге! Я жъ зналъ зъ себе жупанъ и черевики и шапку и все те въ суму заховавъ, а якъ перейшовъ дожжичокъ, я и надивъ все сухе и, якъ казавъ, догнала тебе; не дурно пословица каже: „швидко поїдешь, недалеко уидешъ“ (Григорій Саввичъ Сковорода. Біографіческий очеркъ—въ Ворон. Литерат. Сборникъ, изд. Н. Гардининымъ. Подъ редакціей П. Малыхина; вып. I-й Вор. 1861 г., стр. 252—253).

нему; такъ, Ковалинскій и жена его посыпали ему музыкальные инструменты, очки, книги и трубку (значить, Сковорода курилъ), сыръ, рыбу, платочки; харьковскій купецъ (бывшій потомъ городскимъ головою), Е. Е. Урюпинъ, прививалъ его у себя въ домѣ, сдѣлалъ пиръ, а потомъ снабдилъ его на дорогу виномъ въ бочоночкѣ (другой бочоночекъ далъ ему Дубравинъ¹); свящ. Іакова Правицкаго Григорій Саввичъ просилъ о присылкѣ ему Бабаевскаго (домашняго) пива, очковъ, зимнихъ сапогъ (котовъ) и, наконецъ, лимоновъ и ягоднаго соку; въ этомъ послѣднемъ онъ нуждался по случаю болѣзни (горячкѣ), остатки которой мучили его въ это время²). Чистымъ источникомъ неизсякаемыхъ радостей была для Г. С. Сковороды природа, на лонѣ которой онъ проводилъ большую часть своего времени. Онъ не любилъ, какъ мы видѣли, городовъ и предпочиталъ имъ села, но и въ этихъ послѣднихъ выбиралъ „пустыни“, т. е. самыя уединенные мѣста—лѣса, сады, пасѣки и т. п. Вотъ стихотвореніе несомнѣнно автобіографического характера; въ немъ Сковорода изображаетъ собственную жизнь въ обычной деревенской обстановкѣ: „о селянскій, милій, любый мой покою, всякий печали лишенный! О источниковъ шумъ журчащихъ водою, о лѣсь земный, прохладженный, о шумящи кудри волосовъ древесныхъ, о на лукахъ зелень красна, о самота-мати ради душъ небесныхъ, о сумна тихость ужасна, гдѣ развѣ гласъ только птичое даетъ волѣ да согѣлка пастухова, какъ вигонить овцы въ благованнє поле или въ домъ пригонить снова! О мой столикъ малій, ни скупъ ни излишній стравами (кушаньями) селскими набратій! Ни тѣ, чтобъ господскій раздражнить вкусъ пишній, кухарь присмачилъ (сдѣлалъ вкуснѣе) напятій, но что синамъ зѣ батькомъ, наспѣвшимъ зѣ орання сама варить мати въ домѣ! О библіотеко ты моя избранна, о немногимъ книги читомы“! (2-е отд., стр. 289—290). Практика воспитанія Сковороды находится въ полномъ соответствии съ его теоріей. Въ такомъ духѣ онъ воспитывалъ своего питомца Василія Томару и особенно Мих. Ковалинского,

¹⁾ Эти бочоночки подали потомъ поводъ къ превратнымъ толкованіямъ.

²⁾ Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Правицкому, стр. 13, 21, 10.

въ такомъ духѣ онъ вель преподаваніе и въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. „Сковорода, поселившись у Тамары, началъ раныше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіи легкимъ, иѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію“ (1-е отд., стр. 4—5). Къ Ковалинскому онъ всецѣло примѣнилъ свою педагогическую теорію: заботился и объ его здоровьѣ¹⁾, обращалъ вниманіе на эстетическую сторону его развитія, но главное, дѣйствовалъ развивающимъ образомъ на его умъ и сердце. Вотъ что говорить объ этомъ самъ Ковалинскій: „Григорій (Саввичъ) часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговору и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, какого желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа“ (1-е отд., стр. 12). Сковорода хотѣлъ сдѣлать изъ Ковалинскаго своего ученика и послѣдователя—и достигъ этого. Объ этомъ категорически свидѣтельствуютъ съ одной стороны самъ Ковалинскій, а съ другой—письма къ нему Сквороды, раскрывающія передъ нами во всѣхъ подробностяхъ этотъ процессъ нравственного перерожденія ученика подъ вліяніемъ учителя (на этомъ мы еще остановимся ниже). Ковалинскій былъ не только ученикомъ Сквороды по Харьковскому Коллегіуму, но и его интимнымъ питомцемъ, котораго онъ полюбилъ сразу, и эта любовь, съ теченіемъ времени, только усиливалась; другіе ученики Сквороды по Коллегіуму, конечно, стояли отъ него несравненно дальше, но и къ нимъ онъ примѣнялъ свою систему нравственного воспитанія, открывъ для нихъ курсъ христіанскаго добронравія, въ которомъ кратко изложилъ сущность своего христіанско-філософскаго міросозерцанія. Наконецъ, тѣ же идеи онъ проповѣдывалъ и впослѣдствіи, оставивъ педагоги-

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ его къ Ковалинскому; 1-е отд., стр. 76—78, ср. также 70.

ческую дѣятельность въ Колледжѣ и сдѣлавшись странствующимъ народнымъ учителемъ въ "широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. И здѣсь онъ оставался наставникомъ, учителемъ съ тою только разницею, что наставлялъ не дѣтей, не юношей, а взрослыхъ. Характерною особенностью его педагогическихъ пріемовъ было то, что онъ не подлаживался подъ вкусы и привычки своихъ слушателей, а, наоборотъ, всѣмъ, всегда и вездѣ, прямо и открыто излагалъ свои мнѣнія, изобличалъ заблужденія и предразсудки. И понятно, почему швейцарцу Вернету такая прямая и откровенность рѣзкая проповѣдь истины представлялась неудобной; по его мнѣнію, истина должна быть всегда прикрыта пріятною завѣсой.

Но Своворода, со своимъ прямодушiemъ и чистосердечiemъ, былъ далекъ отъ всякой искусственности и фальши. Онъ говорилъ и дѣлалъ то, что думалъ и чувствовалъ. Такъ онъ поступалъ и въ самомъ святомъ дѣлѣ своей жизни—религii. Здѣсь опять онъ жилъ такъ, какъ училъ. Въ учениіи своемъ онъ, какъ мы знаемъ, постоянно обращалъ вниманіе на внутреннюю сторону христіанства, указывалъ и здѣсь, какъ вездѣ, на превосходство духа надъ внѣшностью, обрядомъ, церемоніей. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова духовнымъ христіаниномъ, постоянно всѣмъ сердцемъ своимъ стремившимся къ Богу. „Въ лишеніяхъ своихъ, говоритъ Ковалинскій, призываю въ помощь вѣру, не полагай оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвлениі самопроизволенія духа, т. е. побужденій отъ себя происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагого и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, на мѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности“ (1-е отд., стр. 11). Ночью онъ отдыхалъ отъ своихъ глубокихъ размышленій; легкій, тихій сонъ укрѣплялъ его силы, изнуренные дневными подвигами. Полуночное время онъ всегда посвящалъ молитвѣ, которая протекала въ глубокомъ сосредоточеніи чувствъ и безмолвіи природы и потому сопровождалась богомысліемъ. Ковалинскій очень каргин-

но рисуетъ внутреннюю борьбу, происходившую при этомъ въ Сковородѣ. „Тогда онъ, говорить К., собравъ всѣ чувства и помышленія въ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ онъ къ началу Божію: возстаните лѣниви и всегда низу поникши ума моего помыслы! Возьмитеся и возвыситесь на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка—свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возстать на престолъ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомыслѣ вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездесущему, вся исполняющему и заставляю его облечься во вся оружія Божія, дабы возмочи ему стати противу кознемъ лжемудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятешася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полуночные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу мрачнаго міра. Возсіявающе утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою. Сей быль образъ жизни его“. Таково было недѣланіе Сковороды. „Можно было жизнь Сковороды называть жизнью“. Такимъ характеромъ отличалось пустынножительство, отшельничество, монашество Сковороды.

Но это была только одна половина его жизни, посвященная внутреннему самопознанію и созерцанію, непосредственному обращенію къ Богу. Другая была направлена къ общенію съ людьми и проповѣди имъ того же вѣчнаго духа, Бога, къ которому стремился онъ самъ. Тамъ Сковорода исполнялъ заповѣдь любви къ Богу, тутъ другую заповѣдь—любви къ ближнему. Этимъ чувствомъ руководился онъ, посѣщаю больныхъ, обращая на путь правды и добра заблудившихся. Отшельникъ въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ нравственности. Сосредоточившись исключительно на такомъ чисто духовномъ Бого-

познаній, возбудивъ всѣ свои чувства и помышленія къ служенію этому невидимому Духу, по себѣ только считая обряды формою, подъ которою должна скрывать ея внутрення сила, Сковорода лично самъ не придерживался ихъ, и это потому что усвоилъ себѣ другой путь—прямого внутренняго непосредственного общенія съ Богомъ. Конечно, онъ не удовлетворялъ въ данномъ случаѣ требованіямъ обычной православной ортодоксальности. „Сковорода думалъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ или въ дѣлѣ. (1-е отд., стр. 13—14). Стараясь подъ буквальнымъ смысломъ вездѣ открыть высшій духовный, Сковорода вносилъ это аллегорическое толкованіе въ объясненіе таинствъ и разныхъ библейскихъ повѣствованій; съ этой точки зрѣнія онъ объяснялъ таинство евхаристіи, воскресеніе мертвыхъ, судъ Божій, адъ, рай. Вотъ какъ понималъ онъ воскресеніе и судъ Божій. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія и слышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть, то почто на утріе на тысячу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообразеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ огнь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ настѣ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго яко же слышитъ онъ сердце наше?“ (1-е отд., стр. 20). „Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы мѣру и число дѣла человѣческія и судъ Божій. Другъ мой! Величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добротѣли подобна свѣту огня; зажги огнь—тотчасъ свѣть осияетъ глаза твои, возлюби, возчувствуя охоту къ добротѣли— тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огнь,— тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшую частію:

се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него? Нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупель, духъ будетъ, часть чаші ихъ¹ (1-е отд., стр. 36—37). Аллегорическому толкованію Преображенія и Воскресенія Господня Сковорода посвятилъ двѣ проповѣди, которая цѣликомъ вошли въ его „Потопъ змінъ“. Злые духи, съ сатаною во главѣ,— это, по мнѣнію Сковороды, злые, т. е. плотскія наши мысли, и онъ картино изобразилъ борьбу въ человѣкѣ этихъ добрыхъ и злыхъ мыслей, ангельского и діавольского сердца въ своемъ произведеніи „Борьба архистратига Михаила съ сатаною“. Грѣхи— это наши страсти; чистосердечіе и спокойствіе—это добродѣтели. (2-е отд., стр. 192). Въ письмѣ къ нѣкоему Кириллу¹) онъ говоритъ: все оставляю и оставилъ и въ теченіе всей своей жизни намѣренъ только стремиться къ тому, чтобы уразумѣть, что такое смерть Христова, что означаетъ воскресеніе, ибо никто не можетъ возстать со Христомъ, если раньше не умретъ съ нимъ. Намъ світится, что мы постигли высоту священнаго писанія, между тѣмъ, какъ мы не знаемъ, что такое крещеніе и причащеніе²), хотя эти таинства и считаются понятными для всякаго. Не слѣдуетъ искать Господа только въ храмѣ: онъ близъ насъ, съ нами, внутри насъ; Духъ святой внутри насъ, будучи стражемъ всего доброго и дурнаго; вѣтъ доброго человѣка, у котораго не было бы Бога въ сердцѣ.

Въ церковь Сковорода обыкновенно не ходилъ, но молился всякую ночь въ глубокомъ уединеніи, устремляя свои помыслы къ невидимому Богу. Это отрицаніе обрядовъ и таинствъ сближаетъ какъ бы Сковороду съ сектантами; но, на самомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ глубокое внутреннее нерасположеніе ко всякому сектанству и при томъ даже въ его *иделѣ*, ибо оно ско-

¹⁾ 1-е отдѣленіе, стр. 54—55.

²⁾ См. обѣ этомъ латинское стихотвореніе Сковороды, сущность котораго заключается въ слѣдующихъ стихахъ. „Frustra corpus edit, qui in corpore sistit edendo, qui nec ut ad mentem progrediatur edit... sume mihi cum Carne Animum, Carissime, Christi et sic cum Domino Spiritus unus eris. (Ibidem. 79, 80); ср. также 58-е письмо, стр. 93.

вывало членъка определенными формами, противъ которыхъ онъ боролся всю свою жизнь. Въ этомъ отношеніи между нимъ и основателями русскаго раскола цѣлая пропасть. Тѣ готовы были душу свою положить за единую букву *азъ*, между тѣмъ какъ Скворода доказывалъ, что познаніе Бога и правды доступно не только всѣмъ безъ различія христіанамъ, но и вѣкоторымъ лучшимъ представителямъ стараго классическаго язычества. У Сквороды вовсе не было религіозной нетерпимости, фанатизма и исключительности: наоборотъ онъ вооружался противъ нихъ чрезвычайно горячо и рѣзко въ своихъ сочиненіяхъ; онъ ихъ отождествлялъ съ суевіемъ и считалъ не менѣе вреднымъ явленіемъ, чѣмъ и безвѣріе. „Благочестивое сердце, по его словамъ, между высыпанными курганами буйнаго безбожія и между подлыми болотами рабострастнаго суевѣрія, не уклоняясь ни вправо, ни влево, прямо течетъ на гору Божію“. Секты, по его словамъ, происходятъ изъ суевѣрій. „Изъ суевѣрій, говоритъ онъ, родились вздоры, споры, секты, вражды междуусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческие страхи пр.“ (2-е отд., стр. 252—253). Скворода, можно сказать, не отрицалъ таинствъ и обрядовъ въ ихъ сущности, а только старался найти въ нихъ высшій смыслъ и значеніе, понималъ ихъ духовно, аллегорически, т. е. относился къ нимъ такъ, какъ и къ Библіи вообще. Это не было, такимъ образомъ, настоящее принципіальное отрицаніе или разореніе закона, а только пополненіе его. Такъ онъ самъ смотрѣлъ на это дѣло. „Многіе, говорилъ Скворода, не разумѣя меня или не хотятъ разумѣть, клевещутъ, якобы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдую въ оной духовный разумъ, чувствуя Богоиспаний законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю, ибо какъ тѣло безъ духа мертвъ, такъ и священное писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблѣсть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то симъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слова сей исторіи есть духъ воина, дѣла его... Но исторические хрис-

тіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣки, духа не имуще, хулять то, чего не разумѣютъ“ (1-е отд., стр. 34, 36). Правда лично для себя онъ не считалъ необходимымъ виѣшнихъ формъ Богопочитанія; но это потому, что онъ всецѣло предался, посвятилъ себя внутреннему непосредственному общенію съ Божествомъ, что, конечно, было доступно только такимъ исключительно религіознымъ людямъ, какимъ былъ онъ. Но и въ этомъ личномъ отрицаніи обрядности была огромная разница между Сковородой и сектантами: онъ не увлекался духомъ отрицанія и не дѣлалъ изъ него сущности своей религіозной системы или даже знамени его, какъ это мы видимъ у многихъ изъ нихъ. И тутъ онъ оставался въ высокой степени послѣдовательнымъ: еслибы отрицаніе обрядности онъ возвелъ въ своего рода культь, онъ бы этимъ самимъ придалъ ей такое важное значеніе, какого она отнюдь не имѣла въ его глазахъ, онъ бы сталъ въ противорѣчіе съ основами своего міросозерцанія. Но онъ этого не сдѣлалъ и остался вѣренъ себѣ и въ данномъ случаѣ также точно, какъ былъ послѣдователенъ въ отношеніи къ вегетаріанству. Прекрасной иллюстраціей къ этому могутъ послужить три случая изъ его жизни, которые отнюдь не являются доказательствомъ его непослѣдовательности или слабости характера, а наоборотъ ярко рисуютъ его высоко нравственную личность и свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи въ немъ религіознаго фанатизма, исключительности. „Нѣкогда, разсказываетъ Баталінъ, Григорій Саввичъ Сковорода жилъ въ Острогожскѣ. Въ это время прибылъ туда преосвященный Тихонъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, Г. С. всячески избѣгалъ случая встрѣтиться съ нимъ; но преосвященный непремѣнно желалъ видѣть этого необыкновенного человѣка и упросилъ хозяина дома, гдѣ жилъ малороссійскій філософъ, доставить ему случай къ этому. Случай вскорѣ и представился, не смотря на все нежеланіе Г. С. Сковороды. Послѣ обычныхъ привѣтствій завязался разговоръ. Между прочимъ преосвященный спросилъ у Г. С., до чего онъ болѣе охотникъ. „До пчель“, отвѣчалъ тотъ. За этимъ, разумѣется, пошли разсказы о пчелиномъ государствѣ, о примѣрномъ благоустройствѣ этихъ насѣкомыхъ

и пр. Незамѣтно собесѣдники коснулись и религії. „Почему вы не ходите никогда въ церковь?“, спросилъ преосвященный у Г. С. „Если вамъ угодно, я завтра же пойду“, отвѣчалъ философъ—и дѣйствительно, на другой же день сдержалъ свое слово. Преосвященный никакъ не могъ надивиться такой противоположности между сочиненіями и поступками знаменитаго любомудра Малороссіи¹⁾“ А секретъ заключается въ томъ, что такого противорѣчія и не было: оно явилось результатомъ слабаго, поверхностнаго знакомства съ трудами и воззрѣніями нашего украинскаго мудреца. Скворода, не впадая въ противорѣчіе съ собою, могъ, дѣйствительно, явиться въ церковь, назовъ архипастыря, хотя обыкновенно предпочиталъ молиться въ полномъ и глубокомъ уединеніи. Другой случай передаетъ известный К. С. Аксаковъ. „Однажды въ церкви въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, Скворода отвѣлился отъ толпы и подошоль къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сквороды и боясь пріобѣгти нераскаявшагося (вѣроятно, Скворода не исповѣдался у него), спросилъ его: „Знаешь ли ты, какой великий грѣхъ ты можешь совершить, не приготовавшись? И готовъ ли ты къ сему великому тайнству? „Знаю и готовъ!“, отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно²⁾“. Третій случай относится уже къ послѣднимъ часамъ его жизни, когда онъ проживалъ у своего друга помѣщика Анд. Ковалевскаго. Этотъ послѣдній, „видя его крайнее изнеможеніе, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ (посланіе къ Римл., гл. 3-я, стр. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрадствующимъ. Но, представя себѣ совѣтъ слабыхъ, немощъ вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался.“ (1-е отд. стр. 39). Ка-

¹⁾ *Москвитинъ*, 1849, № 24, стр. 68.

²⁾ *Украинская старина*, стр. 68.

кое глубокое пониманіе заповѣди любви! Какая чуткость и уваженіе къ убѣжденіямъ близкихъ! Какая терпимость! Сковорода не боялся смерти, былъ готовъ къ ней и умеръ, какъ подобало умереть истинному философу, всю свою жизнь проповѣдывавшему безсмертіе. Онъ часто бесѣдовалъ о смерти со своимъ ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ. „Страхъ смерти, говорилъ онъ ему, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ страсти его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями—они суть не дѣйствительны—но мирнымъ расположениемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ приуготовляется издали, тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланного добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего къ кругу, занимаемому нами. Сие чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, и проходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается“... Жизнь наша, продолжалъ онъ далѣе, это сонъ мыслящей силы нашей. „Пріедеть часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временные радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступить духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится“. (1-е отд., стр. 36). И если принять во вниманіе тотъ внутренній душевный миръ, который давно уже создалъ себѣ Сковорода, если присоединить къ нему сознаніе сдѣланного имъ добра и глубокое убѣженіе въ безсмертіи человѣческаго духа, то для насъ станетъ вполнѣ яснымъ, почему онъ не только безбоязненно, а даже съ радостю уходилъ изъ этого временного жилища въ предѣлы вѣчности. Вотъ описание его смерти. „Въ деревнѣ (Панъ-Івановнѣ) у помѣщика А. Ковалевскаго небольшая „кімнатка“ окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду

было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой лишай. Солнце уже заходило, послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?“—сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. „Пора, другъ, кончить странствіе!“—отвѣтилъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! Пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“ „Иду! Но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила“... И пошли въ домъ. Сковорода не падолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кімнатку“, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, положивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрью „свитку“, легъ, сложивши накресть руки. Долго его ждали къ ужину, Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобы разбудить его, но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый¹⁾. Ковалинскій прибавляетъ, что передъ кончиною онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и написать слѣдующую эпитафию: „Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“.

Эта эпитафія дѣйствительно выражаетъ смыслъ *его жизни*, и онъ имѣлъ полное право выразиться о себѣ такимъ образомъ, не по тщеславію или самомнѣнію, а по глубокому сознанію въ истинѣ пройденного имъ жизненного пути, которымъ онъ шелъ прямо, ни разу не свернувъ въ сторону. Къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ стихъ Кобзаря Україны: „мы просто йшли—

¹⁾ Утрення звезда, 1833, стр. 89—91.

у насть нема зерна неправды за собою“. „Міръ меня мовилъ, но не поймалъ“. Это не значитъ, чтобы Г. С. Сковорода считалъ себя какимъ-нибудь анахоретомъ, вполнѣ отрѣшившимся отъ жизни и ея интересовъ. Онъ и не былъ, и не считалъ себя такимъ отшельникомъ, такимъ *мертвымъ* членомъ общества. Наоборотъ и въ ученіи, и въ жизни онъ стремился къ *живой* общественной дѣятельности, понимая ее очень широко, вводя сюда и умственный прогрессъ, и нравственное усовершенствованіе. Онъ только не хотѣлъ быть *рабомъ міра*, или иначе, рабомъ господствовавшихъ въ немъ мнѣній (съ его точки зренія ложныхъ), закоренѣлыхъ и вредныхъ для общаго блага предразсудковъ. Онъ хотѣлъ неприкосновенно сохранить яркую *индивидуальность* своего ума и жизни, провести ихъ благополучно среди безчисленнаго множества подводныхъ камней и мелей, которыми преисполненъ былъ „міръ“, и ввести въ тихую гавань и пристанище внутренняго душевнаго нашего храма Божія. И это ему вполнѣ удалось. Яркимъ пламенемъ горѣлъ этотъ свѣтильникъ истины и добра въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, окружающей его тьмы суетърій, невѣжества, схоластики, лицемѣрія, ханжества. Приходилось ему держать нерѣдко фонарь для слѣпыхъ, быть звонаремъ для глухихъ; но это его не останавливало; его искреннее, откровенное слово раздавалось и въ послѣдніе годы жизни такъ же точно, какъ и въ началѣ его общественной дѣятельности; остались неизмѣнными даже вкусы и привычки, характеръ; онъ сохранилъ до конца дней своихъ простоту, добродушіе, любовь къ тихимъ назидательнымъ бесѣдамъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Сюжетомъ этихъ бесѣдъ являлся все тотъ же основной вопросъ—господство духа надъ плотью. Уѣзжая отъ Ковалинского и обнимая его въ послѣдній разъ, собираясь переселиться въ новый міръ Вѣчности, онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ послѣднимъ напоминаніемъ: „можеть быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время“ (1-е отд., стр. 38). И Ковалинский оставилъ намъ краткую, но чрезвычайно мѣткую характеристику

своего учителя въ сочиненій имъ эпитафії. Здѣсь каждое слово имѣть глубокій смыслъ и оправдывается всею совокупностью извѣстныхъ намъ документальныхъ данныхъ о Сквородѣ. Вотъ эта превосходная эпитафія, свидѣтельствующая не только объ огромномъ уваженіи, правильнѣе, благоговѣніи Ковалинского къ Сквородѣ, но и о необыкновенно тонкомъ пониманіи его личности и характера.

„Ревнитель истины, духовный богочтепъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнью мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердца примѣръ Скворода“.

„Ревнитель истины“.

Да, это былъ постоянный искатель и смѣлый поборникъ правды, всю жизнь свою ловившій птицу—истину, видѣвшій въ этомъ смыслѣ своей жизни и чистый родникъ нѣизсякаемыхъ радостей бытія; это былъ правдолюбецъ, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни не допускавшій и не знавшій никогда никакихъ компромиссовъ съ житейскими требованіями и правилами узко понятой морали. „Духовный богочтепъ“... Можно ли было короче и вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе выразить другую не менѣе характерную черту міросозерцанія Сквороды—его внутреннюю духовную религію, столь тѣсно связанную съ истинно философскимъ стремленіемъ къ истинѣ? „И словомъ, и умомъ и жизнью мудрецъ“. Здѣсь ближайшимъ образомъ опредѣляется характеръ мудрости Сквороды и вмѣстѣ съ тѣмъ типичная особенность его какъ философа: слово у него не расходилась, а тѣсно сливалось съ мыслью, а жизнь вполнѣ соответствовала слову; онъ училъ такъ, какъ думалъ, и жилъ такъ, какъ училъ. „Любитель простоты и отъ суетъ свободы“... Болѣе всего онъ любилъ простоту въ жизни и ненавидилъ суету міра, который дѣлаетъ человѣка своимъ рабомъ; онъ стремился къ внутренней свободѣ и полной независимости духа, которая одна равно въ состояніи дать всякому человѣку счастіе. „Безъ лести другъ прямой“... Да, это былъ дѣйствительно не льстивый истинный другъ, цѣнившій дружбу, какъ одно изъ самыхъ высокихъ благъ

жизни; онъ предъявлялъ къ ней очень большія требованія, но и самъ въ полной мѣрѣ имъ удовлетворялъ, дружба замѣнила ему бездомному страннику личныя привязанности—родныхъ, жену, дѣтей; неудивительно, поэтому, что въ нее онъ вкладывалъ всѣ силы своего горячаго, преданнаго, открытаго, бывающагося любовью къ человѣчеству сердца. Сердечно любя и уважая своихъ друзей, онъ не только никогда не льстилъ ихъ слабостямъ, а, наоборотъ, всегда отмѣчалъ таковыя и не скрывалъ передъ ними своихъ задушевныхъ убѣждений, хотя бы они были имъ непріятны и могли вызвать временное или даже и полное охлажденіе; къ этому влекла его искренность и прямота его натуры, не выносившей никакой фальши и сдѣлокъ. „*Доволенъ вспомъ всегда*“... Это довольство собой было результатомъ душевнаго мира, идею котораго проповѣдывалъ Сковорода и который царилъ въ его собственномъ сердцѣ; онъ слилъ свою волю съ волей Божіей и вслѣдствіе этого достигъ оптимистическаго, жизнерадостнаго настроенія, которое сопровождало его до самой смерти, съ которымъ онъ ушелъ и въ могилу, побѣдивъ въ себѣ страхъ этого неизбѣжнаго конца, бывшаго въ его глазахъ только давно желанною гаванью и покоемъ. „*Достигъ наверхъ наукъ, познающи духъ природы*“... Сковорода не былъ только начетчикомъ, какъ многіе изъ древне-русскихъ писателей; это былъ настоящій глубокомысленный ученый, достигшій научныхъ вершинъ, работавшій самостоятельно въ избранномъ имъ родѣ знаній и значительно подвинувшій рѣшеніе многихъ специальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ широко образованный человѣкъ, воспитавшій свой умъ на классической литературѣ и философіи; природныя способности въ соединеніи съ духомъ научной пытливости и съ общимъ образованіемъ, которое онъ старался повернуть изъ его западно-европейскаго первоисточника, помогли ему создать цѣльное, свободное отъ противорѣчій міросозерцаніе, которое онъ проводилъ всю свою жизнь. Его ученіе было посвящено высшимъ вопросамъ духа и касалось съ одной стороны человѣка, а съ другой природы, этого большаго міра, который, по его мнѣнію, состоять изъ безчисленнаго маожества другихъ меньшихъ міровъ. „*Достойный для*

сердечь примѣръ Сковорода“... Жизнь Сквороды, стоявшая въ полномъ соотвѣтствіи съ ученiemъ, посвященная исключительно дѣятельной любви къ Богу и ближнему, является высокимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Но особенно поучительна его общественная работа надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ; она действуетъ уже не на умъ, а на наше чувство; она не поражаетъ, не удивляетъ, а трогаетъ насъ, заставляетъ биться наше сердце горячимъ сочувствіемъ къ пылкому любвеобильному сердцу этого человѣка, котораго некоторые, однако, называли мизантропомъ и пессимистомъ!

Д. Багалѣй.

Старинный проектъ заселенія Украины (1590 г.).

—
—
отъ ПЕРЕВОДЧИКА.
—
—

Памятникъ, предлагаемый вниманію читателей „Кievской Старины“ въ переводѣ на современный русскій языкъ, представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ образцовъ польской публицистики по украинскимъ вопросамъ въ концѣ XVI-го вѣка¹⁾. Онъ принадлежитъ перу тогдашняго Киевскаго бискупа Іосифа Верещинскаго, біографія котораго была уже изложена на страницахъ „Кievской Старины“ (см. 1894 г., февраль, стр. 204—230). Брошюра in 4⁰ изъ 2 ненумерованныхъ и 56 нумерованныхъ страницъ, въ видѣ которой появилось въ свѣтѣ разсужденіе Верещинскаго, является въ настоящее время величайшею библіографическою рѣдкостью, такъ какъ всего только *одинъ экземпляръ* ея уцѣлѣлъ отъ разрушительного потока времени, хранящійся въ библіотекѣ графа Сигизмунда Чарнецкаго въ имѣніи его *Rusko*, расположенномъ въ Шлѣшевскомъ уѣздѣ Великаго Княжества Познанскаго въ Пруссіи. Переводъ сдѣланъ съ рукописной копіи, изготовленной для насъ по специальному заказу при помощи любезнаго посредничества профессора Варшавскаго университета Ф. Ф. Вержбовскаго, которому приносимъ за это самую искреннюю благодарность.

Литературный обликъ автора этой брошюры, бискупа Верещинскаго, до сихъ поръ очень мало выясненъ. Мы знаемъ

¹⁾ На значеніе этого памятника для малорусской исторіи первый указалъ П. А. Кулишъ въ своихъ *Запискахъ о Южной Руси*, т. II, 1857, стр. 340.

только, что литературная дѣятельность его имѣла два рѣзко разграниченныхъ между собою періода: проповѣдническій и публицистический, соответственно съ тѣми условіями, въ которыхъ проходила его жизнь.

Въ бытность его ксендзомъ при соборномъ костелѣ въ г. Красноставѣ и членомъ совѣта мѣстнаго бискупа, и потомъ въ бытность аббатомъ Сѣцѣховскаго кляштора, его умъ былъ направленъ на изученіе священнаго писанія и богослуженія католической церкви, и онъ стремился передать свои познанія обыкновеннымъ мірянамъ въ формѣ проповѣдей. Какъ служитель церкви, онъ училъ своихъ духовныхъ дѣтей—презирать смерть и суету этого свѣта и готовиться къ переходу въ вѣчное и блаженное царство небесное, молиться за усопшихъ, чистосердечно каяться во грѣхахъ, не предаваться пьянству и обжорству, сохранять супружескую вѣрность; онъ пояснялъ имъ высокую важность мученій и крестной смерти Христа Спасителя, значеніе праздниковъ и праздничныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, смыслъ литургіи и таинствъ; наконецъ, онъ изложилъ въ формѣ проповѣдей полный комментарій ко всѣмъ двѣнадцати членамъ Символа Вѣры. Въ особомъ сочиненіи онъ обращался къ евреямъ и стремился доказать имъ, что они заблуждаются, ожидая Мессію, такъ какъ обѣщанный Мессія пришелъ уже въ міръ въ лице Господа Іисуса Христа. Когда умеръ Стефанъ Баторій (въ Гроднѣ 2—12 декабря 1586 г.) и Польша готовилась къ избранію новаго короля, онъ убѣждалъ магнатовъ, шляхту и духовенство, оставивъ распри,—отнестись серьезно къ своимъ избирательнымъ обязанностямъ, а затѣмъ обратился съ поученіемъ къ будущему королю и въ пространномъ трактатѣ изложилъ весь кодексъ нравственныхъ правилъ, коимъ долженъ слѣдоватъ христіанскій государь¹⁾.

¹⁾ Мы имѣли въ виду при обзорѣ литературной дѣятельности Верещинскаго исключительно *печатные* труды его. Современникъ и другъ Верещинскаго Клѣповичъ перечисляетъ еще цѣлый рядъ его трудовъ, также проповѣдническаго характера, которые не появились въ печати, а погибли при разграбленіи Фастовскаго дома Верещинскаго княземъ Ружинскимъ въ 1596 г. См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 2, стр. 223 и 227.

Въ этихъ сочиненіяхъ мысль Верещинскаго не была свободной: она была связана самимъ предметомъ сочиненій—догматическимъ и нравственнымъ учениемъ церкви, которое онъ только излагалъ и разъяснялъ, преклоняясь какъ и подобаетъ не только лицу духовному, служителю алтаря, но и всякому добромъ христіанину,—передъ его авторитетомъ. Вслѣдствіе этого онъ не былъ самостоятельнымъ и въ изложеніи проповѣдей, постоянно заимствуя слова и обороты изъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ и отцовъ церкви. Кроме того, не выработавши въ себѣ умѣнія пользоваться всѣмъ богатствомъ польскаго языка для выраженія мысли, онъ подчинился вліянію одного изъ выдающихся предшественниковъ своихъ на литературномъ поприщѣ,—Николая Рея изъ Нагловицъ. Извѣстный изслѣдователь польской литературы г. Пташицкій въ своей брошюрѣ: „Mikołaj Rej z Nagłowic i Ks. Józef Wereszczyński. Ustęp z większej całości“ (Wilno 1880 г.)—подробно доказалъ, что въ сочиненіяхъ „Поведеніе христіанскаго короля“, „О презрѣніи смерти“ и „Вѣрный путь неумѣреннымъ пьяницамъ“ Верещинскій не ограничился однимъ заимствованіемъ мыслей изъ сочиненія Рея „Поведеніе почтеннаго человѣка“, но даже буквально переписалъ изъ него цѣлые страницы.

Гораздо болѣе самостоятельнымъ является Верещинскій въ сочиненіяхъ публицистическихъ, гдѣ онъ обсуждаетъ современные ему вопросы государственной и общественной жизни и пытается найти для нихъ такія рѣшенія, которыя кажутся ему наиболѣе соотвѣтствующими нуждамъ и пользамъ государства и общества въ данныхъ обстоятельствахъ. Публицистическихъ сочиненій Верещинскимъ напечатано было шесть. Вотъ ихъ точные заглавія:

1) 1590 года. *Droga pewna do przedszego y snadnieyszego osadzenia w Ruskich krainach pustyń Krolestwa Polskiego, jako tez wzgledem droznieyszej obrony wszystkiego ukrainnego położenia od nieprzyjaciół Krzyżą świętego. Pokazana Przez Księdzá Iozephá Wereszczynskiego z Wereszczyná, z łaski Bożey Nominatá Biskupstwa Kiiowskiego, á Opátá Sieciechowskiego. W Krakowie.*

Drukárnę Andrzejá Piotrkowczyká¹⁾. Имѣется только въ библиотекѣ графа Сигизмунда Чарнецкаго въ Руско.

2) 1592 года. Excytarz Xiędza Iozepha Wereszczynskiego z Wereszczyna, z Łaski Bożey Nominatā Biskupstwā Kijowskiego á Opátā Sieciechowskiego. Do podniesienia Woyny S. przeciwko Turkom i Tatarom, jako głównym nieprzyjacielom wszystkiego Chrześcijaństwā. Z Drukarni Andrzejá Piotrkowczyká²⁾. Имѣется только въ Варшавской университетской библиотекѣ.

3) 1594 года. Pobudka Ná Jego Cesárską Miłość wszystkiego Chrześcijaństwā: Iako też ná Iego K. M. Kroľa Polskiego: Tudzież też ná Iásnie Oświeconego Kniáziá Wielkiego Moskiewskiego: do podniesienia Woyny świętey spolną ręką przeciw Turkom y Tátárom. Trąbiona Przez X. Iozepha Wereszczynskiego, z Wereszczyna, z láski Bozey Biskupā Kijowskiego, á Opátā Sieciechowskiego. W. Krakowie, Z Drukarni Andrzejá Piotrkowczyká³⁾. Имѣется въ библиотекахъ: графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ⁴⁾, графа Замойского въ Курникѣ близь Познани и Института Оссолинскихъ во Львовѣ.

4) Того-же 1594 года. Publika Xiędza Iozephá Werezczyńskiego z Wereszczyná, z Łaski Bożey Biskupā Kiiowskiego, á Opátā Sieciechowskiego: Ich M. Rzeczyposp: ná Scymiki przez list obiąsniona, ták z strony fundowania Szkoły Rycerskiej synom Koronnym ná Ukráinie, iako też Krzyżaków według Reguły Málteńskiey, w sąsiedztwie z Pogány y z Moskwą na wszystkim Zadnieprzu, dla snadniejszego ochronienia Koronnego, od niebeśpieczeństwā wszelakiego. W Krakowie, Z Drukarni Andrzejá Piotrkowczyká⁵⁾. Имѣется въ библиотекахъ: въ Петербургской публичной, графа Еммерика Гутенъ-Чапскаго въ Станковѣ Минской губ., графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ, въ Krakowskoy universitetskoy, графа Замойского въ Курникѣ близь Познани и института Оссолинскихъ во Львовѣ. Перепечатано Туровскимъ

¹⁾ См. Wierzbowski. Bibliographia Polonica. Vol. III, № 2879.

²⁾ См. L. c. Vol. I, № 583.

³⁾ См. L. c. Vol. II, № 1790.

⁴⁾ Въ этомъ экземпляре не достаетъ двухъ последнихъ листовъ.

⁵⁾ См. L. c. Vol. II, № 1791.

въ изданіі „Pisma polityczne ks. Iózefa Wereszczyńskiego“. Kraków 1858

5) 1595 года. Sposób osady nowego Kijowa i ochrony niegdy stolice księstwa Kijowskiego od niebezpieczeństwwa wszelkiego bez nakładu I. K. M. i kosztu koronnego: Ich. M. panom posłom na sejmie Krakowskim przyszłym podany. Przez ks. Iózepha Wereszczyńskiego z Wereszczyna, z łaski Bożej biskupa Kijowskiego a opata Sieciechowskiego. Profesorъ Вержбовскій не нашелъ ни одного экземпляра этого сочиненія въ осмотрѣнныхъ имъ библиотекахъ. Неизвѣстно гдѣ дѣлается и тотъ экземпляръ, съ котораго перепечатывалъ его Туровскій въ своемъ изданіи. Переводъ этого сочиненія на русскій языкъ съ изданія Туровскаго напечатанъ въ „Кievskoy Stariinѣ“ 1894, № 3, мартъ, стр. 403—425.

6) Votum X. Iozepha Wereszczyńskiego, z łaski Bożey Biskupá Kijowskiego, á Opátá Sieciechowskiego, z strony podniesienia Woyny potężnej przeciwko cesárzowi Tureckiemu bez ruszenia pospolitego: á iżby każdy Gospodarz zostawszy w domu swoim, mógł bezpieczeństwa zażywać gospodarstwá swego. Ich. M. Pánom Posłom ná seymie Wárszawskim w roku 1597 ná pismie podáne. Drukowano w Nowym Wereszczynie¹⁾. Im'єется въ библиотекахъ: графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ, Общества любителей наукъ въ Познани, г. Павла Попеля въ Krakowѣ и Института Оссолинскихъ во Львовѣ. Перепечатано Туровскимъ.

Позднѣйшие издатели нѣкоторыхъ сочиненій Верещинскаго Головинскій и Туровскій, въ предисловіяхъ къ своимъ изданіямъ, при перечисленіи литературныхъ трудовъ Верещинскаго, приводятъ заглавія еще двухъ яко-бы изданныхъ Верещинскимъ брошюры публицистического характера, а именно:

1) Pobudka z strony fundowania szkoły rycerskiej na Ukrainie, jako też Krzyżaków na Zadnieprzu. Kraków, 1594.—и

2) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw cesarzowi tureckiemu, bez ruszenia pospolitego, a iżby każdy gospodarz, zostawszy w domu, mógł zażywać bezpiecznie gospo-

¹⁾ Cw. l. c. Vol. II, № 1855.

darstwa swego. Posłom na sejmie Warszawskim podane. W Nowym Wereszczynie, 1598¹⁾.

Въ біографії Верещинського (Кіев. Стар. 1894 г., февраль, стр. 228) вслѣдъ за Головинськимъ и Туровськимъ и мы помѣстили эти брошюры въ списокъ сочиненій Верещинського (№№ 5 и 8); но послѣ тщательныхъ бібліографическихъ изысканій проф. Верховськаго можно съ увѣренностью утверждать, что сочиненій съ такими заглавіями Верещинський никогда не издавалъ. Туровський, какъ кажется, просто перечисывалъ въ этомъ случаѣ Головинськаго. Ошибку же Головинськаго можно объяснить такимъ образомъ: кроме полныхъ экземпляровъ изданныхъ Верещинськимъ брошюра, онъ имѣлъ подъ руками экземпляры дефектные (безъ заглавныхъ листовъ) сочиненій *Publika* и *Votum*, которые онъ принялъ за особыа сочиненія, и примѣнительно къ ихъ содержанію далъ имъ приведенные выше, видимо не точные, заглавія. Ошибка Головинськаго подтверждается еще и тѣмъ, что о подобныхъ сочиненіяхъ умалчиваются и современный Верещинському Кленовичъ (1545—1602), когда онъ перечисляетъ литературные труды Верещинськаго въ посвященіи ему переведенного на польскій языкъ устава св. Бенедикта (см. изд. Тур. стр. 180), и самъ Верещинський, упоминающій въ послѣсловіи къ своему сочиненію *Votum* о всѣхъ ранѣе изданныхъ имъ публицистическихъ брошюрахъ (см. изд. Тур. стр. 74).

Всѣ публицистическія сочиненія Верещинськаго появились изъ-подъ его пера въ тотъ девятилѣтній періодъ времени (1589—1598²⁾), когда онъ въ качествѣ Кіевскаго католіческаго біскупа переселился на Україну и долженъ былъ играть здѣсь роль не только выспаго представителя духовної власти католіческої церкви, но и государственного сановника, сенатора Рѣчи—

¹⁾ См. Kazania J. Wereszczyskiego. Pet. i Moh. 1854, стр. XVIII, №№ 2 и 3, а также Pisma polityczne Wereszczyskiego, Kr 1858, стр. XIV, №№ 11 и 14.

²⁾ До сихъ поръ большинство историковъ польской литературы полагало, что Верещинский умеръ 1го февраля 1599 г. Теперь слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что если онъ и умеръ 1-го февраля, то не 1599 г., а 1598 г., такъ какъ въ левретѣ Люблинскаго трибунала отъ 17 іюля 1598 г. по дѣлу его съ Михайломъ Макаревичемъ—Иваншенечевичемъ онъ названъ уже покойнымъ (zeszły). См. Źródła dziejowe. Tom XXI., 1894, стр. 26.

Посполитой. Онъ смотрѣлъ крайне серьезно на свою публицистическую дѣятельность и видѣлъ въ ней не только способъ передать другимъ свои мнѣнія, но долгъ, возложенный на него его положеніемъ. Въ брошюрѣ „Способъ заселенія Новаго Киева“ (Киев. Стар. 1894, мартъ, стр. 403) онъ прямо говоритъ: „Имѣя въ виду свою присягу, которою я присягнулъ моему Государю совѣтовать и препираться при каждой бѣдѣ, угрожающей Рѣчи—Посполитой, и не желая быть клятвоизрѣстникомъ, я счелъ нужнымъ и умѣстнымъ, по обязанности сенатора, сообщить вамъ о громадной опасности“... и проч.

Мнѣнія, высказанныя Верещинскимъ въ переведенной брошюрѣ, не пріобрѣли, какъ видно, сочувствія среди пословъ, собравшихся въ Варшаву сеймовать въ мартѣ 1590-го года¹⁾. Хотя на сеймѣ состоялись постановленія и относительно устройства „Низовцевъ и Украины“ (*Porządek z strony Nizowcow u Ukrainy*)²⁾, и относительно колонизаціи украинскихъ „пустынь“ (*Danina pustyń za Białą Cerkwią leżących*³), но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣлѣ Верещинскому не была предоставлена сеймомъ та дѣятельная роль, о которой онъ мечталъ въ своей брошюрѣ. Но нельзя сказать того-же самого о польскомъ обществѣ вообще: на него какъ эта первая, такъ и послѣдующія брошюры Верещинского—произвели извѣстное впечатлѣніе, какъ это видно, напримѣръ, изъ словъ неизвѣстного по имени шляхтича, писавшаго въ 1606 году. „Czytałem Ksiąszke Biskupa pogranicznego Ksiedza Wereszczyńskiego... Zaprawdę znaydzie tam jako w saydaku wiele rzeczy dobrych u R. P. pożytecznych...“ (Я читаль книжку пограничнаго бискупа Верещинскаго... Правду сказать, въ нихъ, какъ въ колчанѣ, можно найти много вещей справедливыхъ и полезныхъ для Рѣчи—Посполитой⁴)...).

Переводъ сдѣланъ нами возможно близко къ подлиннику и можетъ замѣнить послѣдній при изслѣдованіяхъ истори-

¹⁾ Сеймъ продолжался съ 7 марта по 21 апреля нов. ст. 1590 г.

²⁾ См. *Volumina Legum*, изданіе Огрызки, СПБ. 1859, томъ II, стр. 310.

³⁾ Тамъ-же, стр. 318.

⁴⁾ См. Кулишъ, *Матеріали для історії вовоєдження Руси*. Москва, 1877, стр. 44—45.

ческихъ и литературныхъ; подлинникъ окажется необходимымъ только для изслѣдователя исторіи польского языка и слога.

Нѣкоторые необходимые комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ памятника изложены нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

А. С.

Вѣрная дорога къ болѣе быстрому и легкому заселенію пустынь въ русскихъ областяхъ Польскаго королевства, равно какъ къ болѣе разумной защитѣ всей украинской стороны отъ непріятелей святаго креста;

показана ксендзомъ Іосифомъ Верещинскимъ, по милости Господней нареченнымъ бискупомъ Кіевскимъ, аббатомъ Сѣцьховскимъ. Въ Краковѣ, въ типографіи Андрея Піотроковчика, года Господня 1590.

Предисловіе автора къ книжкѣ, при прощаніи съ нею.

Иди же отъ меня, моя милая, очаровательная книжечка и весело привѣтствуй отъ моего имени каждого брата. Передай ему благословеніе Господне, и моли, проси его, чтобы онъ не предавался чрезмѣрному сну. Видя, что сонливость и небрежность овладѣли имъ, Турукъ съ Татариномъ участили къ намъ. Это не сходитъ съ моего сердца и я проторилъ себѣ дорогу къ братьямъ, чтобы навѣстить ихъ и узнать о здоровыи, а затѣмъ, чтобы пробудить ихъ отъ сонливости и небрежности. Можетъ быть, найдется кто-нибудь настолько осмотрительный, что поблагодарить меня за мой трудъ и за мое предостереженіе. Будешь ты, книжечка, очень счастлива и унаслѣдуешь безсмертную славу, если Рѣчь-Посполитая предастся заботѣ, между тѣмъ какъ другіе спятъ и небрежничаютъ. Иди-же спокойно, моя милая книжечка, и пусть трудъ твой не будетъ тяжелымъ. Пріобрѣтай мнѣ у братіи добрую славу и милость, а ей передай мою искреннюю и сердечную преданность. Да не смущаешься ты, если какой Зоилъ отнесется къ тебѣ съ презрѣніемъ.

Ихъ милостямъ сенаторамъ короннымъ, рыцарству и всѣмъ сословіямъ Короны Польской и Литвы, а также всѣмъ областямъ русскимъ и инымъ, входящимъ въ составъ Короны, Іосифъ Верещинскій изъ Верещина, по милости Господней нареченный бискупъ Кіевскій и аббатъ Сѣцѣховскій, желаетъ всякаго добра.

Содѣржаніе¹⁾: Какой свободой пользуются теперь Греки подъ турецкимъ владычествомъ вслѣдствіе дурныхъ порядковъ, у нихъ существовавшихъ? Перемиріе съ Турками всегда безплодно. Гнѣвъ Господень почти уже у порога. Върный признакъ гнѣва Господня. Два обстоятельства, изъ-за которыхъ мы погибаемъ. Первая причина нашей погибели. Самый надежный соглядатай нашихъ порядковъ—это наши грѣхи и проступки. Вторая причина нашей погибели. Почему Украина²⁾ съ давнихъ временъ уже опустошена? Русская земля—это житница другихъ странъ, какою былъ Египетъ. Поля тамъ превосходныя и урожайныя; скота, звѣрей, птицъ множество; меда—достаточно. Виноградъ и вино можно было бы добывать въ изобилии. Не малое число рыбныхъ рѣкъ, между которыми Днѣпръ—самая главная. Итальянскихъ³⁾ ореховъ безчисленное множество. Рыбныхъ озеръ—тыма. Украина—это какъ-бы облытая земля. Украина имѣетъ свойство маинита: она каждого притягиваетъ къ себѣ. Небрежность и сонливость наши по отношенію къ такому богатству, какъ Украина,—удивительны. Если бы мы заселили пустыни, то это очень помогло бы намъ улучшить защиту края. Что Украина никогда изобиловала богатствами, видно лучше всего по

¹⁾ Въ подлинникѣ краткія резюме содѣржанія напечатаны на поляхъ, но для удобства при печатаніи перевода въ журналѣ мы собрали ихъ здѣсь вмѣстѣ.

²⁾ Верещинскій употребляетъ слово „Ukrainâ“ въ двухъ смыслахъ: широкомъ,—къ значенію окраинной области, пограничья вообще; и въ тѣсномъ,—въ значеніи именно извѣстной области съ столичнымъ городомъ Кіевомъ во главѣ. Мы переводимъ это слово такъ или иначе, соображеніемъ его іѣ подлинника. Въ *Volumina legum* (II, 310, изд. 1859 г.) для обозначенія пограничной области употребляется еще слово *ugranicze*.

³⁾ Эти орехи и до сихъ поръ называются въ Малороссіи *wološkimi*, между тѣмъ какъ *włoski* по-польски значатъ: итальянскій. Въ русскомъ литературномъ языке имъ усвоили название *грецкихъ* ореховъ.

опустынѣи церквамъ. Замки или, вприне, городища—такъ крѣпки, что если-бы укрѣпить ихъ башнями, то они сдѣлались бы неприступными. Всльствіе неизмѣримыхъ богатствъ Украины мы должны обращать на нее вниманіе. Первый способъ къ болѣе лѣкому заселенію пустынь. Ниодѣ Его Королевское Величество не можетъ содержать своего двора съ большою выгодою, какъ на Украинѣ. Второй способъ къ заселенію пустынь. Какимъ способомъ слѣдуетъ заселить Низъ? Какое жалованье должны получать козаки или наемники¹⁾? Въ какое время козаки или наемники должны будутъ заниматься военными упражненіями и подъ чьимъ руководствомъ? Жалованье козакамъ или наемникамъ должно идти изъ кварты или изъ русскихъ десятинъ. Самая надежная школа рыцарскихъ людей можетъ быть устроена на счетъ кварты и готовность ея къ войнѣ—самая быстрая. Какъ жалки люди, взятые въ пленъ, всльствіе нашей небрежной обороны! Сколько дохода приноситъ квартѣ? Такъ какъ десятины по всей русской землѣ не идутъ на содержаніе церквей, то полезно было-бы обратить ихъ цѣлкомъ на оборону Рѣчи—Посполитой и открыть расходованіе ихъ въ руки Киевскаго бискупа. Какую жалкую долю терпитъ русская Украина отъ жолнера или отъ козака! Если опредѣлить десятину на оборону, то какой опасности можно избѣгнуть. Нѣть такого могущества, которое не нуждалось-бы въ помощи Господней. Какъ бискупъ долженъ распоряжаться десятинами? Какимъ образомъ десятины должны быть доставляемы въ Кіевъ? Какимъ образомъ десятины могутъ быть отправляемы изъ Кіева на Пороги или въ войско? Что слѣдуетъ дѣлать съ остаткомъ отъ десятинъ? Пребываніе въ войскахъ Киевскаго бискупа съ кzendзами и съ мудрыми проповѣдниками очень необходимо; бискупу также слѣдуетъ поручить распоряженіе какъ квартой, такъ и десятинами. Что дѣлать съ остаткомъ отъ десятинъ, если-бы таковой оказался по уплатѣ жалованья козакамъ или наемникамъ? Къ какому удовольствію и веселію можетъ повести своееременно внесенная

¹⁾ Словомъ *наемникъ* мы переводимъ польское: *sliżebny*, которое именно обозначало воина, отдающаго свои услуги за деньги. Въ Конституції сейма 1590 г. рядовой козакъ обозначается терминомъ *racholek*.

десятина? Хотя казначейскія занятія несносны для бискупа, но не должны казаться тяжкими ради любви къ Ръчи-Посполитой. Откуда Киевскій бискупъ съ своими слугами и писарями долженъ получать содержаніе, если онъ будетъ казначеемъ? Какъ предята намъ Армяне у чужихъ народовъ! Козаки или наемники, получаю ющие жалованье, не должны тратить его вънъ войска. Необходимо настроить амбаровъ для козаковъ или наемниковъ возможно болыше и обильно снабдить ихъ всевозможными предметами необходимости. Какимъ образомъ можно легче всего снабдить амбары припасами? На какія денни сльдуєтъ закупать припасы для амбаровъ? Какимъ образомъ казначеи должны продавать козакамъ или наемникамъ съѣстные припасы и другіе предметы необходимости, заготовленные въ амбарахъ? Причина этого. Почему козаки съ наемниками не должны обижаться этимъ? Саламаха, которую козаки считаютъ исключительнымъ лакомствомъ, это особенное кушанье Серба—это супъ, сваренный изъ костей. Примѣръ. Дѣйствительный патріотъ долженъ все переносить терпѣливо ради отечества. Любовь къ отечеству должна пре-восходить любовь ко всемъ другимъ вещамъ на землѣ. Средства къ возведенію Ръчи-Посполитой. Необходимо снажать козаковъ или наемниковъ сукномъ. Откуда доставать сукно на козаковъ или на наемниковъ? Какой верхъ берутъ въ Польши жиды? Насколько жиды враждебны христіанамъ, можно понять изъ ихъ Талмуда. Жиды три раза въ день проклинаютъ христіанъ и ихъ королей. Какой гетманъ долженъ начальствовать на Украинѣ надъ войскомъ изъ козаковъ или наемниковъ? Откуда и какое содержаніе долженъ получать гетманъ? Откуда должны удовлетворяться жалованьемъ ротмистры или сотники и де-сятники? Какъ доло долженъ гетманъ стоять съ войскомъ ла-геремъ на одномъ уроціщѣ? Третій способъ того, какъ пустыни могутъ быть безъ затрудненія заселены. Здравый совѣтъ ка-ждому шляхтичу, даже очень бѣдному, чтобы онъ не былъ при-чиною потери его потомствомъ не изъ заслуженного шля-хетства. Бискупъ каждые два года долженъ отдавать отчетъ Сейму по своей кассѣ, какъ относительно ея приходовъ, такъ и расходовъ. Отъ кого онъ будетъ получать компенсаціи? Какой сво-

бодої и достаткомъ будемъ пользоваться каждый изъ насъ съ благословенія Господня, если пустыни будутъ заселены. Если Господь поможетъ намъ заселить пустыни, то какимъ образомъ мы избѣгаемъ всякихъ злыхъ случаиностей. Какъ мы неприлично зазнаемся, если только достигаемъ богатства или счастья! Какъ мы можемъ помочь себѣ, если захотимъ? Мы не можемъ сомнѣваться въ Промыслѣ Господнемъ.

Милостивые государи и братья! Размышляя исподоволь и внимательно присматриваясь къ приближающимся опасностямъ, которая понемногу собираются надъ нашимъ отечествомъ и надъ милой Польской Короной; видя къ тому-же величайшую сонливость не только въ тѣхъ, что присягнули своему Государю и всей Рѣчи-Посполитой совѣтовать и препираться при каждой угрожающей Рѣчи-Посполитой бѣдѣ, но также и въ тѣхъ, что глубоко проникаютъ въ будущее и могли-бы дать благоразумный совѣтъ и указать путь къ болѣе легкому способу спасенія нашего отечества; боясь, чтобы и меня не зачислили въ число подобныхъ-же; не желая нарушить свою обязанность, но желая поддержать добре мнѣніе обо мнѣ моего Государа, назначившаго меня съ соизволенія Господня на должность Кіевскаго бискупа;—я рѣшился своимъ сочиненіемъ пробудить Васъ отъ сна:—оно написано если не краснорѣчиво, если не витиевато, то за то искренне.

Вы читали, милостивые государи братья, о Греціи и ея благородныхъ королевскихъ домахъ, изъ которыхъ произошли всѣ эти славные герои, всѣ эти Гекторы, Геркулесы; посмотрите теперь, подъ какими правами сидятъ Греки, благодаря своимъ дурнымъ порядкамъ, какими свободами пользуются;—а такими, что добровольно должны подставлять свои головы подъ жестокую басурманскую саблю, какъ только имъ это прикажутъ. Нѣтъ у нихъ никакой защиты, никакого оружія, никакого собственнаго своего имущества; одинъ только поломанный ножъ могутъ они сберегать въ домѣ; и вотъ эти герои должны довольствоваться посохами. А у насъ ничего не видятъ впередъ, да утѣшаются ка-

кимъ-то ни къ чему не ведущимъ перемириемъ съ Турками, которое они поддерживаютъ до поры до времени не изъ миролюбія, а изъ расчета покончить свачала съ другими народами, противъ которыхъ они разставили сѣти.

Итакъ, милостивые государи братья, камни должны вспіять, если сыны Авраамовы молчатъ¹⁾. Почему вы спите и не думаете о грядущихъ неотвратимыхъ рѣшеніяхъ Господнихъ, которыхъ мгновенно васъ уничтожать, если вы не проснетесь и своевременно не опомнитесь? Господь давно обѣщалъ отдавать въ неволю народъ, сонный по отношенію къ самооборонѣ и небрежный въ общественныхъ дѣлахъ, такъ какъ поступать подобнымъ образомъ—гнусно и постыдно. Мѣста такихъ народовъ онъ обѣщалъ передавать другимъ народамъ²⁾. Говоря по правдѣ, Господь и такъ долго ждетъ нашего пробужденія и сверхъ ожиданія долго покровительствуетъ намъ³⁾.

Но кто захочетъ осмотрѣться, тотъ пойметъ, что гнѣвъ Его стоитъ почти-что у нашихъ воротъ, такъ какъ Онъ давно уже громко къ намъ взываетъ. Онъ говоритъ: „Если вы не будете подчиняться Моимъ совѣтамъ, желаніямъ и распоряженіямъ, то Я отворю ваши ворота дикимъ звѣрямъ и позволю суповому мечу погребсти васъ и уничтожить васъ за ваше легкомысліе⁴⁾“. Почти тѣми-же самыми словами грозитъ Мойсей каждому изъ насъ, когда говоритъ⁵⁾: „Если вы не будете слушать гласа Господа, Бога вашего, и не будете стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его; то Господь пошлеть на васъ народъ издалека, отъ края земли: какъ орелъ налетитъ народъ, котораго языка вы не разумѣете, народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши. И будетъ быть онъ плодъ скота вашего и плодъ земли вашей, доколѣ не разоритъ васъ, такъ-что не оставитъ вамъ ни хлѣба, ни вина, ни елея, ни плода воловъ вашихъ, доколѣ не погубитъ

¹⁾ Ев. Мате. гл. 3.

²⁾ Прор. Єром. гл. 17.

³⁾ Пр. Варух. гл. 4.

⁴⁾ Пр. Исаій гл. 1.

⁵⁾ Второзак. гл. 28.

васъ. И будетъ тѣснить васъ во всѣхъ жилищахъ вашихъ, доколѣ во всей землѣ вашей не разрушить высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ вашихъ, на которыхъ вы надѣетесь; и будетъ тѣснить васъ во всѣхъ жилищахъ вашихъ, во всей землѣ вашей“.

Пусть же каждый изъ васъ, милостивые государи братья, осмотрится: развѣ мало этихъ звѣрей видимъ мы и въ нашихъ хлѣвахъ, и около нашихъ плетней? Вѣдь басурманы почти-что знаютъ уже, чтоб варится на кухнѣ у Его Величества Короля и у каждого изъ насъ. Но и этого мало; къ прискорбію начинается литься кровь около границъ нашихъ и въ границахъ нашихъ; какъ Господь угрожалъ жестокимъ жителямъ Іерусалима, не радовавшимся его прибытію, что враги обложатъ ихъ окопами и крѣпкими стѣнами, а затѣмъ уничтожатъ ихъ¹⁾, такъ все это начинается сбываться на насъ: наши враги со всѣхъ сторонъ окружили насъ крѣпкими окопами и мощными стѣнами и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе распространяется этотъ жестокій огонь вокругъ нашихъ границъ.

Посмотри-же каждый: развѣ это не наказаніе Господне? Взгляни на всѣ наши дѣла: развѣ есть кто-либо между нами, кто обѣ этомъ обстоятельно говорилъ-бы, кто думалъ-бы, кто старался бы предупредить надвигающуюся опасность своими со-вѣтами. А между тѣмъ каждый отчетливо видѣть и слышитъ, что дѣлается на глазахъ нашихъ на Подоліи, въ границахъ областей русскихъ и даже литовскихъ; какъ вездѣ льется невинная кровь, раздаются плачъ и крики; какую великую и ужасную неволю терпятъ христіанство и народъ Господень по справедливому и дивному приговору Господню; какъ невинные притѣсняются жестокими. Не только люди рыцарскіе или военные, но даже невинныя дѣтки, и невинныя женщины, и люди преклоннаго возраста—подвергаются безъ милосердія притѣсненіямъ и мукамъ: ихъ натыкаютъ на колыа такъ, какъ поросятъ на вертелы. Страшно и ужасно говорить и писать объ этомъ. А развѣ не печально смотрѣть на милое отчество, какъ оно дымится подобно Содому, какъ падаютъ крѣпкіе города и замки, какъ

¹⁾ Ев. Луки гл. 19.

разрушаются жилища, какъ басурманы разсѣивають богатства, какъ предметы наслажденія людей передъ очами ихъ разсыпаются въ прахъ! Но всего тяжелѣе смотрѣть на басурмана въ то время, какъ онъ передъ твоими глазами учиваетъ насилие надъ женою твою и надъ семействомъ твоимъ; а тебя самого на величайшій позоръ ведетъ басурманъ на цѣпи, словно пса, съ боку своего коня и наноситъ постоянные удары твоей почтенной главы. Увы, милый мой господинъ, какъ скорбять въ это время душа и сердце твои!

А отчего все это происходитъ, милостивые мои государи братья? Каждый изъ васъ долженъ сознаться, что происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ:

Во-первыхъ, мы очень часто нашими грѣхами оскорбляемъ Господа Бога и Его святое величие.

Во-вторыхъ, нашими небрежностью и сонливостью и даже болѣе того: пренебреженiemъ къ милому отечеству—мы подвергаемъ громадной опасности весь пограничный христіанскій народъ.

Грѣхи наши—главная причина того, почему басурманскій народъ развернулъ знамена надъ милымъ отечествомъ нашимъ и надъ нами, его обитателями; Господь Богъ грозилъ этимъ каждому народу, который изъ злобы и несправедливости передвигаетъ царства съ мѣста на мѣсто и одни народы обращаетъ въ другie¹⁾. Каждый можетъ также легко убѣдиться въ этомъ изъ слѣдующихъ непогрѣшимыхъ словъ Его, которыя, какъ молотъ, должны постоянно ударять въ уши каждому народу, чтобы каждый, какъ громомъ, устрашенъ былъ этими словами²⁾: „Если вы будете ходить въ послушаніи у мене и будете исполнять волю Мою, то Я благословлю всѣ дѣла ваши, и ваши непрѣятели будутъ страшиться васъ и будутъ трусливо бѣжать передъ вами, такъ что передъ пятью изъ васъ будетъ ихъ убѣгать стотъ, а передъ сотней вашихъ—ихнихъ десять тысячъ“. Тамъ-же Онъ потомъ добавляетъ: „Если вы оставите безъ вниманія приказаніе Мое, гласъ Мой

¹⁾ Екклес. гл. 10.

²⁾ Второзак. гл. 28.

и заповѣдь Мою, тогда навсегда будутъ прокляты всѣ дѣла ваши, и страхъ появится въ очахъ вашихъ передъ самимъ слабымъ непріятелемъ, и лицо Мое обращу противъ васъ, такъ-что вы падете отъ меча непріятелей вашихъ и очутитесь въ рабствѣ у народа невѣдомаго, который будетъ чувствовать къ вамъ омерзѣніе. И вы будете спасаться бѣгствомъ, хотя никто не будетъ гнаться за вами. Наконецъ, вы будете страшиться древеснаго листа, колеблемаго вѣтромъ". Вотъ вамъ, милостивые государи братья, по-истинѣ сурое рѣшеніе и суровый приговоръ, но въ тоже время непогрѣшимый, исходящій отъ Господа Бога; онъ долженъ постоянно раздаваться въ ушахъ нашихъ.

Что за несчастіе, Милостивый Боже,—эта наша безмѣрная совливость! Хотя мы явно видимъ, что мы оскорбляемъ и безчестимъ святое имя Господне, тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ беспечно спать и даже явно предаемся излишествамъ въ нашемъ ожесточеніи. Развѣ нуженъ лучшій соглядатай нашему непріятелю или большій предатель, который сообщалъ-бы о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, когда имѣется на лицо самый ужасный соглядатай и предатель—напѣ грѣхъ вмѣстѣ съ нашими преступленіями? По-истинѣ мы должны сознаться, что мы сами являемся добровольными соблазнителями и грабителями нашего отечества и всѣхъ нашихъ богатствъ; Господь, какъ Онъ и грозилъ, надѣляетъ нашихъ непріятелей смѣлымъ сердцемъ и свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, а намъ внушаетъ страхъ, такъ что мы легко пугаемся древеснаго листа, колеблемаго вѣтромъ; такимъ образомъ мы никогда не соберемся ни на какой доблестный подвигъ.

Поэтому, милостивые государи братья, издавна всюду славные и достойные Поляки!—если мы хотимъ быть страшными каждому нашему непріятелю, если мы хотимъ обезопасить себя отъ всѣхъ самыхъ ужасныхъ несчастій, если мы хотимъ, чтобы всѣ дѣла и предпріятія наши всегда были славными и цвѣтующими во всѣхъ отношеніяхъ, то мы должны поступать согласно предостереженію святаго Павла: „Доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро¹⁾“. Мы должны также поступать согласно поуче-

¹⁾ Писм. къ Галат. гл. 6.

нію пророка Господня Исаи, который обращается къ намъ съ слѣдующими словами: „перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро¹⁾“. Вотъ ваше оружіе, вотъ ваши пушки, вотъ ваши самые крѣпкіе панцыри! Обратитесь, совѣтуя вамъ, милостивые государи братья, къ этому святому оружію, къ этому крѣпкому щиту; это оружіе—самое мощное, оно освободить васъ отъ вашихъ несчастій. Самый мощный щитъ это упованіе на Господа Бога; вооруженный такимъ оружіемъ ничего не бойся, никакого противника твоего, никакого твоего несчастія!

Вѣдь если Господь по заповѣдямъ своимъ будетъ съ тобою, то каждый противникъ твой долженъ падать и дрожать предъ тобою и не будетъ для тебя никакой опасности. Глаза твои будутъ внушать такой страхъ, что отъ одного взгляда твоего множество враговъ твоихъ должно убѣгать; Гогъ и Магогъ²⁾, т. е. твои самые злѣйшіе враги Турокъ съ Татариномъ, не устоятъ на одномъ мѣстѣ, ибо, по заповѣди Господней, они должны быть уничтожены и стерты со всѣма своими войсками, они должны впасть въ ничтожество со всею своею силою, такъ что псы и степные звѣри не будутъ въ состояніи пожрать ихъ трупы, а твои кони по косточки будутъ бродить въ крови воителей.

Если-бы мы по нашей сонливости и небрежности или даже по вѣроломству вздумали-бы обманывать милое отчество, съ-михъ себя и весь христіанскій пограничный народъ, то въ такомъ случаѣ каждый легко можетъ убѣдиться въ милости къ намъ Господней изъ того, что Господь Богъ отвелъ намъ въ обладаніе Королевство Польское, громадное вдоль и впоперекъ. Какъ въ ширину, такъ и въ длину не малое пространство захватываетъ оно со всѣми своими угодьями; но если гдѣ оно могло-бы имѣть мѣсто для своихъ колоній, то только на Украинѣ! Какъ легко могла-бы осуществиться эта колонизація, если бы не препятствовали ей—наши небрежность и сонливость. Хотя Господь Богъ былъ разгнѣванъ и сильно оскорблена несносными и жестокими поступками украинскихъ обитателей, которыми

¹⁾ Пр. Исаи гл. 1.

²⁾ Пр. Іезек. гл. 39.

они и ранѣе раздражали Его святую милость, тѣмъ не менѣе я смѣло могу сказать, что причиною этому, какъ въ Содомѣ и Гоморрѣ, было исключительно чрезмѣрное изобиліе хлѣба, въ которомъ они плавали точно какъ-будто въ салѣ. Сдѣлавшись тучными, жирными, они вздумали противиться Господу¹⁾. За это Господь Богъ, воспылавъ противъ нихъ страшнымъ гнѣвомъ, уничтожилъ ихъ роскошныя царства, ихъ самихъ отдалъ въ неволю въ басурманскія руки, а Украину вотъ ужъ нѣсколько сотъ лѣтъ какъ обратилъ въ голую пустыню. А между тѣмъ эта Украина, какъ я говорю, можетъ быть житницей другихъ странъ, какъ нѣкогда былъ Египетъ. Поля ея такъ прекрасны, какъ Елисейскія поля у Вергилія; то они тянутся равниною, то пересѣкаются горами, борами и лѣсами; характеръ ихъ веселый и урожайный. Въ Украинѣ такое изобиліе скота, звѣрей, различныхъ птицъ, рыбъ и другихъ вещей, служащихъ для пропитанія людей, что можно подумать, будто она была родиною Цереры и Дианы. Меда столько добывается въ ея бортахъ и пасѣкахъ, что забываются и сицилійская Гилла, и аттическій Гиметъ. Виноградная лоза произрастаетъ тамъ и легко можно было-бы устроить добываніе вина. Огромное число въ Украинѣ рыбныхъ рѣкъ, отцемъ которыхъ является Днѣпръ, шириною, какъ Висла во время половодья; онъ беретъ начало въ предѣлахъ Московскаго государства, течеть мимо Киева и затѣмъ впадаетъ въ море. Итальянскихъ орѣховъ такое множество въ Украинѣ, какъ будто она была ранѣе итальянской землей. Трудно перечислить, сколько въ ней рыбныхъ озеръ. Но къ чему тратить напыщенные слова, когда можно однимъ словомъ определить, что Украина—это все равно, что та обѣтованная земля, которую Господь Богъ обѣщалъ народу еврейскому,—текущая молокомъ и медомъ²⁾. Я смѣло могу примѣнить къ этой Украинѣ слова, заимствованныя святымъ апостоломъ Павломъ³⁾ у Исаія⁴⁾: „Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не при-

¹⁾ Прор. Йерем. гл. 5.

²⁾ Исходъ гл. 13.

³⁾ 1 посл. къ Кор. гл. 2.

⁴⁾ Пр. Исаія гл. 64.

ходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его". Итакъ я говорю, что эта прелестная Украина была наказана за свои грѣхи, и по нашей сонливости и небрежности обращена почти въ пустыню. Теперь мы не заботимся о томъ, чтобы эту пустыню и эту привлекательную Украину вновь заселить людьми и при томъ такими людьми, за спинами которыхъ мы, какъ-бы за стѣной, были укрыты отъ непріятелей св. Креста. А между тѣмъ это легко можно было-бы осуществить, такъ какъ каждый, кто только попробуетъ Украины, долженъ въ ней и остаться: она притягиваетъ къ себѣ человѣка, изъ какого-бы народа онъ ни происходилъ, какъ магнитъ желѣзо. А происходитъ это отъ свойствъ страны: небо Украины веселое, климатъ здоровый, земля плодородная. Украина манить наась и громко призываетъ приидите ко мнѣ всѣ, которые боретесь съ песками и съ трудомъ добываете пропитаніе, и я надѣлю васъ землями, щедро дающими урожай. Справедливо призываетъ она тѣхъ бѣдняковъ, которые предпочитаютъ здѣсь терпѣть нужду и недостатокъ, нежели на Украинѣ плавать въ изобиліи и воздавать честь и хвалу Господу Богу за неизрѣченные дары его. Лѣнивцы и сонливцы предпочитаютъ, чтобы непріятель развертывалъ въ ихъ отечествѣ свои знамена и наслаждался, нежели, чтобы сами они совмѣстно съ своимъ милымъ и достойнымъ потомствомъ пользовались дарами Божіими въ честь и хвалу Господу Богу. Лѣнивый землякъ мой предпочитаетъ, чтобы тамъ напрасно горѣли пожары, выли волки, блаженствовали дикие кони вмѣстѣ съ медведями и сернами, нежели, чтобы онъ самъ, разумное твореніе Господне,—былъ обладателемъ всего этого. Этимъ путемъ можно было-бы отразить и тѣ татарскіе загоны, которымъ очень понравилось пребываніе тамъ. Если оставить это дѣло безъ вниманія теперь, то потомъ, дѣйствительно, оно принесетъ не малый вредъ. Хотя люди считаютъ это—мелочью, но тѣмъ не менѣе вредное это владѣніе, и трудно придумать, какъ потомъ выгнать давно владѣющаго злаго сосѣда. О если-бы они опомнились и раскаялись въ своемъ легкомысліи! Если не теперь, то потомъ они будутъ жалѣть объ этомъ! И скоро они сознаютъ, если не

опомняться, что они должны сожалѣть объ этомъ. Вѣдь если-бы эти пустыни прочно заселились, то прославилась-бы этимъ Корона, да и людей прибавилось-бы не мало для защиты. Я смѣло могу сказать, что прибавилось-бы столько, сколько собирается изъ Малой и Великой Польши. Увеличился-бы по крайней мѣрѣ вдвое и доходъ Короны Польской соотвѣтственно съ тѣмъ доходомъ, который давала эта Украина раньше, въ былыхъ времена. Изъ многихъ данныхъ видно, что раньше тамъ корцами мѣрили деньги; видно это также по церквамъ и по немалымъ расходамъ, которые производились въ честь и похвалу Господу Богу; просто лопатами валили деньги на стѣны и крыши церквей, украшая ихъ довольно замысловатыми художествами. Обратимся также къ опустѣвшимъ замкамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краѣ, городищамъ, насыпаннымъ изъ земли, очень прочнымъ и внушительнымъ; ихъ нельзя взять никакой силой (развѣ выморить городомъ гарнизонъ) и нельзя разрушить, даже если свезти пушки со всего свѣта; они могутъ существовать безъ всякаго разрушенія, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ; если ихъ укрѣпить нѣсколько башнями, и призвать на помощь Господа Бога, то я не знаю, кто можетъ выступить противъ насъ¹⁾), ибо въ нихъ можно упорно отбиваться не только отъ турецкой и татарской силы, но даже отъ всѣхъ силь цѣлаго свѣта. Кто этому не вѣритъ, пусть самъ осмотритъ и легко и безошибочно убѣдится въ справедливости моего мнѣнія.

Видя Украину, столь богатую даже на первый взглядъ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодную и легко обороняемую, будемъ-ли мы и далѣе небрежными и сонливыми въ отношеніи къ населенію этой пріятной, милой, роскошной и изобильной окраины нашего отечества? Будемъ-ли мы—ради Бога живаго!—и далѣе такъ мало желать добра себѣ самимъ, братьямъ и сестрамъ нашимъ? Будемъ-ли мы и далѣе отдавать не только самихъ себя, но и достойныхъ братьевъ нашихъ въ мясныхъ лавки непріятелю Святаго Креста вместо того, чтобы помагать имъ устроить болѣе

¹⁾ Псса. къ Рому. гл. 8.

спокойный и безопасный бытъ? А между тѣмъ есть нѣсколько способовъ устроить такъ, что непріятель не будетъ вторгаться такъ далеко и не будетъ распускать своихъ знаменъ, разгуливая по роскошнымъ, милымъ, очаровательнымъ елисейскимъ полямъ.

Для того, чтобы вы, мои милостивые государи братья, узнали наиболѣе легкій и быстрый способъ заселенія этихъ пустынь къ величайшей выгодѣ и къ удивленію всей Польской Короны, я подамъ вамъ нѣсколько совѣтовъ, весьма practicalныхъ и удобоисполнимыхъ.

Прежде всего вы должны уговорить Его Величество Короля, чтобы онъ со всѣмъ дворомъ своимъ проводилъ какъ можно болѣе времени (если дѣла дозволять это) на Украинѣ или даже въ самомъ Кieвѣ. Люди, которые часто будутъ проѣзжать къ Королю и отъ него обратно, будутъ присматриваться къ плодороднымъ краямъ, къ роскошнымъ мѣстамъ, къ очаровательному мѣстоположенію; сначала будутъ любоваться, а затѣмъ вздумаютъ и поселиться. Такжѣ и тѣ, которые будутъ находиться въ составѣ двора Его Королевскаго Величества, сами по себѣ будутъ заселять эти пустыни, такъ какъ давно уже сложилась справедливая поговорка: гдѣ хорошо, тамъ и отечество. Издержки на содержаніе Его Величества Короля со всѣмъ дворомъ его будутъ далеко меньшими, потому-что на Украинѣ Его Величество за два года не истратитъ того, что онъ истратитъ за годъ, живя въ Польшѣ. Его Величество Король въ первый-же годъ убѣдится въ этомъ и согласится со мною, что это—такъ, а не иначе. Не на руку будетъ басурману слышать, что подъ бокомъ у него находится Король Польскій и Помазанникъ Божій съ многолюдной свитой придворныхъ; басурманъ ежечасно будетъ бояться опасности, которая можетъ угрожать ему, а между тѣмъ все живое въ Польшѣ будетъ стремиться подъ крылья своего Государя на заселеніе этихъ пустынь, набираясь силы и смѣлости для борьбы съ безстыдными басурманами, врагами Святаго Креста. Безсмертная слава Его Величества Короля будетъ отъ этого возрастать, а радость, веселье и выгоды

Короны Польской будуть умножаться. Но что не только не менѣе, но еще болѣе важно, такъ—это то, что истинная вѣра въ Бога, ранѣе засыпанная пепломъ и почти погребенная, снова начнетъ тамъ распространяться и засіяетъ, какъ самая блестящая заря.

Другой удобный способъ для заселенія этихъ пустынь заключается въ томъ, чтобы Его Величество Король озабочился построить на самыхъ шляхахъ, ведущихъ со стороны Татаръ и Волоховъ, четыре замка; чтобы онъ озабочился содержать въ постоянной наличности на Низу за самыми Порогами по крайней мѣрѣ пять тысячъ народа козацкаго или, иначе, наемниковъ¹⁾—съ такимъ условіемъ, чтобы они не грабили болѣе во время своихъ стоянокъ областей нашего Короля, чтобы не учиняли никакихъ притѣсненій людямъ и чтобы не нарушили перемирій съ Туркомъ и съ иными монархами²⁾. Держа ихъ такимъ образомъ на вожжахъ и подъ начальствомъ дѣльного Гетмана, чтобы они не выходили за предѣлы дозволенного, слѣдуетъ ихъ, согласно поученію апостола Павла, снабдить пропитаніемъ и одеждой³⁾. Способъ для этого слѣдующій.

Прежде всего что касается пропитанія, то каждому изъ нихъ въ отдельности слѣдуетъ давать ежемѣсячно по четыре золотыхъ (принимая при этомъ въ разсчетъ и ихъ жалованье). А такъ какъ деньги имъ будутъ выдаваться ежемѣсячно, то ежемѣсячно при выдачѣ депегъ всѣ наемники будутъ маневрировать и подвергаться перечисли передъ гетманомъ или передъ его намѣстникомъ, принесшимъ присягу на вѣрность службѣ. Между тѣмъ писаря и казначеи, назначенные кіевскими бискупомъ и также присягнувшіе, обязаны тщательно наблюдать, чтобы при этомъ не вышло какого-нибудь недоразумѣнія и чтобы Рѣчъ-

¹⁾ Конституція сейма 1590 г. не опредѣляетъпередъ числа Низовцевъ или Запорожцевъ (термина козаки она не употребляеть), но устанавливаетъ, чтобы имъ велся точный повменный списокъ и чтобы Низовскій или Запорожскій старшиі постоянно уведомлять Короннаго Гетмана о перемѣнахъ въ личномъ составѣ войска.

²⁾ Такими-же условіями обставлено существованіе войска и въ Конституціи сейма.

³⁾ 1 посл. въ Тим. гл. 6.

Посполитая не была при этомъ въ чемъ-нибудь обманута или введена въ убытокъ. И тутъ-же тотчасъ вышеупомянутые казначеи при писаряхъ должны будуть выдавать деньги людямъ, годнымъ къ службѣ, вручая ихъ лично, а ротмистрамъ должны также давать въ руки назначенное имъ жалованье для того, чтобы какъ старшій, такъ и младшій не были обижены при полученіи ими жалованья. А деньги эти должны собираться ни изъ какого иного источника, но только изъ русскихъ десятинъ и изъ кварты, тѣмъ болѣе, что квarta еще предками нашими опредѣлена была ни на что иное, какъ только на оборону Рѣчи-Посполитой¹). Этого не слѣдуетъ ломать, а въ особенности намъ, истиннымъ сынамъ нашихъ милыхъ отцовъ, не слѣдуетъ ломать такого здраваго установленія и такого разумнаго рѣшенія ихъ. Напротивъ, эту кварту слѣдуетъ обращать ни на что иное, а только на одну оборону нашу и нашихъ милыхъ братьевъ, которые живутъ на Украинѣ, и, пребывая въ величайшей опасности, постоянно взываютъ къ намъ словами святаго Іова: „Помилуйте меня, помилуйте меня, вы, друзья мои²)“.

О какая счастливая была-бы эта квартта, еслибы она могла постоянно получать надлежащее назначеніе! А между тѣмъ необходимо нужно, чтобы она его получала, такъ какъ, благодаря этой квартѣ, не только устроился-бы непрерывный способъ защиты Рѣчи-Посполитой въ видѣ готоваго войска, но и открылось-бы поприще для развитія воинственности въ благородномъ рыцарскомъ сословіи Короны Польской. Здѣсь потому образовывались-бы ротмистры, а изъ ротмистровъ—гетманы. Кромѣ того, благодаря этой квартѣ, при такомъ порядкѣ мы скорѣе могли бы изготовиться къ отпору въ случаѣ внезапнаго нападенія, каковое мы неоднократно испытывали на своею вѣку, нежели при порядкѣ нашихъ медленныхъ *вици*. Вѣдь прежде чѣмъ ты выберешься изъ дому вслѣдъ за вицами и прежде чѣмъ ты соберешь слугъ для отпора внезапному нападенію и спасенія твоихъ братій, какъ тутъ ужъ, благодаря быстротѣ ужаснаго непріятеля, братъ твой на веревкѣ, привязанъ, какъ какой-нибудь

¹ Законъ Сигизмунда Августа, изданный въ Шотроковѣ въ 1562 г.

² Іова, гл. 19.

злодѣй, и скачеть невинный бѣднага съ боку у коня жестокаго басурмана. А вотъ уже жена его, которая, какъ винная лоза, давала плоды въ домѣ милаго супруга¹⁾, служитъ предметомъ наслажденія развратнаго басурмана, къ сожалѣнію и стыду для твоего брата. Милыя его дѣтки не выются уже, какъ молодые побѣги, вокругъ стола своего милаго отца, но какъ щенки воютъ, выглядывая изъ мѣшка у басурмана,—ему на потѣху, а родителямъ своимъ милымъ на великую жалость. Уже дымъ вслѣдъ за непріятелемъ вновь курится, а тутъ на глазахъ твоего брата тлѣютъ—его достояніе и его жилище.

Пусть же каждый изъ васъ подумаетъ, мои милостивые государи и братья, какъ озлобляется противъ васъ облитое кровью сердце милаго брата вашаго за ваше медленное снаряженіе; пусть каждый изъ васъ подумаетъ, какъ братъ вашъ будетъ плакать, какъ онъ будетъ нарекать предъ Великимъ Господомъ вашимъ за то, что вы могли его спасать и не спасали, могли подумать раньше о болѣе дѣйствительной защитѣ его и не думали и, наконецъ, имѣя уже кварту, предназначенную для его обороны, обратили ее на что-либо иное. Поэтому я прошу васъ ради Господа Бога живаго, чтобы по крайней мѣрѣ кварта была обращена на пограничное войско, а не на что-либо иное,—въ виду возможности внезапнаго нападенія; и это вы сдѣлаете, если не хотите болѣе вмѣстѣ съ вашими братьями испытывать ужасныя опасности отъ жестокаго тирана, если не хотите чтобы братья ваши по заслугамъ проклинали васъ за вашу непомѣрную косность.

А такъ какъ съ одной стороны на содержаніе пяти тысячъ наемниковъ требуется 240.000 золотыхъ, а кварта не можетъ дать болѣе 120.000 золотыхъ; съ другой—нельзя истощать другихъ источниковъ доходовъ Рѣчи-Посполитой, ибо королевству приходится оглядываться на всѣ стороны; съ третьей—Русская Украина должна быть уверена въ своей безопасности;—то было бы самымъ цѣлесообразнымъ, чтобы всѣ решительно жители Русской земли, безъ всякаго исключенія, начиная съ того года, когда организуется содержаніе войска, отдавали-бы на руки

¹⁾ Исаи. 127.

Киевскому бискупу десятую копу своего урожая на предметъ обороны края. Это должно дѣлаться изъ любви къ намъ самимъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло болѣе всего о насъ самихъ, а также изъ любви ко всей Рѣчи-Посполитой, и, кромѣ того, по доброй волѣ и желанію каждого. Вѣдь какъ всякая душа требуетъ защиты, мира, такъ тѣмъ болѣе Русская земля. Поэтому нужно похлопотать, чтобы каждый на вѣчные времена жертвовалъ на это часть своего заработка и не ужасался-бы этого, потому что это добрая и счастливая копа, которая стережетъ девять остальныхъ и охраняетъ даже здоровье и свободу вашу. Вѣдь вы испытывали уже и хорошо знаете, какъ вы были не разъ ограбляемы врагомъ Святаго Креста, какъ не разъ пришлый суровый непріятель вторгался съ огромной силой въ вашъ домъ, какъ онъ не разъ сжигалъ жестокимъ огнемъ вашъ домъ и всѣ предметы вашего наслажденія, какъ не разъ онъ отрубывалъ головы вашимъ дѣткамъ на вашихъ глазахъ, какъ не разъ онъ насиловалъ почтенныхъ супругъ вашихъ, и потомство ваше, и даже васъ самихъ, какъ не разъ случалось, что онъ водилъ васъ на цѣпяхъ, какъ псовъ, съ боку у коней своихъ, нанося вамъ удары по головамъ, какъ не разъ уже захватывалъ и расточаль имущество ваше! Право не разъ уже исполнялась надъ Руской землей та жалоба Вергилия, которую онъ выражаетъ слѣдующими словами:

„Наша работа пошла въ пользу чужимъ, а намъ на долю достались—сожалѣніе съ проклятою нуждою; мы не вольны въ своемъ, а въ наши края входитъ пришлый народъ, угнетая насъ безъ причины. Несогласіе тому причиной, домашнія распри; какое разореніе отъ этиго, едва-ли кто въ состояніи выразить¹⁾“.

Не менѣе достойно сожалѣнія также и то, что если тебя не ограбилъ и до конца не разорилъ твой пришлый не пріятель и если онъ не поймалъ тебя, какъ птичку на яйцахъ, то тогда едва-ли не ужаснѣе грабить тебя и разоряетъ твой теперешній защитникъ. Вѣдь развѣ жолнеръ или козакъ, когда находится въ твоемъ домѣ, не стоитъ самаго суроваго турка или самаго

¹⁾ Такъ Верещинскій передѣлываетъ двустышіе Вергилия: *Barbarus has segetes, En quo discordia cives Perduxit miseros. En queis consevimus agros?* Вuc Egl. I.

гадкаго татарина? Ты не разъ убѣждался, что тогда ты, къ несчастью, уже не распоряжаешься своей женой, своими дѣтьми, своими слугами, не распоряжаешься своимъ домомъ и всѣмъ своимъ хозяйствомъ. А что еще тяжелѣе, такъ это то, что подобный постоялецъ не уважаетъ въ тебѣ своего хозяина, а считаетъ какъ-бы своимъ невольникомъ; уже не ты являешься владыкой дома, а твой неотвязчивый гость; ужъ не ты распоряжаешься своимъ добромъ, а, напротивъ, жолнеръ или козакъ выдаетъ тебѣ пропитаніе и помыкаетъ тобою, какъ невольникомъ: чести тебѣ ни на грошъ не оказываетъ, домъ твой позорить, тебя изъ дому твоего собственного выталкивать и палкой бить. Дѣйствительно, съ каждымъ изъ васъ дѣлаетъ то, что пишетъ Вергилій о жолнерахъ и о козакахъ въ одномъ изъ своихъ стиховъ:

„Безбожные жолнеры съ козаками подвергли жестокому грабежу наши осѣдлости, безъ всякаго сожалѣнія!”¹⁾.

Видя и испытавши не разъ на себѣ все это, будешь-ли ты противиться отдачѣ десятины? Вѣдь она предохранитъ тебя отъ всякихъ гнета и утѣсненія т. е. отъ плѣна и всяческой обиды и даже отъ всякой опасности; она защититъ тебя какъ отъ пришлага непріятеля, такъ и отъ присутствующаго жолнера или козака. Къ тому-же я хорошо знаю, что вы не даете никакихъ десятинъ въ пользу вашихъ церквей, между тѣмъ какъ отъ нихъ не освобождены ни Его Величество Король, ни бискупы и аббаты, ни всякие иные жители Короны Польской. И вотъ теперь если вы согласитесь на это, то каждый Кіевскій бискупъ за эти десятины ваши обязанъ будетъ на будущее время умножать хвалу Господню. Въ этомъ важнѣйшій щитъ и оружье противъ каждого непріятеля Святаго Креста и объ этомъ напоминаетъ каждому Господь Богъ своими словами: „Ищите прежде царства Божія и это все приложится вамъ”²⁾. Получивши въ свое распоряженіе эти десятины, бискупъ будетъ заботиться, чтобы возмѣщать изъ нихъ всю ту сумму, какая убудеть или недоста-

¹⁾ Передѣлка стиха: *Impius haec tam culta novalia miles habebit.* Buc. Egl. 1.

²⁾ Ев. Матѳ. гл. 6.

нетъ изъ кварты на содержаніе наемнаго пограничнаго войска. Каждый обыватель на пространствѣ двадцати миль вдоль и впо-перекъ долженъ будетъ. вымолотивши эту десятину, доставить ее зимою въ Киевъ, а бискупъ долженъ будетъ на заготовлен-ныхъ для этого судахъ сплавить ее весною до Пороговъ и затѣмъ сухимъ путемъ доставить ее въ войско, устроивши все это возможно практичнѣе. Остальную же часть десятинъ, въ виду далекой доставки ея въ Киевъ, слѣдуетъ не отвозить туда, а обратить въ деньги съ соблюденiemъ возможной выгода.

Какъ каждый сеймъ безъ духовнаго сословія ничего не стоитъ, какъ каждый трибуналъ не можетъ обойтись безъ духовнаго сословія, такъ тѣмъ болѣе каждое войско безъ духовнаго сословія—все равно, что тѣло безъ души, что армія безъ гетмана, что овцы безъ пастыря. Такъ какъ для каждого Киевскаго бискупа, какъ для украинскаго сенатора, весьма важно пребываніе его при войскѣ вмѣстѣ съ капелланами и мудрыми проповѣдниками, то, по моему мнѣнію, болѣе всего прилично ему и отправлениe казначейскихъ обязанностей безъ всякаго за это вознагражденія. Мнѣ кажется весьма разумнымъ возложитъ эту обязанность на вѣчныя времена на Киевскаго бискупа, чтобы онъ не только выполнялъ въ войскѣ свой пастырскій долгъ, но чтобы также по обязанности казначея заботливо наблюдалъ, дабы сумма, пред назначенная на оборону Рѣчи-Посполитой, во вѣки вѣковъ не убывала; а если бы и убыла на сколько-нибудь, то чтобы онъ пополнялъ ее изъ вышеуказанныхъ десятинъ, а не изъ казны Рѣчи-Посполитой.

Быть не можетъ, чтобы при честности каждого Киевскаго бискупа не оставалось отъ упомянутыхъ десятинъ какихъ-либо обрѣзковъ. Тогда обязанностью каждого Киевскаго бискупа будетъ озабочиться, чтобы насчетъ остатковъ отъ десятинъ былъ основанъ въ самомъ Киевѣ Іезуитскій коллегіумъ для образованія всего молодаго поколѣнія Русскихъ краевъ¹⁾). Тогда люди

¹⁾ Іезуигы впервые появились въ Польшѣ въ 1552 г. Въ 1564 г. они основали первые коллегіумы въ Бруннбергѣ и Пултускѣ. Въ 1569 г. они поселились въ Вильнѣ. Затѣмъ постепенно они основываются въ Краковѣ (1579), въ Плоцкѣ (1580), въ Ригѣ (1582), во Львовѣ (1590).

не будуть входить въ большіе расходы на отправленіе дѣтей въ далекіе края для обученія свободнымъ наукамъ, но, имѣя здѣсь же передъ глазами достойную школу, тѣмъ болѣе будутъ спѣшить въ нее. Такимъ путемъ юноши не только будутъ привыкать къ домашней жизни или готовиться къ поступленію въ рыцарскую школу, но потомъ, благодаря изученію свободныхъ наукъ, все болѣе и болѣе будутъ дѣлаться полезными всей Рѣчи-Посполитой. Теперь-же всякий какъ изъ высшаго, такъ и изъ низшаго сословія подумай, къ какому наслажденію и веселію поведутъ тебя эти десятины, когда ты увидишь, что твой милый сынъ мудрѣе тебя самого и болѣе тебя способенъ къ спасенію Рѣчи-Посполитой. Какое утѣшеніе будешь ты получать и отъ того, что во время ученія и образованія твоего милаго потомка ты часто будешь видѣть его, а потомъ онъ, сдѣлавшись бискупомъ, воеводой, каштеляномъ или какимъ-либо инымъ сановникомъ, будетъ засѣдать въ столицѣ при боку у своего Государя. Счастливая твоя десятина, милый отецъ, если она уродитъ самътысяча и принесетъ бессмертную пользу! По истинѣ счастливая твоя десятина, если она охраняетъ тебя отъ опасности со стороны турокъ и татаръ, если она защищаетъ отъ утѣшненія жолнерскаго и козацкаго, если она обеспечиваетъ, чтобы никогда не было недостатка въ суммѣ, предназначеннай для твоей обороны, и чтобы постоянно на вѣчныя времена стояло въ готовности войско противъ каждого твоего непріятеля. Вотъ какіе результаты даетъ тебѣ твоя десятина.

Нужно сказать правду, что трудъ, возлагаемый при этомъ на бискупа, крайне великъ и черезъ-чуръ обременителенъ, но за то каждый бискупъ долженъ помнить, что онъ „изъ человѣковъ избираемый, для человѣковъ поставляется¹⁾“. Кромѣ того онъ долженъ имѣть передъ глазами своими мнѣніе Платона²⁾, выраженное въ письмѣ къ Архиту (Цицеронъ также заимствуетъ его³⁾); въ немъ Платонъ совѣтуетъ послѣднему по-

¹⁾ Посл. къ Евр. гл. 5.

²⁾ Plato de Republ.

³⁾ Cicer Tuscul. Quaest lib. 2.

мнить, что человѣкъ родился не самъ для себя, а частью для отечества, частью для родныхъ, частью для пріятелей и потомства. Если каждый Киевскій бискупъ будетъ придерживаться мнѣнія этого дѣльного писателя, то онъ долженъ будетъ согласиться, что онъ обязанъ во всякое время давать помошь и поддержку своему отечеству, принимая во вниманіе тѣ благодѣянія, которыя онъ отъ отечества получаетъ. Еще Цицеронъ сказалъ¹⁾: „Самый неблагодарный, нечестивый и лишенный всякой человѣчности тотъ человѣкъ, который не полюбитъ отечества болѣе, чѣмъ самого себя, послѣ того, какъ дастъ себѣ трудъ обсудить всѣ его блага“. Поэтому отъ этого труда, хотя онъ и не малъ, бискупъ не долженъ отказываться, потому-что такимъ образомъ онъ не только будетъ оказывать услуги Его Величеству Королю, но и обеспечить за собою навсегда молитвы и пріязнь всей Рѣчи-Посполитой. А это—самое важное, если повѣримъ Цицерону²⁾; къ тому же за столь почтенный и дѣльный трудъ свой онъ получить вѣчный вѣнецъ на небесахъ.

Не говорю уже о томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи исправныхъ и, что самое главное, вѣрныхъ слугъ и казначеевъ, онъ самъ лично можетъ нести на себѣ мало тягости и труда.

Но всетаки для того, чтобы этотъ трудъ исполнялся старательнѣе, необходимо вамъ, милостивые государи, обратить вниманіе и на то, чтобы онъ чѣмъ-либо вознаграждался. Вѣдь написано у святаго Павла³⁾: „Кто, насадивъ виноградъ, не єсть плодовъ его“? Поэтому необходимо озаботиться, чтобъ Киевскій бискупъ зналъ, за что онъ работаетъ вмѣстѣ со своими служами и писарями. Но только это вознагражденіе можно назначить не изъ казны Рѣчи-Посполитой, а отъ Армянъ, которыхъ слѣдуетъ обязать платить бискупу ежегодно на вѣчныя времена по 4.000 золотыхъ, такъ какъ трудъ бискупа потребуетъ немалыхъ расходовъ и большихъ издержекъ. И не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ ихъ жалѣть, такъ какъ эти негодыя мало необходимы нашей Коронѣ. И даже мы имѣемъ извѣстіе отъ тѣхъ, которые

¹⁾ Cicer. in vatin.

²⁾ Cicer. de Republ.

³⁾ 1 посл. къ Корине. гл. 9.

недавно возвратились изъ посольства къ Туркамъ, что они приносят намъ немалый вредъ у чужихъ народовъ и въ томъ числѣ у Турокъ. Ибо какъ Цыгане являются у насъ ворами и шпионами, какъ Жиды являются самыми явными измѣпниками, такъ Армяне являются самыми вѣрными вѣстовщиками о насъ для чужихъ народовъ. Вѣдь у всѣхъ этихъ людей такая природа, что на чьемъ возу они їдуть, того пѣсенку поютъ.

Для того, чтобы наемники или козаки, получая ежемѣсячное жалованье, не расточали по-пустому этихъ денегъ, то на этотъ предметъ слѣдуетъ установить въ войскѣ такой порядокъ: Гетманъ вмѣстѣ съ казначеями долженъ старательно наблюдать, чтобы всѣ наемники или козаки безъ всякаго исключенія не тратили своего жалованья ни на какой предметъ виѣ своего лагеря. Всякіе сѣѣстные припасы они должны пріобрѣтать и всякие иные предметы необходимости, какимъ-бы именемъ послѣдніе ни назывались, они должны покупать только въ амбарамъ Его Королевскаго Величества; и это подъ угрозой исключенія изъ службы. Однако, чтобы это дѣло скорѣе могло войти въ свою колею, то необходимо сейчасъ-же устроить на Украинѣ складочные амбары Его Королевскаго Величества, въ которыхъ каждый изъ нихъ, смотря по своей надобности, могъ-бы достать всякие сѣѣстные припасы, какъ по части єды, такъ и по части напитковъ, а также всякие изыды предметы обихода отъ малаго до большаго. Для того, чтобы эти амбары скорѣе могли наполниться таковыми запасами, необходимо объявить по всему Подолію, по всей Волыни, а также вообще по всей Руси, чтобы обыватели этихъ странъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою снабжали эти амбары за наличныя деньги всякаго рода пищевыми продуктами, напитками и вообще всевозможными предметами обихода; такимъ образомъ эти амбары замѣнять для Украины Гданскъ¹⁾). На пріобрѣтеніе этихъ запасовъ не могутъ быть обращены никакія иныхъ деньги, кроме половины изъ той-же суммы, пред назначенной для уплаты жалованья наемникамъ. Казначеи

¹⁾ Нужно понимать въ томъ смыслѣ, что жители Украины будугъ сбывать продукты своего хозяйства не въ Данцигъ (Гданскъ), который былъ главнымъ опускнымъ портомъ Старой Польши, а въ королевскіе склады.

должны скупить эти съѣстные припасы и предметы необходимы въ амбары какъ можно сходнѣе и дешевле, а наемникамъ или козакамъ за заслуженные ими деньги должны продавать ихъ уже не примѣнительно къ украинской дешевизнѣ, а примѣнительно къ дорожеизвѣй, существующей въ мѣстѣ пребыванія Его Величества Короля. Это на тотъ конецъ, чтобы на эти прибыли можно было выстроить амбары, пополнить нѣкоторые недостатки и удовлетворить инымъ потребностямъ военного времени.

Козаки не должны этимъ обижаться, памятуя о своемъ кушаньи саламахѣ¹⁾) и о своемъ напиткѣ сѣрбѣ²⁾), а также и иные служащіе, если они считаютъ себя дѣйствительно любящими сынами своего отечества. Этотъ порядокъ не долженъ ихъ возмущать, такъ какъ они имѣютъ примѣръ въ служащихъ при Его Величествѣ Королѣ. Эти послѣдніе, служа при особѣ Его Величества Короля, также получаютъ по 4 золота въ мѣсяцъ, а между тѣмъ они должны постоянно жить съ базара, прозябать въ будкахъ при Его Величествѣ Королѣ, испытывать страшное утомленіе, какъ будто служба ихъ проходила бы на самой Украинѣ, постоянно быть насторожѣ и въ готовности на случай нападенія. Тѣмъ не менѣе они никогда не жалуются на свою судьбу, хотя между ними состоитъ на службѣ болѣе иностранцевъ, нежели нашихъ подданныхъ. И если иностранцы терпятъ „тягость дня и зной³⁾“), то тѣмъ болѣе наши земляки обязаны выносить самыя сильныя невзгоды ради милаго отечества, которое ихъ воспитало и даже выкорамило, какъ родная мать своихъ дѣтей. Вѣдь если сынъ не исполняетъ своихъ обязан-

¹⁾ Саламаха, какъ специально козацкое кушанье, упоминается и въ народной пѣсни:

Дивують Лахи, вражіи сини,
Що ті козаки вживають:
Вживають вони щуку-рибаху,
Це й саломаху зъ водою.

Зап. о Южн. Руси Кулиша, т. II, 1857, стр. 253.

²⁾ Сѣрбѧ или щербѧ—такъ и до сихъ поръ называются въ Малороссіи родъ супа изъ крупъ. Отсюда глаголь сѣрбѧти=хлебать. См. Левченко, Опытъ русско-украинского словаря, Кіевъ 1874, стр. 159 и 173.

³⁾ Ев. Мате. гл. 20.

ностей по отношению къ родителямъ, то за это онъ подвергается упрекамъ и становится ненавистнымъ для людей. Тѣмъ большаго порицанія отъ всѣхъ и униженія заслуживаетъ тотъ, кто, получивши воспитаніе на лонѣ отечества и воспользовавшись отъ него всѣми правами и преимуществами, платить ему за это неблагодарностью. Каждый человѣкъ, который полезенъ только самому себѣ, а не отечеству (которое всѣхъ насы въ себѣ объединяетъ), не можетъ считаться въ числѣ добрыхъ сыновъ его. Такой неблагодарности не обнаруживаются и нѣмые звѣри, напримѣръ, муравьи и пчелы, которые сообща работаютъ, сообща собираютъ, сообща отражаютъ угрожающія имъ опасности, сообща пользуются своими трудами и пріучаются къ нимъ свое потомство. Хотя природный инстинктъ толкаетъ и побуждаетъ насъ къ оказанию помощи другимъ, но тотъ только исполняетъ свой долгъ, чья приверженность къ Рѣчи-Посполитой проявляется въ ясныхъ и видимыхъ чертахъ. Между всѣми человѣческими общественными союзами нѣтъ ни одного, который для каждого человѣка быль-бы милѣе и притягательнѣе Государства. Ибо хотя отецъ, мать, дѣти, родственники и пріятели—милы каждому, но всѣ эти виды любви объединяются и сосредоточиваются въ любви къ отечеству. Поэтому Рѣчи-Посполитая должна считаться кораблемъ, который требуетъ работы отъ всѣхъ на немъ плавающихъ, и каждый, находящійся на немъ, долженъ стараться, чтобы корабль не утонулъ, но добрался до безопасного порта; всѣ на кораблѣ исполняютъ различные работы, имѣя въ виду только одно: спасти корабль и вмѣстѣ съ нимъ себя. Также точно и всѣ подданные Рѣчи-Посполитой должны стремиться къ тому, чтобы служить ей и помогать то совѣтомъ, то ревностью, бдительностью и стараниемъ при исполненіи обязанностей; только при этомъ условіи Рѣчи-Посполитая не только будетъ сбережена отъ угрожающихъ опасностей, но и разовьется на будущія времена; подобная заботливость о ней обеспечитъ безопасность не только теперешнимъ ея обитателямъ, но и ихъ потомству. И какъ заслуживаетъ порицанія и пренебреженія тотъ, кто, плавая на кораблѣ, болѣе заботится о себѣ, нежели о кораблѣ и о другихъ,

въ немъ находящихся, такъ точно заслуживаетъ презрѣнія и изгнанія изъ человѣческаго общества тотъ, кто въ часы опасности для Рѣчи-Посполитой сосредоточиваетъ мысль болѣе на личномъ своемъ благополучіи, нежели на общественномъ. Если обыватели, вооружившись такимъ мнѣніемъ и намѣреніемъ, будуть съ легкимъ сердцемъ переносить всѣ несчастія, постигающія ихъ изъ-за достоинства, свободы и спасенія отечества, то они по-праву заслужатъ имя добрыхъ и полезныхъ сыновъ отечества; если всѣ ихъ поступки будутъ направлены не къ преслѣдованію частныхъ выгодъ, а къ спасенію отечества, то этимъ путемъ они приобрѣтутъ себѣ бессмертную славу.

Что касается одежды козаковъ, то необходимо дать каждому изъ нихъ въ отдѣльности по 10 локтей лунскаго сукна. За это сувно причиталось-бы уплатить 50.000 золотыхъ, но чтобы это бремя не легло тягостью на казну Рѣчи-Посполитой, то необходимо возложить его на Жидовъ. Они на вѣчныя времена обязаны будутъ на свой собственный счетъ доставлять 5.000-амъ козаковъ 50.000 локтей сукна ежегодно и сдавать его на руки казначею Кіевскаго бискупа для равномѣрнаго распределенія между козаками. Они скорѣе добудутъ лучшій сортъ сукна и навѣрное купятъ все количество дешевле, нежели за 50.000 золотыхъ, въ виду ихъ извѣстной изворотливости. Сравнительно съ ихъ многолюдствомъ это не тяжелое для нихъ бремя, такъ какъ они очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Почти всѣ наши имѣнія выцѣжены ими и они, вѣрно, околдовали насъ, какъ Цыгане, и заразили своимъ дыханіемъ, какъ волки, потому-что они разоряютъ насъ въ Польшѣ, какъ хотятъ, и всѣхъ насъ отъ низшаго сословія и до высшаго къ стыду нашему водятъ за собою за ность. Развѣ не Жиды черезъ руки Армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи-Посполитой къ Туркамъ и Волохамъ? Развѣ не Жиды черезъ посредство Армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайны свѣдѣнія о дѣлахъ всего Королевства Польскаго? Вѣдь на это направляетъ ихъ Талмудъ, въ которомъ (въ порядкѣ 2 въ трактатѣ 1 въ раздѣлѣ 5 на листахъ 11 и 15) можно прочесть слѣдующія слова: „Евреи должны больше гнушаться христіанскимъ господствомъ, нежели языче-

скимъ. Меньше грѣха служить язычнику, нежели христіанину". Въ другомъ мѣстѣ написало въ Талмудѣ (читай это въ порядкѣ 8): „Если Еврей увидитъ христіанина на опасномъ мѣстѣ, то даже, если-бы могъ его спасти, не долженъ этого дѣлать, а, напротивъ, долженъ толкнуть его въ шею". Объ этомъ-же пишетъ нѣкій докторъ Рафальфесъ въ раздѣлѣ 2 на листѣ 355 тѣхъ книгъ, которыя озаглавлены: Арба Туриимъ и проч. Но пойдемъ далѣе. Развѣ Жиды вопреки государственному праву не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ¹⁾ запрещаетъ имъ занимать общественные и государственные должностіи, на которыхъ они могли-бы раздавать приказанія христіанамъ, а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ Жиды вопреки государственному праву²⁾ не держать на откупѣ таможенъ, пошлины и чоповаго? Развѣ они вопреки государственному праву³⁾ не держать у себя христіанской прислуги? Развѣ они не настроили моледенъ почти при каждомъ жилищѣ своемъ вопреки данной имъ привилегіи и даже вопреки ихъ стародавнему обычаяу⁴⁾? Вѣдь даже въ то время, когда государство ихъ процвѣтало, они не имѣли такого преимущества, ибо мы читаемъ, что они имѣли только одинъ храмъ Соломоновъ въ Іерусалимѣ⁵⁾, въ который они всѣ въ опредѣленные времена съѣзжались и сходились на богослуженіе,—даже изъ отдаленныхъ краевъ. Развѣ не противорѣчить государственному праву также и то⁶⁾, что Жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Не на руку намъ и то отвратительное жидовское проклятие, которое можно прочитать въ ихъ ежедневныхъ молитвахъ, произносимыхъ ихъ жидовскими раввинами трижды въ день въ молельняхъ, которыхъ они настроили втрое болѣе, чѣмъ нужно. Звучитъ оно по

¹⁾ Законъ Сигизмунда I, изданный въ Піотроковѣ въ 1538 г.

²⁾ Законъ Сигизмунда-Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1565 г.

³⁾ Законъ того же короля, изданный въ 1567 г.

⁴⁾ Законъ того же короля, изданный въ 1565 г.

⁵⁾ З. кн. Царствъ, гл. 5.

⁶⁾ Законъ Сигизмунда I, изданный въ Піотроковѣ въ 1538 г.

еврейски такъ: „Шувохъ Хеймосхо ель хагоимъ ейшаръ леу ієйдухо веіаль Мамлехесъ ейшаръ бейшымхо леукороу“; а по-нашему значитъ: „Разлей, о Боже, свой гибель на всѣхъ христіанъ и на всѣхъ ихъ королей, которые не хотятъ перейти въ нашу вѣру“. Мы читаемъ объ этомъ жидаховскомъ ядѣ и въ Талмудѣ ихъ въ порядкѣ 1 въ трактатѣ 1 въ раздѣлѣ 4: „Мы приказываемъ каждому Еврею три раза на день проклинать всю христіанскую церковь и просить Господа Бога, чтобы Онъ разгромилъ, раздавилъ и съ корнемъ уничтожилъ всѣхъ христіанъ вмѣстѣ съ ихъ королями, князьями и господами“. Въ особенности это должны исполнять жидаховские раввины, когда они трижды въ день молятся въ синагогахъ или молельняхъ, въ оскорблѣніе Іисусу Назарейскому. Подтверждаютъ нашъ взглядъ и ихъ слова, которые мы читаемъ въ Талмудѣ въ томъ-же, указанномъ выше, мѣстѣ: „Богъ повелѣлъ Евреямъ, чтобы они присваивали себѣ христіанскія имущество всѣми возможными способами: подлостью, насилиемъ, ростовщичествомъ, даже воровствомъ“. А ну-ка, каждый христіанинъ, провѣрь на себѣ, развѣ Жиды не исполняютъ надъ нами повелѣнія своего Талмуда? Въ виду этого, такъ какъ они не только намъ непріязненны, но и нарушаютъ наши законы, и къ тому-же поступаютъ съ нами все равно, какъ хищные волки, то было-бы странно съ нашей стороны дѣлать имъ какія-либо поблажки и не возлагать на нихъ на вѣчныя времена поставки сукна для козаковъ; все равно они своимъ мошенничествомъ сорвутъ и сдерутъ съ насъ всѣ свои затраты. Даже защитники ихъ (изъ христіанъ) сознаются, что не разъ испытывали это на себѣ, а между тѣмъ, благодаря ихъ ходатайствамъ, дѣла жидаховскія процвѣтаютъ, а мы прочіе и они сами—даемъ себя обманывать.

Такому войску, о какомъ упомянуто выше, нуженъ гетманъ¹⁾—человѣкъ, украшенный доблестью, дѣльный и опытный

¹⁾ Сеймъ 1590 г. принялъ это мнѣніе Верещинскаго и предоставилъ коронному Гетману назначать для командованія Низовцами или Запорожцами (ludzi, ktorzy się na Nizie u za Pogohy bawią) старшаго или начальника изъ шляхтичей (Starszego или przełożonego szlacheckiego naroda). Термина гетманъ Конституція сейма не употребляется для обозначенія будущаго командающаго козаками.

въ рыцарскихъ дѣлахъ, такъ какъ по старой, но справедливой поговоркѣ: лучше войско оленей, если имъ предводительствуетъ левъ, нежели войско львовъ, надъ которымъ гетманомъ сдѣлался бы глупый и тупой олень. Поэтому вы, милостивые государи братья, должны старательно заботиться, чтобы гетманомъ надъ украинскимъ войскомъ не былъ назначенъ такой человѣкъ, который быль-бы привязанъ къ своимъ прихотямъ, къ изящнымъ тарелкамъ, къ роскошнымъ бархатамъ и къ инымъ женскимъ изящно-изысканнымъ затѣямъ. Такими личностями всѣ военные люди, а въ особенности украинские,—гнушаются. Да и Корона Польская отъ прихотей подобного человѣка легко могла-бы пострадать (чего Боже упаси!), такъ какъ послѣ Господа Бога благополучіе государства болѣе всего зависитъ отъ гетмана. Поэтому, милостивые государи, выберите на этотъ постъ человѣка доблестнаго, который съумѣль-бы явиться для всѣхъ образцомъ доблестей, благодаря беззавѣтной храбрости, бессмертной славѣ и основательному разуму; выберите человѣка дѣльнаго, на которого можно было-бы положиться рыцарскимъ людямъ, и къ тому-же опытнаго въ военномъ дѣлѣ, чтобы войско въ годину невзгоды смѣло могло подчиниться его мудрымъ распоряженіямъ и могло найти въ немъ твердую опору; выберите человѣка, близкаго Украинѣ по мѣсту своего жительства, такъ какъ не можетъ устроиться хороший порядокъ, если гетманъ не будетъ жить на Украинѣ,—въ особенности въ виду быстроты набѣговъ непріятеля. Необходимо также (и это можно сдѣлать безъ обремененія королевской казны!) дать на содержаніе гетману или одно очень богатое старство, или даже вѣсколько старствъ, потому-что при достаткахъ все легко идетъ, и разума прибываетъ, и трудъ не кажется тягостнымъ. Справедлива въ этомъ случаѣ поговорка; Тотъ трудъ тяжель, за которымъ не слѣдуетъ вознагражденіе. Святой Павель также подтверждаетъ это словами¹⁾: „какой воинъ служить когда-либо на своемъ содержанії? Кто, пася стадо, неѣсть молока отъ стада“?

¹⁾ 1 посл. къ Корине. гл. 9.

Тоже самое сохраняетъ силу и по отношенію къ ротмистрамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краю, къ сотникамъ, а также и къ десятникамъ. Если вы, милостивые государи, хотите, чтобы они были полезными, то необходимо не только снабдить ихъ продовольствіемъ и одеждой, но также удовлетворить ихъ и жалованьемъ—по заслугамъ и достоинству каждого. А удовлетвореніе это можно безъ ущерба для Рѣчи-Посполитой устроить на слѣдующемъ основаніи: мы хорошо знаемъ, что существуетъ сеймовое узаконеніе¹⁾, на основаніи котораго жиды не смѣютъ брать къ себѣ для услугъ христіанъ обоего пола, какъ мужескаго, такъ и женскаго. Но съ одной стороны упрямство жидовъ, а съ другой—величайшее неповиновеніе христіанъ обусловили то, что сеймовая узаконенія не соблюдаются. За это слѣдуетъ наказать какъ жида, такъ и христіанина. Если кто изъ христіанъ, какого бы то пола ни было, служить или хочетъ служить у жида, то долженъ тотчасъ же внести отъ своей особы одинъ золотый въ городскую кассу, а если онъ живеть въ селѣ, то войту этого села. Эти деньги въ каждомъ повѣтѣ должны быть въ цѣлости доставлены въ день святаго Мартина, или въ главный городъ повѣта, гдѣ имѣется королевскій замокъ, или въ королевское имѣніе, находящееся въ предѣлахъ повѣта, съ отображеніемъ отъ доставляющихъ присяги въ честной сдачѣ денегъ. Затѣмъ всѣ эти суммы должны быть отправлены въ Кіевъ и сданы на руки кіевскому бискупу, чтобы онъ, по соглашенію съ гетманомъ, въ предѣлахъ собранной суммы, удовлетворилъ жалованьемъ каждого ротмистра и десятника сообразно съ его заслугами и достоинствами.

Если-бы все это съ Божьею помощью вошло въ свою колею, то тогда господину гетману вмѣстѣ со всѣмъ его войскомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы располагать свой лагерь²⁾ въ

¹⁾ Законъ Сигизмунда Августа, изданный въ Шотроковѣ въ 1565 г.

²⁾ Въ такомъ смыслѣ употребляетъ здѣсь Верещинскій слово *kosz*. Изъ дальнѣйшихъ словъ его видно, какъ въ представлениі тогдашихъ людей *kosz* въ смыслѣ лагеря, стоянки—долженъ былъ мало по малу превратиться въ постоянное поселеніе, защищенное нарочито выстроеннымъ укрѣплѣніями. Отсюда понятно, почему и стоянка козаковъ за Днѣпромъ (коzакцій *kosz*) превратилась съ теченіемъ времени въ укрѣпленное поселеніе—Запорожскую Сѣчь.

такихъ мѣстахъ, гдѣ удобнѣе всего можно было бы основаться и обороняться отъ непріятелей Святаго Креста (за этимъ долженъ также старательно слѣдить кіевскій бискупъ какъ лично, такъ и черезъ своихъ казначеевъ). Они (т. е. войско и гетманъ) должны возможно долѣе стоять лагеремъ на одномъ уроцищѣ и не мыкаться поспѣшно съ мѣста на мѣсто, чтобы поселеніе это получило прочность вмѣстѣ съ крѣпостью при немъ, хорошо укрѣпленною и снабженною достаточнымъ количествомъ пушекъ; это будетъ содѣйствовать большей безопасности въ будущемъ.

Чтобы таковыя расходы всей Рѣчи-Посполитой не были напрасными и чтобы не мѣрить воды даромъ или по-пустому, но чтобы эти пустыни какъ можно скорѣе, за нѣсколько лѣтъ, могли заселиться подъ прикрытиемъ дорого стоющей фортификаціи, то для этого существуетъ самый подходящій третій способъ, заключающійся въ слѣдующемъ. По постановленію Его Величества Короля и всей Рѣчи-Посполитой слѣдуетъ опубликовать посредствомъ Универсала, что каждый шляхтичъ, не имѣющій въ своемъ владѣніи цѣлаго лана, и каждый кметъ его, не имѣющій во владѣніи половины лана,—должны двинуться на Украину для ея заселенія; за эти лоскутки земли должны заплатить шляхтичу или его родственникъ по стоимости ихъ, или онъ можетъ продать ихъ кому-либо другому. Вѣдь я вижу, что почтенный шляхетскій народъ, бывшій благороднымъ отъ предковъ своихъ, приходитъ вслѣдствіе размноженія въ величайшее убожество и затѣмъ (что вызываетъ особенное сожалѣніе) обращается въ грубое хлопство, не памятуя и мало заботясь о томъ, что онъ въ лицѣ своихъ предковъ получилъ дорогое клейноты шляхетства за доблестныя заслуги, сочреженные съ опасностью для жизни и что онъ запечатлѣлъ кровью это шляхетство; между тѣмъ легкомысленный потомокъ относится съ пренебреженіемъ къ доблестнымъ и славнымъ боевымъ подвигамъ своего предка и мало цѣнитъ въ себѣ ту честную и славную кровь, которую тотъ проливалъ, добиваясь клейнота безцѣнного шляхетства. Поэтому обращаюсь къ подобному вѣтренику: опомнись, пожалѣй утерять столь дорогой и неоцѣненный клей-

нотъ, котораго ты не скоро добьешся вновь, если уронишь его по винѣ своего поведенія; чтобы поддержать свое достоинство, ударъ низко челомъ Его Величеству Королю, своему Государю, и проси его, чтобы онъ поддержалъ твое шляхетство и надѣлилъ-бы тебя по твоему состоянію пустынею на окраинѣ своего государства; тамъ ты не только сохранишь свое шляхетство, добытое твоими предками, но еще ей-Богу! украсишь его доблестными заслугами; но что еще важнѣе:—тамъ не только ты съ своимъ милымъ потомствомъ будешь жить и плавать во всякомъ изобиліи, но также можетъ, благодаря тебѣ, размножиться хвала Господня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе жили медведи, волки и свиньи, да ширilosь и роскошничало грубое басурманство¹⁾.

Теперь открыть уже надлежащій путь, коимъ могутъ получаться доходы, чтобы безъ ущерба для Рѣчи-Посполитой уплачивать жалованіе и удовлетворять иные потребности пяти тысячъ козаковъ или людей военныхъ, которые будутъ содержаться на Украинѣ. Затѣмъ еще необходимо, чтобы Киевскій бискупъ каждые два года отдавалъ на сеймъ отчетъ въ исполненіи своихъ казначейскихъ обязанностей и въ расходованіи денегъ. И тогда же сеймъ долженъ выдавать ему расписку въ принятіи отчета²⁾.

И такъ, милостивые государи братья, издавна славные Поляки,—какая утѣха вамъ будетъ, когда все это войдетъ въ свою колею и дастъ съ помощью Господа Бога свои результаты! Каждую радость и веселіе испытаете вы, когда, благодаря заселенію

¹⁾ Сеймъ не раздѣлилъ инїнїя Верещинскаго въ этомъ случаѣ, но предоставилъ королю право раздавать украинскія пустыни въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго сословія, которыхъ оказали услуги Королю и Рѣчи-Посполитой.

²⁾ Сеймъ 1590 г. не предоставилъ Киевскому бискупу той дѣятельной роли въ устройствѣ порядка на Украинѣ, о какой мечталъ Верещинскій. Для надзора за приводеніемъ въ исполненіе своихъ постановлений Сеймъ избралъ изъ числа осѣдлыхъ на Украинѣ шляхтичей двухъ наблюдателей (dozorców), которые были подчинены коронному гетману и имѣли своей задачей слѣдить за всѣми нарушеніями вновь вводимаго закона и виновныхъ въ нарушеніяхъ привлекать къ судебной ответственности. Имъ полагалось по 300 золотыхъ жалованья каждому. Уплата жалованья служащимъ въ Украинскомъ войску и исполненіе другихъ казначейскихъ обязанностей возлагалось на существовавшихъ чиновниковъ польского финансового управления, такъ называемыхъ *профинзоровъ*.

пустынь, еще при вашей жизни образуется какъ-бы второе Королевство Польское! Какая опора будетъ у васъ при защитѣ отъ какого-либо непріятеля! Какъ, благодаря большой предусмотritельности съ вашей стороны, разстроятся планы непріятеля, который раньше раскрывалъ очи на ваши роскошныя пустыни, желая ихъ раньше васъ захватить и заселить! Непріятель не будетъ уже засматривать въ ваши горшки, чтобы узнать, что въ нихъ варится. Вы будете пользоваться въ большей степени свободою, роскошью, вольностью, весельемъ и радостью, нежели было это доселѣ; къ тому-же не только иноземные непріятели, но и здѣшніе: жолнеръ да козакъ—не будутъ уже заостривать колъевъ на вашей головѣ, ни расточать ваше добро. Они не будутъ болѣе глумиться надъ вами и надъ вашимъ добромъ и не будутъ тяготить васъ своимъ присутствіемъ. О какъ будутъ увеличиваться и умножаться въ васъ радость и веселіе! Какъ будутъ веселиться ваши сердца, когда язычникъ будетъ издалека напѣвать языческіе стихи, взятые у Вергиля¹⁾.

„Мы, по ненависти къ намъ Русскихъ, лишились нашихъ роскошныхъ и пріятныхъ осѣдлостей, и рады—не рады, а должны были сѣхать съ нихъ, а вы на нихъ усѣлись, чтобы роскошничать“. А вы будете отвѣтывать имъ также словами, взятыми у Вергиля²⁾:

„О безбожные язычники, противные Господу Богу! Мы поселились здѣсь во святую славу Господню. Онъ всегда Самъ будетъ пекти съ о насъ, а мы за то будемъ воздавать Ему честь и хвалу. Мы поставили въ честь Его святой алтарь и послѣ побѣды будемъ приносить Ему въ жертву барашка“.

Дабы Господь Богъ позволилъ намъ дождаться всего этого, необходимо горячо взывать къ Его святой милости; достигши всѣхъ этихъ радостныхъ утѣхъ, необходимо намъ оказывать Ему

¹⁾ Вольная передѣлка двустишія Вергиля:

Nospatria fines et dulcia linquimus arva,
Nos patr' am fugimus, tu, Tityre, lentus in umbra. Вис. Egl. I.

²⁾ Также передѣлка стиховъ Вергиля:

O Meliboee, Deus nobis haec otia fecit,
Namque eritille mihi semper Deus, illius aram
Saepere tener nostris ab ovibus imbuuit agnus. Вис. Egl. I.

непрерывно честь и хвалу и сильно стараться, чтобы мы не осквернили Его святое величіе нашими грязными грѣхами; надо остерегаться, чтобы потомъ мы опять не попали въ такую неволю и такой гнетъ, какими теперь душатъ нась грубые язычники, да отчасти и наши домашніе враги; надо имѣть въ виду также и то, что и эта безлюдная пустыня была нѣкогда полна богатырями и такими доблестными людьми, что ихъ по мужеству и доблести можно сравнивать съ Самсономъ, Гекторомъ, Геркулесомъ и Ахиллесомъ; теперь-же, взглянувши на эти безлюдныи пустыни, болѣе хочется плакать, чежели плисать. А такая судьба постигла ихъ навѣрное отъ того, что они часто оскорбляли величіе Господне и, плавая въ достаткѣ и въ изобиліи, въ поступкахъ и въ обычаяхъ своихъ уподоблялись Содому и Гоморрѣ, а также отъ того, что, полагаясь черезъ-чуръ на свои силы и неизмѣримыя богатства, они рѣдко прибѣгали къ Господу Богу въ несчастіяхъ своихъ.

Мы къ прискорбію, Милостивый Боже! идемъ почти-что ихъ-же дорогою. Вѣдь если Господь мало-мальски поблагопріятствуетъ намъ и побалуетъ нась счастьемъ, то мы только и умѣемъ, что играть на дудкахъ да на скрипкахъ, ударять въ бубны, плясать, печь, варить да жарить днемъ и ночью, а о будущей судьбѣ нашей, о томъ, чѣмъ можно умилостивить Господа Бога за злыхъ поступки наши или какими наказаніями можно устранить злодѣянія, такъ какъ извѣстно, что злодѣи только подъ страхомъ наказанія перестаютъ грѣшить,—обо всемъ этомъ не услышишь и словца. А Господь Богъ хотя долго терпитъ, какъ Духъ милосердный, но за то потомъ, какъ пишеть о немъ Священное Писаніе, возмѣщаетъ свое долготерпѣніе усиленной строгостью. Вѣдь хотя надъ нами Богъ христіанскій, Богъ милосердный, но трудно Ему терпѣть наши злодѣянія и въ своихъ приговорахъ Онъ обращается въ Бога языческаго, въ Бога немилосерднаго. И трудно намъ укорять Его за Его святую справедливость. Такимъ образомъ не Богъ нась обижаетъ, не язычникъ, не жолнеръ, не козакъ, не армянинъ, не жидъ, не цыганъ, а мы сами себя обижаемъ, потому-что добровольно навлекаемъ на себя суровые приговоры Господни; въ часы мира, въ

часы нашихъ наслажденій мы нисколько ихъ не боимся, а на-
противъ еще усерднѣе вызываемъ ихъ противъ себя.

Поэтому, мои милостивые государи братья, если мы хотимъ избѣжать строгихъ приговоровъ Господа Бога, если мы хотимъ избѣжать невыносимыхъ бѣдствій, которая часто постигаютъ насъ за наши грязные грѣхи,—то мы должны смишоватьсь надъ нами самими, надъ нашими домами, надъ нашими дѣтками, надъ нашимъ славнымъ отечествомъ, надъ всѣмъ нашимъ народомъ, и не должны быть предателями и измѣнниками относительно самихъ себя, разорителями своего славнаго отечества и своего имущества; напротивъ, мы должны во всѣхъ отношеніяхъ исправить свою жизнь и поднять руки свои къ Господу Богу, на-
божно моля вмѣсть съ Мойсеемъ¹⁾ о святой Его помощи; мы должны ежедневно съ Самуиломъ²⁾ приносить Ему въ жертву бла-
годарственнаго барашка, вѣруя въ Сына Его, Милостиваго Господа Іисуса Христа, Господа и Спасителя нашего. Будемъ возлагать все наше упованіе на Господа Бога и тогда навѣрное всѣ наши дѣла и всѣ наши домашніе планы относительно быстрого заселенія русскихъ пустынь и относительно болѣе удобной обороны—
пойдутъ такъ, какъ вѣнки вьются, по словамъ старой поговорки. Наши мысли и сердца поднимутся на страхъ и на ужасъ не-
пріятелямъ нашимъ; эти басурманы будутъ устрашены не пол-
чищами и не пушками нашими, а могуществомъ и милостью къ намъ Господа Бога нашего.

Итакъ если съ помощью Всемогущаго Господа Бога и по милости Его Величества Короля ты приступишь къ заселенію этихъ пустынь, то пусть басурманъ грозитъ тебѣ, какъ хочетъ, а ты не пугайся при исполненіи своего предпріятія и ни-
сколько не тревожься, помня слѣдующія слова:

„Не уступай злымъ, смѣло иди впередъ, самъ малый Го-
сподь Богъ стелетъ тебѣ дорогу“.

Если ты будешь тревожиться, то смотри, чтобы Господь не сказалъ тебѣ, какъ Петру³⁾: „мало вѣры у тебя, несчаст-

¹⁾ Бытіе, гл. 17, Второзаконіе, гл. 17.

²⁾ 1 кн. Царствъ, гл. 7.

³⁾ Ев. Мате., гл. 8.

ный! почему ты усомнился? — Если мы будемъ съ вѣрою уповать на него, то Господь навѣрное будетъ опорой нашей въ упроченіи предпринятой нами колонизаціи и безъ труда указуетъ намъ пути въ почтенныхъ дѣлахъ и поступкахъ нашихъ, какъ теперь озабочился Онъ черезъ меня показать вамъ удобную дорогу къ вѣчной безопасноти и быстрому заселенію этихъ пустынь. Найдется еще и Гедеонъ¹⁾ для избавленія земли нашей, найдется еще и Мойсей²⁾ для всѣхъ добрыхъ и почтенныхъ дѣлъ нашихъ, найдется еще и Иисусъ Навинъ³⁾, который будетъ напимъ Гетманомъ. Всегда, когда захочеть и какъ только захочеть, легко найдеть Господь путь для спасенія отъ угрожающей опасности народа, который съ вѣрою полагается на Него. Вѣдь Онъ совершалъ это и черезъ женщинъ: какъ, напримѣръ, совершилъ черезъ Іудиевъ, которая отсѣкла голову жестокому Олоферну⁴⁾ и освободила вѣрный народъ отъ осады; Онъ совершилъ это черезъ Эсэиръ⁵⁾, которая избавила еврейскій народъ отъ великой опасности и отправила на висѣлицу самого главнаго врага Амана. Онъ можетъ творить это и черезъ иныхъ, показывая дивное могущество божественности своей, благодаря которому Онъ можетъ совершить все, что только захочетъ. Поэтому Онъ и намъ будетъ помагать въ заселеніи пустыхъ мѣстъ и въ защитѣ ихъ, если только мы съ вѣрою будемъ уповать на Его святое милосердіе и на вспомоществованіе съ Его стороны. Прибудетъ къ намъ и тотъ ангелъ, который побилъ войско жестокаго Сеннахериба⁶⁾. Найдется еще и Давидъ, который убѣть Голіаѳа⁷⁾, а намъ можно будетъ вмѣстѣ съ названнымъ Давидомъ сказать жестокимъ Голіаѳамъ, а иначе басурманамъ, врагамъ нашимъ, то самое, что тотъ сказалъ хорошо вооружен. иому и жестокому великому Голіаѳу: „Вы, жестокіе басурманы, идете противъ насъ съ различными оружіями, а мы будемъ

¹⁾ Судей, гл. 6.

²⁾ Исходъ, гл. 3.

³⁾ Кн. Иис. Нав. гл. 1.

⁴⁾ Іудиевъ, гл. 8.

⁵⁾ Есэиръ, гл. 5.

⁶⁾ 2 кн. Паралип. гл. 32.

⁷⁾ 1 кн. Царствъ, гл. 17.

бить васъ во ими Господа Бога нашего". А потомъ въ святомъ костелѣ мы съ веселымъ сердцемъ будемъ пѣть вмѣстѣ съ тѣмъ же Давидомъ¹⁾ тѣ благодарственные пѣсни опіїнія его, которыя онъ пѣлъ послѣ пережитыхъ ужасовъ,—благодаря Господа Бога нашего за то, что Онъ стеръ и разгромилъ всѣхъ противниковъ нашихъ и выламалъ имъ, какъ львамъ, тѣ жалкіе зубы ихъ, которыми они хотѣли насть искусать. А затѣмъ, мои милостивые государи братья, я желаю вамъ отъ чистаго сердца, чтобы вамъ всѣмъ покровительствовалъ Господь, предъ рукой Котораго дрожать всѣ силы земныя, небесныя и адскія.

Плачь автора этой книги, который не могъ найти ни одного костела въ своемъ бискупствѣ и ни одного дома для жительства своего, въ виду опустошеннія русскихъ областей грубыми басурманами: Турками и Татарами,—заимствованъ изъ псалма 79-го.

„Боже! Язычники пришли въ наслѣдіе Твое“.

О Боже живый! язычники опустошаютъ войной твое наслѣдіе; они осквернили твой храмъ; они разрушили до основанія города.

Грудами лежатъ на землѣ трупы слугъ Твоихъ и ими корымятся отвратительныя птицы и хищные звѣри.

Кровь льется по дорогамъ, какъ будто послѣ проливнаго дождя, и нѣтъ никого, кто изъ жалости прикрылъ бы пескомъ бѣдныя кости.

Завистливый сосѣдъ, видя постигшее насть несчастіе, усаждаетъ свой взоръ, тѣшится душою, усмѣхается къ себѣ и къ своимъ друзьямъ.

Когда-же, вѣковѣчный Боже, прекратится гибель Твой противъ насть? Гибель Твой подобенъ жестокому пожару, котораго не удается потушить.

Прояви свою строгость на тѣхъ, которые, о Боже, не имѣютъ о Тебѣ никакого понятія и не взываютъ къ Тебѣ въ печалихъ.

¹⁾ Псал. 3.

Они-то огнемъ и жестокимъ мечомъ уничтожили Твой убогій народъ; города и замки сравняли съ землею.

Не памятуй, о Боже! о нашихъ злодѣяніяхъ, прояви свою жалость надъ нами, Твоими обездоленными слугами.

Обойдись съ нами ласково и это подыметь Твою славу; мы будемъ призывать имя Твое, а Ты примирись съ нами.

Не допусти, чтобы молва пошла между язычниками: Гдѣ же теперь ихъ славный Богъ, ихъ защитникъ и исконный стражъ?

Прояви на очахъ нашихъ месть Твою надъ тѣми, которые пролили кровь слугъ Твоихъ и мучили невинныхъ.

Услыши стонъ убогихъ невольниковъ и избавь ихъ отъ жестокихъ оковъ; отдали отъ нихъ близкую смерть, которую они видятъ уже—надъ своими головами.

Заплати седмицею нашимъ сосѣдямъ, которые глумились не столько надъ нами, сколько надъ Тобою, Господи, и давали намъ щелчки по носу.

А мы, люди Тобой покровительствуемые, будемъ славить Тебя во вѣки; мы не умолкнемъ о Твоей славѣ, пока небеса стоятъ.

Предисловіе, обращенное къ Его Милости, автору этой книги.

Сама признательность искренняго сердца вынуждаетъ меня къ тому, почтенный бискупъ Кіевскій, чтобы воспѣть въ стихахъ пріятныя мѣста твоей бискупской столицы, недосягаемыя въ своей знаменитой славѣ.

Ты, Амфіонъ, долженъ наигрывать на своей лютнѣ давно-сложенные сочетанія звуковъ, тонъ которыхъ подымается подъ небеса; долженъ помагать тебѣ и Орфей на своей голосистой лютнѣ; ты будешь украшать его звуки, а онъ—твои.

Ты, Минерва, прійди съ другими такими богинями, какъ ты сама, и начни подтягивать имъ; пусть твое искусство пріятно выводить на скрипкѣ диксантовыя ноты; увеселяйте отъ всего сердца почитаемаго бискупа.

Уліссь и Пріамъ, Гекторъ и Ахиллъ (почтенные все люди и притомъ воины) посылаютъ тебѣ черезъ своихъ богинь вѣнки, свитыя изъ виноградной лозы, и ими тебя привѣтствуютъ.

Лѣсное эхо съ нимфами и съ людьми славныхъ странъ привѣтствуютъ тебя согласно съ различными ихъ обычаями; привѣтствуютъ тебя веселыя небеса, лѣса, прелестныя поля Бѣлоцерковскія, а также текущая въ ложбинѣ Унава¹⁾.

Но еще лучше славитъ тебя вновь отстроенный городъ, названный по твоей фамиліи Верещиномъ; онъ надѣется, что еще умножить и выше подниметъ твою славу.

Твоя бискупская столица²⁾ въ тѣхъ краяхъ, которая долгое время, какъ горлица, была осиротѣлой, теперь встрѣтила тебя, какъ ненагляднаго супруга.

Ты избралъ своимъ удѣломъ расширять виноградникъ Божій среди дикаго поля и разсаживать лозу среди людей³⁾; ты избралъ этотъ удѣлъ, оставивши въ сторонѣ роскошь, и тебя, навѣрное, онъ не испугаетъ.

Вокругъ виноградника ты хочешь насадить новыя прелестныя деревья, сладостно-пріятныя Господу,—пахучіе кедры; я говорю о іезуитахъ, которыхъ ты хочешь призвать, чтобы они были мощными подпорами тебѣ и вырывали-бы изъ твоего виноградника буряны⁴⁾.

Эти буряны вкусомъ своихъ гроздей похожи на виноградъ, но каждый, кто питается ими,—хитеръ, какъ воронъ; пусть

¹⁾ Унава—рѣчка въ кіевской губ., притокъ Ирпени. На ней было расположено имѣніе кіевскихъ бискуповъ Фастовъ, переименованное Верещинскимъ въ Но вѣй Верещинъ. Не имѣя усадьбы въ Кіевѣ, Верещинскій проживалъ главныи образомъ въ Фастовѣ. Здѣсь у него былъ домъ, здѣсь устроилъ онъ типографію, здѣсь завѣщалъ его въ 1594 г. (1—4 мая) посолъ Рудольфа II Эріхъ Лассота. Си. Путевые Записки Э. Лассоты, Одесса, 1873, стр. 16.

²⁾ Кіевъ.

³⁾ Подъ *расширенiemъ* виноградника и *разсаживанiemъ* лозы понимается распространение католической вѣры среди православныхъ.

⁴⁾ Подъ „бурианами“ разумѣются здѣсь православные, которые будутъ упорно сохранять преданность вѣрѣ своихъ предковъ. Іезуиты должны уничтожать такихъ, чтобы они своею вѣриностью православію не подавали бы примѣра устойчивости убѣжденій колеблющимся, готовыми измѣнить своей вѣрѣ изъ-за житейскихъ разсчетовъ.

стражи уничтожаютъ ихъ, чтобы они не плелись среди новыхъ благородныхъ кустовъ, будь то зимою, или лѣтомъ.

Господь привелъ тебя къ людямъ простымъ, чтобы ты былъ посредникомъ между ними и Господомъ и чтобы словомъ Его искоренялъ ихъ упорное суевѣrie; и вотъ ты стараешься, чтобы добросовѣстно насадить пріятный Господу виноградникъ и возрастилъ его—чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше.

Я увѣренъ, что ты не стараешься для себяи не ищешь чего-либо въ свою пользу, но гонишься за тѣмъ, что пріятно твоему Христу; ты безъ сожалѣнія издерживаешь гораздо болѣе, нежели приносатъ тебѣ доходныя статьи, только чтобы поддержать существованіе убогихъ.

Самъ Богъ поставилъ тебя тамъ и хочетъ тебя благословить вмѣстѣ съ тѣми, которые желаютъ воспользоваться съ тобою тамошними благами; видя это, басурманъ смутится въ своемъ сердцѣ, а Коронѣ твои предпріятія принесутъ великую честь.

Кто-же, ради Бога! будетъ такимъ глупымъ, что не захочетъ переселяться изъ коронныхъ краевъ въ украинскія мѣста? Вѣдь тамъ изобильная роскошь растекается изо всѣхъ угодій, а на опасности никто не долженъ обращать вниманія.

Я упомянулъ въ своихъ стихахъ обѣ этихъ прелестныхъ мѣстахъ не потому, что состою слугою твоимъ, почтенный мой господинъ; но я потому описалъ ихъ людямъ въ привлекательныхъ чертахъ, что самъ хорошо присмотрѣлся къ нимъ.

Пусть-же твоя *Дорога*¹⁾ ведеть всѣхъ туда, на эти пріятныя роскоши; братья наши съ радостью предпочтутъ селиться тамъ, среди величайшаго на все изобилія, нежели оставаться здѣсь въ Коронѣ, которая переполнена всякой нуждой.

Конецъ этой книги.

¹⁾, Намекъ на заглавіе брошюры.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ¹⁾.

Въ губернскій городъ N, по случаю губернскихъ выборовъ, собрались дворяне изо всѣхъ уѣздовъ губерніи, чтобы избрать, изъ среды себя, людей, способныхъ соотвѣтствовать новымъ началамъ, сложившимся въ душѣ новаго поколѣнія. Умные старики ясно выразумѣли, что пришла другая пора, что убѣжденія измѣнились и что имъ нужно уступить мѣсто новымъ нуждамъ новаго поколѣнія. Отрадно было видѣть въ старикахъ такое разумное пожертвованіе, во имя общей пользы; еще отраднѣе было смотрѣть на новое поколѣніе, озаренное свѣтомъ науки, стремящееся къ лучшимъ цѣлямъ. Это было слишкомъ за тридцать лѣтъ тому назадъ, а тридцать лѣтъ много значатъ!... Выборы въ провинціи, какъ водится, сопровождаются разнаго рода препровожденіемъ времени. Утромъ всѣ вмѣстѣ въ залѣ собранія обѣдаютъ, кто гдѣ хочетъ или куда кто приглашень; вечеромъ собираются побесѣдоввать, поиграть въ карты, а иногда и потанцовывать на балѣ у какого-

¹⁾ Происшествіе, разсказанные въ предлагаемой вниманію читателей „Кievskoy Stariны“ повѣсти, писанной, судя по отмѣткѣ на рукописи, въ 1854 мѣсяцѣ, не есть вымыселъ, а основано на дѣйствительномъ событіи, случившемся въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Героиней его была дочь мѣстного помѣщика Анна Григорьевна Иваненко. Первымъ мужемъ ея былъ подполковникъ Владимиръ Милорадовичъ, а вторымъ Степанъ Самойловъ. Послѣ развода ея съ обоями мужьями дѣти ея отъ Самойлова были признаны незаконными (ихъ было пять сыновей и одна дочь) и имъ присвоена была материнская фамилія Иваненко. На прошеніи матери на Высочайшее имя объ оставленіи за дѣтьми званія законнорожденныхъ императоръ Николай I, говорить, надписаль: „Для незаконныхъ иѣтъ закона“. Въ настоящее время все сыновья Анны Григорьевны Иваненко умерли, не оставивъ потомства.

нибудь богатаго барина. Городъ принимаетъ столичный видъ, экипажи снуютъ взадъ и впередъ, вездѣ людно, шумно. На это время появляются и фокусники, и артисты, и бродячіе актеры, которые, устроивъ наскою театръ, если вѣтъ готоваго зданія, потѣшаютъ публику своею уморительною игрою. Однимъ словомъ весело, и все веселится отъ души, ставя ребромъ послѣднюю копѣйку. Понятно, что, во время выборовъ, пріобрѣтается много знакомствъ, и часто одинаковость мнѣній, цѣлей и желаній сближаетъ людей и сближаетъ иногда на всю жизнь.

Помню я, что мы какъ-то собрались вечеромъ къ одному изъ лучшихъ людей, какихъ когда либо удавалось мнѣ встрѣтить въ жизни. Послѣ обычныхъ привѣтствій, начались толки о разныхъ предметахъ, относящихся къ службѣ по выборамъ. Много было высказано прекрасныхъ мнѣній, въ которыхъ общее дѣло составляло весь интересъ бесѣдующаго небольшаго общества людей умныхъ, дѣльныхъ и образованныхъ. Нѣкоторые, по приглашенію милаго хозяина, сѣли и играли въ бастонъ—тогда эта умная игра была въ употребленіи,—а остальные, составивъ кругъ въ той-же комнатѣ, начали толковать объ избраніи въ должности чиновниковъ, которые могли-бы уничтожить продажность и взяточничество, такъ глубоко укоренившіяся на родной почвѣ. Много было разсказано разныхъ происшествій, въ которыхъ вся гнусность порочныхъ наклонностей старого подъяческаго племени выказывалась во всей наготѣ своей. При этомъ случай одинъ изъ собесѣдниковъ Андрей Ивановичъ С. рассказалъ исторію товарища своего по военной службѣ, Владимира Николаевича М., который былъ въ числѣ игравшихъ въ карты, и который такъ много выстрадалъ, во имя злоупотребленій, гнѣздавшихся въ то время въ нашей администраціи.

„Ну что тебѣ за охота рассказывать мою непріятную исторію?“ сказалъ Владимиръ Николаевичъ Андрею Ивановичу. „Нѣтъ, нѣтъ“, закричали всѣ мы въ одинъ голосъ, „ради Бога, незапрещайте“. „Ужъ какъ ты хочешь, а я непослушаюсь тебя“, сказалъ Андрей Ивановичъ. „Надѣ тобою разразилась вся гадость нашей администраціи и юриспруденціи, имъ ты обязанъ, что уви-

даешь, не составивъ семейнаго счастія, для котораго столько затратковъ въ прекрасной душѣ твоей".

Передаемъ это грустное происшествіе въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ нашей памяти.

Въ незабвенный для всѣхъ 1812-й годъ. Владіміръ Николаевичъ, служа ротмістромъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, стоялъ съ своимъ эскадрономъ въ селѣ Радищѣ¹⁾, Переяславскаго повѣта, Полтавской губерніи, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ, С. Холмами, вдовы бунчукового товарища Екатерины Семеновны И.²⁾ у которой была единственная дочь, Марья Андреевна, наслѣдница всего ея состоянія, состоявшаго изъ 800 душъ. Владіміръ Николаевичъ былъ не такъ богатъ, какъ счастливъ въ картахъ, а потому денегъ у него было всегда много, и жилье онъ настоящимъ бариномъ. Съ прекрасною наружностью онъ соединялъ очень хорошее образованіе и отличныя манеры.

Посѣщая богатую вдову, Владіміръ Николаевичъ очаровалъ ее, не произведя, казалось, особеннаго впечатлѣнія на молоденькую 17-ти—лѣтнюю дочь хозяйки, на которую смотрѣлъ онъ, какъ на прекрасное созданіе, никогда для него недосыгаемое.

Такъ шли мѣсяцы, а между тѣмъ гроза подымалась съ запада, и все предчувствовало страшную, отчаянную борьбу съ великаниемъ, успѣвшимъ положить къ ногамъ своимъ всю Европу.

Надобно сказать, что Екатерина Семеновна была женщина, склонявшаяся уже къ старости, характера самаго суроваго, самовластнаго и жестокаго, при безграничномъ самолюбіи. Владіміръ Николаевичъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій, которая была въ родственныхъ связяхъ и съ графомъ К. и съ графомъ Б. и со всѣми фамиліями, занимавшими тогда почетнѣйшія мѣста въ правительствѣ.

Отдать свою дочку замужъ за такого прекраснаго молодаго человѣка, какъ Владіміръ Николаевичъ, было непреложнымъ желаніемъ Екатерины Семеновны. Дочь была въ безусловномъ повиновеніи у матери, но никакъ не подозрѣвала, что

¹⁾ Дѣйствительное название этого села—Сельще.

²⁾ Анна Григорьевна Иващенко, проживала съ матерью въ с. Остролучье.

мать ея съ цѣлью принимаетъ такъ ласково молодаго гусара, на котораго она, юная малороссіянка, смотрѣла, какъ на какого-то вельможу, никогда не могущаго обратить вниманія на нее, деревенскую необразованную барышню, хотя, по совѣсти сказать, онъ ей очень нравился.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда нагрянула на Святую Русь величайшій полководецъ съ несмѣтною арміею.

Наступила малороссійская весна, т. е. апрѣль мѣсяцъ. Небольшіе снѣга исчезли съ весеннимъ вѣтромъ. Легкіе утренники смѣяли довольно теплые дни; показалась уже на пригрѣвахъ зеленая травка, молодая крапива, которая такъ хороша въ малороссійскомъ борщѣ. Проѣзды сдѣлялись трудны; но политическая события не ждутъ до просуки. Съ приближенiemъ полчищъ Наполеона къ предѣламъ русскимъ, нельзя было откладывать далѣе, и войска наши двинулись на защиту родины. Въ ночь на 29-е апрѣля Владимиrъ Николаевичъ получилъ приказаніе выступить въ походъ въ 24 часа. Повинуясь долгу, онъ отдалъ всѣ нужныя приказанія, а самъ отправился къ сосѣдкѣ Екатеринѣ Семеновнѣ—проститься съ нею и ея дочерью. Борзый конь, на котораго вскочилъ Владимиrъ Николаевичъ, быстро донесъ его до С. Холмовъ, отстоявшаго въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ его квартиры¹⁾, и молодой гусаръ, не безъ грусти въ сердцѣ, явился въ гостинную гордой пани съ вѣстію о выступленіи въ походъ, на войну.

Эта новость смутила и мать и дочь. Не взирая на всю любезность хозяйки и ея дочери, Владимиrъ Николаевичъ не могъ остаться обѣдать: ему слѣдовало выступить въ 7 часовъ утра 29-го апрѣля, а дѣла было еще много. Простясь съ хозяйствами, опять скажу не безъ грусти, Владимиrъ Николаевичъ, сопровождаемый желаніями, самыми пламенными, пустился обратно, чтобы сдѣлать окончательныя распоряженія. Цѣлый день онъ прохлопоталъ съ своими товарищами и ввечеру приказалъ молодцу вахмистру Харченку, чтобы эскадронъ былъ собранъ въ

¹⁾ С. Сельще находится, дѣйствительно, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ с. Остролучья.

7 часовъ слѣдующаго утра возлѣ церкви, чтобы съ молитвою выступить въ походъ. Тутъ, когда Владиміръ Николаевичъ остался одинъ, запала тоска въ его душу; ему было чего-то жаль, не взирая на усердное желаніе сразиться съ врагомъ отечества. Долго онъ мечталъ, мечталъ, и, наконецъ, мечты сдѣлялись неясными, темными, и сонъ унесъ ихъ въ неизмѣримую даль. Въ 5 часовъ утра, вскочилъ съ постели бодрый гусаръ и приказалъ просить къ себѣ всѣхъ своихъ товарищъ, чтобы вмѣстѣ напиться чаю. Всѣ собрались, усѣлись, стаканы налиты, трубки закурены, и началась веселая болтовня молодежи.

Въ самомъ разгарѣ этой болтовни вошелъ Степанъ—такъ звали слугу Владиміра Николаевича—и шепнулъ ему на ухо: „Дочь барыни, у которой Вы часто бывали, пришли къ намъ на дворъ“.

„Что? что ты врешь“? вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ; „какая дочь“?—„Да изъ Холмовъ, сударь“, отвѣтилъ Степанъ громко.—Владиміръ Николаевичъ вышелъ и, дѣйствительно, увидѣлъ милую Машеньку, которая бросилась къ нему со слезами. „Что съ Вами, Марья Андреевна? войдите ко мнѣ въ хату; тамъ мои товарищи, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣлится оскорбить Васъ даже взглядомъ“. Молодая, неопытная дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ и отъ холода и отъ внутренняго волненія, при всей своей стыдливости, рѣшилась войти въ хату, предшествуемая Владиміромъ Николаевичемъ. Веселые гусары съ уваженiemъ поклонились Маріи Андреевнѣ и вышли въ сѣни. Владиміръ Николаевичъ ободрилъ ее, просилъ объяснить, что все это означаетъ, и Марья Андреевна со всею наивностю рассказала ему, что мать ея, не говоря сначала ни слова о своей цѣли, когда она оказывала столько ласкъ Владиміру Николаевичу, вчера, когда онъ простился съ ними, призвала ее къ себѣ, разбранила, называя ее негодною дурою за то, что не умѣла понравиться такому достойному человѣку, и, въ заключеніе, выгнала ее вонъ изъ дома и приказала никогда не показываться къ себѣ на глаза. Пораженная, оскорблена Марья Андреевна не знала что предпринять и, наконецъ, рѣшилась идти сюда, прибѣгнуть къ великодушію Владимира Николаевича. „Что же Вамъ угодно“?

Марья Андреевна не отвѣтила ни слова, а только плакала. „Угодно Вамъ, чтобы я на Васъ женился“?—Она схватила руку Владимира Николаевича и поцѣловала.

„Все кончено“! вскрикнулъ онъ. „Господа! Господа“! Товарищи его взошли, и Владимиръ Николаевичъ представилъ имъ свою невѣсту. „Ну“, сказалъ онъ, обращаясь къ ней, „ты ужъ теперь моя, Машенька! Ничто и никто не можетъ расторгнуть нашихъ узъ“.

Наканунѣ Владимиръ Николаевичъ просилъ священника, чтобы онъ отслужилъ молебень, по случаю выступленія въ походъ. Эскадронъ былъ уже въ сборѣ возлѣ церкви. Офицеры, а вмѣстѣ съ ними Марья Андреевна подъ руку съ своимъ женихомъ, пошли въ церковь. Владимиръ Николаевичъ, передавъ все происшествіе священнику, просилъ обвенчать его съ Марьей Андреевной И., которую очень хорошо зналъ и любилъ отецъ Феодоръ. Боясь, чтобы не попасть подъ отвѣтственность, священникъ сначала не хотѣлъ было совершать таинство брака, но убѣждаемый Владимиромъ Николаевичемъ, который успѣлъ заслужить любовь и уваженіе его, и всѣми офицерами, и самою Марьей Андреевной, наконецъ, рѣшился, сказавъ: „Ну, буди воля Божья“. Владимиръ Николаевичъ и Марья Андреевна сдѣлались супругами; молебень отслуженъ, и Владимиръ Николаевичъ, поручивъ эскадронъ старшему по себѣ офицеру, возвратился съ супругою въ свою хату, тотчасъ приказалъ заложить коляску, снабдилъ жену деньгами и отправилъ ее къ матери, при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивая государыня Екатерина Семеновна! Осчастливленный выборомъ Вашимъ и милой дочери Вашей, я обвенчался съ прекрасною Марьей Андреевной сегодня, въ 7 часовъ утра; но, не имѣя возможности оставаться долѣе, будучи призываемъ обязанностями службы въ годину испытанія отечества, я имѣю честь уведомить Васъ, что высоко цѣню мое счастіе, которымъ вполнѣ воспользуюсь, когда сподобитъ меня Богъ возвратиться съ поля браніи.

Поручая жену мою Вашей материнской нѣжности, покорнейше прошу любить меня, какъ сына, преданного Вамъ всѣми

чувствами. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. 29-го апрѣля 1812 года. С. Радище“.

Не для чего описывать радости и горя молодыхъ супруговъ. Это выше всякаго описанія; скажу только, что объятіемъ и попѣлюмъ не было счета. Надежда, какъ путеводная звѣзда, наполнила ихъ души, и они разстались..., но разстались на всегда...

Разставшись съ женою въ силу глубокаго чувства долга, Владимиръ Николаевичъ отправился за своимъ эскадрономъ и, догнавъ товарищѣй, потянулся къ назначенному мѣсту сбора всего полка. Тутъ онъ объяснился съ своимъ полковымъ командинромъ, генераломъ В., на счетъ внезапной своей женитьбы безъ предварительного дозвolenія, и просилъ его ходатайства передъ высшимъ начальствомъ. Генералъ, какъ человѣкъ умный, честный и добрый, разспросивъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями при женитьбѣ Владимира Николаевича, и удостовѣрясь, что въ поступкѣ его нѣтъ ничего предосудительнаго, доложилъ обо всемъ прямо корпусному командиру, который въ то время былъ въ мѣстѣ сбора полка; Владимиръ Николаевичъ не только не получилъ никакого выговора за несоблюденіе формальности, но корпусный командиръ пожелалъ его видѣть и наговорилъ ему кучу вѣжливостей. Въ формулярномъ спискѣ Владимира Николаевича было написано: женатъ на дочери бунчукового товарища Маріи Андреевнѣ.

Не стану рассказывать, прибавилъ Андрей Ивановичъ, какъ мы воевали, какъ и гдѣ былъ раненъ Владимиръ Николаевичъ и за что навѣшили ему орденовъ на шею. Скажу только, что всѣ мы и всѣ, кто зналъ его, любили его, какъ славнаго товарища, храбраго, умнаго, распорядителнаго. Бездѣ онъ былъ моло-децъ—и на полѣ брали, и за ломбернымъ столомъ. Играя въ карты всегда честно, благородно, Владимиръ Николаевичъ обыгрывалъ всѣхъ, кто не станетъ бывало играть съ нимъ, и я очень хорошо помню, когда мы пришли въ Варшаву, какъ онъ озадачилъ поляковъ, поставивъ на карту 200 т. злотыхъ. Денегъ у него была бездна, и всякий изъ товарищѣй, кто имѣлъ нужду, прямо шелъ въ его ящикъ, оставляя въ немъ записку, что та-

кой-то взялъ столько-то. За границею его считали несмѣтнымъ богачемъ, и нѣмцы величали его принцемъ, потому что онъ безъ счета бросалъ деньги. За то онъ игрывалъ и съ настоящими принцами и обыгрывалъ ихъ до-нельзя. На возвратномъ пути изъ Парижа, онъ зажилъ въ одномъ германскомъ городѣ, по случаю открытия ранъ, и тамъ обыгралъ какого-то молодого принца. Батюшкъ этого принца не понравилось это, и онъ далъ знать нашему правительству, что подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка М. обыгралъ въ банкъ сына его. Этого было довольно, чтобы Владимиру Николаевичу лишиться службы и за азартную игру попасть подъ надзоръ полиціи. Лишь только вступилъ онъ на русскую землю, ему объявлена была отставка и приказаноѣхать на безвыѣздное житѣе въ городъ К. Во все время войны Владимиrъ Николаевичъ аккуратно писалъ къ женѣ своей и посыпалъ ей, почти изъ каждого города, какой-нибудь подарокъ; но въ послѣднее время въ теченіе цѣлаго года не получалъ отъ жены ни слова, и это крѣпко возмущало его добрую душу.

Проехжая черезъ Гродно въ концѣ 1814 года, Владимиrъ Николаевичъ встрѣтился съ землякомъ своимъ Василіемъ Ивановичемъ К., давнишнимъ знакомымъ и пріятелемъ, который возвращался изъ командировки въ полкъ, расположенный въ гродненской губерніи.

Исполняя возложенное на него порученіе, Василій Ивановичъ былъ въ полтавской губ. и къ прискорбію своему узналъ, что Владимиrъ Николаевичъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, а жена его вышла замужъ за земскаго комиссара (такъ тогда называли исправниковъ) П. уѣзда С—ва, человѣка плѣшиваго, старого, безобразнаго и наружностию и душою. Каково-же было изумленіе Василія Ивановича, когда онъ въ Гродно, въ трактире встрѣтился съ Владимиromъ Николаевичемъ, котораго считалъ давно умершимъ.

„Что я вижу!“ вскрикнулъ Василій Ивановичъ. „Какъ? ты живъ Володя? а тебя давно уже похоронили и вдова твоя вышла замужъ“.

— „Что? жена моя вышла замужъ?“—спросилъ Владими^р Николаевичъ, перемѣнившись въ лицѣ, которое покрылось смертною блѣдностю: „Что ты говоришь? Возможно-ли это?“

„Да, братъ Володя, это достовѣрно, и если не родила Марья Андреевна, то должна скоро родить. Я былъ въ П. и самъ видѣлъ бывшую жену твою, теперь уже С—ву“.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ нѣсколько минутъ Владими^р Николаевичъ, не произнося ни слова. Наконецъ съ отчаяніемъ вскрикнулъ: „Такъ вотъ что приготовила мнѣ жестокая судьба! А я, лишась службы и отправляясь по распоряженію правительства на житѣе въ городъ К., мечталъ о счастіи соединиться съ мою Машенькою и на груди ея вку-сить блаженство семейной жизни“! Потомъ, обратясь къ Василію Ивановичу и схвативъ его за обѣ руки, сказалъ: кля-нись, что ты меня не обманываешь. Знаешь, ты заплатишь жизнью, если сказанное тобою неправда. „Успокойся, Володя“, ска-залъ Василій Ивановичъ; „ради Бога, успокойся! Сказанное мною совершенная правда. Если жена твоя такъ скоро могла забыть тебя, то стоитъ ли она, чтобы такъ тревожиться?—„Правда, правда, Вася! Эта женщина... но кто знаетъ? Можетъ быть, она и невинна“... Съ этими словами, крѣпко пожавъ руку Василію Ивановичу, Владими^р Николаевичъ ушелъ и болѣе не возвращался. Черезъ часъ онъ скакалъ уже на почтовыхъ и на пятый день пріѣхалъ въ городъ К., гдѣ комендантъ ожидалъ его при-бытия. Поселясь и устроивъ свое жилище, онъ выписалъ изъ имѣнія, отстоящаго отъ К. въ 120 верстахъ, своего управляющаго, который былъ вмѣстѣ и повѣреннымъ его, сколько для того, чтобы сдѣлать всѣ распоряженія касательно жизни своей въ К., столько и для того, чтобы поручить ему узнать всѣ по-дробности, касающіяся до замужества Марыи Андреевны. Потапъ Ивановичъ, изъ бѣдныхъ дворянъ Ч. губерніи, преданный всею душою Владимиру Николаевичу, не заставилъ ожидать себя. Черезъ недѣлю онъ явился съ отчетами и деньгами къ своему довѣрителю. Радость Потапа Ивановича была неподдѣльная; онъ плакалъ, смотря на Владимира Николаевича, который и отъ ранъ, и отъ ду-шевнаго страданія сдѣлался худъ и блѣденъ. Поздоровавшись и

разспросивъ кое о чёмъ, Владими́р Николаевичъ сказалъ: „Ну, Потапъ Ивановичъ, теперь тебе предстоитъ большая работа. Ты, конечно, уже слышалъ, что я не имѣю жены; у меня ее отняли,“ — прибавилъ Владими́р Николаевичъ съ глубокимъ вздохомъ. „Теперь нужно употребить всѣ средства, чтобы скорѣе развели меня съ нею“. Потапъ Ивановичъ все зналъ, но не сказалъ ни слова. „Отдохни хорошенько, помолись св. угодникамъ, и потомъ марш! я тебя отправлю“.—

На другой день, ввечеру, Владими́р Николаевичъ призвалъ къ себѣ Потапа Ивановича, снабдилъ его нужнымъ кушемъ денегъ и приказалъ, не теряя времени, отправиться въ П. уѣздъ, гдѣ онъ долженъ былъ вывѣдать со всею подробностю всѣ обстоятельства, которыя предшествовали и сопровождали замужество Мары Андреевны. „Побывай въ с. Радищѣ, прибавилъ Владими́р Николаевичъ, гдѣ я вѣнчался, у священника отца Феодора; если онъ живъ, кланяйся ему отъ меня, вручи на молитву 100 р. и возьми отъ него свидѣтельство о моемъ бракѣ; тамъ же въ 1½ верстѣ имѣніе матери Мары Андреевны; сѣзди къ старухѣ, чтобы объявить ей, что я живъ и здоровъ. Ты вѣдь мастеръ обдѣлывать всякаго рода дѣла; у тебя чутые, какъ у хорошей гончей собаки, такъ я надѣюсь, что ты вывѣдаешь всю подноготную. Постарайся увидѣть Марью Андреевну; узнай, что съ нею, какъ она живетъ, счастлива ли? Однимъ словомъ, ты долженъ до тѣхъ поръ не возвращаться, пока не соберешь самыхъ положительныхъ свѣдѣній для начала дѣла, которое такъ сильно тяготитъ мою душу. Ну, Христосъ съ тобою! Не теряй времени и дѣйствуй, какъ всегда: честно, умно, осторожно“.—Отпустивъ вѣрнаго своего Потапа Ивановича, Владими́р Николаевичъ вздохнулъ глубоко и сказалъ: „Все кончено!“ То же самое сказалъ онъ въ день своей женитьбы, 29 апрѣля 1812 года, но въ голосѣ его слышалось что-то другое.

Жизнь Владимира Николаевича въ К. въ первые мѣсяцы была однообразна, грустна, одинока. На него смотрѣли какъ на человѣка онаго, и ему трудно было, да и не хотѣлось сближаться съ обществомъ, которое его дичилось. Скоро однакожъ исторія его сдѣлалась известною; на него стали смотрѣть съ

участіемъ, и не одни хорошенкіе глазки засматривались на красиваго мужчину, у котораго просѣдь появилась въ черныхъ кудряхъ, не взирая на то, что Владиміру Николаевичу было тогда не болѣе 35 лѣтъ. Еще мѣсацъ томленія—и Потапъ Ивановичъ явился къ нему со всѣми собранными свѣдѣніями, необходимыми для того, чтобы Владиміръ Николаевичъ могъ начать небывалую тяжбу. Вотъ что привезъ ему усердный его повѣренный. Разставшись съ Владиміромъ Николаевичемъ, Потапъ Ивановичъ отправился прямо въ г. Переяславъ и, пріѣхавъ туда подъ предлогомъ закупки хлѣба, старался сблизиться съ подъячими нижняго земскаго суда, которымъ всегда извѣстны всѣ плутни комиссара и засѣдателей (тогда еще не было становыхъ приставовъ).

Секретарь суда Тарасъ Денисовичъ былъ заклятый врагъ комиссара, но боялся его, какъ огня, потому что комиссаръ имѣлъ много вѣса у всѣхъ губернскихъ властей, которыхъ снабжалъ и деньгами, и продуктами. Всѣ факты, обличающіе гнусныя продѣлки Комиссара, были очень тщательно сберегаемы Тарасомъ Денисовичемъ, и когда онъ, сблизясь съ Потапомъ Ивановичемъ, который не жалѣлъ ни денегъ, ни водки, чтобы пріласкать своего новаго знакомца, узналъ о цѣли его пріѣзда, то и сообщилъ ему подъ страшною клятвою всю подноготную дѣла, вслѣдствіе котораго Марья Андреевна вынуждена была выйти замужъ за С—ва. Вотъ въ чемъ оно заключалось.

Екатерина Семеновна, какъ женщина жестокая, дозволяла себѣ всякаго рода истязанія надъ крѣпостными людьми своими. Однажды она приказала при себѣ наказать розгами одну изъ дворовыхъ женщинъ за проступокъ, нестоившій даже и строгаго выговора, не принимая во вниманіе, что несчастная жертва была уже въ положеніи близкомъ къ родамъ. Послѣ наказанія госпожа велѣла посадить ее въ погребъ, гдѣ была устроена тюрьма, и несчастную, умирающую женщину, отнесли въ мѣсто заключенія. Черезъ два или три часа послѣ экзекуціи, госпожа посылаетъ узнать, очнулась ли Настя—такъ звали страдалицу,—но увы! никакія пособія не могли уже возвратить ее къ жизни,—она умерла. Это случилось весною 1813 года, и, какъ нарочно,

въ то время, когда комиссаръ былъ въ сосѣдствіи на слѣдствії. Узнавъ о происшедшемъ въ Холмахъ, налетѣлъ Сидоръ Демьяновичъ (такъ звали комиссара) на имѣніе Екатерины Семеновны, какъ воронъ, жаждущій крови. Зная жестокость Екатерины Семеновны, примѣры которой уже не разъ попадались въ руки его и всегда оставались безъ преслѣдованія, за деньги, которыхъ Екатерина Семеновна не жалѣла, онъ тщательно слѣдилъ за ея поступками, имѣя въ виду при первомъ важномъ происшествіи не иначе избавить ее отъ ссылки, какъ цѣною руки ея дочери Мары Андреевны. Сидоръ Демьяновичъ С—въ былъ небогатъ, безобразенъ и уже очень немолодъ. Женитьбою на Маріи Андреевнѣ онъ ставилъ себя въ положеніе богатаго помѣщика и родился съ лучшими семействами уѣзда.

Пріѣхавъ въ с. Холмы и не являясь въ домъ помѣщицы, онъ, по указанію встрѣтившагося съ нимъ кучера, прямо прошелъ въ избу, гдѣ вся дворня сутилась подлѣ трупа жертвы, а несчастный мужъ ея и дѣти обливались горькими слезами. Появленіе земскаго комиссара, среди этого плача и воплей, смутило всю дворню. Онъ сдѣлалъ осмотръ тѣла, на которомъ совершеzo было два убийства, спросилъ обо всемъ собравшихся въ избѣ людей и приказалъ своему письмоводителю писать отношеніе къ повѣтскому лѣкарю и стряпчemu о немедленномъ прибытіи ихъ на слѣдствіе, а самъ отправился въ домъ къ Екатеринѣ Семеновнѣ, чтобы полюбоваться ея положеніемъ. Она уже знала о пріѣздѣ земскаго комиссара и съ появлениемъ его бросилась къ ногамъ его, умоляя не погубить ея.

„Удивляюсь, сударыня“, сказалъ комиссаръ, „какъ вы имѣете духъ просить о пощадѣ. Вы—убийца и убийца двухъ жертвъ. Для васъ мѣсто въ острогѣ, жизнь въ каторжной работѣ.“—Екатерина Семеновна, обливаясь слезами, обнимала ноги комиссара, который никакъ не могъ вырваться изъ рукъ ея и послѣ многихъ усилий сказалъ ей: „Встаньте, сударыня, не лучше ли выйти въ особую, уединенную комнату, да переговорить по секрету“. Екатерина Семеновна, какъ бы воскресшая, быстро встала, проводила комиссара въ свой кабинетъ, заперла дверь на ключъ и съ трепетомъ ожидала рѣшенія своей участi.—„Вы убийца“, по-

вторилъ комиссаръ, „спасти Васъ есть одно средство“.—„Какое“? съ видимымъ нетерпѣніемъ спросила Екатерина Семеновна.—„Вы должны уговорить дочь Вашу, Марью Андреевну, выйти замужъ; вотъ дѣна, которая можетъ выкупить васъ изъ каторжной работы.—„Что вы говорите?“ вскрикнула съ ужасомъ Екатерина Семеновна, „дочь моя замужемъ, я не могу расположать ею“.—„Какъ вамъ угодно“, сказалъ хладнокровно безчеловѣчный извергъ: „или Марья Андреевна жена С—ва, или Екатерина Семеновна въ каторжной работѣ,—то или другое“,—прибавилъ онъ рѣшительно. Жестокая женщина, изумленная сначала предложеніемъ Сидора Демьяновича, вдругъ опомнилась, взяла его за руку и спросила: „да какъ-же можетъ Машенька сдѣлаться Вашею женою, когда она замужемъ и мужъ ея живъ?“—„Это не Ваше дѣло. Я слышалъ, что Владимира Николаевичъ умеръ отъ ранъ; приготовьте дочь Вашу къ этой вѣсти, а остальное я беру на себя. Я произведу слѣдствіе и буду ожидать исполненія или неисполненія моего требованія, судя по чему дамъ дѣлу ходъ къ спасенію или погибели Вашей. Согласны-ли Вы?“—спросилъ комиссаръ значительно и строго. Возвратясь къ чувствамъ жестокости, которая было уступили мѣсто материнской нѣжности, Екатерина Семеновна отвѣтила: „Дѣлайте, я Ваша“.

Марья Андреевна, удаленная, отъ всего въ домѣ, хотя и видѣла, съ какою жестокостью обращалась мать ея съ людьми, но никогда не позволяла себѣ разспрашивать о поступкахъ ея и, живя въ совершенномъ уединеніи, находила всю отраду въ письмахъ великолушнаго своего мужа Владимира Николаевича. Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Знала ли Марья Андреевна о послѣднемъ поступкѣ матери своей или нѣтъ,—неизвѣстно. Ей сказали, что Настя умерла, и она горько плакала. Между тѣмъ вопли въ домѣ, прїездъ комиссара, отчаяніе матери—все это встревожило бѣдную молодую женщину, и она съ ужасомъ сопла внизъ, когда ее позвали кушать. Въ гостиной нашла она мать свою въ слезахъ и комиссара съ видомъ очень сердечнымъ и угрюмымъ. О Настѣ не было ни слова, какъ будто ничего не случилось въ домѣ. За обѣдомъ Екатерина

Семеновна съ какою-то вѣжностію, къ которой не привыкла Марья Андреевна, обращается къ ней и говоритъ: „Бѣдная Машенька! какъ мнѣ жаль тебя! При этихъ словахъ лицо Марии Андреевны покрылось смертельной блѣдностью, голова закружила, сердце сжалось, и она едва внятнымъ голосомъ спросила: „Что такое маменька?—Говорять, сказывалъ Сидоръ Демьяновичъ, что Владиміръ Николаевичъ тяжело раненъ и отчаянно боленъ.— Съ этими словами Марья Андреевна лишилась чувствъ. Мать и люди бросились къ ней, чтобы привести ее къ сознанію, а комиссаръ въ это время клалъ кусокъ жаренаго въ ротъ и промолвилъ: „ничего, пройдетъ“ Съ этого рокового дня Марья Андреевна не получала уже болѣе писемъ отъ своего мужа,—ихъ перехватывали и уничтожали. Проходившіе и проѣзжавшіе офицеры изъ арміи, напрашиваемые комиссаромъ, увѣряли каждый по своему—иной, что видѣлъ, какъ несли раненаго Владимира Николаевича, другой, что лежалъ съ нимъ въ госпиталѣ и слышалъ, что рана его смертельна, а некоторые, что видѣли даже, какъ его хоронили; однимъ словомъ, все подтверждало роковую вѣсть, а къ тому же Марья Андреевна не получала писемъ. Убѣдясь, что она лишилась мужа, не испытавъ супружеской жизни, Марья Андреевна покорилась своей участіи, а какъ нѣть горя, котораго бы не излѣчивало неумолимое время, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сдѣлалась покойнѣе и нѣсколько веселѣе.

Между тѣмъ, хотя тѣло бѣдной Насти и было предано землѣ, но слѣдствіе, начатое съ первого дня, все тянулось и тянулось. Сидоръ Демьяновичъ часто наѣзжалъ въ Холмы для разныхъ перепросовъ и дополненій и всякий разъ старался оказывать Маріи Андреевнѣ какъ можно болѣе уваженія и участія, которое крайне ей не нравилось. Въ одинъ прекрасный осенний вечеръ Екатерина Семеновна, гуляя по саду съ своею дочерью, мнилою вдовою, говоритъ ей: „Машенька, если бы, для спасенія жизни и чести твоей матери, потребовалось съ твоей стороны самопожертвованіе, согласилась ли бы ты принести себя въ жертву?—„Ахъ! маменька, можете ли Вы меня обѣ этомъ спрашивать? съ смертю Вольдемара, нѣть ничего, что бы могло оста-

новить меня пожертвовать собою для Вашего благополучія“.—„Если такъ, то цѣною руки твоей ты можешь купить мое спасеніе. Тебя ищетъ Сидоръ Демьяновичъ, а въ рукахъ его моя погибель. Ты не могла не замѣтить, что онъ тебя любить; ты свободна и отъ тебя зависитъ его счастіе и мое спасеніе“. Съ ужасомъ выслушала Марья Андреевна эти слова. Мысль принадлежать С—ву, называть его своимъ мужемъ, заставила ее содрогнуться. Мать внимательно посмотрѣла на дочь свою и сказала: Вижу, Машенька, что позоръ матери тебя не ужасаетъ; я не требую отъ тебя этой жертвы, но знай, что черезъ недѣлю, много дѣвъ, мать твою поведутъ въ цѣпяхъ... Она не успѣла докончить, какъ бѣдная Марья Андреевна бросилась къ ней на шею, зарыдала и задыхающимъ голосомъ сказала: „Довольно! довольно! я отдаю свою руку“.

Узнавъ всѣ подробности несчастной исторіи Марыи Андреевны, Потапъ Ивановичъ, чтобы совершенно скрыть цѣль своего пребыванія, усердно хлопоталъ, чтобы купить хлѣба для винокуренного завода, и, узнавъ, что въ с. Радище живеть жидъ Берко, скучающій рожь въ большомъ количествѣ, отправился туда, надѣясь повѣрить на мѣстѣ и самое происшествіе, и получить отъ священника выписку изъ метрической книги о бракѣ своего довѣрителя.

Село Радище отъ города П. въ 40 верстахъ. Отдохнувшія лошади скоро домчали Потапа Ивановича до этого селенія. Остановясь на улицѣ, онъ спросилъ мужиковъ, гдѣ живеть священникъ отецъ Феодоръ, и ему указали на небольшой домъ подъ церкви. Потапъ Ивановичъ подъѣхалъ къ нему, вышелъ изъ своей брыки и пошелъ на дворъ, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ, которому передалъ поклонъ Владимира Николаевича М. „Какъ?“ спросилъ отецъ Феодоръ, развѣ Владимиръ Николаевичъ живѣ?—„Слава Богу!“ отвѣчалъ Потапъ Ивановичъ, „онъ теперь живеть въ К. и присыпаетъ Вамъ гостинецъ на молитвы“, который тутъ же и вручилъ.—„Спаси его Христосъ!“ сказаль священникъ. Съ этими словами онъ пригласилъ Потапа Ивановича

въ свой домъ. Въ удостовѣреніе того, что Владиміръ Николаевичъ живъ, Потапъ Ивановичъ показалъ священнику открытый вѣрючій листъ, сознанный въ К. земскомъ повѣтовомъ судѣ, подписанный Владиміромъ Николаевичемъ. „Слава Богу! Слава Богу! я очень полюбилъ Владимира Николаевича, славный онъ человѣкъ! не одну уже паннихиду отслужилъ я по усопшемъ, но это не бѣда; молитва была о душѣ, стало быть не пропала даромъ. Жаль бѣдную Марью Андреевну! Попала она, добрая пташечка въ зубы лютаго кота. Вы чай знаете, что она замужемъ за пакостнымъ человѣкомъ С—мъ, который въ корень разоряетъ бѣдныхъ мужиковъ с. Холмовъ? А все безпутная матка!—„Я пріѣхалъ сюда“, сказалъ Потапъ Ивановичъ, „чтобы просить Васъ выдать выписку, изъ метрической книги, о бракѣ Владимира Николаевича съ Марьей Андреевной; это ему нужно, чтобы просить о разводѣ“.—„Ну, конечно“, сказалъ священникъ, „нельзя же ему оставаться связаннымъ“. Долго просидѣли и протолковали отецъ Феодоръ съ Потапомъ Ивановичемъ о дѣлѣ Владимира Николаевича, и разсказъ священника подтвердилъ все намъ известное. Поужинавъ и помолясь Богу, и хозяинъ и Потапъ Ивановичъ уснули крѣпкимъ сномъ. На другой день поутру, напившись чаю съ добрымъ отцемъ Феодоромъ, Потапъ Ивановичъ отправился въ с. Холмы, гдѣ на ту пору былъ С—въ съ своимъ семействомъ. При вѣзѣ его въ селеніе, множество ребятишекъ, въ оборванныхъ рубашенкахъ, стали просить милостынью и бѣжали за брыкою во всю длину улицы, по обѣимъ сторонамъ которой стояли избы съ неогороженными дворами. Вездѣ видна нищета, нужда, а между тѣмъ прекрасныя, тучныя земли окружаютъ селеніе. Подѣхавъ къ шинку Потапъ Ивановичъ оставилъ свой экипажъ и самъ пошелъ пѣшкомъ въ господскій дворъ, находящійся въ виду шинка. Было 10-ть часовъ утра. Прекрасный старинный дворъ, на покатости къ чистому, какъ зеркало, пруду, окруженному обширнымъ садомъ, стоялъ насупротивъ каменного храма во имя Андрея Первозванного. Видно, что усадьба эта принадлежала богатому малороссійскому пану. Войдя на дворъ и встрѣтивъ оборванного лакея, Потапъ

Ивановичъ попросилъ его, чтобы онъ провелъ его въ домъ и доложилъ панамъ, что пріѣхалъ губернскій секретарь Цыбуля, отъ старого знакомаго Екатерины Семеновны, и хочетъ съ нею повидаться. Тотчасъ попросили Потапа Ивановича пожаловать. Войдя въ гостинную, онъ нашелъ тамъ старуху Екатерину Семеновну и дочь ея Марью Андреевну, а возлѣ нихъ на коврѣ, окруженный подушками, сидѣлъ малютка—сынъ Марии Андреевны и возлѣ него няня. „Добро пожаловать“, сказала старуха, вставая съ своего мѣста. Потапъ Ивановичъ, какъ водится, поцѣловалъ руку старухи, поклонился и сказалъ: „Владиміръ Николаевичъ М., котораго я повѣренный, приказалъ Вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе“. Съ этими словами, глаза у старухи покосились, она вскрикнула и упала безъ чувствъ. Марья Андреевна, не обративъ никакого вниманія на мать, какъ сумасшедшая бросилась къ Потапу Ивановичу. „Что? онъ живъ? Ахъ я несчастная“... и выбѣжала вонъ... На этотъ шумъ вошелъ самъ С—ва. Потапъ Ивановичъ не зналъ, что ему дѣлать, бѣжать ли или оставаться? Заставъ тещу безъ чувствъ и жену, выбѣжившую вонъ съ воплями, С—въ обратился къ Потапу Ивановичу и нагло спросилъ его: „Что Вамъ нужно? Кто Вы? За чѣмъ сюда явились“? „Я губернскій секретарь Цыбуля“, — отвѣтилъ твердо Потапъ Ивановичъ, повѣренный Владимира Николаевича М., у котораго Вы отнали жену“. Лицо С—ва вытянулось, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Воспользовавшись此刻ю минутою, Потапъ Ивановичъ вышелъ изъ дома, пробрался къ шинку и ускакалъ въ с. Радище. Старуха Екатерина Семеновна не пришла въ чувство: она умерла, не успѣвъ очистить душу свою, обремененную безчисленнымъ множествомъ преступленій, христіанскимъ покаяніемъ. Часа въ три по полудни, когда Потапъ Ивановичъ, воротясь изъ Холмовъ, сидѣлъ съ отцомъ Феодоромъ и рассказывалъ ему о поїздкѣ своей къ Екатеринѣ Семеновнѣ и какое впечатлѣніе произвела на нее, дочь ея и зятя вѣсть о возвращеніи Владимира Николаевича изъ похода, вошелъ кучерь съ запискою отъ С—ва, въ которой онъ извѣщалъ священника о внезапной смерти Екатерины Семеновны, приглашалъ его на

похороны и прислалъ деньги на позовное по умершей своей тещѣ. Отецъ Феодоръ и Потапъ Ивановичъ перекрестились, и священникъ промолвилъ „Не удостоилъ Господь грѣшницу очистить душу свою покаяніемъ“.

Получивъ отъ священника свидѣтельство о бракѣ Владимира Николаевича съ Марьею Андреевною, Потапъ Ивановичъ простился съ добрымъ отцомъ Феодоромъ и уѣхалъ въ К., не заѣзжая въ П., гдѣ ему не осталось уже никакого дѣла.

Такимъ образомъ, вся несчастная исторія бѣдной Марыи Андреевны, сдѣлалась известною Владимиру Николаевичу; ему не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ правительству, чтобы, обнаруживъ всю гнусность поступковъ С—ва, просить о разводѣ съ Марьею Андреевною. Крѣпко сжалось сердце Владимира Николаевича, когда онъ узналъ всѣ подробности этого дѣла; ему было жаль несчастную жертву, чувства къ которой не совсѣмъ еще угасли въ душѣ его; но что было ему дѣлать? Марья Андреевна была уже мать; и если не была счастлива въ супружествѣ, не могла питать привязанности къ своему мужу—этому извергу, для которого висѣлица была бы самой приличной наградой за гнусные его поступки, то все таки не могла не пить нѣжной привязанности къ несчастному ребенку, невинному существу, требующему ея попеченій. Положеніе Владимира Николаевича было очень тягостно; онъ боролся съ разными ощущеніями души своей; ему было жаль Марью Андреевну, которая, какъ видно, сохранила къ нему чувство любви, сдѣлавшись искупительною жертвою для своей матери; а между тѣмъ чувство мести къ злодѣю, вырвавшему изъ объятій его жену, и оскорбленная честь—возбуждали въ немъ справедливое негодованіе и указывали ему на долгъ преслѣдоватъ человека, который данную ему закономъ власть направилъ къ такому гнусному, неслыханному постунку. Надобно было на что нибудь рѣшиться, и Владимиръ Николаевичъ послѣ долгаго размышленія, затая въ душѣ своей голосъ еще не совсѣмъ угасшей любви къ Марѣи Андреевнѣ, принялъ намѣреніе, во чтобы то ни стало, нопогубить злодѣя. Но какъ приступить къ дѣлу? какъ дѣйствовать? Не будучи знакомъ съ формами и правилами, существующими въ

судопроизводствѣ, онъ рѣшился прибѣгнуть прямо къ милосердію и справедливости Монарха, на котораго вся Европа смотрѣла съ благоговѣніемъ. Въ письмѣ, исполненномъ самыхъ сильныхъ выраженій, Владіміръ Николаевичъ объяснилъ Государю Императору свое положеніе и, приложивъ свидѣтельство, выданное священникомъ села Радища о его бракѣ съ Марьей Андреевною, всеподданнѣйше просилъ повелѣть произвести строгое разслѣдованіе. Не скоро было объявлено Владіміру Николаевичу, что, не утруждая Монарха, онъ долженъ былъ обратиться съ просьбою къ мѣстному начальству, которое обязано тотчасъ сдѣлать надлежащее разслѣдованіе; вмѣстѣ съ объявлениемъ возвращено было и свидѣтельство, приложенное къ всеподданнѣйшей просьбѣ. Владіміръ Николаевичъ, не зная, какъ поступить, обратился къ К. прокурору—человѣку честному и дѣльному, съ которымъ успѣлъ хорошо познакомиться, и просилъ наставить его въ настоящемъ случаѣ. Сообразивъ все обстоятельства, прокуроръ сказалъ Владіміру Николаевичу, что дѣло его имѣетъ двѣ стороны, а потому онъ долженъ вести его уголовнымъ порядкомъ и путемъ духовнымъ. Гражданскія власти должны раскрыть злоупотребленія С—ва, а духовныя—расторгнуть бракъ, сообразно съ законами церкви. Вслѣдствіе того Владіміръ Николаевичъ долженъ былъ подать двѣ просьбы: одну начальнику губерніи, а другую епархіальному архіерею. Отъ времени подачи всеподданнѣйшей просьбы протекло уже $1\frac{1}{2}$ года, и Владіміръ Николаевичъ, помолясь св. угодникамъ, подалъ просьбы по совѣту прокурора, которая и возъимѣли свое дѣйствіе. По совѣщенію губернатора съ архіереемъ, назначено было строгое разслѣдованіе, для чего была составлена комиссія изъ гражданскихъ чиновниковъ и депутата отъ духовнаго начальства. Между тѣмъ С—въ, чуя неминучую бѣду, бросился въ духовное правленіе и консисторію и, силою значительныхъ пощертованій, успѣлъ перемѣнить листы въ метрическихъ книгахъ, гдѣ появилась статья, въ январѣ 1812 года, о бракѣ С—ва съ Марьей Андреевною, а статья о бракѣ Владіміра Николаевича была уничтожена. Какъ ни старался С—въ, чтобы сдѣлать тоже измѣненіе въ метрической книгѣ церкви села

Радища, но почтенный священникъ, отецъ Феодоръ, не уступилъ ни просьбамъ его, ни угрозамъ секретаря духовнаго правленія и консисторіи. Такимъ образомъ, все дѣло спасено добрымъ и честнымъ священникомъ села Радища.

Въ 1815 году началось слѣдствіе. Назначенные чиновники съѣхались въ Переяславъ. Задаренные С—мъ, они старались всячески запутать дѣло, и такимъ образомъ слѣдствіе потянулось и потянулось надолго. Выпущены были повѣстки Марьѣ Андреевнѣ, мужу ея и Владиміру Николаевичу о явкѣ къ слѣдствію, дѣлали разные пустые розыски, писали много, и слѣдствіе все болѣе и болѣе затягивалось. Во все это время, пока тянулось дѣло, С—въ убѣждалъ Марью Андреевну подписать лживую бумагу, обвинявшую Владимира Николаевича, будто бы онъ увезъ ее отъ С—ва и обвѣничался съ нею. Не взирая на всю нѣжность къ дѣтямъ, Марья Андреевна не могла рѣшиться на такой поступокъ противъ великодушнаго человѣка, направленный къ его безвинной отвѣтственности, а между тѣмъ, чтобы окончить слѣдствіе, и безъ того тянувшееся въ безплодныхъ перепискахъ около двухъ лѣтъ, необходимо было явиться Марьѣ Андреевнѣ передъ слѣдственной комиссіей и дать отвѣтъ. Вечеру, за день до отѣѣзда изъ Холмовъ въ П—въ, С—въ вошелъ въ комнату жены своей, гдѣ она сидѣла въ задумчивости, держа на рукахъ меньшаго изъ дѣтей своихъ. Въ лицѣ его выражались самые преступные замыслы, на которые онъ рѣшился, чтобы положить конецъ томлѣнію, мучившему его въ теченіе болѣе 1½ года.

Когда С—въ вошелъ въ комнату, то, подойдя къ Марьѣ Андреевнѣ, взялъ ее за руку и съ нѣжностію сказалъ: „Машенька, въ послѣдній разъ рѣшаюсь говорить съ тобою объ участіи, которая насъ ожидаетъ, если ты не послушаешь голоса разсудка и не пожертвуешь своею совѣстью для спасенія несчастныхъ дѣтей нашихъ“. Она взглянула на него и содрогнулась. „Оставьте меня, Сидоръ Демьяновичъ“, сказала Марья Андреевна, „скорѣе соглашусь я умереть самою мучительною смертію, нежели рѣшившусь поступить противъ совѣсти и тѣмъ накликать на себя и дѣтей моихъ кару небесную“. — „Нѣтъ! это невозможно! Безумная

женщина“! возвилъ С—въ, отступая нѣсколько шаговъ. „Знаешь ли ты, что упорство твое ведетъ меня въ Сибирь, тебя въ монастырь; а бѣдныя дѣти, лишающа отца и матери, будутъ признаны незаконнорожденными, потеряютъ и имя, и права, которыхъ принадлежать имъ по рожденію“. — „Что такое? дѣти мои будутъ лишены и имени и правъ? Нѣтъ! ты лжешь, такой неправды люди не могутъ сдѣлать“. — „Повторяю тебѣ“, сказалъ Сидоръ Демьяновичъ, „что дѣти, рожденныя въ незаконномъ бракѣ (а бракъ нашъ незаконный), лишаются всего“. — Марья Андреевна горько улыбнулась и сказала: „Если это дѣйствительно такъ, то видно такова воля Господа, противъ которой я возставать не смѣю“. — „Какъ? что ты сказала? на что ты рѣшаешься? Нѣтъ, этого не будетъ! я не допущу, чтобы дѣти мои дошли до такого позора“. — Съ этими словами онъ вырвалъ изъ рукъ матери ребенка и, взмахивая имъ, закричалъ страшнымъ голосомъ: „Я убью его и трупомъ этого ребенка убью прочихъ дѣтей нашихъ“. Пѣна выступила у него изо рта; онъ вышелъ изъ комнаты. Несчастная мать, какъ сумасшедшя, бросилась за жестокимъ своимъ мужемъ, забѣжала впередъ, загородила ему дорогу и умоляющимъ голосомъ просила его пощадить дѣтей. Я все, все готова сдѣлать! пощади! пощади! Испуганный ребенокъ, не понимая, что онъ обреченъ быть орудіемъ для умерщвленія его братьевъ, кричалъ изо всѣхъ силъ. На этотъ крикъ люди сбѣжались. „Прочь!“ завопилъ злодѣй, и всѣ скрылись. — „Возьми свое дитя“, сказалъ С—въ, отдавая его на руки матери, „но знай, я исполню свое намѣреніе, если ты окажешь малыйшее упорство“. Съ этими словами онъ потащилъ жену въ кабинетъ и заставилъ ее подписать бумагу, въ которой Марья Андреевна сознавалась, что, увлеченная страстью къ Владиміру Николаевичу, рѣшилась бѣжать съ нимъ отъ законнаго своего мужа. С—ва и обвѣнчалась съ Владиміромъ Николаевичемъ, но гдѣ именно, того сказать не можетъ, потому-что не знаетъ, гдѣ то селеніе, куда привезъ ее ея похититель. На другой день послѣ этой ужасной сцены Сидоръ Демьяновичъ и Марья Андреевна поѣхали въ П—въ, чтобы явиться къ отвѣту. При личныхъ допросахъ Марья Андреевна подтвердила все, что было въ бумагѣ, и слѣдственная

коммісія сдѣлала заключеніе, чтобы отправить списокъ съ по-данной Марьою Андреевною бумаги въ К., для истребованія объясненія, по содержанію оной, отъ подполковника М., слѣдствіе закрыть и донести о томъ начальнiku губерніи, а самое дѣло передать судебному разсмотрѣнію. На свидѣтельство, приложенное къ прослѣбѣ, поданной Владиміромъ Николаевичемъ, удостовѣряющее о бракѣ его съ Марьою Андреевною, не было обращено никакого вниманія, какъ на документъ, не имѣющій законной силы; объясненіе же Владимира Николаевича, что онъ не можетъ оставить свое мѣстожительство и явиться къ отвѣту, признано уклоненіемъ отъ исполненія законныхъ требованій слѣдователей. Такимъ обратомъ окончилось слѣдствіе, продолжавшееся болѣе двухъ лѣтъ.

Въ одно утро постучался въ дверь дома, занимаемаго Владимиromъ Николаевичемъ М., полицейскій офицеръ. Было 8 часовъ утра. Не только баринъ, но и вѣрный слуга его, Степанъ, не думалъ еще вставать, уложивъ барина своего въ 3 часа утра, по возвращеніи его съ бала. Услышавъ стукъ, который никогда не возмущалъ спокойствія живущаго въ домѣ отставнаго гусара, Степанъ, накинувъ на себя что-то въ родѣ халата, съ досадою отворилъ дверь и спросилъ стучавшаго господина: „Что Вамъ нужно?— „Здѣсь живетъ подполковникъ М.“?— „Здѣсь“.— „Доложи барину, что полицейскій офицеръ имѣетъ къ нему нужду“.— „Важная штука“—пробормоталъ съ просонья Степанъ. „Баринъ изволили лечь почивать въ 3 часа, такъ какъ же я стану будить ихъ. Приходите часовъ въ 12“.— „Ты очень глупъ“, сказалъ Степану полицейскій офицеръ. „Ступай и разбуди своего барина, если не хочешь, чтобы и тебѣ и барину твоему было худо“. Слова эти были сказаны съ достоинствомъ, и Степанъ пошелъ молча въ спальню своего господина. „Кто тамъ?“ вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ. „Это я; сударь“, отвѣчалъ Степанъ. „Какой-то полицейскій офицеръ приказалъ разбудить Васъ“.— „Проси его, сейчасъ выйду“. Дѣйствительно, Владиміръ Николаевичъ не заставилъ ожидать себя и когда вышелъ въ залу, то былъ изу-

мленъ неожиданно встрѣчено. „Какъ? это ты, Харченко“? сказалъ Владимиръ Николаевичъ, обращаясь къ полицейскому офицеру и обнимая его. „Точно такъ“, отвѣталъ Прокофій Ильичъ (такъ звали Харченка); „изъ гусарскихъ вахмистровъ, какъ изволите видѣть, полицейской чиновникъ. Я счастливъ, что имѣю удовольствіе Васъ видѣть, и ужъ признаюсь никакъ не ожидалъ я этого благополучія. Идучи къ Вамъ, по порученію полиції, подумалъ я самъ себѣ: ну, какъ это Владимиръ Николаевичъ? Слава Богу, что я Васъ вижу, моего благодѣтеля и бывшаго начальника“. — „Какое же ты имѣешь ко мнѣ порученіе? спросилъ Владимиръ Николаевичъ. — „Да вотъ бумаги изъ слѣдственной комиссіи по Вашему дѣлу“. — „Ладно, оставь бумаги у меня, да напьемся вмѣстѣ чаю и потолкуемъ о старинѣ“. — „Нѣтъ, Владимиръ Николаевичъ, этого нельзя, я долженъ исполнить еще нѣсколько приказаний“. — „Ну, какъ знаешь; по крайней мѣрѣ“, прибавилъ Владимиръ Николаевичъ, „когда будешь свободенъ, заходи ко мнѣ, я буду тебѣ радъ“. — „Да вотъ Вы извольте разсмотрѣть бумаги и написать, что нужно, а я денѣка этакъ черезъ два зайду къ Вамъ, чтобы получить ихъ“, сказалъ Харченко и раскланялся съ бывшимъ своимъ начальникомъ.

Когда вышелъ Харченко, Владимиръ Николаевичъ взялъ со стола бумаги. „Посмотримъ, что пишутъ эти плуты“? Прочитавъ отзывъ Марии Андреевны, онъ сбезумѣлъ. „Какъ?“ вскричалъ онъ. „Эта женщина способна такъ безсовѣстно лгать! Онъ сдѣлался мраченъ, скученъ и на всѣ вопросы, которые сдѣлалъ ему въ это время Степанъ: „прикажете-ли подать Вамъ братъся? Какое платье приготовить? Изволите-ли дома кушать?“ онъ отвѣчалъ: да. Степанъ посмотрѣлъ на барина и вышелъ. Вскорѣ Владимиръ Николаевичъ оправился, умылся, одѣлся, напился чаю и вышелъ со двора, взявъ съ собою принесенные Харченкомъ бумаги. Съ часъ спустя послѣ того какъ вышелъ Владимиръ Николаевичъ, пріѣхалъ Потапъ Ивановичъ съ отчетами и деньгами. „Ну что, Степка, здравъ баринъ?“ — „Да, были здоровы“ — отвѣталъ Степанъ, а сегодня поутру какой-то чертъ, прости Господи, былъ у барина съ бумагами, да что-то знать неladное принесъ“. — „Гдѣ же баринъ?“ — „Ушли и взяли съ собою

эти проклятые бумаги".—Понимаю, подумалъ Потапъ Ивановичъ, вѣрно что nibудь по дѣлу.—„Степка! а Степка!" закричалъ Потапъ Ивановичъ: „есть у тебя этакъ горячая водица? съ холоду не худо бы чайку напиться". Степанъ распорядился, и Потапъ Ивановичъ началъ себя накачивать чайкомъ въ прикусочку. Въ то время какъ Потапъ Ивановичъ вливалъ въ себя седьмую чашку, воротился домой Владимиrъ Николаевичъ и весьма обрадовался, когда увидѣлъ Потапа Ивановича. „Спасибо тебѣ, что ты такой проворный, не заставилъ себя ожидать долго", сказалъ Владимиrъ Николаевичъ.—„Да вѣдь наше дѣло такое, Владимиrъ Николаевичъ, приказано, такъ не зѣвай".—„Угадай, какъ дѣло мое кончено? Ну-ка, дока, угадай"?—„Не берусь, отвѣчалъ Потапъ Ивановичъ. „На Руси, говорять, можно и такъ и этакъ".—„То-то такъ и этакъ; вотъ такъ-то и вышло по слѣдствію, что я укралъ жену у С—ва. Прочитай, вотъ тебѣ бумаги".—„Что Вы это, Владимиrъ Николаевичъ, возможно-ли, чтобы ужъ дошли до такого безстыдства"?—„Ну, да тамъ увидишь".—Потапъ Ивановичъ началъ читать бумаги, а Владимиrъ Никол. вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы просмотрѣть привезенные отчеты и, по совѣту знакомаго прокурора, написать просьбу къ министру на неправильныя дѣйствія губернатора и назначенной имъ комиссіи. Окончивъ свои занятія, Владимиrъ Никол. вышелъ въ залъ, гдѣ Потапъ Ивановичъ, прочитавъ уже бумаги, покрякивалъ и понюхивалъ табачекъ. „Ну что"? сказалъ Владимиrъ Николаевичъ: „какова Марья Андреевна"?—„А что? баба, да и только, сосудъ скудельный! Вотъ, хотя бы моя жена, Дарья Ивановна. Попробуй-ка, она не подписать бумагу, которую я ей велю, такъ я ей задамъ такого трезвона, что ну"!—„Послушай, Потапъ Ивановичъ, мнѣ нельзя ни куда выѣхать, ты это знаешь, а дѣло требуетъ личнаго ходатайства. Я хочу отправить тебя въ Питеръ съ просьбою къ министру. Ты ее подашь вмѣстѣ съ запискою, да и похлопочешь, чтобы посмотрѣли добровольственно и правдиво на мое дѣло. Вѣдь у насъ и правду надо купить".—„Что касается до меня", сказалъ Потапъ Ивановичъ, „то я готовъ за Васъ и въ огонь и въ воду, лишь бы только достало умѣнья".—Потапъ Ивановичъ принадлежалъ къ числу

такихъ управляющихъ и повѣренныхъ, которые, однажды посвятивъ себя своимъ довѣрителямъ, оставались навсегда вѣрными своему долгу и сростались, такъ сказать, съ жизнью и положенiemъ людей, ввѣрившихъ имъ свои дѣла и состояніе. Такіе повѣренные составляютъ въ настоящее время исключение и въ Малороссіи, и въ Россіи. Духъ продажности, измѣны долгу отразился во всѣхъ слояхъ общества. Большая часть управляющихъ и повѣренныхъ (стряпчихъ) заботятся о томъ, чтобы скорѣе нажить деньги на счетъ незнанія, лѣни и безпечности своихъ довѣрителей, часто людей честныхъ и добросовѣстныхъ. Зато рѣдко теперь встрѣтишь повѣренного, который бы занимался у кого нибудь дѣлами въ теченіе десятковъ лѣтъ. Годъ, два—и повѣренного гонятъ со двора, какъ негодяя, безчестного, продажного. Не клиномъ сошлась Россія, утѣшаешь себя прогнанная каналъ, и посмотришь, опять кого нибудь обираетъ. Не таковъ былъ Потапъ Ивановичъ. Глубоко проникнутый религіознымъ чувствомъ, хотя и безъ образованія, онъ понималъ свою обязанность и былъ строгимъ блюстителемъ выгодъ и пользъ Владимира Николаевича, который съ своей стороны любилъ его, какъ родного брата и вѣрилъ ему, какъ только можно вѣрить самому близкому человѣку.

Черезъ нѣсколько дней катиль уже въ Петербургъ Потапъ Ивановичъ, снабженный всѣмъ нужнымъ и письмами къ лицамъ, родственнымъ Владиміру Николаевичу, занимавшимъ въ то время видныя мѣста по службѣ.

Какъ дѣйствовалъ, у кого былъ и съ кѣмъ переговаривалъ Потапъ Ивановичъ въ сѣверной столицѣ, это осталось неизвѣстнымъ; извѣстно только то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мучительного ожиданія былъ присланъ изъ Петербурга чиновникъ для произведенія слѣдствія по дѣлу Владимира Николаевича и такъ какъ выборъ палъ на человѣка правдиваго и знающаго, то всѣ пути къ подкупу сдѣлались невозможны. Гаврило Андреевичъ (такъ звали чиновника), облеченный довѣріемъ ministra, открылъ всѣ злоупотребленія губернскихъ властей, слѣдственной комиссіи и земскаго комиссара С—ва.

По обстоятельствамъ слѣдствія необходимо было дать очную ставку Марьѣ Андреевнѣ съ Владимиromъ Николаевичемъ. Гаврило Андреевичъ, зная, что подполковникъ М. безъ особенного требованія не могъ явиться къ слѣдствію, отнесся къ К-ому гражданскому губернатору, чтобы онъ сдѣлалъ законное распоряженіе для прибытія Владимира Николаевича въ г. П—въ къ 23 іюня 1818 г., сроку, назначенному для явки на очную ставку.

Основываясь на томъ, что Владимиrъ Николаевичъ находится подъ надзоромъ полиціи, губернаторъ не рѣшился отпустить своего узника безъ надзора и назначилъ знакомаго уже намъ квартального Харченка—сопровождать Владимира Николаевича въ П—въ и привезти его оттуда обратно. Какъ ни отрадно было Владимиру Николаевичу, что старый подчиненный его назначенъ сопровождать его персону, но сердце его сжалось отъ такого недовѣрія губернатора къ слову благороднаго человѣка; это заставило его просить правительство о дозвolenіи ему жить въ имѣніи его, что и было въ скоромъ времени разрѣшено безъ всякихъ затрудненій.

Что перечувствовалъ Владимиrъ Николаевичъ въ шесть дней, которые онъ провелъ въ дорогѣ по пути изъ К. въ П—въ! Добрый Прокофій Ильичъ, сопровождавшій Владимира Николаевича, во всю дорогу старался служить ему со всею заботливостію и, сколько могъ, утѣшалъ его воспоминаніями о войнѣ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Ввечеру 22 іюня прибылъ Владимиrъ Николаевичъ въ П—въ и тотчасъ явился къ слѣдователю, умному и пожилому человѣку, который встрѣтилъ его съ особенною любезностію. „Завтра“, сказалъ онъ, „Владимиrъ Николаевичъ, будетъ для васъ тягостное свиданіе съ женщиной, которую у вѣстъ отняли“. „Мнѣ жаль ея, но законъ неумолимъ. Находясь подъ властію своего мужа, этого изверга рода человѣческаго, она упорно стоитъ въ томъ, что Вы женились на ней, когда она была уже женою С—ва, пе взирая ва то, что метрическая книга с. Радища, сохраненная въ цѣлости священникомъ, и показанія сего послѣдняго ясно доказываютъ, что она была дѣвицею“.—Не отвѣчая ничего на все, сказанное слѣдо-

вателемъ, Владміръ Николаевичъ простился съ нимъ, передавая участъ свою справедливости Гаврилы Андреевича.

На другой день часовъ въ 11-ть утра къ крыльцу нижняго земскаго суда подъѣхала карета. Гаврило Андреевичъ уже былъ въ судѣ, гдѣ были стряпчій и члены суда; тутъ же находился и Владміръ Николаевичъ, сопровождаемый Прокофіемъ Ильичемъ. Земскій комиссаръ, завидѣвъ, что карета подъѣзжаетъ, вышелъ на крыльцо и, высаживая свою жену, сказалъ ей: „Помни-же! я выполню давнишнее мое намѣреніе, если ты не устоишь въ своемъ показаніи“.

Когда она вошла въ присутственную камеру, Гаврило Андреевичъ приказалъ выйти ея мужу. Оглянувшись на всѣ стороны, она увидѣла Владміра Николаевича, силы ея оставили—ей сдѣлалось дурно. Немногого спустя, когда она оправилась, Гаврило Андреевичъ, обращаясь къ ней, сказалъ: „Сударыня, вотъ человѣкъ“, при этомъ онъ указалъ на Владміра Николаевича, „который по показанію Вашему, увезъ Васъ отъ мужа и обвѣнчался съ Вами. Онъ это отрицаєтъ. Не угодно ли Вамъ уличить его“. Она привстала, хотѣла что-то сказать, но силы ее опять оставили, она зарыдала и задыхающимся голосомъ сказала: „Нѣгъ! нѣтъ! все показанное мною гнусная клевета... Я виновата! я преступна“!—и съ этими словами лишилась чувствъ. Въ эту минуту вошелъ ея мужъ. „Она умерла“, сказаль онъ равнодушно. „Нѣтъ, оставьте ее въ покой“, отвѣчалъ Гаврило Андреевичъ, который хлопоталъ возлѣ Марії Андреевны, „и извольте выйти отсюда“.—„Я мужъ ея“! дерзко сказалъ С— въ и вышелъ.—„Мужъ! и этотъ человѣкъ смѣеть называть себя ея мужемъ“,—примолвиль Гаврило Андреевичъ. Марья Андреевна пришла въ чувство, и пока она совершенно очнулась, написана была очная ставка. Когда она возвратилась къ полному сознанію, Гаврило Андреевичъ прочиталъ ей отвѣтъ ея, и она, перекрестясь, съ твердостію подписала. Такъ кончилась эта тягостная сцена, а вмѣстѣ съ нею и слѣдствіе.

Что въ это время было съ Владміромъ Николаевичемъ? Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ... онъ хотѣлъ... но чувство собственного достоинства удержало его.

„Все кончено“! сказалъ Владіміръ Николаевичъ, выходя изъ суда, опираясь на руку Прохорія Ильича.

На другой день Владіміръ Николаевичъ уѣхалъ. Гаврило Андреевичъ, закончивъ слѣдствіе, передалъ дѣло на законное рѣшеніе въ повѣтовый судъ и также уѣхалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ К. получено было, по просьбѣ Владіміра Николаевича, разрѣшеніе ему ѿхать къ себѣ въ деревню, куда онъ и отправился на безвыѣздное пребываніе.

Возвращеніе на родину, гдѣ онъ не былъ 15-ть лѣтъ и гдѣ не нашелъ никого изъ своихъ близкихъ, наполнило его невыразимою тоскою. Тотъ-же домъ, также мебель, поддержаные заботливостію Потапа Ивановича, тотъ-же садъ съ крытыми лиловыми аллеями, но все это вызывало одни лишь воспоминанія объ утратахъ, которая понесъ Владіміръ Николаевичъ въ продолжительный промежутокъ времени. Могилы отца и матери возлѣ храма Божія, содержимаго въ большомъ порядкѣ, напоминали ему давно минувшее, но не могли дать отвѣта на задушевные его вопросы.

Оставаясь одинокимъ, пока законы расторгнутъ бракъ его, онъ предался сельскимъ занятіямъ, попеченіямъ объ участіи крестьянъ, ввѣреныхъ ему Провидѣніемъ. Между тѣмъ дѣло, переданное слѣдователемъ судебному разсмотрѣнію, двигалось медленно, безъ личнаго ходатайства Владіміра Николаевича, а С—въ, продолжавшій службу и покровительствуемый высшею властію края, злобно смылся въ душѣ надъ своимъ противникомъ. Посылаемыя жалобы на медленность оставались безъ отвѣта.

Наконецъ, по участію, принятому въ судьбѣ Владіміра Николаевича однимъ изъ родственниковъ его, имѣвшимъ значеніе, процессъ принялъ быстрый ходъ. Дѣло дошло до высшихъ судебныхъ и духовныхъ инстанцій, и рѣшеніе прислано къ исполненію. Марья Андреевна разведена съ обоими мужьями, дѣти, прижитыя съ С—мъ, признаны незаконнорожденными, а отецъ ихъ преданъ суду, съ немедленнымъ отрѣшеніемъ отъ службы. Приговоръ этотъ, присланный къ исполненію, въ теченіе многихъ лѣтъ не былъ объявленъ, хотя и былъ извѣстенъ част-

нымъ образомъ Владиміру Николаевичу, которому изъ-подъ руки, было сказано отъ лица, управляшаго краемъ, человѣка въ высшей степени благороднаго и правдиваго, но окруженнаго самыми безчестными людьми, что всякое настояніе со стороны его къ исполненію приговора повлечетъ за собою самое неумолимое преслѣданіе. Въ этотъ промежутокъ времени С—въ умеръ, оставивъ Марью Андреевну съ 6-ю дѣтьми.

Рѣшеніемъ суда онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ. Черезъ годъ послѣ смерти С—ва исполненъ указъ Святѣйшаго Синода.

Давши подпись, что содержаніе указа ему объявлено, Владими́ръ Николаевичъ удалился въ свой кабинетъ и глубоко вздохнулъ...

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ дерева познанія добра и зла¹⁾.

(изъ дѣтскаго мира деревенскаго мальчика).

На шестомъ году отецъ началъ учить меня грамотѣ.

Первая учебная книга моя называлась „Граматка“. Въ ней заглавные буквы были отпечатаны киноварью, толсто, аляповато, съ большими промежутками и между буквами и между строками. Видно, въ старину не жалѣли бумаги, хотя тогда она цѣнилась во много разъ дороже, чѣмъ теперь. Хотя теперь печатаютъ буквари изящнымъ, не разгонистымъ, а убористымъ шрифтомъ, тѣмъ не менѣе мои симпатіи все таки на сторонѣ старинной граматки и, если въ кои годы встрѣтишь ее, то въ сердцѣ затеплится какое-то особенное чувство, подобное тому, которое бываетъ при встрѣчѣ съ дорогимъ товарищемъ дѣтства, этихъ радужныхъ дней въ жизни человѣка.

Какъ я учился азъ, буки, вѣди—не помню. Память возобновляетъ мнѣ только слѣдующую картину. Въ кухнѣ—она же и столовая, и гостинная, и спальня, а зимою и помѣщеніе для маленькихъ ягнятъ,—въ кухнѣ, за столомъ сидитъ нѣсколько мальчиковъ за книгами, между ними сижу и я и, указывая красною, съ молодаго побѣга сливы, „стымбулкою“ (теперь называется указкою) на склады буквъ, читаю: тьма, мна, здо, тло, тлю, тля, тыю, нью“ и за каждымъ словомъ поднимаю голову вверхъ—къ потолку, гдѣ за „сволокомъ“ на гвоздяхъ лежитъ колючая розга изъ дерезы, называемой также повоемъ. Колючіе

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1895 г., № 1.

шипы розги сильно страшать меня и, вмѣсто того чтобы заставить меня внимательнѣе читать и не отвлекаться, дѣйствуютъ на меня какъ разъ наоборотъ, заставляя меня додумываться, какъ болѣно было бы тому, кого ею посѣкли бы. Такое впечатлѣніе отъ розги мѣшало мнѣ сосредоточиться на урокѣ „тѣмы, мны“. Урокъ тяжелъ, а колючки розги страшны... Чтобы освободить себя отъ того и отъ другой, я ждалъ только, чтобы мать вошла въ комнату, и тотчасъ принялся охать и стонать отъ несуществующей головной боли. Мама (не была-бы она мать)! вполнѣ убѣдилась моими доводами и положила меня въ постель. Восхѣлъ отецъ.

— „А що, сынку, болѣть у тебе: головка, чы животыкъ“?

Но у меня былъ прекрасный адвокатъ—мать. На рѣчь матери отецъ только покачалъ головою и сказалъ:

— „Ну, ну, ну маты! гляды, якъ не скоро выличишь слабого, то достанется отъ мене и слабому, и ликарови“!

Но не легко было и лежать въ постели здоровому. Чотребность порѣзваться брала верхъ надъ страхомъ испробовать на себѣ колючки розги, сѣченіе которыми, понятно само собой, не практиковалось. Колючая розга существовала только для устрашениія; „березовую кашу“-розгу нерѣдко приходилось намъ школарамъ отвѣдывать.

Помню, рядомъ со мною сидѣлъ мой ровесникъ и тезка Михалко Свистюкъ; назывался онъ у насъ въ школѣ Патранчикомъ по отцу—Патрану, и теперь, будучи сельскимъ фельдшеромъ, онъ извѣстенъ подъ этимъ школьнымъ именемъ. Пришлось этого Патранчика за что-то сѣчь. Отецъ мой застлалъ полотенцемъ табуретъ и велѣлъ ему лечь.

— „Дядю, якъ тилько будете мене быты, то, ей Богу, скажу батькови, щобы не давалы Вамъ перистенького кабанчика, того, що обищали Вамъ даты“.

Но ему все таки дали три розги.

— „Чортового батька зъисте теперъ, а не кабанчика. Не дамъ. Батькови скажу, що былы“.

Окончивъ у отца ученіе чтенію и письму, этотъ Патранчикъ сталъ правою рукою отца на клиросѣ, какъ чтецъ и пѣ-

весь, и управлялъ отцовскимъ хоромъ, когда мой отецъ, ставши діакономъ, служилъ літургію въ алтарѣ съ священникомъ. Впослѣдствії, отбывъ военную службу и возвратившись домой, онъ раньше встрѣчи съ своею матерью зашелъ къ моему отцу и упалъ ему въ ноги.

— „Благодарю Васъ, дядю, за науку! Теперь я старшій военный фельдшеръ и кусокъ хлиба назавжди маю“.

И съ той поры и до смерти моего отца онъ всегда помогалъ отцу и замѣнялъ его на клиросѣ и, какъ фельдшеръ, всегда безмездно и усердно лечилъ отца, а передъ смертью послѣднаго дни и ночи просидѣлъ у постели умирающаго своего учителя и закрылъ ему глаза.

Кромѣ воспоминанія о тмъ, мнъ, память отказывается припомнить, какъ я училъ: Ангелъ, Архангелъ съ титлами, оксія, варія, звательцо... и утреннія молитвы; но живо помню, что когда я училъ вечернія молитвы, пришелъ нашъ батюшкa, отецъ Григорій Мотылевичъ, и засталъ меня за книгою.

— „А я, прочитай мени, Мыша“!

Я боялся батюшки, но, читая „Слава въ вышнихъ Богу“, я самъ сознавалъ, что читаю хорошо.

— „Гарно, гарно читаешь. Богъ тебе благословыть! Учись, Миша, будешь людьми“!

И далъ онъ мнѣ серебряный двугривенный. Въ ту пору это были большія деньги. Понятное дѣло, что такой гостинецъ и теплое слово батюшки и до сихъ поръ живы въ моей памяти.

Послѣ такого поощренія я съ увлеченіемъ оканчивалъ граматку. И особенно радостное чувство наполняло мою душу, когда я училъ: „День прешедъ, благодарю тя Господи“: это потому, что вслѣдъ за этою молитвою слѣдовали заповѣди и конецъ граматкѣ. Я безъ отдыха, заткнувъ уши пальцами и громко выкрикивая каждое слово молитвы, читалъ, чтобы скорѣе окончить граматку и принести своимъ коллегамъ „кашу зъ макомъ“.

Обрядъ школьнаго праздника—принесенія „каши зъ макомъ“ грамматыкомъ (частоловыки и псалтырники не приносили кашу) и до сихъ поръ (мнѣ 44 года) живъ до мельчайшихъ подробностей въ моей памяти. Доброе чувство удовольствія, радости и

подъема школярского духа и до сихъ поръ не выдохлось въ моемъ сердцѣ.

Утромъ, въ день „каши зъ макомъ“ меня принарядили въ чистое бѣлье, сказали надѣть сапоги, которые я надѣвалъ только тогда, когда въ церковь шелъ или когда Ѵадиль съ отцемъ въ гости къ его сосѣдямъ дьячкамъ, затѣмъ обильно намазали мнѣ волосы „смальцемъ“, топленнымъ саломъ, такъ что и лобъ лоснился, потомъ велѣли мнѣ стать на молитву и читать молитвы по граматкѣ, вслухъ, да иначе мы дѣти никогда не молились, а только громко, на распѣвъ. И я въ то утро усердно, восторженно молился, хотя и не понималъ смысла молитвъ; послѣ молитвы, по заведенному обычаяу, далъ „чоломъ“ „татови“ и мами, т. е. подѣловатъ ихъ руки. Когда же послѣ обѣда (а мы обѣдали въ 7 или въ 8 часовъ утра) посходились школяры, я сѣлъ съ ними за учебный (онъ же и обѣденный) столъ, перекрестился, поцѣловавъ иконку въ часословъ и, произнося вслѣдъ за отцомъ: „Господы благословы“, началъ читать первый псаломъ съ неослабѣвшимъ увлеченіемъ и столько разъ, что къ полудню задолбилъ „какъ сорока наизусть“. Но чѣмъ долѣе читаль, тѣмъ больше нетерпѣніе одолѣвало меня: когда бы скорѣе полудень былъ—кашу бы Ѵели! Наконецъ объявляеть отецъ:

— „Закрывайте, диты, книжки, читайте Отче нашъ и полуднайте“!

Глаза всѣхъ школярей уже давнимъ давно и очень часто поглядывали на заслонку, скрывающую отъ нашихъ взоровъ въ варистой печи „кашу зъ макомъ“. Но вотъ заслонка снята, мать достаетъ изъ печи громаднѣйшій горшокъ съ кашею. Всѣ школяры повнимали изъ-за пазухи, а кто изъ-за голенища свои деревянныя ложки, и тѣ изъ нихъ, у которыхъ живое воображеніе и развитое обоняніе и вкусъ, начали шевелить губами, смакуя напередъ вкусную кашу. По командѣ отца всѣ школяры съ крикомъ радости усѣлись среди хаты на земляномъ полу въ кружокъ, держа на поготовѣ ложки въ рукахъ.

— „Ну, дитки, каша горяча, не хапайтесь, стережитесь, бо опечетесь; вона крута и сыпка, глядить, не набирайте повну ложку, бо разсыплете кашу, а который зъ васъ даръ Божій не

пошануе, розсыпле, той попробуе ще й березовои каши отъ граматыка,—сказалъ отецъ.

— А ты, Мыша, гляды! Который розсыпле кашу зъ ложки, того хворости ризкою, щобъ яе розсыпавъ Божого дару“.

Дѣти мигомъ бросились къ горшку, неистово копали ложками крутую, разсыпчатую, пшеннную съ макомъ кашу и запихали себѣ ею полные рты, давились, кашляли, поперхнувшись сухою кашею, другъ друга толкали локтями по руѣ съ ложкою, такъ что каша уже у самаго рта вываливалась съ ложки и разсыпалась на полъ. Я же, быстро обѣгая кружокъ кашѣдовъ, билъ розгою по спинѣ того изъ нихъ, кто разсыпалъ кашу. А тѣ, морщась и смѣясь и защищая лѣвой рукою спину, правою рукою проворно уплетали кашу и успѣвали выбить ложку изъ рукъ сосѣда. Хохотъ неудержимый, общій, радость и веселье заразительные, подмывающіе на смѣхъ и стариковъ, зрителей кashi.

Каша съѣдена. Но мнѣ и попробовать не дали этой кashi. Таковъ законъ кashi. Затѣмъ поставили тотъ порожній горшокъ среди хаты на полу, завязали мнѣ глаза платкомъ крѣпко на крѣпко, дали въ руки макогонъ, обкрутили меня на мѣстѣ три раза и сказали мнѣ попадать макогономъ въ горшокъ. Я постоялъ, сообразилъ, въ которомъ мѣстѣ стоитъ горшокъ, размахнулся и ударилъ объ печку. Всѣ дружно, неудержимо расхохотались. Мнѣ и самому стало смѣшно. Я поправился и хватиль макогономъ прямо о землю—полъ. Хохотъ еще сильнѣе. Досада начала уже разбирать меня. Я еще крѣпче размахнулся,—хват!—попалъ по скамье. Товарищи завыли отъ хохота, затопали ногами. У меня же отъ досады слезы готовы были ринуться изъ глазъ. Озлившись на ускользавшій отъ макогона горшокъ, я, наконецъ, въ сильномъ гнѣвѣ случайно такъ хватиль по горшку, что послѣдній въ дребезги разлетѣлся. Взрывъ хохота, дикій, неудержимый крикъ, стукъ, топанье ногами—восторгъ неописанный, всеобщій. Я моментально сорвалъ повязку съ глазъ, которые блестѣли слезами и сіали необычайнымъ восторгомъ, схватилъ розгу и сталъ „погонять“ товарищей на водопой къ рѣчкѣ, отстававшихъ догонялъ и подгонялъ розгой.

Но вотъ, добѣжавъ до рѣчки, товарищи поворотили оглобли назадъ и погнались за мною. Я во мгновеніе ока забросилъ розгу черезъ ровъ въ чужой огородъ, и давай Богъ ноги. Но нашлись охотники, которые съ быстротою зайца перепрыгнули ровъ, и одинъ изъ нихъ схватилъ розгу, дрогнѣль и стегалъ меня тою же розгою, пока я не вбѣжалъ въ комнату.

И долго еще до самаго вечера личики школьнаго сяли улыбкою удовольствія и веселья. А мнѣ и во снѣ снилась каша. И вотъ уже 36 лѣтъ минуло съ той поры, а память живо и тепло рисуетъ мнѣ картину этого школьнаго праздника.

Въ описываемое время, въ 50-хъ годахъ, открытие школьнаго и учительствованіе въ нихъ не было обязательно для духовенства. Только въ началѣ 60-хъ годовъ митрополитъ кіевскій Арсеній настоятельно потребовалъ отъ каждого священника своей епархіи—подъ угрозою лишенія прихода, открыть въ приходѣ школу. Отецъ же мой еще съ 1847 года содержалъ школу въ своей квартирѣ не обязательно, а изъ-за куска хлѣба, по частной просьбѣ прихожанъ, додумавшихся до желанія сдѣлать своихъ дѣтей чтецами и пѣвцами на клиросѣ. Желаній же, чтобы дѣти научились быть писарями въ волости или же „адвокатами“, быть панами, а не мужиками—таковыхъ желаній у крестьянъ того времени не могло еще быть, потому что ни крестьянскаго самоуправленія съ писарями, ни гласныхъ судовъ съ адвокатами еще и въ поминѣ не было. Для крѣпостныхъ крестьянъ судъ и правда чинились экономами и комиссарами, управлявшими помѣщичьими имѣніями, на мѣстѣ въ каждомъ селѣ; другія сословія судились въ канцеляріяхъ уѣздныхъ судовъ и палатъ, гдѣ съ уничтоженіемъ Литовскаго Статута уничтожилась и публичность и гласность суда и гдѣ царствовала непропицаемая канцелярская тайна съ безграничною подкупностью судей.

Школа конца 60-хъ годовъ, да и въ послѣднее время, не рѣдко отрывала отъ почвы крестьянскихъ дѣтей, выбивала ихъ изъ колеи честнаго традиціоннаго труда хлебороба и дѣлала ихъ паразитами, выжимающими послѣдніе соки изъ тѣхъ же крестьянъ, на средство которыхъ они воспитались, но отъ которыхъ

теперь они откращивались, отплевывались, ставши панами писарями или господами урядниками и уже ни за что не желая быть хлиборобомъ или же ремесленникомъ, а лелѣя въ душѣ мечту стать настоящимъ паномъ посессоромъ имѣнія, что и удавалось нѣкоторымъ изъ нихъ, если только они не распивались.

Содержа домашнюю школу, отецъ мой соглашался научить школяровъ только читать, писать, немного считать и пѣть въ церкви, да больше онъ и самъ ничего не умѣлъ, если не считать еще того, что онъ умѣлъ говорить и писать по польски. Плату онъ получалъ отъ книжки, и то различную. Кто платилъ за изученіе молиться по „Граматкѣ“ мѣрку проса, кто за ту же книгу давалъ поросенка, или ягненка, кто деньгами платилъ полъ рубля, а иной зато огородъ вспашетъ. Почти тоже платили за обученіе Часослову и Псалтыри. Письмо и пѣніе не входило въ статьи договора,—оно само собою разумѣлось; и отецъ никогда не бралъ плату за обученіе этимъ предметамъ.

Ранѣе декабря школа не открывалась. Только въ день св. пророка Наума, а то и послѣ „зимняго Мицкы“, когда уже снѣгъ заляжетъ на полѣ и прекращается время подножнаго корма для скота и время пастушеской жизни деревенскихъ мальчиковъ, когда для послѣднихъ, какъ для малолѣткѣ, и дома нѣть никакой работы,—только тогда и сходились школяры въ школу.

По изстари установившемуся обычаю родители съ хлѣбомъ, „дробкомъ“ соли и бутылкой водки приводили въ школу новичковъ, одѣтыхъ не по буденному, а убранныхъ въ новый набѣленный мѣломъ снаружи кожушокъ, въ отцовскую шапку и въ материны сапоги. Сапожники въ ту пору не умѣли шить дѣтской обуви, не имѣя спроса на нее; да и теперь деревенскіе сапожники шьютъ сапоги безъ мѣрки, а „на око“. Тогда чаще всего на всю семью была одна, много если двѣ и не болѣе трехъ паръ сапогъ, обыкновенно же дѣти босые бѣгали зимою по улицамъ. Приводя сына въ школу „до науки“, иной изъ родителей приносилъ еще и свою розгу на него. Выпивши магаричъ и прощаясь съ моимъ отцомъ, отецъ новичка, указывая на своего сына, обыкновенно приговаривалъ:

— „Та добре жъ быте, папе реенцій, мого сучого сына ризкою, щобъ байдыкивъ не бывъ, гавъ не ловывъ, на двори не грався, а щобъ учывся и читавъ у церкви“.

И начиналось обученіе грамотѣ обычнымъ въ тѣ времена заучиваньемъ названій буквъ славянскаго алфавита. Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро и. т. д. вслѣдъ за учителемъ, произносящимъ и указывающимъ пальцемъ каждую букву, указывалъ на неё своею „стымбулкою“ и произносилъ названія и ученикъ въ слухъ, громко. Старшіе школьніи еще болѣе громко читали по Часослову и по Псалтыри, и этотъ крикъ и гамъ далеко разносился по улицѣ. Ничего подобнаго этому крикливому чтенію въ нынѣшнихъ школахъ уже нѣть; только въ текущемъ году, проѣзжая въ Сквири мимо еврейскаго хедера—училища, я былъ какъ-то странно изумленъ невообразимымъ крикомъ учениковъ, по командѣ вторившихъ каждое слово меламеда по нѣсколько разъ, точь въ точь, какъ я съ своими коллегами произносилъ вслѣдъ за отцомъ: буки и рцы азъ ра—бра, вѣди и рцы азъ ра—вра. Безсмысленно настѣни учили. Воистину корень ученія горекъ былъ намъ. И все таки, не смотря на неосмысlenный способъ обученія чтенію, мы въ теченіе зими, считая отъ 1-го декабря до Пасхи, выучивали букварь съ утренними и вечерними молитвами и съ заповѣдями, хотя, нужно сказать, что не всякий, выучившій свой букварь, могъ читать по букварю другаго изданія однѣ и тѣ же молитвы. Только по изученіи Часослова и Псалтыря школьніи могъ прочесть по всякой славянской книжѣ. Мнѣ же, по изученіи складовъ и словъ подъ титлами разнаго вида, легко удалось выучиться читать, такъ что я даже поразилъ пріятно отца, когда въ одинъ воскресный вечеръ раскрылъ библію съ очень мелкимъ шрифтомъ и прочель поль-главы, не подозрѣвая, что меня слушаетъ отецъ съ матерью, сидя на заваленії подъ тѣмъ окномъ, у котораго я читалъ. Переставъ читать, я услышалъ разговоръ отца съ матерью о моемъ чтеніи и о радостныхъ ихъ надеждахъ на меня. Это еще болѣе окрылило меня и дало мнѣ вѣру въ самого себя. Вѣдь это рѣдкій, славный подвигъ: не успѣлъ еще граматки выучить, а я уже могу даже самую библію читать! какой я умница! мысленно говорилъ я тогда самъ себѣ. На цѣ-

ломъ свѣтѣ нѣтъ книги труднѣе и больше библіи, а я вотъ и по ней могу читать. Я даже чуть не возмнилъ, что мнѣ уже больше нечemu учиться, что я уже все знаю, но отецъ въ пору подмѣтилъ во мнѣ такое настроеніе и смирилъ дѣтскую гордыню моего духа, показавъ мнѣ греческія и латинскія книги, которыя нарочно для того и принесъ отъ отца Григорія. На другую зиму, выучивъ изъ Часослова только утреню, я уже читалъ въ церкви и утреннее шестопсалміе, и даже то, чего не училъ еще: часы и вечерню, по очереди съ тѣми школярами, которые уже окончили Часословъ и учили Псалтирь. И хотя я свободно могъ читать всякую славянскую книгу, тѣмъ не менѣе училъ въ теченіе второй зимы и Часословъ, и Псалтирь чуть-ли не всю на память.

Отецъ мой заставлялъ меня читать Часословъ и Псалтирь не только въ церкви, но и въ домахъ прихожанъ надъ покойниками. Но чтеніе Псалтири надъ умершими было мнѣ далеко не по сердцу, и по многимъ причинамъ. Хотя меня, какъ маленькаго мальчика и какъ сына уважаемаго и любимаго прихожанами дѣячка, и ласкали теплымъ словомъ родные умершихъ и гладили по головкѣ шерсткою рукою и баловали меня изысканною пищею—яичницею, пампушками съ чеснокомъ, варениками, сметаною, яблоками, грушами и всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, тѣмъ не менѣе я неохотно соглашался идти читать Псалтирь надъ покойниками. Одно уже то отбивало охоту: какъ мнѣ просидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ вблизи „мерцѧ“ цѣлый день, когда въ окно такъ заманчиво глядить Божій день и такъ страстно хочется побѣгать съ тѣми мальчиками, что па свободѣ за воротами бѣгаютъ въ перегонку по улицѣ. Другое то, что тяжело, непріятно, невыносимо дышать воздухомъ, испорченнымъ разлагающимся трупомъ, когда тамъ, за окномъ, подъ вишнями, такъ чудно благоухаютъ цветы василька, мяты, nastурцивъ, повнякивъ, чорнобрывцивъ, моихъ любимцевъ и до сего дня, любыстка и др. А главное неудобство—душно; душно до того, что потомъ обливаешься, рубца сухого нѣтъ—весь, какъ въ водѣ; вѣдь въ этой же, единственной въ домѣ комнатѣ, гдѣ покойникъ, т. е. въ кухнѣ дѣлай день пекутъ хлѣбы, пампушки, блины,

куры, варятъ борщъ, горохъ, вареники, лапшу и кашу на похоронный обѣдъ. Жарко въ комнатѣ до того, что и я, какъ разваренный, сижу и млыю; а оставить чтеніе и пойти на рѣчку покупаться ни подъ какимъ видомъ нельзя. Что тогда подумаютъ обо мнѣ и скажутъ эти добрые, такъ ласковшіе меня люди?! Кромѣ того, вѣдь за чтеніе Псалтири отцу дадутъ цѣлый злотый, такъ нужно отработать. И читаешь, читаешь полчаса, часъ, монотонно, безъ смысла, съ ужасною тоскою, обезсилѣвъ отъ духоты и жара. А тутъ еще муhi надоѣдаются: отгонишь рукой муhi разъ, другой и забудешь, на какой строчекѣ остановился, и читаешь уже безъ всяаго смысла; тутъ уже не до запятыхъ, не до точекъ, въ особенности, когда старуха бабка пучкомъ васильковъ отгоняетъ муhi съ лица мертвѣца и они всѣ роемъ устремлятся на меня и назойливо пробираются и въ глаза, и въ носъ и тѣмъ же самимъ хоботкомъ, какимъ сосали трупный ядъ мертвѣца, сосутъ и мои нервы до крайняго нетерпѣнія, до слезъ. Бросиль бы все и опрометью со всѣхъ ногъ убѣжалъ изъ этой хаты, но... нельзя. Меня только что такъ сладко накормили и такъ нѣжно ласкали; да и отецъ, еслибы я уѣжалъ домой, не по головкѣ бы меня погладилъ... и съ тоскою безвыходности и чуть ли не черезъ плачъ опять продолжаешь читать Псалтирь, съ единственнымъ желаніемъ поскорѣе дочитаться до картины Чернаго моря съ Мойсеемъ и колесницами Фараоновыми, которая помѣщалась въ концѣ Псалтири, послѣдняго 150-го псалма. Но пока до моря дочитаешься, много разъ толкнешься носомъ о псалтирь, и тогда только воспрянешь отъ дремоты и съ новымъ напряженіемъ читаешь съ тѣмъ, что черезъ минутъ 15—20 опять толкнешься носомъ то обѣ горы Ермонскія и Оваторскія, то обѣ кедры Ливанскіе. Наконецъ, и совѣстно становится передъ людьми, что дремлю, и не въ мотогуту стаетъ долѣе мучить себя, и вотъ, посмотрѣвъ вокругъ себя и видя, что никто не смотритъ на меня, перебрасываю сразу нѣсколько листковъ и читаю далѣе; и такъ частенько сокращаю Псалтирь, благо никто не видитъ и всѣ неграмотные. Но разъ на одномъ похоронѣ случилось и такъ, что хотя и никто не видѣлъ, что я перебрасываю сразу нѣсколько листовъ, за то

80-лѣтній старикъ—дѣдъ Левко Колосюкъ, лежавшій на печи, привелъ меня въ такое душевное состояніе, что я радъ бы лучше сквозь землю провалиться, нежели услышать отъ него слѣдующее:

— Хлопче, хлооопче! Не бреши! Пяте черезъ десяте не читай, по пять листківъ не перекидай, вернысь мени назадъ, бо буду быты; читай: „Вонми ми и услыши мя, возскорбѣхъ печалію мою и смятеся отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшника, яко уклониша на мя беззаконіе и во гнѣвѣ враждо-ваху мя“.—Ото быты, ото быты, щобъ ажъ пирья сыпалось! Чого жъ тоби заципило? Читай дальше, та гляди, не брешы, бо заверну тебе до першої каюзмы“.

Уничтоженный старикомъ, въ крайнемъ смущеніи, я продолжалъ читать уже совсѣмъ уставшимъ голосомъ медленно: „сердце мое смятеся во мнѣ и боязнь смерти нападе на мя: страхъ и трепетъ пріиде на мя и покры мя тма. И рѣхъ: кто дасть ми крылѣ, яко голубинѣ, и полещу и почію. Се удалихся, бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури“. Не скоро послѣ этого случая я согласился читать Псалтирь надъ покойниками, и то только въ тѣхъ домахъ, где я зналъ, что дѣда Левка не будетъ.

Грамматниковъ отецъ не училъ писать, а писали только „Часловники“ и „Псалтырники“. Ученіе письму въ ту пору было дѣломъ далеко не легкимъ. Бумагу мы видѣли только въ тѣхъ книгахъ, которые учили, да церковныхъ богослужебныхъ. Бумагу въ тѣ времена не легко было и въ мѣстечкахъ найти, и то въ небольшомъ количествѣ „аркушовъ“, т. е. листовъ. Черниль, называвшихся также атраментомъ, также негдѣ было купить. А потому отецъ мой, по передававшемуся устно изъ рода въ родъ рецепту, дѣлалъ самъ прекрасное чернило изъ купороса, галяса и изъ дубовыхъ не желудей, а орѣшковъ,—кругленькихъ шариковъ, образовавшихся на дубовыхъ листьяхъ отъ кладки лицъ насѣкомыми. Чернило выходило прочное и очень черное. Отецъ славился своимъ черниломъ и поставлялъ таковое благочинному.

Вместо бумаги, которая была не по нашему карману, отецъ дѣлалъ березовыя черныя таблицы, выдавливавъ на нихъ постоянныя графы, затѣмъ закуривалъ ихъ дымомъ березовой смолистой коры до полнаго, чернаго, лоснящагося цвѣта, сперлильдырочку въ верху доски, заволокалъ въ нее шнурочекъ для вѣшанья доски на стѣнѣ, и черная таблица была совершенно готова къ писанью на ней. Такихъ таблицъ было нѣсколько, по числу учащихся письму. И каждый ученикъ ревниво берегъ свою таблицу и отъ другаго ученика, и отъ царапинъ. Чернило къ такимъ таблицамъ употреблялось бѣлое изъ „крайды“, растворенной въ водѣ. Мѣль съ чернильницы быстро осѣдалъ на дно, и потому каждый разъ при омоканіи пера нужно было взбалтывать мѣль въ чернильницѣ. Прописей у насъ и въ поминѣ не было. Такая роскошь не по силамъ была такой школѣ, какую содержалъ отецъ. Онъ самъ надписывалъ на каждой таблицѣ верхнюю строчку вместо прописи.

Перья въ ту пору были гусиные; о стальныхъ перьяхъ и въ самомъ Киевѣ не слышно было еще; даже много лѣтъ спустя, когда я уже учился въ Киевѣ, и тогда я долженъ былъ ежегодно привозить съ села гусиные перья. Припоминаю, что въ Киевѣ на Подолѣ на дверяхъ каждой бакалейной лавочки висѣли пучки гусиныхъ перьевъ, а теперь такихъ выѣсокъ на дверяхъ бакалейныхъ лавокъ уже нигдѣ ни видно.

Послѣ писанья на черныхъ доскахъ „крайдою“, отецъ училъ насъ писать и на бумагѣ черниломъ. Но, какъ я выше замѣтилъ, бумагу трудно было достать, и притомъ она очень дорога; поэтому отецъ ухитрялся, по примѣру своихъ отцовъ и правотцевъ, дѣлать такъ, что одинъ и тотъ же листъ исписывался до сотни разъ и былъ чистъ. Дѣлалось это такъ. Разлинеивъ листъ бумаги черниломъ и исписавъ его съ одной стороны, отецъ вошилъ бумагу жидкимъ расплавленнымъ воскомъ, такъ что все написанное было ясно видно сквозь прозрачный слой воску. И на такой—прочной, хотя и легко ломающейся бумагѣ мы опять писали „крайдой“, наводя по чернымъ буквамъ, видимымъ изъ-подъ слоя воску. Исписанный крайдою, вощенный листъ бумаги легко смывался водою и опять былъ чистымъ. Такой

листъ бумаги, при самомъ бережномъ обращеніи съ нимъ, а иного обращенія не допускалось, служилъ мѣсяца два—три. За писанье намъ нерѣдко доставались и „пали“—удары линейкою по ладони лѣвой, нешишущей руки.

Не лишнимъ считаю упомянуть и о томъ, что мы—школьяри, въ видахъ скорѣйшаго обученія чтенію по складамъ,—и говорили по складамъ между собою. Такъ напр., мнѣ нужно спросить товарища: „чи можно на леду сковзаться?“ И я говориль ему этотъ вопросъ такъ: „Черг еры чи, мыслите онз—мо, живите намъ онз—но, нашъ аз—на, люди есть—ле, добро укъ—ду, слово како онз—ко, отди земля аз—за, твердо ерь—ть, слово я—ся“?. Такой способъ рѣчи видимо нравился шклярамъ, и они охотно болтали этою тарабарщиною и дома, желая блеснуть своею диковинною ученоностью, а то и выругать домашнихъ на своемъ непонятномъ языке.

Неграмотные домашніе, не желая оставаться въ долгу передъ грамотѣями и издѣваясь надъ тарабарщиною послѣднихъ, коверкали ихъ рѣчь такими фразами,—какъ напр..

— Ракомъ комъ мурмулю! Що я жинко говорю? Чыръ еры—чи! подай жинко постолы и онучи! Приведенные фразы циркулируютъ не въ одномъ селѣ Ярешкахъ, но и во многихъ селахъ и тѣмъ указываютъ на общность ихъ происхожденія.

Рядомъ съ обученiemъ чтенію и письму днемъ, отецъ вель обученіе пѣнію послѣ ужина, вечеромъ, до поздней ночи. Церковное пѣніе отецъ любилъ до слезъ и всѣмъ почти своимъ питомцамъ передалъ свое страстное отношеніе къ церковному пѣнію. Давненько уже отецъ мой умеръ, а его старые „пѣвчукi“, теперь уже имѣющіе и внуковъ, вопреки обычаяу, дозволяющему „колядовать на Риздво“ только „парубкамъ“, и теперь ежегодно въ день Рождества Христова собираются хоромъ и ходятъ по домамъ прихожанъ пѣть на четыре голоса колядки, каковыхъ теперь нигдѣ не услышите, развѣ только прочтете въ Богогласникѣ Уніатскомъ-Почаевскомъ. И при пѣніи колядоютъ, какъ передавалъ мнѣ въ нынѣшнемъ году одинъ изъ тѣхъ пѣвцовъ—фельдшеръ Свистюкъ, и поющіе, и слушающіе и прослезятся отъ религіозной отрады и умиленія и теплымъ словомъ поминаютъ своего незабвенного старца учителя небожчика діакона.

Зимою школяри оканчивали свои занятія и расходились по домамъ ежедневно часа въ три по полудни, потому что въ школѣ (она же и квартира отца, его семьи и молодыхъ домашнихъ животныхъ) послѣ трехъ часовъ становилось темно и читать нельзя было. Свѣтъ снаружи проникалъ въ комнату двумя окнами. Одно изъ нихъ, что у стола—называлось большимъ, имѣя шесть вершковъ высоты, и состояло изъ четырехъ стеколъ въ рамѣ, другое же, противъ варистой печи, круглое,—было вдвое меныше первого—вершка три въ діаметрѣ безъ рамы, а сдѣлано изъ одного куска стекла, вмазанного въ оконную дыру въ стѣнѣ. Само собою понятно, что при такомъ освѣщенніи извнѣ послѣ двухъ часовъ по полудни начинало темнѣть въ комнатѣ и читать можно было въ ней только съ трудомъ, и то только молодымъ дѣтскимъ глазамъ, а потому въ три часа, когда уже немыслимо разобрать что либо въ книгѣ, одни изъ школярѣй расходились по домамъ, другіе же голосистые оставались у насъ „вѣчерять“ и пѣть.

Въ ожиданіи ужина и пѣнія пѣвчіе помогали отцу въ его хозяйствѣ. Одинъ поведетъ лошадь къ водопою, захвативши съ собою топоръ, чтобы прорубить на льду полынью для водопоя; другой занесетъ оклоченные ржаные споны на „коморѣ“ для овецъ; тотъ загонитъ свиней въ хлѣвъ, иной сходитъ въ погребъ—набрать картофель для ужина, а кто, схвативъ деревянныя ведра (жестяныхъ тогда не было), принесетъ воды для моей матери. Когда совсѣмъ стемнѣеть на дворѣ, мы всѣ собираемся въ хатѣ. Мать давно уже затопила варистую печь, занимавшую четверть комнаты—школы, и готовить „вечеру“—ужинъ. Я, или который-нибудь изъ школярѣй топить въ малой печкѣ, или такъ называемой грубкѣ; послѣднее название вполнѣ соответствовало формѣ печки, отверстіе которой закрывалось не дверцой жестяной, а замазывалась каждый разъ по окончаніи топки полотномъ, омоченнымъ въ жидкую глину; остальные школяры занимались фабрикаціею березовыхъ свѣчей—лучины. М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы для біографіи графа П. А. Румянцова-Задунайского.

Не смотря на то, что черезъ годъ будетъ сто лѣтъ со времени смерти Румянцова-Задунайского († 1796 г.), мы до сихъ поръ не имѣемъ хотя сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Нѣсколько обслѣдована военная дѣятельность Румянцова, особенно въ турецкихъ войнахъ (работы Саковича, „Исторический обзоръ дѣятельности гр. Румянцова-Задунайского съ 1775 по 1780 годъ“ и позднѣйшая—Д. Масловского, „Ларго-кагульская операция гр. П. А. Румянцова“), но объ управлениі имъ Малороссіей, послѣ упраздненія гетманства, свѣдѣній очень мало собрано. Будущій біографъ Задунайского встрѣтить не- мало препятствій къ обстоятельному изслѣдованію его жизни по той главной причинѣ, что домашній архивъ Румянцовыхъ, кажется, погибъ. Послѣдніе годы жизни Р.-З. провелъ въ своемъ Переяславскомъ имѣніи, м. Ташанѣ, гдѣ и умеръ. Тамъ, повидимому, хранились и бумаги его. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что когда одинъ изъ позднѣйшихъ наследниковъ Р.-З. кн. Н. П. Голицынъ (сынъ Варвары Сергеевны Кагульской) продавалъ въ шестидесятыхъ годахъ м. Ташань кн. Горчакову, то вывозилъ оттуда книги и бумаги своего знаменитаго прадѣда. Далъ онъ и намъ тогда связку бумагъ, собственно ручно исписанныхъ Р.-З., но что заключается въ этихъ бумагахъ, мы и до настоящаго времени не добились: почеркъ Р.-З. до такой степени нераз-

борчивъ, что буквально нельзя прочесть двухъ словъ сряду¹⁾. Н. П. Голицынъ умеръ, и наследство его перешло къ его брату кн. С. И. Голицыну (бывшему черниговскому губернатору, умершему въ 1888 г.); послѣдняго мы разспрашивали о бумагахъ Р.-З., но, по его словамъ, никакихъ важныхъ бумагъ онъ не нашелъ. Впрочемъ все, что осталось послѣ кн. Н. П. Голицына, должно храниться въ подмосковномъ имѣніи его племянника, кн. С. Н. Голицына, называемомъ Кагуль. Зная нѣсколько Р.-З., какъ военачальника и отчасти какъ гражданского устроителя Малороссіи, мы почти вовсе не знаемъ его, какъ частнаго человѣка, какъ владѣльца 30000 душъ крестьянъ. А между тѣмъ характеръ у этого человѣка былъ сложный, какъ то обыкновенно видимъ у людей богато одаренныхъ отъ Бога.—Недавно мы рассматривали бумаги А. М. Марковича (р. 1790 † 1865)²⁾, и въ числѣ ихъ нашли немало литературныхъ его работъ, которыми онъ занимался, какъ оказывается, съ ранней молодости. Большинство этихъ работъ такъ и осталось въ рукописяхъ, повидимому вслѣдствіе чрезвычайной скромности ихъ автора. Изъ работъ этихъ видно, что А. М. М—чъ былъ человѣкъ и умный, и образованный. Изъ числа очень юныхъ его работъ сохранилось „похвальное слово графу Румянцову-Задунайскому“, написанное по шаблону тогдашнихъ подобныхъ „словъ“, какъ видно изъ его начала („Граждане! вы конечно не преставали удивляться тому, что въ теченіи двадцати лѣтъ не явился ни одинъ ораторъ для повѣствованія о дѣлахъ Румянцова“ и т. д.). Въ заголовкѣ этого слова авторъ сдѣлалъ такую приписку: „начато сочиненiemъ 1811 года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813. Сie же переписано въ пятый разъ 1820 г., генваря 7 дня.“ Начавъ сочинять „слово“ въ двадцать лѣтъ отъ роду, юный авторъ потомъ еще десять лѣтъ возился съ нимъ, обративъ, какъ видно, на эту свою работу особое вниманіе. Но затѣмъ, въ январѣ 1821 г., М—чъ дѣлаетъ на этой своей работе такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова, я удосто-

¹⁾ Часть этихъ бумагъ мы передали въ архивъ Киевской Археографической Комиссіи.

²⁾ См. о немъ *Кievsk. Starina* 1884 г., № 1.

върился, что Румянцовъ былъ искусный и великий полководецъ, во не великій человѣкъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ—следовательно, плѣнникъ страсти самихъ низкихъ, следовательно малый душою. Одинъ же великий человѣкъ заслуживаетъ похвального слова. Не нужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю передъ публикою; для меня же одного довольно сердечного удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто со слушаю, по смерти моей, найдетъ сюю рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человѣка, не заслужившаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ.“ Къ этому нужно добавить, что А. М. М—чъ былъ человѣкъ исключительный по своимъ высоконравственнымъ идеаламъ; у этого человѣка слова съ дѣлами, повидимому, не расходились; былъ онъ исполненъ любви къ человѣчеству и эту любовь прежде всего онъ проявлялъ къ своимъ крестьянамъ, что между прочимъ видно и изъ того, что онъ предлагалъ правительству освободить своихъ крестьянъ еще въ сороковыхъ годахъ. Говоримъ все это для того, чтобы показать, что сдѣланная М—чемъ характеристика Румянцова сдѣлана не слегка, а послѣ того, какъ онъ удостовѣрился, что это былъ человѣкъ „малый душою.“ А удостовѣриться въ особенностяхъ личнаго характера Р.-З. Марковичъ имѣлъ достаточную возможность, потому что родился и росъ почти что въ Глуховѣ (с. Сварковъ, имѣніе М—ча, находится въ семи верстахъ отъ этого города), а следовательно среди людей, которые лично знали знаменитаго правителя Малороссіи, при чёмъ знали его, и какъ правителя, и какъ частнаго человѣка, тутъ же около Глухова ведшаго собственное большое хозяйство, (Кочеровка, Литвиновичи и друг.). Такимъ образомъ въ приведенной характеристикѣ Р.-З. мы должны видѣть свидѣтельство, сдѣланное на основаніи показаній хорошо знатавшихъ его современниковъ, и поэтому отзывъ Марковича о Р—вѣ можетъ имѣть значеніе свидѣтельства болѣе или менѣе достовѣрнаго. Но разумѣется—познается человѣкъ отъ дѣлъ его, нужны и факты.... .

Марковичъ обвиняетъ Румянцова въ скупости и корыстолюбії. Обвиненіе это можетъ быть и справедливо, судя по той необыденной для русскаго помѣщика прошлаго вѣка регламентаціи экономическаго управлениія, слѣды котораго сохранились въ напечатанномъ когда то (Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., №№ 7, 8 и 9) „Учреждениіи домовомъ“, написанномъ для „генеральнаго управлениія домовъ и вотчинъ“ Р—ва. Это очень любопытный вообще документъ для исторіи помѣщичьяго домоводства, а по отношенію къ Р—ву онъ представляетъ несомнѣнное доказательство выходившей изъ общаго уровня заботливости о томъ, чтобы все было цѣло, чтобы ничего пропасть не могло....—Въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ „Учреждениія домового“ читаемъ:

— „Въ разсужденіи моего частаго и отдаленнаго отсутствія (изъ вотчинъ) за верхъ всему я поставляю: пристойный во всякомъ моемъ дѣлѣ порядокъ и вѣрный всему щотъ, и для того, чтобы всякой (изъ служащихъ) и по всѣмъ дѣламъ, по востребованію моему, мнѣ могъ обстоятельное и доказательное оправданіе принести....“ Въ другомъ пункте значится: „При отправленіи приказчиковъ въ вотчины, дать отъ домовой конторы инвентаріумы, за подписаніемъ и скрѣпою, всему въ тѣхъ (вотчинахъ) моему домовому строенію до послѣдняго хлѣба и въ тѣхъ всякому подвижному (?) и посудѣ, числу скота—въ лѣты, шерстми и примѣты, птицъ же по сортамъ, числомъ, о немолотенномъ всякаго званія хлѣбѣ—по скирдамъ и въ тихъ числомъ копенъ—впредь для вѣдома и потомъ взысканія.“—„Изъ моихъ доходовъ ни единой копѣйки и зерна, кроме того, что дѣйствительно отъ меня для выдачи людямъ по окладамъ и на прочіе расходы опредѣлено, безъ моего точнаго расположенія не употреблять....¹⁾“.

Изъ этихъ отрывковъ видно, что, какъ хозяинъ, Р. считалъ всякую копѣйку, не смотря на громадное свое богатство....

¹⁾ „Учреждениe домовое“ печатаніемъ почему то не кончено, а то, что напечатано — наполнено множествомъ ошибокъ, явившихся, какъ видно, отъ неѣдино прочитанного оригинала. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ „домовое учрежденіе“ или, какъ его звали малорусскія экономіи Р—ва, „артикулы“, были составлены въ 1776 г. Рукопись „Учреждениа“ хранится въ бумагахъ Судзенка.

Имъются у насъ и другія свѣдѣнія, что отзывъ Марковича о скучности Р—ва, повидимому, вѣренъ. Какъ бы то ни было, но материаловъ для ближайшаго знакомства съ личностью этого замѣчательнаго военачальника и администратора такъ мало, что о собраніи этихъ материаловъ давно пора позаботиться. Имѣя въ виду значеніе Р—ва въ исторіи управления Малороссіи, мы начинаемъ здѣсь печатаніемъ разнаго рода свѣдѣнія о его жизни, какъ частной, такъ и общественной.

А. Л.

1. Отрывочные свѣдѣнія изъ жизни графа П. А. Румянцова по рассказу Арк. Ал. Ригельмана¹⁾.

Вы желали имѣть на бумагѣ тѣ рассказы, которые я вамъ передавалъ со всею точностію. Они касаются не столько общихъ дѣлъ и происшествій въ Россіи, сколько лицъ, бывшихъ въ то время на первомъ планѣ государственного служенія, слѣдственно имѣютъ нѣкоторую связь съ отечественною исторіею; а потому не чужды интереса, какъ и вы думаете.

Есть люди, подобные тѣмъ листамъ лѣтописи, которые будучи оторваны теряются невозвратно; а вмѣстѣ съ ними невозвратно погибаютъ и драгоценныя исторические материалы. Такіе люди, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, или по недовѣрчивости къ перу своему, проходя долговременное поприще служебной жизни, не оставляютъ намъ никакихъ свѣдѣній на бумагѣ о тѣхъ великихъ людяхъ и событияхъ отечественныхъ, которыхъ они были свидѣтелями, или участвовали по своимъ обязанностямъ. Это въ особенности можно замѣтить у насъ въ Россіи, гдѣ писать и печатать почитается правомъ, принадлежащимъ привилегированному классу литераторовъ. Страхъ быть осужденнымъ и освистаннымъ, несмотря на цѣль, нашими журналами, часто останавливаетъ перо тѣхъ, которые не могутъ

¹⁾ Сына А. И. Ригельмана, написавшаго „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи“, изд. въ 1847 г. Бодянскимъ.

Настоящій отрывокъ и слѣдующіе два (Гоголева и Лесницкаго) взяты изъ бумагъ М. О. Судеяка.

передать исторії свои свѣдѣнія въ надлежащемъ видѣ. Къ числу такихъ людей принадлежать:

1) Дворянинъ черниговской губерніи Даніилъ Емельяновичъ Ясновскій, начавшій свое служеніе у фельдмаршала графа Румянцова съ первого офицерскаго чина, находившійся при немъ неотлучно въ званіи вѣсъма довѣренаго адютанта, управляющаго военною канцеляріею, и за всѣмъ тѣмъ достигшій только маіорскаго ранга и ордена 4-й степени св. Владимира, въ продолженіи 30-ти лѣтней безпорочной службы¹⁾). Такъ былъ скучъ къ наградамъ его начальникъ, повторявшій часто, особенно во время Потемкина, когда награды болѣе зависѣли отъ случая и протекціи, нежели отъ заслугъ; онъ говорилъ: „что въ Россіи вашъ адютантъ обгонитъ васъ незамѣтнымъ образомъ и сдѣлается вашимъ начальникомъ; между тѣмъ какъ въ прусской службѣ...“ и тутъ шло уже длинное разсужденіе о пользѣ медленного производства и бережливости въ наградахъ. Но этотъ достойнѣйшій, обиженный по теперешнему нашему понятію, адютантъ фельдмаршала никогда о томъ не упоминалъ самъ, не жаловался и сохранилъ къ нему глубокое уваженіе, даже и послѣ его кончины. Будучи въ отставкѣ, онъ много разъ и много лѣтъ былъ избираемъ въ разныя губернскія почетныя должности, а потомъ былъ директоромъ Нѣжинскаго Безбородковскаго лицея. Будучи воспитанъ по обычаю прежняго времени въ духовной академіи, зналъ латинскій языкъ и умѣлъ хорошо писать по русски.

Во время служенія его въ черниговской губерніи по выборамъ, я былъ съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ; видѣлъ общее къ нему уваженіе, зналъ высокое достоинство его правиль, скромный характеръ, чуждый всякаго притязанія на искательство. Привожу все это для того, чтобы поселить въ васъ вѣру въ его рассказы, которые по своей ясности, точности и быстротѣ всегда увлекали слушателей.

2) Другой источникъ свѣдѣній о гражданскомъ служеніи и домашней жизни фельдмаршала Румянцова былъ статскій со-

¹⁾ Болѣе подробныхъ свѣдѣній о Ясновскомъ († 1840 г.) см. въ книгѣ Гербера — Лицей князя Безбородко (изд. второе, Сиб. 1881), стр. 206—200. Прим. А. Л.

вѣтникъ Чепа, служившій въ его канцеляріи по гражданской части. Человѣкъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно, и даже опередившій въ томъ свое время. Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ которого трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды призываемъ малороссійскими генераль-губернаторами въ правители канцеляріи, но безъ успѣха.

3) Третій источникъ рассказовъ, которые я вамъ передаю, былъ отставной полковникъ П. Г. Корицкій, служившій старшимъ адьютантомъ у Суворова, бывшій свидѣтелемъ его отставки и удаленія въ деревню, а потому скоро (въ 1797 году) раздѣлившій участь многихъ своихъ сослуживцевъ въ кіевской крѣпости. Этотъ человѣкъ принадлежалъ исключительно фельдмаршалу Суворову, въ послѣднее время до Италіанского похода.

Я могъ бы еще присоединить здѣсь моего отца и зятя вицѣ-адмирала Пустошкина, изъ коихъ первый, находясь по службѣ въ крѣпости Св. Дмитрія на Дону, имѣя построенной, имѣлъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянную связь съ Суворовымъ, котораго супруга оставалась тамъ во время отлучекъ его для обозрѣнія своего корпуса, расположеннаго на Кубани. Тамъ родился, въ семидесятыхъ годахъ, и сынъ его Аркадій, въ одно время со мною, получившій то же имя отъ того же греческаго архимандрита, какъ и я.

Зять мой Пустошкинъ, служа въ Черноморскомъ флотѣ и будучи еще въ чинѣ капитана 1-го ранга, имѣлъ приказаніе отъ князя Потемкина каждый вечеръ являться къ нему. Это было въ Яссахъ, гдѣ великолѣпный князь Потемкинъ, лежа на диванѣ, думалъ о постройкѣ гребной флотиліи на Дунай. На эти вечера постоянно былъ призванъ вицѣ-адмиралъ Ушаковъ, тотъ счастливецъ, которому повиновались вѣтры, какъ тогда говорили; потому что при началѣ сраженія вѣтеръ перемѣнялся всегда въ его пользу,—который въ понедѣльникъ ничего не предпринималъ важного: старый, опытный, храбрый морякъ. Третій, переименованный изъ пѣхотныхъ генералъ-маиоровъ въ контрь-ад-

миралы, Дерибасъ, о которомъ говорилъ Суворовъ, что Кутузова и Дерибасъ не обманетъ. Цѣль этихъ вечернихъ бесѣдъ была та же, чтобы заставить ихъ разсуждать о морской службѣ и сооруженіи флота. Разсужденія сіи оканчивались часто жаркимъ споромъ, къ чему былъ всегда готовъ Ушаковъ, по своему пылкому характеру.

Вотъ источники тѣхъ рассказовъ, которые я обѣщалъ передать Вамъ. Жалѣю, что могучее время взяло свое и многое уничтожило въ моей памяти; но все то, что сохранилось, можетъ еще занять място въ жизнеописаніи тѣхъ лицъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Здѣсь нѣть послѣдовательности; но смѣю думать, что все сказанное не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію; тутъ истина преобладаетъ надъ вѣмъ.

Многіе писатели утверждаютъ, что никакая черта характера, никакая строка, или слово, великаго человѣка не должны быть потеряны для исторіи, и что самая домашняя жизнь его принадлежитъ ей. Одинъ только известный писатель де Ламбертъ въ запискахъ своихъ о Христинѣ, королевѣ шведской, говоритъ, что исторіи принадлежать дѣла великихъ людей только публичныя, офиціальныя; но домашнія происшествія и образъ ихъ жизни не подлежитъ общей извѣстности, и что о великихъ людяхъ должно судить по ихъ публичнымъ дѣламъ, а не по домашнимъ, въ которыхъ они не обязаны давать никому отчета. Кажется, де Ламбертъ былъ въ той степени снисходителенъ къ королевѣ, что и казнь ея оберъ-шталмейстера, въ чужомъ сточномъ городѣ совершенную безъ суда и права, считалъ домашнимъ дѣломъ; хотя самъ былъ въ сообществѣ съ другимъ великимъ поборникомъ народныхъ правъ.

Какъ бы то ни было, но я остаюсь на сторонѣ первыхъ, дозволяющихъ мнѣ сообщить вамъ все, что знаю отъ другихъ о великихъ людяхъ Россіи, находя и собственное удовольствіе передать вамъ черты характера домашней и служебной жизни ихъ; надѣюсь, что въ свое время, можетъ быть, онѣ найдутъ себѣ място въ отечественной исторіи, или въ исторіи сихъ самыхъ лицъ, весьма уже оскудѣвшихъ материалами.

Ничто о характере фельдмаршала графа Румянцова-Задунайского и о домашней его жизни.

Нельзя не пожалеть, что жизнь и дѣянія на поприщѣ военномъ и гражданскомъ толь великаго человѣка, не внесены въ исторію. Я имѣлъ случай часто повторять Дан. Емельян. Яновскому, что эта обязанность лежитъ на немъ, чего онъ не отрицалъ и говорилъ, что у него заготовлено было много бумагъ по этому предмету; но время и обстоятельства обезсилили его, а пожаръ въ деревянномъ домѣ окончательно отпялъ къ тому средства.

И такъ мой разсказъ долженъ быть ограниченъ изображеніемъ характера графа Румянцова, вѣкоторыми дѣлами по должности памѣстника Малороссіи и домашней его жизни, которую онъ исключительно проводилъ въ послѣднее время въ своихъ малороссійскихъ деревняхъ, построивши тамъ дома, окруженные садами, въ чёмъ имѣлъ вкусы. Но великолѣпійшее зданіе было въ мѣстечкѣ Гомель, на границѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи, гдѣ онъ однакожъ рѣдко жилъ, пожалованное ему Екатериной, нынѣ принадлежащее фельдмаршалу князю Паскевичу.

Фельдмаршалъ Румянцовъ имѣлъ тяжкія испытанія на поприщѣ своего служенія. Великая Екатерина, понимавшая его, возвышившая и щедро наградившая всѣми возможными знаками отличій, не могла какъ будто защитить его отъ соперниковъ и завистниковъ. Первое пораженіе нанесъ ему кнізь Потемкинъ еще во время пребыванія государыни въ Кіевѣ, гдѣ присутствовалъ и графъ Румянцовъ, какъ генералъ-губернаторъ, и гдѣ былъ въ то же время назначенъ сенаторъ, для ревизіи кіевской губерніи. На это время фельдмаршалъ сказался больнымъ и не явился до отъѣзда Государыни. Потомъ, какъ известно, онъ долженъ былъ отказаться по болѣзни и отъ командованія молдавскою арміею. Переѣхавъ въ Молдавскую деревню, въ 7-ми верстахъ отъ Яссъ, онъ оставался тамъ въ продолженіи несколькиихъ лѣтъ, велъ жизнь уединенную, не выходилъ изъ своей комнаты никуда, но принималъ всѣхъ къ нему пріѣзжавшихъ, которые считали обязанностію отдавать ему тѣмъ уваженіе,

какъ бывшему начальнику, къ чему близость Яссъ, какъ главной квартиры, много способствовала и была причиною переписки съ нимъ императрицы, посредствомъ которой она настоятельно понуждала его выѣхать оттуда, утверждая, что неприлично ему быть въ такъ близкомъ разстояніи отъ главной квартиры, и что иностранная державы выводятъ изъ того разныхъ заключенія, невыгодныя для дѣлъ ея. Разумѣется, это было дѣйствіе могучаго временщика Потемкина, смотрѣвшаго неравнодушно и невеликодушно на то высокое уваженіе, которое сохраняли къ старому фельдмаршалу многіе, служившия подъ его начальствомъ. Онъ отвѣчалъ императрицѣ, прося позвolenія остаться до весны, когда время позволитъ ему предпринять путешествіе за границу, для поправленія своего разстроеннаго здоровья; но что впрочемъ нигдѣ пребываніе его не можетъ быть не полезнымъ для дѣлъ Россіи.

Вынужденный отиравитъ въ свои малороссійскія деревни, Румянцовъ имѣлъ твердость отказаться отъ всякаго движенья, и 7 лѣтъ, считая отъ начала въ Молдавіи, не измѣнилъ своего образа жизни. Пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, онъ не выходилъ никогда изъ комнаты, и только изъ кровати переходилъ на кресло, а изъ кресла на кровать, жалуясь на слабость ногъ. Это одно уже означаетъ власть нравственную надъ собою. Каковы бы ни были причины, но покорить имѣ себѧ въ такой степени, надо имѣть много твердости. Эта черта великаго характера. Онъ не могъ перенести мысли о уничиженіи своемъ, пожертвовалъ всѣми удовольствіями жизни и сократилъ самую жизнь.

Извѣстно, что императрица Екатерина, послѣ варшавской революціи, приступая къ военнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ, узнала о разстроенному состояніи арміи, и милостивѣйшимъ рескриптомъ пригласила Румянцева принять на себя начальство надъ оною, по внутреннему ея составу, а для исполненія его распоряженій и военныхъ дѣйствій, назначенъ былъ Суворовъ. Въ короткое время Румянцовъ своими предписаніями усилилъ снабдить армію всѣмъ нужнымъ и привести въ надлежащую исправность. Суворовъ, будучи изъ Петербурга, по приказанію Ека-

терины, явился къ фельдмаршалу, въ деревню Ташань, полтавской губерніи, гдѣ жилъ фельдмаршалъ тогда. По краткомъ совѣщеніи, на которомъ Суворовъ получилъ отъ него планъ Праги, сей послѣдній уѣхалъ. Чрезъ нѣсколько времени стало замѣтно у фельдмаршала нетерпѣливо чего то ожиданіе. При появленіи каждого пріѣзжаго у подъѣзда канцеляріи, который былъ видѣнъ изъ окна кабинета, онъ посыпалъ ушпавать, кто и откуда?—Въ одинъ день доложили ему, что прибылъ курьеръ отъ Суворова, котораго немедленно представили. По прочтеніи короткаго доносенія Суворова о взятіи Праги, отдавая его адъютанту своему Ясновскому, онъ сказалъ: „По чести, счастье само лѣзетъ въ окно графу Александру Васильевичу“.

При вступленіи императора Павла на престолъ, генералъ маюրъ Розенбергъ, жившій безъ команды въ Крыму, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ. На пути онъ заѣжалъ къ Румянцову въ деревню Ташань, о чемъ при представленіи сказалъ и императору. На вопросъ каковъ въ здоровыи фельдмаршалъ? Розенбергъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и бодръ. Тогда Государь спросилъ его: „Какъ ты думаешьъ, пріѣдетъ ли фельдмаршалъ, если я его позвову?“ „Непремѣнно явится“—былъ отвѣтъ. „Не думаю“, сказалъ Государь, „онъ и матери моей не слушалъ“.—Тогда было правленіе женское, теперь другое,—замѣтилъ Розенбергъ; и вслѣдствіе того милостивый рескриптъ, съ приглашеніемъ прибыть немедленно въ Петербургъ, былъ посланъ графу. Полученіе его не имѣло, казалось, никакого очевиднаго дѣйствія на Румянцева, и все въ образѣ его жизни оставалось въ прежнемъ порядкѣ. Камердинеръ поутру являлся и переводилъ его по обыкновенію изъ кровати на кресло, потомъ по призыву, давалъ сидящему умываться. Въ одинъ день, вскорѣ по полученіи упомянутаго рескрипта, графъ, сидя на креслѣ, не звалъ долго своего камердинера, который, наконецъ, самъ рѣшился войти и спросить его приказанія. Но увидѣвъ графа безгласнаго, съ открытыми глазами, неподвижно сидящаго, началъ сзыывать всѣхъ. Домашній медикъ не рѣшился самъ ни на какое пособіе, а просилъ пригласить другихъ. Больной положенъ былъ въ постель, и всѣ случившіеся поблизу медики были призваны. Ему

поднесено было въ ложкѣ како-то лекарство, но онъ, сдѣлавъ презрительную мину, стиснулъ зубы и не принялъ его; потомъ, по общему совѣту, призванъ быть священникъ съ запасными дарами, по приближеніи котораго больной открылъ ротъ, и принялъ св. Тайны; въ ту же минуту выкатилась слеза изъ одного глаза, со стороны, не пораженной ударомъ. Пролежавъ еще нѣсколько сутокъ спокойно, безмолвно и безъ всякаго пособія (потому что никого изъ близкихъ и людей, готовыхъ на испытаніе всѣхъ средствъ къ пособію, не было) онъ скончался. Первый по кончинѣ его явился тутъ князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ, молодой полковникъ, котораго фельдмаршалъ любилъ, какъ сына, а тотъ уважалъ его, какъ отца. Онъ похоронилъ его въ Печерской Лаврѣ, въ Кіевѣ, показавъ искреннюю печаль о кончинѣ сего великаго человѣка. Два сына покойнаго, Николай и Сергій, были гдѣ-то въ отсутствії. Сыновья великихъ людей никогда не идутъ по слѣдамъ своихъ отцовъ и ихъ знаютъ только нѣкоторое время, по ихъ ничтожности, по ихъ странностямъ и распутству, не смотря на возвышение, доставленное имъ заслугами отца, сравненіе съ которыми уничтожаетъ ихъ совершенно.

Примѣчанія. 1) Переписку эту доставилъ мнѣ Чепа, а мною она передана издателямъ Москвитянина и напечатана въ 1849 году. Она находится въ собраніи рукописей г. Чепы, подаренныхъ мнѣ его наследниками. Тамъ можно видѣть и письмо, писанное великодѣйнымъ слогомъ, будто бы фельдмаршаломъ къ императрицѣ, по случаю пожалованія ему меча, украшенного драгоценными каменьями, на которомъ отмѣчено рукою Чепы—*не бывалое*; а его современникъ Д. Е. Ясновскій утверждаетъ, что копія этого письма прислана была еще въ то время фельдмаршалу, и что онъ прочтя отдалъ ему, сказавъ: „Смотри, что дѣлаютъ люди“. Настоящее писано было самимъ Ясновскимъ въ простыхъ выраженіяхъ, съ изложеніемъ благодарности императрицѣ (слогъ фельдмаршала былъ тяжелый, поправляя писанное въ канцеляріи его, онъ обыкновенно переставлялъ слова). Подложное же не безъ достоинствъ, слогъ высокопарный, но въ немъ много силы, гордости и истины. Думаютъ, что оно было сочинено Лесницкимъ, служившимъ предъ тѣмъ маіоромъ у

графа, въ военной канцеляріи, а потомъ поступившимъ на службу къ графу Платону Александровичу Зубову. Въ собственно-ручномъ его письмѣ къ Чепѣ, у меня имѣющемся, сказано: „Новая служба моя доставляетъ мнѣ множество выгодъ и обѣщаетъ еще болѣе въ будущемъ; но я сожалѣю о прежней: когда я служилъ у фельдмаршала, тогда меня уважали, а здѣсь меня только боятся. Этотъ величайший человѣкъ въ Европѣ, будучи недоволенъ мною, за то, что я его оставилъ, оказалъ мнѣ, не смотря на то, всю справедливость, и по его представлению я получилъ чинъ подполковника.

Не лишнее можетъ быть будеть объяснить, по какимъ причинамъ подполк. Лесницкій приглашенъ былъ на службу въ штатъ гр. Зубова, который его не зналъ, что почтилось тогда величайшимъ отличиемъ и чего никакими заслугами нельзѧ было достигнуть. Такіе случаи изображаютъ духъ времени.

Въ Петербургѣ жить отставной маіоръ Искра, долго и безуспешно ожидая окончанія дѣла своего въ сенатѣ, по поводу поданного прошенія на высочайшее имя о возвращеніи ему хотя части имѣнія предка его, казненнаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ за доносъ на Мазепу. Высочайшею резолюціею на его прошеніе велѣно было сенату — „разсмотрѣть и доложить“. Въ это время Лесницкій, тоже праздно проживавшій въ Петербургѣ, познакомился съ Искрою и, узнавъ его положеніе, сказалъ, что есть одно только средство для успѣха — написать графу П. А. Зубову такое письмо, какого онъ никогда еще не получать, и полуշутъ предложилъ Искрѣ, въ случаѣ успѣха раздѣлить по пополамъ полученное. Письмо это еще и теперь не потеряло своей цѣны, по успѣху и по оригинальности¹⁾). Сочинитель зналъ, что только чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ можно пробудить вниманіе человѣка, стоящаго на высотѣ, недосягаемой для просителя.

Письмо принято, увѣреніе о докладѣ сената государынѣ сдѣлано, и на вопросъ, кто сочинитель? Искра указать на Лесницкаго, который былъзванъ къ Зубову, предложившему ему мѣсто у себя въ штатѣ, а потомъ давшему ему порученіеѣхать въ Ригу и Митаву, продавать хлѣбъ тамошней его экономіи.

¹⁾ Письмо это напечатано въ „Киевск. Стар.“ 1883 г., № 11, стр. 519.

Изъ письма Лесницкаго къ Чепѣ видно, что графъ бытъ весьма стижателенъ, но способами позволительными; никто не могъ упрекнуть его въ вымогательствѣ и въ пріобрѣтеніи чужой собственности, какъ дѣлали прочие временщики.

Когда получилъ Искра 300 душъ по его просьбѣ, т. е. часть взятаго въ казну достоянія его предка, погибшаго за вѣру и вѣрность, Лесницкій напомнилъ ему условіе, но Искра отвѣчалъ: „если я получилъ посредствомъ твоего письма 300 душъ, за то ты получилъ мѣсто, которое стоитъ болѣе половины этого имѣнія“.

Касательно графа П. А. Зубова, современники, знаявшіе его, утверждаютъ, что это „былъ человѣкъ обширнаго ума. Извѣстно, что императоръ Александръ, во время отечественной войны имѣлъ съ нимъ условленное свиданіе на границѣ Пруссіи: одни утверждаютъ для совѣта, другіе—для займа денегъ, которыхъ у Зубова были огромнѣйшія суммы. Человѣкъ этотъ, служка офицеромъ въ конной гвардіи, никогда не сближался съ товарищами (это утверждалъ его сослуживецъ Ник. Посниковъ); стоя на высотѣ, былъ недоступенъ и держалъ себя въ приличной позиціи, соответственно своему положенію и времени. Постѣднєе появленіе его на мрачной сценѣ будетъ судить исторія, а мы заключимъ этотъ эпизодъ тѣмъ, что онъ, обогатившись щедростями Екатерины и своими хозяйственными оборотами, влюбился въ старости въ одну курляндку и женившись скоро умеръ, оставивъ ее беременною.

2) Письмо о томъ, доставленное мною издателямъ Москвитянина, напечатано въ 1849 году, изъ собранія рукописей Чепы, подлинность котораго подтверждена г. Ясновскимъ, служившимъ въ то время у графа.

3) По окончаніи польской войны Суворовъ уже фельдмаршаломъ заѣзжалъ къ Румянцеву въ деревню Ташань, который встрѣтилъ его поздравленіемъ и черезъ два часа бесѣды въ кабинетѣ, отправился въ Петербургъ.

4) Не знаю какія права, или причины имѣлъ онъ на то, но изъ послѣдствій видно, что онъ ихъ имѣлъ, потому что вскорѣ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, а

потомъ посланъ къ Суворову въ итальянскую компанію, гдѣ и пріобрѣлъ мѣсто въ военной исторіи, безъ прямыхъ впрочемъ военныхъ талантовъ. Будучи военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, занимался у себя въ залѣ ученіемъ взводнаго захожденія, вѣроятно, угадывая тогдашнему времени, для чего разчерчены были мѣломъ на паркетѣ треугольники, и требовались команды изъ двухъ гренадерскихъ полковъ, тамъ расположенныхъ, малороссійскаго и кіевскаго. Я былъ очевидцемъ этихъ занятій, служа пефскимъ адъютантомъ.

2. Поясненія въ жизни графа П. А. Румянцова, собранныя Гоголевымъ.

1) О мѣсторожденіи графа Петра Александровича едва ли найдется другое извѣстіе, кромѣ нижеслѣдующаго. Данило Емельяновичъ Яновскій, служившій при немъ адъютантомъ, сказывалъ, что во время проѣзда его съ фельдмаршаломъ чрезъ одно селеніе на молдавскихъ границахъ, графъ, указывая ему на домъ тамошняго священника, сказалъ, что онъ въ этомъ домѣ родился; что это случилось, тогда, когда мать его выѣзжала встрѣчать графа Александра Ивановича, бывшаго тогда посломъ въ Константинополь, что здѣсь, ожидая возвращенія отца его около полу-года, ваконецъ имъ разрѣшилась. Названіе этого села Строенцы. Изъ описанія дороги изъ Кіева до Царяграда, помѣщенному въ Академическихъ Извѣстіяхъ 1781 года, значится, что это селеніе, съ церковью архистратига Михаила, находится близъ Днѣстра, между Рашковымъ и Егорлыкомъ. Время же этого события объясняется письмомъ импер. Екатерины 1-й, писаннымъ ею къ графу А. И. въ Константинополь. Такъ какъ царствованія ея были 1725 и 1726 годы, то послѣдній годъ съ полною увѣренностью и можетъ быть принять временемъ рожденія графа Петра Александровича.

3) Первая служба при посольствѣ барона Бракеля; по бумагамъ именованъ просто дворяниномъ Петромъ Румянцовымъ. Послѣ переведенъ былъ къ Миниху, находившемуся тогда въ Пруссіи. Изъ двухъ его донесеній, писанныхъ имъ ко двору,

оказывается, что смолоду графъ И. А. поведенія былъ не очень похвального. Минихъ жаловался на него, что молодой Румянцовъ не слушается, часто буянитъ и, бѣгая въ ночное время по улицамъ Берлина, бѣть окошки и заводить драки, и что онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Природныя ли то въ немъ были склонности или заимствованыя,—остается рѣшить его біографамъ.

3) Семилѣтняя прусская кампанія, безсомнѣнія была началомъ военныхъ подвиговъ графа Петра Александровича. Сказываютъ, что король Фридрихъ, глядя на движенія нашихъ корпусныхъ начальниковъ и угадывая способности каждого изъ нихъ, сказалъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова; проче для насъ неопасны“.—Послѣдствія доказали, что Фридрихъ въ Румянцовѣ не ошибся.

4) Графъ И. А. въ то время, какъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора Петра III-го, находился съ арміею во владѣніяхъ союзного намъ тогда прусского короля; но извѣстившись о томъ, онъ тотчасъ выѣхалъ въ Данцигъ, гдѣ и пробылъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій. Когда же по вызовамъ принужденъ былъ явиться въ Петербургъ, то по высочайшему повелѣнію былъ арестованъ за то, что безъ позволенія отлучился изъ арміи и оставилъ безъ начальника. Однакоожъ на другой день, бывъ позванъ къ императрицѣ, получилъ шагу изъ собственныхъ ея рукъ.

5) Во время путешествія великаго князя Павла Петровича заграницу, въ числѣ сопровождавшихъ его особъ находился и графъ Петръ Александровичъ. Почести, оказанныя Фридрихомъ нашему фельдмаршалу, довольно показали, какое имѣлъ онъ уваженіе къ кагульскому побѣдителю. Къ этому мы можемъ еще прибавить, что во время прогулокъ Павла Петровича со своею свитою по улицамъ Берлина, и самый народъ, сбираясь къ нимъ толпами, кричалъ: „покажите намъ Румянцова! Мы хотимъ видѣть Румянцова“! Такъ что Павелъ Петровичъ принужденъ былъ графу, сидѣвшему съ нимъ въ каретѣ, сказать: „пересядьте, Петръ Александровичъ, въ коляску; пускай они на васъ полюбуютса“!—Послѣ столь блестательного сознанія всѣхъ

превосходныхъ его достоинствъ, слова Суворова—ему равнаго нѣтъ,—могутъ быть также справедливы, какъ и девизъ—*non solum armis*—не однимъ оружіемъ,—присвоенныій герольдію, данъ по заслугамъ. (*Собрano изъ достовѣрныхъ извѣстій бывшими письмоводителемъ при графѣ Серпухѣ Петровичѣ Румянцовѣ Гоголевымъ.*

3. Отрывки изъ біографического очерка графа П. А. Румянцова Н. Лѣсницкаго.

Въ бумагахъ М. О. Судьенка находится еще біографической очеркъ графа П. Румянцова, на которомъ значится—„на-чертаніе благодарной очевидности *птитомца его и секретаря Н. Лѣсницкаго*“. Записка Лѣсницкаго написана на девяти листахъ разголосистаго письма и раздѣлена на 12-ть главъ; въ ней больше риторики, чѣмъ фактическихъ свѣдѣній, почему здѣсь приводимъ изъ этой записи лишь нѣсколько отрывковъ, могущихъ служить нѣкоторымъ материаломъ для біографіи Румянцова. Начинается записка такъ: „XVIII-й вѣкъ произвель героя Задунайскаго, XIX-й укажетъ того, кто изъ славныхъ дѣлъ сего великаго мужа извлечеть и во всемъ величию изобразить его свойства, а я движимый благодарностю покушаюсь только по одной очевидности“...

... Съ начальствомъ соединялъ онъ уваженіе къ подчиненнымъ въ войскѣ и землѣ вообще. Въ гражданскомъ управлениі удерживалъ всемѣрно правила общежитія. Въ жизни домашней хранилъ гостепріимство. Со всѣми и всякимъ обхожденіе его одушевляла ласкавость. Но сколько утѣшался посѣщеніями, столько отягощался поклонами. Дворянство любилъ и поддерживалъ всегда,-- имя дворянинъ, офицеръ—свято было въ глазахъ и устахъ его. Къ сему послѣднему званію привязанность и уваженіе до того были сильны, что онъ самъ всегда носилъ простой офицерской, болышею частію пѣхотной, мундиръ, гдѣ присутствіе свое во ономъ приличнымъ быть судилъ...

... Въ своей землѣ свиты при себѣ большой никогда не терялъ, карауловъ--не имѣлъ. Всегда въ хижинѣ поселянина

жилъ покойнѣе, нежели въ каменныхъ палатахъ. Въ дорогъ большіе дома обыкновенно обѣзжалъ мимо. Доступъ былъ къ нему всякому свободенъ, потому что онъ всякаго прежде находилъ, по крайности глазами. Окны кабинета его всегда были зеркаломъ, въ кои видѣлъ онъ всѣхъ приходящихъ;—часто бывалъ тамъ, гдѣ вовсе его не ожидали...

... Быстрѣйшій имѣлъ бѣгъ мыслей и даръ слова простирающійся. Если приказывалъ писать что-либо, то конечно сказалъ три раза содержаніе обѣ одной матеріи и всякой разъ одно другаго превосходившее, а самъ писалъ и того скорѣе и отборнѣе. Зрѣніе и память имѣлъ удивительныс. Въ поздихъ лѣтахъ уже ни очковъ, ни стекла не употреблялъ. Самъ читалъ всѣ получаемыя и подносимыя дѣла, и никогда никто оныхъ предъ нимъ чтеніемъ не докладывалъ. Читалъ однимъ взглядомъ не строки, но періоды и цѣлыя страницы и вдругъ содержаніе ихъ и резолюцію сказывалъ или своею рукою надписывалъ...

... Все, что содержало обыкновенное теченіе канцеляріи, было на отвѣтѣ секретаря, и въ сихъ дѣлахъ нерѣдко формы установлялъ онъ же самъ. Весьма часто: попросите №№, чтобы приказать (ль?) написать, и покуда тотъ пришелъ, онъ уже своею рукою написалъ. Писалъ весьма связно, охотно пояснялъ, если чего не прочелъ секретарь, но диктовать никогда не любилъ. Иногда, приказывая какъ перемѣнить содержаніе какого либо изъ подносимыхъ отпуска, тутъ же на немъ то самое и писалъ, и такъ скоро какъ говориль. Законы отечественные всѣ проходилъ и помнилъ ихъ совершенно, малороссійское же право читалъ всегда на польскомъ языкѣ. Обыкновенно говорилъ онъ: я мало понимаю законы, но весьма твердо знаю свой долгъ.

... Зналъ всѣ фамиліи дворянскія въ Россіи, Лифляндіи, Малой Россіи, Польшѣ и проч., всѣхъ генераловъ знатныхъ службъ и отличныхъ офицеровъ, нашей турецкихъ, знатнѣйшее купечество, превосходныхъ художниковъ и всѣхъ сихъ происхожденіе, а первыхъ связи, родства и проч.—Кто впервые въ жизни его увидѣлъ, онъ уже тому коротко знакомъ по отцѣ

или по случаю какому либо: не спрашивая, но взглянувъ только на лицо: скажите не сынъ ли, или не братъ ли вы такого то или спрося о фамилии, рассказывалъ ему его отличности или примѣчанія достойныхъ произшествія или неизвѣстныя тому дѣлъ откровенія...

... Всѣхъ важныхъ духовныхъ и ученыхъ имѣлъ въ отличномъ поченіи, и даже среднихъ въ семъ званіи, тоже со-сѣдей своихъ и дѣтей ихъ, простой народъ и крестьянъ своихъ многихъ зналъ по именамъ, при случаѣ спрашивалъ, рассказывалъ или разговаривалъ съ ними и обѣихъ...

... Пріятелями располагалъ къ себѣ всѣхъ и каждого, а друзей избиралъ по опытамъ. Извѣстный изъ ближайшихъ его друзей былъ одинъ гр. П. В. Завадовскій. Кротость и чувствительность души гр. П. В. были драгоценнымъ залогомъ въ дружбѣ покойнаго. Всякой разъ, кто изъ своихъ, возвращаясь изъ Петербурга, не привезъ къ нему отъ гр. П. В. письма, была причиною нѣкоторой заботливости,—безпрестанно спрашивалъ, какъ это могло случиться?—Рѣчь его о графѣ Петре Васильевичѣ всегда заключала что либо особенно утвердительное, наприм., „онъ въ дружбѣ никогда не перемѣнялся—точно“, или „онъ никогда не былъ причиною несогласія—точно“ и проч. Въ довѣренность ихъ взаимную никто вліянія не имѣлъ. По кончинѣ графини Марії Андреевны Румянцовой, родительницы покойнаго фельдмаршала, гр. П. В. живѣйшее принялъ участіе, приславъ къ нему нарочного (изъ молодыхъ графовъ не былъ тогда ни одинъ въ С.П.Бургѣ). Получа печальное сіе извѣстіе, покойный облился слезами и въ сословіи своемъ сказалъ: „прискорбна душа моя даже дозѣла. Теперь я вижу, что у меня, ни родныхъ, ни друзей, кромѣ гр. Петра Васильевича, нѣть.“

... Связи были для него нѣчто неизвѣстное. Пышности не-навидѣлъ, шуму и жизни городской удалялся. Углубленіе въ задумчивость неприступно къ нему было, нигдѣ не одолѣвался скучою. Рѣчь прекращалъ только тогда, когда наединѣ занимался чтеніемъ. Въ образѣ жизни весьма умѣренъ. Вкусъ въ одѣяніи входилъ въ совершенство того, которой имѣлъ онъ во

всемъ и вообще. Чистоту и бережливость одобрялъ. Ссужалъ многихъ и долговъ не имѣлъ, никому не подражалъ и ни отъ кого не заимствовалъ, во всемъ имѣлъ свои правила. Никогда не божился, что утверждалъ, говорилъ: *точно и было такъ, или же: какъ честной человѣкъ и—аминъ.*

Матеріалы для исторіи дворянского землевладѣнія въ Полтавской губернії.

(изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина).

Въ январской книжкѣ „Кievской Старины“ за 1894 годъ были помѣщены нами краткія біографическія свѣдѣнія объ интересной личности первого полтавскаго губернскаго маршала Семена Михайловича Кочубея. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность пополнить эти свѣдѣнія сообщеніемъ весьма любопытной дѣловой переписки между нимъ, княземъ Н. Г. Репнинскимъ и М. В. Могиллянскимъ, выясняющей его материальное положеніе и представляющей собою въ высшей степени драматическую страницу изъ исторіи дворянского оскудѣнія.

I.

Письмо М. В. Могиллянскаго къ князю Н. Г. Репнину.

Сіятельный! князь, милостивый государь! Стечевіе несчастныхъ для меня обстоятельствъ, лишающихъ между прочимъ всего почти состоянія и повергающихъ въ горестное съ семействомъ положеніе, заставляетъ меня прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству со слѣдующею всепокорнѣйшею просьбой.

Вашему Сіятельству, конечно, небезъзвѣстно настоящее положеніе дѣлъ Семена Михайловича Кочубея, который между прочимъ долженъ по крѣпостнымъ заемнымъ письмамъ 50 т. рублей и женѣ моей, довѣрившей мнѣ взысканіе сихъ денегъ. Г. Кочубей, раззорившись, какъ извѣстно, въ конецъ, вошедши въ неоплатные долги и

нѣсколько лѣтъ уже не плата никому процентовъ не только по обязательствамъ безъ залога, но и по закладнымъ, а особливо, данной надворному совѣтнику Варвацію, котораго капиталъ обезпечень, на основаніі Банкротскаго Устава, послѣднимъ остающимся у него имѣніемъ Демидовою и Жуками, и на который неплачены проценты около восьми лѣтъ уже, получаетъ между тѣмъ съ означенного имѣнія всѣ доходы и проживаетъ ихъ спокойно, нимало не заботясь болѣе ни о долгахъ своихъ, ни о платежѣ процентовъ, ни о самихъ кредиторахъ, которыхъ и знать, наконецъ, не хочетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Кочубей ничего столько не желаетъ, какъ продолжить подобное дѣлъ своихъ положеніе, находя въ томъ единственное средство къ безбѣдному себя содержанію, ибо ежели то имѣніе будетъ продано съ публичнаго торга, какъ по законамъ слѣдуетъ, то у него ничего не останется, да и что очистится изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ, за уплату по закладной, должно обратиться на удовлетвореніе кредиторовъ по обязательствамъ безъ залога.

Изъ прилагаемой при семъ записи, гдѣ изложено въ подробности разстроенное состояніе г. Кочубея и долги его, отъ накопленія процентовъ годъ отъ году увеличивающіяся, Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что кредиторы его по обязательствамъ безъ залога, ежели еще и далѣе терпимо будетъ отклоненіе продажи онаго имѣнія, чеминуемо вовсе потеряютъ капиталы свои, и тогда я, несчастнѣйшій изъ всѣхъ ихъ, долженъ лишиться послѣдняго, такъ сказать, куска хлѣба.

Удостойте, сіятельнѣйшій князь, милостиаго вниманія своего всѣ сіи обстоятельства и благоволите по надлежащемъ, ежели угодно, въ истинѣ оныхъ удостовѣренію, приказать кому слѣдуетъ учинить надлежащее распоряженіе о немедленномъ выполненіи остающагося безъ дѣйствія по сему случаю закона, по которому вышеозначенное, заложенное Варвацію, имѣніе давно должно быть продано съ публичнаго торга. Сею мѣрою Ваше Сіятельство изволите оказать не мнѣ одному, но и всѣмъ кредиторамъ существенное благодѣяніе, ибо они другой надежды имѣть не могутъ получить хотя нѣкоторую часть капиталовъ своихъ, какъ отъ продажи того имѣнія, предполагая, что за уплату по закладной останется что нибудь на удовлетвореніе и ихъ обязательствъ. Это одно также можетъ нѣкоторымъ образомъ спасти даже отъ предстоящихъ непріятностей и самаго г. Кочубея, который, предоставивъ имѣніе свое законному для уплаты долговъ распорядку, избѣгнетъ тѣмъ сираведливыхъ упрековъ и преслѣдова-

вій, а кредиторы, получивъ, наконецъ, что нибудь изъ своихъ капиталовъ, принуждены будутъ безропотно подвергнуться необходимости потерять остальное и оставить его въ покой.

Простите мнѣ, Ваше Сіятельство, изъясненія сіи. Я осмѣлился безнокоть ими въ надеждѣ на благоволеніе Вашего Сіятельства къ участію во мнѣ Михайла Михайловича Сперанскаго, нѣкогда лично имъ Вашему Сіятельству по дѣлу моему съ Оболонскимъ изъявленному. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть, милостивый государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга М. Могиллянскій. 13 декабря 1831 г. Г. Киевъ.

II.

Записка о разстроенному состояніи и неоплатныхъ долахъ помѣщика Полтавской губерніи действительного статского советника Семена Михайловича Коцубея. 13 декабря 1831 г.

Кредиторы означенаго помѣщика, замѣтивъ давно замѣшательство въ его дѣлахъ и непреодолимы затрудненія въ платежѣ не только занятыхъ имъ капиталовъ, но даже и процентовъ на оные, которыхъ многіе нѣсколько уже лѣтъ не получаются, принужденными нашлись узнать обстоятельно о положеніи его дѣлъ, что до количества долговъ особливо касается и до способовъ, какіе онъ имѣеть къ уплатѣ ихъ. Вслѣдствіе чего, по собраннымъ, гдѣ нужно было, свѣдѣніямъ, ни малѣйшему сомнѣнію въ истинѣ неподверженнымъ, открылось:

1) Что изъ всего, во владѣніи его съ лишкомъ въ семи тысячахъ душахъ состоявшаго имѣнія съ напрекраснѣйшими угодіями и съ преизобильнымъ количествомъ земли по двумъ наслѣдствамъ, то есть отъ отца и тетки къ нему дошедшаго, осталось теперь у него полтавскаго повѣта въ селѣ Жукахъ и Демидовѣ съ небольшимъ тысяча душъ, да Переяславскаго повѣта въ селѣ Рудниковѣ около 370 душъ;

2) Что остающіяся еще у него во владѣніи имѣнія находятся давно уже въ залогѣ: Жуки и Демидовка у умершаго надворнаго советника Варвация слишкомъ въ 450 т. рубляхъ, включая тутъ и накопившіеся за нѣсколько лѣтъ проценты, да у отставнаго чиновника 4го класса Семенюты въ первомъ изъ упомянутыхъ селъ 123 души въ 40 т. рубляхъ; Переяславскаго повѣта село Рудниковъ, въ которомъ

около 370 душъ, у тамошнаго помѣщика Каневскаго въ 150 т. рубляхъ, а съ процентами вѣсколько лѣтъ неуплаченными около 200 т. рублей—и сіи послѣднія двѣ закладныя писаны на упадъ. Слѣдовательно все, оставшееся еще во владѣніи г. Кочубея имѣніе въ числѣ 1400 душъ, или около того, находится въ залогѣ въ 690 т. рубляхъ, то есть, каждая душа безъ малаго въ 500 рубляхъ.

По первой изъ вышеозначенныхъ закладныхъ, писанной на основаніи Банкротскаго Устава, заложенное имѣніе, по невыкупу онаго, давно подлежитъ продажѣ съ публичнаго торгу, тѣмъ болѣе, что г. Кочубей около восьми лѣтъ уже не платить вовсе и процентовъ на занятую 300 т.—сумму. Но очевиднѣй надъ имѣніемъ Варварція, вѣкто Бозо, житель Таганрогскій, бывъ убѣжденъ съ одной стороны просьбами г. Кочубея, и съ другой—родственнымъ участіемъ въ немъ графа Виктора Павловича Кочубея, изъявленнымъ лично ему Бозо въ бытасть его въ Петербургѣ, какъ онъ самъ разсказывалъ, не требуетъ до сего времени уплаты по закладной, къ какому столу предосудительному, и по одному уже накопленію процентовъ, для пользы другихъ кредиторовъ вредному снисхожденію предстоитъ ему вся удобность потому, что капиталъ сей принадлежитъ не наследникамъ Варварція, частнымъ людямъ, а предназначенъ отъ него на училища, отчего и остается доселѣ безгласнымъ почти и невзысканнымъ;

3) Что сверхъ вышеозначенныхъ подъ залогъ имѣнія долговъ г. Кочубей, сколько доселѣ достовѣрно известно, состоятъ еще должныи по крѣпостнымъ закладнымъ письмамъ: статскому совѣтнику III—въ 175 т. р., статской совѣтницѣ М—ской 50 т. р., на взысканіе коихъ дана отъ нея довѣренность мужу своему, помѣщикамъ—харьковской губерніи полковнику К—ому 100 т. р., полтавской—маюру С—му—40 т. р., полковнику М—ку—30 т. р., капитану З—му—10 т. р. и полтавскому купцу З—му 50 т. Всего-же 455 т. р., одной капитальной суммы безъ процентовъ, которые, какъ известно, вѣсколько лѣтъ уже никому не платятся. Всѣ сіи суммы делятъ, исключая должностной г. III—ву, получены г. Кочубеемъ наличными деньгами, III—ву же даны обязательства отчасти за неоказавшуюся по описи въ проданномъ ему Лучковскому имѣніи наличность и отчасти за неполученіе съ сего имѣнія въ первые три года десяти-процентнаго дохода съ заплаченного за оное капитала по какому-то словесному ихъ между собою условію.

Изъ сихъ долговъ слѣдуемый купцу Зеленскому обезпеченъ, какъ сказываютъ, впослѣдствіи времени какою-то купленною близъ Жуковъ въ урочищѣ Колодезяхъ землею и пересланными на ону изъ заложенныхъ имѣній, какъ-то изъ Жуковъ и проч., крестьянами. Скоропадскій же хотя и представилъ ко взысканію свое обязательство и требовалъ по законамъ обезпеченія на должную ему сумму, но когда г. Кочубей показалъ, что другого отъ залога свободнаго имѣнія у него нѣть, кромѣ селитренного въ городѣ Переяславѣ завода, изъ старой хаты и нѣсколькихъ разсыпавшихъ кадокъ, какъ известно, состоящаго, то дѣло о взысканіи съ него сего долга на томъ и остановилось;

4) Что все вышеупомянутое, остающееся во владѣніи г. Кочубея и заложенное имѣніе находится въ самыи ничтожномъ и бѣдственномъ состояніи. Строенія господскія, экономическая и крестьянскія ветхи; господскіе сады и огороды запущены, крестьянскіе же или опустѣли, или и вовсе истреблены; во всемъ имѣніи по самому вредному и противному правиламъ благоразумнаго хозяйства распорядку нѣть никакъ ни скотоводства, ни другихъ какихъ-либо полезныхъ деревенскихъ занятій и ремесль, а всѣ способы отъ земли и людей обращены на одинъ лишь винокурни, единственный предметъ и вниманія и заботливости хозяина, и которыхъ со всѣмъ тѣмъ огромностю своею далеко не соответствуютъ ни собираемому количеству хлѣба, ни числу крестьянъ, ни всѣмъ другимъ средствамъ къ выкуркѣ предполагаемаго непомѣрнаго количества вина, отчего и произошло, что крестьяне во всемъ имѣніи г. Кочубея совершенно разорены, незная давно уже никакихъ предѣловъ ни повинностямъ своимъ, ни побужденіямъ отъ экономіи къ онymъ, что, непрестанно работая на своего господина, едва-ли имѣютъ и столько времени, чтобы приобрѣсти себѣ необходимое съ семействомъ прокормленіе, что они лишены всякаго самаго обыкновеннаго въ крестьянскомъ быту имущества и что изъ нихъ двадцатый развѣ хозяинъ имѣеть достаточно скота и другихъ землевладельческихъ принадлежностей соразмѣрно количеству земли, остающейся по большей части невоздѣланною за употребленіемъ всѣхъ рукъ на винокурняхъ въ продолженіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ въ году

и 5) Что въ таковомъ разстройствѣ дѣль своихъ г. Кочубей старался до сего времени всячески и личными и безчисленными письменными своими многословными объясненіями увѣритъ докучливѣйшихъ изъ своихъ кредиторовъ, что онъ, будучи самыхъ строгихъ честныхъ правиль, никакими случаями неизмѣнемыхъ, имѣеть чи-

стѣйшія намѣренія со всѣми расплатиться, къ чему, какъ онъ увѣраль, огромныя его винокуренныя заведенія доставляютъ ему всѣ способы. Увѣренія сіи однако мало имѣли успѣха, ибо извѣстно стало всѣмъ, что огромныя тѣ въ Переяславскомъ особенно повѣтѣ заведенія по неимѣнію на собственной своей муки, ни денегъ на покупку оной, не приносить не только никакого дохода, но иѣсколько уже лѣтъ сряду находится въ совершенномъ бездѣйствіи, и что всѣ другіе со всего имѣнія доходы вовсе недостаточны на платежъ процентовъ на должные капиталы, да и тѣ не только вполнѣ издерживаются всѣ самимъ г. Кочубеемъ извѣстнымъ ему образомъ, но что онъ сверхъ того входитъ еще въ новые долги, тщательно стараясь скрывать между тѣмъ отъ всѣхъ обстоятельства свои и тѣ неприличныя средства, къ которымъ онъ въ непріятномъ положеніи своемъ рѣшается наконецъ прибегнуть. Доказательствомъ сему между прочимъ можетъ служить предосудительный поступокъ его вышеупомянутымъ Куликовскимъ, которому онъ, перепродавая Лучковское имѣніе съ согласіемъ г. Шіянова, на основаніи состоявшагося между ними при продажѣ онаго условія, успѣлъ выманить въ родѣ задатка сто тысячъ рублей, между тѣмъ какъ на перепродажу ту Шіяновъ послѣ не согласился, и Куликовскій, бывъ такимъ образомъ обманутъ, не знаетъ теперь что дѣлать. Сверхъ того изъ заложенныхъ съ вышеупомянутыхъ имѣній понереселялъ иныхъ крестьянъ своикъ на купленныи кой-какія земли и вновь позакладывалъ ихъ, а инымъ подавалъ чрезъ повѣтовые суды отпускныя, получивъ за то деньги, сколько кто въ состояніи былъ заплатить и проч. Самъ же, наконецъ, удалившись изъ своего такимъ образомъ разореннаго имѣнія, проживаетъ теперь, какъ говорять, въ купленномъ близъ Полтавы же на ими побочнай сестры своей, пѣкоей г-жи Тернавской, подтверждая настоящимъ положеніемъ своимъ ту прискорбную истину, что подобное разстройство нерѣдко влечеть за собою измѣненіе правиль человѣка съ хорошими иногда качествами ума и сердца и подвергаетъ его всѣмъ нещастіямъ, какія только отъ потерялія доброго имени и уваженія произойти могутъ.

Подобное изображеніе настоящаго положенія дѣлъ г. Кочубея во всѣхъ частяхъ истинное не могло не удивить и не встревожить его кредиторовъ, и особенно нижеподписавшагося, лишающагося по не-полученію отъ г. Кочубея ни капитала, ни процентовъ, единствен-наго своего имущества, дома въ Кіевѣ, за казенный долгъ описы-ваемаго, и для котораго, по стеченью несчастныхъ его обстоятельствъ,

въ ономъ должномъ жепѣ его капиталъ заключается наконецъ все почти состояніе семейства его. Почему, не видя иного средства къ спасенію хотя иѣкоторой части онаго, кромѣ надежды на продажу по Банкротскому Уставу съ публичнаго торга вышеозначенаго имѣнія его въ полтавскомъ повѣтѣ, Варвацію заложеннаго, отъ какой продажи могло бы остатся еще что нибудь, по удовлетвореніи заладной, и на уплату по обязательствамъ безъ залога, онъ вмѣстѣ со всѣми другими кредиторами Кочубея покорнѣйше просить, принявъ законныя мѣры къ прекращенію умноженія долговъ, обременяющихъ оное въ полтавскомъ повѣтѣ имѣніе, ибо къ заложенному въ Переяславскомъ на упадъ никакія другія претензіи относиться не могутъ, учинить подлежащее распоряженіе къ немедленной продажѣ того имѣнія съ публичнаго торга и тѣмъ положить преграду съ одной стороны дальнѣйшему раззоренію онаго, отъ чего весьма много можетъ оно потерять въ цѣнѣ своей, а съ другой накопленію процентовъ на капиталъ по заладной, разорительному для другихъ кредиторовъ и продолжающемуся столько времени послабленіемъ лишь, какъ выше объяснено, самаго надѣя имѣніемъ Варвація очекуна Бозо. Хотя же теперь, какъ слышно, дѣло о семъ капиталѣ состоить подъ разсмотрѣніемъ въ коллегіи иностраннѣхъ дѣлъ по Азіатскому Департаменту, но случаю имѣющаго послѣдовать якобы по требованію перевода онаго въ Грецію на тамошнія училища, сообразно съ волею завѣщателя, но обстоятельство сіе не можетъ препятствовать предписываемой законами продажѣ имѣнія, а напротивъ дѣлаеть таковую продажу необходимою для выручки капитала, о которомъ идетъ дѣло, куда бы онъ обращенъ ни былъ. Статскій совѣтникъ Могилянскій.

III.

Письмо С. М. Кочубея къ князю Н. Г. Репнину.

Милостивый Государь, князь Николай Григорьевич!

На привнесенную Вашему Сиятельству на меня жалобу г. статскимъ совѣтникомъ Могилянскимъ за неплатежъ мною ему моего долга къ его раззоренію и прочее, честь имѣю симъ Вашему Сиятельству доложить, что, зная съ самаго моего младенчества его, т. Могиланского, пользовавшися иѣсколько лѣтъ, въ его безпріютномъ и неимущемъ положеніи, единственнымъ пристанищемъ и жизненными пособіями въ домѣ родной тетки моей, Потемкиной, въ ея деревне Демидовкѣ, и доставившей ему всѣ способы свои отбыть въ

Петербургъ, для опредѣленія его вновь тамъ на службу, непреставъ я съ того же времени читать, какъ бы наследственно, всѣ чувства усердія и моей къ нему, г. Могилянскому, привязанности. По симъ чувствамъ своимъ удѣлялъ и ему въ столицѣ, во время его тамъ бѣдности, изъ собственныхъ моихъ учебныхъ денегъ, потомъ отдалъ ему также всѣ мои наличныя деньги для опредѣленія его къ фельдмаршалу графу Салтыкову, безъ чего, по словамъ его, онъ тутъ счастливый случай, который действительно основалъ его благосостояніе съ 1797 года. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ, г. Могилянскій, увольнясь отъ службы, прибылъ въ Полтаву, где я ему подарилъ домъ, где нынѣ живетъ князь Баратовъ, и за который, по выѣздѣ его въ Кіевъ съ его семействомъ, по желанію его, заплатилъ ему до 5 т. рублей, деньги тогда важныя, ибо ассигнаціонные 1 р. 25 к. равнялись цѣлковому сребрянному рублю, когда, принявъ отъ него ассигнаціями предложенія имѣть мнѣ отъ 20 т. до 25 т. р., написалъ обязательство мое сребранными рублями изъ моего постояннаго расположенія ему истиннаго добра. За сей заемъ, посредствомъ князя В. И. Кочубея, уплатилъ я ему сребранныхъ 25 т. р., или ассигнаціями до 100 т. рублей. Наконецъ, неупоминая о весьма многихъ случаяхъ, между коими и подарокъ важной собственности въ Стайкахъ Кіевской губерніи, за которую получиль онъ отъ г. Фурмана 20 т. р., въ коихъ всегда я старался сдѣлать ему полезное, принялъ я переводъ 100 т. р., мною г-жѣ Пламенцовой должныхъ, и признаюсь Вашему Сіательству, что имѣль и великія старанія здѣсь и въ столицѣ, склонивъ и Михайла Михайловича Сперанскаго на пособіе удержать за г. Могилянскимъ переводъ сей, казавшійся сомнительнымъ, что видно и изъ самаго рѣшенія сената, утверждающаго тогда лишь переводъ сей, ежели я уже заплатилъ по оному деньги г. Могилянскому. Во всѣхъ случаяхъ, пзы изъясненнаго моего чувства, платилъ я ему 12-й и 10-й проценты, каковой послѣдній получилъ и по изъясненному переводу, на что имѣю его руки счетъ и свидѣтелей, и по коему осталось 50 т. р. капитала, кои недоумѣваю кому долженъ а платить, по силѣ сенатскаго указа, ему-ли г. Могилянскому, или же въ сторону г-жи Пламенцовой, но, невзирая на сie, я приемлю всѣ рѣшительныя мѣры о составленіи сей суммы и прошилъ даже я г. Шіянова объ уплатѣ оной г. Могилянскому за меня.

Докладывая все сие на благоусмотрѣніе Вашего Сіательства какъ лучшее доказательство моей невинности, съ высокоочитаніемъ имѣю

честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорный-
шись слугою, Семенъ Кочубей. Полтава, января 9-го 1832 г.

IV.

Письмо М. В. Могилянского къ князю Н. Г. Репину.

Сиятельныйшій князь, Милостивый Государь! Имѣвъ честь полу-
чить благосклоннѣйшій Вашего Сиятельства отвѣтъ на покорнѣй-
шую просьбу свою, вмѣниу себѣ въ непреложную обязанность при-
нести Вашему Сиятельству почтительнѣйшую мою благодарность,
сколько бы, впрочемъ, причины неудовлетворенія самой просьбы ни
были для меня прискорбны по своей противоположности тѣмъ по-
следствіямъ, которыхъ смѣль надѣяться отъ благодѣтельного Вашего
Сиятельства посредства.

Бывъ вынужденъ безшокойти Ваше Сиятельство покорнѣйшею
свою просьбою, я основывался не на соображеніяхъ приказанаго
обрида и примѣненія къ дѣлу какихъ-нибудь сенатскихъ указовъ, но
на точномъ разумѣ законовъ, ограждающихъ право собственности и
опредѣляющихъ истинныя обязанности Высшаго Начальства, въ ка-
комъ бы видѣ и какими бы путами ни доходили до него основатель-
ные жалобы и проч., а потому и ожидалъ, что, по удостовѣреніи
въ справедливости изложенныхъ мною обстоятельствъ, Вашему Сия-
тельству угодно будетъ дать подъ рукою замѣтить г. Кочубею, что
дальнѣйшее продолженіе настоящаго положенія дѣлъ его, какіе бы
случаи въ жизни ни были причиной подобнаго его несчастія, ни
съ порядкомъ, ни съ собственною честю его несообразно, и что для
отвращенія могущихъ послѣдовать непріятностей ничего другого не
остается ему дѣлать, какъ согласиться предоставить заложенное Вар-
вацію имѣніе законному для уплаты долговъ распорядку, то есть по-
ступить безъ отлагательства по 54-му пункту второй части устава о
банкротахъ, требуя продажи онаго съ публичнаго торгу и проч. по
смыслу узаконенія сего, предоставляющаго равное въ томъ право и
закладчику имѣнія и другимъ кредиторамъ его. Въ семъ могла бы
состоять надежда послѣднихъ получить что-нибудь изъ своихъ капи-
таловъ и г. Кочубей, продолжая послѣ такого замѣчанія уклоняться
отъ предстоящей для него необходимости, обнаружилъ бы тогда не-
благонамѣреніе свое, заслуживающее другихъ уже мѣръ. Что всѣ кре-
диторы его желаютъ сей послѣдней развязки, въ томъ нѣть ни ма-
лѣйшаго сомнѣнія, но не всѣ они готовы войти съ формальными во-

предмету сему прошениамъ, ибо изъ важнѣйшихъ по капиталу между нами, одного, можетъ быть, удерживаетъ покудова отъ сей мѣры признательность за пріобрѣтенное имъніе, или какіе-нибудь еще новые безошибочные расчеты, а другого предложенное пустое впрочемъ поручительство какой-то доброй родственницы, до нѣкотораго времени его успокоившее. Для чего же выѣстъ съ ними должны и другие кредиторы потерять капиталы свои, и особливо я, по истинѣ бѣднѣйшій изъ всѣхъ ихъ и имѣющій слѣдовательно наиболѣе причинъ опасаться продолженія подобнаго дѣлъ г. Кочубея безпорядка?

Что же касается до объясненныхъ мною предосудительныхъ г. Кочубея поступковъ и въ разсужденіи крестьянъ своихъ, которыхъ усугубляющаяся годъ-отъ-голу нищета должна естественно уменьшить стоимость имѣнія,—и кредиторовъ, подвергающихся неминуемой потерѣ своихъ капиталовъ, по причинѣ непомѣрного накопленія долговъ отъ неплатежа процентовъ и новыхъ заемовъ, то они слишкомъ извѣстны уже, чтобы пришло кому-нибудь въ голову, для напраснаго впрочемъ удостовѣренія, марать себя средствами, и для одного уже слуха ненавистными! Ежели подобныя средства потребны еще для доказательства правости дѣла и полученія какого-либо удовлетворенія, въ такомъ случаѣ я смѣю увѣритъ Ваше Сіятельство, что г. Кочубей, подъ сѣнью особливо непотизма, не въ одномъ Римѣ лишь извѣстнаго благотворительнымъ своимъ вліяніемъ, спокойно можетъ продолжать настоящія дѣла свои и тѣмъ довершить несчастія мои, столь неожиданно меня постигшія. Съ глубочайшимъ высокопочитавіемъ честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга М. Могиллянскій. 10 января 1832 г. Киевъ.

V.

Письмо князя Н. Г. Репнина къ М. В. Могиллянскому.

Милостивый Государь Михаилъ Васильевичъ! Ожиданіе Вашего Высокородія, что я буду убѣждать Семена Михайловича Кочубея объ успокоеніи кредиторовъ его было самое безошибочное. Зная, сколь много терпитъ онъ и чему еще можетъ подвергнуться чрезъ неразвязку долговыхъ дѣлъ, я, по полученіи первого письма Вашего, не умѣдливъ пригласить его къ себѣ и дѣлалъ совѣты и убѣжденія, желанію Вашему соотвѣтственнымъ, не показывая впрочемъ письма Вашего по-оскорбительнымъ для него выраженіямъ. Онъ далъ мнѣ слово принять къ тому все мѣры отъ него зависящія и навѣрное все исполн-

нить, отзываясь при томъ, что изъ всѣхъ его кредиторовъ Вы первый, котораго онъ съ избыткомъ давно уже удовлетворилъ по займу, не касаись разныхъ одолженій и пожертвованій, какія въ счастливы времена своей жизни многократно для Васъ дѣлалъ, пытая къ Вамъ усердіе и не предвида послѣдствій.

Что же касается до продажи имѣнія Варвацію заложеннаго, я не могу скрыть отъ Васъ моего соображенія, что едвали оная принесетъ какую-либо пользу кредиторамъ безъ залога, ибо претензія Варвація дошла до 350 руб. па каждую ревизскую душу, теперь же имѣнія въ Малороссії такъ малоцѣнны въ разсужденіи недостатка въ денежныхъ капиталахъ, что не предвидится совершенно никакой надежды, чтобы при торгахъ за сie имѣніе дали болѣе суммы, нежели сколько слѣдуетъ наслѣдникамъ Варвація для очистки закладной, тѣмъ паче когда оное не имѣеть тѣхъ хозяйственныхъ устройствъ и заведеній, отъ которыхъ главнѣе доходъ извлекается.

Но не взирая на сie, ежели о продажѣ поступятъ требованія на основаніи законовъ, повторяю Вамъ, я не премину наблюсти за удовлетвореніемъ оныхъ и, отвѣтствуя симъ на вторичное письмо Ваше отъ 10-го января сего года, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, Милостивый Государь, Вашимъ покорнымъ слугою, князь Репнинъ. Полтава, 15 января 1832.

VI.

Письмо С. М. Кочубея къ князю Н. Г. Репнину.

Милостивый Государь, князь Николай Григорьевичъ!

Имѣвъ честь получить требованіе Вашего Сиятельства на счетъ долгового моего положенія въ отношеніи къ статскому совѣтнику г. Могиллянскому, долгомъ почитаю симъ доложить, что нынѣ остается у него одно мое крѣпостное обязательство на сумму 50 т. руб., коихъ всего на имя его супруги г. статской совѣтникомъ Шіановымъ было на 100 т. р. переведено и кои я на имя сего послѣдняго было написать, по случаю перешедшаго въ руки г. Могиллянского моего на 97 т. руб. долга отъ г-жи Пламенцовой, каковаго всего долга, 97 т. р., онъ Могиллянскій отъ меня на имя свое написанными обязательствами принять сомнѣвался, по причинѣ жалобъ г-жи Пламенцевой за неправильное полученіе г. Могиллянскимъ моихъ отъ ея уполномоченнаго на оную сумму 97 т. р. векселей. Со времени получения означенныхъ моихъ г. Могиллянскимъ отъ г-жи

Пламенцевой векселей на 97 т. р., т. е. съ 1825 года, имѣль отъ меня г. Могилянскій значительные платежи, произведенные мною ему частію лично, а болѣе того при посредствѣ г. Шіянова черезъ Переяславскаго имѣнія моего управителя Дудникова (что нынѣ кременчугскій купецъ), и наконецъ, посредствомъ полтавскаго 1-ой гильдіи купца г. Зеленскаго, дѣлавшаго съ г. Могилянскимъ послѣдній счетъ, послѣ коего остались у него на имя супруги его вышеупомянутыя обязательства мои на 50 т. руб.

За неимѣніемъ мною нынѣ при себѣ всѣхъ надлежащихъ по симъ платежамъ видовъ и справокъ, отнесся я къ означеннымъ лицамъ съ просьбою моеко о скоромъ доставленіи мнѣ оныхъ, дабы я могъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Сиятельства вѣрнѣйшій счетъ сего моего г. Могилянскому долга, по которому, сколько я могъ нынѣ вспомнить, и по наличнымъ у меня его счетамъ видѣть, уплачено отъ меня ему болѣе 90 т. р., сверхъ оставшихся у него моихъ на 50 т. р. обязательствъ, и именно: сочтено 97 т. р. капитала по 3-е сентября 1825 года съ процентными деньгами, (коихъ въ послѣднее время, по причинамъ моихъ различныхъ съ г-жею Пламенцевою предложеній, не могъ я ей надлежаще уплатить), всего около 102 т. р., коихъ тогда же 2 т. р. г. Могилянскій отъ меня принялъ, а на 100 т. р. получалъ онъ платежи, считая оные онъ въ процентъ, изъ его собственныхъ счетовъ и записокъ видный, а потомъ и при послѣднемъ счетѣ, имъ съ г. Зеленскимъ совершенномъ отъ 3-го февраля 1827 г. по 3-е сентября 1829 года отъ 100 т. р. въ 25,833 р. сочтенный и къ сему капиталу имъ причтенный; изъ всего сего явственно, что по оный срокъ получилъ г. Могилянскій съ 1825 года 3-го сентября съ 2 т. рублями и съ процентами за годъ и 5 мѣсяцевъ по 3-е февраля 1827 года отъ 100 т. р. всего болѣе 16 т. р. Въ 1829 году счелъ онъ, дѣлая счетъ съ г. Зеленскимъ, изъ 125,833 р.—76 т. р., что составить до того въ полученіи имъ 92 т. р., вычти же онъ, г. Могилянскій, изъ 125,833 р.—76 т. р., назначилъ себѣ получить, въ счетъ оставшихся тогда за симъ 49,833 р., 5 т. р. изъ моего Переяславскаго имѣнія, кои, если онъ тамъ оныя получилъ, составить съ прежними 92 т. р., въ полученіи имъ 97 т. р. Продолжая тогда-же счетъ г. Могилянскій съ г. Зеленскимъ, означилъ онъ сіи 5 т. р. вычтеными изъ 49,833 р., и, сочта за годъ и пять мѣсяцевъ изъ оставшихся 44833 р. капитала 6351 р. процента, составилъ 51184 р., изъ коего счета, наконецъ, вычта 910 руб. (каковой вычетъ долженъ быть г. Зеленскому извѣстенъ), оставалось

капитала 50274 р., на который удержалъ г. Могилянскій, на имя супруги его, мои векселя на 50 т. р., а изъ Переяславскаго имѣнія моего назначено по тому же счету въ концѣ онаго уплатить г. Могилянскому не ровно 5 т. р., а 5274 рубля.

Изъ сего на сей разъ краткаго, но вѣрнаго изложенія, изволите Ваше Сіательство увидѣть, что г. Могилянскій на перешедшій ему отъ г-жи Пламенцевой долгъ мой, 97 т. р. капитала, получилъ онъ отъ меня съ 1825 г. 3-го сентября по 1831 годъ 3-е февраля, т. е. аа 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ полный капиталъ и имѣть у себя еще сверхъ сего на 50 т. р. моихъ обязательствъ.

Представляя все сіе нынѣ на благоуваженіе Вашего Сіательства, смѣю надѣяться, что Вы изволите по всей справедливости заключить, можетъ-ли г. Могилянскій приносить жалобы и за себя, а и столько еще заботиться и о другихъ моихъ кредиторахъ, не имѣя отъ нихъ на то уполномочія, и конь, конечно, получаютъ возможное слѣдующее отъ меня удовлетвореніе. Конечно, я въ прошломъ году, неизирая ни на какие счеты, уплатилъ бы г. Могилянскому и 50 т. р. по векселямъ моимъ, но сему препятствовало мнѣ общественное бѣдствіе, болѣзнь, остановившее всеобщее дѣйствіе до того, что и самы казенные кредитныя мѣста отсрочили потому свои требованія.

Въ заключеніе же позвольте мнѣ, Ваше Сіательство, доложить въ огражденіе меня отъ подобныхъ г. Могилянского жалобъ, если бы они могли быть, чего я не ожидаю безъ особенной чьей-либо напряженной несправедливости, что если бы я могъ видѣть терающимся балансъ моихъ долговъ противу стоимости собственности моей, надѣясь я, что сіе не воспослѣдуется, имѣя при прошедшіхъ общихъ бѣдствіяхъ, неурожаяхъ, болѣзняхъ и проч., надлежащее вниманіе, то я тогда же прежде всѣхъ непреминулъ бы просить Вашего Сіательства, какъ начальника края сего, опѣнить все мое имущество, обеспечить онымъ моихъ кредиторовъ и разчесть меня съ тѣми изъ нихъ, кои могли бы на меня жаловаться.

Наконецъ, позвольте мнѣ, изложивъ всѣ вещественные обязанности мои, обратиться къ Вашему Сіательству и съ нравственнымъ докладомъ моего душевнаго сокрушенія, что г. Могилянскій, коего я и по нынѣшнему его начатому дѣлу съ г-жею Пламенцовою поддержалъ, имѣвъ я право ему въ неправильно сдѣланномъ имъ переводѣ отказать, но неисполнивъ сего по моему къ нему съ 12-лѣтнаго возраста моего усердія, коимъ смѣю сказать впослѣдствіи быть я ему совершенно полезнымъ, устраивая его неоднократно и составивъ ему

лучшую часть его всего состоянія, свыше 100 т. р. простирающуся, рѣшается на оскорблениія меня, въ коихъ его никто и ничто оправдати не можетъ.

Съ должнымъ моимъ высокопочтаниемъ и совершенной преданностью имѣеть честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнѣйшимъ слугою Семенъ Кочубей. Полтава, 18 января 1832 г.

Сообщ. И. С.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

**Молитва въ память уманской рѣзни и письмо, насаю-
щееся того-же событія.** Нижеслѣдующая молитва установлена въ
память печальнаго событія—страшной уманской рѣзни 1768 г.,
и ежегодно, въ годовщину катастрофы, 5-го Тамуза ¹⁾, при гро-
мадномъ стечениі народа, читается она въ уманскихъ синаго-
гахъ заунивымъ напѣвомъ, подобно Плачамъ іереміи; въ этотъ
день уманскіе евреи соблюдаются безусловный постъ. Молитва эта
сохраняется въ главной уманской еврейской синагогѣ; написана она
на пергаментѣ древне-еврейскимъ языкомъ и состоять изъ риѳ-
мованныхъ четырехстишій, при чмъ начало каждого четырехстишія
начинается одной изъ буквъ еврейскаго алфавита по порядку.

Въ этой молитвѣ описываются за сердце хватающія сцены кро-
вавой драмы, разыгравшейся ча Украинѣ въ 1768 г. Происхожденіе
молитвы и ея автора нельзя съ точностью опредѣлить. Несомнѣнно,
однако, то, что она была составлена во время болѣе и менѣе близ-
кое къ моменту украинской рѣзни, такъ какъ авторъ говоритъ о
послѣдней, какъ о событіи свѣжей памяти, современномъ; при чмъ
упоминаются многія мѣста, гдѣ совершались злодѣйства гайдамакъ и
приводятся подробныя обстоятельства, ихъ сопровождавшія. Я по-
стараюсь дать, насколько это окажется возможнымъ, буквальный и
вмѣстѣ съ тѣмъ литературный переводъ этой своеобразной молитвы,
которая навсегда останется печальнымъ памятникомъ знаменитой
уманской рѣзни.

«Господи всемилосердный, Сущій въ небесахъ, Внимающій во-
лямъ скорбящихъ! Дай беззатѣженый покой и прими подъ сѣнь Тво-

¹⁾ Дата по христіанскому лѣтосчислению не обозначена; приблизительно начало июня.

ей обители души праведниковъ и святыхъ, сіявшихъ подобно свѣту небесному. Это души нашихъ собратьевъ израильянъ, людей именитыхъ, мужей благочестивыхъ; души Божиаго народа, священной уманской общины, павшихъ отъ руки проклятыхъ негодяевъ; велики и малъ, старъ и младъ».

«Великие среди израиля, богобоязненные и совершенные, охранявши законъ Твой,—впоследствіи имъ Тобою—увы!—гибель и истребленіе, горе и умерщвленіе. Они (гайдамаки) отдали трупы рабовъ Твоихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла благочестивыхъ Твоихъ—полевымъ звѣрамъ».

«Слезы безпрестанно проливаются очи наши. Горе намъ переживать такое несчастіе. При одной вѣсти объ этомъ изнываетъ душа наша. Мы уподобляемся овцамъ, ведомымъ на закланіе. Погибаемъ, всѣ мы, погибаемъ».

«Согласіе изъявили всѣ, старцы и юноши, принять кару Божію: иные произнесены были копьями, многие поражены ножами; кровь отцовъ и дѣтей смѣшалась. Кто услышитъ это, будетъ горько плакать и рыдать».

«Увы, вопили они съ сокрушеннымъ сердцемъ, видя, что несчастіе обрушивается. Доблестные и благородные въ синагогу сошлились, и воцѣль ихъ, исходившій изъ сокрушенного и наболѣвшаго сердца, достигъ Бога. Они увидали нечестивцевъ, вошедшихъ въ ихъ святилище съ ожесточенными сердцами».

«Отъ ужаса содрагается сердце мое, слыша, что негодяи дерзнули войти и поражать праведный народъ Твой. Тамъ, въ синагогѣ, они воздвигли предъ Тобою большой жертвеннікъ: домъ, наполненный трупами, павшими отъ руки нечестивцевъ».

«Краса израиля, вѣнцы народа и его украшенія, облеченные въ Талисы¹⁾ стояли въ синагогѣ, прижавъ къ груди свитки закона Твоего. Благочестивые евреи въ страхѣ и ужасѣ (вѣроятно за будущее въ загробной жизни) предостерегаютъ собратьевъ своихъ не измѣнять насильственно вѣрѣ предковъ. Всѣ съ любовью предпочитаютъ царствіе небесное земной жизни; души же свои они поручаютъ Всевышнему ихъ Создавшему; и всѣ они ведомы были на закланіе. Горько вскричали они: «слушай израиль» и, произнося слова «Богъ единъ», всѣ пали они мертвыми».

¹⁾ Шерстяное облаченіе, которое евреи надѣваютъ во время утренней молитвы.

«Подобно хищнымъ звѣрамъ рыскали они по улицамъ города. Закалывали и подбрасывали пронзенныхъ. Кровь убитыхъ евреевъ смѣшалась съ кровью магнатовъ и вельможъ, и потекла за черту города, какъ текущія воды. По истеченію нѣсколькихъ дней зловоніе служило препятствиемъ путь державшимъ, и начальнику (?) велѣль выбросить ихъ въ поле. Они оставлены были на същеніе хищнымъ птицамъ и полевымъ звѣрамъ».

«Ужасный былъ тотъ день, въ который уцѣлѣвшимъ отъ меча и стекавшимся со всѣхъ сторонъ евреямъ представилось страшное зрѣлище—долина, усыпанная костями и нѣсколькими тысячами отрубленныхъ головъ. Въ большія кучи сгребли они ихъ и всѣхъ въ одну могилу похоронили: Можешь ли Ты при этомъ удержаться, о Господи?»

«Утомились глаза наши отъ ожиданія Бога: Доколѣ Ты будешь подобно сильному, немогущему избавлять? Воочию намъ отомсти за пролитую кровь рабовъ Твоихъ. О мстящій Боже, Богъ возмездій, возсіяй!»

«Зачѣмъ, о Боже, на вѣги Ты отвергъ насъ? Ты видиши беззаконія, намъ причиняемы, а заступаться не заступаешься. Смотри на беззащитныхъ овецъ, ведомыхъ на закланіе, и отомсти за насъ. Не будь глухимъ къ нашимъ слезамъ и мольbamъ; не скрывайся отъ моленія нашего о нашемъ освобожденії».

«Ангелы небесные горько плачутъ о нашемъ томленіи. Взглядните и увидите, есть ли страданіе, подобно моему страданію. Я со-длагаюсь при одномъ воспоминаніи о томъ, что многія тысячи доблестныхъ и благородныхъ пали отъ руки негодаевъ. Доколѣ, о Господи, нечестивцамъ торжествовать?»

«Женщины праведницы, дщери драгоцѣнныя, взлелѣянныя и изнѣженныя, чрева ихъ распарывали, а плодъ выбрасывали; прекрасные юноши и дѣвушки, раздѣтые до нага, были разсѣчены и брошены; собаки таскали внутренности ихъ; юные агнцы—младенцы и взлелѣянныя дѣти на лонѣ матерей своихъ лежали пронзенные и разсѣченныя. Да будутъ они милостиво приняты Богомъ, какъ огненнамъ и благоухающая жертва».

«Священные книги божественнаго закона были разорваны руками нечестивцевъ; нѣсколько сотъ расколотыхъ Тефилинъ¹⁾ были

¹⁾ Нѣчто въ родѣ филакторій, надѣваемыхъ евреями въ будня при утренней молитвой.

подбрасываемы и ногами попираемы. Взгляни, о Господи, и посмотри на позоръ, которому подвергается Твоя священная Тора, данная на Синай при огненномъ пламени».

«Объ этомъ я плачу, вспоминаю о Богѣ и рыдаю; вспоминаю гибель столькихъ праведниковъ, чѣмъ увеличился скорбь и плачъ Іудеи».

«Потоки слезъ изольютъ глаза наши. Да будетъ эта печальная повѣсть записана на память послѣдующимъ поколѣніямъ; да будетъ горькій плачъ установленъ въ годовщину гибели согнанныхъ безсловесныхъ овецъ, невинныхъ и безгрѣшныхъ дѣтей предъ грознымъ и страшнымъ врагомъ. Ницъ пали они передъ разбойниками, умоляя ихъ подарить имъ жизнь. Негодяи ожесточили сердца свои, схватывали дѣтей и вверхъ подбрасывали; головы ихъ расшиблись и окровавленные падали они, обагряя кровью свои одежды; слѣды крови виднѣлись даже на стѣнахъ храма (синагоги, вѣроятно). Богъ, взывающій за невинную кровь, да вспомнитъ Онъ объ этихъ несчастныхъ жертвахъ, вспоминая о закланіи патріарха Исаака».

«Несчастья одно за другимъ нась постигаютъ. Рука Божія карала также и другія священные общины: Голта, Балта, Рашковичи, Тульчицъ и Павловичи,—внезапно погибли они отъ руки враговъ. Безчисленное множество и другихъ общинъ также погибло. Вскорѣ Богъ прибавилъ печаль къ печали нашей: въ городѣ Лисанкѣ и въ селѣ Медичнѣ, куда преслѣдуемые Израильянне стеклись изъ различныхъ сель и городовъ, напали на нихъ негодай и умертвили мужей, женъ и дѣтей самыми ужасными и жестокими образомъ».

«Да будутъ святы предъ Богомъ купцы, развозившіе товаръ, и нищіе, странствовавшіе по городамъ за подаяніемъ,—внезапно подверглись они самой страшной и мучительной смерти. По всей Украинѣ пораженныхъ мечами бросали; умерщвленные валялись въ оврагахъ и пещерахъ, а также среди дороги, хоронить ихъ не хоронили. Дѣти ихъ остались несчастными сиротами, а жены—вѣчными агунотъ¹⁾».

«Сжалъся, о Господи, надъ остаткомъ Твоего несчастнаго народа. Вѣдь за Тебя нась безпрестанно убиваютъ. Спасай нась отъ руки нечестивцевъ. Да разсѣются враги Твои передъ лицемъ Твоимъ».

Стражи Іерусалима (т. е. радѣющіе о благѣ израиля), вспоминаящая имя Бога, да не будетъ конца вашему плачу, не переставайте

¹⁾ По еврейски подъ этимъ словомъ разумѣютъ женщину, мужъ которой пропалъ безъ вѣсти, и этимъ она лишается возможности вступать вторично въ бракъ

вспоминать о душахъ этихъ святыхъ и праведниковъ. Потеря ихъ для насъ такъ чувствительна, какъ сожжение и гибель нашей святыни (авторъ молитвы напоминаетъ, несомнѣнно, этимъ на сожжение Татомъ Иерусалимскаго храма). Почему, милосердный Богъ, прюти ихъ подъ сѣнью Твоихъ крыльевъ и дай имъ насладиться миромъ хотя и послѣ смерти».

«Начало нападенія на Умань было въ понедѣльникъ 5-го Тамуза. Въ этотъ день истребили и умертвили расположившихся за городомъ на полѣ и стекавшихся туда изъ различныхъ селъ и деревень нѣсколько сотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Къ вечеру гор. Умань былъ взятъ, и началась страшная рѣзня, продолжавшаяся цѣлыхъ сутки. Въ среду они (гайдамаки) тщательно отыскивали въ городѣ жертвъ. Всѣхъ погибшихъ въ тотъ день, однихъ евреевъ, было 30,000 человѣкъ (гинербала вѣроятно)¹⁾.

Въ числѣ источниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ печальной эпохѣ колівщины и знаменитой уманской рѣзни, можетъ быть отнесено приводимое ниже въ русскомъ переводе письмо, извлеченное мною изъ одного еврейскаго сочиненія подъ именемъ Пардесъ, напечатанного въ 1769 г., т. е. черезъ годъ послѣ страшной уманской катастрофы. Въ этомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ рядъ моральныхъ проповѣдей, находится между прочимъ масса документальныхъ данныхъ по исторіи гайдамацкихъ волненій на Украинѣ. На первыхъ порахъ я даю переводъ одного жаргоннаго письма, принадлежащаго перу очевидца движенія коліевъ.

Письмо это писано изъ города Староконстантина Кенигсбергскому духовному раввину, рабби Арье-Лейбу. Вотъ его содержаніе:

«Собратья мои израильяне, пребывающіе въ изгнанії! Во имя Бога и ради израиля прошу передать настоящее письмо раввину, великому свѣту, знаменитому ученому, рабби Лейбѣ изъ Кенигсберга, а этотъ послѣдній сдѣлаетъ всѣмъ извѣстнымъ горе, постигшее многихъ. Въ особенности онъ сообщитъ это многимъ родственникамъ, которыхъ онъ знаетъ. Это будетъ великимъ благодѣяніемъ съ вашей стороны, Богъ по заслугамъ воздастъ вамъ.

Воскресенье, 17-е Аба, 1768.

¹⁾ Этотъ послѣдній отрывокъ молитвы въ сущности ничего молитвенного въ себѣ не заключаетъ, а носитъ исключительно повѣствовательный характеръ. Заканчивается онъ собою молитву только потому, что въ еврейскомъ текстѣ отрывокъ этотъ начинается послѣдней буквой еврейскаго алфавита, и этимъ, значитъ заканчивается алфавитъ въ молитвѣ.

Сообщаю вамъ, дорогой другъ мой, о великому несчастьи, постигшемъ Україну. Вамъ, вѣроятно, это уже известно, такъ какъ я самъ писалъ объ этомъ въ письмѣ моемъ, посланномъ вамъ посредствомъ дубровенскихъ (?) не-евреевъ. Но я не знаю, попало ли письмо въ ваши руки. Теперь же я посылаю вамъ настоящее письмо черезъ солдатъ его величества короля прусскаго¹⁾. Бунтъ измѣнниковъ, известный подъ именемъ гайдамачины, начался въ селѣ Жаботинѣ, гдѣ жилъ рабби Авремель (Авраамъ), известный вамъ. Въ томъ селѣ умерщвлено было 70 человѣкъ, въ томъ числѣ и жена упомянутаго Авраама.

Распороли животъ, а плодъ вынули живымъ.

Затѣмъ опустошительное движение гайдамакъ распространилось по всей Українѣ. Кто повѣритъ, что произошло такое необыкновенное происшествіе?!

Горе глазамъ видящимъ и ушамъ слышащимъ это!

Въ общинахъ: Тетіевѣ, Погребищѣ и др. погибли многія тысячи евреевъ. Многіе—о, грѣхи наши!—измѣнили вѣрѣ предковъ своихъ. Этихъ послѣднихъ принуждали собственными руками зарѣзать своихъ женъ и дѣтей, что служило искушеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, что они дѣйствительно отреклись отъ своей религіи. Но принося такія жертвы, они все-таки не избѣгли своей печальной участіи: ихъ тоже гайдамаки умертвили. Въ общинахъ: Балтѣ, Умани, Лисянкѣ, Смѣлѣ и др. погибло 50,000, а быть можетъ, 60,000 человѣкъ (преувеличено конечно). Безчисленное множество людей измѣнило своему закону; въ близь лежащихъ городахъ больше 2,000 человѣкъ нарушили субботу. Мы бѣжалы въ субботу и нарушили всѣ почти главныя субботнія постановленія. Мы бѣжали и потеряли всякия вѣсты одинъ о другомъ. Мы лишились всего нашего состоянія. Стыдно намъ сознаться, до чего мы дошли: многіе умирали отъ голода и жажды. Несколько тысячъ убитыхъ евреевъ не были даже погребены, а дѣлались добычей свиней и собакъ. Избави насть, о, Господи! Отъ великаго горя я не могу писать вамъ. Я не знаю, какъ мнѣ прибыть къ вамъ. Словомъ, кто Бога въ сердцѣ имѣеть, тотъ долженъ горько плакать и рыдать объ этомъ великому бѣдствіи... Я прошу, я умоляю своихъ друзей не оставить многихъ несчастныхъ дѣтокъ, пока я придумаю что нибудь дать (?) Такой-то.

¹⁾ О томъ, что въ Українѣ находились прусскіе солдаты, свидѣтельствуютъ и другие писатели. Скальковскій. Исторія новой Сѣчи. Муравьевъ. Гайдамачина 315.

Послѣ этого ¹⁾ ко мнѣ пришелъ одинъ очень почтенный старикъ (это было предъ праздникомъ пятидесятницы 1769 г.) и рассказалъ мнѣ, что онъ прибылъ сюда изъ Украины и между прочимъ рассказалъ обо всемъ, случившемся тамъ. По его словамъ, въ Украинѣ находился въ то время одинъ старикъ, благочестивый и знаменитый ученый, и какъ только онъ узналъ о страшныхъ ужасахъ, происходившихъ въ Жаботинѣ, онъ предупредилъ объ этомъ жителей Техіева. Выѣстъ съ тѣмъ онъ отправилъ посланныхъ въ другія общины предупреждать ихъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ.

Выѣстъ съ тѣмъ онъ сообщилъ имъ, что сейчасъ послѣ рѣзни Хмельницкаго порѣшили тогда польскіе, литовскіе и турецкіе евреи и обязали всѣхъ клятвою подъ страхомъ анаемы не селиться болѣе въ Украинѣ (следуетъ на основаніи Библіи доказательство и подтвержденіе своему запрещенію). Почему, присовокупилъ тотъ старецъ, вамъ запрещается взять что нибудь съ собою изъ заклятаго имущества. Итакъ, если вы послушаетесь меня и, убѣгая, не возьмете съ собою своихъ достатковъ, вы спасетесь отъ угрожающаго вамъ несчастья; кто же пожалѣеть своего имущества, тотъ погибнетъ.

И какъ этотъ старецъ предсказывалъ, такъ и сбылось: послушавшіеся совѣта старца уцѣлѣли, а кто захватилъ съ собою пожитки, даже самые незначительные, умерщвлены были и подверглись самой страшной и мучительной смерти: многіе были удушены; нѣкоторые сожжены, а другіе заброшены камнами. Все это передалъ человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія.

И. Галантъ.

Угроза генералъ губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовскаго жителямъ м. Смѣлого (роменск. у.) за ослушаніе 1811 г. ²⁾.
Ордеръ господину роменскому земскому комисару.

За полученіемъ донесенія вашего о безпорядкахъ, наглости и совершеннаго ослушанія, оказанныхъ казаками мѣстечка Смѣлого, при исполненіи Вашего указа губернскаго правленія, по предложенію моему состоявшагося къ предохраненію въ казенныхъ селеніяхъ казеннаго откуша взятьемъ съ общества подпиську, дабы каждый производилъ водку по состоянію своему, какъ въ Указѣ Правитель-

¹⁾ Это добавляетъ уже отъ себя издатель Парадесь.

²⁾ Изъ Яготинскаго Архива кн. Н. В. Репнина.

ствующаго Сената 1783 года сказано, и не въ подрывъ откупа, имѣющаго контрактъ на великороссійскихъ правахъ, воспрещающихъ всякому продажу и единой капли вина въ томъ мѣстѣ, гдѣ казенныи питейный домъ состоитъ, получилъ я вслѣдъ за тѣмъ и отъ того общества прошеніе, наполненное глупыми выраженіями и выносами статей, кои за состояніемъ новаго на казенные откупы законоположенія не подлежать быть внемлемы, что и они сами знаютъ, но вѣдать не хотятъ. Чего ради я предписываютъ Вамъ, явившись въ то селеніе, немедленно объявить все вышеписанное, добавя, что простить я могу недѣльную ихъ просьбу, по не въ правѣ я простить имъ ослушаніе выдачи требованной подписки, о чёмъ они и сами признаются, также и пропустить всѣ дерзостныи ихъ при томъ случаѣ произношенія, ибо именемъ вышняго начальства всякое требование должны они прежде выполнить, а потому, есть ли чѣмъ отягощаются или обременяются, просить, чего они не разсудили здѣлать по разпутству своему, пылкой жизни и недостатка въ точномъ повиновеніи законной власти. Я къ осужденію ихъ беру на первый часъ слѣдующія мѣры, кои смягчить или усилить рѣшить меня ихъ собственное поведеніе: 1-е, имѣете Вы объявить имъ требование мое, дабы тотъ часъ подписки были даны, и 2-е, общество представило бы Вамъ всѣхъ тѣхъ, кои замѣчены были Вами при семъ случаѣ въ азартныхъ и грубыхъ изреченіяхъ. Неисполненіе сихъ двухъ статей разрѣшить меня предать огню и поломю всего того общества селенія, какъ о томъ-же мѣры и взяты, дабы успѣть до площаднаго наказанія дать каждому лучше возчувствовать мѣру преступленія. О послѣдствіяхъ имѣете мнѣ чрезъ нарочнаго рапортовать. Князь Лобановъ-Ростовскій. № 9160, 24 іюня 1811 г. Полтава.

Сообщ. И. С.

Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ 1835 году¹⁾. Вслѣдствіе полнаго неурожая, постигшаго Малороссію въ 1833 году, въ слѣдующемъ году произошло большое накопленіе недоимокъ. Чтобы подвинуть всѣ сословія къ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ недоимокъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ приказалъ своей канцеляріи со-

¹⁾ Изъ Яготинского архива кн. Н. В. Репнина.

брать предварительно всю необходимую по этому вопросу свѣдѣнія. Канцелярія, отзывомъ отъ 9 іюня 1834 г. за подписью правителя канцеляріи Максимовича, просила Полтавскую казенную палату немедленно доставить свѣдѣнія, сколько числится въ полтавской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ за такими помѣщиками, у которыхъ состоять во владѣніи болѣе 20 душъ. Въ отвѣтъ на это палата сообщила слѣдующую интересную справку:

«На 1834 г. изчислено Казенною Палатой по полтавской губерніи ревизскихъ душъ для платежа податей: козаковъ—160,750, однодворцевъ—3, государственныхъ поселянъ—67,871, удѣльныхъ поселенъ 1,191, иностранныхъ поселенцовъ: колонистовъ—532, менонитовъ—112, евреевъ земледѣльцевъ—2, поселанъ, городамъ принадлежащихъ—2,046, свободныхъ хлѣбопашцевъ—3, помѣщичьихъ крестьянъ во владѣніи тѣхъ помѣщиковъ, кои имѣютъ менѣе 20 душъ—24,534, во владѣніи имѣющихъ болѣе 20 душъ—238,158.

На сей же 1834 годъ, за исключеніемъ вошедшихъ въ казенный читетный откупъ, изчислено по черниговской губерніи платящихъ винокуренную пошлину по 2 р. съ души: козаковъ—149,339, свободныхъ хлѣбопашцевъ—3, мѣщанъ, живущихъ по селеніямъ 422, помѣщичьихъ крестьянъ—256,891, итого 406,655 душъ. Съ нихъ дохода пошлинного за винокуреніе и продажу вина 310,323 р. 22 к. Изъ годового пошлинного оклада за 1833 годъ осталось въ недописѣ къ 1 января 1834 г.—198,365 р. 33^{1/4} к.

Сообщ. Н. С.

Гдѣ изготавлялись для малороссійскихъ козаковъ ружья въ полов. XVIII в. Это видно изъ слѣдующаго указа малороссійской войсковой канцеляріи: «Всеподданійшее намъ доносилъ окружной канцеляріи совѣтникъ Беръ отъ 20 минувшаго ноября, что за козацкія ручницы, которыя дѣлаются для малороссійскихъ козаковъ на Тулскихъ оружейныхъ заводахъ, недослано отъ малороссійской канцеляріи досталныхъ задѣльныхъ денегъ 16,575 рублей, отчего въ деле оныхъ ручницъ чинится остановка, ибо мастеровыми людемъ на дѣло ружья деньги даются всегда напередъ. Того ради чрезъ сіе малороссійской войсковой канцеляріи подтверждаемъ, чтобы оныя недосланыя деньги въ Тулу къ поманутому совѣтнику Беру немедленно отправлены были, дабы въ деле ручницъ остановки не было и повелѣваемъ нашей малороссійской канцеляріи учинить по сему нашему

указу». Декабря 29 дня 1739 года. Указъ подписали: Андрей Остерманъ, кн. Алексій Черкаскій и Артемій Волынскій. (*Изъ бумаги М. О. Судьинка*).

По поводу стихотворенія „Хома та Ярема“ Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старинѣ» за настоящій годъ профес. А. И. Маркевичъ помѣстилъ стихотвореніе «Хома та Ярема», продиктованное ему давно когда-то Т. Г. Шевченкомъ. Помѣщеніе это стихотвореніе, почтенный профессоръ въ письмѣ въ редакцію объясняетъ, что онъ не могъ узнать—было ли это стихотвореніе напечатано и кто его авторъ. Въ виду того, что стихотвореніе это, продиктованное Т. Г. Шевченкомъ, можетъ быть поэтому ошибочно отнесено къ его произведеніямъ, хотя, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ авторъ письма, оно не имѣть ничего общаго съ музою незавѣннаго Кобзаря, считаю не безполезнымъ отвѣтить на поставленные авторомъ письма вопросы. Стихотвореніе это, благодаря легкой формѣ и юмору, довольно популярно въ Малороссіи, по крайней мѣрѣ мнѣ не разъ приходилось встрѣчать его въ рукописяхъ и слышать отъ разныхъ лицъ, но, по собраннымъ мною тщательнымъ бібліографическимъ справкамъ, до появленія въ «Кіевской Старинѣ» оно дѣйствительно нигдѣ напечатано не было. Авторомъ этого стихотворенія оказывается К. Д. Думитрашко, писавшій подъ псевдонимомъ К. Коptyкъ, свѣдѣнія о которомъ сообщены мною въ замѣткѣ къ двумъ его стихотвореніямъ, относящимся къ исторіи г. Одессы и напечатаннымъ мною въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старинѣ» за 1894 годъ. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ Кіевѣ, между прочимъ отъ Л. В. Ильницкаго, лично знаящаго К. Д. Думитрашка; по формѣ и содержанію, оно дѣйствительно имѣеть много общаго съ другими извѣстными мнѣ стихотвореніями К. Думитрашка, въ которыхъ нельзя не видѣть подражанія болѣе талантливымъ его предшественникамъ И. Котляревскому и Гулаку-Артемовскому, и наконецъ стихотвореніе это находится въ числѣ другихъ въ имѣющемся у меня рукописномъ сборникѣ, о которомъ я сообщилъ въ указанной выше моей замѣткѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Коptyкovi вирши». Здѣсь оно помѣщено на страницахъ 41 и 42 подъ заглавіемъ «Часы», причемъ первый куплетъ записанъ нѣсколько въ иной редакціи, т. е. собственно полно, чѣмъ при письмѣ А. Маркевича, а именно:

Хома зъ Яремою йдучи,
Найшовъ на улыци часы,
У руки ихъ тыхенъко взяль
И такъ звечевья промовлявъ.

Въ остальныхъ же куплетахъ сообщенное стихотворение представляетъ буквальное повторение того, которое помѣщено въ моей рукописи, безъ малѣйшаго измѣненія до послѣдняго слова. К. Думитрашко писаль малорусскія стихотворенія въ сороковыхъ годахъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Т. Г. Шевченко, внимательно относившійся вообще ко всему, что было писано по-малорусски, могъ знать это стихотвореніе.

г. Одесса.

М. Комаровъ.

Труды студентовъ Киевской духовной академіи по южно-русской исторіи за 1893—94 годъ. Изъ академического отчета за прошлый учебный годъ видно, что въ числѣ сочиненій, написанныхъ студентами выпускнаго курса, слѣдующія касались южно-русской исторіи и литературы:

- «Обличеніе радикалистическихъ заблужденій въ произведеніяхъ южнорусскихъ писателей конца XVI и первой полов. XVII в.» *Николая Александрова.*
- «Іоанникій Голатовскій и его Ключъ разумѣнія». *Николая Бочковского.*
- «Учительное евангеліе Кирилла Транквилліона Ставровецкаго». *Іеромон. Іоны Вуколова.*
- «Значеніе Киевскихъ митрополитовъ, какъ охранителей и защитниковъ православія въ западно-русскихъ областяхъ съ конца XVII до конца XVIII вѣка». *Флора Малеванского.*
- «Кievskій женскій Вознесенскій (Флоровскій) монастырь». *Николая Малиженовского.*
- «Супрасльскій монастырь и его значеніе въ исторіи Западно-русской церкви». *Владимира Недѣльского.*
- «Святые угодники Божіи юго-западной и сѣверо-западной Руси». *Свящ. Іакова Немоловского.*
- «Религіозный бытъ Запорожскаго козачества». *Павла Петрушевского.*
- «Кievская академія съ полов. XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г.». *Василія Серебреникова.*

— «Слѣды флорентійской унії въ юго-западной Руси въ законодательствѣ, жизни и литературѣ». Іустина Юзефовича.

Поправки къ ст. Н. Ф. Сумцова „Соврем. этнографія“ въ № 2.

Напеч.: «Предисловіе ко второму изданію». Должно быть: «Предисловіе ко второму выпуску».

Напеч. «разработаннаю нами сборника». Должно быть: «разработаннаю нами сборника».

Нап. «братенская сказка». Должно быть: «бретонская сказка».

БИБЛІОГРАФІЯ.

- 1) **Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 8, т. I. Матеріалы для исторіи мѣстнаго управлениія въ связи съ исторіею сословной организації. Акты Барскаго староства XV—XVI в. (Кіевъ, 1893).**
Стр. II+126+372.
- 2) — **Часть 8, т. II. Акты Барскаго староства XVII—XVIII в. (Кіевъ, 1894).** Стр. 274+497 (съ картой юго-восточнаго Подолья XV—XVIII в. и указателями именъ личныхъ и географическихъ).
- 3) **М. Грушевскій. Барское старство. Историческіе очерки. (Кіевъ, 1894).** Стр. VI+400. Съ картой.

Изданные Кіевскою комисіею акты по исторіи Барскаго староства на Подоліи собраны и обработаны г. Грушевскимъ. Предисловія его къ указаннымъ въ заголовкѣ двумъ томамъ Архива соединены въ особую книгу и лишь дополнены нѣкоторыми предварительными объясненіями автора по поводу выбора темы и способа ея обработки.

Съ своей стороны и г. главный редакторъ Архива, въ предисловіи къ т. I ч. 8, даетъ любопытныя указанія о характерѣ начатой нынѣ новой серіи изданій, посвященной актамъ юридическимъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію г. редактора, основная задача комисіи уже выполнены въ существенныхъ чертахъ, особенно по исторіи церкви, козачества въ крестьянъ; намѣчены также главные моменты въ исторіи колонизаціи, городовъ, шляхетскихъ родовъ, провинціальныхъ сеймовъ, хотя многое предстоитъ еще дополнить. «Отъ вопросовъ національныхъ, политическихъ и вѣроисповѣдныхъ комисія можетъ перейти къ той болѣе спокойной сфере исторіи, въ которой созидаются и живутъ учрежденія государственныя и институты

частного права и судопроизводства». Подъ именемъ актовъ юридическихъ г. редакторъ разумѣть документы для исторіи управлениія, преимущественно мѣстнаго и финансового, сословій, семейнаго права и права наслѣдства, землевладѣнія, уголовнаго права, судопроизводства, законодательства и высшихъ государственныхъ учрежденій. Конечно, и ранѣе изданные документы первѣдко имѣютъ юридический характеръ, «но цѣли, имѣвшіяся въ виду прежде, и точка зрѣнія, сообразная съ этими цѣлями, были иные: тогда (въ теченіе 50 лѣтъ) комиссію интересовали не учрежденія и институты, а жизнь людей, дѣйствовавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ и институтахъ». «Приступая къ исполненію своей новой задачи, комиссія начинаетъ нынѣ съ изданіемъ тома по исторіи мѣстнаго управлениія, именно староствъ, въ частномъ примѣненіи этого общаго вопроса къ исторіи Барскаго староства. А такъ какъ исторія мѣстнаго управлениія, по мнѣнію авторитетныхъ знатоковъ дѣла, (напр., проф. Градовскаго), не отдѣлма отъ исторіи классовъ общества, подчиненныхъ этому управлению, то въ настоящемъ томѣ одинаково преслѣдуются обѣ названныя задачи». Далѣе предполагается издать томы о семейныхъ отношеніяхъ, панскихъ икопныхъ судахъ и о землевладѣнії.

Мы думаемъ, что въ объясненіяхъ г. редактора кроется доля недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, напр., Барское старство, исторія котораго посвящены два новые тома Архива? Конечно, не субстратъ староства вообще, какъ типа мѣстнаго управлениія, а живая территориальная единица. Старство, какъ общій вопросъ, разчленяемый по отношенію къ той или другой мѣстности, представляетъ простую игру понятій. По счастью, факты исторической жизни—пѣчто уиругое и неподдающееся втискиванію въ искусственные рамки, такъ что для нихъ вовсе не требуется содѣйствія со стороны проф. Градовскаго. Конечно, мы далеки отъ мысли отрицать необходимость въ распределеніи материала по отдѣламъ и подборѣ ихъ сообразно съ планомъ. Думается лишь, что составленіе схемъ, въ родѣ приведенной выше, едва-ли поможетъ дѣлу и что едва-ли требуетъ особаго оправданія мысль издать и объяснить документы по исторіи Барскаго староства. Мы убѣждены, что комиссія, учрежденная для разбора древнихъ актовъ нашего края, никогда и не встрѣтится съ печальною перспективою издавать документы чисто юридического характера, такъ какъ подобныхъ документовъ и не можетъ быть въ ея распоряженіи. Ошибочною въ самой основѣ кажется намъ и мысль о «болѣе спокойной сфере исторіи», въ которой предполагается изслѣ-

довати інституты общественного и частного права, да и самая постановка вопроса объ институтахъ. На самомъ дѣлѣ изслѣдованіе всегда будетъ идти въ противоположномъ направлениі, отнюдь не исходя изъ идеи института, а лишь приводя въ ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ; что же касается «спокойствія» этой сферы изслѣдований, то оно можетъ быть развѣ воображаемымъ.

Для исторіи Барского старства собрано г. Грушевскимъ и издано нынѣ до 600 документовъ, большую частью совершенно новыхъ. Извлечены они преимущественно изъ книгъ Кіевскаго Центрального Архива, Варшавскаго главнаго Архива и Московскаго Архива Мин. Юст. и Иностр. Дѣлъ. Собраніе этихъ актовъ, требовавшее массы кропотливаго труда, составляетъ крупную заслугу г. Грушевскаго въ исторіи нашего края, такъ какъ они даютъ довольно обстоятельную картину колонизаціи и движенія землевладѣнія въ опредѣленной территоріи Подолья. Несомнѣнно, что авторомъ взято изъ помянутыхъ архивовъ все болѣе важное и существенное для предмета изслѣдованія, но необходимо отмѣтить, что главный источникъ—книги Барской юрисдикціи—обнимаютъ лишь нѣсколько десятилѣтій XVIII в., который и послужилъ исходной точкой для изслѣдованія. Многочисленныя данные, занесенные въ другія книги подольскія (каменецкія и особенно летичевскія) и въ акты коронной метрики, представляютъ богатый материалъ собственно для исторіи землевладѣнія, но драгоценную особенность барскихъ книгъ составляютъ бытовыя подробности, почти цѣликомъ отсутствующія въ другихъ первоисточникахъ. Отмѣтимъ еще, что въ изданіяхъ г. Яблоновскаго (*Źródła Dziejowe t. V и XIX*) и въ Архивѣ Ю. З. Р. также приведены основной материалъ для общей характеристики землевладѣнія въ Барщинѣ, но по сравненію съ изданными г. Грушевскимъ актами материалъ этотъ оказывается далеко недостаточнымъ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1892 г., кн. II, въ статьѣ «Барская окolinaя шляхта до конца XVIII в. Этнографический очеркъ», г. Грушевскій представилъ въ живомъ и интересномъ очеркѣ взглядъ свой на причины, останавливающія вниманіе историка на этомъ углѣ исторической Подоліи. Въ предисловіи къ настоящему изслѣдованію авторъ подробнѣе развиваетъ высказанные въ 1892 г. мысли. Южнорусская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ трудами прежнихъ историковъ, требуетъ для проверки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно-детальныхъ изслѣдований, которыхъ, на ряду съ широкимъ примѣненіемъ

ніемъ сравнительного метода, одни могутъ удовлетворительно объяснить многие весьма важные вопросы, доселъ рѣшаемые совершенно различно, смотря по тому, подъ какимъ угломъ зре́нія разсматриваются. Для дальнѣйшей работы необходимы новые запасы фактовъ, проверенныхъ, очищенныхъ, систематизированныхъ для болѣе широкихъ обобщеній. Детальное изученіе явлений внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи имѣютъ при этомъ особо важное значеніе: «это будутъ какъ-бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ». Оригинальная особенности бытowego уклада барской околичной шляхты, по мнѣнію автора, восходятъ своимъ началомъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, временамъ до распространенія польской культуры и польского права, покрывшихъ своимъ налетомъ туземное прошлое. Зантересовавшись барской околичной шляхтой XVIII в., авторъ пришелъ къ изученію колонизаціи, организаціи землевладѣнія, сословныхъ отношеній и мѣстнаго управлениія въ этомъ краѣ отъ начала введенія польского права. Но главною задачею автора была систематическая обработка документальнаго матеріала, частью изданнаго нынѣ, которая, по мысли изслѣдователя, должна дать новый запасъ фактовъ для изученія вопроса о воздействиіи польского государства и общества на общественную жизнь Южной Руси (предисловіе, I—III. Цитируемъ по отдѣльному изданію).

Очеркъ внутренней исторіи барскаго староства XVIII в. посвящены двѣ послѣднія главы изслѣдовавія г. Грушевскаго (стр. 309—398). Предыдущія главы касаются колонизаціи юго-восточнаго Подолья въ XV—XVI в., исторіи туземныхъ шляхетскихъ родовъ, организаціи служилаго землевладѣнія, сословнаго строя и мѣстнаго управлениія до обращенія староства въ частное владѣніе въ XVII в. Главы I и IV—вводнаго характера: цѣль ихъ—представить судьбу колонизаціи и общественнаго строя на Подольи до польскаго занятія и сравнительную характеристику управлениія и служилаго землевладѣнія въ Галичинѣ и Подольї XIV—XV в.

Нельзя не признать, что задача поставлена авторомъ достаточно широко и что удовлетворительное разрѣшеніе ея представляетъ затрудненія чрезвычайныя при наличномъ запасѣ данныхъ для древнѣйшей внутренней исторіи Подолья. Выясненіе органической связи явлений на протяженіи пяти вѣковъ—такова если не главная, то существенная задача, которою задается трудолюбивый изыскатель. Остановимся поэтому нѣсколько подробнѣе на двухъ

объяснительныхъ экскурсахъ автора въ область древнѣйшей исторіи (стр. 1—31 и 126—169).

Объясняющее значение могутъ имѣть, конечно, лишь данная и отношенія строго установленная, провѣренная и систематизированная. Между тѣмъ, относительно, напр., этнографического состава древнѣйшаго населенія Подолья мы донынѣ бродимъ въ потемкахъ, и выдвинутая авторомъ теорія отдѣльности ульцевъ отъ улчей (стр. 9) едва-ли можетъ помочь дѣлу. Весьма гадательны и предположенія о причинахъ вѣроятнаго соединенія Подолья съ Понизьемъ подъ татарскимъ захватомъ (стр. 17), сомнительны и догадки о добровольномъ подчиненіи татарамъ и о томъ, что населеніе видѣло въ переходѣ къ «верхности татарской» прямую выгоду для себя (стр. 18). Автора очевидно смущаютъ таинственные болоховцы, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что этнографическій составъ ихъ—вопросъ темный въ исторической наукѣ. Мы сильно опасаемся за вѣрность предположенія автора, будто-бы «стремленіе населенія къ широкой общинной автономіи, побудившее его къ подчиненію татарскому верховенству, нашло себѣ, надо думать, полное удовлетвореніе» и что татарскіе дѣдичи Подолья, въ своихъ интересахъ, могли только покровительствовать этому теченію. Если-бы это было такъ, то не-легко понять роль князей Корятовичей послѣ пораженія татаръ на Синей Водѣ. Соображенія автора о тюркскомъ этнографическомъ вліяніи крайне неопределены и ничего объяснить не могутъ. Впрочемъ, на стр. 20 авторъ не замедлилъ разрушить татарскую идиллію, и весь экскурсъ въ эту область не даетъ ничего осознательного въ смыслѣ объясненія внутренняго уклада Подолья въ XIV в. Не менѣе неясностей представляетъ и очеркъ литовскаго занятія. По мнѣнію автора, мѣстное самоуправлѣніе должно было по прежнему оставаться въ вѣдѣніи общинъ и ихъ представителей, но новая военно-административная организація пеминуемо вносila пѣкоторыя измѣненія и въ строй общинъ (стр. 21). Въ сущности, это не болѣе, какъ заключеніе отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному. Существовали на Подолії укрѣпленные замки до Корятовичей? Авторъ готовъ признать извѣстіе лѣтописи о постройкѣ этихъ замковъ князьями тенденціознымъ и въ послѣдующемъ изложеніи неоднократно высказываетъ предположеніе, что замковыя повинности установились на Подоліи еще до литовскаго занятія, но въ подтвержденіе этой догадки никакихъ данныхъ не приводится и едва-ли ихъ и удастся добыть когда нибудь. Не вполнѣ вразумительно для насъ, почему

правлениі Коръятовичей должно было имѣть консервативный характеръ и въ чёмъ заключалось усиленіе ими задатковъ сословности. Въ концѣ концовъ, въ первой объяснительной главѣ представляется цѣннымъ лишь то, что въ ней ново, а именно—нѣкоторыя данныя о раздачѣ земель при Витовтѣ. Не знаемъ, почему Czarnigrad акта 1442 г. отождествляется съ Аккерманомъ (стр. 25). Думаемъ, что глава I могла бы не войти въ настоящее изслѣдованіе безъ ущерба для послѣдняго.

Не менѣе неудовлетворительно по изложенію и непригодною для поставленной авторомъ цѣли представляется намъ и IV глава: «мѣстное управлениіе и шляхетское землевладѣніе въ польской Українѣ въ XIV—XV в.» По справедливому заявлению автора, для XV в. данныя по этимъ вопросамъ относительно Ровщины очень скучны, почти совершенно отсутствуютъ. Между тѣмъ, изученіе устройства болѣе ранняго времени существенно необходимо для уразумѣнія данныхъ, представляемыхъ XVI вѣкомъ. По мысли автора, недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени можетъ быть возмѣщенъ изученіемъ данныхъ о Подоліи вообще, а также о Галичинѣ, въ виду того, что «къ этой области раньше были приложены принципы польского государственного права, и выработанныя нормы здѣсь прилагались затѣмъ къ Подолью» (стр. 127).

Выводимое авторомъ изъ грамотъ князей Коръятовичей соченіе воеводскихъ урядовъ со старостинскимъ даетъ изслѣдователю поводъ искать разъясненій и аналогій по этому вопросу въ Галичинѣ, гдѣ подобный порядокъ, будто-бы, устанавливавшійся уже съ половины XIV в. Намъ представляется ошибочною мысль, что аналогій и объясненій этому явлению должно искать только въ современной Галичинѣ. Разъ мы имѣемъ дѣло съ литовскимъ феодальнымъ строемъ, началами которого должны были руководствоваться первые подольские князья, то изслѣдованіе и поиски аналогій должны обнимать прежде и главнѣе всего какъ исконныя литовскія земли, такъ и бывшія русскія княжества, завоеванныя литовцами. Подробное развитіе этой мысли завело-бы насъ далеко; для краткости сошлемся хотя-бы на изслѣдованіе г. Любавскаго «Областное дѣленіе лит.-русского государства», гл. II и IV. Подобноѣ расширеніе круга аналогій, быть можетъ, и представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ методологическомъ смыслѣ, но оно способно дать большую устойчивость сужденіямъ, нежели ограниченіе этого круга Галичиной. Въ самомъ дѣлѣ, для объясненія особенностей галицкаго управлениія на-

шему изслѣдователю приходится излагать схему чисто-польского управлениія и суда, но и для этого свѣдѣнія оказываются скучными и недостаточными: неизвѣстно, существовалъ-ли повсемѣстно судья замковый, невыяснены предѣлы каштелянскай юрисдикціи и ея отношенія къ суду князя въ ранній періодъ, неясно происхожденіе старостинской власти, замѣчается двойственность въ гродской и земской юрисдикціи, неясны предѣлы юрисдикції. Переходя къ Галичинѣ, оказывается, что отношенія старость земель и повѣтовъ къ старостѣ генеральному въ XV в. неясны, неясна градація и воеводскихъ урядовъ, неясно отношеніе суда воеводы къ суду старости. Выдѣлить въ этомъ процессѣ непрерывнаго развитія элементы польскаго и русскаго правосознанія оказывается невозможнымъ. Какую же пользу могутъ принести эти «аналогіи» для объясненія подольскаго административно-судебнаго уклада? Авторъ, напр., не рѣшается разрѣшить вопросъ, быль-ли введенъ Корыятовичами новый строй по образцу Галичины, или основывался онъ на прежніхъ мѣстныхъ традиціяхъ (стр. 142). Изъ того обстоятельства, что въ каменецкой грамотѣ 1374 г. подольский староста не упомянутъ, авторъ выводить предположеніе, что старостинскій урядъ, быть можетъ, составлялъ нововведеніе Корыятовичей, а раньше высшими представителями власти были воеводы (стр. 143). При этомъ упущенъ изъ виду, что въ грамотѣ 1375 г. староста уже упомянутъ, что одновременное существование въ Каменцѣ старость и воеводъ въ этомъ періодѣ ничѣмъ не установлено и что сами Корыятовичи имѣли пребываніе въ Каменцѣ. Весьма возможно поэтому, что въ этомъ періодѣ подольскій воевода именовался безразлично и воеводой и старостой. Повторилемъ, все это—гаданія, ничего не объясняющія. На основаніи этого виѣшняго сходства названій урядниковъ, авторъ находить возможнымъ предложить «нѣкоторыя реконструкціи подольского устройства по модели галицкой». «Староста каменецкій, стоявшій во главѣ края, соединялъ въ рукахъ своихъ функціи административно-военная съ широкою юрисдикцією, простиравшеюся на всѣ классы мѣстнаго населенія». Реконструкція ошибочная, потому что въ грамотѣ 1374 г., подлинность которой не отвергаетъ авторъ, именно предусмотрѣнъ случай ограниченія воеводской юрисдикції. (Такое же ограниченіе можно видѣть и въ грамотѣ 1392 г.). Далѣе въ зависимости отъ старости находились воеводы, а въ Каменцѣ воевода перешелъ въ положеніе старостинскаго намѣстника. Въ составъ старостинскаго и воеводскаго судовъ входилъ, вѣроятно,

и судья, и т. п. Намъ кажется, что для подобной реконструкції *in partibus* не было нужды обращаться въ Галичину, гдѣ въ то время еще и не выработался определенный типъ административно-судебной организаціи. Невѣроятнымъ является и предположеніе автора объ одновременномъ внеденіи польскихъ учрежденій и польского права на Подолъ и въ Галичинѣ, невѣрно и утвержденіе, что каменецкій повѣтъ въ грамотахъ иногда обозначаетъ тоже, что и подольская земля (стр. 146). Какъ бы то ни было, мы вращаемся здѣсь въ заколдованнымъ кругѣ гаданій, рѣшительно непригодныхъ для поставленной авторомъ задачи.

Такимъ же гадательнымъ и неопределеннымъ характеромъ отличаются и соображенія автора о происхожденіи шляхты привилегированной и непривилегированной (стр. 150 см.) Аналогія съ Галицкой Русью опять ничего не уясняетъ, и автору волей-неволей приходится лишь констатировать данныхъ актовъ. Кажется намъ, что и въ настоящемъ случаѣ автору слѣдовало бы искать аналогій не только въ Галичинѣ, но и въ Литовской Руси. Безусловно ошибочною представляется догадка автора, что обязательное пребываніе въ дарованныхъ земляхъ имѣть цѣлью «установленіе правительственного контроля, въ политическихъ видахъ, надъ составомъ населенія», т. е. «преслѣдуется не просто колонизаціонная цѣль, а сословно-национальный подборъ населенія» (стр. 161). Дѣло въ томъ, что колонизация польского Подолья преслѣдовала въ ранніе времена прежде всего военные цѣли, отсюда и всѣ ея особенности, вполнѣ удовлетворительно объясняемы съ этой точки зрѣнія. Далѣе, въ изданныхъ авторомъ актахъ и въ актахъ, извѣстныхъ раньше, мы не встрѣтили для данного періода указаній на залоговые сдѣлки, подъ видомъ записей *in tenuitatem*, выручавшія королей изъ денежныхъ затрудненій. Намъ кажется, что въ изложеніи данныхъ актовъ слѣдуетъ строго держаться прямого ихъ смысла, не прибѣгая къ толкованіямъ произвольнымъ и тѣмъ болѣе къ анахронистическимъ.

Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что формы условнаго держанія земель въ польской Украинѣ были, вѣроятно, выработаны текущими нуждами польской политики, а не заимствованы съ запада (стр. 165). Намъ кажется, что отрицать заимствованіе феодальныхъ формъ съ запада едва-ли возможно и что точно также нельзя отвергать вліянія галицкой практики на отношенія зап. Подолья, но ходъ этого вліянія требуетъ строгаго изученія, котораго не даетъ настоящее изслѣдованіе. Аналогіи ни мало ве-

могли нашему автору и въ изложениі генезиса шляхетскаго землевладѣнія: грань между землевладѣніемъ привилегированнымъ и не-привилегированнымъ осталась непроведеною даже въ общихъ чертахъ; украинная шляхта, по словамъ автора, осталась въ неопределѣленной позиції, приближаясь къ положенію полуправилегированныхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ войтовъ, волоскихъ князей, замковыхъ служекъ и т. п. (стр. 169). Все это достаточно неопределѣленно и ничего не объясняетъ.

Съ гораздо большимъ интересомъ и пользою читаются прочія главы обширнаго изслѣдованія г. Грушевскаго, посвященные заселенію Барщины въ XV и началѣ XVI в., дѣятельности королевы Боны, исторіи шляхетскихъ родовъ, исчисленію и характеристикѣ населенія староства и, наконецъ, позмѣненіямъ во внутреннемъ устройствѣ послѣдняго до конца XVIII в. Сводка актовыхъ данныхъ въ связи съ общими историческими указаніями требовала отъ автора бездны труда и времени и, въ общемъ, поставленная имъ непосредственная задача описательнаго характера выполнена удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе и здѣсь пельзя не отмѣтить значительнаго недостатка въ изложениі: авторъ охотно выставляетъ положенія, для которыхъ нѣть достаточныхъ основаній въ документальномъ матеріалѣ (таковы, напр., категорическія, но вполнѣ неправдоподобныя утвержденія его о тенденціозномъ характерѣ польской правительственный колонизації—стр. 59 сл.); съ другой стороны, много вредить ясности экспліческая манера разработки вопросовъ затруднительныхъ или неясныхъ. Желаніе разъяснить вопросъ возможно обстоятельнѣе приводитъ иногда къ результатамъ прямо противоположнымъ: за положеніемъ слѣдуютъ оговорки и смягченія, все это снабжается догадками, въ подтвержденіе которыхъ выдвигаются данные неполные или двусмысличные, и читатель остается въ недоумѣніи, какого же собственно мнѣнія держится авторъ. Намъ кажется, что въ работѣ по существу описательной, легко избѣжать подобныхъ досадныхъ недостатковъ, поступившись желательной полнотой и прямо оставляя пробѣлы въ пунктахъ сомнительныхъ. Но всѣ эти недостатки не могутъ имѣть вреднаго значенія въ научномъ смыслѣ, такъ какъ внимательный читатель благодаря автору можетъ провѣрить всѣ контроверсіи по актамъ, поистинѣ драгоценнымъ, и составить собственное понятіе по интересующему его вопросу.

Приведенные частные замѣчанія по поводу книги г. Грушевскаго отнюдь не умаляютъ значенія сдѣланнаго имъ цѣннаго вклада

въ сокровищнице нашей южно-русской исторії. Безъ сомнѣнія, автору предстоитъ много еще потрудиться на этомъ поприщѣ. Поэтому то мы и позволимъ себѣ выразить искреннее пожеланіе молодому ученому въ будущихъ его работахъ избѣгать эклектической манеры изложенія, способной реальные факты дѣйствительности превратить въ неосознательный и ни для кого неубѣдительный домыселъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ львовскомъ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki» за текущій годъ начато печатаніемъ изслѣдованіе г. Михаила Ролле: «Okreg Rowski—Starostwo Barskie. Przyczynki do geografii historycznej Podola.» Повидимому, при составленіи напечатанныхъ уже первыхъ трехъ главъ авторъ еще не былъ знакомъ съ трудомъ г. Грушевскаго, о чёмъ должно пожалѣть.

Н. М.

„Русская фабрично-заводская промышленность“. Н. А. Карышева. (Русск. Богат. 1894 г. № 11 и 12).

Въ 80-хъ годахъ статистико-экономическая публицистика наша выдвинула на видное мѣсто еще одного представителя въ лицѣ дерптского профессора (съ 1891 г.) Н. А. Карышева. Капитальное изслѣдованіе послѣдняго: «Въично-наследственный наемъ земель въ Зап. Европѣ», вышедшее въ 1885 г.; затѣмъ позднѣйшія работы его въ покойномъ «Юридическомъ Вѣстнике» о выпадъльныхъ арендахъ (вышедшія отдельной книгой) и о нашей фабрично-заводской промышленности за 20-лѣтіе 1865—1884 г. сдѣлали имя его достаточно популярнымъ въ средѣ читающей публики, интересующейся экономическими судьбами русского народа. Въ послѣдніе годы поченный профессоръ работы свои помѣщаетъ въ журналѣ: «Русское Богатство», на страницахъ котораго (помимо нѣкоторыхъ отдельныхъ очерковъ) напечатанъ цѣлый рядъ его статистико-экономическихъ изслѣдованій подъ общимъ скромнымъ заглавіемъ: «Народно-хозяйственные наброски». Съ одной (XVI) изъ главъ этихъ «набросковъ» о «русской фабрично-заводской промышленности въ 1885—1891 г.», составленной по даннымъ издаваемаго ежегодно департаментомъ торговли и мануфактуръ «Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности»¹⁾ и напечатанной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ Р. Бог. за истекшій годъ, мы позволимъ себѣ

1) „Сводъ“ за 1891 г. вышелъ только въ половинѣ 1894 года.

познакомить нашихъ читателей, извлекая преимущественно тѣ любопытныя данныя, которые касаются Малороссіи, Новороссіи и Юго-Западнаго Края.

Въ 1891 г. во всей Россійской Имперіи (за исключеніемъ Финляндіи) промышленныхъ единицъ насчитывалось 126.029 съ общимъ числомъ рабочихъ въ 1.022.441 чел. Одна такая единица, стало быть, приходится на 878 человѣкъ, а весь фабрично-заводскій людъ составляетъ 0,₉₉ % населения Россіи, простиравшагося въ 1890 г. (безъ Финляндіи) до 110.628,676 челов.

Само собой разумѣется, въ разныхъ районахъ Россійской Имперіи индустрія распределена далеко не равномѣрно. 1-е мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Царство Польское, где одна промышленная единица приходится на 480 челов., а фабрично- заводскіе рабочіе составляютъ 1,₆ % населения; 2-е мѣсто принадлежитъ Европ. Россіи, где одна и также единица приходится на 831 челов., а контингентъ фабрично- заводскихъ рабочихъ составляетъ 1 % населения. Значительно слабѣе развита промышленность на Кавказѣ, въ Сибири и въ Туркестанскомъ краѣ: здѣсь одна пром. единица приходится: на 2512, на 3132 и 4228 челов., а фабрично- заводскіе рабочіе составляютъ: 0,₂₂ %, — 0,₁₈ % и 0,₀₇ % населения.

Въ вышеуказанный общий итогъ 126.029 промышленныхъ единицъ входятъ: 22669 «крупныхъ» единицъ, къ каковымъ авторъ относитъ фабрики и заводы съ годовою производительностью болѣе 1000 руб., и 103.360 «мелкихъ» единицъ съ годовою производительностью менѣе 1000 руб.— Изъ общаго вышеприведенного числа рабочихъ приходится: на долю «крупныхъ» единицъ 878580 челов. (85,₆ %), или въ среднемъ на одну крупн. единицу 38,1 рабочихъ; на долю же «мелкихъ» единицъ остается 143861 рабочій (14,₁ %) или, въ среднемъ, на одну мелк. единицу 1,4 челов.

Понятно, что «крупные» и «мелкие» промышленные единицы распределены по разнымъ районамъ неравномѣрно. Въ 50-ти внутреннихъ губерніяхъ Евр. Россіи находимъ относительно большее число мелкихъ пром. единицъ, чѣмъ крупныхъ (первыхъ 83,₂ % общаго ихъ числа по Имперіи, вторыхъ же 73,₆ % этого числа); въ Царствѣ Польскомъ, на Кавказѣ, въ Сибири и въ Туркестанѣ относительное число кр. единицъ больше соответственнаго количества мелкихъ. Другими словами, «на окраинахъ приложеніе болѣе круп-

ныхъ капиталовъ встречается чаще, чѣмъ въ центрѣ.—По числу рабочихъ и по высотѣ годовой производительности кр. пром. единицы въ Евр. Россіи значительно крупнѣе, чѣмъ въ остальныхъ полосахъ, какъ наглядно показываетъ слѣдующая табличка:

Районы.	Среднее число рабочихъ на фабрикахъ. крупныхъ. мелкихъ.	Средняя годовая производительность на крупныхъ фабрикахъ
Въ 50 ви. губерніяхъ Европ.		
Россіи	44,6	1,4 66100 руб.
Привислянскій край	32,2	1,2 54500 "
Кавказъ	10,6	1,2 24100 "
Сибирь	12,2	1,7 15400 "
Туркестанъ	8,2	1,3 25700 "
Среднее	38,0	1,4 59800 "

Для лучшей ориентировки авторъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое нашей фабрично-завод. промышленности, при чемъ оказывается, что не только абсолютный, но и относительный ростъ числа фабрикъ у насъ составлялъ явление постоянное съ начала царствованія Екатерины II вплоть до 1865 года. Такъ, изъ данныхъ *Военно-Статистического Сборника* видно, что число нашихъ фабрикъ возросло: за 43 года (1762—1804 г.) на 2222 (въ среднемъ въ годъ на 52); за 21 годъ (1805—1825) на 2838 (въ средн. на 136 въ годъ); за 25 лѣтъ (1826—1850) на 4582 (въ сред. на 183 въ годъ), а за 3 послѣднихъ года этого періода (1863—1865) на 6355 (въ средн. въ годъ на 2118).—Что же касается средняго числа рабочихъ на одну фабрику, то (оставляя въ сторонѣ начальный періодъ, данный за который сомнительны) можно сказать, что оно оставалось безъ измѣненія, а въ послѣднее время даже уменьшалось. А средняя годовая производительность каждой промышленной единицы втечение всего столѣтія *систематически падала*: въ 1765 г. она составляла 21 тыс. р., въ 1804 г.—19 тыс., въ 1825 г.—17 т. р., въ 1850 г.—21 т. р., въ 1863 г.—18 т. р.—Но если въ теченіе этого продолжительного періода средніе размѣры промышленныхъ предпріятій сокращались, то за 20-лѣтіе 1865—1884 г. замѣчалось какъ-разъ обратное явленіе: въ этотъ сравнительно небольшой періодъ размѣры пром. предпріятій, благодаря введенію

въ работу машинъ, расширялись; хотя число фабрикъ увеличилось за это время всего на 2% (съ 82.004 до 83.567), но число занятыхъ на нихъ рабочихъ возрасло на 25% (съ 906,578 до 1.136,656), а годовая производительность—на 107% (съ 640,2 мил. р. до 1.322 мил.). За неимѣніемъ данныхъ для размѣровъ годовой производительности мелкихъ пром. единицъ для семилѣтія 1885—1891 г., составляющаго предметъ послѣдняго изслѣдованія автора, такого вывода сдѣлать нельзя; но относительно роста числа пром. единицъ и рабочихъ можно сказать, что онъ и въ это время продолжался безпрерывно: число первыхъ возрасло съ 60993 до 126039, а число послѣднихъ—съ 782395 до 1.022451. Стало быть, въ то время какъ въ предшествовавшее 20-лѣтіе число рабочихъ возрасло въ $12\frac{1}{2}$ разъ больше, чѣмъ число пром. единицъ, въ послѣднее семилѣтіе число промышленныхъ единицъ возрасло больше, чѣмъ число рабочихъ; это значитъ, что среднее число рабочихъ на одну промышл. единицу за это время уменьшилось: въ 1885 на нее приходилось 12,8 рабочихъ, а въ 1891 г.—8,1. Рядомъ съ этимъ въ это семилѣтіе въ крупной нашей индустріи (за исключеніемъ Туркестана) сокращались размѣры предпріятій, а въ мелкой индустріи происходило дальнѣйшее ея размельчавіе. И такъ, не взирая на всасческое покровительство и всевозможныя поощренія, оказывавшіяся въ то время нашей фабрично-заводской промышленности (учрежденіемъ мануфактуръ коллегіи, охранительнымъ тарифомъ 1822 г., всевозможной покровительственной пошлиной, золотой пошлиной и т. п.), *атносительное* количество крупныхъ промышленныхъ единицъ у насъ, въ среднемъ, поднято, а *атносительное* количество мелкихъ возрастаетъ, при чемъ,—какъ видно изъ данныхъ, касающихся средней годовой производительности и средняго числа рабочихъ на 1 пром. единицу въ разныхъ отрасляхъ промышленности,—послѣднія мельчаютъ въ это семилѣтіе *больше прежнію*.

Такъ какъ въ материа1ъ, которымъ пользовался авторъ, данные для мелкой промышленности отсутствуютъ, то въ дальнѣйшемъ анализъ нашей фабрично- завод. промышленности онъ ограничивается одной лишь *крупной* промышленностью.—Изъ таблицы, составленной имъ (въ алфавитномъ порядке) для 60 губерній *Евр. Россіи*, мы видимъ, что особенно интересующія настъ губерніи занимаютъ въ ней отнюдь не послѣднія мѣста. Выражая годовую производительность въ миллионахъ рублей, движеніе средней годовой производительности

этихъ губерній, расположенныхъ нами въ порядке убывающаго размѣра этой производительности, представляется въ такомъ видѣ:

Губерніи.	Г О Д Н.								Сред- промоз- нее дитель- за 7 л. вости.	Мѣсто, занима- емое по размѣру средней годовой
	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891			
Херсонская	30,9	28,8	30,7	29,6	38,5	32,7	31,9	31,9	6	
Кievская	30,1	26,4	25,2	32,2	33,8	33,2	32,0	30,0	8	
Харьковская	17,9	16,2	17,8	20,4	19,5	21,0	21,9	19,8	13	
Екатеринославская	12,5	12,0	15,4	10,5	10,0	18,2	21,1	14,5	18	
Черниговская	12,8	10,4	12,5	11,4	12,0	12,1	13,0	12,0	21	
Подольская	12,2	11,7	11,5	9,8	9,9	10,5	16,0	11,5	23	
Донская	0,4	1,4	1,5	20,8	23,2	14,7	13,5	10,0	24	
Волынская	4,6	5,2	4,0	5,6	9,9	6,6	8,1	6,3	33	
Цюставская	4,4	4,0	5,0	4,2	5,8	7,8	7,2	5,4	38	
Бессарабская	4,1	4,0	4,0	6,8	4,0	5,0	5,6	4,8	40	
Таврическая	2,8	3,0	3,1	4,1	5,6	3,8	4,4	3,0	43	
Соединивъ эти губерніи въ 3 района, мы получаемъ слѣдующую табличку:										
Новороссія (6, 18, 24, 40 и 43). . .	50,5	49,8	54,7	71,8	82,2	74,1	76,2	65,8		
Юго-Запад. (8, 23 и 33). . .	46,9	43,8	40,7	47,4	53,6	50,4	56,4	47,8		
Малороссія (13, 21 и 38) . . .	34,6	30,8	35,1	36,1	37,1	40,4	42,1	36,7		
<u>Итого . . . 132,0 123,7 130,7 155,1 172,8 164,9 174,4 150,8</u>										

Если мы выдѣлимъ губерніи *Московскую*, *С.-Петербургскую*, *Владимирскую* и *Петроковскую*, въ истекшее семилѣтіе въ общей сложности выпущавшія въ среднемъ въ годъ на 572,7 мил. руб. или 50,9% общей средней производительности всѣхъ 60 губерній ¹⁾), то средняя годовая производительность остальныхъ 56 губерній составить 555,7 мил. р., т. е. средняя годовая производительность приведенныхъ 11 губерній составляетъ 27% ср. год. производительности всѣхъ 56 губерній. А такъ какъ средняя годовая производительность каждой изъ этихъ 56 губерній, при общей сложности, составляетъ 9,9 мил. р., то стало быть средняя год. производ. 7 изъ приведенныхъ 11 губерній значительно превышаетъ эту среднюю, да и изъ остальныхъ 4 губерній ни въ одной ср. год. производительность не падаетъ ниже 3,9

¹⁾ Изъ этихъ 572,7 мил. руб. почти 2/5 (228,8 м.) приходится на одну *Московскую* губ. да слишкомъ 1/4 (148,7 м.) на *Петербургскую* губ.

мил. р. между тѣмъ какъ колебанія въ этихъ 56 губерніяхъ *вообще* имѣютъ мѣсто въ предѣлахъ между 48,6 мил. р. (*Варшавская губ.*) и 0,8 м. р. (*Сувалкская губ.*), а болѣе *трехъ пятихъ* этихъ губерній (35 изъ 60) имѣютъ среднюю годовую производительность ниже 9,9 милл. руб.

Детальный анализъ статистическихъ данныхъ приводить автора къ выводу, что наше фабрично- заводское дѣло имѣетъ 8 „*нѣзда*“: *первое* (и самое главное) сосредоточивается вокругъ *Москвы*¹⁾ съ средней годовой производительностью въ 404,4 мил. р.; *второе*—тяготѣеть къ *Петербургу* и средняя годовая производительность трехъ охватываемыхъ имъ губерній²⁾ составляетъ 191,9 мил. р.; *третье*—находится въ *Привислянскихъ губерніяхъ*³⁾ и имѣетъ ср. год. производительность въ 144,7 милл. р.; *четвертое*—на Югѣ⁴⁾ съ ср. г. произв. въ 81,4 милл. р.; *пятое*⁵⁾ съ производствомъ въ 31,5; *шестое*⁶⁾—22,6 м. р.; *седьмое*⁷⁾—16,4 милл. р. и *восьмое*⁸⁾—14,5 мил. р.—Въ этихъ „*нѣздахъ*“ господствуютъ слѣдующія производства: въ I, обраб. воловн. веществъ; во II, обработка хлопка, производства металлическихъ, водочное, лѣсопильное и мукомольное; въ III, обраб. воловн. вещ.. производства металлическихъ, сахаро-рафинадное и водочное; въ IV, сахаро-раф., машиностроительное, шерстомойное и мукомольное; въ V, металлическихъ, сахаро-рафинадное, и муком.; въ VI, металлическихъ и муком.; въ VII, обраб. питательныхъ продуктовъ, и въ VIII желѣзодѣлат., машиностр. и муком.

Анализируя движеніе цифръ стоимости продуктовъ въ каждой губерніи по годамъ, авторъ приходитъ къ такому выводу: только въ 20 (изъ 60) замѣтно болѣе или менѣе безостановочное развитіе крупной индустріи; въ 22—послѣдная оставалась въ застое, а въ остальныхъ 18 губ. прогрессъ, регрессъ и застой фабрично-завод-

¹⁾ Губерніи: *Московская, Владимірская, Тверская, Ярославская и Костромская.*

²⁾ *Петербургской, Лифляндской и Эстляндской.*

³⁾ Губерніи: *Петроковская и Варшавская.*

⁴⁾ Губерніи: *Кіевская, Харьковская и Херсонская.*

⁵⁾ Губерніи: *Тульская и Орловская.*

⁶⁾ Губернія *Пермская.*

⁷⁾ Губернія *Саратовская.*

⁸⁾ *Екатеринославская губернія.*

скаго дѣла сочетались въ весьма прихотливыхъ комбинаціяхъ.—Изъ выше-выдѣленныхъ пам 11 губерній, какъ видѣтъ читатель изъ приведенной таблички, къ числу *прогрессирующихъ* губерній принадлежать *Екатеринославская* и *Харьковская*, увеличившія за разматриваемый періодъ свою производительность—первая на 68,8% и послѣдняя—на 22,2%; къ группѣ *застоя*: *Бессарабская*, *Волынская*, *Херсонская* и *Черниговская*; изъ остальныхъ 5 губерній, которыхъ д. б. отнесены къ III группѣ, *Полтавская* принадлежитъ къ той подгруппѣ губерній, въ которыхъ замѣчается сначала застой, а затѣмъ расширение крупной промышленности; *Таврическая*—наоборотъ—къ той, въ которой наблюдалось оживленіе, а затѣмъ застой; *Подольская*—къ той подгруппѣ губерній, въ которыхъ сначала появлялся упадокъ, а потомъ развитіе; *Донская* область—къ той, въ которой замѣтно было въ началѣ развитіе, а потомъ—падокъ; наконецъ, *Кievская*—къ тѣмъ, въ которыхъ въ началѣ проявлялся упадокъ, а потомъ застой.

Изъ дальнѣйшаго анализа заводско-фабричной промышленности нашей по тѣмъ 8 основнымъ группамъ, на которыхъ она подраздѣляется¹⁾, оказывается, что какъ въ предшествовавшее 20-лѣтіе, такъ и въ періодъ 1885—1891 г. число фабрикъ продолжало *безпрерывно возрасти*. Нѣкоторое исключеніе составляютъ лишь группа V, представляющая за 4-лѣтіе 1887—1890 г. уменьшающійся рядъ, и гр. VI, не обнаруживающая никакой *определенной* тенденціи ни въ ту, ни въ другую сторону.—Что касается другихъ двухъ элементовъ, характеризующихъ размѣры производства (годовая производительность и число рабочихъ), то, значительно отличаясь въ колебаніяхъ своихъ отъ колебанія числа промышленныхъ единицъ, они между собою представляютъ сходныя колебанія. Въ тѣхъ трехъ группахъ, роль которыхъ въ русской промышленности наименѣе важная (VI, VII и VIII), *послѣдовательно увеличивается* производство; остальные же пять группъ, значеніе которыхъ въ нашей промышленности наиболѣе

¹⁾ Группы эти—слѣдующія: I. Обработка волосистыхъ веществъ (сюда причисляется и бумажное производство); II. Металлическое производство; III. Обработка пшеничныхъ продуктовъ; IV. Керамическое производство; V. Обработка животныхъ продуктовъ; VI. Обработка дерева; VII. Химическое производство и VIII. Прочія производства (эксплажное, резиновыхъ изделий, минеральныхъ маселъ, асфальта и толя, караидашня и др.).

существенно, во 2-ю половину рассматриваемого периода въ общемъ уменьшаютъ и годовую производительность, и число рабочихъ.

Наиболѣе существенными группами нашей индустрии въ периодъ 1885—1891 г. являются I, III и II, охватывающія 84,2% годовой производительности всей нашей промышленности. Но и эти три группы, по размѣрамъ производства, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе: цѣлая половина общей ихъ производительности приходится на одну первую группу, въ составѣ которой входитъ 25 различныхъ производствъ, изъ числа коихъ три производства: *бумагопрядильное* (съ бумаготкацкими), *красильное и набивное*, да *шерстоткацкое и суконное* поглощаютъ подавляющую часть годовой производительности всей группы—380,2 милл. р. изъ 503,9 милл. (75,4%). Изъ этихъ трехъ производствъ оять таки одно—бумагопрядильное (съ бумаготкацкимъ) поглощаетъ 233,7 милл. р., оставляя на долю красильного и набивного 73,8 милл., а шерстоткацкаго и суконного 72,7 милл. руб.

Изъ 16 производствъ, входящихъ въ составъ группы III, также три производства поглощаютъ 83,8% производительности всей группы: изъ средней годовой производительности всей группы въ 366,5 милл. р. приходится: на производство *мукомольное*—155,8 милл. р., *сахароррафинадное*—85,5 милл. и *водочное*—64,7 милл. р.

Обращаясь къ группѣ *металлическихъ* производствъ (II), мы видимъ, что изъ входящихъ въ ея составъ 8 производствъ по высотѣ годовой производительности выдѣляются два: *машиностроительное и железнодорожное* (со сталелитейнымъ и рельсовымъ): изъ средней годовой производительности всей группы въ 136 милл. руб. на ихъ долю приходится 93,4 милл. р. (68,7%)—на первое 59,5 милл. р. и на второе—33,6 милл. р.

Присоединивъ еще къ указаннымъ производствамъ и относящееся къ V гр. *кошевенное* производство, средняя годовая производительность котораго составляетъ 57,0% произв. всей группы (37,3 милл. р.), мы этимъ исчерпаемъ всѣ существеннѣйшія и крупнѣйшія наши производства.

Степень важности перечисленныхъ 9 крупнѣйшихъ производствъ наглядно формулируется въ слѣдующей табличкѣ:

<i>Производства:</i>	<i>Средняя типичная годовая производительность за 7 лѣтъ въ милл. руб.</i>	<i>Процентное отношеніе этой производительности къ общей средней производительности крупной индустрии страны.</i>
1) Бумагопрядильное и бумаготкацкое.	233,7	19,5%
2) Мукомольное	158,8	13,1%
3) Сахаро-рафинадное . . .	85,5	7,1%
4) Красильное и набивное. .	73,8	6,2%
5) Шерстоткацкое	72,7	6,1%
6) Водочное	64,7	5,4%
7) Машиностроительное . . .	59,5	4,9%
8) Кожевенное.	37,3	3,4%
9) Желѣзодѣлательное съ сталелитейнымъ и рельсовымъ .	33,9	2,8%
<i>Итого. .</i>	<i>817,9</i>	<i>68,4%</i>
<i>Всѣ остальные 87 производствъ.</i>	<i>377,6</i>	<i>31,6%</i>
	1195,5	100,0%

Въ предшествовавшее 20-лѣтіе выдающуюся роль играли производства: *бумагопрядильное, сахароваренное, винокуренное и мукомольное*. Таблица показываетъ, что эти производства не потеряли своего значенія и въ послѣднее семилѣтіе; къ нимъ присоединилось только еще 5 новыхъ производствъ, значеніе которыхъ прежде было невелико, да водочное производство заняло уже лишь 6-е мѣсто, уступивъ 4-е и 5-е красильно-набивному и шерстоткацкому производствамъ, а мукомольное, занимавшее прежде 4-е мѣсто, передвинулось на второе мѣсто. Въ виду этого авторъ, констатировавшій въ 1889 г., что наша промышленность развивается въ *неправильномъ* направлѣніи, относительно периода 1885—1891 г. дѣлаетъ предположительный выводъ¹⁾, что «въ послѣднее время обрабатывающая промышленность эволюционировала въ томъ смыслѣ, что въ какойто степени пошла на *встрѣчу добывающей и начала понемногу развивать работу на русскомъ же сырье*», такъ какъ «естественные богатства страны и продукты сельского хозяйства въ изслѣдуемый периодъ обрабатывались

¹⁾ Съ осторожностью истинного ученаго авторъ считаетъ всѣ свои выводы *предположительными* въ виду незначительности периода и недостаточной полноты тѣхъ материаловъ, которыми онъ пользовался.

крупными фабриками и заводами больше, чѣмъ въ предшествующій;... спродукты сельского хозяйства, въ частности животноводства, и желѣзо стали видными предметами обработки нашей крупной индустріи, мукомольное дѣло развивалось быстрѣе другихъ видовъ производствъ, да и чуждое намъ бумагопрядильное дѣло «не обнаруживало признаковъ постоянного возрастанія во вторую часть нашего семилѣтія, а сахарно-рафинадное (въ силу искусственныхъ причинъ) развивало свою годовую производительность лишь въ слабой степени.» — Всѧ совокупность данныхъ, рисующихъ положеніе крупной промышленности въ періодъ 1885—1891 г., заставляетъ автора думать, что «съ одной стороны, вѣроятно, крупная индустрія выполняетъ мелкое домашнее ремесленное производство, привлекаетъ къ себѣ продукты добывающей промышленности и потому развиваются однѣ отросли производства; а съ другой они пользуются увеличеніемъ добычи сырыхъ материаловъ и потому развиваются другія».

Таковы общіе выводы. Обратимся къ нѣкоторымъ изъ болѣе интересныхъ частныхъ итоговъ.

Бумагопрядильное производство (съ бумаготкацкимъ), будучи сконцентрированнымъ въ 20 губерніяхъ, сильно развито лишь въ четырехъ изъ нихъ¹⁾). Интересно то, что въ то время, какъ изъ общей суммы производительности въ 250,8 милл. руб. на *Петербургскій* и *Московскій* районы приходится 212,7 милл. р. (84,8%), на *Приволжскій* районъ приходится 37,19 милл. р. (14,9%²⁾): не имѣлъ ли авторъ права замѣтить, въ виду этихъ данныхъ, что «шумъ, поднятый фабрикантами Московскаго района о конкуренціи Лодзи и Сосновицъ, и прежде былъ значительно увеличенъ, а теперь долженъ бы и совсѣмъ стихнуть».

Въ только-что указанномъ выдающемся по размѣрамъ крупномъ производствѣ Новороссія, Малороссія и Юго-Западный край вовсе не участвовали. За то участіе ихъ въ *мукомольномъ* производствѣ, не чуждомъ намъ, какъ бумагопрядильное, было довольно замѣтное. — Это производство въ рассматриваемый періодъ имѣло мѣсто въ 75 губерніяхъ, при чемъ максимальный его размѣръ не превышалъ 10,9 милл. р., и то въ одной лишь *Пермской* губерніи, изъ остальныхъ 74-хъ губерній—въ 12 губ. размѣры его простира-

¹⁾) *Владимирской*, *Московской*, *Петроковской* и *С.-Петербургской*.

²⁾) Остальная 0,38 милл. р. (0,3%) приходится на разные виѣ-районовыи губерніи.

лись отъ 10 до 5 милл. р.,—въ томъ числѣ въ губерніяхъ: *Херсонской*—6,6 милл. р., *Кievskой*—6,2 милл. р., *Бессарабской*—5,0 милл. и *Подольской*—5,0 м.; въ 29 губерніяхъ—отъ 5 до 1 миллиона р.,—въ томъ числѣ въ губерніяхъ: *Екатеринославской*—3,3 милл. р., *Таврической*—2,3 м. и *Харьковской*—2,0 милл. р., и—наконецъ, въ 33 губерніяхъ—менѣе 1 милл. р.—Мы видимъ такимъ образомъ, что въ мукоомольномъ производствѣ, доставляющемъ сбытъ продуктамъ земледѣлія, *Новороссія* участвуетъ 17,2 милл. р., *Юго-Зап. край*—11,2 милл. р. и *Малороссія*—7,9 милл. р.,—а всѣ вмѣстѣ 38,3 милл. р. (около 23,9% общей производительности).—Географическое распределеніе мукоомольного производства указываетъ на то, что губерніи съ наибольшей годовой производительностью расположены вдоль бассейновъ крупныхъ рекъ: *Волги*, *Днѣпра*, *Днѣстра* и др., такъ что на губерніи разныхъ бассейновъ¹⁾ приходится 89,9% всего общерусскаго мукоомольного производства. Это явленіе, имѣвшее мѣсто и въ предшествовавшее 20-лѣтию, указываетъ на то, что въ мукоомольномъ дѣлѣ вліяніе паровой силы слабѣе водяного двигателя; но, по вѣрному замѣчанію автора, разъ производство это привело характеръ капиталистического предпріятія, «массовая замѣна» водяного двигателя паромъ «становится неизбѣжною для безпрерывнаго обращенія вложеннаго въ дѣло капитала».

Выдающееся значеніе для южныхъ губерній имѣетъ сахаро-рафинадное производство, сконцентрированное въ 19 губерніяхъ.—Кромѣ столичныхъ губерній, производство это, въ крупной формѣ своей, сконцентрировано въ семи юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ и въ семи привислянскихъ: изъ 88,9 милл. р. всего производства на долю первыхъ приходится 52,4 милл. р. и на долю послѣднихъ—18,8 милл.; на столичный губерніи—18,8 милл., а на губерніи съ разбросаннымъ географич. положеніемъ остается 4,3 милл. р.—Въ Юго-Западныхъ и Южныхъ губерніяхъ сахаро-рафинадное производство распределется такъ:

¹⁾ Первое мѣсто занимаетъ бассейнъ <i>Волги</i> и <i>Камы</i>	=55,0	милл. р.	=35%
Второе „ „ „ <i>Днѣпра</i>	=24,8	„ „	=15,8%
Третье „ „ „ <i>Дона</i> и <i>Сін. Донца</i>	=16,2	„ „	=10,2%
Четв. „ „ „ <i>Оки</i>	=10,8	„ „	=7,0%
Пятое „ „ „ <i>Днѣстра</i> и <i>Буга</i>	=10,0	„ „	=6,4%
Далѣе следуютъ болѣе мелкіе бассейны (<i>Вислы</i> , <i>Сейма</i> , <i>Волхова</i> , <i>Куры</i> и др.).			

<i>Кіевская</i>	губ.	14,6	м. р.	27,8%	произв.	района	16,5%	общерусской пр.
<i>Харьковская</i>	"	11,2	"	21,4%	"	"	12,7%	"
<i>Херсонская</i>	"	10,2	"	19,5%	"	"	11,6%	"
<i>Черниговская</i>	"	7,8	"	14,9%	"	"	8,8%	"
<i>Подольская</i>	"	5,9	"	11,3%	"	"	6,7%	"
<i>Волынская</i>	"	2,8	"	4,2%	"	"	2,5%	"
<i>Екатериносл.</i>	"	0,5	"	0,9%	"	"	0,7%	"
Итого		52,4	,,	100,0%	"	"	59,5%	"

Первое мѣсто здѣсь, очевидно, занимаютъ: одна Юго-Западная губернія (*Кіевская*), одна малороссійская (*Харьковская*) и одна Ново-россійская (*Херсонская*): эти три губерніи, вмѣстѣ взятыхъ, имѣютъ годовую производительность въ 36 милл. р. (68,7% производит. всего района и 40,8% обще-русского производства).—Печально то, что производство сахаро-рафинадное представляетъ небольшой лишь сбытъ продуктамъ мѣстного производства, такъ какъ значительная часть сахарныхъ заводовъ имѣютъ собственныхъ свекловичныхъ плантаций¹⁾.

Хотя *красильно-набивное* крупное производство, находящееся въ тѣсной географической и технической связи съ бумагопряд. и шерсто-ткацкимъ производствами, охватываетъ 31 губернію, но оно сконцентрировано больше даже, чѣмъ бумаго-прядильное и сахаро-рафинадное производства: изъ общей производительности въ 105,7 милл. р.—89,2 милл. (84,4%) приходится на одинъ *Московский* районъ²⁾; изъ остальныхъ же 27,7 милл. р. 9,04 м. приходится на 5 губ. *При-віслянскую* края,—6,48 м. на 4 губ. *С.-Петербургскаго* района,—0,39 милл. р. на 6 восточныхъ губерній,—0,41 м. на 3 губ. виѣ-район. и, наконецъ, на 6 губерній интересующаго насъ района (*Херсонскую*, *Екатеринославскую*, *Таврическую*, *Харьковскую*, *Кіевскую* и *Подольскую*) приходится всего 0,18 милл. р. или 0,1% всего обще-русского производства, при чемъ каждая изъ этихъ губерній въ отдельности доставляетъ отъ 0,106 до 0,001 милл. рублей.

Можно было бы ожидать, что болѣе благопріатно въ южномъ районѣ положеніе шерстоткацкаго производства. Оказывается, однако, не то. Производство это сконцентрировано лишь въ 4 губерніяхъ:

¹⁾ Во второй половинѣ 70-хъ годовъ только $\frac{1}{3}$ продуктовъ доставлялась заводами со стороны; съ половины же 80-хъ годовъ величина эта поднялась до 57—58% всей площади (въ среднемъ).

²⁾ Да и изъ семи губерній *Московского* района *Московская* и *Владимірская* губерніи доставляютъ около $\frac{4}{5}$ обще-русского производства—85,4 милл. р.

Московской, Петроковской, С.-Петербургской и Гродненской, на долю которыхъ изъ общей производительности въ 72,4 милл. р. приходится 57,4 милл. (79,4%), а затѣмъ уже мелкими долами оно распространено въ большемъ количествѣ губерній; въ числѣ послѣдникъ приходится: на 2 малоросс. губернія (*Харьковскую и Черниговскую*) 1,63 милл., 3 Юго-Зап. (Киевскую, Волынскую и Подольскую) 0,65 м. на 2 Новоросс. губ. (*Екатеринославскую и Бессарабскую*) 0,08 милл. р. Въ такомъ распределеніи производства авторъ справедливо находитъ указаніе на то, что развитіе его происходит не въ тѣхъ мѣстностяхъ страны, въ которыхъ то представлялось бы ему наиболѣе удобнымъ по условіямъ производства сырья>.

Къ сожалѣнію, въ болѣе благопріятномъ положеніи южныя губерніи оказываются по отношенію къ водочному производству. Изъ общей суммы производительности въ 83,6 милл., распределенной по 64 губерніямъ, на этотъ районъ приходится 11,5 милл. р. (13,8%), а именно: на 3 Юго-Зап. губерніи 7,6 милл. р., на 4 Новоросс. губ. ¹⁾—2,2 милл. и на 2 Малоросс. губ. ²⁾—1,7 м.

Крупное машиностроительное дѣло, замѣтно развивающееся у насъ лишь съ недав资料о времени, распространено въ 69 губерніяхъ; главнымъ же «гнѣздомъ» его являются 3 губерніи: *С.-Петербургская, Московская и Варшавская*, поглощающія изъ общей суммы годовой производительности въ 52,7 милл. р. 31,1 милл. (59%). Изъ остальныхъ 21,6 милл. р., распределляемыхъ по 66 губерніямъ, приходится: на *Киевскую* губ.—2,5 милл. р. на 3 Новоросс. губ. ³⁾—3,9 м., на *Бессарабскую и Таврическую* губерніи—0,8 милл. р. и на *Малороссию*—0,5 милл. р.—Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что при экстраординарномъ «покровительствѣ», оказываемомъ у насъ машиностроевію, обширная сѣть нашихъ жел. дорогъ развила его всего на 12,6 милл. р., а машиностроеніе пароходства—на 12,7 м. р., сельско-хозяйственное же машиностроеніе нашей обширной земледѣльческой страны поглощаетъ всего 4,7 милл. р.! Интересно, что 1,6 милл. р. или $\frac{1}{8}$ всего желѣзнодорожного машиностроенія приходится на *Киевскую* губернію, да больше $\frac{1}{10}$ машиностроенія пароходства—на 2 Новоросс. губерніи ⁴⁾; на Новороссійскій край приходится около $\frac{3}{5}$ сельско-хозяйственного машиностроенія.

¹⁾ Донскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую.

²⁾ Харьковскую и Черниговскую.

³⁾ Херсонскую—1,7 м. р. Екатеринославскую—1,2 м. р. и Донскую—1,0 м. р.

⁴⁾ Херсонскую и Донскую.

Цѣлая четверть *кошевенного* производства, распространенного въ 79 губерніяхъ, сосредоточена въ *Петербургѣ* и *Варшавѣ*; эти 2 центра вмѣстѣ съ занимающими слѣдующее за ними мѣсто *Вяткой* и *Москвой* изъ 32 милл. р. всего производства поглощаются 13,7 милл. р., оставляя лишь 19,2 милл. р. на остальный 75 губерній, выдающеся мѣсто (2-е) между которыми занимаетъ *Херсонская* губернія съ производствомъ въ 1,5 милл. р. и *Киевская*—съ производствомъ въ 1 милл. р.

Обращаясь, наконецъ, къ производству *железнодѣлательному* (со сталелитейнымъ и рельсовымъ), мы видимъ, что послѣ Урала, три губерніи котораго поглощаютъ изъ всей производительности въ 74,6 милл. р. 21,9 милл. (29,3%), *второе* мѣсто занимаетъ *Екатеринославская* губернія, на долю которой приходится 13,6 милл. р. (18,2%), и что Пріуралье и Новороссія доставляютъ половину продукта, обработ. во всей странѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не резюмировать выводовъ автора относительно того, какъ *администрируется* наша крупная промышленность.—Оказывается прежде всего, что иностранцы-завѣдующіе отнюдь не преобладаютъ: они въ общемъ составляютъ отъ 17,4% до 1,8% общаго числа завѣдующихъ. Далѣе мы видимъ, что пресловутая «практическая смѣтка» стушевываетъ «теорію» и знаніе, оттѣснія ихъ на задній планъ, а отъ завѣдующихъ фабrikами и заводами рѣдко требуется техническая подготовка. Лицъ съ такой подготовкой мы находимъ больше всего въ группѣ металлическихъ производствъ, гдѣ они составляютъ 28,6% всего числа завѣдующихъ, а въ группѣ химическихъ производствъ—27,5%, затѣмъ въ группѣ обраб. волокн. веществъ они составляютъ 10,8%, въ гр. обраб. дерева—8,8%, въ гр. керамич. производствѣ—4,8%, обраб. питат. продуктовъ—3,1%, а обраб. животныхъ продуктовъ—1,1%!—Назидательно далѣе и то, что число лицъ съ технической подготовкой между завѣдующими русскими гораздо менѣше, чѣмъ между завѣдующими-иностраницами, и что чѣмъ больше какое производство нуждается въ технически подготовленной администраціи, тѣмъ чаще встречаются въ немъ иностранцы. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что «значеніе иностранцевъ въ нашей индустрії возрастаетъ и падаетъ при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходятъ совершенно тѣ же колебанія въ значеніи русскихъ, имѣющихъ специальную подготовку».

С. Ч—ай.

Этнографическое Обозрение. Изд. этногр. отд. Импер. общ. любит. естеств., антроп. и этнографии подъ ред. Н. А. Янчука. Москва. 1894 г. № 1—4 (книги XX—XXIII).

Изъ статей и материаловъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, въ московскомъ этнографическомъ журналѣ за прошлый годъ необходимо указать слѣдующее:

Изслѣдованіе Н. О. Сумцова «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ» (№ 1). Сказка о Маркѣ Богатомъ и Василіѣ Безсчастномъ широко распросранена не только въ Малороссіи, но и по всей Россіи, записана во многихъ вариантахъ, проникла въ пословицы и поговорки и подверглась литературной обработкѣ. Ф. И. Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что источникомъ для нея послужило одно слово изъ Патерика, помѣщенное въ прологахъ; Афанасьевъ относилъ происхожденіе легенды къ глубокой доисторической древности, но основывалъ это мнѣніе на однихъ мифологическихъ гаданіяхъ. Въ своемъ изслѣдованіи проф. Сумцовъ, разсмотрѣвъ отысканные имъ многочисленные варианты сказки на востокѣ и въ западной Европѣ, пришелъ къ заключенію, что древнейшимъ источникомъ ихъ была индійская повѣсть, восходящая къ VI вѣку. «Въ очень давнее время, говоритъ онъ, индійская повѣсть получила популярность на мусульманскомъ Востокѣ, была даже пріурочена къ личности Магомета, и затѣмъ съ Востока многими путями попала въ Европу, гдѣ получила самостоятельную разработку, въ западной Европѣ — въ видѣ чрезвычайно популярной легенды, въ восточной — преимущественно въ видѣ народной сказки, въ зависимости, можетъ быть, отъ того, что въ западной Европѣ главнымъ разсадникомъ легенды была письменность, а въ восточной устная передача». Изъ западной Европы легенда въ свою очередь проникла въ Россію обратно. Въ № 2. «Этногр. Обозр.» авторъ напечаталъ дополненія и поправки къ настоящей статьѣ.

Въ томъ-же № 2 П. И. снова выступаетъ съ своимъ интереснымъ собраніемъ материаловъ изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, собранныхъ въ купинскомъ у. харьковск. губерніи. «Въ напечатанной здѣсь седьмой части собранія, почтенный этнографъ знакомить читателя съ народными представленіями о странствованіяхъ души по мытарствамъ, о посѣщеніи ею живыхъ родственниковъ, о значеніи молитвы и милостины для облегченія мученій умершихъ (при чемъ сообщаетъ разсказъ о видѣніи одной женщины, которая «замирала»),

о значеніі «родильныхъ» сорочекъ и поминальныхъ обѣдовъ; далѣе приводить разсказы о винѣ, какъ источникѣ грѣха, объ ангелѣ-хранителѣ, о томъ, почему не годится на пасху брать опучею горшки изъ печи (въ этомъ послѣднемъ разсказѣ фигурируетъ птичка съ человѣчьею головою), о томъ, какъ человѣкъ, втеченіе семи лѣтъ не пропустившій ни одной церковной службы, увидѣлъ Бога, въ видѣ старца, попросившаго его поставить передъ иконой свѣтчику, о смерти людей, знаяшихся съ чортомъ, о несчастіяхъ, постигающихъ людей, въ чемъ либо отступившихъ отъ установившагося кодекса сельской жизни; среди разсказовъ на эту послѣднюю тему мы нашли разсказъ о томъ, какъ сыновья приросли къ матери за недостатокъ любви къ ней; разсказъ этотъ мы слышали лѣтомъ 1892 года въ с. Михайловкѣ александрийскаго у., херсонск. г., какъ о случаѣ падавнемъ; въ концѣ статьи рѣчь идетъ о хожденіи антихриста и св. Петра по землѣ передъ концомъ свѣта и о страшномъ судѣ. Собрание почитеннаго кутиянскаго этнографа заключаетъ въ себѣ, по обыкновенію, много нового интереснаго, такъ что замѣчаніе его объ «относительной бѣдности и кажущейся общеизвѣстности сущности» приводимыхъ имъ разсказовъ кажется намъ напраснымъ.

В. Ф. Миллеръ продолжаетъ печатать свои «Материалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ». Помѣщенная въ № 3 «Этн. Обозр.» XV глава имѣеть предметомъ преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца. Разсмотрѣвъ извѣстные былинныe пересказы этого мотива, проф. Миллеръ сдѣлалъ наблюденіе, что они либо лишены метрическаго склада, либо отличаются путанностью содержанія. Затѣмъ онъ изучаетъ многочисленные (болѣе 20) варіанты сказокъ объ Ильѣ, между прочимъ три малороссійскіе; эти послѣдніе онъ считаетъ продуктомъ заноса изъ Великороссіи и не придаетъ имъ никакого значенія въ вопросѣ о южномъ происхожденіи Ильи; одна изъ нихъ, по его замѣчанію, уснащена мотивами сказки о Ерусалѣ, другая содержитъ лишь змѣеборство (очень распространенный сказочный мотивъ), третья—Илью разбойника, спасающагося покаяніемъ. Изученіе сказокъ объ Ильѣ приводитъ автора къ заключенію, что сказки не передѣланы изъ былинъ, а, напротивъ, въ былины эпизодъ объ исцѣленіи Ильи проанкъ изъ сказокъ, и въ устахъ сказителей подвергся поверхностной былинной окраскѣ. Мотивъ полученія силы черезъ чудесное питье, безъ пріурочиванія къ Ильѣ, широко распространенъ въ сказкахъ не только въ Россіи, но и въ западной

Европѣ, и въ Азіи. Къ имени національного богатыря онъ пріуроченъ, по предположенію автора, не ранѣе XVII в.

Въ томъ же № 3 *Н. Ф. Сумчовъ* помѣстилъ статью «Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской (Матеріалы для библиографіи сказокъ)». Въ ней онъ рассматриваетъ IV томъ «Рокисія» Кольберга и сборникъ Мошинской «Bajki i zagadki ludu ukraińskiego», который содержитъ матеріалы, записанные въ таращанскомъ и васильковскомъ у. Сказочные мотивы, встрѣчающіеся въ этихъ кни-гахъ, авторъ прослѣживаетъ въ другихъ сборникахъ.

Проф. *A. A. Кирпичниковъ* имѣеть похвальное обыкновеніе дѣлать вырѣзки изъ газетныхъ сообщеній, имѣющихъ предметомъ суевѣрія не только въ народной массѣ, но среди образованнаго общества. На основаніи этихъ сообщеній лѣтъ десять назадъ онъ составилъ статью «Далеко ли мы ушли отъ міеологическаго міросозерцанія?» (*«Новь»*, № 1). Въ № 4 *«Этн. Обозр.»*, на основаніи вновь накопившагося такимъ путемъ матеріала, почерпнутаго преимущественно изъ южно-русскихъ газетъ, онъ напечаталъ новую статью «Очерки по міеологии XIX вѣка». Здѣсь рѣчь идетъ о вѣрѣ въ волшебные способы лѣченія въ силу чаръ и въ гадалокъ, какъ о пережиткахъ языческой старины, о чертяхъ, о кончинѣ міра и объ антихристѣ, о явленіяхъ Богоматери и прочихъ остаткахъ средневѣковыхъ понятій, о слuchаяхъ, когда суевѣріе принимаетъ повальный, массовый характеръ: войнахъ кончинахъ государей, эпидемическихъ болѣзняхъ; въ заключеніе авторъ говоритъ о вѣрѣ въ сны и предсказанія, въ способность видѣть съ закрытыми глазами и пр. Иногда онъ прибѣгаєтъ къ литературнымъ сближеніямъ, охотяще съ памятниками византійской литературы.

Изъ мелкихъ замѣтокъ, касающихся юга Россіи, можемъ отмѣтить: «Преданія о Кармелюкѣ» *А. Малинки* (№ 1) и некрологъ Ом. Огоновскаго, написанный *А. Крымскимъ*.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ, по обыкновенію можно найти довольно отзывовъ о книгахъ по югу Россіи и отчетовъ о южно-русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Не можемъ, однако, не пожалѣть о томъ, что съ нѣкотораго времени отчеты о газетахъ и журналахъ сдѣливались замѣтно короче прежняго, и содержаніе газетныхъ статей стало передаваться рѣже.

В. Ястrebовъ.

**Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. VIII.
Спб. 1894. 8°.**

Въ восьмой книгѣ неустанно продолжающагося труда г. Н. Барсукова есть нѣсколько, свѣдѣній небезинтересныхъ и для «Кіевской Старины». Къ числу подобныхъ принадлежитъ, напр., разскѣзъ, какъ Погодинъ оставилъ секретарство въ Обществѣ Ист. и Др. Россійск. и какъ вмѣсто его былъ избранъ Бодянскій (стр. 149). — «Какъ ислѣдовало ожидать, говорить біографъ Погодина, отношенія между старымъ и новымъ секретарями образовались самыя враждебныя. Первымъ поводомъ къ тому была малороссійская лѣтопись. По этому поводу въ дневникѣ II—на записано: «представилъ я Обществу Ист. и Др. Р. малороссійскую лѣтопись Велички и предложилъ ее напечатать, поручи изданіе, по взаимному согласію, Бодянскому. Когда предложеніе было принято, я объявилъ своимъ условіемъ предоставление въ мою пользу сотъ двухъ экземпляровъ. Графъ С. Г. Строгоновъ, какъ предсѣдатель, никакъ не хотѣлъ согласиться, говоря, что эти экземпляры повредятъ экземплярамъ издателя. Напрасно я возражалъ ему, что этого не можетъ быть, ибо если изданіе пойдетъ, то, какъ моя, такъ и его экземпляры продадутся одинаково; если же не пойдутъ, то останутся въ нашихъ рукахъ одинаково. Спросите самого Бодянского, а плутъ ходоль Бодянскій молчалъ»... Далѣе приводится прелюбопытный разговоръ II—на съ гр. Строгоновымъ, какъ послѣдній отказалъ первому возвратить лѣтопись Величка, какъ II—ни грозилъ, что онъ запишетъ въ своемъ дневникѣ, что гр. Строгоновъ среди бѣлаго дня отнялъ у него, II—на, его рукопись и какъ Строгоновъ, «крути свой усть», замѣчаетъ, что онъ, какъ попечитель, не совѣтуетъ II—ну этого дѣлать. Однако же Величко былъ возвращенъ II—ну. Въ 1846 г. Бодянскій снова предлагалъ послѣднему издать эту лѣтопись, обѣщаю собственнику рукописи уже триста экземпляровъ книги (стр. 399), но дѣло почему то не сложилось и на этотъ разъ. Лѣтопись Величка, какъ известно, была напечатана въ Кіевѣ адѣшней Археогр. Коммиссіей, причемъ II—ни, не получивъ и одного экземпляра изданаго первого тома лѣтописи, писалъ въ 1848 г. Максимовичу: «Рукопись (Величка) моя, а мнѣ ее (напечатанной книги) не присылаютъ, и увидѣль (книгу) ишпѣ нечаянно въ книжной лавкѣ. Хорошо! А въ

предисловію хотіть бути плюнули мене! ¹⁾). Такимъ образомъ никакой пользы съ изданія Величка П—ну не извлекъ... Лѣтонись эту П—ну приобрѣль въ 1840 г. и тогда же хвалился своею находкою Максимовичу ²⁾). Еще до изданія Величка, имъ уже пользовался г. Кулишъ, какъ видно изъ Погодинскаго дневника. «Пріѣхаль (6 ноября 1846 г.) Кулишъ и просилъ малороссійской лѣтониси (т. е. Величка). Пригласилъ остановиться у себя, чтобы разсмотрѣть ее. Нашелъ онъ тамъ прекрасныя вещи. Не хотѣлось мнѣ, чтобы онъ (Кулишъ) легъ спать въ кабинетѣ, какъ будто для того, чтобы неномѣшать явленію Лизы, которую я всегда, ожидаю ³⁾). Но въ другой комнатѣ холодно... Погодинъ воспользовался посѣщеніемъ г. Кулиша, получивъ отъ него обѣщаніе сдѣлать вкладъ въ *Москвитянинъ*, которое однакожъ не было исполнено, какъ это видно изъ слѣд. письма бывшаго гостя къ П—ну: «Мнѣ очень совѣстно передъ вами, что я не могъ доставить вамъ для *Москвитянина* письма Грабовскаго (Михаила) ⁴⁾ о Гоголѣ; а не могъ я доставить вамъ его потому, что лишь только перевелъ и показалъ Петру Александровичу (Плетневу), П. А—чъ послалъ его въ типографію и велѣль набирать; послѣ уже онъ хоть и узналъ, что это письмо обѣщано мною вамъ, но братъ назадъ изъ типографії было неловко. Въ замѣну того посылаю отрывокъ изъ моего романа (конечно — «Черная Рада»), замѣчательный въ томъ отношеніи, что представляетъ картипу старинныхъ украинскихъ обычаевъ, основанную на приложномъ изученіи старины. Покорнейше прошу васъ не выпускать ни одного примѣчанія. Пусть меня упрекаютъ въ педантизмѣ, но я имѣю свои резоны. Будьте такъ добры, М. П., велите переписать означенныя мною изъ лѣтониси Величка мѣста и сообщите мнѣ. Это послужитъ мнѣ и для романа, и для многихъ другихъ занятій. Если хотите, я напишу статью объ украинскихъ лѣтонисахъ для *Москвитянина*... Затѣмъ, по напечатаніи «Історії Русовъ» въ Чтеніяхъ Водяnsкимъ, г. Кулишъ пишетъ П—ну: Видѣлъ я Чтенія вашего Общества Исторіи. Не понимаю только, зачемъ исторические малороссійские источники начаты съ лѣтониси

¹⁾ Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу. Изд. Акад. Наукъ Спб. 1882. Стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 24.

³⁾ Говорится о первой женѣ Погодина, умершей за годъ передъ тѣмъ..

⁴⁾ Автора книжекъ Literatura i krytyka, изд. въ Вильнѣ, 1837—408 г.

Конисского, тогда какъ мы имѣемъ источники въ болѣе строгомъ значеніи этого слова, т. е. сочиненія не прагматическая. Нельзя ли мнѣ какъ нибудь примкнуть къ вашему историческому обществу? Я приготовилъ бы для печати одинъ украинскій современный мемуаръ о войнахъ Хмельницкаго и о междуобояхъ, бывшихъ въ Украинѣ по его смерти. Эта лѣтоопись, напечатанная въ слѣдъ за Конисскимъ, была бы лучшимъ объясненіемъ *Исторії Руссовъ*. На основаніи этихъ двухъ сочиненій можно будетъ многое сказать не только о фактахъ исторіи Украины, но и о направленіи, принятомъ этой исторію въ смыслѣ науки». Познакомившись съ *Исторіей Руссовъ*, самъ П—нъ записалъ въ дневнике: «Прочелъ съ удовольствіемъ Конисского, что за ужасы дѣлали тамъ наши герои и Петръ». (Стр. 401).

А. Л.

Какъ высохла наша степь. А. А. Измаильского. Полтава. 1893.

8° 68 стр.

Содержаніе этой интересной брошюры видно изъ слѣдующихъ выписокъ. «Исторія свидѣтельствуетъ, что сравнительно еще недавно южнорусская степь была покрыта гигантскою растительностью, въ которой могъ скрываться всадникъ, а по свидѣтельству знатока пашинъ южныхъ степей, И. Налимсестова, мѣстные старожилы еще помнить, когда сырая земля лежала не глубже одного аршина, а грунтовыя воды находились на глубинѣ отъ 6 до 9 аршинъ. Теперь же, въ тѣхъ же херсонскихъ степяхъ—вода находится на глубинѣ отъ 15 до 20 саженей, при чёмъ она нерѣдко соленая. Многія литературныя указанія подтверждаютъ, что изсушеніе степи произошло чуть не на глазахъ мѣстныхъ старожилъ. Этотъ фактъ сравнительно недавнаго обѣднѣнія грунтовыми водами нашихъ степей можно считать вполнѣ установленнымъ, и разногласіе является лишь въ объясненіи причинъ этого явленія. Какъ на главную причину, некоторые указываютъ на прошедшее будто-бы измѣненіе климата въ этихъ мѣстностяхъ, которое стоитъ въ связи, по ихъ мнѣнію, съ уничтоженіемъ лѣсовъ. Вполнѣ согласенъ, что лѣса имѣютъ громадное вліяніе на климатъ; но до сихъ поръ мы еще не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что степи южной Россіи изобиловали лѣсами, и что, наконецъ, климатъ этой мѣстности дѣйствительно измѣнился».

Авторъ бі ошюри производилъ многочисленныя изслѣдованія надъ влажностью почвы въ херсонской и полтавской губерніяхъ. Сводъ добытыхъ такимъ образомъ свѣдѣній далъ возможность ему сдѣлать въторыя любопытныя заключенія.— «Еще въ 1882 году, говоритъ г. Измакъ на основаніи своихъ изслѣдованій влажности почвы въ херсонской губерніи, въ своей статьѣ «Влажность почвы въ связи съ культурнымъ ея состояніемъ», и высказалъ слѣдующее предположеніе: «Прежняя степь со своею гигантскою растительностью должна была имѣть для края не меньшее значеніе, чѣмъ то, которое признается теперь за лѣсами. Въ настоящее время, по прошествіи 10-ти лѣтъ, въ теченіи которыхъ я почти непрерывно продолжалъ заниматься изслѣдованіями влажности почвъ, я долженъ сказать, что высказанное мною предположеніе вполнѣ подтвердилось послѣдними моими изслѣдованіями. Очевидно, что степь, покрытая сплошь пепролазными ковылями, а мѣстами обширными зарослями бобовника, деревы и степной вишни, совершенно иначе относилась къ выпадающимъ атмосфернымъ осадкамъ, въ какой бы сфере эти осадки ни являлись, чѣмъ настоящая степь. Ливни, столь разрушительные для настоящихъ степей, въ прежнее время не только не вредили имъ, но, напротивъ, обогащали ихъ почву влагою на значительную глубину. Мнѣ приходилось бывать весною въ такихъ дѣственныхъ ковыльныхъ стенахъ и, не смотря на то что я уже былъ, такъ сказать, подготовленъ встрѣтить въ такой степи могущественного фактора обводненія почвы, видѣнное мною превзошло всѣ мои ожиданія. Въ то время, когда рѣки уже прошли, по дорогамъ уже неслась пыль, а въ полѣ торопились посѣвомъ, чтобы захватить дорогую весеннюю влагу, въ ковыльной степи еще мѣстами бѣлѣлъ снѣгъ, а почва въ этой гигантской заросли была настолько сыра, что проѣздъ по ней становился совершенно невозможнымъ».

«По увѣренію мѣстныхъ жителей, ковыльная степь даже въ малоснежныя зимы набита снѣгомъ, но видѣнная мною степь еще не могла быть названа дѣственной степью, такъ какъ въ значительной степени была сбита скотомъ. Настоящую же дѣственную степь, чтобы воспользоваться ею, какъ пастищемъ, приходится предварительно выжигать.. Дѣственная степь, продолжаетъ авторъ, обладала совершенно иными свойствами сравнительно съ теперешними. Она была не менѣе приспособлена къ использованію выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, независимо отъ характера этихъ осадковъ, чѣмъ лѣсная почва. Въ дѣв-

ственной степи все условия благоприятствовали, какъ и въ лѣсу, за-
держанію влаги и сохраненію ея отъ испаренія. Для хозяина такая
степь представляла многія неудобства: въ ея гигантской раститель-
ности трудно было наблюдать за животными, а эти послѣднія въ
старыхъ заросляхъ ковыли съ трудомъ добирались до мягкаго иѣж-
наго травяниаго подсѣда, наконецъ, обработка такой степи требовала
большихъ усилій отъ хозяина, а полезныя свойства этихъ первобыт-
ныхъ степей хозяиномъ не сознавались; поэтому немудрено, что хо-
зяинъ какъ бы торопился освободиться отъ столь неудобныхъ про-
странствъ: онъ палилъ степь, выбивалъ ее скотомъ, а затѣмъ распа-
хивалъ; снявши иѣсколько урожаевъ, вновь оставлялъ ее заростать
дикою растительностью, которую выбивалъ своимъ скотомъ, не давши
достаточно окрѣпнуть».

Совершенно понятно, что чѣмъ чаще и чаще повторялись по-
добные операции надъ степью, тѣмъ труднѣе и труднѣе она послѣ
нихъ оправлялась, и тѣмъ болѣе ослабѣвала ея растительность, не
достигая уже прежнихъ гигантскихъ размѣровъ. Сначала исчезли
кустики, а затѣмъ ослабѣли заросли ковыли, вытѣсненыя другими
растеніями, покрывающими теперешнюю степь... Рисуя такую картину
воспитанія южнорусской степи, авторъ какъ бы упускаетъ изъ виду
главную причину исчезновенія ковыльной степи — ея заселеніе че-
ловѣкомъ...

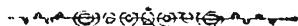
А. Л.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга VIII. Изд. подъ ред. П. В. Владимірова. К. 1894.

Крупнымъ событиемъ въ жизни Общества Нестора Лѣтописца
было утвержденіе въ концѣ 1893 г. нового устава, который и при-
ложенъ къ настоащей книжкѣ. Уставъ этотъ расширилъ права об-
щества и внесъ много измѣненій въ его организацію. Общество прі-
обрѣло право открывать платный публичныя чтенія по программамъ,
утвержденнымъ совѣтомъ общества, и право учреждать особыя отдѣ-
ленія по специальностямъ. Нужно надѣяться, что общество не за-

Въ послѣднемъ отдѣлѣ библіографіп В. И. Щербина разсматриваетъ «Archiwum domu Sapiehōw» изданній подъ редакціей А. Прокаски, а П. А. Ивановъ разбираетъ книгу г. Лонгинова «Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ».

Е. К.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Открыта подписка на 1895 годъ

на

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,
издаваемый въ Одесѣ

„ПО МОРЮ И СУШЬ“

Нашъ журналъ вступаетъ въ пятый годъ своего существованія. Кратковременная (въ теченіе Декабря мѣсяца прошлаго года) простоянка нашего изданія по случаю тяжкой болѣзни редактора, мы увѣрены, не могла поколебать довѣрія читателей къ нашему органу. Заручившись со-дѣйствіемъ новыхъ литературныхъ силъ, мы продолжаемъ наше дѣло съ твердою увѣренностью, что не только оправдаемъ вниманіе старыхъ нашихъ читателей, но существеннымъ улучшеніемъ изданія во всѣхъ отно-шеніяхъ привлечемъ симпатіи и новыхъ.

Журналъ „По Морю и Сушь“ заключаетъ слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Хроника столичной, мѣстной и провинціальной жизни за недѣлю; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Текстъ будетъ иллюстрироваться портретами и др. рисунками. При журналь периодически будутъ выпускаться приложенія.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушь“ съ приложеніями
(Съ пересылкой и доставкой):

На годъ . . . 4 руб. — На полгода . 2 руб.

Для старыхъ подписчиковъ, недополучившихъ №№ за Декабрь мѣсяцъ въ 1894 г., подписная цѣна на 1895 годъ 3 р 70 к., а на полгода 1 р. 85 к.; старые подписчики, не подписавшіеся на 1895 г., получать четырѣ №№, не досланные имъ въ Декабрѣ 1894 г.

№ 1-й будетъ изданъ къ 15 Января с. г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписька принимается въ Одесѣ въ Редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіенская ул., д. № 18, кв. № 19).

2—2

ЗАПИСКИ ІМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть официальная: извлечения изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы.

2) Часть неофициальная а) научный отдѣлъ (ученые изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ коммітывахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская хѣтопись (статьи и материалы по истории Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложения, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ то: диссертации, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписька цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Оєслико-Куліковскій.

2—3

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ XLVIII, 1895 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КИСТЬКОВСКІЙ. (Біографіческій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографії его). В. Науменка.	1—43
II. ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКА О. ФЕОДОРА КИСТЬКОВСКАГО. 44—63	218—233
III. ТРУДЫ А. Ф. КИСТЬКОВСКАГО ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ И ОБЫЧНАГО ПРАВА. И. Лучицкаго	64—87
IV. А. Ф. КИСТЬКОВСКІЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ. И. Фойницкаго.	88—102
V. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Бытовой очеркъ) С. П.	103—119
VI. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНИЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенского мальчика). М. Щ. (Продолженіе) 120—138	371—384
VII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА	139—141
VIII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Г. ЧЕСТАХОВСКАГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ	142—144
IX. УКРАИНСКІЙ ФІЛОСОФЪ ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРДА. Д. И. Багалѧ. 145—169	265—294
X. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРОУССКОЙ СТАРИНЫ. (А. И. Мартосъ). Ал. Лазаревскаго. (Продолженіе).	170—194
XI. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРОУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. Н. Ф. Сумцова.	195—206
XII. КОЛЯДКИ РЕЛІГІОЗНО-АПОКРІФИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ. Хр. Ящуржинскаго.	207—217

II

ст.^к

XIV КЪ ЮЖНОРУССКИМЪ ЦБСНЯМЪ. (Материалы по этнографии южноруссовъ). Б. Быстрова.	234—256
XV. ПАМЯТИ ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО. (Съ портретомъ). П. Житецкаго.	257—264
XVI. СТАРИННЫЙ ПРОЕКТЪ ЗАСЕЛЕНІЯ УКРАИНЫ (1590 г.). Переводъ съ польского, съ предисловіемъ А. С.	295—341
XVII. СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ 1812-МЪ ГОДУ.	342—370
XVIII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГРАФА П. А. РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.	384—404
XIX. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДІЯ ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (Изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина). Сообщ. Н. С.	405—417

ОТДѢЛЪ II-й.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) «Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ» о первомъ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, 1865 г. Сообщ. А. Лотоцкій. б) Нѣчто о дрсвніхъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Василевки, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда. в) Случай изъ губернской жизни. Д. Н. В—скаго. г) Рождественская вирша въ рукописи XVII вѣка. Сообщиль О. Л. д) Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII в. е) Отъ правленія Кіевскаго Общества Грамотности. ж) Два неизданныя письма Т. Г. Шевченка. з) Письмо Т. Г. Шевченка. и) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Сообщ. Левъ Мацьевичъ. і) Письмо въ редакцію. Ал. Маркевича. к) Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году. А. Л. л) «Листъ» печерскаго архимандрита Ианокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. Сообщ. А. Л. м) Свидѣтельство современника о Наливайкѣ. Сообщ. Е. Н. н) Святочная народная драма «Тронъ». В. Ястребова. о) Сказка о котофѣ. Ф. Кудринскаго. п) Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Анговѣ Танскомъ и его тещѣ. А. Л. р) Молитва въ память уманской рѣзни и письмо, касающееся того-же события. И. Галантъ. с) Угроза генералу-губернатора кн. Я. И. Лобанову-Ростовскаго жителемъ м. Смѣлого (роменск. у.) за ослушаніе 1811 г. Сообщ. Н. С. т) Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ полтавской и черниговской въ 1835 году. Сообщ. Н. С. у) Гдѣ изготавлялись для малороссійскихъ казаковъ

III

СТР.

ружия въ подсв. XVIII в. ф) По поводу стихотворенія «Хома та Ярема» М. Гомарова. х) Труды студентовъ Киевской духовной академіи по южно-русской исторіи за 1893—94 г.

ц) Поправка къ ст. Н. Ф. Сумцова «Соврем. этнографія».

1—19 43—66

91—102

- II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Матеріали по археології Россії, издав. Импер. Археол. Коміссією № 18. Древности Южной Россіи — курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальберга. В. Ястrebова. б) Отчетъ Импер. Археологической Комиссіи за 1892 годъ. В. Ястrebова. в) Старинна исторія Галичини. Наописавъ Омелянъ Партицкій Томъ першій. (Відъ VII-го віку перед Христом до року 110 по Христи). У Львови. Фра Моріель. г) Труды съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о приватії мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ. Н. М. д) Труды первого съѣзда врачей Киевской губернії, происходившаго съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ въ г. Киевѣ въ 1893 г. Н. М. е) Очерки исторіи литовско-русского права. Образованіе території литовскаго государства. Ф. И. Леоновича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Н. В. ж) М. К. Любавскій. Жъ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управлениі въ Литовско-русскомъ государствѣ (Жур. Мва Нар. Просв. 1894) Н. В. з) В. Сергеевичъ. Русскія юридические древности. т. I. Территорія и населеніе. Н. В. и) Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи. і) Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Приложение къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. к) Киево-Братскій училищный монастырь. Историческій очеркъ. Н. Мухина. Ф. Титова. л) Археологическая Извѣстія и Замѣтки, издаваемыя Импер. Московскими Археологич. Обществомъ подъ ред. дѣйств. чл. А. В. Орѣшникова. В. Ястrebова. м) О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Україну отъ польской неволи. И. Слѣпушкина. И. Каманина. н) Dr. G. Radde und E. Koenig. Das Ostufer des Pontus und seine culturelle Entwicklung im Verlaufe der letzten dreissig Jahre. В. Ц. о) Живописная Україна. Н. Ш. п) Журнальное обозрѣніе. р) 1) Архивъ Юго-Западной Россія часть 8. т. I. Матеріали для исторіи мѣстного управлениі въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барского староства XV—XVI в. 2)—Часть 8, т. II. Акты Барского староства

IV

СРТ.

XVII—XVIII в. 3) М. Грушевский Барское старство. Исторические очерки. Н. М. р) Н. А. Карышевъ. Русская фабрично-заводская промышленность. С. Ч—го. с) Этнографическое Обозрѣніе. Изд. этнogr. отд. Импер. общ. любит. естеств. антроп. и этнографіи подъ ред., Н. А. Янчука. В. Ястrebова. т) Жизнь и труды М. П. Шогодина. Н. Барсукова, кн. VIII А. Л. у) Какъ высохла наша степь А. А. Измаильского. А. Л. ф) Четвѣртъ въ историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга VIII. Изд. подъ ред. Н. В. Владимирова. Е. Н. 20—42 67—88	103—136
Ш. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья (33—48 49—64 65—80).	
2) Любецкій Архивъ. (1—16, 17—32).	
3) Портретъ А. Ф. Кистяковскаго.	
4) Портретъ Г. С. Сковороды.	
ОБЪЯВЛЕНИЯ. 1—42 1—34	1—2

Пятокъ. 6. Сей день былъ дождеватий, такова жъ и ночь, къ свѣту стало перебиратись. Атамана Верегинскаго братъ Ситниценка послалъ куріеромъ въ Москву и черезъ онаго писалемъ до Курбатова, до Камѣнскаго, упоминаючи его, а до Карапаева, чтобы щиталь его и деньги къ себѣ принялъ. Да до Карапаева въ другое, чтобы конфектъ пургуючихъ сугор.... soluf.... купивши, прислали; такъже и стекло до часовъ, для чего пуделко черезъ его же послалемъ и денегъ 2 р., что самъ ему куріеру отдалемъ. Федору Дорошенку, мужику села Погаричъ, за приишлый 1731 годъ, за сѣножать 3 р.

Субота. 7. Сей день былъ похмурний, а ночь похмурна, а потомъ дождевата зъ силнимъ дождемъ; къ свѣту вѣтеръ восточный зъ метелицею снѣжною и холодъ. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и былъ у ясневел., оттуду зъ и. Михайломъ, братомъ, у Михайла Ивановича Жураховскаго, подполковника сего полку, и обѣдали, а по обѣдѣ повернулся позно домой.

Неделя. 8 Сего ранку сталъ вѣтеръ силний, межи полночью и востокомъ, и метель снѣжная, которая черезъ у весь день и ночь тривала зъ силнимъ морозомъ, отъ котораго рѣка стала. Обѣдалисмо въ князя и продновали, и подпивали, что братъ его Михайло именинникъ.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ свѣтлий, але зъ морозомъ жестокимъ и снѣгъ малый проривался, такова жъ и ночь. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною Василь Думитрашко. Позичилемъ Василю Думитрашку 5 червонныхъ, 3 галанскихъ, а 2 цесарскихъ.

Вовтор. 10. Сей день былъ холодний велми и ночь, а свѣтліе и погодніе. У князя былъ банкетъ, где гетманъ и прочие били для того, что въ такомъ днѣ женился онъ на княгинѣ, чemu теперь годовъ 9. Гетманъ промовалъ мене въ комиссари енералніе и милостивъ оказался.

Середа. 11. Сей день и ночь также свѣтліе и збитъ холода вѣшили, якъ и прежніе. Обѣдалисмо оба зъ родителемъ у князя, а по обѣдѣ билъ у мене Славуй; потомъ ходилемъ черезъ людъ, пѣши, въ городъ до п. Михайла.

Четвер. 12. Сей день былъ такъ же студеній въ вечеру и ночь мало отлигла. Обѣдалисмо у себѣ, а родитель у князя; вечералисмо у сестри на пастовнику. Несторовичъ пріехалъ зъ Подолова отъ компанїи веселной брата Марка, простуючого въ Роменъ зъ новобрачною свою женою, которому послалемъ 5 таляръ бит. Несторовичу далемъ 2.

Пятокъ. 13. Сей день погодний, а особливо ясній, къ вечору только морозъ не таковъ. Ночь погодна жъ, а къ свѣту вѣтеръ, съ полудня и снѣгъ. Былемъ рано въ городѣ и у п. Михайла, где жиду Палѣевскому говорили, чтобъ бунчучній призваль его спросить его о претенсії, якую онъ сказывалъ на 800 р.

Субота. 14 Сей день былъ снѣжный почитать увесъ, зъ отлигою, такова жъ и ночь, и снѣгъ випалъ такій, что безъ нужди можно ехать. Обѣдалемъ у ясновел., а по обѣдѣ зъ п. Михайло пріехали до князя, где застали родителя, сестру Уляну и жену, тамъ обѣдавшихъ.

Неделя. 15. Сей день былъ снѣжный, къ вечеру вѣтеръ зъ силнимъ зъ жестокимъ морозомъ, и черезъ ночь оний тривалъ до другого дня. Обѣдалемъ у ясновел., а по обѣдѣ ездилемъ до сестри на пастовнику, где и п. Михайло зъ панею свою и Люка пріехавшій игралисмо вси въ карти, въ сенокилѣю, тутъ же вечерали и ночовали. Юско посланъ въ поля и въ Роменъ, и данъ ему приказъ въ 11 пунктахъ.

Понеделокъ. 16. Сей день быль вѣтряній зъ морозомъ жестокимъ и ночь холодна и тиха. Обѣдалисмо у сестри, а по обѣдѣ играли у карти зъ проигравшомъ Люки, и потомъ розехались по домамъ.

Вовтор. 17. Сей день быль студеній, але безъ великого вѣтра, ночь тиха. Обѣдалисмо сами, а род. у князя. Призивали жида Лейбу въ Палѣевскомъ дѣлѣ, миръ хотячи учинить, который опрочъ 800 р. меншъ не хочетъ.

Середа. 18. Сей день быль и ночь противъ вчорайшаго. Князь Шаховскій мириль жида Лейбу отъ нашей стороны и давалъ ему 500 р., однакожъ онъ не схотѣлъ, а просилъ 600 р. Обѣдали

мы зъ род. у князя, а по обѣдѣ пріѣхалъ п. Михайло, потомъ я пойшовши отоль, виправилъ жену, поехавшую въ Новгородокъ до сестри болѣзнучою п. Григоріевої и поехалъ самъ до брегадира, где мало посидѣвши, повернулся назадъ. Манджула повернулся изъ Москви, отпущеніе рѣчи отъ Камѣнскаго привезлъ, а именно: цудъ шоръ въ 40 р., чаю фунтъ, 6 пуд. и 15 фунт. штар. (?) перцю и имберу по полпуда, вина красного 10 бутылокъ, столовъ 6, а семий зъ поречами, штани старіе, гвоздя желѣзного 4000, замковъ 5, полумисковъ 3 и талѣрка 1, лѣхтаровъ мосіенжнихъ 2, крашенини разныхъ цвѣтовъ 24 конца, а въ нихъ аршинъ 152.

Четвер. 19. Сей день и ночь были студеніе и мало вѣтрапіе, по вchorайшому. Обѣдалемъ сегодня у себе и со мною Александръ, а у вечеру ездилемъ до сестри, где и вечералемъ и довольно поси-дѣли зъ нею и тюткою Кондзеровскою.

Пятокъ. 20. Сей день былъ холodenъ же, да снѣгъ ишолъ, такъ же и ночь снѣжна была. Никуда зъ дому не ездилемъ, а пріездилемъ ко мнѣ братъ п. Мих. и сестра.

Субота. 21. Сей день былъ теплѣйшии противъ прежнихъ, такъ же и ночь. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Люкою до п. Михайла, где играли въ карти зъ проиграпомъ Лючинимъ.

Неделя. 22. Сей день былъ теплого, мокрого и дожеватого воздуха, а въ вечеру и въ ночь и къ свѣту—дожъ ишоль переривцемъ. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ и панею его и Люкою ездилемъ до сестри и тамъ играли въ карти долго, а потомъ и заночовали.

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій, заперва свѣтлій, а потомъ мокрій, ночь едва не вся дожевата, къ свѣту морозъ. Обѣдалемъ сегодня у себе, и нигде не былемъ.

Вовтор. 24. Сей день былъ холодновать почости, только жъ воздухъ мокръ, такова и ночь. Былемъ рано у князя на молебнѣ и у гетмана, обѣдалемъ въ дому. У вечеру такожъ былемъ у князя. Ярема посланъ знову въ Новгородокъ зъ листомъ до жони и до п. Якова швакgra, писанными отъ мене.

Середа. 25. Сей день былъ тепломорзий, такова же и ночь, только къ свѣту морозецъ и снѣгъ. Обѣдалъ родитель со мною, а у вечеру была сестра Ульяна Ивановна и п. Мих. Присланъ зъ Крисюкъ утекшій отсюду ключникъ.

Четвер. 26. Сей день былъ зъ снѣгомъ сперва и зъ мороземъ, ночь тиха безъ снѣгу. Обѣдалемъ въ дому и со мною Люка, а по обѣдѣ поехалиемъ до п. Михайла, брата, где пріохала и сестра, и играли въ карти въ сенкилью, а по отездѣ ея, сестри, ночовалемъ тамъ же.

Пятокъ. 27. Сей день сперва тихъ, а потомъ зъ снѣгомъ и черезъ ночь снѣгъ же ишолъ, такъ что знову дорога санная стала добрая уже, въ третій разъ. Не ездилемъ никуда, но всегда въ дому билемъ.

Субота. 28. Сей день былъ снѣжный, ночь свѣтла и снѣжна, и холодна. Обѣдалисмо зъ родителемъ въ дому и Александръ тутъ же, зъ которимъ и въ банѣ мился.

Неделя. 29. Сей день былъ снѣжный и холодний, ночь безъ снѣгу. Обѣдалемъ у ясневел., а оттолѣ ездилемъ до сестри, отколь зъ п. Михайломъ до князя пріѣздили за дѣломъ Палѣевскими и назадъ ко мнѣ пришли.

Понеделокъ. 30. Сей день былъ холодний, а ночь холоднѣйша и погодна. Обѣдали у насть князь и проч. великороссійскіе и подпіахомъ ради пменинъ родителскихъ. Брать пянъ пріѣхаль.

М-ць Декаврій. Вовтор. 1. Сей день былъ погодний, але холодний, ночь холоднѣйша и свѣтла. Обѣдалисмо зъ родителемъ у себѣ, а по обѣдѣ ездилемъ смотрѣть яли (?) своей и оттолѣ заездилемъ до п. Михайла, по вчорайшомъ питтю лежавшого.

Середа. 2. Сей день былъ студений крѣпко, а свѣтлый, и ночь такова же. Обѣдалемъ у себе зъ родителемъ и Заруцкимъ старимъ и женою мосю, сегодня зъ Новгородка пріѣхавшою. У вечеру былъ я у князя. Юско молодикъ пріѣхаль зъ Ромна мой зъ писмами.

Четвер. 3. Сей день былъ во всемъ таковъ, яковъ и минувшій вчорайшій и ночь. Обѣдалисмо зъ родителемъ у князя, где

и трубку Радиону Кузиничу Арсеніеву подарилемъ; по обѣдѣ у вѣчеру билемъ у брагадира и Количова. Сего дня Юско молодикъ за свое пястство наказанъ. Іванъ Бузинскій пріехалъ въ Глуховъ на господарство.

Пятокъ. 4. Сей день и ночь во всемъ подобніе вчорайшему дню, въ ночь отлигло. Рано винисовалемъ зъ статуту права служащіе до дѣла Палїевскаго и билемъ у князя, а потомъ поѣздали мене Люка и п. Михайло. Зъ Люкою за брата Ивана въ наученіи францужскаго языка уговорилемся за 60 р. на годъ. Посланъ Алексій Полуденскій въ Роменъ, а даль ему 20 р. на покупку пиона, да данъ ему облѣкъ Ілка Важниченка на 40 р., да данъ ему приказъ въ 9 пунктахъ. Хлопцъ въ Сварковѣ къ дѣлу способніе: 1, Оврущенокъ, 2, Ступакъ до саду, 3, вдови Десятниковой, 4, у Заики меншій, 5, Карабутенокъ жонатий. Зъ березовцями уговорились возить имъ дерево зъ Широговки сюда, а цена за всякое по 7 шагъ. Уговорили паробка у футоръ, сына Плетюнчина, и задатку дали 1 р.

Субота. 5. Сей день отлигъ, а барзѣй ночь, въ день спѣгъ проривался и въ ночь, зъ полудня насталъ вѣтеръ. Рано былемъ у ясневел. Обѣдалисмо зъ род. у себѣ, по обѣдѣ ездилемъ къ сестрѣ и повернулся назадъ; князь зъ княгинею у банѣ зде, въ нась, милися. Климентъ Пѣщансій пріехалъ зъ Крисюкъ и привезль 5 куєв оковит. гор. да уллювъ.

Неделя. 6. Сей день вѣтрянъ холоденъ и снѣженъ, ночь тиха безъ снѣгу. Обѣдали многіе персони, гетманъ и великороссійские и я у князя, потому что синъ его именинникъ.

Понеделокъ. 7. Сей день былъ мало снѣженъ и отлиглий, такъ же и въ ночь отлигло. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а у вечеру ездилемъ до сестри, где князя засталемъ, по отездѣ его играли въ карти.

Вовтвр. 8 Сей день былъ холоднѣйшій вчорайшого, такъ же и ночь холодна. Обѣдалемъ въ дому, а родитель у князя. По обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и простилемся зъ нимъ, отехавшимъ послѣ сего жъ дня въ свои деревнѣ полку Чернѣговскаго; потомъ

билемъ у князя. Костенецкій пріехалъ зъ Гданска и сказывалъ, что мои воли проданы по 10 таляр. курантовъ. (?)

Середа. 9. Сей день былъ студеній и мало снѣжний, также и ночь холодна. Обѣдалисмо зъ родителемъ у князя, откуду повернулемся назадъ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Гданска и привезль рѣчи.

Четвер. 10. Сей день былъ студеній и ночь такова жъ. Обѣдалемъ въ дому и никуда не ездилемъ. Князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, фелтмаршаль и кавалеръ, умре въ Москвѣ.

Пятокъ. 11. Сей день былъ студеній мѣроно и снѣжний, ночь такова жъ. Былемъ рано у князя, а потомъ въ дому; у вѣчеру посѣщала сестра и п. Михайлова. Составили расписку и мировую членобитную отъ жида въ Палѣевскомъ дѣлѣ. Якова Дуброву щитали и покупки отобрали въ Гданску купленіе: ножовъ сребранихъ паръ 6, а семая великая, 161 зол. и 12 а., гривень 6 и пол... ваги, сукна саeti портищъ на 2, локоть по полъ 7 зол., сукна французскаго портищъ на 2, локоть по пслъ 5 зол., атласу червоного локоть по полъ 5 зол., а локоть 28, жолтого локоть по 4 зол., а локоть 13, за пуздерко зъ горѣлкою 41 зол., за курокъ 10 а., за вожки тинфъ 2., въ аптекѣ гданской: (*слѣдуетъ списокъ лѣкарствъ.*) Въ аптекѣ водка: карбункуловая 4 фляш., зол. 18, елексѣръ цитри фляшъ 3, зол. 11, амбри.... зол. 10, алкермесовой полъ 2 штоф., 8 зол. 12 грош., персиковой полъ 4 штоф., 4 зол. 6 гр., цинамоновой полъ 4 шт., 3 зол., 6 гр., анишковой полъ 4 шт., 3 зол. 6 гр. Книги: Dictionnaire royal., par Pomai, 12 зол., Avantures de Thelemac; 3 зол., 18 грош., Lettres de Bussi Rabutin, 10 зол., Buddei, Theologia dogmat. 12 зол., Moralis—6, Hymna Eclesiast., 2 vol., 11 зол. De Atheismo, 2 зол., 15 грош. Philosophia, 3 vol., 3 зол. 18 грош. Huctii, Demonstrat. Evangel. 7 зол. Concordia latrenis 3 зол. 24 грош. Capelli cunca, 24 зол. Да на немъ, Якову, доводится еще за сукна саeti червон. 4 безъ гривни и алмазковъ 10, на 9 зол. отъ приему, да отъ взятихъ воловъ 90 зол., червон. 2.

Субота. 12. Сей день былъ студений, а туманий, такъ же и ночь. Обѣдалемъ въ дому, а у вечеру ездилемъ къ сестрѣ Яковѣ Дуброва отпущенъ въ домъ свой. Составлялъ отъ сестри писма до графа (Головкина) и Курбатова, о дворѣ ея Моск.

Неделя. 13. Сей день былъ холодний, а ночь холоднѣйшая. Рано передъ свѣтомъ отправленъ въ Москву зъ Кумичемъ Иваномъ Желязо, а съ нимъ писаль я до архіеря Новогор. и книгу Бу-деееву послалъ. Да писаль до Каратаева о щотѣ Камѣнскаго и моихъ покушкахъ мѣючихъ Желязою отправитись, зъ его совѣту. О послушаніи писаль до Камѣнскаго. Ему, Желязѣ, далъ приказъ въ 12-и пунктахъ, его жъ копія зде. Ему же далъ для направи двое штановъ лосинихъ, часи боевые; на дорогу далемъ 5 р. Обѣдалемъ въ дому, а у вечеру былъ у князя, потомъ съ Тамарою прийшолъ въ домъ, где и сестру засталъ. Зъ Сухонос. привезли 15 дѣжечокъ масла, кухва сира, 4 кухви вишневой, 1 вишняку, 1 дулевой.

Понеделокъ. 14. Сей день былъ холодний, похмурний, и ночь такова жъ. Сегодня раздѣлались зъ жидомъ Лейбою Лазаревичемъ, жителемъ Илскимъ, повѣту Мозирскаго, члобитствовавшимъ за убийство сына его зъ женою и работникомъ жидовиномъ же, который за все про все взяль 600 р. и расписку далъ на имя сестри Уляни Ивановни. Обѣдалемъ у сестри Уляни Ивановни, у вечеру былемъ у князя.

Вовтор. 15. Сей день отлигъ противъ другихъ, такова жъ и ночь была безснѣжна. Былемъ рано у брегадира и у суда, где отложилъ члобитствовать на Якубовича за деньги... п. Стефана Миклашевскаго. Обѣдалемъ у себе; по обѣдѣ былъ у князя, где зъ Тамарою отездившимъ простился, и потомъ ездилемъ до бргадира и Количова; тамъ у Количова нога мнѣ заболѣла лѣвая зъ всею кулишю и черезъ всю ночь белѣла. Уведомилъ, что игумена Петропавловскаго въ другое паралѣжъ заразилъ. Вѣстьносится, что архіерей Киевскій Варлаамъ Ванатовичъ посланъ зъ Москви въ силку, сказывалъ Астровскій.

Середа. 16. Сей день таковъ же былъ, якъ и вчорайшій, такъ же и ночь. Зъ Комарицкими мужиками, привезшими мнѣ дерево дубовое, брусовъ 100, роздѣлался, до прежде данихъ 10 р. еще теперь далемъ 5 р. Сухоносовскій Федоръ Дядя, мужикъ, съ подводами отправленъ, а черезъ его посалемъ 15 р. до Алексея въ Роменъ на ганишъ и писмо Ивана Запорожца о принятиихъ отъ мене 80 р. на покупку въ Кролевецъ приложилъ. Демяновичъ повернулся зъ Москви зъ указомъ до архиерея Чернѣговскаго о взяттю и окованню писарчика его Германа и запровожденю въ Москву, а ему Демяновичу въ бракъ его дочери зъ Скрицкимъ дано разрешеніе, а велено ему тамъ стать, когда дѣло начнется.

Четвер. 17. Сей день таковъ же и былъ, якъ и вчорайшии, также и ночь. Сегодня у ясневел. обѣдалисмо и подпіяли злегка, ради именинъ его.

Пятокъ. 18. Сей день былъ холоднѣйшій отъ вчорайшаго, зъ снѣгомъ, ночь безъ снѣгу холоднѣйшая. Далемъ на росходъ женѣ 4 р. Вѣжевскому въ позику 3 р. до прежнихъ 3-хъ, Гапцѣ 3 р. Князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, генераль-фелтмаршаль россійскій и кавалеръ славний, умре 10-го декабря, а теперь въ домо зде учинилось. Андрей Тесля посланъ зъ подводами въ Кролевецъ за кривулями (?) да ему жъ въ запасъ данъ 1 р. купить такихъ кривуль. Уговоръ здѣлалемъ зъ кирпичнимъ майстеромъ, чтобы ему робить за мою харчею, а ему давать отъ мене по полтинѣ отъ тысячи, и карту онъ далъ... а зовется Данило Ивановъ сынъ Тарасовъ, житель Путивскій.

Субота. 19. Сей день былъ моло снѣженъ, холоденъ и ночь такова жъ. Рано сегодня поехалисмо въ Гамалѣевскій монастыръ, князь и съ нимъ я, родитель, братъ п. Михайло, брегадиръ Арсениевъ, Количовъ и Мякининъ, и пріехали на службу и на панаходу по покойной тіотцѣ моей отправовавшуюся. Посля у сестри обѣдали и подпивали.

Неделя. 20. Сей день былъ также, якъ и вчера, и ночь также. Сегодня службы Божій въ монастырѣ отслушали гостѣ, а пообѣдавши, розехались, першай они, а потомъ я зъ п. Михайловою.

У вечеру пріехалъ въ Глуховъ. Кам'янскій съ Москви прислали осятра 41 фунтъ, цѣна по 1 а., лосося 28 фунт., цѣна по 7 коп., икры фунтъ 10, ио гриввѣ. Да зъ Ромна получили писма отъ Несторовича, что ганишъ въ Ромнѣ по 8 гривенъ, табака по 10 а. до двохъ золотихъ.

Понеделоѣтъ. 21. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночь такова жъ. Рано подалемъ челобитную князеви о Кодинцевомъ дѣлѣ зъ мною, якую онъ же и помѣтилъ, чтобы справится зъ указомъ. Поехали оттуду въ городъ, где у ясневел. обѣдалемъ, а по обѣдѣ у вечеру повернулемся назадъ. Пріехали Омелянъ, стар. Сухонос, и Алексѣець и привезли писмо отъ Якова Дуброви и 10 кам'янчиковъ алмазныхъ, которые давани были въ Гданськъ для оправи на серги.

Вовтор. 22. Сей день былъ равномѣрного зъ прежними состоянія, такова жъ и ночь, только безъ снѣгу, а къ свѣту вияснилось. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ былемъ у банд. Елімъ Шѣщанскій сочтенъ во всомъ пріемѣ и расходѣ денежномъ и оправданъ, а только долженъ доправить на шинкарахъ и на людяхъ за напой... и конѣ 257 р. и 65 коп., въ чомъ и карту даль, а я его квѣтовалъ. Рецептъ прошку на пянство (*слѣдуєтъ рецептъ*). Сего прошку по маленкой ложечцѣ принимать у водцѣ рожевой, албо цѣмонновой; рожевая такъ дѣлается: рожи накласть мало придавши соли въ алембикъ да влить води рѣчной и перегнать, а цѣмоновая такъ: воду рѣчную переварить и вложить въ нея цинамону золотникъ толчоного на кварту води. Заживать по кушанию. Рецептъ на олѣекъ, которимъ мазать спини середину, тѣмя и виски, для бодрости. (*Слѣдуєтъ рецептъ*).

Середа. 23. Сей день зъ ранку оказался свѣтель и ясенъ, але холоденъ, ночь такожъ и похмурна, и холодна крепко. Сего дня рано былемъ у князя, а по службѣ у протопопа отца Галляховскаго, которого болнаго посѣщалемъ. Купилемъ два сади каменій до милиновъ за 8 р.

Четвер. 24. Сей день былъ похмурний, але збитъ студений. Отправленъ староста Сухонос. Омелянъ, а черезъ его Грицку Дядѣ на воли послалемъ 36 р., да 20 таляр. бит. да прожде посланіе

15 р. до Алексея, черезъ Дяденкого другого казалемъ ему жъ отдать, итого денегъ опрочъ прежнихъ въ лѣтъ ему данихъ 100 р., да 30 талар., теперь далось 50 р., да 20 талар.; ему жъ данъ указъ въ 6 пун. о присилцѣ пшона, сторгованію масла, о куплѣ воловъ, о присилцѣ куеъ 2-хъ гор. и человѣка на низъ. Да ему жъ дано 5 р. для знатнѣйшаго чего пораженія, ему жъ сукно дано виѣто зимной барми. Алексѣй посланъ въ Роменъ, а ету данъ облѣкъ Якова, да приказъ въ 3-хъ пунктахъ, о куплѣ бокуну, о прислцѣ броварного казана и риби вялой. До стар. Переервина. писалемъ о грунтѣ Воронц, что если подешевле можемъ купить, о Свѣтличномъ, чтобъ ему зъ двора вйтить, а уплатить що завелось, о шинку Яблуновскому, о куплѣ лою, объ облѣку Ивана Щигана, чтобъ по силѣ онаго доправить.

Рождество. Пятокъ. 25. Сей день былъ зранку безмерно холоденъ, а къ вечеру и въ ночь отлигло. Противъ сегодня пріехалъ въ Москви полковникъ Переяславскій Танекій, чили рачей висланъ, зъ указомъ до князя Шаховскаго о слѣдованіи зде членобитныхъ на его поданныхъ. Рано были у князя, у ясневел., а обѣдалемъ у себя, родитель у князя, вечеромъ ездили до сестри и тамъ ужинали зъ родителемъ.

Субота. 26. Сей день былъ студеній же, якъ и вчорайшій и ночь такова жъ. Обѣдалемъ у ясневелможного, а у вечеру была сестра зъ Кондзеровскою. Пріехалъ куріеръ зъ Москви до ясневел., который обявилъ, что Горленко и Максимовичъ якобы получили отпускъ зъ Москви, да писано до Люки, чтобъ генералъ порутчикъ Шверинъ буде сюда знову въ корпусъ Украинскій и что ему красная дана лента.

Неделя. 27. Сей день былъ противъ вчорайшаго и студенѣйшій, ночь такова жъ. Обѣдалемъ у сестри, куда потоиъ п. Михайло пріехалъ зъ панею, Люка и Бокъ, который и кровъ зъ ноги пускалъ, потомъ пріехалъ князь Шаховскій, брегадиръ и родитель мой и погода отехали, а мы играли въ сенкилью зъ моимъ и Лючинимъ проигражомъ.

Понеделокъ. 28. Сей день былъ студений же и ночь такова жъ, только зъ вѣтромъ. Обѣдали ясневел. у князя и прочіе, и мы зъ родителемъ, а по банкетѣ ездилисмо до сестри зъ п. Михайломъ и Люкою, где играли въ карти. Сестра женѣ моей подарила кунтушъ покойной тіотки отласовий.

Вовтор. 29. Сей день былъ вѣтраний велми, ночь тихайшая, холодніе. Обѣдали гетманъ, князь и проч. и я у Мануйловича, асаула енер. Родителка пріехала въ Глуховъ зъ братами.

Середа. 30. Сей день былъ теплѣйшій отъ вчорайшого и ночь такожде, а въ ночь снѣгъ и дождь. Сего дня обѣдали гетманъ, князь Шаховскій и прочіе, родитель и я у брегадира Арсеніева, а у вечеру ездили князь, родитель и я къ сестрѣ на пастовникъ, и оттуду посидя мало, отехали.

Четвер. 31. Сей день былъ велми вѣтраний зъ жестокою метеицею, только не холоденъ, ночь такова жъ, а тихая мало. Сего дня обѣдали у насъ гетманъ, князь, брегадиръ зъ женами и проч., и подпіяли отчасти.

1731 годъ. Януарій мѣсяцъ.

Пятокъ. 1. Сей день былъ теплій и мокрий и снѣжний, ночь такова жъ была. Рано зъ родителемъ былисмо у князя Шаховскаго, который отъ его величества родителеви подарилъ коляску зъ Почепа привезенпую, подобно Мазепианскую еще. Банкетъ былъ у ясневел., где многіе кушали, а потомъ пріехали въ домъ уже вечеромъ.

Субота. 2. Сей день былъ холоднѣйшій, таково жъ и ночь. Сего дня обѣдалемъ у сестри, на пастовнику, зъ Грабянко Гад. и Миклашевскимъ Стефаномъ и пансю его, а повернувшись... знову ездилемъ въ городъ до п. Михайла, где зъ нимъ и п. Павломъ, Миргородскимъ пол., и Люкою игралемъ въ карти въ кадрилью. Коляску дарованную отъ имени его величества родителеви.... при брегадиру Арсеніеву, при Батурину и при Стефановичу, сот. Дохвицкомъ, присдалъ сего дня князь въ дворъ нашъ.... Лисенко, асауль енер. пріехалъ въ Глуховъ зъ женою своею судится. (?)

Неделя. 3. Сей день былъ и ночь одного состоянія безъ.... зъ вчорайшимъ. Сего дня рано быleinъ у князя, куда пріехалъ бретадиръ Батурина, п. Петро, Луб. пол., и Грабянка Гадяцкій. Обѣдали гетманъ, князь, бретадиръ и прочие у сестри, на пастовнику и подпяхомъ. Князь давалъ мнѣ читать вѣдомости ясневел—го, зъ которыхъ показуетъ по конектурамъ и сказкамъ, татаръ и турковъ въ войнѣ якоби на насъ намѣреніе.

Понеделокъ. 4. Сей день и ночь были помѣрно холодніе и похмурніе. Обѣдалисмо у себѣ зъ родителемъ, а матка и жена у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилъ до п.п. Павла и Петра Апостоловъ, и съ ними и панѣями ихъ повернувшись, играли у мене въ сенкилью долго, зъ моимъ малымъ проиграшомъ и п. Павловимъ. Сестра Толстая зъ другою сестрою Чарнишевою били у мене у вечеру жъ и первой князь Шаховскій подарилъ табакеръ сребраную.

Вовтор. 5. Сей день былъ похмурний и ночь, однако жъ помѣрно холодновати. На водосвятіи, въ навечеріи былъ у Анастасіевской церкви, зайдоль къ гетману, где чарку водки выпивши, повернулемся въ домъ, где дядка пана Федора засталемъ и вечералисмо вкупѣ всѣ.

Крещеніе. Середа. 6. Сей день былъ похмурний и ночь, але холодновати. Служби слухалемъ у с. Николая въ церкви; по службѣ пріехалемъ домой, где засталемъ сестеръ обоихъ, Толстую и Чарнишеву, пріехавшихъ, потомъ они и я поехали на пастовникъ и тамъ обѣдали. У вечеру ездилъ до л. Михайла, где съ нимъ и п. Петромъ и панѣями ихъ игралемъ въ карти, въ сенкилью, зъ проиграшомъ. Полковникъ Вишневскій пріехалъ въ Глуховъ и при немъ вина вендерскіе многимъ числомъ для ея величества вивезеніе зъ Вендеръ. Отъ тютюнника Калюжновскаго отобралъ Вѣжевскій зъ господаремъ тютюну 43 пуда и фунт. 20, а лѣка 1972 папушки.

Четвер. 7. Сей день былъ сперва пахмурний, а потомъ ви-
погодился, ночь ясна, да очинъ холодна. Увѣдомилемся сего ранку, что принесена грамота ехать въ Москву пану гетману, а у вечеру указъ присланъ ехать туда князю Шаховскому. Обѣдалемъ въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилъ на пастовникъ, где и долго просидѣвши послѣ вечори повернулемся назадъ. Полковника вси и

старшина позездились въ Глуховъ. Грамота принесена объ осторожности зъ турецкой стороны. У Количова дочь родилась.

Пятокъ. 8. Сей день и ночь были ясніе и холодніе. Принималемъ тинктуру проносную, 100 капель въ винѣ, и имѣлимъ столцовъ зъ 19. У вечеру сестра Толстая пріехала къ намъ и розохотившись подпіахомъ.

Субота. 9. День и ночь такие же были, якъ и вчора. На Сварковъ зъ грамоти данной мнѣ послалъ кошю до сотника Глуховскаго черезъ Пѣщанскаго, такъ же до п. пол. Луб. другіе крѣпости на Сухонос. и Перервинцѣ. Обѣдалисмо у себѣ зъ родителями, п. Яковомъ швакгеромъ, п. Федоромъ дядкомъ. У вечеру ездилемъ до Количова поздравлять его дочерю, которой жевѣ и єфимкомъ почтимъ. У вечеру быль у мене п. Михайло и посидя отехаль.

Неделя. 10. Сей день быль холодний и похмурний, ночь холодна и снѣжна. Рано быдемъ у князя и у гетмана, обѣдаль у Количова, где было крещеніе новорожденной его дочерѣ. У вечеру заехаль къ сестрѣ.

Понеделокъ. 11. День и ночь были свѣтліе и холодніе. Обѣдали у насъ зъ родителями п. Федоръ дядко, Петро Троцкій, п. Яковъ швакгеръ, а по обѣдѣ матка поехала въ Роменъ. Кунилемъ штофу 12 локотъ по 30 а. локотъ у Юрія Грека. Слѣдовали генералная старшина и полковники цоль лубенскій и приговорили Сухоносовцѣ, Токарамъ, Кулажинцамъ быть по 8-му пункту рѣшенному, а о Перервинцахъ ничего не упомянуто, для того, что о семъ велено князю Шаховскому слѣдовати¹⁾.

Вовтор. 12. День быль холодний и свѣтлій, ночь похмурна мало. Обѣдалисмо у князя и также гетманъ, гетманова и проч. для того, что іменинница жена его Татьяна Дмитровна. Сестра Толстая прислала маѣ на шлафрокъ штофу блакитнаго 14 локотъ и сама была у вечеру.

¹⁾ Рѣчь идетъ о „генеральномъ слѣдствіи о маєтностяхъ“.

Середа. 13. День холодний и похмурний, и ночь такова жъ. Рано былемъ у князя, у гетмана, а обѣдалемъ у сестри, по обѣдѣ засхалемъ до брегадира и тамъ посидѣлемъ, а князь, родитель и дядко г. Федоръ до сестри ездили и подпивали. Поворнулся господарь Бузинскій зъ Пироговки и обявилъ, что тамъ еще по нынѣшній день имѣется дерева—колодъ четверосаженнихъ 50, а тресажен. 8, давнихъ колодъ тресаженнихъ 37, бруся 101.

Четвер. 14. День сперва теплій и похмурний, потомъ свѣтлій и холодний, и ночь таковажъ. Князь Шаховскій пріехалъ до гетмана, где при собраніи всѣхъ читали слѣдствіе здѣлавшееся полку Нѣжинскому. Обѣдалисмо у себя зъ родителемъ, а въ вечеру были у князя. Князь у лазиѣ мился у насть зъ княгинею. Купилемъ у Грека цепочку до часовъ сребраную за 2 р., да пару хустотъ бавелнянихъ за рубль,

Пятокъ. 15. Сей день былъ похмурний, а потомъ свѣтлій и ночь такожъ, свѣтла помѣрно, холодніе. Позичилемъ Ивановнѣ Авдоттѣ, тутейшой купецкой женѣ, 200 р. и 20 червонныхъ, иностраннихъ, а имѣть тѣ денги отдать въ приїдучий 1732 годъ, въ семъ числѣ, и карту отъ ея взялъ взяль. За пузамента и за пѣти заплатилемъ ей же 22 р., да Греку Юрію за матерію 10 р. и 8 гривенъ, да давнихъ заплатилемъ 8 р. Гетманъ Данило Апостолъ и внязь Шаховскій поехали въ Москву и при гетману Турковскому, Лисенко и Борозна. У вечеру былъ я у сестри, где Семенъ Лизогубъ билъ же и обѣщаляръ ей, сестрѣ, подарить зъ своихъ дѣдовскихъ маєтностей деревню. Оттолъ заехавши до п. Михайла, игралемъ съ нимъ и п. Петровою въ кадрилью. До архиерея Чернѣговскаго послалемъ Василя, молодика, зъ писомъ, скаржачимъ на попа Крисковскаго.

Субота. 16. День похмурний и помѣрной холодомъ, ночь похмурна жъ и еще теплѣшша. У Худолѣя купилемъ пару коней за 30 р. Троцкій былъ у мене и позиченнихъ давно 20 р. отдалъ. Зъ Крисюкъ привезено куеу горѣлки въ 10 носат. и 6 кварт. Обѣдалисмо у себя зъ родителемъ и п. Федоръ дядко, п. Яковомъ швакромъ, Галенковскимъ, писаремъ полк. Прилуц., а

жена обѣдала у сестри на пастовнику. Офонка и Анна, имѣючи завтра брачиться, были зде и просили на свою сватбу.

Неделя. 17. День сей былъ вѣтряний, потомъ снѣжный зъ метелицею и ночь такова жъ. У сестри Толстой была сватба, девка ея Анна отдана за Афонку, служителя ея, и друга сватба—кременчукъе ея брачились; мы обѣдали тамъ зъ женою, также родитель и п. Михайло зъ панею. У вечеру былемъ у обозного спер. и носидѣвши отехалемъ.

Понеделокъ. 18. День сей былъ похмурый холодомъ и ночь такова жъ, а потомъ стала ясна и погодна. Обѣдалемъ у сестри и снималь зъ Анны, сестриной девки бывшой, по обичаю веселнаго батка, бавелницу и подарилъ имъ коня. Полкъ Черниговскій читанъ, причемъ Богдановъ, полковникъ Черниговскій, спорилъ, претендуючи себѣ маєтностей швакгровъ моихъ Полубот. Полѣтовичъ, чернецъ, явился у сестри зъ Москви. У вечеру былъ я знову у сестри и играли въ карти 5 настъ, до полночи.

Вовтор. 19. день былъ мокротеплій, ночь такова жъ зъ вѣтромъ полуденнимъ. Рано былемъ у гетмановой, а потомъ зъ родителемъ у брегадира, где ради вчераишаго его тезоименитства многіе кушали и мы; у вечеру былъ я у п. Михайла, где у кадрилью играли, съ нимъ, панею его, п. Петровою.

Середа. 20. Сей день былъ похмурый и ночь холодомъ средніе. Молебствіе было соборное въ церкви Іліи, при пушечной стрѣлбѣ, для того, что сегодня произведеніе было на престолъ ся величества. Сегодня слѣдствіе енералною старшиною и полковниками по силѣ пунктовъ рѣшителныхъ чинившеся, окончено. Обѣдали у настъ дядко п. Федоръ, Ханенко, судья Стародуб., и Василий Танскій, полк. Переясловскій. По обѣдѣ поехавши до п. Михайла, игралемъ тамъ въ карти до полночи и посля полночи повернулемся домой, а играли я, п. Михайло и панъ его и п. Петровая, полковница Луб. Зъ Крисюкъ другую куеу горѣлки простой въ 9 носаг. прислалъ староста тамошний.

Четвер. 21. День былъ вѣтряний и холодний, похмурый, ночь випогодилася была сперва, потімъ похмурна жъ стала, а хо-

лодна. Обѣдалисмо у себѣ зъ п. Федоромъ дядкомъ, по обѣдѣ пріѣхалъ Кановскій, судя Чернѣговскій, а потомъ п. Михайло, по отездѣ же его, Борковскій и п. Войцеховичева. Панъ гетманова поехалъ въ Кучеровку, п. Петрова въ Лубенскій полкъ. Состави-лемъ виписку зъ розиску о степу Куренскомъ (с. Курень Конотопск. у.) прошлого 1730-го году сент. 2-го дня, хоружимъ енер. Якимомъ Горленкомъ чинившося, для посылки въ Москву до п. гетмана.

Пятокъ. 22. День сей похмурний, однакъ холодний, и ночь такова жъ. Сватба была въ квартерѣ князя Шаховскаго: князь Иванъ Понкратіевичъ Шаховскій женился на Гавриловой Милорадовичевой¹⁾, где многие били и кушали. Женѣ далемъ для расходу ея дорожного 5 р. Въ приемѣ у Вѣжевскаго было всего по сей день воску 25 пуд. и 14 фунт., зъ которого въ расходѣ по сей же день полтора пуд. и 2 фунт. Решти зась всего воску 23 пуда и 32 фунт. Сестра пріѣхала зъ Гамалѣвки, до которой ездила жена и простилась, она жъ дала женѣ постѣль.

Субота. 23. День былъ вѣтраный и ясный и тепловѣдотний, ночь зъ болшинъ вѣтромъ, только холоднѣйшая. Обѣдалисмо зъ роду князя Шаховскаго Понкратіева, ради сватби его. Жена поехала зъ Роменъ. У вечеру заездилемъ до п. Михайла и сестри.

Неделя. 24. День похмурний зъ сухимъ морозомъ, чего ради серень сталъ, такъже и ночь. На службѣ у церкви княжай билемъ. Обѣдалемъ у п. Михайла, зъ которимъ ездилемъ до сестри играть въ карти, играли и выграlemъ. Комедиянти подскаго короля, которимъ жалованне годовое по 40000 р., поехали въ Москву, и Глуховъ ироехали. У сестри били родитель, п. обозний енер. и посида поехали.

Понеделокъ. 25. День и ночь такови, якъ и вчорайшie. Алексѣй и слуга иріехаль и привезлъ риби 1140 поголовя и щукъ 80 вялой, да тютюну бокуну 4050 папушъ, а облѣкъ Яковъ Тарасу даль доправлять. Обѣдалисмо дома, а у вечеру били у сестри зъ род., которая мнѣ выбрать 8 книгъ позволила, два атласи,

¹⁾ Гаврило Милорадовичъ — бывшій Гадацкій полковникъ.

воротномъ владѣніи. Во утвержденіе же сего моего запису, при ниже-
подписавшихся отъ мене персональне упрощеннихъ свидѣтеляхъ,
свою оній рукою подпись и печать прилагаю. Къ сему запису под-
писался Яковъ Чарнишъ. По прошенію устному бунч. товариша
Якова Чарниша, къ сему вѣчистому запису во свѣдѣтельство полко-
вый Черниговскій хоружій Иванъ Булавкинъ руку и печать прило-
жилъ. Къ сему вѣчистому запису, по устному бунч. тов. п. Якова
Чарниша прошенію, во свѣдѣтельство полковый Черниговскій сотникъ
Федоръ Посудевскій руку и печать приложилъ. По прошенію устно-
му б. т. Якова Чарниша къ сему вѣч. запису во свѣдѣтельство бунч.
товариши Григорій Стаковицъ руку и печать приложилъ. По про-
шенію словесному б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному запису
полку Переяславскаго сотникъ Березанскій Василій Думитрашко
Райча руку и печать приложилъ во свѣдѣтельство. На прошеніе сло-
весное б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному (sic) запису полку
Нѣжинскаго сотникъ Батурина руку и печать приложилъ Алекс-
ѣй Демидовскій.

Року 1745, мѣс. июля 5 дні. Сей вишеписаний записъ вой-
сковимъ канцеляристомъ Яковомъ Чарнишомъ о опредѣленіи въ
посагу женѣ своей Марѣ Степановой дочери Шираевнѣ въ награж-
деніе, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной
предь симъ третьей части недвижимихъ добръ, а именно, въ городѣ
Батуринѣ, на реки Сеймѣ, двохъ колъ мучныхъ, въ сотнї Конотоп-
ской, въ селѣ Поповцѣ, двора шинкового, двохъ колъ мучныхъ и тре-
того ступного, да въ сотнї Воронежской Красногого хutorа зъ мелни-
цею, сънокосами, зъ пушкою, зъ полемъ пахотнимъ, учиненнїй, при-
доношеніи его, Чарниша, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи пе-
рsonalne презентованъ и даби оной запись въ предъслѣдуюче вре-
мена при своей силѣ и крѣости ненарушимъ быль, по прошенію
его Чарниша, мы нижегороженнїй урядъ мѣскій Глуховскій оній
запись урядовне, съ подписомъ рукъ напихъ и приложеніемъ уря-
довой обикновенной печати, сконфирновавъ, въ книги мѣскіе Глух-
овскіе точно вписать и по уписаню, яко по требуючої сторонѣ, ему,
Якову Чарнишу, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи видать при-
казали року и дня вишеписанихъ. Сотникъ Глуховскій Демянъ Ту-
ранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глухов-
скій Юрій Давиловъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандзокъ (?).
Писарь Федоръ Вилчицъ. Ратуша Глуховскаго содержащій протоколъ
Романъ Курбатскій.

1745 году, іюля 15 дня. Сей вищеписаний записъ войск. канцеляристомъ Яковомъ Чарнишемъ о опредѣленіи въ посагу женѣ свой Мароѣ Стефановой дочери Шираевнѣ, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимыхъ добръ, а именно; въ городѣ Батурины, на реки Сейму, двохъ коль мучникъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповкѣ двора шинкового (*и т. д. слѣдуетъ перечень, какъ и выше*) учиненний, которой на урядѣ сотенному Глуховскому конфѣрмованъ и при доношениі его, Чарниша, въ сотенной Кролевецкой канцеляріи презентованъ, и дабы оный записъ въ предѣслѣдующе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ быль, по прошенію его, Чарниша, мы нижевираженный урядъ мѣскій Кролевецкій оный записъ урядовне съ подписомъ рукъ нашихъ и приложннiemъ урядовой обикновенной печати конфѣрмовавъ, въ книгу мѣсскую Кролевецкую точно вписать и по вписанію, яко потребуючай сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи видатъ приказали, року и дня вищеписанныхъ. Атаманъ сотенный Кролевецкій Иванъ Зубаха. Писарь сотенный Кролевецкій Климъ Мосцѣпановъ. Хоружій сотенный Ігнатъ Герасименко. Вищезображеная записъ на урядѣ сотенному Кролевецкому записанна въ книгу на л.л. 38, 39, 40, 41 и 42. (М. П.) (*Съ подлинника*).

7. Духовное завещание войск. канцеляриста Якова Чарниша.

1745 г., 27 декабря.

Во имя Пресвятаго Единосущнія и Нераздѣлимія Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалъченемъ ноги мои немалую болѣзнь, которою я ізъ 1744 году, отъ августа мѣсяца по мѣсяцу декабрь сего 1745 года, былъ одержимъ, а декабря мѣсяца не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ большой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи, однакъ имѣющи добрую памѧть, і здравый мой разумъ, симъ остатной волѣ моей тестаментомъ учинилъ нижеслѣдующое: 1) Душу мою, грѣхами оказянную, кровию же Христа Спасителя моего искупленную, вручаю въ руцѣ его Спасителевы. Тѣло же мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ, близъ костей матки моей и учинить подлежащее помяновеніе женѣ моей, Марфѣ Шираевнѣ, завѣщаю. 2) Хотя иѣкоторіе денги по смерти покойной матки моей оста-

лись были и содержались въ Даніила, священника протопопії Кролевецької села Подолова, и которое денги взяты мною за проданній, состоящий на предмѣстѣ города Глухова, на Веригинѣ, дворъ, у его велможности ассуала войскового генералного пана Петра Валкевича, тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу скалѣченной ноги іздержаны, такъ что и нѣчего ізъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Господь. 3) Каковіе добра прежде сего, зъ доброй моей волѣ, записаны мною женѣ моей, реченої Марфѣ Шираевнѣ, тому запису моему буть при своей силѣ ненарушимо всегда, яко она за собою принесла вношена денгами и другихъ добръ не на малую сумму. 4) Понеже по исчисленію моему зъ упомянутого женою мою явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей ісъ четыре, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ по природному наслѣдію на мене спадающимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленимъ) буть за нею жъ женою мою Марею Шираевною и за наслѣднемъ отъ мене понесшимъ, а ею родачимса, вѣчно; ежели жъ бы тое наше наслѣдіе по волѣ Божій умерло, то самой женѣ моей предоказавной оними добрами (не щитай въ то число, что ей записомъ отъ мене опредѣленно), если она пребудеть во удовствѣ, владѣть безъ препятствия, такъ какъ о удовствующихъ женахъ по правамъ Малороссійскимъ дозволено; если жъ бы она имѣла посагнуть замужъ, то оные добра должны счасти во владѣніе ближнему моему родственнику, а онъ долженъ женѣ моей то наградить, что она зъ своего імѣнія на помяновеніе души моей істераетъ. 5) Сей вишеписанній, зъ доброй памяти моей учинений, тестаментъ утверждаю буть вѣчно при своей силѣ и для того на немъ свое учино подпишуясь и о подпись свѣдителей ниженаписавшихъ, тако жъ по написаню сего тестаменту стороннаго человѣка упросилъ. 1745 году, декабра двадцать семого дня. Сей мой тестаментъ подписанъ руки моей я утверждаю войсковій канцеляристъ Яковъ Чарнишъ. У сего тестаменту свѣдителемъ билъ генералний полскарбій Михайло Скоропадскій и по прошенію пана Якова Чарниша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. У сего тестаменту свѣдитель билъ войсковий товарищъ Іванъ Пуховицъ и по прошению пана Якова Черниша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. Сего тестамента будучи отъ пана Якова Чарниша призваннімъ, оній тестаментъ зъ волѣ его пана Чарниша писаль и въ томъ подписался Глуховской ратуши писарь Семенъ Евсѣевъ.

Року 1745, листопада 27 числа. Сей вищеписаний тезаментъ отъ войскового канцеляриста Якова Чарниша при чисмѣ въ Глуховскомъ сотенному правленіи презентованъ и по прошенію его, Чарниша, чтобы оной тезаментъ при своей силѣ быль, мы ниже выраженный урядъ мѣскій Глуховскій оній тезаментъ подпишемъ своимъ рукъ и приложенемъ урадової печати сконфѣрмовавъ, въ книгу мѣскіе Глуховськіе точно вписавъ и обратно ему Чарнишу, яко потребуючай сторонѣ, отдать въ сотенному Глуховслю правленіи приказали. Року и числа вищеписанихъ. Сотникъ Глуховскій Дамянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Гаврило Яковлевъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандз.. Бурмистръ Глуховскій Іванъ Красовскій. (М. П.) (Съ подлинника).

8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ.

1764 г., 4 марта.

Въ сотенную Кролевецкую канцелярію. Доношеніе.

Сего 1764 году, минувшого февраля 29 д., мать мои родная Мареа Стефанова дочь, по первому мужу, а моему отцу, Чарнишеву, волею Божиєю, оставя ім'яне недвижимое и движимое, (до которыхъ я законная наслѣдница), безъ всякого писменного распределенія, умре, а яко нынѣ доля мой родной повету Стародубовского подвоморій Михайл Ширай, тако жъ і тетка родная, удовствующая сотникова Новгородская Параксения Судденкова, (коимъ я отъ матери въ опеку поручена) і находятся на лицо зде въ деревнѣ Подоловѣ и въ присудствіи ихъ и другихъ родственниковъ, для знания моего впередъ отъ ураду сотенного нарочинъ старшинъ определить для переписки тѣхъ прописанихъ наличностей, того ради сотениой Кролевецкой канцеляріи прошу намѣненихъ нарочинъ, въ силѣ правъ Малороссіскихъ, для переписи недвижимыхъ, а паче движимыхъ ім'яне всяку вешь порознь, прислатъ і о томъ учинить въ силѣ указовъ и правъ, Малороссійскихъ определение. Въ подленной подпись — Ани Чарнишева. 1764 г., марта 4 д. (Съ коцію).

По поданному умершой подскарбіевой генералной Марфы Скоропадской, по первому мужу Чарнишевой, отъ дочери ея Анны Яковлевны Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію допрошенню и полученному на ономъ определенію, я ниженаписавшайся, съехавши въ село Подоловъ, въ жилой ея Чарнишевни домъ, въ

прысудствії самой ея і родного ея дядѣ повѣту Стародубовскаго подкоморого Михайла Ширая да тіотушки удовствующой сотниковой Новгородской Параксевіи Судденковой і на тотъ часъ случившихся двоюродныхъ братей еи, бунч. товарыша Ивана Федоровича Ширая, да повету Стародубовскаго коморника Ивана Василіевича Заводовскаго, учинилъ описаніе наличныхъ движимыхъ еи Чарнишевны, въ наслѣдие по смерти матки ея оставшихся вещей, якіе ниже сего іменно показаны. 1764 году, марта 4 дня.

Скрынка сребная стронозолоченная. Подносъ болшой зъ двома ушками, другой подносъ зъ трома ножками, третий подносъ на седесѣй, четвертый подносъ «». Конва болшая, вызолоченная, зверху орель Ковшъ старосвѣцкій, зъ колцемъ. Чашка полоскателная зъ двома ушками. Коновочка визолоченная зъ середини и зверху, коновотка зъ гербомъ, вызолоченная. Чайникъ. Лѣхтарыкъ. Дѣвъ солянки. Стаканъ зъ крышкою, вызолоченній, зъ трома ножками; стаканъ два, зъ двома крышками. На чай фляжка зъ крышечкою. Сахарница гладкая, болшая, другая менша, гладкая же. Кофейникъ гладкій, болшій, кофейникъ другой, гладкій; меншій, кофейникъ третій, болшой, на трехъ ножкахъ. Кубковъ рисованыхъ 12, чарокъ рисованыхъ 12. Лыхтаръ зъ трома кружками. Чайникъ зъ ланцужкомъ сребрнымъ. Пукаль на старыку, зъ выноградною цепкою, пукаль другій, пестро визолоченный. Ложокъ 10, пестро позолоченные, да 4 ложки сuto визолоченныхъ; ложокъ 2, подъ смалцемъ, складныхъ, ложокъ сребныхъ гладкихъ 16, ложка болшая столовая. Рѣшокъ 6 визолоченныхъ. Подносъ зъ трома лѣхтарыками, каламаремъ і пѣсочницею. Чарокъ 12, зъ ушками. Дѣвъ солянки на трехъ ножкахъ, вызолоченіе. Чайныхъ ложечекъ 6, щипцѣ шандалные, а другие сахарные. Но-жей сребныхъ 13 паръ, въ пуделку зеленомъ состоящихъ, тамъ же лве пары малыхъ і вылки едны зъ четырьма зубцами, два обухы, сребромъ оправление. Шѣриачъ сребный, позлочыстій. Шабла подъ сребромъ, старинная, смаху (?) переломлена. Ладунка сребная зъ тесемкою пестрою. Сагайдакъ зъ ланцужками срѣбными пятна, сагайдакъ другой, зъ ланцужками срѣбными осма позлочыстими. Ножовъ 12, безъ вѣделокъ, вновь зделанныхъ. Рондъ на сафинѣ красномъ, супопозлочаный, рондъ на срѣбномъ пузументу, рондъ еще на сафинѣ красномъ, сuto позлоцаній, рондъ на сафинѣ, старій, зъ ланцужками і чесыками, рондъ зъ пудлами срѣбными, рондъ съ пудлами позлоченными, рондикъ порванній зъ пудлами срѣбными, ронзыкъ старинній, на чорномъ ремнѣ, съ пудлыками, двохъ ронзыковъ прыголови

зъ пудлыками. Подносецъ сребной до щипцовъ. Въ шкатулки, красною байкою выбитій, фляль домынажъ, сребной, въ коемъ вѣсу 10 фунтовъ, кромъ двохъ фляшокъ, на коихъ мало сребра. Ларчыкъ сребной подъ стекломъ, зъ персонками. Вееръ въ чорномъ пуделочку. Золотыхъ ланцужковъ шесть, вѣсомъ два фунты. Жемчужныхъ 8 петлыцъ, съ прочими разнимъ жемчугомъ два фунты і семъ золотинковъ. Еще въ четырохъ ланцужкахъ золотыхъ 22 лота. Серги золотие, рубыновие, серги золотие подъ смалцомъ, серги золотие съ перлынами, серги золотие зъ бреліянтами, серги золотие зъ висицими камушками, серги белие, болшіе, алмазніе. Перстніовъ два бреліяновыхъ, еще перстневъ золотыхъ зъ разними камушками 18, да обручковъ золотыхъ два. Бантъ алмазній. Крестъ рубыновій, въ срединѣ шафѣръ. Складня старина, позлоцанная, зъ разними простими камушками, на чорной лентѣ, складня золотая зъ красными і зелеными камушками. Цепка золотая отъ часовъ. Коначковъ золотыхъ 11, зъ разними камушками. Запонокъ 3, позолоченныхъ. Трейзовка зъ красными камушками. Запонка сребная, зъ фіялетовимъ камушкомъ. Гузьковъ 6 золотыхъ, зъ блакитными цветками. Восемъ золотниковъ разныхъ маленкихъ вещей золотихъ. Часы золотие зъ репетиціями, безъ цепки, часы другие золотие, зъ цепкою, безъ репетиціи, зъ влючикомъ. Лакончикъ парломотной на мушки и румяна. Камушковъ болшихъ одинъ шафѣръ, а маленкихъ съ 30, да краснихъ мелкихъ съ 30, скалокъ рубиновъ 40, еще меньшихъ до 30.

Платя і уборовъ. Градына полю 30 аршинъ. Перевелѣ ^{блосатой} 30 аршинъ. Штофу французскаго 4 локти. Перевелнее плате зъ золотымъ газомъ. Голубовой парчевой ребронъ, обложенъ сребною сѣткою. Въ платейной скрынкѣ. Два платки белие, шитие, таѳяніе, платокъ шитой белой золотомъ, платокъ таѳянай, краснай на столикъ, зъ сѣткою, платковъ два красныхъ, шитыхъ золотомъ, таѳяныхъ. Шиуровка среброглавная, зъ сѣткою сребною, (отдана сотнику Огіевскому). Карцеть сребной, новой, незшиваної. Юнка кофейная, канавацова, золотомъ шита, юнка бѣлан, грэзетна, шитая сребромъ зъ блостками, юнка блакитная, канавацовая, шитая сребромъ. Карцеть красной, шитой золотомъ. Шуба парчевая, жолтай, подъ кувицами. Гарцеть белой, крезетной, шитой серебромъ. Кунтушъ понсовой, зъ золотымъ газомъ. Кунтушъ парчевой, среброглавной, зъ карункою сребною. Гарцеть жолтий, крезетной, гарцеть бѣлай, люстрынай, шитай сребромъ, гарцеть голубой, крезетной, шитой сребромъ, гарцеть жолтий, крезетной, шитай сребромъ. Юбка парчевая,

корычнаа, зъ сребнимъ газомъ. Кунтушъ канавацовой, блакитной, зъ сѣткою газовою, кунтушъ жолтой, люстриній, зъ срѣбною сѣткою, кунтушъ бѣлій, парчевій зъ сѣткою сребною, кунтушъ бѣлій, парчевій, зъ золотимъ газомъ, кунтушъ зеленій, парчевій, зъ срѣбною сѣткою. Семь брить (?) шитыхъ сребромъ. Грэзеты алой на юпку. Павиліонъ красной, разноцвѣтной; павиліонъ таёти полоцатой. Запаска парчевая, фиалетова, запаска парчевая, блакитная, запаска парчевая, сребро-главная, понсоваа, запаска парчевая нопелистая. Парчѣ шматъ алой трохъ локоть. Юпка парчевая, разноцвѣтная, зъ срѣбною сѣткою, юпка зеленая парчевая, безъ сѣтки. Кофтъ парчевой, зеленої, старій, кофтъ парчевой дубчатой, старой. Запонъ две, китайской парчѣ. Парчѣ сутой золотой, въ двохъ шматкахъ, чтири локтѣ. Двѣ мантиль парчевіе, золотие. Шуба парчевая, голубой землѣ, на черевемъ лысемъ футрѣ. Латъцкіи два, одинъ золотой фондишпанѣи, а другой сребной фондишпанѣи жъ. Юпка краснаа, грэзетная, зъ сребною газною сѣткою, юпка тафтовая жолтая, на баволнѣ. Башмаковъ матерыялнихъ пять паръ. Кофтъ камчатой, зъ юпкою такою же. Ребронъ моря белого и юпка, разноцвѣтніе. Два латъцкіи чорніе, сребрные. Ребронъ і юпка грэзетніе, красніе, зъ сребною сѣткою, ребронъ і юпка, таёты полосатой; ребронъ, юпка, кофтъ і грэзеть таёты кофейной, полосатой. Кружевніе блонды. Фліоровніе манжеты зъ вруживомъ. Кофтъ бѣлой, грэзетной зъ конѣшономъ. Въ футлярку пара ножиковъ сребныхъ, а зъ другого боку партретъ.

Покоевъ жылыхъ девять, зъ залею, во всѣхъ оныхъ обои бомажные, пры каждихъ дверахъ замки жолтие тулскіе, зъ желѣзными заставками; въ выхъ зеркаловъ болшихъ 11, а меншихъ зъ визолоченными рямами, и пры оныхъ меншыхъ присѣнніе лѣхтарѣ. Канапе три. Стулловъ красникъ, матернилныхъ, 6. Уборныкъ съ зеркаломъ краснимъ. Кроватей желѣзныхъ тулскихъ зъ павиліонами, двомѣстна одна, а две одиночки. Столикъ старій, подъ лакомъ, а въ срединѣ виложенъ фіянцомъ, столикъ черной, круглій, на одной ножки, столикъ красній, четыреуголній, на чтирохъ ножкахъ, столиковъ простыхъ семь. Кабынетъ сандалной, красной, зъ чтиurma шуфлядкамы, кабынетъ красной, зъ чтиurma жъ шуфлядкамы, кабынетъ темнокрасной, зъ осма шуфлядкамы, и въ ономъ печать сребнаа нокойного Черниша, да образы панагіи, тройніе, въ сребрѣ позолоченные; кабынетъ такой же, темно красный, зъ чтиurma шуфлядкамы. Образовъ подъ сребромъ два, фырма и шафа болшан въ сѣнахъ. Ковдра штофная

на красномъ полю, квѣтъ бѣлій. Перынъ болшихъ двѣ, а меншихъ двѣ, подушокъ болшихъ чтири, а мепшихъ разнихъ 11. *Фарфуру три креденсъ и въ имбару.* Полоскателныхъ двѣ чашки, молочникъ одынъ, чашокъ саксонскихъ зъ ушкамы, 14 паръ, а простыхъ 10 паръ, чайниковъ финифтовихъ саксонскихъ 4, а каменный, простій, одинъ, чашка чайная зъ мисочкою и кришкою, талѣрокъ саксонскихъ 2, подность фывифтовой и чтири чарки, каменныхъ талѣрокъ 34. *Фрушталю три креденсъ и въ амбаръ.* Румокъ водчанихъ 13, румокъ виновыкъ 36, чайнікъ, молочникъ, кофейникъ, подносовъ два, съ онихъ еденъ позложеній съ краевъ, чашокъ чайнихъ две пари, стакановъ 26, мисочки заедныхъ 11, глечичковъ лымоннихъ три, чарокъ зъ золотими краями, маленыхъ 5, ляминъ болшихъ две. *Въ амбаръ кладовомъ зв' ценъ.* Чашъ круглыхъ, зъ кришкамы, олованихъ 6, блюдъ одинарныхъ болшихъ и малыхъ 32, талѣрокъ зубчастихъ чтире дюжини безъ одной, талѣрокъ простыхъ 64, фляшка круглая медная болшая, мортировъ медныхъ 8, три пушки медніе. Съдло гаитованное, зъ красною подушечкою. Ларчикъ красній, порожній, скринечка жестяная зъ сахарницами. *Въ первой скрынѣ красной.* Женскихъ рубашокъ 128, полотна 48 штучокъ. *Въ другой скринѣ белой,* дубовой. Рубашокъ швабскихъ 102, баволницъ штукъ две, а третая начатаа, обрусовъ швабскихъ 4, семь швабскихъ же обрусовъ, серветъ швабскихъ штукъ 8, обрусъ маленкій, швабскій одынъ, ручниковъ швабскихъ 6, серветъ швабскихъ дюжиновъ пять, батисту полотна штука, постелей три фарбованыхъ, ручниковъ шитыхъ 30, а тканыхъ 10, ручниковъ гладкихъ 2. *Въ третьей скринѣ бѣлой.* Скатердей штукъ 25, салфетъ штукъ 12. *Въ четвертой скринѣ.* Коверь постриганой, дамчатой, коверь постриганой, красной, коверь постриганой, голубой, разноцвѣтной, коверь постриганой, разноцвѣтной же, коверь постриганой, красной, столбовой, коверь бѣлой, постриганой, большой, старой, килимъ старій, разноцвѣтній, по красномъ полю, килимъ новій, разноцвѣтній по зеленомъ полю, килимъ полосатій, килимъ другій полосатій, килимъ третій, полосатій же, неболшой, килимъ четвертий, полосатий же, коверь постригатій весма старій. Зеркало большое съ полотенкомъ, зеркало другое въ ящику озолоченномъ, а третье, меншее, въ ящики такимъ же. *Въ пятой скрынѣ бѣлой.* Уборъ на кашапе, тканой, волосаній, павиліонъ красний полутабенковой, старій, зъ сребримъ пузументомъ, павиліонъ сътцевій со всемъ уборомъ, кришка штофная, красная, зъ белымъ, на столикъ, скатердей штука една, серветъ чтири штуки, скатерть еще одна, полотна на-

битого штука, коверъ еще постриганой разноцвѣтной, по красномъ полю. Въ шестой скрыинѣ золотой. Платы лакейскаго, немецкаго, вasilкового сукна, швабскихъ нешитихъ рубашокъ 4, павиліоновъ 3, скатерть штукъ 3 тканыхъ, а 6 шитыхъ, простиръ 5, между коими одна швабская, наволочокъ белыхъ 9. Въ седьмой скрыинѣ белой, дубовской. Сѣдло по зеленомъ бархату гаитованное, зъ платомъ, подъ ящуромъ, а другое сѣдло красное, гаитованое. Крышокъ красныхъ отъ хамутовъ суконныхъ 6. Въ осмой скрыинѣ белой. Плахотъ простихъ 9. Въ девятой скрыинѣ. Килимъ разноцвѣтній, фартуховъ до саней три. Въ десятой скрыинѣ положено книжокъ разныхъ 30, а другая скрыиня, меншаia, вся полна рускихъ и латинскихъ книгъ. Три полы футра соболіого старого, на лошадей верховыхъ поножъ барсовихъ 3, балдахинъ тафтофій зеленій. Китайской кабинетчикъ. Кухва меду бытого. Доска аспѣсовая чорная. Погребецъ медной, въ немъ фляшъ 8, погребецъ дланской, въ коемъ пляшокъ болшихъ 4 и малыхъ 4, а двѣ лежачіе. Пуздерко простое, пляшъ 6 болшихъ, пуздерко шліонское, пляшъ болшихъ 3, а меньшихъ 4, пуздерко простое, пляшъ 5, пуздерко красное, пляшъ 4 болшихъ, а малыхъ 3 визолоченныхъ. Шандаловъ медныхъ 9 жолтихъ, старинникъ, болшихъ 3, а меньшихъ 6. Судно сѣдалное красного дерева, зъ лоханею медною. Сѣбѣрокъ шматъ. Сахару голова. Занковъ тулскихъ 7 медныхъ, комнатныхъ. Оружына турецкая. Лакейскихъ чоботъ двѣ пари. Ковдра великой постели, атласная красная, новая. Велькой чайныкъ медной, чайныковъ медныхъ жолтихъ 3, а красной медѣ 2, кофейникъ одинъ. Сукна простого бѣлого три круги, а два чорного. Два фанарѣ болшне, жестание. Три кухви вышніовки. Соли полтретъ кухви, кримки. Павиліонъ полосатій, старій. Красныхъ дергъ (?) три. Скрина обоеvь разноцвѣтныхъ 20 кускоvъ. Кофе куліокъ. Балаонъ тафлій, красній зъ висѣчкою, и зъ капѣшономъ. Мантилія сребная, зеленая, опушена горносталими. Башмаки парчевые, а другие перелевие. Лохань медныхъ жолтихъ — одна большая, а другая мѣншай. Въ другомъ амбарѣ, въ которомъ імѣется горѣлки куховъ 47, а въ другомъ 6, да въ Красномъ Хуторѣ 3 кухвы. Пшеницѣ двѣ скрыине и двѣ кухве. Лембикъ медной съ кришкою. Вовни кудель скрыиня. Коструль 8 медныхъ. Двадцать паръ веащины. На горѣ, казановъ винокурныхъ 4, ленбикопъ два, смушковъ чернихъ малыхъ 5. Шалатка зеленая одна. Саль девять. Съ вынокурнѣ Чодоловской казановъ робочихъ 6, трубъ 18. Карета зъ чахломъ, семостекловая, фрушталная, выбитаи алымъ трипомъ. Берлинъ краснимъ

сукномъ вибитой, спереду окно; берлинъ старой, такой же, спална роскошная, краснимъ сукномъ вибита, козирковъ два, еденъ краснимъ, а другой блакитнимъ сукномъ вибитие. Хамутовъ уборныхъ 6, зъ красними клѣщами, другой цуды хамутовъ 6 съ красними клѣщами, еще хамутовъ поезднихъ, зъ малюваними клѣщами, старихъ 4, а палубнихъ три хамута, старихъ. Бляшнихъ кантеровъ 6, лѣйцовъ ременнихъ двое, шоръ стариннихъ, лошадейнихъ, зъ бляхамы медними 6, а 8 безъ бляхъ, кантаровъ семъ безъ бляхъ, уздечокъ московскихъ простихъ 12. Лошадей цудовыхъ гнѣдыхъ 6, а темногнѣдыхъ тройка Грыгоровскихъ, да старихъ такихъ же особливо тройка, робочихъ лошадей 8, трохъ воронихъ, чалац, рижихъ двое, половай, и кличь сивая, да муковозской еденъ конь половой. При дворѣ Подолоевскому коровъ 4, телять двое, воловъ робочихъ 7 шаръ, свиней надворныхъ при виннице 33, въ сажѣ свиней 14, въ подсвинковъ столко жъ. Въ хуторѣ Красномъ. Винокурныхъ котловъ 3, трубъ 9, воловъ одна пара, въ сажѣ свиней 12, надворныхъ 28, поросать пятеро. Въ хуторѣ Менскомъ. Пчоль пней сто двое установлено въ имѣшанинь, овецъ старыхъ 93, козъ 4 и козловъ два, рогатого скота двадцатеро ноголова толко и кобила една въ хуторного.

Крѣпости на всѣ грунта недвижимie и облѣки при сребрѣ, за печатю сотника Огіевского, въ наволочки, въ скринѣ положенны при сребрѣ жъ. Вишепроименованного сначала описѣ сребра явилось по перевѣсу одинъ пудъ семнадцать фунтовъ съ половиною и съ четвѣтю; въ новыхъ ножахъ, безъ вѣделокъ, зъ железомъ, полчварта фунта, въ ножахъ всѣхъ, что въ пуделку зъ вилкамы, полдевята фунта, въ рондахъ зъ ремнями и удилами, 30 фунтовъ, въ сагайдакахъ 8 фунтовъ съ походомъ.

Сотникъ Кролевецкій Григорій Огіевскій. Бунчуковій товаřишъ Іванъ Ширай подпісался и печать приложилъ.

Коморникъ повету Стародубовскаго Іванъ Завадовскій подпісался и печать приложилъ.

Сія вышинь по доношенію умершой подскарбіиной генералной Мареи Степановни Скоропадской отъ дочери ея Анни Яковлевни Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію персонально поданному, наличныхъ движимыхъ ея, Чарнишевни, въ наслѣдіе оставшихъся вещей въ селѣ Подолонѣ, въ домѣ жиломъ и въ футорахъ, сотникомъ Кролевецкимъ Григоріемъ Огіевскимъ въ присутствіи двоюродныхъ братей ея, Чарнишевни, бунч. тов. Івана Шира да коморника полку Стародубовскаго Івана Завадовскаго учинена, и по

особливому доношенню опекуна оной наследиці дядь еи родного, подкоморого полку Стародубовскаго Михаила Ширая, точно отъ слова до слова въ мѣскую крепостную книгу вписанна, и при сей виписѣ зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи, при печати сотенной, въ силѣ права Малороссійскаго права книги Статута, розлѣла 6, артикула 4 означеному, опекуну виданна. 1764 года, марта 6 дnia. Писарь сотенный Кролевецкій Иванъ Сердюковъ. (*Съ подлинника*).

9. Протестъ дочери Якова Чарныша, Анны, противъ насилий тетки ея Прасковы Судченковой. 1765 г., 26 марта.

По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ полкового Нѣжинскаго суда г. подкоморого повѣту Менского Григория Фридрикевича женѣ Аннѣ Фридрикевичевої дана си выпись для того: Сего 1765 году, марта 26 д., она, Фридрикевичева, въ судѣ полковомъ Нѣжинскомъ, чресть повѣренного канцеляриста суда земскаго Михаила Губаревскаго, протестнимъ доношениемъ представила, что въ прошломъ 1764-мъ году, февраля 28 д., по смерти матери еи, Фридрикевичевої, Марфи Степановой, по второму мужу подскарбневої генералной Скоропадской, оставшася она, Фридрикевичева, въ сущемъ сиротствѣ, взата въ содержание и опекунство родными еи дядею г. подкоморимъ Стародубовскимъ Михайломъ Шираемъ и теткою, уловствующею сотниковою Новгородскою Параскевею Степановою дочерю Судденковою, (въ которой Судденковой домъ съ прошедшего 764 году, марта « » до 765 году, февраля по 18 число, до выходу еи, Фридрикевичевої, въ замуже за подкоморого повѣту Менского Григория Фридрикевича, безотлучно жила), а имѣниe, по смерти оной еи, Фридрикевичевої, матери, оставшоеся, недвижимое и движимое, единственно на еи Фридрикевичеву спадающее, по еи Фридрикевичевої доношению въ сотенную Кролевецкую канцелярию, прошедшего 1764 года, марта 4 д., поданному, отъ оной сотенной канцелярии описано и за оною описю тое имѣниe показанной дядя еи Шираи и тетка Суденкова въ безутратное содержание приняли, съ какого имѣния большая часть въ движимостяхъ, зъ сундуками, оною теткою еи взяты и отвезены въ домъ еи, въ Новгородокъ, въ цѣлому сохранению, чтобъ же и она Фридрикевичева съ тѣхъ своихъ имѣний чего либо и малѣйшаго до выходу своего въ замуже неутратила, о томъ съ нихъ еи, Фридрикевичевої, опекуновъ, предъ упомянутимъ дядею еи взята у неи, Фридрикевичевої, подписа,

которая де отъ еи, Фридрикевичевой, для того и дана, даби де оною могла она, Фридрикевичева, свое имѣние въ случаю отъ насилныхъ вимагателствъ защитить. Но напротиву де того предречеяна тетка еи Судденкова и синъ еи Иванъ Судденковъ, когда привезли еи, Фридрикевичеву, въ свой домъ, то зачали съ угрозами различными досадами и многими устрашениями принуждать еи, Фридрикевичеву, продать имъ хуторъ свой, имѣющийся въ сотнѣ Воронѣжской, провинцией Красной, сказывая, что мать еи, Фридрикевичевой, при своемъ скончании, говорила, даби она, Фридрикевичева, тотъ хуторъ продала еи, Судденковой, или сину еи Ивану Судденкову, неотмѣно, и деньги за оной употреблены бъ били на поминование оной умершей матери еи, Фридрикевичевой, о чёмъ де она, Фридрикевичева, не только не знаетъ, но и отъ другого никого, кромѣ ихъ, не слыхала, чтобъ мать еи, Фридрикевичевой, когда либо о продажи имъ того хутора говорила; да и матери де еи, Фридрикевичевой, никакой нужды ни имѣлося ради поминования о продажи имъ оного хутора думать или говорить, ибо де по смерти еи наличные деньги, какъ на поминование еи, такъ и для еи, Фридрикевичевой, остались, да и когда отъ сотеной Кролевецкой канцелярии, по прописаному еи, Фридрикевичевой, доношению чинена опись наследственнымъ еи, Фридрикевичевой имѣниемъ, (при которой описѣ показанна тетка еи, Судденкова, эъ синомъ своимъ Иваномъ находилась), то о продажи имъ оного хутора ни отъ оной тетки своей и ни отъ кого другого никакового упоминку не было да и упоминается де ни къ чему и никому было ни изъ чего, яко же мать еи, Фридрикевичевой, умре безъ всякого о движимыхъ и недвижимыхъ имѣнияхъ распределения, какъ де о томъ и въ вышеобявленомъ еи, Фридрикевичевой, доношении въ Кролевецкую сотенную канцелярию поданому скоро по смерти матери еи, Фридрикевичевой, именно прописано. Когда же де по тѣмъ предизображеніямъ правилнымъ обстоятельствамъ отъ насилной продажи оной тетки еи, Фридрикевичевой, и сину еи Ивану Судденкову она, Фридрикевичева, крайне отказывалась, то за сие самое, ожесточась, брали еи, Фридрикевичеву, безпремѣно устрашая, что она, Фридрикевичева, всѣми людьми будетъ за проклятую признана, если не сохранить матернаго якобы въ продажи имъ хутора приказаніи, именуя оное якобы приказание, или сказание рѣчи, иѣкимъ важнѣмъ завѣщаніемъ. Однажо жъ де она, Фридрикевичева, съ нихъ сину тетки еи, Фридрикевичевой, упомянутому Ивану Судденкову осмѣялась сказать, что хотя неволею они принудятъ еи подписать на

продажи хутора еи, Фридрикевичевой, но за еи, Фридрикевичевой, выходомъ въ замуже тотъ хуторъ она, Фридрикевичева, отобрать пмѣетъ, которой де Судленковъ за то осердись, съ бр:ю еи, Фридрикевичевой, говорилъ: когда де такъ думаетъ, то еи, Фридрикевичевой, по смерть въ замуже не отпадутъ, а какъ она, Фридрикевичева, въ отвѣтъ виговорила, что она уже имѣеть жениха и безъ ихъ видачи пойдетъ за него, то онъ зъ немалими укорителствами бранилъ еи, Фридрикевичеву, и ругалъ, страшая разными бѣдствиями, отъ какихъ де нападений и угрожений она, Фридрикевичева, занемогла и чуть было не умерла. Не бывши никогда въ таковыхъ напастехъ и бѣдствияхъ, воображая себѣ свое беспомощное спротство, съ которыми они еи, Фридрикевичеву, у себя содержали въ такомъ строгомъ бережении, что никуди еи, Фридрикевичевой, не выпускали, и не имѣла она ни одного такого случая, чтобы съ кимъ либо о семъ посовѣтоватся, словомъ сказать чрезъ все то время оная тетка и синъ еи Иванъ безъ себя никуди еи, Фридрикевичевой, не пущали и когда случалось одному съ нихъ куди отлучится, то другимъ безотступно она, Фридрикевичева, бережена. А между тѣмъ де упоминаемая тетка еи, Фридрикевичевой, и синъ еи Иванъ Судленковъ вздумали и сами написали писмо, которого за обявленiemъ еи, Фридрикевичевой, яко оное написано о продажи имъ нею, Фридрикевичевою, показаного хутора, хотя де она, Фридрикевичева, отъ таковой насилиной продажи, какъ и прежде того, вовсѧ отказывалась, но оные де Судленкова и синъ еи удостовѣрая, а притомъ и оболщаи еи, Фридрикевичеву, разными обнадеживаними, сказывали, что оное писмо о продажи того еи имъ хутора въ немалую и весма въ нужную матери еи ползу здѣлано, а напослѣдовъ долговремено отказавшуюсь еи, какъ беспомощную и беззащитную сироту, единственниими своими грозными устрашениями и зъ подъ неволѣ на ономъ писмѣ принудили подписаться и просили отъ подписи рукъ разновремено приезжавшихъ въ домъ оной тетки еи, Фридрикевичевой, Николая Юркевича, да согника Случановскаго, что де она, Фридрикевичева, и исполнить за страхъ и неволю принуждена била. А послѣ, подъ видомъ разглашеного ими виезду въ еи, Фридрикевичевой, маestность Щодоловъ, собравшись, показаная тетка еи, Фридрикевичевой, и синъ еи Иванъ Судленковъ взяли еи въ собою и поехали будто въ Подоловъ, не взявъ нарочно съ еи людей, при ней находившихся, ни одного слуги и ни одной дѣвки, кромѣ двухъ конюховъ, и нагло, не смотря на тогданшнюю превеликую стужу, въ открытихъ саняхъ повезли еи,

Фридрикевичеву, не въ Подоловъ, но прамо въ Глуховъ, куда и привезши позно въ вечеру, зъ жесточайшими надъ прежние устрашениями, изненоляли еи, Фридрикевичеву, во всю ночь ихать съ ними, поутру, до суди земского повѣту Глуховскаго г. Дергуну и все что имъ угодно и отъ нихъ еи, Фридрикевиченої, приказано о продажи имъ онаго хутора, говорить велѣли, сказывая, когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счастливою, а въ отмѣнномъ надъ ихъ волю случаи, нещасливою могутъ еи, Фридрикевичеву, вѣчно здѣлать, и не спуская еи зъ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣтся и о своей такой крайней бѣдности ножаловатся, поутру, какъ напрание разбудивъ еи, Фридрикевичеву, приказали одѣтся и, посадивъ въ сани, Иванъ Суденковъ привезъ еи въ домъ къ показаному судии Дергуну, знать съ такимъ намѣрениемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персональне подала оное писмо, на которомъ, какъ више значится, принудили еи подписаться. Однако она, Фридрикевичева, ни того писма и никакого, какъ оному судии Дергуну въ его домѣ, такъ и никогда на урадѣ, никому сама персонально не подавала, а за поворотомъ еи, Фридрикевичевой, на квартеру, оной Иванъ Суденковъ написавъ въ судь земскій повѣту Глуховскаго доношение и принудивъ еи, Фридрикевичеву, на ономъ подписаться, строго еи, Фридрикевичевой, какъ тетка, такъ и онъ запретили, чтобъ никому она, Фридрикевичена, не сказывала того, что онъ, Суденковъ, возилъ еи въ домъ къ прописанному судии Дергуну и того, что тамъ говорили, а потомъ онъ Суденковъ взялъ тое доношение, имѣвъ у себя упоминаемое наспло ими отъ еи, Фридрикевичевой, прежде взятое писмо, самъ, безъ еи персональной подачи и сознатія, ствердилъ, какъ она, Фридрикевичева, увѣдомилась въ земскомъ судѣ и яко все тое тетка еи, яко опекунка, надъ долгъ и совѣсть, въ отмѣнность законовъ, учвила, содержа еи, Фридрикевичеву, въ опеки въ своемъ домѣ съ крайнейшою еи, Фридрикевичевой, обидою и разоренiemъ и такимъ тайнимъ образомъ, что и первѣйший по правамъ опекунъ лада еи Ширайничего вѣдать не могъ о сей затѣненной, единственно для ползи оной тетки еи, здѣлки, а безъ его согласия оной тетки еи равнаго, но первѣйшаго опекуна, не токмо такого неправилного дѣла затѣватъ и вимагательствъ еи, Фридрикевичевой, наследникъ имѣній дѣлать, имѣа еи, Фридрикевичеву, въ полной своей волѣ, но и правилного чего либо начинать она тетка еи, Фридрикевичевой, не должна была, такъ де по тому писму, даби она тетка сама или еи наследники до обявленогъ Краснаго хутора не возжелали касатся, которой еи, Фридрикевичевой,

уралово отъ дядѣ еи, Ширая, яко первѣйшаго опекуна съ прочими недвижимими еи, Фридрикевичевой, добрами при виходѣ еи, Фридрикевичевой, эъ ихъ опеки въ наслѣдное владѣніе еи, Фридрикевичевой, съ наличностми отданъ, а для того де нинѣ, вышедши изъ опеки отъ оной тетки своей въ замуже, не пропуская правнаго времени, о всѣмъ прелизображеномъ виредь для видѣнія суду полковому Нѣжинскому претестуя и предоказаніе писмо, тако жъ и доношение, яко изъ подъ неволѣ и въ отмѣнность правъ отъ неи, Фридрикевичевой, взятое, которое писмо и доношение, какъ више значится, безъ персоналнаго еи, Фридрикевичевой, на урадѣ земскаго Глуховскаго суда призната и подачи поминутой тетки еи Судденковой съ сыномъ Иваномъ Суденкомъ въ ономъ судѣ подано, во всякомъ судѣ и правѣ вѣчными часи уничтожаетъ и опровергаетъ. При томъ же, ради предимѣючаго бить отъ еи, Фридрикевичевой, на комъ подлежитъ иску, и о ниже слѣдующемъ представляеть: первое, по виходѣ де еи, Фридрикевичевой, въ замуже, когда отъ опекуна дядѣ своего Ширая по вишенамѣнной отъ сотеной Кроловецкой канцелярии здѣланой описѣ отдача еи, Фридрикевичевой, имѣній, (съ которихъ въ недвижимые имѣнія она дѣйствително во владѣніе вступила), то зъ движимыхъ де имѣній, въ оной описѣ написанихъ, хотя иные получила, но многихъ вещей не явилось и ей, Фридрикевичевой, не отдано, о которыхъ неявившихся вещахъ при ономъ протестномъ доношении приложила реестръ. А сверхъ де того, по примѣчанію еи, Фридрикевичевой, нѣкоторие вещи въ клейнотахъ и въ прочихъ вещахъ неремѣнни, съ которихъ де иные, о коихъ еи, Фридрикевичевой, заходитъ сумнителство, при отдачи еи, Фридрикевичевой, запечатаны урадникомъ хоружимъ сотенимъ Новгородскимъ Григориемъ Налягакою, а другие изъ своихъ мѣстъ совсѣмъ винуты, такъ что только пустые мѣста остались, гдѣ находилось серебро, какъ то: въ нахтишномъ сундучке, да особливой ящицѣ, въ которомъ умывалница и кувшинъ серебрение били, пустой найденъ, и нинѣ имѣется; второе, въ упомянутой урядовой еи, Фридрикевичевой, наслѣдственикъ имѣній описѣ, между прочими, написано тако: крѣности на всѣ грунта недвижимые и облики, при сребрѣ, за печатю сотника Огиевскаго, въ наволочкѣ, въ скринѣ положены при сребрѣ жъ, а при отдачи еи, Фридрикевичевой, по оной описѣ, при прочихъ движимыхъ еи, Фридрикевичевой, имѣніяхъ содержанихъ, въ сундукахъ показываемою теткою Судденковою, въ домѣ еи въ Новгородку, на оной наволочки печати уже не было, которую роспечатаную наволочку издатчикъ

онихъ имѣній войскъ канцеляристъ Петръ Василичевичъ Заводовскій да хоружий сотенникъ Новгородской Григорий Налигака свидѣтельствовали, при битности Ивана Суденкова, и она, Фридрикевичева, распечатаную ону наволочку принялъ, а послѣ того онъ, Суденковъ, чрезъ показаного Заводовскаго, прислалъ къ ней, Фридрикевичевой, обликъ матери еи, Фридрикевичевой, данной отъ Забѣли, зъ чего дѣянствено, что онъ, Суденковъ, что хотѣлъ съ онай наволочки винулъ изъ обликовъ или крѣпостей еи, Фридрикевичевой, когда тотъ обликъ не въ наволочки былъ, но онъ Суденковъ изъ своихъ рукъ видалъ. И яко де въ онай наволочки положеніемъ обликамъ и крѣпостямъ еи, Фридрикевичевой, реестри или описъ по пересмотру тогда же обявленіемъ Заводовскаго не искалось, такъ и узнать инѣи, Фридрикевичевой нѣ изъ чего, что съ онихъ обликовъ и крѣпостей цѣло, а чево нѣтъ. Третее, движимые имѣнія тожъ единствено на еи, Фридрикевичеву, спадающе въ разныхъ вещахъ состоящие, за умертвиемъ матери еи, Фридрикевичевой, до приезду дядѣ еи и опекуна показаного Ширая въ Подоловъ и до учиненія по оному, поданому отъ отъ еи, Фридрикевичевой, доношению отъ Кролевецкой сотеной канцелярии имѣніемъ еи, Фридрикевичевой, описъ, чрезъ нѣсколько дней били, какъ и ввесь домъ, въ единственомъ тетки еи, Фридрикевичевой, онай Суденковой и сына еи Ивана Суденкова завѣдованиемъ, яко прежде смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ приехавшихъ, которими самими скоро по смерти матери еи, Фридрикевичевой, и ключи отъ всѣхъ сундуковъ и отъ всего, что въ домѣ было, въ ихъ руки забрати, и въ тихъ днѧхъ по смерти матери еи, Фридрикевичевой, пока опись сочинена и пока онай опекунъ Ширай прихжалъ, многне вещи расхищены и что отъ расхищенія остался могло, то все ли показано тѣмъ отъ ураду опредѣленіемъ для введенія въ опись, или что, какъ вищепоказано отъ всегоключи били у тетки еи, Фридрикевичевой, да и она, Фридрикевичева, въ тѣ пори, за еи несносною печалію, немогла ни во што вникать, и затѣмъ о предположеномъ расхищении, яко и не введеніи всего въ опись изъ еи, Фридрикевичевой, имѣній, имѣть она, Фридрикевичева, причину ~~сумнительнѣйшую~~ вищепрописанныхъ обстоятельствъ, такъ и ~~обличающіе~~ 1 ято ~~сундуки~~, которые отъ матери еи, Фридрикевичевой, въ сокровенію тетки еи Суденковой въ Новгородку, въ донѣ, еи поставлены ~~были~~, (за коими по совѣту г. маюра Якова Михайловича Скоропадскаго мать еи, Фридрикевичевой, перелъ своею кончиною, посыпала въ Новгородокъ для

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ „Кievskoj Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ; по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.